

Г. А. ДЗИДЗАРΙΑ

ТРУДЫ

III

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа

Георгий Алексеевич
Дзидзария

Труды

III

Из неопубликованного наследия

Сухум – 2006

ББК 63.3 (5 Абх.)

Д43

Утверждено к печати Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им Д. И. Гулиа АН Абхазии

Составители:

Куправа А. Э. – доктор исторических наук, профессор,
Дзидзария Г. Г.

Георгий Алексеевич Дзидзария

Труды

III

Из неопубликованного наследия

Редакционная коллегия

Доктор исторических наук, профессор **А. Э. Куправа** (ответственный редактор), доктор исторических наук, академик АН Абхазии **О. Х. Бгажба**, кандидат филологических наук, доцент **В. Ш. Авидзба**, **А. Ф. Авидзба**, **С. Ш. Салакая** (ответственный секретарь)

Серия «Научное наследие»

Книга составлена из материалов личного архива выдающегося абхазского ученого Георгия Алексеевича Дзидзария, в которую вошли неизданные научные труды, доклады, речи, эпистолярное наследие, материалы загранпоездки и др. Они раскрывают широту интересов и творческих замыслов ученого, его вклад в абхазоведение, в развитие науки и образования, многостороннюю общественную и государственную деятельность.

Книга рассчитана на ученых, педагогов, студентов и широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей и проблемами общественно-политической жизни Абхазии 40-х – 80-х гг. XX века.

СЛОВО О Г. А. ДЗИДЗАРΙΑ

Георгию Алексеевичу Дзидзария – выдающемуся абхазскому советскому историку-кавказоведу в ряду крупнейших деятелей науки страны по праву принадлежит одно из первых мест. Он внес огромный вклад в развитие отечественной истории. Г. А. Дзидзария одновременно являлся видным общественным деятелем государственного масштаба, умелым организатором науки, вел большую работу по подготовке научных и педагогических кадров.

Г. А. Дзидзария родился 23 апреля (6 мая) 1914 г. в с. Лыхны Гудаутского участка в семье крестьянина. Отец его Алексей Аджгериевич, известный во всей Бзыбской Абхазии нетерпимостью к социальной несправедливости, состоял в крестьянской дружине «Киараз», активно участвовал в освободительном движении - сидел в Сухумской тюрьме. Осенью 1918 г., преследуемый меньшевистскими властями, он ушел из жизни.

Георгию (Шота) тогда было 4 года. Матери его Зизе, сестре известных деятелей киаразовского движения – Игнатия, Евстафия и Алексея Вардания, пришлось в невероятно трудных условиях растить детей. Любознательный Георгий внимательно слушал рассказы о революционном движении, о подвигах его отца Алексея. События этого бурного времени оказывали влияние на формирование мальчика...

В 1924 – 1929 гг. Георгий учился в Гудаутском детском доме-интернате, а затем в Сухумской образцовой абхазской школе-интернате. В 1934 – 1939 гг. он студент Московского Института истории, философии и литературы (МИФЛИ). В этом престижном тогда учебном заведении он получил основательное историческое образование. В своей автобиографии Г. А. Дзидзария пишет: «Здесь мне довелось учиться у таких выдающихся русских историков, как академики Ю. В. Готье, Е. А. Косминский, М. Н. Тихомиров, С. В. Бахрушин, И. И. Минц и др., которые сыграли большую роль в моем формировании как историка».

После окончания вуза, в 1939 г., Г. А. Дзидзария возвращается в Абхазию, где и посвящает себя научно-педагогической работе. В том же году приступает к работе в Абхазском научно-исследовательском институте (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии) – в начале младшим, затем старшим научным сотрудником. В 1953 - 1957 гг. он заместитель директора по научной работе, а с 1966 по 1988 г. – директор этого института.

С 1939 г. Г. А. Дзидзария работу в научно-исследовательском институте совмещает с преподаванием истории СССР в Сухумском пединституте, в 1957 – 1966 гг. является ректором этого вуза, в дальнейшем, по совместительству, профессор кафедры истории СССР. После создания Абхазского государственного университета, в 1979 - 1988 гг., читает в АГУ курс истории Абхазии XIX – начала XX в., возглавляет филиал кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии этого вуза, организованный при Абхазском институте. В одно время читал курс истории Абхазии в Тбилисском госуниверситете.

В 1946 г. Г. А. Дзидзария защитил кандидатскую, а в 1958 г. – докторскую диссертации; в 1960 г. был утвержден в ученом звании профессора; в 1974 г. избран член-корреспондентом АН ГССР.

Г. А. Дзидзария – один из тех, кто стоял у истоков становления абхазской исторической науки, основы которой закладывались в условиях отсутствия профессиональных национальных ученых-историков, историографической традиции и скудной источниковедческой базы. Одновременно приходилось преодолевать материальные трудности, морально-психологическое давление. До 1956 г. его семья, где росло четверо детей, проживала в одной комнате при общежитии пединститута. После известного письма 1947 г. Г. Дзидзария, Б. Шинкуба, К. Шакрыл подвергались жестокому преследованию. Г. А. Дзидзария в начале 1949 учебного года был отстранен от лекторской работы в пединституте – «выражено политическое недоверие», – затем ему дважды в категорической форме предписывается «освободить занимаемую жилплощадь в общежитии лекторов»; «в случае не освобождения» директор Института Р. Цулукидзе угрожал «дело передать в прокуратуру».

Г. А. Дзидзария свой исключительный талант, незаурядную умственную энергию посвятил исследованию отечественной истории. Им владело страстное стремление быть «историком точным», и он старался быть таковым, насколько это было возможно в условиях чрезмерно политизированной общественной жизни. Он в архивохранилищах страны по крупицам выявляет, исследует и вводит в научный оборот огромный документальный материал.

Исследования Г. А. Дзидзария базируются не только на достоверной источниковедческой базе, но и на всестороннем знании народной жизни, хозяйства и быта абхазских крестьян, их национального характера, психологии и традиций, что делает его

глубоко национальным ученым. Роль его трудов значительна в формировании исторического самосознания народа.

Творческую деятельность Г. А. Дзидзария нельзя ограничить рамками узкого понимания патриотизма - он поднялся выше. Он был проникнут народным духом. Более того, в культурном и духовном творчестве абхазского народа историк четко усматривал общечеловеческие ценности непреходящего значения. Величие Г. А. Дзидзария как ученого-историка и мыслителя состоит именно в подлинно научном понимании им общечеловеческого значения материального и духовного творения абхазского народа. Он увидел и уразумел вклад немногочисленного абхазского народа в кавказскую и общечеловеческую культурную сокровищницу.

В библиографии ученого более 400 опубликованных работ, из них более 150 научных трудов, в том числе 50 монографий, сборников и брошюр.

Г. А. Дзидзария – признанный и непререкаемый авторитет по истории Абхазии XIX - первой четверти XX века. Этот период один из самых сложных, противоречивых, полный бурными, порой весьма трагическими событиями, этапов в истории Абхазии. И, благодаря, прежде всего именно фундаментальным трудам Г. А. Дзидзария он является наиболее глубоко исследованным в нашей историографии.

Широкую известность и признание в научных кругах республик Кавказа и бывшего Союза приобрели капитальные монографии Г. А. Дзидзария, посвященные истории Абхазии XIX века: «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.)» - [Сух.: 1958 - 512 с.], «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» - [Сух.: 1975 – 526 с.; 1982 – 530 с.], «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» - [Сух.: 1979 – 354 с.], «Восстание 1866 года в Абхазии» - [Сух.: 1955 – 227 с.], «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение» - [Сух.: 1960 – 272 с.] и другие.

В монографии «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.)» на основе большого количества архивных и других документальных и литературных материалов, а также данных этнографии, фольклора, языка и других источников тщательно исследованы основные отрасли сельского хозяйства: пчеловодство, виноградарство и виноделие, плодоводство, охота, рыболовство; домашняя промышленность и

ремесло: обработка металла, камня, дерева, кожи, гончарное дело, ткачество, шорный промысел, изготовление мыла, пороха, добыча (выпаривание) соли и т. д. Показаны место и значение отдельных отраслей сельского хозяйства и домашней промышленности и ремесла в экономической жизни страны; культурные традиции абхазских крестьян во всех этих сферах хозяйственной деятельности.

Г. А. Дзидзария – первый абхазский ученый, который скрупулезно изучил социальную структуру абхазского общества XIX в. Он дает по возможности обстоятельное определение социального лица и общественного положения каждого социального субъекта абхазского общества XIX века: феодальной верхушки – атауад, аамста; категории крестьян – анхаю, ахоюу, ахашвала, амацуразку, азаты. Выясняет условия возникновения и формирования каждой из этих категорий, различия между ними в правовом и экономическом положении, отношение их к владельцу, подати и повинности, лежавшие на них. Г. А. Дзидзария подробно исследовал абхазскую общину: его пережиточные формы в XIX веке, некоторые ее особенности, место патриархально-общинного уклада и архаических обычаев и порядков в жизни феодальной Абхазии. Значительный интерес представляет его суждение об институте асацства.

Г. А. Дзидзария внес большой вклад в изучение восстания 1866 года в Абхазии. В своей монографии, посвященной этому событию, он дает всестороннее научное исследование сложного по своему характеру и целям и неоднородного по социальному составу крупного крестьянского движения. Ученый вскрывает и обосновывает общие и непосредственные причины восстания, определяет характер и движущие силы, широко освещает ход, причины поражения и последствия восстания. Г. А. Дзидзария аргументированно обосновал вывод о том, что главной движущей силой восстания были крестьяне, убедительно показал антифеодальный и антиколониальный характер восстания, его прогрессивное значение. Эта книга плод многолетнего скрупулезного научного разыскания, первая монографическая публикация Г. А. Дзидзария. Она была издана после перенесенного им тяжкого политического шельмования, явилась свидетельством огромной силы воли и незаурядного таланта автора. Книга принесла ему известность в научном мире.

К 150-летию присоединения Абхазии к России вышла книга Г. А. Дзидзария «Присоединение Абхазии к России и его историческое

значение», в которой этот исторический акт рассматривается на широком фоне развития России и той исторической обстановки, которая сложилась на Ближнем Востоке в начале XIX в., в связи с «восточным вопросом» в целом. Г. А. Дзидзария приходит к выводу, что в сложившихся тогда условиях это было единственно правильное решение, избавившее абхазский народ от этнической разобщенности, феодальной раздробленности и междоусобных войн, устранившее угрозу окончательного порабощения со стороны султанской Турции. В работе показаны прогрессивные последствия присоединения в социально-экономической, политической и культурной жизни Абхазии. В то же время автор раскрывает цели завоевательной политики царизма, отрицательные последствия колониального режима, жестокость военачальников, неограниченный произвол местной администрации, умышленную консервацию царизмом развития экономики и национальной культуры. Книга в основном соответствует духу концепции советской исторической науки того времени. Ученому удалось преодолеть известный разнобой, имевший место в работах советских историков, в рассматриваемом вопросе – «абсолютное зло», «наименьшее зло», «абсолютное благо». Однако, к сожалению, при освещении процесса завоевательной политики царизма, он частично отошел от некоторых своих верных положений, содержащихся в его работах конца 30-х – начала 40-х годов.

В научном наследии Г. А. Дзидзария особое место занимает монография «Махаджирство* и проблемы истории Абхазии XIX столетия» -- летопись абхазской трагедии века, памятник жертвам Кавказской войны. Книга написана на основе тщательного изучения обширного фактологического материала, извлеченного автором из архивов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Краснодара, Сухума, а также документальных публикаций, мемуарных произведений, материалов периодической прессы и других источников. Г. А. Дзидзария ввел в научный оборот много уникальных документов, которые десятилетиями оставались недоступными, и без которых невозможно было так глубоко осмыслить сложные процессы, связанные с

*Слово «хиджра» (араб.) означает «переселение». В контексте истории Кавказа XIX века «махаджирство» используется в значении «изгнание», а еще точнее как «вынужденное и насильственное переселение» аборигенов Кавказа в пределы Османской (Турецкой) империи.

махаджирством, тем более, что отдельные события казались даже загадочными. Абхазское махаджирство рассматривается как часть переселенческого движения народов Кавказа, а махаджирская проблема в целом – на широком фоне международной политики ряда европейских держав на Востоке. Это позволило автору всесторонне охарактеризовать историческую обстановку переселения и вскрыть основные причины махаджирства. Из всего содержания книги совершенно ясно вытекает, что махаджирское движение не имело причинной связи с внутренними процессами развития Абхазии, наоборот, оно было чуждо народу, который был крепко привязан к родной земле и на протяжении тысячелетий мужественно защищал ее от многочисленных завоевателей.

Махаджирство в Абхазии и на Кавказе в целом, как это хорошо показано в книге, продолжалось в течение почти всего XIX в. Однако это движение имело несколько основных этапов, связанных с крупными внутренними и международными событиями. Г. А. Дзидзария в этом ракурсе обстоятельно исследовал массовое махаджирство 1867 и 1877 гг.; показал, что именно на этих этапах переселенческая проблема превратилась в важный вопрос внешней и внутренней политики как России и Турции, так отчасти европейских держав, особенно Англии. Захватнические интересы Англии на Кавказе в книге рассматриваются как часть британской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке, в плане борьбы против интересов России. Соперничавшие с Россией страны достаточно ясно осознавали стратегическое положение Абхазии, связывающей Закавказье с Северо-Западным Кавказом. Этот факт не в меньшей степени оценивался и Россией, которой обладание абхазским побережьем давало возможность вплотную подойти к горским племенам, находившимся под влиянием Турции и закрывавшим доступ к Черному морю.

Г. А. Дзидзария сделал попытку определить примерное количество переселенцев. При этом он выясняет характер исхода населения с исторической родины в каждом конкретном случае, дает подробное описание трагических условий переселения и еще более трагического положения кавказцев в Турции. Автор показывает, как царское и турецкое правительства всячески препятствовали обратной миграции абхазов, какие огромные трудности приходилось преодолевать махаджирам при возвращении на родину.

Г. А. Дзидзария, наряду с поставленной главной проблемой, осветил и ряд других вопросов истории Абхазии и Кавказа XIX века: русско-

турецкое противостояние на Западном Кавказе в первой половине XIX в., англо-турецкие устремления на Кавказе накануне войны 1877–1878 гг., русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Абхазия, колонизация Абхазии и многие другие.

Монография Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» вызвала большой интерес среди ученых страны и у широкого круга читателей. Эту объемистую книгу стали читать и перечитывать люди разных возрастов, в том числе и пожилые, которые немало слышали от своих отцов и матерей об описывавшихся в книге событиях. За эту работу ее автору была присуждена Государственная премия Грузинской ССР (1979 г.).

Многолетнее изучение вопросов истории культуры и общественного движения в Абхазии XIX – начала XX века Г. А. Дзидзария подвигнуло к исследованию еще одной важной проблемы, а именно проблемы формирования абхазской интеллигенции, которой он посвятил фундаментальную монографию «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции». Богатейший материал позволил ему обстоятельно охарактеризовать основные этапы становления и развития абхазской интеллигенции, рассмотреть различные ее группы, осветить деятельность передовой демократической интеллигенции, которая была тесно связана с народом, старалась способствовать развитию в Абхазии просвещения, науки, литературы, искусства. В монографии прослеживается рост рядов интеллигентов–революционеров Абхазии в ходе развития российских революций, раскрывается их роль в освободительном движении, в общественно-политической и государственной жизни Абхазии.

Г. А. Дзидзария в неразрывной связи с историей интеллигенции рассматривает широкий круг вопросов культуры: просвещение, абхазскую письменность, издание учебной литературы, развитие литературного языка и т. д.

В монографии освещается деятельность абхазов, служивших вне Абхазии, в частности, военных, получивших специальное образование в России и находившихся в среде русского офицерства, а также деятелей культуры, проявивших глубокий интерес к грузинской или русской культуре. За эту работу в 1980 году Г. А. Дзидзария была присуждена Государственная премия Абхазии им. Д. И. Гулиа.

Г. А. Дзидзария написал ряд работ, которые по своему значению выходят за рамки собственно истории Абхазии. Так, в 1976 году в

Москве в издательстве «Наука» вышла книга «Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы», в которой освещается литературная, военная и дипломатическая деятельность этого яркого представителя прогрессивного русского офицерства периода присоединения Кавказа к России. В ней дается подробная характеристика опубликованных и рукописных материалов Ф. Торнау по истории, этнографии, исторической географии, топонимике Западного Кавказа, широко освещающих картину жизни кавказских народов первой половины XIX в. Для нас особенно ценны сведения Ф. Торнау об убыхах, джигетах (садзах) и других племенах, прекративших свое бытование на родной земле через три десятка лет после первого непосредственного знакомства его с данным краем. Г. А. Дзидзария собрал биографические данные о Ф. Торнау, дает оценку его интересной личности. Он полагает, что Л. Толстой читал записки Ф. Торнау и положил их, наряду с другими источниками, в основу своей повести «Кавказский пленник».

Познавательный и научный интерес представляют работы Г. А. Дзидзария «Декабристы в Абхазии» (Сух., 1970) и «Ссылные декабристы на Западном Кавказе» (Труды. 2. - Сух., 1990), освещающие одну из весьма сложных, трагических и поучительных страниц истории Абхазии, Западного Кавказа и русской культуры. Г. А. Дзидзария в книге раскрывает жизнь и деятельность, сосланных на Кавказ декабристов и лиц, связанных с ними по единому мнению или по службе. Факты из жизни и деятельности в Абхазии и на Западном Кавказе декабристов: А. А. Бестужева-Марлинского, его брата П. А. Бестужева, С. И. Кривцова, В. С. Норова, Н. Н. Раевского, А. А. Фока, А. И. Одоевского и десятков других, впервые собраны с такой тщательностью. Многие из них, ознакомившись с Абхазией, сделали немало для того, чтобы обратить внимание общественности России на бедственное положение этого края. Они резко осуждали военно-колониальный режим, установленный царизмом. Вопреки реакционной политики царизма, как это показывает Г. А. Дзидзария, эти прогрессивные представители русской интеллигенции в силу своих возможностей оказывали плодотворное влияние на развитие Абхазии. Они завязывали дружественные и культурные связи с коренным населением. Работа о декабристах вызвала большой интерес среди ученых, деятелей культуры, общественности. Очень тепло отзывались о книге русский поэт А. Т. Твардовский, писатель К. Симонов и другие. В письме К. Симонова к Г. А. Дзидзария читаем: «Я прочел эту работу

с очень большим интересом. Для меня в ней очень много нового, заставляющего еще раз заново обдумывать эту интересную и сложную эпоху, эти драматические и в какой-то мере героические людские судьбы. Меня очень привлекло в Вашей работе то, что Вы не обходите в ней острых углов, не боитесь тех сложностей, которые обусловлены двойственным положением декабристов на Кавказе – с одной стороны, противников николаевского режима, а с другой – по долгу военной службы его слуги в деле покорения Кавказа».

К этой проблематике примыкает работа Г. А. Дзидзария «Участники польского движения 20-40-х гг. XIX в. в Абхазии». Автор касается деятельности и тех, которые работали и в других районах Кавказа. Многие из них продолжали здесь справедливую войну, в отдельных случаях – совместно с декабристами. В работе приводятся материалы о том, как русские и польские солдаты (разжалованные лица) убегали с береговых укреплений в абхазские горные общества, обосновывались там, переходили на сторону боровшихся за свободу горцев.

Г. А. Дзидзария уделял пристальное внимание разработке истории освободительного движения и революционной борьбы трудящихся Абхазии в период русских революций начала XX века. Этой проблематике он посвятил десятки интересных работ, которые были изданы в Сухуме, Тбилиси, Москве на абхазском, русском и грузинском языках. Среди них выделяются книги «Очерки истории Абхазии. 1910 - 1921 годы» (Тб.: 1963 – 405 с.), «Советская власть в Абхазии в 1918 году» (Сух.: 1972 – 135 с.), «Роль Советов и «Киараза» в истории революционной борьбы в Абхазии (Сух.: 1971 – 60 с.), «Киараз» (Сух.: 1981 – 83 с.) и другие. В них показаны тяжелые условия жизни трудящихся в годы первой мировой и гражданской войн, борьба народа за освобождение от социального и национального угнетения, деятельность абхазских революционеров, роль большевистских организаций в борьбе за Советскую власть. Обстоятельно освещаются история Советской власти в Абхазии в 1918 г.; героические сражения за ее защиту против регулярных войск грузинского меньшевистского правительства; террористические акции меньшевистского режима в Абхазии. Г. А. Дзидзария принадлежит исключительная заслуга в изучении истории «Киараза» - революционной крестьянской дружины, организованной в Бзыбской Абхазии в конце 1917 года по инициативе Н. А. Лакоба. Он исследовал состав этой организации, дал

характеристику руководителям данного движения, осветил основные вехи боевого пути «Киараза» в национально-освободительном движении в Абхазии, в борьбе за Советскую власть. Следует отметить, что оценка деятельности Абхазского Народного Совета, сделанная Г. А. Дзидзария, теперь в абхазской историографии пересматривается. По мнению профессора С. З. Лакоба, АНС, созданный 8 ноября 1917 года, представлял «новую реальную политическую силу и фактически орган власти» и, несмотря на то, что меньшевистские власти его трижды разгоняли, АНС стоял «в авангарде движения за восстановление абхазской государственности в течение четырех лет».

Г. А. Дзидзария первым обстоятельно изучил историю освободительного движения во время гражданской войны в Самурзакане, где в 1918 году Советская власть просуществовала шесть месяцев, оставаясь единственным советским регионом в Закавказье после падения Бакинской и Абхазской коммун. Показал вклад повстанческих отрядов этого района в революционно-освободительном движении в Абхазии.

Г. А. Дзидзария особое внимание уделял созданию базы источников по истории революционного движения. Он подготовил и опубликовал сборники документов и материалов¹, которые являются ценными источниками для исследователей гражданской войны в Абхазии.

При содействии и под редакцией Г. А. Дзидзария вышли воспоминания старых коммунистов, активных участников революционной борьбы: Конджария В. З., Матарадзе Н. И., Миканба М. Х., Шамба Е. К.²

Г. А. Дзидзария принадлежит значительная роль в развитии биографистики в абхазской исторической науке. Он выявил и издал работы первого абхазского ученого-этнографа С. Т. Званба³. В

¹ Борьба за советскую власть в Абхазии. 1917 - 1921 годы. Сух.: 1957. 219 с.; Борьба за Октябрь в Абхазии 1917 - 1921. Сух.: 1967. 255 с.; Трудящиеся Абхазии – В. И. Ленину. 1918, 1921 - 1924 годы. Сух.: 1970 и др.

² *Конджария В. З.* Мои воспоминания (записки старого коммуниста). – Сух. 1959; *Матарадзе Н. И.* Страницы прошлого (воспоминания старого коммуниста). – Сух. 1962; *Миканба М. Х.* Из воспоминаний старого коммуниста. – Сух. 1966; *Шамба Е. К.* Потоков рождение. Сух. 1966.

³ *С. Т. Званба.* Этнографические этюды. – Сух., 1955; *С. Т. Званба.* Абхазские этнографические этюды. – Сух., 1983.

последней, второй, книге ученый существенно переработал и дополнил биографо-библиографический очерк о С. Т. Званба, основанный на большом архивном и документальном материале.

Г. А. Дзидзария составил и опубликовал две книги о С. П. Басария⁴, в первую из них включены избранные научные и публицистические статьи, а во вторую – публицистические статьи, не вошедшие в предыдущую. В биографическом очерке, предпосланном второй книге, дается разбор отдельных дореволюционных статей С. П. Басария, глубокий анализ общественно-политических взглядов и гражданской позиции этого видного педагога, ученого-краеведа, общественного и государственного деятеля и мыслителя.

Г. А. Дзидзария составил сборник статей С. Я Чанба⁵, во вводной части которой он дал анализ статей, подметил интересные грани интеллекта и мировоззрения писателя и мыслителя.

Ряд работ Г. А. Дзидзария посвящены историческим произведениям Д. И. Гулиа и раскрытию его творческого образа⁶. В одной из них ученый пишет: «Д. И. Гулиа... энциклопедист в самом непосредственном смысле этого слова... В частности, он первый абхазский историк».

Ученый написал ряд юбилейных статей о А. М. Чочуа и вводную статью к его избранным сочинениям⁷, в которых отражена сложная, содержательная жизнь и деятельность выдающегося абхазского просветителя-педагога и общественного деятеля. Специальные очерки посвятил А. И. Чукбар, С. М. Ашхацава, Н. С. Патеипа и многим

⁴ С. П. Басария. Избранные сочинения. - Сух., 1967; Симон Басария. Биографический очерк. Статьи. - Сух., 1984.

⁵ Чанба С. Я. На пути к сознательности. Статьи и заметки. 1911 - 1916 годы. - Сух., 1982. 30 с.

⁶ Дзидзария Г. А. Д. И. Гулиа и вопросы истории Абхазии//Известия АБИЯЛИ. 1978. т. VIII. С. 3 - 12; *Его же*. Большой корабль (Д. И. Гулиа)// Алашара. 1964. №1. С. 49 - 54; *Его же*. Воспоминания о Д. И. Гулиа// Алашара. 1974. №2. с. 68 - 73 и др.

⁷ Г. А. Дзидзария А. М. Чочуа. Введение // Чочуа А. М. Собр. соч. В 3 - х томах. Т. I. Сух., 1968. С. 7 - 19; *Его же*. А. М. Чочуа. Введение // Чочуа А. М. Избр. соч. Тб. 1987. С. 3 - 14; *Его же*. Выдающийся деятель абхазской культуры (к 100-летию А. М. Чочуа). // Ашколи апстазаареи. 1979. №3. С. 14 - 19 и др.

другим народным просветителям. Он показал их деятельность на широком историческом фоне, открыл новые штрихи в их биографиях, ввел в научный оборот уникальные материалы, которые углубляют наши представления об абхазской культуре начала XX века и ее ведущих представителях.

Монография Г. А. Дзидзария о дореволюционной абхазской интеллигенции содержит биографические очерки десятков представителей первого поколения абхазской интеллигенции XIX столетия, имена и дела некоторых из них впервые стали достоянием читателей. Отдельным из них он посвятил статьи⁸.

В абхазской биографистике важное место занимают очерки о деятелях национально-освободительного и революционного движения, составленные и опубликованные по инициативе Г. А. Дзидзария⁹. Он соавтор и редактор этих книг. Они содержат биографические сведения о руководителях революционного движения и рядовых бойцах повстанческих отрядов, повествуют об их участии в освободительной борьбе, в государственной и общественно-политической жизни Абхазии после установления Советской власти. Значение этих очерков состоит и в том, что они восстановили добрые имена многих людей, ставших жертвами репрессий в период культа личности.

Г. А. Дзидзария автор монографических исследований о жизни и деятельности революционеров, политических и государственных деятелей: Е. А. Эшба¹⁰, Г. К. Орджоникидзе¹¹, Н. Н. Акиртава¹². Ему

⁸ Г. А. Дзидзария. Подвижник народного просвещения (Г. Ф. Шервашидзе) // Советская Абхазия, 24 сентября 1976; *Его же*. Исследователь Востока (М. К. Маргания) // Советская Абхазия, 13 июня 1978 г.; *Его же*. Педагог, публицист, краевед (А. М. Эмухвари) // Советская Абхазия, 19 сентября 1978 и др.

⁹ Борцы за Советскую власть в Абхазии. Сух.: 1965. – 263с.; Борцы за Советскую власть в Абхазии (ч. 2). – Сух.: 1973. – 319 с.; Борцы за Октябрь в Абхазии. Сух.: 1981. 138 с.

¹⁰ Г. А. Дзидзария. Ефрем Эшба (Биографический очерк). – Сух. 1967. – 118 с.; *Его же*. Ефрем Эшба. – М.: 1967. 70 с.; *Его же*. Ефрем Эшба. – Сух.: 1968. – 70 с. (на абх. языке); *Его же*. Ефрем Эшба: Революционер ленинской гвардии. – Сух.: 1983. 99 с. и др.

¹¹ Г. А. Дзидзария. Наш Серго. – Сух.: 1976. 83 с. и др.

¹² Г. А. Дзидзария. Николай Акиртава. – Сух.: 1985. 36 с. и др.

принадлежат обстоятельные очерки о Н. А. Лакоба¹³, В. Д. Лакоба¹⁴, В. К. Ладария¹⁵, И. Д. Вардания, В. А. Агрба, П. Е. Дзигуа и многих других. Г. А. Дзидзария считал своим нравственным долгом возвращение из небытия имен всех жертв политических репрессий, обрушившихся на Абхазию в годы Советской власти. И к выполнению этой миссии он активно привлекал своих коллег.

В научной биографистике Г. А. Дзидзария талантливо раскрыты характеры лиц, выступающих на исторической арене, ярко запечатлены людские судьбы.

Брошюры, журнальные и газетные статьи Г. А. Дзидзария, посвященные историческим событиям, персонажам и другим вопросам содержат малоизвестные факты, оригинальные мысли, выполняют научно-информативную и воспитательную функции.

Большое место в научно-исследовательской деятельности Г. А. Дзидзария занимала работа по созданию обобщающих коллективных трудов. Он один из ведущих соавторов и главный редактор очерков истории Абхазии, изданных в двух частях¹⁶. Впервые читатель в систематическом изложении получил историю Абхазии с древнейших времен до 60-х гг. XX века. Эти книги явились своеобразным итогом исторического абхазоведения и более двух десятков лет служили единственным пособием подобного рода. Г. А. Дзидзария соавтор и ответственный редактор фундаментальной монографии «История Абхазской АССР (1917 - 1937)»¹⁷, освещающей историю Абхазии революционного переходного периода от феодального и полуфеодального уклада к социализму в 20 - 30-х годах прошлого столетия. В книге показаны первые коренные социалистические преобразования в общественно-политической, экономической, социальной и культурной сферах, превращение крестьянской окраины

¹³ *Г. А. Дзидзария*. Страницы жизни Нестора Лакоба // Н. А. Лакоба. Статьи и речи. – Сух.: 1987. – С. 3 - 14; *Его же*. Борец за народное счастье (Н. А. Лакоба) // Вопросы истории КПСС. 1963. №5. С. 94 - 98 и др.

¹⁴ *Г. А. Дзидзария*. В. Д. Лакоба // История СССР. 1967. №4. С. 56 - 60 и др.

¹⁵ *Г. А. Дзидзария*. Верный сын партии (В. К. Ладария) // Труды Сухгоспединститута. 1966. Т. 18 - 19. С. 379 - 384.

¹⁶ Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. – Сух.: 1960. 312 с.; Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 2. – Сух.: 1964. 280 с.

¹⁷ История Абхазской АССР (1917-1937). – Сух.: 1983. 320с.

в аграрно-индустриальную республику. Г. А. Дзидзария соавтор первого вузовского учебного пособия по истории Абхазии¹⁸.

При активном участии Г. А. Дзидзария создавались юбилейные сборники о 40-лети и 50-лети Советской Абхазии¹⁹. Он соавтор и ответственный редактор книг, посвященных 50-летию Октябрьской революции²⁰, 100-летию В. И. Ленина²¹, 50-летию образования СССР²². Материалы юбилейных изданий рассказывают о создании в Абхазской республике угольной, электроэнергетической, чайной, табачной, эфиромасличной и других отраслей промышленности; о внедрении в социалистическое сельское хозяйство чая, субтропических, эфиромасличных и других сельскохозяйственных культур; о развитии культуры и просвещения, здравоохранения, курортов, туризма; о строительстве железнодорожного, морского и воздушного транспорта и т. д.

Г. А. Дзидзария важным делом для ученого-историка считал краеведческую работу, активно участвовал в создании краеведческой литературы, в разработке экспозиционных планов Абхазского государственного музея, Дома-музея Д. И. Гулиа, Мемориального музея Н. А. Лакоба и др. Долгие годы руководил научным обществом историков Абхазии и республиканской организацией общества «Знание». По его инициативе и при активном участии проводились выездные научные конференции, исторические чтения, обсуждение новых книг и встречи с читателями.

Самое активное участие принимал Г. А. Дзидзария в мероприятиях по общественным наукам, проводившихся в кавказском и общесоюзном масштабах. Он – участник XIII всемирного конгресса историков в Москве (1970). Выступал с докладом на международных, всесоюзных и региональных научных форумах. Его выступления получали высокую оценку научной общественности.

¹⁸ *З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа. История Абхазии. Учебное пособие.* – Сух.: 1986. 264с.

¹⁹ *Абхазская АССР.* – Сух.: 1961. 151с.; *50 лет Советской Абхазии.* – Сух.: 1971. 146с. (на абх. и рус. яз.).

²⁰ *Под знаменем Октября.* – Сух.: 1968. 252 с.

²¹ *По ленинскому пути.* – Сух.: 1970. 181 с.

²² *Абхазская АССР в братской семье советских народов.* – Сух.: 1972. 152 с.

Г. А. Дзидзария приложил много усилий к изданию документов и исторических материалов. Как выше было отмечено весом его вклад в публикации источников по истории гражданской войны. Он один из составителей и редактор сборника «Абхазия в период Великой Отечественной войны. 1941 - 1945 годы». (Сух.: 1978), редактор ряда других сборников и документов по истории Абхазии советского периода. Совместно с И. Г. Антелава и А. А. Олонечким он опубликовал в Москве и Тбилиси документы и материалы по истории крестьянской реформы и Абхазского княжества. В последние годы жизни он усиленно трудился над составлением сборников «Абхазия в документах и материалах (конец XVIII - XIX в.)» в пяти томах. В домашнем архиве сохранился перечень названий этих томов²³. О судьбе же самих материалов нам пока ничего не известно. Они могли сгореть во время поджога здания института грузинскими оккупантами в октябре 1992 года.

Долгие годы Г. А. Дзидзария являлся ответственным редактором периодических научных изданий – трудов Сухумского государственного пединститута и АБИЯЛИ им. Д. И. Гулиа, членом Главной редакционной коллегии Грузинской Советской Энциклопедии, членом редколлегии журнала «Алашара», ответственным редактором многих монографий по истории Абхазии.

Много внимания уделял Г. А. Дзидзария подготовке молодых научных кадров, руководил аспирантами и соискателями, выступал официальным оппонентом при защите докторских и кандидатских диссертаций. Под его научным руководством и непосредственном участии в качестве официального оппонента защищено свыше 20 докторских и кандидатских диссертаций.

Г. А. Дзидзария обладал незаурядными способностями педагога и воспитателя. Он подготовил сотни высококвалифицированных специалистов. Среди его воспитанников – немало видных ученых, заслуженных педагогов, известных государственных и общественных деятелей.

²³ Абхазия в документах и материалах (конец XVIII - XIX в.): Абхазское княжество в конце XVIII - первой половине XIX в. Т. I ; Абхазия в период Крымской войны и упразднения владетельского княжества. Т. II; Абхазия в период буржуазных реформ. Т. III; Абхазия в период русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. и массовой миграции (махаджирство.) Т. IV; Абхазия в конце XIX в. Т. V.

Как гражданин Георгий Алексеевич Дзидзария олицетворял лучшие черты человеческого характера – трудолюбие, скромность, мужество, простоту, высокое понимание гражданского достоинства и т. д. По природе своей он был человеком демократичным, ценил в человеке порядочность, аккуратность, смышленность. Умел выслушивать альтернативное мнение, считался с ним, честно высказывал свое отношение к делу. О нем друг студенческих лет Г. И. Каверин, будучи Генеральным консулом СССР в Мадрасе, в индийском журнале, редакция которого обратилась к нему с просьбой рассказать о человеке, который больше запомнился ему в жизни, писал следующее: «Разве это так просто – выделить в памяти только одного достойного человека из сотен замечательных советских рабочих, учителей, выдающихся руководителей и ученых, которых я встречал на своем жизненном пути? Но одного из них я помню, по имени Шота Дзидзария, с кем я вместе учился в Московском институте истории, философии и литературы, с кем долгое время жил в одной комнате, я никогда не забуду... Большие успехи и высокое положение портят некоторых людей. Но Шота остался по характеру таким же добрым и человечным. Образ этого человека навсегда останется в моей памяти». То же самое могут сказать о Георгии Алексеевиче все его друзья и воспитанники.

Г. А. Дзидзария был не только выдающимся ученым, но и крупным организатором науки. Последние 22 года своей жизни он успешно руководил деятельностью сложного, многопрофильного научного учреждения – Абхазским институтом языка, литературы и истории им Д. И. Гулиа. За эти годы научный потенциал института неузнаваемо вырос, он стал общепризнанным академическим центром абхазоведения. И в этом, несомненно, большая заслуга Г. А. Дзидзария и как директора и как крупного, плодовитого ученого. Он поддерживал связи со многими научными учреждениями и известными учеными страны.

Г. А. Дзидзария является одним из видных и авторитетных общественных и государственных деятелей республики. В 1957 - 1959 годах он заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, а с 1975 года и до конца жизни – Председатель Верховного Совета Абхазии. Трижды избирался депутатом Верховного Совета СССР, делегатом XXVI съезда КПСС и XVIII – XXVI съездов Компартии Грузии. В 1958-1988 гг. – член Абхазского обкома партии.

Многokrатно избирался членом правления всесоюзного общества «Знание», председателем правления Абхазской организации общества «Знание», председателем Абхазской организации общества историков. Являлся заместителем председателя Государственной Комиссии по унификации норм абхазского литературного языка при Совете Министров Абхазии и т. д.

Большие заслуги Г. А. Дзидзария перед народом и государством были отмечены многими наградами: двумя орденами Трудового Красного знамени, двумя орденами «Знак Почета», орденом Дружбы народов и другими.

Г. А. Дзидзария, как ведущий ученый-обществовед и государственный деятель, нес большую ответственность перед народом. Не раз он оказывался в водовороте сложных общественно-политических противоречий эпохи. Особенно болезненными были известные рецидивы обострения отношений между Грузией и Абхазией – конфликтные ситуации 50 - 80-х гг., которые периодически повторялись. Активно участвуя в их урегулировании, он хотел, чтобы руководители Грузии с большим пониманием отнеслись к абхазским проблемам, и используя свой опыт и авторитет, делал все возможное для этого. В критические моменты, когда очень обострялся конфликт, он с чувством горькой досады взволнованно говорил своим близким коллегам: «Руководители Грузии не могут понять наши проблемы. Что делать. Наверное, ничего не получится!»

Отягощали проблемы не только в 40-х – начале 50-х годов, когда его преследовали партноменклатура и КГБ, но и после партийной реабилитации, когда он активно включился в процесс возрождения республики. Бывали моменты, когда ему приходилось переносить тяжкие эмоциональные стрессы, задаваться вопросом: «А сделал ли я для своего народа все зависящее от меня». Георгий Алексеевич всегда находился со своим народом, преданно выполнил сыновний долг перед ним. И сегодня он со своим народом, его труды и идеи служили и всегда будут служить интересам людей.

Брачный союз со студенткой Сухпединститута Ольгой Александровной Герия оказался достойным. Они вырастили дочь Аннетту и троих сыновей – Астамура, Гудису, Адгура. Ольга была верным другом и помощником главы семьи. Первой читала работы мужа, некоторые сама печатала на машинке. Гостеприимная хозяйка, она радушно встречала родственников, друзей и товарищей Георгия,

всех гостей дома. Когда Георгия Алексеевича неожиданно поразила коварная болезнь и в Москве подтвердился диагноз, Ольга Александровна с грустью и присущей ей мужеством сказала: «... Диагноз плохой, он мало будет жить». По возвращении Георгия из Москвы внезапно у Ольги Александровны резко поднялось давление и 7 апреля 1988 г. она ушла из жизни, не стала свидетельницей кончины человека, с которым делила все радости и горести жизни.

Через два дня после похорон Ольги Александровны я зашел к Георгию Алексеевичу. Он сидел один у себя в кабинете. В ходе беседы, как бы ненароком, он сказал: «К Ольге Александровне часто приходила одна нуждающаяся женщина. Ольга принимала ее милосердно, беседовала с ней, оказывала материальную помощь. Сегодня утром эта женщина пришла и сказала мне: «Ольга была святая женщина». При этих словах на скорбном лице Георгия промелькнуло какое-то сияние, свидетельствовавшее о его внутреннем согласии с этими искренними, так много значившими для него словами.

Георгий Алексеевич пережил Ольгу Александровну всего на три недели. 7 мая 1988 г. благодарные соотечественники проводили своего славного сына в последний путь. Похоронен Георгий Дзидзария на Лыхнаште – исторической поляне, которую любовно называют в народе сердцем Абхазии. Такая великая честь была оказана ему народом.

Посмертно изданы два тома избранных произведений Г. А. Дзидзария²⁴. В настоящий том включены неизданные ранее научные труды, доклады, речи, эпистолярное наследие и другие материалы из домашнего архива ученого, выявленные составителями данного тома в ноябре - декабре 2003 года.

Данный том является первой книгой неизданного наследия Г. А. Дзидзария. Он открывает серию его наследия, в которой будут опубликованы документы и материалы по истории Абхазии XIX – XX вв., ранее неизданные научные труды, доклады, выступления, полевые записи, переписка, дневники, воспоминания и др. В домашнем архиве

²⁴ Г. А. Дзидзария. Труды. Книга первая. Сухуми. 1988. -408с.; *Его же*. Труды. Книга вторая. Сухум. 1990. 288с.

десятилетиями откладывались материалы различного происхождения по самым разным вопросам отечественной истории нового и новейшего времен, в том числе материалы, связанные с жизнью и деятельностью многих соотечественников - участников освободительного движения, деятелей Коммунистической партии, государства, культуры, просвещения, науки, а также редкие фотографии. Здесь хранится и личный архив Г. А. Дзидзария, который содержит сведения о его жизни и творчестве.

Следует отметить, что в домашнем архиве Г. А. Дзидзария хранится лишь часть его научного и архивно-документального наследия. По установленному в Абхазском институте распорядку научные сотрудники сдавали в институтский архив все материалы, которые они выявляли в архивохранилищах страны, а также материалы полевых экспедиций, нередко и письма личного характера, которые содержали научную информацию. Как правило, этот принцип строго соблюдался. Сам Г. А. Дзидзария был в этом деле примером. В октябре 1992 года вместе со зданием института, который варварски был сожжен, сгорели все рукописи научных сотрудников и научный архив института, который так старательно создавался в течение десятилетий при активном участии самого Г. А. Дзидзария. В тот же роковой и позорный в истории человеческой цивилизации октябрьский день был сожжен Центральный государственный архив Абхазии. Здесь сгорел личный фонд Г. А. Дзидзария (ф. 833, 1830 - 1967 гг., ед. хр. 23), в котором хранились выписки из работ Торнау, Лисовского, Чурсина, Нордестама по истории Абхазии (1830); рукопись по древней и средневековой истории Абхазии, Грузии и Кавказа С. М. Ашхацава (1940); протокол совещания по вопросу принятия нового абхазского алфавита (1935); материалы по празднованию 30-летия Сухгоспединститута (1962); материалы об участии трудящихся Абхазии в Великой Отечественной войне, об обороне Кавказа, по истории истребительных батальонов (1942 - 1947) и др.

Главными источниками неопубликованного наследия ученого являются материалы домашнего архива Г. А. Дзидзария, чудом уцелевшие во время грузино-абхазской войны (1992 - 1993) - стараниями членов семьи и соседей, закопанные в землю. Естественно материалы о Г. А. Дзидзария имеются в архивах Тбилиси, Москвы, в личных архивах его друзей и т. д.

Составление книг о наследии ученого предполагает длительную поисковую и научно-исследовательскую работу ученых. Возможно,

было бы целесообразно создать Комиссию по сохранению и разработке научного наследия Г. А. Дзидзария. Кстати, при непосредственном участии членов комиссии и ее содействии могут быть подготовлены и опубликованы избранные произведения Г. А. Дзидзария.

Первый раздел данной книги «Неопубликованные научные труды» открывается статьей «Завоевание Абхазии царской Россией», написанной в 1939 г. Эта курсовая работа студента выпускного курса МИФЛИ. Автор поставил перед собой цель исследовать «полувековую борьбу абхазского народа, отстаивавшего каждую пядь родной земли». В работе показаны основные этапы завоевательных операций и карательных экспедиций царских войск, покорение ими горных абхазских обществ и Западного Кавказа, участие Абхазии в Кавказской войне. Дается описание положения владетельных князей после вхождения Абхазии в состав царской империи: Сафарбея (Геоργия) Келешбеевича – власть которого «была полнейшей фикцией, лишенной всякой поддержки и силы в народе»; Асланбея Келешбеевича, который вел активные антироссийские военные действия, долгое время «пользовался авторитетом и находил поддержку в стране»; Дмитрия Георгиевича, «который был гораздо больше царским офицером, чем абхазским князем. Не пользовался никаким авторитетом среди всех слоев абхазского общества. Он осознавал, что владетелем скорее является его дядя, неугомонный Асланбей, чем он»; Михаила Георгиевича, оказавшегося зажатым в тяжкие тиски русско-турецких противоречий и ставшего их жертвой. Студент-исследователь обратил внимание на ряд интересных моментов. В рецензии на эту работу известный кавказовед, профессор Г. А. Кокиев писал: «Умение работать над первоисточником и книгою, умение обобщать научный материал, и, наконец, глубокий интерес к научно-исследовательской работе дают основание рекомендовать Г. Дзидзария в кандидаты в аспирантуру по истории народов СССР». Так делал первые шаги в науке будущий именитый ученый. Его путь в науке был долгим и кропотливым и насыщен новыми познаниями.

Г. А. Дзидзария еще в студенческие годы волновала трагедия убыхов, а после прочтения статьи С. Т. Званба (1809 - 1855) «Зимние походы убыхов на Абхазию», его охватило сильное желание побольше узнать об этом воинственном и свободолюбивом народе, следы которого на родной земле совершенно исчезли в пламени Кавказской

войны. Работа «Абхазо-убыхский союз в освободительной борьбе на Западном Кавказе в первой половине XIX века», которая датирована 1945 - 1947 годами, следствие его неподдельного интереса к судьбе убыхов. В своей работе он приводит следующие выдержки из воспоминаний Г. И. Филипсона и «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона: «...это самое воинственное и враждебное из племен, обитающих в Западной половине Кавказа»; они составляли «главное ядро, образцовый отряд» среди черкесских племен, бились «отчаянно впереди всех, в отступлении – сзади всех» и завоевали себе славу «лучшей в горах пехоты». Г. А. Дзидзария ярко показал убыхов в боевых действиях Кавказской войны, их особенную военную организацию, воинственный дух, предприимчивость, подробно описал славные страницы абхазо-убыхского союза в освободительной борьбе на Западном Кавказе в первой половине XIX века, т. е. Г. А. Дзидзария сделал то, что не мог сделать в указанной статье подполковник царской армии, дворянин С. Званба в силу своих политических убеждений, который убыхские походы в Абхазию свел к грабительским нашествиям.

В статье «К истории работорговли в Абхазии» отмечается, что работорговля (пленопродовство) в Абхазии, как и в других странах Кавказа, была развита с древнейших времен, показана как она происходила в средние века, особенно в позднее средневековье и в XIX в. «Ни одна война, – пишет Дзидзария, – ни один иноземный завоеватель в течении столетий не причинили стране столько вреда, сколько эта практика торговли живым товаром. Это было таким бедствием, которое граничит с настоящей катастрофой. Только очень стойкий народ мог сохраниться при таком чрезвычайно неблагоприятном, хронически разрушающим его организм явлении». Ученый предпринял попытку показать, как на протяжении последних тысячелетий менялись формы и масштабы этого трагического явления. Он отмечает следующие причины работорговли: античная колонизация, нашествие завоевателей, междоусобные войны, высокий спрос на невольничьих рынках черноморского и средиземноморского бассейнов, Малой Азии и других районов в юношах и девушках кавказского происхождения; указывает на условия, благоприятствовавшие торговле людьми – физико-географическое положение страны, социально-экономическая обстановка на кавказском побережье в позднем средневековье и новое время и др.; с горечью

говорит об участии абхазских феодалов в этой постыдной торговле. Когда читаешь эту статью – небольшую по объему, но насыщенную информацией, – ясно видишь, что на всех этапах истории были люди, которые творили зло, приносили бедствия и страдания своим ближним. Г. А. Дзидзария пишет о трагедии торговли людьми с болью в сердце. Это чувствуется в каждой фразе, со всей суровостью осуждающей злодеяния работоторговли.

В статье «Против искажения исторической правды», написанной вскоре после выхода антинаучной, проникнутой националистическим духом книги П. Ингороква «Георгий Мерчуле, грузинский писатель X века», Г. А. Дзидзария на основе неопровержимых, убедительных данных истории абхазского народа раскрывает лживые измышления фальсификатора истории, будто дикие «кавказские горцы» (абхазы) спустились с гор в XVII веке и заняли современную территорию Абхазии, а грузины влились и смешались с ними. Г. А. Дзидзария пишет: «... хорошо известно, что «апсуа» (самоназвание народа) – это и есть те же «абхазцы» (в прошлом абазги, апсилы), которые испокон веков населяют свою родную землю – Абхазию, являясь аборигенами последней, как об этом с несомненностью говорят многочисленные фактические материалы археологии, лингвистики, фольклора и той же абхазской топонимики». Г. А. Дзидзария, как свидетельствуют материалы, представленные в данной книге, в своих публичных выступлениях не раз говорил о большом вреде книги Ингороква, о том, как концепция автора и его сторонников ведет к отрицанию «всякой связи и всякого взаимовлияния абхазского и грузинского народов вплоть до XVII века», не укрепляет дружбу, а сеет рознь между народами.

Неопубликованные научные работы, доклады, выступления на научных форумах, на собраниях АН ГССР, вошедшие в книгу, раскрывают новые грани научных интересов и творческих замыслов ученого, дают дополнительные сведения о его активной позиции в науке и высоком авторитете в абхазоведении.

Выступления Г. А. Дзидзария на партийных собраниях первичной организации, пленумах и конференциях Сухумской городской и Абхазской парторганизаций, на сессиях Верховного Совета Абхазии касались самых различных животрепещущих вопросов науки и образования, партийной, государственной и общественно-политической жизни. Они свидетельствуют о его принципиальности в постановке

вопросов и при оценке фактов и явлений, имевших место в реальной жизни, о политической позиции и мировоззренческих взглядах ученого-коммуниста, о его верности принципам и нормам Коммунистической партии, преданности социалистическому строю.

В раздел загранпоездок включены краткие исторические справки о странах и дневники, составленные Г. А. Дзидзария. С 17 по 27 августа 1968 г. он вместе с Ш. Инал-ипа, В. Пачулиа и В. Авидзба был участником 37 - й Международной ярмарки в г. Измир. Эта была первая после 30-х гг. поездка абхазских ученых в Турцию. В записях неизгладимое впечатление оставляют описания о встречах с потомками абхазских махаджиров. Нельзя без волнения читать о трогательных приемах, обоюдном интересе побольше узнать друг о друге, сокровенных мыслях во время бесед, сердечных чувствах взаимоуважения и любви к своему общему корню – Апсны. Г. А. Дзидзария дает характеристики некоторым абхазским деятелям в Турции. Он пишет: «Омар Бегуа (Бюика) – высокий, худощавый, интеллигентное лицо, 68 лет... Весьма внимателен к своей речи. Говорит по-абхазски безукоризненно. В прошлом инженер лесного хозяйства. Разносторонне образованный. О. Бегуа – одна из выдающихся фигур и один из лидеров Кавказской эмиграции.

Сабри Бегуа (Ондер) – коренастый, молчаливый, но острый на язык. 55 лет. Чем-то похож на А. М. Лабахуа. Говорит по-абхазски хорошо. Владелец трех небольших заведений (кинотеатр, казино, гостиница)

Орхан Шамба – высокий, сильный, бывший чемпион Турции по борьбе. 42 года. Веселый и общительный. Говорит по-абхазски прекрасно. Из крестьян. Предки – из с. Эшера».

В дневнике описываются места крестьянских поселений и занятия сельского населения, отмечается, что дома «похожи на наши акуаскья», голубые горы - «прямо Абхазия». Дается информация о численности абхазцев в Турции (100 тыс. человек по неофициальным данным), об абхазских названиях сел, абхазских фамилиях и пр. Говорится о том, как интересуются образованные турецкие абхазы абхазскими писателями и учеными, проживающими на исторической родине и т. д.

В составе делегации Верховного Совета СССР Г. А. Дзидзария посетил Грецию (1964), участвовал в официальных приемах, трогательных встречах с простыми людьми страны, посещал исторические места, музеи, дворцы и т. д. Свои впечатления о них он образно отразил в дневнике. По возвращении же из Греции через газету

«Советская Абхазия» ученый поделился с читателями своими мыслями о поездке, где, в частности, отмечал: «Как историк, я с благоговейным трепетом осматривал бессмертные памятники греческого искусства. Нельзя не склонить головы перед неповторимым творением гения древней Эллады – Парфеноном афинского акрополя. Я лично посетил также Афинский университет». Г. А. Дзидзария по просьбе корреспондента Афинской вечерней газеты «Неа» опубликовал статью «Исключительно для «Неа». «Кавказ всегда имел связи с Грецией». Она включена в данную книгу.

Записи о поездке в Индию и Пакистан (1969) содержат впечатляющую информацию об этих странах. Привлекает внимание описание облика Дели и других городов Индии, их контрастов: с одной стороны – величественные архитектурные шедевры, дворцы, памятники выдающимся деятелям культуры, роскошные жилые районы, престижные учебные, научные и культурные заведения и т.д.; с другой стороны – «тягчайшая картина»; районы страшной антисанитарии, «почти голые, истощенные, полуживые люди», больные, прокаженные, «бродячий люд», люди, которые рождаются, растут и умирают на тротуарах, «священные коровы» на центральных улицах, «которым все позволительно» и т. д. В удивительной стране Индии Георгий Алексеевич увидел насколько велика здесь пропасть между бедными и богатыми, он был глубоко этим потрясен.

Все то, что видел и слышал во время загранпоездок Г. А. Дзидзария воспринимал глазами и представлениями советского ученого-историка, государственного деятеля и кавказца, воспитанного на абхазских народных традициях. Естественно, соответственно он реагировал и оценивал все увиденное и услышанное.

Из богатого эпистолярного наследия ученого в книгу включены некоторые официальные письма общественного звучания. Среди них известное письмо от 25 февраля 1947 года в ЦК ВКП (б) научных сотрудников Абхазского института Георгия Дзидзария, Баграта Шинкуба, Константина Шакрыл. Сохранился оригинал, написанный красивым, четким и твердым почерком Георгия Алексеевича. В этом письме верные сыны народа подняли голос протеста против ставшей официальной в условиях культа личности преступной антиабхазской политики – перевода обучения в абхазских школах на грузинский язык, грубейшего преследования языка, культуры, истории абхазов, абхазских национальных кадров и других действий, направленных на

насильственную ассимиляцию народа. За это они были строго наказаны по партийной линии, объявлены буржуазными националистами и злостными клеветниками, подвергнуты травле и моральным репрессиям. В 1953 году, после смерти Сталина и Берия, когда положение стало меняться, Сухумский горком партии предложил Г. А. Дзидзария, Б. В. Шинкуба (К. С. Шакрыл тогда не было в Абхазии) подать заявление о снятии с них партийного взыскания. Они отказались, потребовав отменить это решение. Поэтому поводу им пришлось обратиться к первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву. На основании этого заявления 15 октября 1953 г. бюро ЦК КП Грузии отменило решение бюро ЦК Компартии Грузии 1947 г. В этот день, 15 октября 1953 г., Г. А. Дзидзария и Б. В. Шинкуба в заявлении на имя первого секретаря ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе писали: «Мы еще раз просим: а) отмены решения бюро ЦК КП Грузии от 8 августа 1947 г. по нашему вопросу, как неправильного; б) реабилитации нас перед партийной организацией, поскольку мы в течении ряда лет являлись объектом организованной травли и злостной клеветы». Шесть лет они находились под тяжелым партийным прессом, который в любой момент мог обернуться более тяжким исходом. Как теперь выясняется из материалов КГБ, Г. А. Дзидзария был первым в списке абхазских деятелей, подлежащих физическому уничтожению. К счастью, этого не произошло. А письмо абхазских ученых в народе по-прежнему звучит как яркий голос народной совести и чести.

Письма, вошедшие в данную книгу, проливают свет на многие аспекты общественной и научной жизни Абхазии 40 – 80-х гг. XX столетия, волновавшие ученого. Они содержат уникальные факты, принципиальные оценки, а иногда просто отношение и взгляды самого автора на многие негативные явления. Все это, безусловно, представляет определенный научный и познавательный интерес.

В приложении к книге представлены некоторые материалы биографического характера, в том числе собственноручно написанная автобиография (1986), отчеты о научных командировках (1951, 1952), о научной работе (1952) и др.; отдельные документы, адресованные Г. А. Дзидзария и другие. Сюда же включены и материалы справочного характера, найденные в архиве ученого, без подписи и даты, но с правками самого Г. А. Дзидзария.

При подготовке книги к публикации мы стремились по возможности сохранить авторское изложение без редакционных правок.

подавляющее большинство материалов печатаются полностью. Лишь в некоторых из них сделаны незначительные сокращения, которые, как правило, устраняют явные повторы идеологического содержания, нередко встречающиеся в речах ученого на партийных форумах и других выступлениях. Все опущенные места обозначены отточием, заключенным в квадратные скобки. А те речи и выступления, которые печатаются со значительными сокращениями, оговорены в заголовке предлогом «Из».

Подготовка данного тома для публикации стала возможной благодаря помощи членов семьи Г. А. Дзидзария. Составители выражают благодарность дочери Аннетте Георгиевне, сыну Астамуру Георгиевичу и внуку Георгию Тариеловичу Чукбар за большую помощь в выявлении материалов для книги, предоставлении и отборе фотоиллюстраций; правительству республики за финансирование издания.

Комментарии к текстам сборника составлены С. Ш. Салакая и А. Ф. Авидзба.

А. Э. Куправа
доктор исторических наук, профессор.

РАЗДЕЛ I

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

ЗАВОЕВАНИЕ АБХАЗИИ ЦАРСКОЙ РОССИЕЙ

В июле 1810 г. русский десантный отряд занял Сухумскую крепость. Сафар-бей переехал на жительство в Сухум, единственное место в Абхазии, где он мог чувствовать себя безопасно под защитой русских штыков.

Захват Сухум-Кале – это начало завоевания Абхазии. Но то, что последовало дальше, в конце концов, оправдывает возникший у некоторых неправильный вывод, будто бы взятие Сухум-Кале означало взятие Абхазии. Для прочного укрепления в Абхазии понадобилась полувековая война с абхазским народом, отстаивавшим каждую пядь родной земли. Захват Сухума лишь способствовал достижению этой цели, и в конечном итоге, колониальная экспансия царской России в Абхазии закончилась завоеванием последней.*

Сафар-бей-Георгий неоднократно обращался к русскому военному командованию о помощи в борьбе с феодальной оппозицией, возглавляемой Аслан-беєм. Из его писем видно, что "партия его слишком слаба, – писал генерал Симонович¹ Тормасову – против него соперники, не более как в 20-ти верстах от крепости приверженные Аслан-бею абхазцы грабят скот и похищают лошадей. Для истребления сих беспорядков и вообще дабы мог он управляться с Абхазиею «как изъясняет Сафар-бей просил меня прислать к нему родственника его кн. Манучара Шервашидзе с войском и мингрельского протопопа Иоанна Иосияни об удовлетворении каковому требованию и писал я к мингрельской правительнице»².

В апреле 1818 г. Сафар-бей снова обращается с письмом к ген.-м. Курнаговскому, где извещал последнего о неповиновении народа и просил, чтобы дали хотя бы мингрельские и имеретанские войска «дабы силою оружия унять их (неповинующихся – Г.Д.) от противных правительству поступков»³.

* Первые два абзаца отсутствуют в рукописи. Они восстановлены по книге Г. А. Дзидзария «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми. 1940. - С. 27, 31.

В Абхазию русским командованием по просьбе Георгия был послан полк. кн. Николая Дадияни. Удалось привести в повиновение Хасан-бея и мать его Ребиа-Ханым, которые дали аманатов и поруку. Усмирили и двоюродного брата Али-бея с его князьями и дворянами, Телажи Лақырба, Джамулета Лақырба, Каца Марганя с его братьями и сыновей Тамучока Марганя, взяв от каждого из них аманатов. Но этим Сафар-бей нисколько не унял феодальную вражду. Многие князья и дворяне не повиновались, как, например: Нарчо, Дарукель и Георгий Инал-ипа, Едги Званбая и др. Да и подчинившиеся в силу обстоятельства только сделали вид, что примерились, вовсе и не отказывались от мысли дальнейшей борьбы.

Владетельская власть Сафар-бея была полнейшей фикцией, лишенной всякой поддержки и силы в народе. Это был самый непопулярный владетель, которого когда-либо знала Абхазия. Занятие Сухума русскими войсками основательно подмочило репутацию и без того мало популярного владетеля. «Абхазский владетель на самом деле еще слабее в управлении своим народом - рапортовал ген.-м. Курнатовский ген.-м. Сталью 2-му - ежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться».

Абхазский владетель все настоятельнее требует от русского военного командования помощи, но оно, заняв Сухум-Кале, не решалось двигаться далее в глубь Абхазии, и было почти глухо к требованиям «владетеля», только изредка, когда последний оказывался перед лицом самой опасности, помогала через мингрельских владетелей.

Стремившиеся к независимости абхазские правители⁴ воспользовались исключительно благоприятным случаем. И в течение своего девятилетнего^{*} правления Сафар-бей так и не смог привести к полной покорности отложившихся правителей. Более или менее ему подчинилась Бзыбская Абхазия, его наследственный удел, куда скоро и перенес свою резиденцию из Сухума в с. Лыхны. Самурзакан окончательно был захвачен Леваном Дадияни. Сафар-бей не воспротивился этому, а наоборот, дал Дадияну, его союзнику в борьбе с Аслан-беем и другими феодалами, возможность захватить Самурзакан в виде вознаграждения за его поддержку. И это было по существу заговором против Самурзаканского правителя Манучара

^{*} Здесь имеется в виду после Бухарестского мира 1812 года.

Шервашидзе, который был убит в с. Бедиа в 1813 г. Маджем Кварацхелия по приказанию Левана.

Теперь, Леван получил полную возможность вмешиваться в дела Самурзакани, так как он мог это сделать через свою сестру, вдову Манучара, с одной стороны, а Сафар-бей был парализован – с другой! Последний даже дал Левану договорную грамоту, как ближайшему родственнику малолетних детей Манучара: Александра и Дмитрия, на предмет получения дани с Самурзакани до времени совершеннолетия сирот. Но с условием, чтобы эти доходы шли на содержание детей. Этот хитрый прием со стороны Левана заставил вдову Манучара, его сестру, обращаться со своими делами, большей частью к Дадриану и сохранить к абхазскому владельцу номинальную зависимость.

А цебельдинские князья Маршаны отказались быть покорными России и не признали над собой владельцем Сафар-бея. Цебельдинцы «народ вольный»⁵ - рапортовал ген.-м. Симонович Торماسову - хотя были в зависимости от владельцев абхазских, но вскоре опять оной не признавали»⁶. Цебельдинцы даже завязали связь с кабардинцами, которые в это время отстаивали свою независимость от русской экспансии. Ими была послана делегация во главе с одним из князей Маршания к кн. Беяслану Мисостову, который «внушил ему (Маршания - Г.Д.) защищать свою веру и вольность»⁷. И покорить цебельдинцев было «весьма трудно, так как имеют сообщение с Большой Кабардой»⁸.

Сафар-бей решил использовать родственные отношения с князьями Маршания. Он послал свою мачеху, мать Хасанбея, Ребию-Ханым, сестру цебельдинских князей, чтобы склонила их признать зависимость от Сафар-бея и за успех были ей обещаны «большие щедрости со стороны царя»⁹. Но Ребея-Ханым не суждено было воспользоваться монаршей «щедростью», так как она не смогла выполнить свою миссию.

И внешнеполитическая ситуация слишком не благоприятствовала Сафар-бею. Отношения России и Турции были очень натянутые. Турция все еще не признавала приобретений России в Восточном Закавказье и готовилось к реваншу. Исходом борьбы этих двух Империй решалась судьба власти Сафар-бея, так как реванш Турции означал «победу» Аслан-бея. Потому он и благословил русское оружие, обращаясь к своему «нелегальному» Аллаху. В 1812 году был подписан в Бухаресте мир между Россией и Турцией. По ст. VI этого

договора границы в Азии восстанавливались так, как были прежде, до войны*.

Россия не отдавала покоренных прежде и «добровольно» присоединенных за время войны территорий. На этом основании Александр I повелел Ртищеву¹⁰ не отдавать туркам Сухум, резиденцию добровольно отдавшегося Георгия Шервашидзе. Ртищев отдал Поти и Ахалкалаки туркам, а в Сухум-Кале отказал. Тогда турки начали возбуждать население против русских, распространяя слух, что сам царь русский велел им убраться оттуда. Скоро турки перешли и к открытому вооруженному выступлению. Первое выступление со стороны Турции после захвата Сухум-Кале было в 1812 г. Послан был из Трапезунта в Батум сильный вооруженный отряд, имевший целью возвращения Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии. Но это не имело успеха.

На исходе 1813 г. было предпринято второе наступление. Трапезунтский сераскир Сулейман-паша ввел турецкие войска в Абхазию для поддержания партии Аслан-бея. Леван Дадияни, Мамия Гуриели со своими войсками соединились с русским отрядом и поспешили на помощь Сафар-бею. Сераскир после упорных боев был отброшен. И за это все они были награждены: Георгий Шервашидзе удостоен чина ген.-майора по армии, а княгиня Тамара Кациевна – орденового знака св. Екатерины второго класса меньшего креста¹¹. Оттоманская порта пользуясь европейскими событиями и отвлечением главной силы русских войск к границам Франции в 1815 г. намеривалась подкрепить свои притязания на Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию нападением на них. Главнокомандующий всем Восточным краем Эрзерумский сераскир Сеид-Ибрагим-Баба-паша или Пехлеван в начале июля 1815 г. прислал к Ртищеву своего чиновника с письменным требованием очистить от русских войск Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию и двинулся с 20 тысячной армией к границам Грузии, а с другой стороны Трапезундский Сейд-Сулиман-паша двинулся с 15 тыс. корпусом к Гурии и Мингрелии. Греческий митрополит Феодосий, находившийся в это время в Эрзеруме и видевший все приготовления Пехлевана, оказался надежным русским

* Русско-турецкая война 1806-1812 гг.

шпионом. Он выдал план последнего Ртыщеву за 1,5 месяца до начала его осуществления. И когда Пехлеван двинулся везде нашел преграду.

Кроме того, как раз в это время русский Император Александр I победоносно въехал в Париж. Все это нарушило планы Оттоманской порты и серескир, давший перед этим обещание султану покорить под Турецкую державу русские побережные владения на Черном море, поменял свой тон и поспешно удалился, избегая весьма возможного разгрома¹².

Что касается Аслан-бея, то его опасность для Сафар-бея нисколько не была уменьшена. Аслан хотя и был отброшен из Сухум-Кале, но не был вытеснен из Абхазии, где имел больше сил и поддержки, чем Сафар-бей. Аслан не раз ставил власть Сафар-бея перед лицом опасности, а после него и власть его приемников в течение более 3-х десятков лет. Не будь русской помощи, Сафар-бею не пришлось бы и 9 дней быть владетелем, не только в течение 9-ти лет.

После изгнания из Сухума Аслан-бей собрал по соглашению с беглым царем Соломоном до 40000 добровольцев и в начале октября 1810 г. двинулся к границам Мингрелии, учитывая, что русские войска были заняты войной с Соломоном и подавлением восстания в Имеретии. Но Аслан был отброшен и снова бежал в Джихию. Из Джихии он отправился в Константинополь за помощью. Турция оказала ему помощь войсками и оружием. И Аслан в 1812 г. высадился в Поти с отрядом турецких войск. Здесь ему удалось собрать еще и небольшой отряд добровольцев. После этого он двинулся через Гудау и Тамыш на Сухум.

Сафар-бей, не надеясь на свои силы, вынужден был обратиться за помощью к главнокомандующему на Кавказе ген. от инфантерии Ртыщеву. По приказу последнего Николай Дадзани с батальоном пехоты и артиллерией двинулся для содействия Сафар-бею. Дело до боев не дошло. Узнав о приближении русско-абхазских войск, турецкий отряд Аслан-бея разбежался. Распустив добровольческий отряд, Аслан снова бежал в Джихию.

В 1813 г. Аслан-бей вновь вторгся в пределы Абхазии во главе турецких войск, но снова был отброшен смешанными силами Мингрельского владетеля, русского командования и Сафар-бея.

Это был один из многих налетов Аслан-бея. Привыкший к наступлениям и отступлениям, большей частью к последним, Аслан-бей после этой неудачи не унывал. Он готовится к очередной более

решительной схватке. Значение Аслан-бея для Турции растет после неудачного наступления Пехлевана в 1815 г. Турецкое правительство, считая пока невозможной войну против Александра I, делает ставку исключительно на Аслан-бея. Последний получает все необходимое от Порты, и его натиски делаются более серьезными для Сафар-бея и русского командования. Следствием этого было учащение просьб о помощи Сафар-бея к русскому командованию. Последнее обещало ему золотые горы, но скоро, видя безуспешность политики царского правительства в Абхазии, Сафар-бей начинает все меньше и меньше в это верить. Русское влияние было ничтожно, поддерживаемое исключительно малочисленным гарнизоном в Сухуме, который к тому же сухопутных сообщений ни с кем не имел, и все необходимое доставлялось сюда морем.

За стенами Сухума уже не было безопасности. Сам гарнизон жил как бы в постоянной блокаде: нужно ли было нарубить в ближайшем лесу дров, или накосить сена – солдаты посылались вооруженными командами.

«Абхазцы, - рапортовал кап. Агарков ген-м. Симоновичу от 13 января 1811 года, - до такой степени смелы, что подъезжают к крепости вооруженные, садятся по кустам и стреляют в солдат, так что опасно отойти от оной шагов на 100, и минувшего 1810 г. декабря 25-го дня ранили легко из ружья одного солдата, при случившихся же таких близ крепости выстрелах, тотчас туда посылается команда, то они увидев солдат, садятся на лошадей и уезжают»¹³.

Население Абхазии до того было возбуждено против русских, что были часты известия о царских солдатах и казаках, убитых из лесу неведомо кем и это продолжалось до 1865 г.¹⁴.

В марте 1818 г. Главкомандующий ген. Ермолов писал царю, что «для упрочения русского владычества в Абхазии над диким и хищным народом, даже для того, чтобы просто удержаться в этой стране в случае разрыва с Турцией, необходимо привести Сухум в хорошее оборонительное состояние, и учредить также укрепление в Гаграх, с занятием которых прерывались бы сообщения Абхазии с Анапой и за кубанскими горцами»¹⁵. Но это были пока мечты. Пока силы русских в Абхазии, т.е. сосредоточенных в Сухуме, были ничтожны. И более того, этот небольшой Сухумский русский гарнизон обладал гораздо меньшей силой, которой он мог обладать в других условиях. Дело в том, что когда в Сухуме водопровод был разрушен, вокруг города

разостлались заразные болота. В крепости появилась страшная лихорадка. Половина солдат ежегодно вымирала. «Сухум казался каменным гробом, – писал впоследствии ген. Филипсон, – нельзя было встретить свежего, здорового лица, средняя жизнь считалось там почти в шесть лет»¹⁶. И такой гарнизон-маярик ничего не мог предпринять против «неповинуемого народа», о чем неоднократно жаловался «владелец».

Видя безуспешность своей политики в Абхазии, царское правительство к 1820г. решило совсем увести русские войска из Абхазии. Но ген. Ермолов, «диктатор Кавказа», явился противником этой меры. Он написал резкое письмо министру иностранных дел от 20 марта 1820 г., где отстаивал Сухум – русский «единственный опорный пункт на восточном берегу Черного моря». «Абхазия, - писал Ермолов министру, – в теперешнем состоянии доставляет нам безопасные бухты, и Мингрелия почти неподвержена хищным набегам, ибо абхазцев обуздывает страх... Владетельные князья Мингрелии, Гурии и даже князья Имеретинские видя участь Абхазии, могут ожидать таковой же впоследствии и для себя, и заранее будут искать расположение турок, доказывая им свою приверженность бесконечными возмущениями, которые турки в свою очередь не упустят поддерживать. С уступкой Сухумской бухты разовьется морское пиратство, и в короткое время наши купеческие суда уже не осмелятся приходить в Редут-Кале, и мы лишимся подвоза из России провианта, не в силах будем защищать наших владений, и тогда лишимся не одной Абхазии»¹⁷. В случае же неисполнения желания Ермолов угрожал отставкой. Министр уступил настойчивости Ермолова, который так хорошо понимал большое военно-стратегическое значение Абхазии для «завоевания Кавказа» в целом.

7 февраля 1821 г. умер Сафар-бей¹⁸ и, несомненно, смерть этого преданного «холопа», как он уже 9 лет называл себя, несколько затрудняет положение русских в Абхазии и без того очень непрочное. Как правильно предугадывали русские, после смерти «холопа» всеавгустейшего русского императора усиливается освободительное движение. Оно имело цель изгнать «гяуров», призванных «покойным владетелем» и побить приверженцев последнего. На второй же день после смерти Сафар-бея, 8 февраля жители соседних Сухуму селений и подвластных Хасан-бею, брату и личному врагу Сафар-бея, собрались в числе 200 чел. и напали на русскую команду, посланную в

лес за дровами. В Сухуме услышали выстрелы и комендант крепости Сухума майор Могилянский отправил в помощь поручика Ермишкова с ротой пехоты и одним орудием. Абхазцы рассеялись. Был убит 1 солдат и 4 - ранено.

Пока Император не назначил нового владетеля и по этому поводу шла переписка с Петербургом, правительницей была объявлена вдова Сафар-бея, Тамара Кациевна. Последняя не любила абхазцев и в свою очередь не пользовалась их расположением. В связи с ее назначением поднимается ропот и негодование. Хасан-бей решил воспользоваться благоприятным моментом. «Умный, хитрый и покорный обстоятельствам» Хасан-бей, как характеризовал его барон Розен, пользовался большой популярностью в стране. И без особого труда он пришел бы к власти, если бы на пути не стояли русские штыки. Царское правительство метило на абхазский престол своего подручного Дмитрия (Омар-бея), старшего сына Сафар-бея, который в 1811г. был отправлен в Петербург в качестве аманата в залог верности России его отца.

Хасан решил для достижения цели использовать турок. Он хорошо знал этих «друзей», которые втягивались в любое предприятие, если оно шло во вред царской России. Он не ошибся, и его предложение о совместной борьбе было принято. Но и царским политикам хорошо было известно коварство турок и Хасан-бею не удалось воспользоваться их помощью. Русские власти опередили и Хасан-бей был изъят.

Могилянский, получив приказ захватить «опасного Хасан-бея», пригласил его в Сухум под предлогом совещания об абхазских делах, и когда ничего не подозревавший князь вошел в его дом, на него набросилась толпа солдат, свалила его на пол и связала веревками. Немногочисленная свита князя, стоявшая во дворе, услышала шум, догадалась в чем дело и с обнаженными шашками бросилась на выручку, но солдаты встретили их штыками: два цебельдинских князя были заколоты, остальные обезоружены. Хасан-бей был сослан в Сибирь, где в г. Томске, а затем в Иркутске прожил до 1828 г.^{*} Весть об аресте Хасан-бея, популярного человека в Абхазии, еще больше усилило негодование народа. А в первых числах июля, после ареста Хасана, Ермолов получил от сераскира Турции Хаджи-Салах-паши

^{*}В 1828 году Хасан-бей получил разрешение вернуться в Абхазию.

письмо, где требовал освобождения и присылки к нему Хасан-бея, как бы подданного Турции. Этот факт говорит о том, что Турция делала ставку именно на Хасан-бея.

Русские власти оказались в затруднительном положении. Наконец решено было послать Горчакова, командира 3-ей бригады 22-ой пехотной дивизии и управляющего Имеретией, в Абхазию для «водворения спокойствия». Горчаков прибыл в середине апреля, но эта поездка не имела успеха. Негодование народа было велико. Ген. Горчаков, вникнув в сущность положения, вынужден был сменить сухумского коменданта Могилянского. Назначили майора Михина, но это мера не помогла нисколько.

Братья Хасан-бей Батал-бей, Ростом-бей и Таир-бей, некоторые князья Маршания и Инал-ипа явились непосредственными мстителями за Хасан-бея. Им удалось поднять восстание против никем неуважаемой правительницы Тамары, продолжавшей политику своего покойного супруга, и подозревавшуюся в причастности к аресту Хасан-бея. И в самом деле, не без участия Тамары совершили арест Хасана, ставший на пути ее сына Дмитрия к престолу. Мятежники прибегли к помощи Турции.

В Константинополь был послан Таир-бей с просьбой об оказании им помощи как к нападению и истреблению крепости Сухумской с русским гарнизоном, так и к возведению в звание владетеля Аслан-бея. Турция обещала все. Заручившись поддержкой Порты, мятежники перешли к решительным действиям. Напали в Очамчирах на дом владительницы и убили всех ее людей, а в с. Илори угнали у нее табун в 200 лошадей. «Злой демон Абхазии» Аслан-бей надвигается на Абхазию. В конце июля 1821 г. он послал к правительнице Тамаре черкесских посланников с требованием от нее заложников и свободного прохода в Абхазию. Тамара в это время стояла лагерем под Сухумом. Аслан получил отказ. Скоро княгиня была атакована и оказалось в безвыходном положении. От опасности она была спасена посланным за ней военным судном, на котором она со всем семейством и свитой была перевезена в Сухум. Но княгиня не осталась в крепости, чтобы народу не показать свое бессилие и поселилась в с. Кодор, в 30 верстах от крепости, где на берегу моря имела дом.

Здесь вечером 1 августа 1821 г. была окружена отрядом Ростом-бея, Таир-бея и князей Маршания. Она попросила помощи от Михина, но последний, дорожа своей жизнью, не решился послать часть

гарнизона, зато придумал другой способ. Ночью послал военное судно «Константин» под командой лейтенанта Хомутова, который и принял на борт кн. Тамару с детьми. На следующий день, сдав княгиню Михину, «Константин» прошел несколько раз вдоль берега от Сухума до Гагры, громя картечью неприятельские скопища»¹⁹.

В Абхазии как будто наступило затишье. Княгиня, обманутая мнимым затишьем, покинула Сухум и возвратилась обратно в свое кодорское имение. Аслан-бей во главе многотысячного полчища из джигетов, псхувцев, ахчипсхувцев, убухов внезапно ворвался в Абхазию и 21 августа появился перед резиденцией правительницы. Только немногие остались ей верными, большинство перешло на сторону Аслана и выдало ему аманатов. Две недели кн. Тамара, запертая в башне своего Кодорского дома, выдерживала блокаду. Сообщение с Сухумом было прервано. Княгиня была доведена до необходимости «примириться» со своими врагами и дать присягу не иметь никакого сношения с русскими властями. После того, как княгиня сдалась на милость своих врагов, 11 сентября 1821 г. Аслан-бей обложил Сухум, и быстро овладел почти всей Абхазией.

Освободительная борьба Абхазии против русского царизма становится классовой борьбой трудящихся масс крестьянства против продавшихся русскому царю феодалов. Хотя восстанием руководил Аслан-бей, турецкий агент, участвовали и некоторые другие феодалы, у которых в это время были еще колебания, но это не умоляет его характер как освободительного, крестьянского движения против русских захватчиков и их союзников - абхазских феодалов.

Ген. Ермолов просил министра иностранных дел графа Нессельроде о скорейшем отправлении из Петербурга нового владетеля Дмитрия (Омар-бея) Чачба. Молодой Дмитрий в Петербурге вызван был предположительно ген. Ермоловым, который в это время там находился, и обстоятельно посвятил в дела его родины. Последним Дмитрий был представлен императору Александру I. Император утвердил Дмитрия владетелем Абхазии и он с чином полковника немедленно был отправлен на родину. Об этом Ермолов сообщил Вельяминову и предписал ему по прибытии в Тифлис Дмитрия отправить его в Абхазию с соответствующим «наставлением». Полковник кн. Дмитрий по прибытии в Тифлис был принят Вельяминовым и снабжен «соответствующим» наставлением и прокламацией²⁰.

«Главнейших мятежников из сильных фамилий, – поучал Вельяминов кн. Дмитрия, – издавна враждующих дому вашему и по известному беспокойному их характеру могущих в последствии быть вредными для спокойствия Абхазской земли, необходимо или истребить оружием или же поймать для всегдашнего удаления их из Абхазии»²¹. Далее он приказал ничего не предпринимать без советов ген.-м. Гарчакова, который должен был представить кн. Дмитрия в Абхазии, и быть ему послушным.

Вельяминов снабдил Георгия и прокламацией. «Сиятельные абхазские князья, – говорилось в прокламации - почетное духовенство и весь народ! Всем и каждому из вас известно, что ЕИВ*, державнейший и могущественный Всероссийский Государь Император, приняв в высокое свое покровительство и вечное подданство Абхазскую землю, Богом дарованную власти моих предков, всемилостивейший соизволили утвердить владельцем оной блаженной памяти родителя моего светлейшего кн. ген. Георгия Шервашидзе, рановременная однако же кончина его поразившая высокой скорбью владетельный дом наш, подала повод некоторым неблагоразумным людям, врагам покойного родителя моего и врагам общего вашего спокойствия, воспользовавшись моим отсутствием, попытались посеять в Абхазии своеволие, мятеж и отпадение от покорности светлейшей родительнице моей княгине Тамаре, а через то подвигнуть вас на измену и самой могущественной Всероссийской Империи. Извещенный о таковых неустройствах великий Г.И.** , жалея о несчастном заблуждении абхазского народа, благоволил Высочайше утвердить меня как единственного и законного наследника Абхазии во всех правах и преимуществах покойного моего родителя и вместе с тем повелел мне оставить счастливую и блистательную столицу его Империи, отправиться в Абхазию, принять бразды правления, Всемилостивейше над вами мне вверенного, и восстановить спокойствие любезного ему абхазского народа. Таким образом, взысканный несчетными милостями августейшего российского монарха, возвратился я ныне к наследию моих предков. С самых отдаленных времен абхазский народ отличался всегда верностью и преданностью к своим владельцам. Итак, на сем народном

* Его Императорское Величество.

** Государь Император.

благородном духе основываю я призвание, знаменитые князья, духовенство и весь абхазский народ, обратиться к священным обязанностям и верности законному владельцу и, оставя нарушителя вашего спокойствия, отцеубийцу Арслан-бея, явиться ко мне с раскаянием и покорностью. Неужели в обуявшем вас ослеплении забыли вы, что божеские и человеческие законы, рано или поздно, навсегда неизбежно карают отцеубийц страшною гибелью, поражая бедствиями и их сподвижников? Неужели также не предусматриваете, что упорство в измене могущественной Российской Империи может навлечь на мятежников праведный гнев всеильного монарха и силою непобедимых его войск истребить их с лица земли, подвергнув тому же жребию и чад ваших? Я требую, чтобы почтеннейшие из князей и духовенства абхазского немедленно явились ко мне в знак искреннего своего раскаяния, представили бы благонадежных аманатов. Таковая покорность возвратит моему народу всю нежность сердца болезнующего ныне о его заблуждении. И я в таком случае торжественно перед лицом всеведущего Бога обещаю быть пред Российским правительством ревностным ходатаем о предании всего происшедшего вечному забвению, дабы жизнь, собственность и права каждого из раскаявшихся искренно оставлены были неприкосновенными, с моей стороны для таковых верных и покорных моих поданных, посвятя всю свою жизнь на устроение их счастья я буду в их спокойствии и благоденствии искать единой моей славы и собственного блага. Напротив того, злых и непокорных мятежников не укроют ни леса, ни горы от праведной казни. Славное воинство покровительствующей мне России уже вступило в Абхазию на преследование изменников и конечное их повсюду истребление. Одно благоразумие теперь укажет вам верный путь к счастью или погибели вашей»²².

21 октября 1821 г. Дмитрий прибыл в Кутаиси, где его уже ждал ген. Горчаков. Последний вместе с ним выехал из Кутаиси в Абхазию, сопровождаемый мингрельской конницей, они догнали войска уже на походе, на р. Ингур. Войско состояло из 6 рот Мингрельского пехотного и 44-го егерского полков, всего до 600 штыков, двух орудий, части казаков и мингрельской милиции, предводимой кн. Дадзиани. 1 ноября на самой границе Самурзакани, Горчаков получил известие, что Аслан-бей с 3 тыс. горцев стоит между Кодорским мысом и дер. Келасур. В верстах в 4-х от р. Кодора мингрельская конница, во главе которой

стоял полковник Николай Дадияни, следовавшая в авангарде, первая наткнулась на неприятеля и понесла большие потери. Но Горчаков двинул войска вперед и, командир егерского полка, подполк. кн. Абхазов овладел завалами. Неприятель вынужден был отступать под абстрелом пушек и дальнобойных винтовок²³. Аслан-бей был очень осторожен и после решительного отпора, оставил в покое аръергард. И скоро совершил свое очередное бегство, бежал в Анапу. Горчаков спешил в Сухум, боялся, что Аслан укрепиться там и вызовет турецкую эскадру. Отряд почти беспрепятственно дошел до Сухума. Отсюда отряд отправился в Соук-Су*, в княжескую резиденцию.

Многие князья повиновались, но большинство все еще находилось в возбужденном состоянии. Горчаков приказал разослать гонцов по всей Абхазии, чтобы все явились в Соук-Су к 30 ноября 1821 г. В этот день предполагалось провозглашение Дмитрия владельцем, и народ должен был присягнуть на верность Императору и владельцу страны.

30 ноября собрался народ. Горчаков, стоя на возвышенности под древним тополем, громогласно прочитал о «всемилодивейшем» утверждении полковника кн. Дмитрия Георгеви́ча Чачба (Шервашидзе) в правах владельца Абхазии. По окончании чтения новый владелец Абхазии взшел на возвышение и почтительно поцеловал грамоту. Полковой священник привел к присяге его «светлость» и всех князей, дворян и других христиан. Священник читал текст присяги, за ним жужжали голоса. Когда чтение присяги закончилось кн. Дмитрий приложился к кресту и Евангелию, а за ним и все присягнувшие. После этого Горчаков пригласил главного муллу привести к присяге на короне и всех мусульман. Когда завершилась церемония присяги, Горчаков торжественно вручил Дмитрию знамя и меч, как знаки его верховного владычества.

Устроив дела в Абхазии, Горчаков оставил здесь две роты Мингрельского пехотного полка под командой м. Ракоци, а с остальными войсками возвратился в Редут-кале. Дмитрий должен был служить ширмой для хозяйничанья в Абхазии русских генералов. Он был только пешкой в политической игре. Ген. Ермолов писал: «Далек я весьма думать, чтобы дикий и зверский народ абхазский мог совершенно повиноваться новому владельцу, но оный, от малых лет получивший воспитание в России, скорее может успеть укротить его

*Соук-Су – Лыхны (автор).

и направить к надлежащей цели и собственно своим поведением удобнее сообразиться будет с волей правительства»²⁴.

Дмитрий был гораздо больше царским офицером, чем абхазским князем. С ранних лет он воспитывался в Петербурге, в Пажеском корпусе, в одно время - даже под руководством знаменитого Жуковского. Он привык к петербургскому обществу, к избранному кружку гвардейских офицеров. Воспитанный в Петербурге, он отвык от местных обычаев, от местного обхождения, даже забыл родной язык и сам себе казался чужим среди своих князей и дворян, в которых не находил ничего петербургского. Брошенной из пышной столицы в глухую Абхазию, Дмитрий считал себя узником, а последнюю – тюрьмой.

Все здесь было для него чужое, враждебное. Дмитрий мог по душам беседовать лишь с майором Ракоци, знавший хорошо петербургскую жизнь, и не знавший сейчас куда девать время в глухой Абхазии. Для Дмитрия последний являлся истинной находкой. Вся Европа и Петербург сосредотачивались для молодого князя в лице Ракоци. Сколько чужд был абхазский народ Дмитрию, столько же чужд был молодой обрусевший офицер, – «соображавшийся с волей правительства», – народу. Дмитрий не пользовался никаким авторитетом среди всех слоев абхазского общества. Он сознавал, что владельцем скорее является его дядя, неугомимый Аслан-бей, чем он. Аслан-бей все еще пользовался авторитетом и находил поддержку в стране.

31 января 1822 г. Аслан-бей со значительным отрядом двинулся на Соук-Су, где сидел его племянник Дмитрий. Узнав о приближении Аслан-бея, Дмитрий бежал в Сухум. Последний настолько боялся своего дяди, что, считая Сухум не совсем благонадежным убежищем бежал дальше – в Кутаис, где русских штыков было больше. Но Горчаков через Михина приказал спасавшему свою жизнь бегством Дмитрию, вернуться в Соук-Су и наказать своих врагов. Дмитрий подчинился этому приказу, да иначе и не мог поступить, отправился обратно смотря в оба. Нагнавший большой страх на Дмитрия, Аслан-бей легко был разбит царским отрядом, стоявшим в Соук-Су. Аслан-бей потеряв большое количество людей²⁵ совершил очередное бегство в Черкессию.

Дмитрий, прибыв в Соук-Су, приступил к выполнению приказа Горчакова – «жестoko наказать своих врагов». На второй же день он

велел повесить аслановца Лақырба и т.д. Теперь Дмитрий на своем горьком опыте убедился, что в Сухуме и Соук-Су, принадлежавшие царской России, а не ему, жить и под охраной русских штыков не безопасно для жизни. Он понимал, что абхазцы такие его подданные как ласточки или орлы, и что его власть опирается только на русские штыки.

Такой владетель долго не мог существовать. Либо сознание своего бессилия должно было свести его в могилу, либо ненавидевший Дмитрия народ должен был его убрать. Начались два процесса, точившие жизнь Дмитрия. Последний раньше пришел к финишу.

Через год, в ночь с 15 на 16 октября 1822 г. он был отравлен. Трудно сказать кем, но есть некоторое основание указать на крестьянина Уруса Лакоба. Кн. Тамара уверяла, что ее сын был отравлен именно Урусом и последний был взят под караул Михиным. Дело долго исследовалось, но Урус компрометирующих его показаний не дал и был освобожден. Существует предание, что будто бы Урус чуть не отравил и Михаила, будущего владетеля. Рассказывается, что Урус Лакоба поднес Михаилу воду, насыщенную каким-то ядом. Но осторожный Михаил обмакнул кусок хлеба и бросил его собаке, та тот час же бешанно стала бросаться на людей, ее убили. Уруса схватили и будто бы он сознался и в отравлении Дмитрия²⁶. Трудно сказать насколько это соответствует действительности, но столь же трудно и не верить, а тем более опровергать. Весьма возможно, что именно Урус являлся отравителем, и что он был подослан Асланбеем, связь с которым держал все время, и это было установлено еще первым следствием. Все эти «факты» дали возможность Гарчакову считать Уруса «достойным смертной казни». И Ермолов 8 сентября 1823 г. дал, согласно заключению Горчакова в рапорте к нему от 23 августа, разрешение повесить Уруса Лакоба в Соук-Су, при доме владельца²⁷.

По представлению Ермолова от 14 февраля 1823 г., царь Александр I «соизволил» возвести Михаила (Хамут-бея) в достоинство владетеля Абхазии, пожаловав чином майора с жалованьем по 1000 руб. серебром в год²⁸.

Михаилу (Хамут-бею) было 16 лет, когда был отравлен его старший брат Дмитрий, но уже обладал многими качествами, имевшими высокую цену у абхазцев: он был воспитан в обычаях родины, отлично стрелял из ружья, ловко владел конем и не боялся опасностей. Был

коварен и хитер. Отличное горское воспитание он получил у знаменитого убухского князя Хаджи-Берзека Дагумоко. В молодых годах участвовал в битвах. Когда в 1821 г. Горчаков с боем привозил нового владетеля Дмитрия, 15-ти летний Михаил в борьбе с дядей показал большую отвагу. Он заслужил Георгия*, которым наградили его Горчаков. Также Михаил отличился при нападении Аслан-бея на Соук-Су в январе и феврале 1822 г.

Но власть Михаила оказалось еще ничтожнее, чем власть его покойного брата. На него смотрели как на мальчика, оберегаемого русскими «няньками». Молодой владетель еще был слишком юн и неопытен, чтобы бороться с внутренними волнениями и заговорами, нити которых все еще сосредотачивались в искусных руках его дяди, Аслан-бея.

Происки Аслана усиливаются, но столь же и бдительность русских. В апреле 1824 г. Сухумский гарнизон напал на деревню Чичи, где жил воспитатель Аслана Тутшул, и как предполагали скрывался Аслан-бей. Деревня была охвачена с 3-х сторон, и солдаты не оставили «камня на камне». Аслана здесь не оказалось. Возвращаясь отряд попал в засаду, где было убито и ранено 42 человека. Среди убитых был и комендант Сухумской крепости Михин. И этого было достаточно, чтобы в стране вспыхнуло общее восстание. Частная неудача русских войск и их жестокость явились непосредственными причинами мощного освободительного движения в Абхазии в 1824 г.

Движение началось в Бзыбской Абхазии, во главе стоял Кац Маан. Гонцы были посланы к джигстам, черкесам и цебельдинцам, все охотно отозвались и 12-ти тысячное скопище двинулось на Соук-Су. Владелец едва успел отправить свою мать в Сухум, под защитой русского гарнизона, как уже был атакован в Соук-Су. Это было 8 июля 1824 г. Две роты Мингрельского полка и 2 орудия, стоявшие в Лыхнах (Соук-Су) под командой Марачевского²⁹, очутились в блокаде. Кн. Горчаков и правитель Имеретии двинулись из Кутаиса на выручку владетеля. Но повстанцы по распоряжению Аслана, который к тому времени прибыл руководить движением, с целью воспрепятствовать движению русских отрядов вдоль морских берегов на всем протяжении почти от р. Ингура до Сухума устроили завалы. При переправе через Ингур русские встретили повстанцев, которые были разбиты. Но далее,

* Георгиевский крест.

по дороге к Сухуму, войска встречали уже завал за завалам, повстанцы дрались все упорнее. С большими потерями русские войска дошли до р. Кодор. Но сюда Аслан бросил значительные силы цебельдинцев, убыхов и джигетов. Горчаков, почувствовав непреодолимое сопротивление, призвал на помощь владетеля Мингрелии кн. Дадияни. Объединенные силы Горчакова и Дадияни взяли штурмом переправу, – и войска с боем дошли до Дранды. Теперь, до Сухума нужно было идти берегом по глубокому песку. Зная, что это может обеспечить успех, повстанцы преградили дорогу. Войска взяли завал, но за ним оказалось еще ряд завалов. Повстанцы не ошиблись бы в своей уверенности, что они здесь либо уничтожат войска, либо отбросят их, если бы на помощь последним не пришли бриг «Орфей» и фрегат «Светлана», крейсировавшие у берегов Черного моря. Они медленно продвигались вдоль берега и анфилировали завалы, прежде чем войска устремлялись на приступ. Не выдерживая картечного огня, повстанцы вынуждены были очищать завал за завалом и в конце концов расступались по опушке леса, и стали стрелять по артиллерийским и вьючным лошадям. Отряд вынужден был остановиться, так как не на чем было везти ни провианта, ни снарядов, ни орудий. Более 600 убитых лошадей лежали на морском берегу и заражали воздух, что принудило на другой год нарядить два военных транспорта специально для отвоза их остатков в открытое море. Отряд добрался до Сухума потеряв 100 человек³⁰.

Теперь опасно было отправляться в Лыхны по узкой дороге, по берегу Черного моря, повстанцы могли истребить. Чтобы в этом удостовериться 16 июля Горчаков на бриге «Орфей» произвел береговую рекогносцировку до Пицунды. Горчаков заметил, что в деревне Псырдзха устроены завалы непреступные. Идти берегом и думать нечего было.

Горчаков решил миновать этот опасный путь, тем более что лошадей не было, перебросить свой отряд морем. 20 июля 1824 г. отряды были посажены на фрегат «Спешный» и на бриги «Орфей», «Меркурий» и «Ганимед». Всего было посажено на суда 800 человек, с одним полевым орудием. Одновременно был двинут из Сухума берегом отряд в 400 чел. под начальством артиллерийского капитана Линдельфельда. Движение это было демонстративное, чтобы отвлечь внимание неприятеля и не дать ему возможность сосредоточиться.

Маневр удался. Горчаков получил возможность, при помощи жестокого огня с русских судов, выйти с войсками на берег и стать

укрепленным лагерем в Бомборах³¹, в ожидании остальной половины, которая прибыла через сутки на тех же судах. 23 июля Горчаков двинулся на выручку владетеля, который был осужден 12 тысячами убыхов, джигетов и абхазцев. Осажденные были доведены до крайнего истощения. После нескольких дней осады, повстанцы заняли церковь, как пункт, командовавшей всею окрестностью, и отсюда обстреливали двор владетеля. Но в глубокую ночь с 7 на 8 августа 25 солдат под началом подпоручика Земцова ворвались в церковь и перекололи всех засевших в ней, за исключением одного, Каца Маан. В этой схватке и русские потеряли 4 человека. Кац с ужасом впоследствии рассказывал об этом страшном побоище. Когда утром стало известно о произошедшем, повстанцы усилили свой натиск, и этот день явился самым горячим для осажденных. Последние выдержали и этот яростный натиск, но у них закончился провиант и не было воды. Владетельские лошади и их корм (кукуруза) уже были съедены. У владетеля во дворе не было колодца, воду брали из источника Джанаа рдзых, протекавшая недалеко от владетельского дома. Совсем близко протекала речка Адзлагара, на высоком берегу которой и стоял дом владетеля, но и к ней нельзя было подойти, могли обстрелять. Нужда заставила пустить в ход всю изобретательность. Винный бурдюк поставили на колеса, приделали к верхнему концу клапан, а к нижнему груз и пускали его катиться под гору прямо к ручью, там он наполнялся водой, веревка натягивалась, и бурдюк втаскивали на гору. Пули не брали его, они скользили по толстой и упругой оболочке. Но однажды повстанцы напали на него и изрубили кинжалами. Все напавшие заплатили жизнью за это отважное дело. К счастью осажденных скоро пошел дождь, и они запаслись водой³².

В таком положении находились осажденные, когда Горчаков высадился в Бомборах. Он приказал кораблям «Спешный», «Орфей» и «Ганимед» следовать к Пицунде, где произвести ложную высадку. Это было сделано, чтобы сбить противника с толку. Маневр удался. Аслан выдвинул часть отряда, окружавший Соук-Су и отправил в Пицунду, а в тоже время отряды Абхазова и кап. Лиденфельда под общим начальством Горчакова пошли на Соук-Су, прокладывая себе путь огнем и мечом. Двигались целые сутки, хотя расстояние от Бомборы до Соук-Су равно всего 5 верстам - такова была сила сопротивления повстанцев, которое приходилось преодолеть Горчакову. Из каждой сакли, из садов, из виноградников, из деревьев, из кустиков, со всех сторон жужжали пули.

Марачевский узнав об этом, сделал вылазку в тыл повстанцев, чтобы отвлечь внимание последних от Горчакова. Горчаков получил возможность быстро ринуться в самую гущу скопища и разъединить его. Повстанцы, оказавшиеся между двух огней быстро рассеялись, а те, которые были отделены, тоже побежали. Княжеский дом был освобожден от блокады. Сам Аслан-бей был ранен и бежал. В Соук-Су был оставлен один Сухумский гарнизон.

Не воцарилось спокойствие в стране. Все время происходили волнения, нападения на русские отдельные команды, на сторонников и приверженцев молодого владельца. Так, например, в декабре 1826 г. абхазцы атаковали небольшой отряд, высланный из Сухума в лес за дровами. Было убито 5 казаков и 17 ранено. И владельцу приходилось то жить в Редут-Кале, то отсиживаться в Сухум-Кале или в своей резиденции Соук-Су. На своем владельческом троне он шатко сидел первые четыре-пять лет. Русские власти не смогли оказать ему помощь пока для усиления его авторитета. Страна принадлежала русским только в двух географических точках в Сухуме и Соук-Су. Да и здесь не всегда они могли чувствовать себя хозяевами.

Так дело шло до 1827 г. К этому времени сила освободительного движения спадает. В стране устанавливается некоторое спокойствие. И управляющий Кавказом ген. Паскеевич³³ уже торжественно сообщал: «Абхазия свернула, наконец, знамя бунта и в чистосердечном раскаянии в своем безумии, дорого стоявшим ей от междоусобного кровопролития, изъявила желание покориться священной волей августейшего монарха»³⁴.

Министр иностранных дел граф Нессельроде отмечал: «Говоря об Абхазии, не могу скрыть от вас, что о возмущении, последовавшем в оной, я не имел никаких до сего сведений. Абхазия и Большая и Малая – признавали себя подвластной Порте Оттоманской, которая только в последнее время аккерманской конвенцией, согласилась уступить нам Сухум-Кале, крепость, лежащую в Малой Азии и служившей местоприбытием князя оной земли. Из всего вы заключить можете, сколько необходимо мне знать обо всем, что там происходит, дабы я мог заблаговременно снабжать наставлениями посланника нашего в Константинополе, ибо при положении его доселе, если бы турецкое министерство вошло с тем в объяснение о делах Абхазии, он нашелся бы в крайнем затруднении отвечать удовлетворительным образом»³⁵.

В 1827 г. официально было сообщено о «добровольном» подчинении русскому правительству цебельдинских владельцев Маршания³⁶. Но

на самом деле они еще с десятков лет никого и ничего не признавали. Из них только один Саралоп принял русское подданство. И хотя Горчаков еще в 1824 г. «разрешил всем абхазским князьям делать на них нападения, отбивать скот и вообще действовать против них оружием»³⁷, но цебельдинцы сохранили свою силу и не признавали над собой власть царского правительства. Они и составили главную опору Аслан-бея. В такой же степени был «успокоен» и Самурзакан, куда для этого был послан Ермоловым в 1826 г. отряд из 300 человек при одном орудии.

Как бы то не было, в стране установилось некоторое спокойствие. И в 1827 г. из Мингрелии вернулся в «успокоившуюся» Абхазию Михаил. 3 года он проживал в Мингрелии и Имеретии. Но чуть было Михаил не достиг более роковой участи, чем в 1824 г. В Лыхнах он подвергся нападению вооруженных крестьян и спасся только при помощи царских солдат, отбивших это нападение с большими для себя потерями. Этот факт показал царским генералом на необходимость укрепить авторитет «владельца». Михаил был увезен в Тифлис, где царские чиновники дали политическое воспитание в соответствующем духе. Кроме всего прочего, Михаил научился писать и говорить по-русски. Они приложили все старания, чтобы сделать его своим верным сотрудником и исполнителем захватнических замыслов.

В 1829 г. царская Россия заключила выгодный для себя Адрианольский мир с Турцией, получив от последней права на владение устьем Дуная и Кавказского побережья Черного моря. Четвертая статья Адрианольского договора гласила: «Все страны, расположенные к Северу и Востоку от пограничной линии между обеими Империями (Россией и Турцией) по направлению к Грузии, Имеретии и Гурии, далее все побережье Черного моря от устья Кубани до гавани св. Николая включительно должны оставаться под русским владычеством»³⁸.

Принудив Турцию отказаться от вмешательства в свою «кавказскую» политику, царское правительство решило немедленно приступить к одновременному и быстрому покорению кавказских народов, в число которых вошли и абхазцы. Главнокомандующий гр. Паскеевич немедленно представил план предприятия в октябре того же года, царь столь же поспешно утвердил его. На июль 1830 г. намечено было произвести карательную экспедицию в Абхазию.

В инструкции главнокомандующего графа Паскевича г-л. Панкратьеву говорилось: «Хотя сия часть земли более тридцати лет

считалась под влиянием нашего правительства, но мы не имели средств удержать оную в повиновении... Итак, абхазцы нисколько не уважали сию мнимую зависимость от России и, не переставая во все времена враждовать против нас, грабили подданных наших и нередко даже крепость Сухум-Кале была угрожаема их совокупными нападениями. По сим причинам опасное соседство их потребовало, наконец, более прочного покорения»³⁹.

Паскевич решив включить в общий план покорения горских земель Абхазию, сделал одновременно распоряжение о собрании о ней всех сведений, на которых ему предстояло основать свои соображения об экспедиции.

Абхазия была известна до этого русским очень мало потому что, не владея ею, они не могли изучить ее. С 40-х гг. XIX в. военные историки Кавказа приступают к изучению абхазского народа. Этот интерес был обусловлен колониальными устремлениями царской России.

Завоевание Абхазии требовало знаний о ее обитателях, нужно было учитывать национальную особенность, обычаи, религиозные верования, классовые отношения, политическое состояние абхазского общества. И конкретно выработать колониальные мероприятия. Такое изучение давало возможность правильно ориентироваться внутри страны. Хотя царские чиновники в этом отношении сделали впоследствии значительный успех, но почти по прежнему не учитывали местные условия, рассматривая абхазских крестьян, как «полудикарей». И этим русские власти всегда возбуждали против себя местное население. А турецкие агенты, пользуясь каждой ошибкой русских властей, настраивали народ против них. В подготовке восстаний в Абхазии Турция играла активную роль, подстрекала повстанцев, снабжала порохом, свинцом и оружием, действовала подарками и деньгами. Много лет восстания возглавлялись турецким агентом Аслан-беем, скрывавшимся попеременно у турок, у черкесов и в Абхазии.

Пока Паскевич успел приступить к осуществлению своего плана, турки, забыв свои обещания, усиливают «работу» в Абхазии и быть может это было вызвано тем, что, узнав неведомо как, план русского командования, решили опередить его. В ответ российский император дает приказ Черноморскому флоту, крейсировавшему у Черкесских берегов, осматривать все суда, пристающие к берегам между Анапой

и Редут-Кале и брать в плен те из них, на которых найдутся военное снаряжение, как военную добычу и также поступать с теми судами, которые не дадут себя осматривать. На основании этого комендант Сухум-Кале Жилин получил строгую инструкцию, обусловившую зоркое наблюдение его за всеми сношениями абхазцев с турецкими пришельцами. Истекавшие отсюда мероприятия сильно возмутили абхазцев.

В последних числах мая прибыл из Константинополя двухбунчужный паша Хаджи-Сулиман с фирманом от султана. Он предъявил свой фирман лыхнынцам (жителям Соук-Су) и поднял на ноги многих жителей, которые образовали из своей среды вооруженную силу в 3 тыс. человек с дядей кн. Михаила Таир-беем во главе, и пригласили на помощь цебельдинцев. Михаил ничего не мог предпринять, его все еще не признавали, а власть его оставалась бессильной в собственном уделе.

Паскевич решил в июле 1830 г. предпринять экспедицию, имевшую цель возвести укрепление на побережье Абхазии в Бамборах, Пицунде и Гаграх, т.е. продолжить «черноморскую береговую линию», к строительству которой царское правительство приступила после Адрианопольского мира 1829 г. Ген.-м. Гессе 2-ой⁴⁰, назначенный начальником абхазского отряда, 2 июля 1830 г. прибыл с большим отрядом в Сухум из Редут-Кале⁴¹. Для содействия с моря сухопутному отряду была назначена легкая эскадра в составе четырех военных судов⁴², пяти транспортных и десяти купеческих, которые предназначались как для поднятия отряда, так и для перевозки месячного продовольствия. Командование эскадрой было поручено к-л. Стерлиногову. 2 же июля 1830 г. и эскадра прибыла в Сухум.

Прибывшему Гессе Михаил сообщил, что бзыбцы, руководимые Федоруко Инал-ипа и Хитом Лақырба, вызвали на помощь джигетов, айбговцев, псхувцев, ахчипсхувцев и других и что последние уже двинулись на присоединение к бзыбцам. Паскевич предписал Гессе немедленно отправить Хасан-бея имевшего большое политическое влияние в стране в Бзыбскую Абхазию. Хасан-бей пользовался большой популярностью и русские использовали ее для достижения своей цели.

Гессе решил немедленно занять гагринскую теснину, чтобы изолировать джигетов и других. Часть отряда в 650 чел. он отправил морем, поручив занять с. Гагры и проход⁴³, сам же с остальной частью

отряда двинулся туда же через Лыхны и Пицунду. Отряд, назначенный для занятия гагринского прохода и для построения укрепления Гагры, был размещен на транспортных суда «Буг» и «Успех», а брига «Пегас» и «Орфей», шлюп «Диана» и пароход «Молния» составляли их охрану. Суда прибыли на место 8 июля и устроили удачную высадку.

Горцы опоздали, берег был свободен. Гессе приказал Пацовскому немедленно занять частью высадившихся войск монастырь и позицию у речки. Скоро из ближайших сел прибыли джигеты, шапсуги, убыхи и др. и открыли огонь, но выстрелы со шлюпок и бригав заставили очистить высоты. Наскоро была устроена батарея на 2 орудия впереди лагеря, напротив тесного горного прохода.

Несколько дней джигеты атаковали, не давая русским отрядам отдыха ни днем, ни ночью, но все они были отбиты со значительными потерями с обеих сторон. Ценой больших потерь для себя, в Гагрской теснине, русские построили на месте развалин крепостных стен, башен и церкви, постройки еще V в., укрепление. Оно имело большое стратегическое значение, отрезало абхазцев от соседних родственных племен, которые проявляли большую солидарность абхазскому народу в его борьбе за свою независимость, выражавшаяся в вооруженной поддержке. Обезопасив Гагринскую теснину, Гессе, с частью войска в 1531 человек, в 4 часа пополудни 13 июля двинулся сухопутным путем в Соук-Су. Отряд прибыл в Бамборы 17 июля и расположился здесь большим лагерем, что было сделано с целью замаскировать малочисленность русских войск. Военные транспорты, прибывшие накануне, стояли против р. Гудоу, от которой дорога сворачивала вверх по ее течению в с. Суок-Су.

Вторжение русских войск было так неожиданно для населения, что им это сошло почти без всякого кровопролития. А пицундский владетель Федоруко Инал-ипа не нашел другого исхода как смириться и представить себя русским! За прощение, данное русским, он обещал успокоить жителей по пути к Пицундам. После 4-х дневной остановки в Соук-Су, отряд двинулся в Пицунду куда и пришел 21 июля. Вперед туда были посланы транспортные суда из стоянки Гудоу и шлюп «Диана» из Гагры. Благодаря этому, без всякого почти кровопролития был занят второй важный опорный пункт – Пицунда, который в купе с Гаграми и Сухумом достаточно прочно обеспечивал русское господство в стране.

Так, вопреки своим ожиданиям, русское командование заняло эти пункты, имевшие важное значение в колониальном наступлении России

в Абхазии и на Западном Кавказе вообще. Русское командование многому обязано было Хасан-бею, благодаря которому по существу дело приняло благожелательный для царизма оборот.

Решено было устроить укрепления, что бы эти пункты привести в соответствии своим задачам и для этого оставить часть войск в этих трех пунктах, которые потом обратить в гарнизоны. Непосредственным руководителям построек был полковник Пацовский.

В Гаграх был оставлен 1-й батальон 44-егерского полка, под командою м. Полякова, а для производства дальнейших работ саперная команда и рота Мингрельского полка.

Гагринский отряд находился в постоянной осаде. Выходить за фуражом и дровами равносильно было выходить на поле битвы. Выслеживавшие горцы пускали с высоты гор свои меткие выстрелы. В Пицунде же роте саперов Мингрельского полка по отстройке Гагринского укрепления приказано было отправиться в с. Суок-Су. Здесь Пацовский подновил древние монастырские стены. Для солдат была выстроена казарма. Сначала стояли две роты, но малярия уменьшила до одной.

Остальные войска под начальством полковника Пацовского были направлены в Бомборы. На р. Пшандре был разбит лагерь, куда отряд прибыл с 10-ю ротами 44 егерского полка, 8 орудиями и командой казаков. Он на скорую руку разбил редуты, т.к. абхазцы все время следили и искали удобного случая для нападения. Неожиданным выстрелом из-за куста был убит один человек. Штаб – квартира 44 егерского полка была устроена на берегу моря, при устье реки Мычиш (Черная речка), на земле дворян Званбая, которые после долгих переговоров уступили ее за определенное вознаграждение.

Бомборское укрепление было предназначено для гарнизона, который должен был держать в повиновении Бзыбскую Абхазию, также быть готовым помочь в случае нужды владельцу Абхазии. Этим “политическим” и “стратегическим” требованиям Бомборы вполне отвечали. Эти пункты были снабжены пушками, снарядами, продовольствием и другим необходимым.

Местопребыванием Пацовского были Бомборы. Здесь он руками солдат устроил укрепление с казармами, с офицерскими домами. Устроили редуты из палисада: на берегу моря для склада провианта на р. Хыпсте, для сбережения полковых лошадей, и на р. Мчыште и защиты тыльной мельницы.

Для сухопутного сообщения между крепостью Сухум-Кале и Гаграми учреждены были посты: в Сухуме 10 казаков и 10 милиционеров, близ реки р. Псырдзха (ныне Н. Афон) – 10 казаков и 10 милиционеров, при офицере, при р. Мчыште – 13 казаков и 20 милиционеров, в Пицунде – 10 казаков и 10 милиционеров, на левом берегу Бзыби – при офицере, 50 чел. пехоты, 5 казаков и 5 милиционеров в Гаграх при офицере и 15 милиционеров. В Гаграх и Пицундах были учреждены небольшие лазареты. В Гаграх, Пицундах и Сухуме были оставлены по одному военному судну.

Успех русского оружия в 1830 г. был легко достигнут, по признанию гр. Паскевича в инструкции г.-л. Панкратьеву, во-первых, через политическое влияние кн. Хасан-бея, которого главком велел иметь по сему случаю «всегда в виду и ласкать» как полезного человека для русских, и которого, между прочим, Паскевич считал более подходящим на владетельский пост. Значит, для Хасан-бея сибирская ссылка даром не прошла, русский царизм выправил ему мозги. Теперь он вел себя скромно, рабски служа «его императорскому величеству». Во-вторых, русские были обязаны своей морской эскадре, без поддержки которой они не достигли бы такого успеха.

Укрепления и посты составляли часть «Черноморской линии», тянувшейся от Анапы до самой турецкой границы. Ее целью было сковать побережье цепью укреплений, изолировать, таким образом, народы Западного Кавказа от Турции, оказывавшая им всемерную помощь в борьбе с Царской Россией. Линия предназначалась для того, чтобы «как тогда полагали отнять у горцев все способы сопротивляться»⁴⁴.

И с 1830 г. начинается вооруженное продвижение русской экспансии во внутрь Западного Кавказа и Абхазии, в частности. С этого момента также начинается строительство дорог и изучение Абхазии в топографическом отношении, обеспечивавшие продвижение и победы русского оружия внутри страны. Так, в 1836 г. было проложено сухопутное сообщение по берегу Абхазии, которое к тому времени достигало, в основном, до Гагры с Военно-Имеретинской дорогой, шедшей от Кутаиси через Хоби и Зугдиди к Илори и т.д.

В 1834 г. были сняты на карту прибрежные места от Ингура до Гагры. В 1835 г. шт.-кап. барон Торнау обозрел Кавказский хребет в направлении его вдоль Восточного берега Черного моря и вышел на морской берег к устью р. Сочи, оттуда прошел берегом до Гагры. В

1836 г. кап. Чуркин обозрел один из путей, идущих из Карачая через Цебельду в Сухум и т.д.⁴⁵.

Николай I на 1837г. предложил следующий план военных операций со стороны Абхазии: покорить Цебельду⁴⁶, эту единственную во всем Закавказье оставшуюся непокоренным владением, и занять мыс Адлер, где находилось «одно из важнейших якорных мест»⁴⁷.

Дело началось с Цабала, с покорением которого «на южной покатоности Кавказского хребта, - писал барон Розен Чернышеву 20 мая 1837 г., - от военной Грузинской дороги до Восточного берега Черного моря, не остается совершенно непокорных народов». Покорение Цабала укреплял и авторитет владетеля, и в этом направлении уже давно действовали царские генералы.

Цебельдинцы, отличавшиеся издавна свободолюбивостью и воинственностью, не признавали власти владетеля, а тем более его хозяев - русских. Важность покорения Цабала заключалась еще и в том, что русские власти с ее покорением избавлялись от «осинового гнезда». В Цабале и в других горных областях спасались недовольные русским владычеством. Туда бежали и русские солдаты, избегая тяжелую армейскую службу.

Взятием Цебельды «абхазские хищники, - писал барон Розен, - лишились места убежища в Цебельде, а цебельдинцы потеряли возможность грабить Абхазию...Цебельда гнездо разбойников»⁴⁸. Цебельда служила «неприятелю, - пишет барон Торнау, - помехой для наших дел в Абхазии. Для усмирения ее силой, надо было пожертвовать временем и частью войск...»⁴⁹.

Еще в 1835 г. была организована экспедиция, которая ограничилась разорением нескольких аулов. «При исполнении требований моих – рапортовал Розен - редкое усердие проявил особенно Дасосхан Маршания, он один представил 30 человек беглых русских солдат, служил проводником при обозрении местности, успокаивал жителей, и вообще, с редкою готовностью исполнял все мои приказания. Если бы цебельдинцы решились сопротивляться отряду, то при чрезвычайно трудной местности нанесли бы нам значительную потерю»⁵⁰. «Покорность нам Цебельды, – писал оберквартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса г-м. Карлгоф в 1856 г. - была всегда основана на личных расчетах господствующей в этом крае аристократии»⁵¹.

Но этой экспедицией Цебельда далеко еще не была покорена, свободолюбивые цабалцы еще много лет упорно отстаивали свою

независимость. Вслед за этим Розен «нацеливался» на Адлер. Уже 3 июня 1837 г. отряд, который участвовал в походе на Цабал, в Сухуме был посажен на суда. В 12 часов ночи, эскадра под командой контрадмирала Эсмонта, состоявшая из 11 разного ранга военных судов и транспортов, к которым присоединено было еще 6 купеческих судов, снялась с якоря, и 6 июня достигла мыса Адлер. Сам Розен плыл на фрегате «Анна». Вдоль берега была отправлена шхуна «Гонец» под командой подполковника Нордестама с целью выбрать место высадки десантного отряда. По приближении указанной шхуны к берегу жители открыли ружейный огонь из завалов и окоп, вдоль берега устроенных, и, не взирая на выстрелы из орудий, продолжали стрелять, пока шхуна, исполнив данное ей поручение, не отошла от берега. При этом горцы понесли потери от ядер и картечи.

7 июня эскадра построилась в боевую линию в 250-ти саженьях от берега. Началась высадка, в ходе которой вся эскадра обрушила сильную канонаду на неприятельские окопы. Окопы скоро были разрушены и горцы вынуждены были скрыться в лесу. Гребные суда, подходя к берегу с первой частью десанта, открыли огонь, который рассеял горцев по всему лесу. Ген-м. Волховский с первой частью десанта (150 чел.) занял опушку леса. Но горцы, пользуясь густым лесом, приблизились к цепи русских и завязали сильную перестрелку. К адлерцам прибыли на помощь из соседних горских племен и поклялись совместными усилиями сопротивляться русским до последней возможности и в обеспечении этого обязались друг другу выдать аманатов⁵².

Капитан Альбранд и начальник Имеретинской дружины подполковник кн. Церетели, командовавший всеми мингрельцами, остановили горцев, бросившихся в рукопашный бой на шашках и затем, при помощи подкреплений, отразили их. Но русским все же пришлось отступить от аула. Но ген-м. Эспехо (управлявшей Имеретией) подкрепил их силы 5-ю ротами Тифлисского егерского полка, 2 горными пушками и кегорновыми мортирами, которые, действуя картечью и гранатами, заставили горцев прекратить перестрелку и оставить лес. После этого высадилась 2-ая часть десанта, ген-м. Симборский с батальоном грузинского гренадерского полка и саперной ротой занял устье р. Мзымта, туда последовал и весь десант⁵³.

10 июня было предпринято сильное нападение. В 10.30. часов горцы, до 400 чел. показались против левого фланга русских сил. Ген.-м.

Симборский, которому Розен поручил командование всей передовой частью войск, выдвинул 4 горных единорога и открыл огонь, но горцы, не взирая на это, приблизились на расстояние ружейного выстрела. Но после двух часов упорных боев, горцы, не выдержав сильного картечного огня, отступили. К вечеру они возобновили перестрелку, но вновь вынуждены были отступить. Перестрелки повторились 11 и 14 июня. Много было убито и ранено с обеих сторон⁵⁴.

В устье Мзымты было заложено укрепление, названное св. Духа, а мыс, по просьбе барона Розена (отношение к гр. Чернышеву от 10 июня) был назван по имени ген-адмирала и шефа грузинского гренадерского полка, который участвовал в экспедиции, Константиновым.

19 июня Розен уехал, оставив начальство над действующим отрядом Симборскому, с которым последний оставался до окончания постройки укрепления и казарменных зданий. По окончании возложенного поручения, ген. Симборский с отрядом сел на суда и возвратился в Сухум⁵⁵. Героическое сопротивление горских племен, которые проявили большую солидарность друг с другом в борьбе с русской экспансией, было сломлено. Оружие русского царизма одержало еще одну победу над кавказскими народами.

К окрестному населению был послан для переговоров, с прокламацией Розена, убух Гассан Барсегов, который возвратился лишь через месяц и объявил, что население не желает подчиниться русским императорам, и привез от них ответ, написанный по-турецки. В нем говорилось: «О неверные русские, враги истинной религии. Если вы говорите, что наш падишах дал вам эти горы, он нас не уведомил об этом и если бы мы знали, что эти земли отданы вам, то не остались бы на них жить. Мы имели посланных от султана Мухамеда, Магаметали-паши (египетский хедив), королей английского и французского. Если вы сему не верите, то отправим в Константинополь по одному доверенному лицу с вашей и с нашей стороны для узнания истины и буде в том удостоверитесь, то вы должны оставить эти места и Гагры и перейти р. Горгу (вероятно Бзыб – Г.Д.), и тогда мы будем с вами и абхазцами жить в мире до тех пор, пока наш падишах не объявит вам войну. Генерал ты не мог принять чужеземное судно как гостя⁵⁶. Мы поклялись нашей верой, что не исполним то, что в этой бумаге написано будет за нас или за вас»⁵⁷.

Здесь видим то настроение северо-побережных племен, в том числе и абхазских, которое привело к переселению в Турцию в 1830-

1831 гг. Это настроение поддерживалось и разжигалось муллами и турецкими агентами. К ним присоединяются и английские и французские авантюристы и купцы, готовившиеся к войне с Россией.

Деятельность иностранцев здесь началась вслед за Адрианопольским договором 1829 г. «Цель этих вмешательств, - писал Розен Николаю I - состояла в желании поколебать достоверность статей этого договора, по которому Турция отказалась от прав своих на племена Кавказские. Орудием достижения цели сделались прокламации, распространяемые при помощи иностранных эмиссаров и подкупленных туземцев от имени турецкого султана, египетского паши, английского и французского правительств»⁵⁸.

Так, например, одним из многочисленных иностранцев, действовавших среди северно-прибрежных племен, является Давид Уркарт или Дауд-бей, как он себя здесь называл, – секретарь английского посольства в Константинополе. Горячий сторонник поддержки Англией и Францией кавказских племен против России. Он жил почти 4 месяца у шапсугов, агитируя их против России. В это время действовали и другие авантюристы – купцы Младецкий, Пичикини и др. Иностранные агенты оказывали кавказцам не только моральную, но и материальную поддержку.

В 1836 г. англичанин Лонгворт, сотрудник газеты «Morning chronicle», прислал натухайцам безвозмездно большое количество пороха и свинца через турецких контрабандистов. 29 октября 1836 г. из Лондона в Черкессию отплыл «Виксен» - торговое судно, принадлежавшие г-ну Джорджу Беллю - и нагруженное солью, свинцом, порохом и различными товарами. 25 ноября судно было захвачено в Сухуме, «как плававшее у блокированного берега». Судно, его груз и экипаж были отправлены в Севастопольскую гавань, где 27 января 1837 г. был вынесен приговор о его конфискации. Оно было обвинено в «контрабанде». Британское судно было пущено под русским флагом и под названием «Сухум-Кале»⁵⁹. Сам Белль с трудом спасся на шлюпке и высадился в ущелье Дерсухоэ. В 1837 г. он принимал деятельное участие в действиях шапсугов и натухайцев против русских.

Судно «Виксен» было послано английским королем Вильгельмом IV с определенным намерением - нанести оскорбление царю, показать свое пренебрежение к Адрианопольскому договору и подтвердить независимость Западного Кавказа. Но дело приняло другой оборот. Случаю было удобно, чтобы именно в это время английский король

умер. Министр иностранных дел лорд Пальмерстон получил возможность формально признать Адрианопольский договор и право России на владение Западным Кавказом и на конфискацию «Виксен» от имени умирающего короля. Он писал Петербургу: «принимая во внимание, что Сухум-Кале, признанный Россией турецкой собственностью по договору 1783 г., в настоящее время, как утверждает граф Нессельроде, по Адрианопольскому договору перешел к России, правительство его величества не находит достаточных оснований сомневаться в праве России захватить и конфисковать «Виксен»⁶⁰.

Он не мог сопротивляться притязаниям России в 1836 г. по причине того, что уже в 1831 г., едва вступив в должность, он первым делом поспешил признать захват Кавказа Россией, а тем самым молчаливо и Адрианопольский договор. По этому поводу разыгрались бурные дебаты в английской нижней палате. «В этот день, - писал Маркс - склонный к шуткам лорд избег вотума неодобрения только благодаря 16 голосам»⁶¹. Этот акт морского разбоя, учиненный Россией над английской собственностью, дал Пальмерстону повод формально признать Адрианопольский договор и покончить с независимостью Черкессии, такое признание могло быть опасно для его должности.

Главные усилия России на Кавказе в 1838 г. были обращены на овладение Черноморским берегом и сооружение в важнейших пунктах его укреплений, для довершения там береговой линии. В это время во всех прочих частях Кавказского края принимались самые деятельные меры. Было приступлено к водворению на Военно-грузинской дороге военного поселения, а на правом берегу Терека учреждена кордонная линия по направлению от Владикавказа к Моздоку. По дороге устроено 2 военных поселения: Александровское и Николаевское и т.д.

Император лично повелел барону Розену в 1838 г. занять со стороны Абхазии одно якорное место на восточном берегу Черного моря и для этого употребить три батальона: два – 2 мингрельского Егерского полка и 1 линейный, из числа распложенных в Абхазии. Во исполнение этого Розен предложил в начале апреля 1838 г. соединить при Сухуме саперную роту, восемь легких и шесть кегорновых мортирок, 50 конных и 600 человек имеретинской, мингрельской и абхазской милиции. Продовольствие для всего отряда было заготовлено на 7 месяцев⁶².

Весной в Абхазии и Тамане были собраны войска, предназначенные для высадки на незанятую еще часть Черноморского берега и

возведения укреплений при Сочи, Туапсе или в других местах. Первый отряд состоял из 6,5 батальонов, 8-ми полевых и 14-ти горных орудий, который под начальством г-м. Симборского был высажен 11 апреля у устья р. Сочи, в земле убыхов. Отряд, не взирая на самое упорное сопротивление со стороны горцев, овладел пунктом, где было и сооружено им укрепление Навагинское. В августе ген. Симборский, оставив здесь гарнизон, возвратился с остальными войсками в Сухум. Второй отряд, предназначенный также для действия против Западного Кавказа со стороны Абхазии из 8 батальонов пехоты, 2-х рот сапер, 4-х Черноморских казачьих пеших полков, 4-х полевых и 14 горных орудий и 10-и кегорновых мортир, под начальством г-м. Раевского, высадился 12 мая при устье р. Туапсе и так же возвел там укрепление, названное по указанию Императора Вельяминовским, в память ген. Вельяминовского. Потом отряд Раевского занял устье р. Шапсуго и возвел там укрепление, названное Тенгинским.

Решено было построить в Суджукской бухте, при устье р. Цемеса, крепость, военный порт и адмиралтейство для крейсирующей эскадры восточного берега Черного моря. Крепость назвали Новороссийск⁶³.

К 1840 году «Черноморская военная линия», протянувшаяся от Анапы до Турецкой границы, на протяжении которой размещались военные укрепления, форты и посты была закончена. А к 1853 году укрепления на Кавказе и русская пограничная линия с Турцией и Ираном представлялись в таком виде: Черноморскую береговую линию составляли 25 отдельных укреплений и фортов. Из них важнейшими были: Анапа, Новороссийск, Сухум-Кале, Редут-Кале, Поти, Геленджик, Вельяминовское, Форт св. Духа, Пицунда, Бомбора и св. Николая. Абхазская часть этой линии называлась «третьим отделением», в состав которой входили укрепления Навагинское (нынеш. Сочи), Головинское у устье р. Субаши, св. Духа (ныне Адлер), Бзыбское, Бомборское, Сухумское, Драндское, Илорийское, форт Мрамба и ряд маленьких фортов.

С 1840 года по всей этой линии начинается постоянное крейсирование судов русского Черноморского флота. Начинается также фронтальное, более решительное, наступление русской экспансии на кавказские племена, оттесняя их в тущобы Кавказских гор и вынуждая эмигрировать в Турцию.

Чем глубже ступает пята русского царизма, тем ожесточеннее становится борьба с обеих сторон. Вся история Западного Кавказа,

начиная с 30-х гг. XIX века, а особенно с 40-х гг., заполнена позорными карательными экспедициями.

Донесения и доклады царских генералов об этих карательных экспедициях пестреют выражениями: «уничтожено 2 аула», «мятежники истреблены», «сжечь и не оставить камень на камне от сего разбойничьего гнезда», «истребив сакли, отряд возвратился благополучно в Сухум». На эти карательные экспедиции русских войск абхазские общества отвечали протестом, имевшим две формы: пассивную и активную. Первая выражалась в эмиграции в Турцию (1830-1831), вторая – в восстаниях и набегах. Ежегодно вплоть до самой Восточной войны 1853-1856 гг., непокорные районы выставляли партизанские отряды, сильно беспокоившие русские власти. Свободолюбивые абхазские племена не могли смириться с существованием гагринского укрепления, этого бельма на единственной дороге – гагринской теснине, связывающей родственные племена. Они старались взять это укрепление с гарнизоном, вымирающим от малярии. Бестужев-Марлинский, писатель 30-х гг. XIX в., сосланный на Кавказ, и погибший в стычке на Адлеровском мысе, так описывает Гагры того времени: «Есть на берегу моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. В этом ущелье построена крепостишка, которую враги бьют со всех сторон в окошки; где лихорадки свирепствуют до того, что 1,5 комплекта в году умирают из гарнизона, а остальные иначе не выходят оттуда как со смертоносными болезнями».

Цебельдинцы после ухода русских войск в 1837 г. вновь не признают ни власти владетеля Михаила, ни власти русских. Даже среди князей Маршания произошел раскол. Шабат и Эшсоу Маршания отказались принимать русское подданство и действовали против них. Хинкорас, Баталбей и родственник их Зосхан, лично известного Императору по службе своей в гвардейском горском полуэскадроне, приняли сторону царской России.

Розен приказал князьям-предателям Батал-бею и Хинкорасу схватить брата Шабата, рожденного от другой матери, который Розену почему-то показался опаснее других и представить ему. Воля барона была исполнена. Шабат просидел более года в Метехском замке в Тифлисе. Очувшись на свободе, озлобленный до мозга костей, Шабат начал вербовать себе приверженцев, и тут почти весь народ оказался на его стороне. Он склонил на свою сторону и многих псхувцев

с помощью родственника своего сванетского князя Михаила. И дальцы также оказали ему помощь. 8 июня 1840 г. Шабат неожиданно напал на своих братьев и личных врагов - Хинкораса и Батал-бея – преданных русским людям. Первый был предупрежден и успел спрятаться в своем укрепленном доме. Окружив дом, Шабат требовал, чтобы Хинкорас отложился от России и выдал ему в заложники сына и племянника – сына Батал-бея. А Батал-бей был схвачен и закован в цепи. Скоро прибыли и дальцы, ночью 9 июня напали на дом русского пристава, подпоручика Черноморского линейного 5-го батальона Лисовского, расположенного на Мрамбе. Сам Лисовский был ранен пулей в голову и двумя шашечными ударами в щеку, но его выручили подоспевшие цебельдинские князья, пользовавшиеся «монаршей щедростью» за преданность русскому царизму - поручик Зосхан и прапорщик Мсауст Маршания. Дома пристав и поселян и все имущество на сумму 1896-ти руб. серебром были сожжены. Был убит один казак, 3 поселянина, в плен взято было 5 человек. Уничтожены мосты на р. Кодор, прервано таким образом, всякое сообщение Нижней Цебельды с Далом.

Временно командовавший 2-м отделением Черноморской береговой линии подполковник Козловский собрал отряд из 2-х рот черноморского линейного № 9-го и одной роты № 10-го батальонов, при двух орудиях и 4-х кегорновых мортирках Сухумского артиллерийского гарнизона. Скоро прибыли еще 2 роты егерей мингрельского полка из Редут-Кале. Абхазский владетель Михаил присоединился с 2280 чел. милиции. А Головин направил через Сванетию 600 чел. имеретинской и мингрельской милиции. Под командой подполковника Зорина пришли и 7 цебельдинских князей с Зосханом во главе. Войсками командовал абхазский владетель г-м. Михаил Чачба⁶⁴.

15 июня отряд выступил из Сухума двумя колоннами: главные силы, под начальством Михаила, двинулись по трудной дороге, а 500 человек абхазской милиции во главе с м. Кацем Маан, были направлены в обход через Панавский хребет и, вступив в Дал, успели освободить дом Ханкораса. 700 милиционеров абжуаа были посланы по левому берегу к селу Амзара. Дальская долина была, таким образом, охвачена с 3-х сторон. Цебельдинцы главную силу приняли с боем, но были разогнаны.

Цебельдинцы вновь присягнули на верность Императору, также искренно, как и в первый раз. Шабат и Эшсоу под различными предложениями не явились. Михаил Чачба, успокоенный положением

цебельдинских дел, возвратился с отрядом в Абхазию, оставив на Мрамбе, для устройства укрепленного дома приставу, под командованием Козловского, с двумя ротами мингрельского полка и командой донских казаков. Цебельда была усмирена не надолго.

В конце сентября того же 1840 г. около 7 тыс. убыхов и других горцев, под предводительством Хаджи-Берзека, собрались на реке Сочи, с намерением вторгнуться в Абхазию⁶⁵ и овладеть одним из русских укреплений, но на пути остановились на Цандрипше для разорения жилища преданного русским властям князя Цумбаева (Цанба).

Жители Дала и Цабала, во главе с Шабатом и Эшсоу поднялись на ноги, они решили вторгнуться в Абхазию с другой стороны. Но начальник 3-го отделения береговой линии полковник Муравьев быстро принял решение. Оставив в Мрамбе⁶⁶ достаточный гарнизон, он взял оттуда 2 роты Мингрельского полка и, присоединив в Бомборах черноморский линейный №9 батальон и 4 орудия, приготовился к выступлению на р. Бзыбь, в Самурзакане собрал около 1000 милиционеров и направил их в Абхазию, где владетель тоже успел собрать отряд милиционеров. Эти приготовления лишили Хаджи-Берзека надежды на успех, его отряд отступил от р. Сандрипш и разошелся по домам. Таким образом, Муравьев не дал им объединиться. С удалением убыхов, Цабал «успокоился». Но с уходом русских войск цабалцы вновь отказались от подчинения, дальцы солидаризировались усилив убийства русских чиновников и офицеров и их сторонников.

И чтобы Цабал лишиться поддержки Дала, 24 декабря 1840 г. Головин отправил из Сухума сильный отряд под нач. Муравьева. Отряд состоял из 6 рот, имел 2 горные единарога, 2 кегорновых мортирок. В Цабале к ним присоединились сухумская, самурзаканская и цабальская милиция. Присоединился и сванетский владелец м.кн. Дадишкелиани со своим отрядом. 25 декабря к вечеру войска прибыли к укреплению Мрамба. 27 - отряд занял Амзара, 29 - тремя колоннами двинулся к Багадским теснинам. Горцы отступали. С обеих сторон – убитые и раненые.

31 декабря отряд прибыл к селам Дала – Варда и Лата, которые были сожжены. К Муравьеву прибыло 50 дальских старшин с повинною. Шабат, Эшсоу и Батал-бей (который изменил на время русским) бежали в горы. Пришедшие присягнули на верноподданство

Императору. Но Муравьев не удовлетворился этим, он задался целью «уничтожить это разбойничье гнездо» и, для примера Цебельды, приказал выселить всех жителей дальского ущелья. И дальцам, ничего не оставалось как преклониться перед силой и к первым числам января 1841 г. все они покинули родное ущелье⁶⁷. Дал «был опустошен и лишен своего населения» - рапортовал ген. Головин гр. Чернышеву от 23 января 1841 г.⁶⁸.

Скоро Шабат и Эшсоу были схвачены в Кодорском ущелье у родственников милиционерами и казнены. Но горные области Абхазии: Цабал, Дал, Псху и Ахчи-Псху не допускали и мысли об отказе от борьбы. Сопротивление обитателей этих областей выражалось в двух формах: вооруженную – активную и эмиграцию – пассивную.

Покончив с дальцами, Муравьев решил начатую войну против цебельдинцев довести до логического конца. В 1841 г. Муравьев двинул отряд в Цебельду. Отряд состоял из 3-х батальонов, нескольких горных единорогов, пешей и конной милиции. Он выбрал путь через Багадский мост (висячий). Дальше Муравьев сначала шел по левому берегу Кодора, а выше начинает перебрасывать свой отряд через броды с одного берега на другой. Перешел через знаменитый Багадский мост. От укрепления Мрамба до р. Амткела местность волнистая и открытая, за Амткелом редкие перелески и далее начинается багадская теснина.

Муравьев быстро форсирует багадскую теснину, авангард был быстро переброшен на левый берег Кодора, а основной отряд долго еще переправлялся, особенно затруднительна была переправа лошадей по узкому мостику над бездной. Горцы успели собраться. На следующий день войска по частям посылались жечь аулы. Горцы отчаянно сопротивлялись, с обеих сторон было много убитых и раненых. Пораженные неожиданным переходом русских через Багаду, цебельдинцы жившие вниз по левому берегу Кодора, и опасавшиеся за участь своих аулов, примкнули, конные и пешие к Муравьеву, под предводительством Хирипса Маршания, жившего в урочище Наа. Но дальцы сильно напирали на войска. Несмотря на упорное сопротивление дальцев, Муравьев «вешатель» успел «выселить 500 семейств и жилища их придать огню».

Муравьев вынужден был перед дальцами отступить. Горцы настойчиво преследуют отступавшие войска. Нервы Муравьева достигли крайнего предела расстройства, и он заболел. Дальнейшим

движением войск распоряжался Лауниц, адъютант Головина. Отряд отступал через Наа, где остановился на ночлег. Пробыв несколько дней в укреплении Мрамбе и «успокоив» цебельдинцев, отряд вернулся в Сухум⁶⁹. Муравьев не смог таким образом осуществить полностью свою бандитскую «программу».

Для успешной борьбы с абхазскими племенами горных областей, необходимо было полностью изолировать от них родственные племена, жившие по ту сторону Гагры, и проявлявшие большую солидарность в борьбе с русским царизмом. Укрепление Гагры этого полностью не обеспечивало. Джигеты, убыхи и др. с успехом обходили гагринское укрепление и, перебираясь с одного хребта на другой, вторгались в Абхазию. Чтобы преградить им путь, в 1841 г. Муравьев построил башню в ущелье Жоадзех. Но горцы все же перебирались другими путями.

В 1844г. Муравьев отправился на Псху, с такими же намерениями, с какими 3 года назад отправился в Цабал, но и там получил должный отпор.

Русское командование гораздо проще поступило с Самурзаканом. Самурзакан являлся издавна яблоком раздора между Дадиянами и абхазскими владельцами Чачба. Русские использовали это. С 1813 г. со смерти владельца Самурзакани Манучара Чачба, Леван Дадияни по существу забирает в свои руки Самурзакан, до совершеннолетия наследников – Александра и Дмитрия.

В 1829 г. по достижении совершеннолетия Александра, Леван, желая устранить его и навсегда присоединить Самурзакан, взвел на него клевету, будто он злоумышляет против русских, а затем, арестовав, представил начальнику войска в Имеретии. Александр был сослан в Сибирь, не достигнув места поселения он умер дорогою. Дмитрию же был убит Таризлом Дадияни в 1831 г. И с этого момента Леван стал управлять Самурзаканом, как владелец этой страны. И русские власти официально признали Самурзакан составной частью мингрельского владения. Генерал Ртищев утвердил представленное ему Леваном воззвание от него к самурзаканцам. А Паскевич отправил отряд для приведения самурзаканцев к повиновению Дадияни. Но Самурзаканцы были против дома Дадияни, а сами мингрельские владельцы были слабы и не могли силой подчинить их. Это было сложно еще и потому, что на Самурзакан также претендовал и абхазский владелец Михаил Чачба. Более того, на почве этого вопроса

отношения между мингрельским и абхазским владетелями стали натянутыми и скоро они начали готовиться к нападению друг на друга и оба обратились за помощью к высшей русской власти на Кавказе. Последняя образовала специальную Комиссию, которой была поручено выяснить Самурзаканский вопрос. В эту комиссию оба владетеля представили и этнографические и исторические права на Самурзакан. Но комиссия решила разрешить этот вопрос именно в пользу царизма.

Главноуправлявший Закавказским краем генерал Головин использовал это весьма благоприятствовавшее захватническим целям царской России, обстоятельство. Он подчинил Самурзакан русскому правительственному управлению и назначил штабс-капитана Кириллова приставом, который подчинялся непосредственно начальнику Черноморской береговой линии. Дадиани обжаловал это распоряжение в Тифлисе и просил, если не возвращение Самурзакана, то по крайней мере вознаграждение за лишение значительных выгод. По ходатайству кн. Воронцова, наместника Кавказа, в 1845 г. Дадиану была выдано единовременное вознаграждение в 25 тыс. рублей. За Дадианом были оставлены несколько сел на правом берегу р. Ингура. Князьям же Чачба (Шервашидзе) были оставлены только помещичье право на крестьян, лично принадлежавших им между Абжуйской Абхазией и р. Галидзга. Некоторые князя Чачба страшно были недовольны такой переменной.

4 августа 1846 г. подпоручик, князь Кац Чачба с родственниками прап. Патом, Манучаром, Антоном, Зурабом и Нико Чачба, собрав толпу приверженцев, заняли внезапно сел. Пахулани. Но скоро были вытеснены. Это был протест абхазских феодалов, лишавшихся выгод от Самурзакани. Кац и Манучар были высланы Чернышевым по распоряжению Воронцова «за самовольство, насилие и неповиновение власти» в г. Воронеж. А остальные были арестованы и отправлены в Тифлис⁷⁰.

Вознаграждение Дадиани вывело из терпения самого Михаила Чачба, который до сих пор не выдавал открыто свое недовольство по Самурзаканскому вопросу и ограничивался упреками в адрес Левана, что из-за него им потерян целый округ. Теперь он был оскорблен, как владетель, считавший страну эту принадлежащей Абхазии, а присоединение к Мингрелии деревень, которыми владели ранее Самурзаканские Чачба, раздражало его как главу этой княжеской фамилии. Когда ходатайство Михаила было отклонено начальником

Черноморской береговой линии ген. Будбергом, он обратился с неожиданной просьбой, чтобы его уволили от звания владельца, приняли Абхазию в русское управление и вознаградили именем в России или в Имеретии. «Звание владельца, - писал Михаил Будбергу, - теперь слишком унижено; можно быть владельцем только не при русском правительстве, а я не хочу быть разбойником Даниэль-беком»⁷¹. Но пока рано было убирать владельца, в лице которого царская Россия имела социальную опору в Абхазии, в чьей помощи она еще нуждалась в борьбе с соседними племенами. Исходя из этих соображений, наоборот, царские политики тогда укрепляют авторитет владельца.

«При Равеском* (1840 г. – Г.Д.) все изменилось, - пишет ген Филипсон**, - он сделал князя Михаила действительным владельцем Абхазии»⁷². А Анреп и Будберг во всем одобрили и поддержали систему, принятую их предшественником – Раевским. Русское правительство пока не вмешивалось непосредственно во внутреннюю жизнь Абхазии и в этом отношении ограничивалось только поддержкой владельца, «а тем самым, - писал Головин - край (Абхазия – Г.Д.) этот более и более за нами обеспечивается»⁷³.

Для царских политиков каждый успех Михаила – «своего» человека – в деле усмирения его политикой людей, что, в свою очередь, достигались также с помощью русских штыков, в конечном счете, был успехом русского царизма в Абхазии.

Такие действия царских политиков в Абхазии от имени владельца объяснялось слабостью русского царизма. «Такое отношение к владельцу, - пишет ген. Филипсон, - было отчасти вынуждено нашею слабостью в Абхазии»⁷⁴.

Владелец, обладая такой внешней помощью, крепко берет за бока всех тех, кто хоть сколько-нибудь игнорирует его власть. Если устранению соперников не помогали «домашние» средства, он вел интригу в Кутаисе и Тифлисе, и нежелательный субъект в качестве «противника русской власти», выселялся в холодную Сибирь.

«Правительство «баловало» Михаила, награждая его и кого он желал, без суда отправляло в ссылку, – писал великий князь Михаил Николаевич в 1864г. – тех, кто казался ему вредным... власть Шервашидзе сделалась вполне неограниченной»⁷⁵. Так, например,

* Начальник Черноморской береговой линии.

** Г.И. Филипсон – нач. штаба береговой линии в 40 х гг.

Таго Ачба был выслан в Сибирь по желанию владетеля, а имущество и подвластные были отданы кн. Кесарии Чачба. Таким же методом был устранен и один из тауадов Дзапш-ипа. Последний ложно был обвинен в Тифлисе как «яркий враг русской власти» и выслан в Сибирь, где и погиб от сурового климата. Так поступил и с одним из князей Эмхаа, имение которого было передано Кацу Маан.

В 1832 г. Михаил приказал Нарчу Инал-ипа, на дочери которого был женат Хасан-бей, переселиться из-за р. Бзыбь, но тот отказался. Нарча был схвачен посланниками Михаила, связан ими и перекинутый через седло, привезен к владетелю. Михаил даже не стеснялся продавать своих врагов. Так он продал куланархвского дворянина Лакырба. Испытанным «домашним» средством - травлей - был уничтожен Дмитрий Чачба в 1858 г. - владелец Серединной Абхазии (Абжуйский округ)⁷⁶ и т. д.

Вероломству Михаила не было конца. Такое укрепление авторитета владетеля вызывает оппозицию крупных феодалов. Но царское правительство старается привлечь на свою сторону и других князей и дворян. Абхазские князья и дворяне, конечно, не могли в целом быть недовольными русской властью, политикой царизма в Абхазии.

«Помещики в Грузии, – писал сенатор Менчиков - составляют лучшую и верную полицию»⁷⁷. Эта характеристика распространялась вполне и на абхазских феодалов. Если у отдельных князей и дворян были колебания, например: Батал-бей Маршания, Хасан-бей Чачба, Инал-ипа Федоруко и другие и если они участвовали в отдельных «бунтах» против русского оружия, то князья и дворяне в целом, верно, служили русскому царизму. Грузинское дворянство в своем адресе Николаю I в 1848 г. заявляло: «... не проходит дня, чтобы каждый из нас не видел доказательства высокого об нас попечительства нашего русского государства. Каждый из нас чувствует чистую, святую любовь и преданность к русскому, нашему самодержавному монарху»⁷⁸. Точно такими же чувствами были наделены и абхазские феодалы, и царское правительство по отношению к ним вело себя соответственно.

«Только одно аристократическое начало, – писал наместник Кавказа граф Воронцов в 1840 г. – может побороть то сопротивление против которого, к сожалению, кроме оружия доселе никакого оплота противопоставлено не было»⁷⁹. Тот же Воронцов в 1846 г. писал: «Ввиду политического положения края, надлежит не только не посягать на право высшего сословия, но и всеми мерами стараться об ограждении и укреплении оных»⁸⁰.

Русский царизм не только не урезал абхазских феодалов в политических и экономических правах, а, наоборот всячески защищал их интересы. Внешнее это «укрепление», о котором говорил граф Воронцов, выразалось в раздаче чинов, титулов, орденов, наград наиболее влиятельным феодалам. Интересно, в этом отношении, проследить карьеру самого Михаила, сделанную им на царской службе:

В 1822 г. – Михаил произведен был в прапорщики; 1823 г. – в майоры; 1830 г. – в подполковники; 1830 г. – в полковники; 1837 г. – в генерал-майоры. В 1841 г. ему был пожалован орден св. Анны I^{ой} степени, в том же 1841 году – орден св. Анны I^{ой} степени с Императорской короной; 1845 г. – св. Владимир 2ой степени; 1849 г. – был произведен в генерал-адъютанты; 1854 г. – пожалован орден Белого орла и 1857 г. св. Александра Невского. Эту «монаршую щедрость» Михаил вполне заслужил ревностной службой «Государю Императору». За походы: «1822 г., 1824 г., 1829 г.⁸¹, 1830 г., 1835 г., 1838-1841 гг., 1843 г.⁸², 1844 г. и 1854 г. против горцев на восточном берегу Черного моря, абхазских, цебельдинских и против турок»⁸³ и за помощь в покорении Абхазии.

Михаил, как и всякий русский офицер, по приказу начальства должен был действовать, – и действовал не щадя свою жизнь. И как всякий офицер русской службы на Кавказе награждался за определенные услуги перед царским оружием.

Келасурский феодал Хасан-бей Чачба, известный деятель экспедиции Паскевича 1830 г., получил чин поручика, Батал-бей Маршания – майора, Кац Маан – генерал-майора, его брат Хасан – поручика, Соломон Званбая – подполковника.

Так царское правительство укрепляло власть Михаила в стране, поощряло отдельных феодалов, а Михаил со своими феодалами, в свою очередь – власть русского царизма в Абхазии.

Таким образом, абхазский феодал являлся надежным оплотом русского царизма в его колониальной политике. Важную роль в системе колониальной политики царизма на Кавказе играло миссионерство. Русское миссионерство среди горского населения возникло, между прочим, по инициативе грузинского духовенства. Но христианская пропаганда на Кавказе в особенности в Абхазии, большого успеха не имела, особенно до 70-х гг. XIX в.

Еще в 1809 г. протоирей Иоанн Иоселиани, «желая оказать услуги Е.И.В.», поехал в Абхазию, чтобы «обитающих разбойников абхазетинцев – писал он Тормасову, – ярко удаленных от христианской веры нашей и не повинующихся законам ее, крестить и привести их именем

животворящей Троицы в христианское исповедание и тем сделать их, погруженных во мрак неведения, просвещенными и вселить в них верноподданскую преданность к Е.И.В., через что будет усиливаться в сердцах их желание научиться русскому языку...»⁸⁴. В этом письме ярко изложены задачи духовенства в деле завоевания Абхазии. Русский царизм считал православие своим верным другом и всячески поощрял его распространение в крае. Абхазия была наводнена христианскими проповедниками.

В 1831 г. в Абхазии была учреждена архиепископская кафедра. Но русское миссионерство в Абхазии мало соответствовало перед ним поставленным задачам. Деятельность духовного оружия отставала от деятельности материального. И чем последнее становилось решительным, тем первое оказывалось безнадежным.

«Труд» христианского проповедника в Абхазии был слишком «непроизводительным». Более того, такая профессия в Абхазии была жизнеопасна. Классовая сущность христианства уж хорошо была известна народу.

В 1822 г., в связи с предложением миссионерской комиссии перенести действия из Самурзакани в Бзыбскую Абхазию, где больше всего «оппозиционно» были настроены против христианской религии, Ермолов писал, что народ не повинуетя и оказывает «явное сопротивление военным силам нашим, с большим ожесточением им овладевшее, лишило всякой возможности действовать на умы их просвещением духовным»⁸⁵.

И старания протоппа Иоселиани были, как и нужно было полагать, безуспешными. «Что касается до приведения в греческую веру протопопом Иоанном Иоселиани здешних людей - рапортовал кап. Агарков ген-м. Симоновичу от 13 января 1811 г. – то сколько я ни старался о успехе его узнать, но никак не мог, а бывшие с ними здесь в одном месте люди уверяют, что он ни одной души в христианскую веру не привел»⁸⁶.

Христианская пропаганда имела более или менее успех в Самурзакане, где в 1832 г. было обращено, если верить документу, 1071 душ в христианство мингрельскими священниками. Это объясняется близостью христианской Мингрелии, имевшая влияние на Самурзакан и располагавшая хорошими кадрами. Но абхазский «христианин» не был «полноценным» христианином, ему не составляло труда пренебрегать принципами христианской веры, а в угоду

обстоятельствам и изменить ей. Потому что не он пришел к этой религии в силу внутренних побуждений, а ему ее принесли и навязали. Абхазский «христианин» не был отнюдь, таким образом, лояльным к его проповедникам и стоявшим за ним властям. Ясно, что такое положение вещей не давало никакого эффекта русским завоевателям.

Мусульманская религия, усиленно распространявшаяся турецкими муллами, имела больше успеха. «Исламизм, по-видимому, – писалось в газете «Кавказ» в 1868г., – взял вверх над христианством, но есть еще весьма много начал, опираясь на которые можно с успехом действовать для восстановления здесь христианства»⁸⁷.

Таким образом, христианская проповедь не имела большого успеха даже в 60-х гг. XIX в. «Христианская религия распространяется здесь слабо», - писалось в том же номере газеты «Кавказ». Только всеразрушающее оружие Русского царизма способно было заставить свобододобивый абхазский народ принять ярмо колониальной эксплуатации. Царское правительство в выборе средств не ошибалось, русские штыки безустанно «работали» и достигли значительных успехов, позволявших приступить к колониальной эксплуатации Закавказья.

Царская Россия, когда приступала к завоеванию Кавказа вообще, учитывала не только стратегическое значение, но и его экономические возможности, весьма прельщавшие. Первые 3 десятилетия господства России в Закавказье были временем самого беззащитного колониального, внеэкономического грабежа. Но вместе с развитием русского капитализма наиболее дальновидные политики и экономисты царской России начали понимать ту огромную роль, которую могло сыграть Закавказье с его природными богатствами в качестве источника дешевого высокоценного сырья для Российской промышленности, и тогда стали выдвигаться планы его экономической колониальной эксплуатации.

В 1827 г., например, министр финансов граф Канкрин выдвигает проект о превращении Закавказья, в своего рода, «новую российскую восточную Индию». «Не без основания, – писал граф Канкрин, – Закавказские провинции могут быть названы нашей колонией, которая принесет государству весьма важные выгоды произведениями южных климатов. Необходимо умножение сельского народного богатства: усиление земледелия и сельской промышленности, умножение табаководства, разведение хлопчатой бумаги, риса, масличных деревьев и других предметов, климату свойственных»⁸⁸.

В этом отношении Абхазия очень подходила. «Нет страны более богатой лесом возможных пород – пишет Фредерик Дюбуа де Монпэре – чем Абхазия. Такой лес можно достать по всему побережью, начиная от Сухума до устья Енгура, в особенности за мысом Искурия и в Илори. Кроме самых обыкновенных пород дуба, граба, бука, сосны и ели – здесь имеются также роскошные ясени, громадные тисовые деревья с красной древесиной, клены, груша необыкновенных размеров, самшит, каштан и т.д. Митридат, Страбон, Хосрой, Амурат III – все хорошо знали ценность этих богатств (но они потеряны для абхазов)»⁸⁹.

«Край (Абхазия – Г.Д.) изобильно производит, – писал Раевский, – виноград, шелковицу, оливку, рис и хлопчатую бумагу»⁹⁰, а так же табак, лен и коноплю.

Такова была экономическая сторона Абхазии, вполне удовлетворявшая колониальные аппетиты русского царизма. И с 30-х гг. XIX в., под влиянием роста российской промышленности, особенно текстильной, при узости внутреннего рынка, зажатого в тисках крепостного хозяйства, Закавказье превращается в рынок оборота русских товаров. С 40^х гг. под влиянием русской текстильной промышленности, главным образом, увеличивается потребность в сырье. И план Канкрин постепенно приобретает актуальность.

Однако, до реформы 1861 г. и проведения в Закавказье железнодорожных путей, – все попытки капиталистической колониальной политики – организовать производство промышленного сырья, вследствие общей экономической отсталости России – большого успеха не имели.

Но все же, если на первых порах Россия удовлетворялась открытым грабежом, то с 30^х гг. XIX в. Закавказье начинает постепенно превращаться в арену сбыта товаров русской промышленности и сырьевую базу. Русские купцы оказывают влияние на внешнюю и колониальную политику царизма.

Также как и английские купцы XVIII в., требовавшие «государственной охраны и монополии» – так и русские купцы стремились добиться от царского правительства покровительственных протекционистских мероприятий. Они этого и добились. В 1831 г. Закавказье уже было включено в общую таможенную систему. В связи с этим Сухум стал играть роль центрального торгового пункта. «Новороссийску предстоит важность – писал Раевский – как военной

гавани, но не менее важности приобретает Сухум торговлю... Сухум есть порт Закавказского края и также важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области»⁹¹. «Здесь находилась центральная таможня, которая «держала бы надзор за всеми таможенными заставами береговой линии»⁹².

В 1830 г. в Тифлисе образуется «торговая акционерная компания» русских фабрикантов. Закавказье начинает превращаться в рынок сбыта русской промышленности. Но русским купцам мешали иностранцы – англичане и турки, которые вели оживленную контрабандную торговлю с горцами, сведя на нет защитную таможенную политику (Закон 1831 г.). В 1830 г. в Трапезунде находилась компания английских купцов, наводнившая своими товарами Гурию, Имеретию, Мингрелию и побережье. Контрабанда на восточном берегу Черного моря приобретает большие размеры. И признание лорда Пальмерстона притязаний России несколько не снизила деятельность Трапезундской компании. Она распространяла дешевые товары и при том открыла на долгий срок кредит. Ежегодно в Сухум, с берега Анатолии прибывало до 70 крупных судов. Россия усиливает «блокаду» и таким образом, ей удалось прекратить в большей или меньшей степени доступ английских товаров. Но сама Россия не позаботилась о планомерном направлении товаров на побережье морем через Одессу, Крым и Ростов-на-Дону.

Товары в Абхазию шли на вьюках из Тифлиса, куда по военной грузинской дороге Макарьевская ярмарка, через Волгу также направляла свое добро. Не субсидируемые русским правительством купцы не посылали своих кораблей из портов Южной России на побережье Кавказа.

Только несколько греческих и армянских купеческих судов привозили из Крыма некоторое количество соли, железных изделий на побережье. Русские товары гораздо были дороже иностранных, привозимых морем. При этом русские купцы требовали в уплату за товары деньги, а иностранцы обменивались на меха, кожи, лес, мед, фрукты и т. д., что было выгодно абхазцам. Неспособность русских купцов заменить английские товары вызывает возмущение и тайное обращение к туркам и англичанам. Снова оживляется контрабандная торговля, тем более это было возможно почти при отсутствии береговой стражи, слабости крейсерства и при близости Батума и Трапезунда.

Маркс пишет: «Россия владела только тремя изолированными портами, в Сухум-Кале вообще не было русского порта. Блокада фактически не имела места, т.к. не было морских сил для ее осуществления. Экипажи 2-х английских судов «Виксен» и еще одного судна, посетившего в 1834 г. эту бухту свидетельствуют, что не было никакой оккупации русскими берега. Когда, «Виксен» входил в гавань Сухум-Кале, здесь не было военных русских кораблей. И только по происшествии 36 часов после того, как «Виксен» бросил якорь в гавань случайно зашло русское военное судно, которые пришло с открытого моря»⁹³.

Таким образом, пограничная охрана на побережье Абхазии была так слаба, что контрабандисты снова усиливают свою деятельность. Контрабандные товары выгружались до Сухума. Излюбленными местами для приюта контрабандистов была Очамчыра. С одного только Очамчырского базара владелец получал 500 рублей серебром ежегодно, урочище Дгамыш, устье Кодора, принадлежавшее княгине Кесарии Чачба⁹⁴, где базары давали ей до 1300 руб. серебром, Келасур, принадлежавший в 30-х гг. кн. Хасан-бею, а затем кн. Дмитрию Чачба⁹⁵, базар приносил до 1300 руб. серебром. Между прочим, для кн. Дмитрия и Кесарии «контрабанда» была главным источником доходов.

Турецкие и другие товары проникали тысячами путей в Абхазию, и даже на Северный Кавказ. Таким образом, русские власти не располагали почти никакими силами, чтобы предотвратить контрабандную торговлю.

В 1845 г. устанавливается регулярное пароходное сообщение между Керчем и Сухумом, а в 1846 г. и с Одессой. С этих русских торговых городов к берегам Абхазии идут пароходы, нагруженные товарами русской промышленности. Царское правительство решило забрать в свои руки все абхазские порты, при этом, преследуя цель окончательно пресечь проникновение сюда турок, европейцев и держать монополию торговли здесь.

Граф Воронцов писал Чернышеву от 15 марта 1847 г. о закрытии в Абхазии портов и вознаграждении за это князей Шервашидзе, которые получали доходы от портов: Очамчыры, Келасуры, Гудава. А Кавказский Комитет постановил 6 мая 1847 г.: «Порты в Абхазии, именуемые Очамчыры, Келасуры, Гудава, принять в карантинно-таможенное ведомство, распространив на них по всей силе карантинно-таможенный надзор, существующих в прочих наших портах восточного

берега Черного моря»⁹⁶. А размер ежегодного вознаграждения Чачба было установлено – 12 тыс. рублей⁹⁷.

Император на журнале Комитета, где об этом сообщалось, написал собственноручно: «исполнить». И названные порты были приняты в карантинно-таможенное ведомство с 1 марта 1848 г. Это диктовалось еще и тем обстоятельством, что наряду с ввозом русских товаров усиливается и вывоз абхазского сырья. А эти порты как раз и являлись теми пунктами, откуда вывозились ореховое дерево и самшит - главные предметы вывоза царской России из Абхазии в это время.

Вот, например, данные о росте вывоза самшита из Абхазии:

	1848 г.	1849 г.	1850 г.	1851 г.
Из Сухума:	46,592п	16, 480п	32, 288п	24, 825п.
Из Очамчыры:	8,630п.		20,500	40.000
Итого:	55, 222	16480	52,788	64,825 ⁹⁸ .

Из всего вышеуказанного ясно, что Абхазия постепенно превращается в колонию Русского царизма и здесь устанавливается колониальный режим со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тяжесть этого режима целиком ложится на плечи трудового крестьянства, испытывавший теперь двойной гнет – царизма и «своих» феодалов. Интересы последних поддерживались царизмом, который усилил крепостнические элементы феодальной зависимости. Все крестьянство без исключения втягивается в орбиту жестокой колониальной и феодальной эксплуатации. Результатом усиления крепостничества и колониального гнета были многочисленные крестьянские восстания. Еще в 20-х гг. XIX в. во главе народных движений стояли отдельные князья и дворяне в силу того, что еще не успели разобраться в событиях и занять четкую позицию. А уже в 40-х гг. эти «вожди» окончательно изменяют борьбе за независимость Абхазии, они находят свое место, четко определяют свои позиции. Ибо это движение превращается в классовую борьбу абхазского крестьянства против русского царизма и его союзников – абхазских феодалов.

Помимо уже вышеуказанных восстаний, следует отметить крестьянское восстание 1830 г. В этом году Кодорские крестьяне напали на знаменитую церковь св. Георгия в Илори и разрушили его, сожгли и дом, принадлежащий владельцу.

В 1840-1841 гг. произошли ряд восстаний цебельдинских, дальских и кодорских крестьян, имевшие, между прочим, некоторое влияние на знаменитое Гурийское восстание 1841 г. Сильные подъемы народных волнений и движений отмечались и в 1842, 1843, 1847, 1849 гг., затем 1853, 1854, 1856, 1859, 1860 гг.

В 50-х гг. русский царизм еще больше наступает на горские народы Кавказа. Россия стала на путь систематического завоевания Кавказа. В 1853 г. предлагалось продолжать установленную уже систему закрепления русского владычества, и сообразно были распределены войска Кавказского корпуса. В программу «Высочайше утвержденных» действий вошли усмирение ближайших непокорных горских племен, борьба с Шамилем, работы по улучшению и возведению новых дорог, усилению старых укреплений. Для этих действий было предназначено из 128 батальонов, 11 эскадронов, 52 казачьих полков и 232 орудий, сосредоточенных на Кавказе 96,5 батальонов, 7 саперных рот, 146 орудий, 6 эскадронов, 109 сотен и 1 батальон казаков, 35 сотен милиции и 4 сотни дагестанских всадников.

Войска Черноморской береговой линии, под начальством вице-адмирала Серебрякова, должны были совместно с войсками Черноморской кордонной линии, под начальством полков. Кухарского, действовать против натухайцев и шапсугов, а также производить работы по улучшению укреплений Кабардинского, Навагинского, Новороссийска, Геленджика, Сухума и прочих прибрежных пунктов.

Лучшие кавказские войска были прикованы к краю для борьбы с «внутренним врагом» и, несмотря на то, что они составляли почти четвертую часть всех русских сил, их было не достаточно. Все вооруженные силы, сосредоточенные на Кавказе, получили определенное назначение для действий против горцев и для работ на линии⁹⁹.

Казалось бы, Кавказ, в частности Западный Кавказ, уже находится под сапогами русского «военно-феодалного империализма», но начавшаяся вскоре война, так называемая Восточная, поколебала положение России здесь. Этому помогало и то обстоятельство, что кавказские народы еще не сложили оружия борьбы за независимость и не потеряли уверенность в благожелательном ее исходе.

Звон оружия кавказских горцев еще больше усиливается. «Весь этот край (Кавказ – Г.Д.) - пишет Зайончковский, - бывшим полем полувековой упорной войны с горцами и бесспорно важным театром военных действий в случае нашего столкновения с Турцией. Кавказ представлял из себя такой горючий материал, которым враги наши неменуемо должны были воспользоваться»¹⁰⁰.

Началась Восточная война. Решено было упразднить Черноморскую береговую линию. Русское правительство, конечно, вполне понимало, что очищение черноморских фортов, открывало доступ к ним туркам и их союзникам, что замедляло покорение горских народов. Но это решение было продиктовано самой необходимостью. «В Черном море против сильных неприятельских флотов защиты нет, - писал Воронцов Николаю I, – и падение всего, что мы имеем на этом берегу, даже при сохранении может быть Новороссийска, будет иметь самые пагубные следствия для могущества России на Кавказе и для влияния России в Европе»¹⁰¹.

Начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Серебряков докладывал в январе 1854 г. Воронцову, что русские укрепления не могли быть ни обеспечены от покушений даже одних турок, ни снабжены провиантом на продолжительное время¹⁰².

Задолго до объявления войны крейсировавшая у побережья союзная эскадра, состоявшая из двух пароходов и двух корветов, уже достаточно показала силу союзнического флота. И адмирал Серебряков просил Меншикова усилить русскую крейсерскую эскадру. Меншиков, заботясь о сохранении флота, собрал его в Севастопольскую бухту и Серебрякову отказал.

Серебряков отправил 3 парохода под начальством контр-адмирала Панфилова и снял гарнизоны, вывез на транспортах артиллерию и снаряды, взорвал укрепления и 5 марта высадил в Новороссийске 3489 человек. Только одно гагринское укрепление было оставлено. Преемник гр. Воронцова ген. Ред¹⁰³ распорядился гагринский гарнизон оставить на месте для прикрытия Абхазии от вторжения горцев через перевал Псеашха. Потому нужно было удержать до тех пор, пока гарнизоны прочих укреплений не отступили.

В марте 1854 г. под предводительством наиба Шамиля энергичного Магомета Эмина, – борца за свободу западно-кавказских племен, – на Гагры надвинулись до 30.000 горцев.

Наиб Магомет Эмин был прислан вождем демократического Дагестана и Чечни Шамилем для организации всеобщего восстания.

К ним примкнуло несколько тысяч абхазцев. В течение 6 недель они нападали на Гагринское укрепление, где засел русский гарнизон под начальством капитана Быховского.

Но скоро пришел корабль «Св. Иоанн», капитаном которого был керченский грек Фотий Сарандо, он спас 600 человек.

Восставшие заняли почти всю Бзыбскую Абхазию, но были выбиты русскими войсками оттуда. Единственным путем отступления гарнизонов через Сухум была узкая прибрежная дорога с переправами в брод через горные речки, которые в дождливую погоду превращались в бешенные потоки. Кроме того, русские гарнизоны оказались между двух огней: с моря им угрожал десант союзников (турок, англичан и французов), с гор – восставшие массы абхазцев и черкесов. В Тифлисе для уменьшения такой опасности сочли необходимым всю операцию вверить владельцу Абхазии, рассчитывая на его связи и влияние. И ген. Реед предписал ген-адютанту Михаилу Чачба вывести войска.

Еще Воронцов предписал вице-адмиралу Серебрякову и ген.-м. Миронову осуществить сухопутное отступление Пицундского, Бомборского и Мрамбинского гарнизонов, в связи с ликвидацией Черноморской береговой линии, на Сухум. Но и Сухум был незащищен против атаки с моря – это выяснилось после осмотра его начальником инженеров отдельного Кавказского корпуса ген.-м. Ганзеным.

Решено было присоединить эти гарнизоны с Гурийским отрядом. Михаил, уничтожив в Пицунде и Бамборах все крепостные сооружения и орудия, лично вывел и привел гарнизоны в Сухум 29 марта. Сюда привели и мрамбинский гарнизон Батал-бей Маршания и Георгий Чачба. Под начальством Михаила отряд двинулся к Ингуру. Ему пришлось отступать с боем, т. к. на него непрерывно нападали абхазцы. С обеих сторон было много убитых и раненых. Благодаря Батал-бесю было предотвращено нападение цебельдинцев на русские отряды. Михаил присоединил гарнизоны к Гурийскому отряду и тем самым блестяще выполнил приказ русских генералов. Без его содействия эти войска не могли выйти благополучно при общем враждебном настроении окружающих племен. Это усердие было отмечено соответствующим образом. Михаилу был пожалован орден Белого Орла¹⁰⁴. А турки вошли в Абхазию и заняли Сухум.

Михаил поселился с семейством в Мингрелии, в доме своего тестя кн. Григория Дадиани. Вскоре дом, где поселился Михаил, сделался центром оппозиции против правительницы Мингрелии, и туда стекались

все недовольные князя. Однако правительница Мингрелии Екатерина Дадиани, враждебно относившаяся к Михаилу, просила князя Мухранского, командира Гурийского отряда, удалить его как интригана, но это не было выполнено. Михаила посещают и абхазские князья, туркофильски настроенные. Он даже успел сгруппировать сильную партию, которая сделалась в его руках послушным орудием.

В феврале 1854 г. Селим-паша занял некоторые, покинутые русскими, береговые укрепления на абхазском берегу. В мае был занят и Сухум.

В апреле 1855г. в Зугдиди прибыл ген. Реад, который имел свидание с Михаилом, после этого разговора последний был очень взволнованным и раздраженным. О чем говорили неизвестно, но потому, как это свидание отразилось на настроении Михаила не трудно догадаться, что Реаду стало известно о поведении Михаила, и весьма возможно от правительницы Мингрелии Екатерины, ненавидевшей владетеля Абхазии. Последний спустя 3 недели после этого внезапно выехал в Самурзакан, где объявил тамошнему приставу, что едет по секретному предписанию Реада.

Прибыв в Очамчиры, 12 мая собрал близких к нему князей, с которыми имел долгую беседу. Здесь обсуждался вопрос: чью сторону держать, турецкую или русскую? И результатом этого совещания была посылка делегации из князей к муширу Мустафа-паше, высадившегося с отрядом в Сухум-Кале. Владетель объявлял о желании оставаться нейтральным между воюющими странами. Но к этому добавил, что если в Абхазии будет произведен сильный десант союзных войск, то присоединится к союзникам, потому что в таком случае дело русских проиграно. Таким образом, Михаил колебался, хотя он напруг всю свою фантазию, но не смог предвидеть исхода войны.

– «Как бы чего не вышло?» – это мучило Михаила.

В мае все силы союзников были сосредоточены в Крыму, где истощались в кровавых боях перед Севастопольским укреплением. Весьма вероятно, что в то время в совете союзных главнокомандующих ничего еще не было решено положительно относительно десанта в Закавказье. Мустафа-паша и англо-французские агенты в Сухуме Лонгворт и Шампуазо решительно отвергли предложение Михаила. Желая, однако, завязать с ним сношения на более прочном основании, Мустафа-паша через несколько дней прибыл на пароходе в Очамчиры и пригласил его на свидание к себе. Но Михаил уклонился от него под предлогом болезни. После

этого паша отказался от всяких дальнейших с ним переговоров. Но переговоры с пашой необходимы были Михаилу для его планов. Он послал убыхского старейшену Хаджи-Берзека, чтобы смягчить Мустафа-пашу, чтобы последний объяснил ему конкретные выгоды, которые может доставить Оттоманская Порта. После этого Мустафа снова приехал на пароходе в Очамчыры и, не съезжая на берег, приказал пригласить владетеля к себе с тем, чтобы вместе ехать в Сухум. Владетель принял это предложение. В Сухуме владетель встречен был с воинскими почестями, ему был отведен лучший дом. Переговоры между пашой и владетелем начались безотлагательно.

Владетель потребовал: 1) Всех тех прав и преимуществ, которые представлены были его деду, Кельш-бею. 2) Главного начальства над всеми войсками, расположенными в Абхазии.

Обещания, что все области, которые оружием или переговорами успеет он присоединить к Абхазии, останутся навсегда в потомственном его владении. Паша послал запрос дивану в Константинополь. Пока паша сносился с Портой, Михаил ездил по Абхазии, собирал своих приверженцев и убеждал их оказывать туркам содействие, но не вступать с ними в сделку иначе, как через него.

Однако, скоро произошла размолвка. Паша требовал от Михаила вызвать жену из Мингрелии, этим он хотел приобрести надежный залог в отношении к владетелю. Михаил обманывал турок, он посылал к ней одного посланного за другим с требованием чтобы она немедленно прибыла в Абхазию, это он делал наружно, а тайно писал, чтобы она оставалась в Мингрелии. На этой почве возникли крупные ссоры между пашой и владетелем.

Все-таки Михаил собрал 400 чел, под начальством Батал-бея Маршания и отдал их в полное распоряжение Мустафы. Омер-паша, начальствовавший над турецкими войсками, расквартированными на побережье Кавказа, предпринял 3 сентября рекогносцировку побережья на пароходе.

Осмотрев турецкие укрепления и гарнизоны 4 сентября прибыл в Сухум, куда и пригласил владетеля, жившего в Гинзе-Эцери. Но владетель уклонился от свидания, ссылаясь на половодье рек. А Сухумский паша доложил, что Михаил мало сочувствует туркам, не оказывает должного содействия. В середине сентября Омер-паша вновь прибыл, на берегу встретился с владетелем, и вступил с ним в переговоры, решены были как планы предстоящей кампании, так и условия, на которых Михаил обменял присягу в верности, принесенный

им русскому Императору на такую же турецкому султану. Условия владетеля были приняты. И Михаил торжественно, с ружейной пальбой, был провозглашен главным начальником всех укреплений и гарнизонов, расположенных от Анапы до Батума. Таким образом, вдруг перед Михаилом раскрылась блестящая перспектива, действительность далеко опередила самые смелые надежды его. Не только Самурзакан – вечное яблоко раздора между фамилиями Чачба и Дадиани, но и самую Мингрелию – древнее достояние врагов его, Дадианов, неслыханное стечение непредвиденных обстоятельств повергало под его власть. И в том, что все это осуществится ручались сильнейшие державы мира.

Таким образом, в сентябре 1855 г. князь Михаил считал, что военно-политические обстоятельства уже вполне определились, и что дальнейшее колебание только повредит его интересам: смело и прямо пошел он к своей цели. Решено было направиться главными силами со стороны Абхазии через Самурзакан.

План турецкого командования сводился «к занятию, – пишет Маркс, – эксцентрической позиции по отношению к осадной армии – к угрозе Тифлису, этому центральному пункту русской власти в Азии и вынуждению Муравьева к отступлению от Карса под угрозой быть оторванным от оперативной базы и коммуникационной линии»¹⁰⁵.

Весь сентябрь прошел в перевозке турецких войск из Батума и Трапезунда в Сухум, к концу этого месяца там сосредоточено было 36 тыс. чел. при 40 орудиях. Русских войск в этой части театра войны было очень мало: в Гурии $4\frac{3}{4}$ батальона, внутри Гурии, Мингрелии и Имеретии для охраны складов, военных помещений и т. д. $1\frac{1}{4}$ батальона. Для противодействия же Сухумского абхазско-турецкого отряда осталось 11 батальонов, где насчитывалось 4650 штыков¹⁰⁶.

В первых числах октября армия Омер-паши двинулась из Сухума к пределам Самурзакани. Он через Мингрелию намеревался пойти на защиту Карса. Омер-паша выбрал удачный путь, он шел по хорошим русским военным дорогам.

Социальные верхи, пользовавшие «щедростью» русских столько лет, решили действовать в пользу России не за страх, а за совесть, изъявили желание сражаться против турок. Послали депутацию в Зугдиди к кн. Багратиону-Мухранскому для проявления своей преданности. Но Михаил скоро успел, лично знакомый со всеми влиятельными лицами в Самурзакани, склонить их на сторону турок. Он явился хорошим «агитатором», толковал, что «если он, которому

так хорошо было у русских, отошел от них то это должно убедить каждого, что дело русских уже окончательно потеряно, и что в будущем хорошего ждать можно только от врагов России»¹⁰⁷.

Первым пришел начальник самурзаканской милиции, штабс-ротмистр Зураб Чкотоуа, затем последовала вся милиция. А абхазское крестьянство везде поддерживала турецкую армию, встречая ее как освободительницу от великодержавного гнета русского царизма.

К 20 октября главные силы турецкой армии скопились на правом берегу Ингура. 25 октября на р. Ингур произошел знаменитый Ингурский бой, русские отряды, под командованием кн. Багратиона-Мухранского, на голову были разбиты¹⁰⁸. Русские с большими потерями отступили. Здесь пал смертью храбрых подполковник Солюмон Темуркович Званбая, командовавший Черноморским линейным №11 батальоном.

Турки, достигнув эту победу ценой 450 человеческих жизней, спустились к Редут-Кале. Они заняли Зугдид и выставили авангард свой у Цейша. Мингрельская милиция разбежалась. Началось движение в глубь Мингрелии. Ему благоприятствовало обстоятельство. Омер-паша начал свой поход в период войны, когда союзниками была взята южная сторона Севастополя. И это быстрое движение создало известное моральное состояние у населения, благоприятствовавшее туркам, у них поколебало их верование в непобедимость России.

Но Омер-паша должен был потерпеть неминуемое поражение. Он не мог растянуть свою экспедицию на продолжительное время, так как обещанных ему английских транспортов не оказалось на месте, когда еще турки выступили из Сухума. Омер-паша оказался без военных припасов, без продовольствия и транспортных средств. Если он и сделал такой головокружительный успех, то исключительно в силу, выше указанных, благоприятных обстоятельств, в силу превосходства в количественном отношении его армии. И чем дальше, тем туго становилось паше. Медленность и неаккуратность с какой ему доставлялись припасы, затрудняли все его операции. После каждого двух-трех переходов ему, молниеносно наступавшему в самом начале, приходилось останавливаться чуть ли не на неделю, чтобы достать самое необходимое и, когда он продвинулся, наконец, на расстояние 3-х дней пути от Редут-кале вглубь страны, он оказался совершенно парализованным.

Русское командование, заметив неблагополучность паши, усиливает свой натиск. Паша, видя в тоже время перед собой сильную русскую армию, отступает к побережью, куда русские последовали за ним, тревожа его тыл очень серьезно¹⁰⁹. Омер-паша привел к долине Риона не больше 18-20 тыс. чел.¹¹⁰. «Мингрелия, за исключением береговых фортов, снова в руках русских». “Этим заканчивается, – пишет далее Маркс, - третья удачная кампания русских в Азии, Карс и его округ завоеваны; Мингрелия освобождена от неприятеля, последний еще оставшийся боеспособным отряд турецких войск – армия Омера-паши – значительно обессилена численно и морально”¹¹¹. В конце декабря 1855г. Омер-паша отбыл с войсками в Трапезунд. 26 февраля 1856 г. было получено известие о заключении в Париже перемирия.

Русский царизм, по условиям мирного договора, сохранил свои права на Черноморском побережье. Турецкие войска оставили Абхазию. Сладкие мечты Михаила и доброе согласие с Омер-пашой продолжались недолго. После занятия Самурзакани, Омер-паша отдал Михаилу во владение его, как первый задаток будущих богатых приобретений.

Омар-паша очутившись посреди самых неблагоприятных обстоятельств, начал отыскивать человека, на которого мог свалить вину неудачной мингрельской экспедиции. Нашел его в лице Михаила, который действительно вначале был душой всего предприятия. Скоро отнял Самурзакан. Михаил отшатнулся от Омер-паши. Когда последний уже был в Трапезунде, пригласил Михаила к себе для личных объяснений, но владетель не поехал. После этого Михаил был сильно сконфужен. Теперь, ему и его таудам – «перелетчикам» не оставалось ничего, как только ехать в Тифлис «извиняться», чтобы смягчить свою участь. Михаил даже притворно играл в Тифлисе роль обиженного.

Россия сама оставила на произвол судьбы, - говорил Михаил с опущенными глазами и дрожащим голосом. Когда «перелетчики» оправдывались перед русскими властями, население, уже хорошо знавшее «прелести» русской колониальной эксплуатации, ответило целым рядом восстаний на приход русских. Царские политики решили оставить пока Михаила в его правах и «проверить на практической работе». Михаилу улыбнулось «счастье». И причиной, вызвавшей эту улыбку, было политическое положение царской России в Абхазии после Восточной войны.

Восточная война свела почти на нет все достижения царской России в деле покорения Абхазии. Абхазия около 2 лет была избавлена от

жестокого русского колониального режима, почувствовавшие прелести свободы массы шли на отчаянное сопротивление. Михаил нужен был царским политикам, более того, в нем нуждались сейчас. Эта пешка должна была еще играть свою роль. Императором было возложено на Михаила занятие Абхазии. Немедленно, во исполнение императорского «повеления» Муравьев приказал Михаилу осмотреть дороги, ведущие в Абхазию, и укрепления, занимавшиеся русскими войсками до вывода их из Абхазии. Михаил вошел в свою роль, которую в былое время так искусно играл. 10 июля 1856 г. русские войска под начальством Михаила заняли Сухум. Город был разрушен, мосты и переправы по всей дороге были уничтожены. Укрепление Бомборы полностью было уничтожено. В Пицундах древний храм остался цел, но крест с него был снят, дом построенный для миссии и другие здания были разрушены. Укрепление Гагры было превращено в груды развалин и пепла¹¹².

26 августа 1856 г. на 2-х военных пароходах и 5 транспортных и на одном частном бриге были отправлены в Сухум Черноморские линейные №11, 14 и 16 батальоны, военно-рабочая № 20 рота и дивизион артиллерии Сухум-кальского артиллерийского гарнизона со всеми тяжестями. 4 сентября - из Поти – 9-й и 10-й батальоны¹¹³. Абхазское побережье опять было занято русскими войсками. Вновь были построены укрепления.

Но еще 2-3 года положение Русского царизма в Абхазии было непрочным. «Сколько мне известно, – писал ген. Филипсон, – положение Абхазии не изменилось к лучшему с тех пор, как я ее оставил¹¹⁴: так же точно наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен... Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею. В случае повторения несчастных событий 1854-1856 гг. мы опять потеряем эту область»¹¹⁵.

«Занимаем, но не владеем» – таково было действительное положение России в Абхазии. Еще в 1856 г. обер-квартирмейстер отдельного Кавказского корпуса ген. Карлгоф спрашивал: «...предполагаем ли мы прочно в ней (в Абхазии – Г.Д.) утвердиться или имеем в виду всякий раз, когда неприятель будет угрожать нам с моря, очищать край как это было в минувшую войну»¹¹⁶.

Ставился вопрос «или-или». Царские политики переходят к решительным мерам. Карательные экспедиции «заработались». Одной из многих является, например, экспедиция ген-м. Лорис-Меликова, начальника войск в Абхазии, на Псху в начале 1859 г. Этот генерал по

распоряжению Кутаисского генерал-губернатора Эривова от 7 февраля собрал в Сухуме 2 батальона пехоты, дивизион горной артиллерии, 4 ракетных станка и 500 чел. милиции абхазского округа (Сухумского), в окрестностях с. Аацы – 600 милиции Бзыбской Абхазии, в с. Гуме – 600 цабальской милиции.

Выступив 23 января регулярные войска стали на р. Псырдзха, а абхазская (сухумская) милиция в ущелье р. Аапста. Русский отряд не смог преодолеть горы, которые составляли непроходимое препятствие. Тогда с достигнутых мест была открыта пальба, чтобы противника привести в смятение. Маневр удался. 28 января Псхувская депутация явилась в с. Аацы к Лорис-Меликову, а 29 - приняла присягу на верность подданства и в залог данных обязательств выдала аманатов. 30 января отряд вернулся в Сухум.

Но скоро общество Псху «опять от нас отложилось» - докладывал Карлгоф Эривову 10 апреля 1860 г. - а взятые аманаты, которые были отданы на поруки Хасану Маан, разошлись. Последний возвратил их без русского ведома в Псху. Когда об этом стало известно русским властям, псхувцам было предъявлено требование: выслать аманатов, но псхувцы его не выполнили. Но главнокомандующий Кавказской Армией в данном случае вынужден был ограничить свое действие только предписанием кутаисскому ген-губернатору об аресте Маана¹¹⁷. Так как в это время поднимается мощная волна освободительного движения по всей стране.

«Все комбинации, – писал командующий войсками в Абхазии ген-м. Корганов, – обстоятельств и настроение умов в Абхазии и Цебельде представлялись, как уже не раз много было писано, глубокие замыслы противодействия нашему государству...»¹¹⁸.

Непосредственной причиной подъема освободительного движения в 1860 г. является распространившийся слух о том, что начинается война России с Турцией, и что войска вновь будут отступать из края. Русские власти, видя с какой силой разворачивается это движение, решили покончить с ним одним решительным ударом. И объектом удара был выбран Псху – последняя цитадель освободительного движения. 7 августа 1860 г. Корганов внезапно, даже неожиданно для войска, выступил с 6 стрелковыми и 4 линейными ротами, взводом горной артиллерии, 1 взводом ракет, 50 донскими казаками и 3 тыс. сухумской, цебельдинской и дальской милицией с 14-ти дневным провиантом. 14 августа отряд дошел до истоков р. Бзыбь и занял правый ее берег. И 15 августа вечером вступил в Псху.

Наступление шло с 4-х сторон. Кн. Константин Чачба с Сухумской милицией занял перевал Доу 11 августа, а кн. Александр Чачба и Кац Маан с милицией Бзыбской Абхазии заняли перевал Амакя, дальская и абжуйская милиции заняли верховье реки Чхалты. А капитану первого ранга Грече предписано было 10 августа отправиться на корвете «Удав» и произвести крейсерство до Вардане, а по 16 августа тревожить жителей Адлера и Сочи бомбардировать побережные села и этим занять джегитов и убыхов, которые могли пойти на помощь псхувцам.

14 августа дальская милиция во главе с кн. Алмахситом и Мамад-Гиреем заняли позицию на горе Гунурхва – надежный ключ к псхувским деревням. 16 августа сюда пришло все войско. Псхувцы были прижаты, переживали критический момент, когда 17 августа, к величайшей их радости, пришли на помощь джигеты и убыхи. На помощь пришли ахчипсхувцы и айбгаа. Силы удесятерились, моральный дух поднялся. Плохо вооруженные горские племена, спаянные духом ненависти к русским узурпаторам, отчаянно отражали наступление превосходящих войск, руководимых русскими генералами, офицерами, абхазскими князьями и дворянами, съевшими собаку на кровавом покорении кавказских народов. Но превосходящее русское оружие брало свое. 17 августа войска прорвались в долину р. Грибза и, вытеснив горцев с позиции, заняли завалы. Оборонясь, а иногда и наступая, но больше отступая чем, наступая, горцы направились в Цыбшха (гора). После долгих боев, с большими потерями (60 чел. было убито), укрылись в Цибшха.

Со стороны русского отряда было убито 16 чел. и ранено 52¹¹⁹. Псхувцам был предъявлен ультиматум, что в случае дальнейшего сопротивления все села будут преданы огню. А гарантией этого ультиматума были пущенные «красные петухи» по селам. Крики детей, плач женщин и «красные петухи» заставили отважных защитников свободы, после долгих колебаний, покориться силе. Они послали своих представителей, которые 18 августа приняли присягу на верность и выдали аманатов.

Наконец, после 3-х неудачных походов в эту страну, последний уголок Абхазии, где еще не ступали сапоги царских узурпаторов, на четвертый раз заблестели русские штыки под ярким августовским солнцем 1860 г.

В 1862 г. ген. Шатилов превзошел в жестокости покорителя Псху. «Занял село Латы, где предал огню огромные запасы горцев», - так доносил он царю.

В апреле 1864 г. великий князь Михаил Николаевич (брат царя) с большим отрядом войск проходит в верховья р. Псоу, в районы населенные ахчипсхувцами, садзами и убыхами. Подобными карательными экспедициями заполнена история Абхазии после Восточной войны.

Царская Россия действует решительно. Во время всех этих позорных экспедиций тысячи абхазских крестьян погибли в неравном бою, целые селения разрушились, все, что нельзя было захватить с собой, сжигалось. Для турецких агентов-мулл, купцов и пр. создается благоприятный момент, увенчавший успехом их деятельность. Эти провокаторы расписывали бедным абхазским крестьянам земной рай, ожидавший их в Турции, где ослы «питались» сахаром, где в половинках дынь смело «купались» буйволы невиданных размеров, где все люди братья и равны перед богом и его наместником на земле падишахом и т. д. И тысячи крестьян вместе с семьями прощаются с разоренной и опустошенной родиной, отправляясь в «гостеприимную» и «волшебную» «страну турков». Это переселение абхазских племен известно под названием «махаджирство» («мухаджир» – по турецки переселенец).

Только за период с 1850 по 1864 гг. из Абхазии было выселено: из Псху – 3.600 чел.; Ахчипсху – 4000; Джигетии– 12000 чел.¹²⁰ и т. д., всего около 30-40 тыс. «махаджиров». Турция принимала их с целью использовать в борьбе с Россией.

Переселенцев в «стране турков» ожидало горькое разочарование. Многие гибли по дороге, а более половины оставшихся погибало в «Волшебной» стране от ужасных условий. Они, как говорят абхазцы, побоявшись огня, прыгнули в кипящую воду.

Многие вернулись, похоронив в чужой стране, или бросив в бездну моря, старцев и детей. Освободились огромные территории, пашни заросли колючкой и папоротником, сады и виноградники смешались с диким лесом и вырождались. Дома развалились и покрылись зеленым ковром. Осиротевший и одичавший скот, птица, собаки бродили по некогда цветущим долинам Абхазии – Цабала, Дала, Псху – обратившиеся в пустыни. Звучный голос абхаза сменился воем шакала и волков. Дикая природа постепенно смывала следы человека... Но зато Абхазия «успокоилась». Освободились земли для капиталистической колонизации, необходимый для превращения Абхазии в сырьевую колонию. «Махаджирство» для царизма – полное

политическое покорение края, а для буржуазии – «очистка почвы» для капитала.

1863 г. – канун «замирения» Кавказа. Идет решительная война с народами Западного Кавказа. Царская Россия идет к финишу. В этих условиях Абхазия была плацдармом для России в борьбе с горскими племенами Западного Кавказа. И задачей Михаила являлось употребить свою власть для того, чтобы водворить порядок в Абхазии и содействовать целям царизма в отношении соседних горских племен. Михаила еще «ласкали», выражаясь языком документа. Но надежда не оправдалась. Кн. Михаил уехал на все лето в Пятигорск, поручив управление родному брату Александру. Осенью поселился в своем имении Соук-Су и вошел в тесные сношения с убыхами. Михаил желал при жизни сделать владетелем сына своего Георгия, находившегося адъютантом при наместнике. 26 февраля 1863 г. Михаил писал Святополк–Мирскому¹²¹, что здоровье с каждым днем ухудшается и просил об увольнении от действительной службы и об отправлении для лечения болезни за границу, а владетелем назначить его сына Георгия. Царские власти пока эту просьбу не удовлетворили, но тщательно спрятали письмо, чтобы в свое время воспользоваться им для окончательного разрешения абхазского владетельского вопроса. Оно настало – 1864г. Тогда Западный Кавказ – цитадель многолетней освободительной борьбы кавказских горцев – был покорен царскими войсками под командой генерала Евдокимова.

1864 г. – официальная дата покорения Кавказа. Покорение Западного Кавказа имело непосредственное влияние на официальное уничтожение автономии Абхазии. Теперь царские политики решили полностью «овладеть» Абхазией, и для этого, прежде всего, убрать владетеля. Михаил – подставная пешка - сыграл свою роль. Больше он был не нужен. Более того, он мешал русскому царизму своими феодальными интригами, личной своей враждой с тауадами. Он не раз путал карты царских политиков. «Внутренние раздоры - писал Филипсон - главных фамилий вызывают наше в них участие и порождают ряд действий...».

Великий князь Михаил Николаевич* написал обширную секретную записку царю, где доказывал настоятельными доводами о необходимости и возможности уничтожения владетельской власти в Абхазии и последнюю сделать русской административной единицей.

* Брат Императора России Александра II.

Правительство, занятое упорной войной, как, говорится в записке, на всем пространстве от Каспийского до Черного морей, не могло отделить достаточных средств, чтобы взять Абхазию в полное подчинение и для водворения в ней внутреннего порядка, ограничивалось только поддержкой власти владетеля.

«Россия вместо благородной союзницы, приобрела в Абхазии непокорную и коварную рабу, готовую с распростертыми объятиями принять каждого врага нашего, который явится у ее берегов, так поступила она в минувшую войну и еще ставить себе в заслугу то, что выпустила войска паши из своих пределов, не истребив их... В настоящее время еще ни один солдат не смеет отойти 2-х верст от Сухума, не подвергаясь опасности быть убитым, ни один начальник не решается проехать по этому краю без сильного конвоя»¹²⁴.

Власти русские не касаются внутреннего управления, ни податей, ни повинностей абхазцы не несли. Русским доставалось то, что брали грабежами. «Оставаясь в настоящем положении - писал далес вел. кн. - Абхазия всегда будет представлять готовый плацдарм и готовое основание для действия неприятеля против Закавказского края со стороны моря», – т.е. неприятель мог воспользоваться всеми стратегическими выгодами Абхазии, которыми царская Россия в свое время воспользовалась. Теперь можно было «отделить достаточно средств для принятия страны в полное подчинение». Если до сих пор царские власти нуждались в пособии власти владетеля, без которого «не имели бы сил держать Абхазию в повиновении и ограждать себя от убыхов», Абхазия прикрывала другие «болсе важные земли», то теперь «не существовало это оправдание».

Великий князь предлагал покончить с владетелем «одним решительным ударом», так как в противном случае «он не уступит без борьбы; способен даже искать покровительства враждебных нам иностранных держав, и хотя не имеет на это никакого права, по при настоящих политических отношениях наших к Европе, западным державам нужно не право, а только предлог и благоприятные обстоятельства. По всем изложенным причинам всякие переходные меры для преобразования управления Абхазии в настоящее время должны считаться вредными, и вопрос этот выгоднее решить тотчас же по окончательном покорении горцев и очищении восточного побережья».

Великий князь предлагал принять следующее:

1. Владетеля¹²³ и наследника его склонить¹²⁴ отказаться от прав на владения Абхазией.

2. Назначить владетелю и наследникам его содержание их обеспечивающее.

3. Из Абхазии образовать военный округ, который вместе с Цебельдой подчинить особому военному начальнику на правах начальника отделов в областях, с подчинением кутаисскому ген.-губернатору.

4. Если количество свободных земель дозволит, то водворить вдоль берега до устья Ингура казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыбь могли бы составить абхазское казачье войсками под управлением начальника абхазского военного отдела¹²⁵.

5. Границей между Кубанским и абхазским войском назначить хребет, замыкающий Гагринскую теснину и отделяющий Абхазию от земли джигетов.

Непосредственной причиной такого решения вопроса о будущем положении абхазского владения стало то, что в это время было уже одобрено предложение о заселении казачьими станицами восточного берега Черного моря от устья Кубани до р. Бзыбь. И в виду близкого осуществления этого плана Великий князь в самом начале своей секретной записки спрашивал: в виду этого обстоятельства «должна ли Абхазия оставаться в настоящем ее положении, т.е. под безотчетным управлением Михаила Шервашидзе, или же в ней должно быть введено управление, устроенное на других началах?». Царь Александр II вполне согласился с доводами своего брата. Согласно с мнением Великого князя признано было, что Абхазия не может оставаться на прежних основаниях, и что следует ввести в ней правильную русскую администрацию, отстранить от управления кн. Михаила Чачба с потомством. Доводов могущих быть предъявленными кн. Михаилу было много. «Как заявлено, – писал военный министр ген. Милютин вел. князю Михаилу от 1 мая 1864 г. - самим кн. Шервашидзе в письме ген-л. Мирскому желание удалиться от дел, так и последующие его личные объяснения с Вашим Императорским Высочеством при проезде Вашем в Сухум, доставляют прямой повод к приведению ныне же в исполнение означенной меры. Государь Император представляет Вашему Высочеству объявить кн. Михаилу Шервашидзе о высочайшем соизволении на увольнение его с потомством от управления навсегда

Абхазией, с оставлением его в звании ген-адъютанта и с представлением ему выбрать себе место пребывания в Петербурге или Москве»¹²⁶. Другим доводом была его измена русскому царизму во время войны 1853-1856 гг.

Царь одобрил и предложил наместнику Кавказа подробно разработать этот вопрос. Чтобы по этому вопросу поговорить с кн. Михаилом, Великий князь пригласил его прибыть к 3 июля в Кутаиси. Владелец ответил, что, к сожалению, он не может исполнить желание наместника по состоянию здоровья. В заключении владелец повторил просьбу дать разрешение сыну приехать к нему и прислать для них обоих паспорта на заграничный отпуск. Великий князь, видя уклончивый ответ Михаила, послал к нему своего адъютанта гр. Левашева. Выехать из Абхазии Михаил не захотел, мотивируя отказ все тем же слабым состоянием здоровья, и выразил желание управлять Абхазией до смерти. Далее Михаил заявил Левашеву, что, конечно, если последует непрременный указ императора, не будет противиться, и готов повиноваться. В таком случае он просил, чтобы в вознаграждение за доходы от владения и взамен получаемого им от казны содержания ему был бы выдан один миллион рублей, и чтобы за ним оставить уделы и частные имения в Абхазии. После этого неудачного разговора, вел. кн. Михаил Николаевич послал к кн. Михаилу Чачба рескрипт, в котором объявлял «волю» Императора об увольнении его от обязанностей владельца. Великий князь напомнил, что он еще 1847 г. просил гр. Воронцова об увольнении по совершенно расстроенному здоровью¹²⁷. Что тогда еще политическое положение края не позволила правительству удовлетворить просьбу его. Также напомнил, что письмо к кутаисскому ген-губернатору Святополку-Мирскому от 26 февраля 1863 г., где владелец вновь подтверждал о неспособности заниматься делами. Недаром хранили это письмо как зеницу ока. «Просьбу вашу, – писал великий князь, – а равно и содержание личного объяснения вашего со мной в Сухуме, я счел долгом повернуть на высочайшее Государя Императора благоусмотрение, Его Императорское Величество, приняв во внимание продолжительность и упорство болезни, расстроившее ваше здоровье, и настоящее положение края нуждающегося в правильной и деятельной администрации для развития в ней гражданственности, соизволил согласиться на увольнение вашей светлости с потомством от управления навсегда Абхазией с оставлением вас в звании генерал-адъютанта»¹²⁸.

Теперь, Михаилу настоятельно со всех сторон внушали мысль, что он серьезно болен, который не признавали как серьезный аргумент совсем недавно, когда владетель нужен был еще «покорителям» Кавказа. Последние уже пошли в дамки. Одновременно с рескриптом владетелю Вел. кн. предписал кутаисскому ген.-губернатору Святополку-Мирскому немедленно ввести в Абхазию русское управление, настояв на непременном выезде оттуда владетеля. Сообщив кн. Михаилу о полученном приказании Мирский в частном письме советовал владетелю беспрекословно «исполнить волю государя». «Ваша светлость, – пояснял Мирский, – сами признали, что с окончанием войны в восточной части Кавказа, Абхазия не могла и не должна оставаться в прежнем положении и что необходимо в ней установить более порядка и спокойствия. Не от меня зависело оставить за вами управление этим краем, но должен вам откровенно сказать, что если бы это от меня зависело, то я бы этому воспротивился, потому что я вполне уверен, что вы бы не были в состоянии исполнить всех требований правительства по управлению Абхазией, что это бы повело к многочисленным столкновениям и рано или поздно окончилось бы самым несчастным образом для вас и ваших потомков. Следовательно, на увольнение вас от управления Абхазией следует смотреть как на событие неизбежное и даже для вас благоприятное.

Теперь Государь Император, взамен владельческих прав ваших, готов сделать для вас многое и вполне обеспечить как вас, так и будущность вашего семейства. Великий князь всегда был готов усердно за вас ходатайствовать, но не могу скрыть от вас, что неприбытие ваше в Кутаис по вызову Великого князя сделало его Высочеству самое дурное впечатление и оно усилилось когда поездка к вам графа Левашева не изменила вашего намерения не выезжать из Абхазии.

Я со своей стороны не могу понять, как вы можете желать остаться в Абхазии в то время, когда будет вводиться новое управление. Неужели вы не понимаете всех неудобств и неприятностей, которые Вас при этом ожидают и всей неловкости вашего положения. Когда все устроится и уладится, тогда дело другое, но покамест и, прежде всего, надобно хлопотать об устройстве наилучшим образом вашего нового положения и об обеспечении судьбы ваших детей. Поезжайте в Кутаис, в Рачу или куда нибудь на воды, если не хотите ехать в Тифлис, но ради Бога не оставайтесь здесь вопреки воле государя и не подвергайте себя и семейства вашего явной гибели. Не лишайте

тех, которые вам желают добра, возможности пособить вам и не ставьте их в необходимость делать вам зло»¹²⁹.

Так кн. Михаилу перечисляли все его погрешности, указывали на ложность его положения, угрожали и уговаривали. Старались оказать воздействие на его «совесть», чтобы он «добровольно» принял предлагаемые предложения. Царские политики хотели безболезненно разрешить этот вопрос. Их «деликатность» была вызвана не уважением кн. Михаилу, которым последний уже совершенно не пользовался, а политическим соображением, боязнью перед абхазским народом. Но Михаил этого не понимал, он внушил себе мысль, что с ним считаются, из-за его больших заслуг перед «Государем Императором». Не понимал, что роль, которую он так искусно выполнял в течение более 4-х десятков лет, уже сыграна. Имея самое ложное представление о себе, он отвечал на мораль русских политиков моралью, чтобы вызвать чувство жалости и справедливости к себе. Кн. Михаил жалуется Мирскому, что с ним поступают жестоко и несправедливо. «Ваша сиятельство, – писал владетель, – я состою на службе Его Императорского Величества более сорока лет, и служба моя приносила очень значительную пользу престолу русскому. По этому стеснять и унижать генерала так долго служившего, при этом находящегося в преклонных летах и лежащего на одре неизлечимой болезни, не давать ему свободной и спокойной жизни в своем собственном имении и доме и принуждать его скитаться, без сомнения в общественном мнении противно достоинству и должному уважению. Уверю, ваше сиятельство, пребывание мое в Абхазии не только не будет помехою введению правительственных распоряжений, но принесет неожиданную пользу, так как я первый буду служить примером исполнения всяких со стороны правительства объявленных распоряжений и это подтвердится на деле»¹³⁰. Но ничто не способно было спасти Михаила, его уверения и просьбы были напрасны. Политическое положение требовало его удаления. Для исполнения приказания ввести русское управление в Абхазии, кн. Святополк-Мирский прибыл в Сухум. Отсюда Мирский послал кн. Дадиани с рескриптом Великого князя в Ткварчелы, где в это время лечился владетель.

Владетель, окончательно убедившись в неумолимости царских политиков, чтобы смягчить свою участь, не бросить себя в помойную яму, сам предписал начальникам Бзыбского, Абхазского (Сухумского)

и Абжуйского округов обнародовать о передаче управления Абхазией русским властям, собрать почетнейших жителей и вместе с ними явиться 12 декабря в Сухум к ген.-губернатору для получения дальнейших распоряжений об управлении страной. Кн. Святополк-Мирский собравшимся 12 декабря в Сухуме старшинам и почетнейшим жителям объяснил основания нового порядка управления и объявил, что с этого числа абхазцы должны повиноваться исключительно поставленным от русского правительства начальникам.

Управление страной было поручено командующему войсками в Абхазии ген.-м. Шатилову. Ему было разрешено сформировать одну конную сотню абхазской милиции. Мирский предписал командующему войсками в Абхазии для внутреннего управления оставить временно разделения Абхазии на 3 округа: Бзыбский, Абхазский (Сухумский) и Абжуйский.

Получавшейся владетелем, и имевшие характер правительственных сборов, принимать в казну. Все это свершилось безболезненно. Кн. Михаил, в конце концов, исполнил то, чему так упорно противился. Теперь уклонение владетеля от выезда из Абхазии не имело того значения, но и, тем не менее, Великий князь считал его дальнейшее пребывание в Абхазии невозможным. «Впрочем, – писал Великий князь военному министру Милютину, – при совершившемся преобразовании управления Абхазией, пребывание кн. Михаила Шервашидзе в этой стране уже не представляет для нас тех неудобств, как прежде, но т.к. на выезд его из пределов Абхазии была объявлена высочайшая воля его Императорского Величества, то, разрешив вследствие представления Кутаисского генерал-губернатора Михаилу Шервашидзе оставаться еще некоторое время в Абхазии в ожидании облегчения болезненных припадков»¹³¹.

Вел. кн. приказал кн. Святополку-Мирскому учредить за ним строгий надзор и принять все меры, чтобы «при первой возможности генерал-адъютант кн. Шервашидзе выехал из Абхазии». Вместе с тем великий князь приказал «прекратить отпуск всех денег, какие князь Шервашидзе получал от казны, впредь до выезда его из Абхазии»¹³².

Кн. Мирский отправился в Абхазию, чтобы при личном свидании узнать о состоянии здоровья владетеля, об его намерениях, и убеждениями, даже угрозами побудить его к немедленному выезду. Михаил, хотя и не представлял теперь большую опасность, но все же бельмом стоял на глазах царских генералов.

«К сожалению, ген-адъютант кн. Шервашидзе до настоящего времени проживает еще в пределах Абхазии» - писал Великий князь тому же Милютину¹³³. Приехав в Ткварчел, Мирский застал кн. Михаила в постели. Больной Михаил заявил, что чувствует себя глубоко оскорбленным недоверием к нему правительства и той жестокостью, с какой гнали его из Абхазии. «Я исполнил, – говорил он, – свято и добросовестно волю государя и передал владение потомственного своего владения, и прошлая моя служба, и настоящее поведение дают мне право на внимание и милость, между тем меня гонят из моего дома как злодея, не говоря даже где я должен жить и каким образом»¹³⁴. Кн. Мирский, ничуть не тронутый словами Михаила, хладнокровно заметил, что, передав владение, он исполнит только часть повеления царя, и что все неприятности, которые он испытывает, происходят от того, что им не исполнена другая часть воли царя о выезде из Абхазии.

«Я не выезжал из Абхазии, – отвечал бывший владетель убеждающим тоном, – потому что не допускаю, чтобы государь хотел поступить не справедливо и жестоко. Если государь приказал удалить меня из Абхазии, то вероятно вследствие донесения, что пребывание мое здесь вредно и опасно и по незнанию, сколько это повредило моему здоровью и моим частным интересам. Но присутствие мое здесь полезно, а не вредно; вы можете в этом убедиться и ваш долг донести о настоящем положении дел. Вы можете смело поклясться не только собою, но вашими детьми, что мое присутствие в Абхазии никогда не будет вредно для правительства». Мирский отвечал, что в подобных случаях клятва не уместна и не может служить основанием для действия правительства, что дело в предосторожности. Напрасно Михаил убеждал русского генерала, холопа приказа, в течение 2-х часов. Мирский делал то, что ему сказано было.

В конце свидания Михаил вновь повторил свою просьбу, он все еще питал надежду, что «войдут» в положение отслужившего генерала. Мирский снова повторил, то, что неоднократно говорил ползавшему перед ним, бывшему владетелю. Михаил, наконец, окончательно, убедившись в несокрушимости жестокой участи, примирился с мыслью, что он должен оставить пределы Абхазии, где некогда считал себя «наместником» бога на земле. Теперь он только старался смягчить тяжесть своей судьбы, «прошу разрешения жить зимою в Кутаисе, летом в Баку, но т.к. я не могу жить без всякого хозяйства, то прошу

об отводе части казенной земли в Раче для постройки дачи», - говорил Михаил¹³⁵.

Кн. Мирский, довольный успехом своей миссии, прощаясь еще раз, повторил приказание, которое жестоко резало ухо Михаила, покинуть Абхазию. И чтобы гарантировать успех своей дипломатической деятельности, строго заметил Михаилу, что вся ответственность за исполнение падает на него. Мирский подробно изложил результаты своей поездки великому князю. Князь Мирский, отстаивавший перед Михаилом столь «доблестно» официальное мнение правительства, нашел в себе смелость и «человечность» отстаивать перед Великим князем несколько облегчить положение больного старца.

Тем более, аргументировал Мирский, что Михаил «добровольно» принял предложение об его удалении, что пребывание владельца было бы опасно только в случае внешней войны, что если будет решено удалить его, то постараться это сделать путем убеждений, а употреблять силу против больного старца было бы лишней жестокостью, что замедление выезда не может быть оскорбительно для царской власти. «Нет сомнения, – писал Мирский, – что непослушание князя Шервашидзе может подать повод злонамеренным людям к дурным толкам, но наша власть так сильно водворена в этом крае, что эти толки не могут иметь важных последствий. Мне кажется, что лучше подвергнуться этим толкам, чем поступить жестоко. Можно надеяться, что государь простит вину генерал-адъютанта во внимание владельцу, лишенного своего владения»¹³⁶.

Мирский предлагал оставить владельца в Абхазии до 1 января 1867 г., назначив местом пребывания Имеретию, где отвести казенную землю. Великий князь принял доводы Мирского во внимание и разрешил прожить кн. Михаилу в Абхазии до весны. Но скоро Михаил заслужил самое грубое отношение со стороны царских политиков, и дал прямой повод и необходимость бесцеремонно удалить его из Абхазии. Дело в том, что Михаил чувствуя, что ему не сдобровать все равно, что никак нельзя действовать на «совесть» русских дипломатов, решил прибегнуть к помощи Турции. И Вел. князь Михаил Николаевич, таким образом, правильно предугадал, что кн. Михаил Чачба не уступит без борьбы, «он способен даже искать покровительство враждебных иностранных держав»¹³⁷.

Султан Абдул-Меджит собрал совет для обсуждения этого письма, куда был приглашен и Омер-паша, хорошо знавший Михаила. Омер-

паша на вопрос о его мнении ответил: «Государь, Михаил Шервашидзе самое неблагодарное существо, какое есть на свете. Когда я со своими войсками занимал Абхазию, он и тогда хвостом вилял. Русские его озолотили, дали ему 60 тысяч аренды, чин генерал-лейтенанта – чего же хочет он еще?».

Абдул подумал и сказал: «Да, ты прав. Отнеси это письмо русскому посланнику», - обратился султан к министру иностранных дел Али-паше. Турция сейчас не хотела из-за Михаила начинать войну с Россией, она готовилось к ней обстоятельно.

Посланник в Константинополе граф Игнатьев немедленно сообщил в Тифлис, что в Порту поступила просьба владельца Абхазии Хамутбея о разрешении ему перейти в Турцию и послал за ним пароход в Сухум, а само письмо Михаила отправил в Петербург.

Михаил был пойман на месте «преступления». Содержание этой депеши было передано кн. Мирскому, который немедленно предписал Шатилову удалить Михаила, в случае надобности употребить силу, и если бы жители Абхазии при этом оказали вооруженное сопротивление, то принять решительные меры «для замирения их».

Во исполнение этого приказа 3 ноября Шатилов с двумя батальонами Эриванского полка и сотней казаков прибыл на судах в Очамчиры. На другой день, 4 октября, отправил отряд под начальством полковника кн. Кутайсова в сел. Акуаскиа, где находился Михаил, но Кутайсов не застал Михаила. Последний узнав о высадке войск, бросил все драгоценные вещи и значительную сумму денег (17 тыс. руб.) бежал по направлению к дальским горам. Войска форсированным маршем преследует беглого старца. Михаил, потеряв надежду, что ноги могут его спасти от злой участи, решил отдаться в руки преследователей.

В сел. Гуп Шатилов встретил посланных от владельца. Шатилов явился в с. Тхина, где состоялся визит. «Владелец» бегство объяснял паническим страхом, внушенным ему внезапным появлением войск, заявил, что готов подчиниться распоряжению правительства и просил только дать ему время собрать и перевезти в Очамчиры имущество.

Михаил протестовал против ареста и жаловался Мирскому на такое бесцеремонное обращение с ним. «Причиной было, – писал Михаил, оправдывая свой поступок, – что я требовал пароход из Константинополя с целью отправиться в Иерусалим. Я никак не полагал что это будет для правительства противно, тем болсе, что я

написал наместнику о дозволении отправиться в Иерусалим, если нельзя было оставаться в Абхазии...

Ваше сиятельство поверите, что я не воображал, что это будет противно и во все не было секрета. Подумайте сами: можно ли было это скрыть, и не было надобности, можно ли было уехать секретно такому состоятельному лицу, как я? За что считаете меня, таким неблагоприятным? Зосим что моя жизнь! Будучи в таком жалком положении не стану все более беспокоить. Все представляю вашей воле. Старость моя омрачена»¹³⁸

Теперь ничто не могло спасти Михаила, он дал хороший повод для достижения мечты царским политикам. Великий князь, еще, когда гнались за Михаилом, дал приказ схватить беглеца и доставить в Новороссийск. 4 октября кн. Мирский довел этот приказ до сведения Шатилова. Последний 7 октября доставил Михаила в Очамчиры и в тот же день в сопровождении шт.-кап. Добрженского был отправлен на корвете «Сокол» в Новороссийск. Михаил при всем этом, видя с какой энергией взялись генералы за свою жертву, покорно подчинился всем распоряжением.

Ген.-адъютант кн. Святополк-Мирский доносил: «Означенное высочайшее повеление уже приведено в исполнение спокойно и без малейших признаков неудовольствия или сожаления со стороны народа, бывшем своем владетеле»¹³⁹.

Хамут-бей (Михаил) был сослан в г. Воронеж, где и умер – тело его было предано земле в фамильном склепе. Его личное имущество было расхищено царскими офицерами и чиновниками.

Так кончилось позорная историческая роль князей Чачба, в течение полувека бывших опорой русского царизма в Абхазии.

Теперь маски были сорваны, и Абхазия была превращена в «Сухумский военный отдел». Это был конец независимости «независимой» Абхазии. Рубикон был перейден... Начинается полоса самой беззастенчивой, неприкрытой колониальной эксплуатации.

Москва, 1939 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правитель Имеретии, Мингрели и Гурии, должность которую получил в 1810 г.

² Рапорт ген-м. Симоновича ген. Торماسову от 22.XII.1810. АКАК, т. 4, стр. 339, № 452.

³ Письмо Георгия к ген-м. Курнаговскому от 25.IV.1818. АКАК. т. 6, стр. 664.

⁴ Абхазия делилось на 4 части, на Бзыбскую Абхазию, Абхазскую (Сухумскую), Абжуйскую или Абжиускую (Серединную) и Самурзаканскую. Каждой частью – округом управляли князья из фамилии Чачба.

⁵ В горных районах Абхазии: Цабал, Дал, Псху и Ахчипсху – феодальные отношения были слабее, а сопротивление почти свободных крестьян упорнее.

⁶ Рапорт от 8.II.1811. АКАК, т. IV, стр. 430.

⁷ Письмо ген. Торماسова к кн. Нине Дадиани от 27.V.1811. АКАК, т. IV, стр. 405.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Главнокомандующий на Кавказе в 1812-1816 гг.

¹¹ Письмо ген. Ртищева к Вейдемейру от 2.V.1815. АКАК, т. V, стр. 500.

¹² Письмо ген. Ртищева к т.с. Вейдемейру от 15.VII.1815. Там же, стр. 828-833.

¹³ АКАК, т. IV. стр. 427.

¹⁴ ССГК. т. 4. стр. 5.

¹⁵ Рапорт от 22.III.1818. // **В. А. Потто** «Утверждение русского владычества на Кавказе». т. III. часть 2, стр. 546.

¹⁶ **Г. И Филиппсон**. Воспоминания //«Русский Архив». ч. I. М. 1884. стр. 204, 211.

¹⁷ **В. А. Потто**. «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II. Тифлис. 1903. стр.720.

¹⁸ Погребен в древней церкви в с. Лыхны. На его могиле лежит плита на уровне церковного пола. Надпись на плите сделана на греческом языке.

¹⁹**В. А. Потто**. Указ. соч. т.III. ч. II. стр. 559-560; АКАК, т. VI, ч. I, стр. 658.

²⁰ АКАК, т: VI, ч.I, стр. 659–660.

- ²¹ Там же, стр. 658.
- ²² Там же, стр. 659.
- ²³ Там же, стр. 658.
- ²⁴ Отношение Ермолова к гр. Нессельроде от 29.V.1821. АКАК, т. VI, ч. I, стр. 655.
- ²⁵ Со стороны русского отряда было убито и раненого 12 чел.
- ²⁶ АКАК. т. VI, ч. II, стр. 473.
- ²⁷ Там же, ч. I, стр. 664-665.
- ²⁸ Там же, стр. 664.
- ²⁹ Марачевский - заменил м. Ракоци на посту начальника гарнизона в Лыхны в 1822 г.
- ³⁰ *В. А. Потто*. Указ. соч. т.2. стр. 725-726.
- ³¹ Лежит в 5 верстах от Лыхны.
- ³² *В. А. Потто*. Указ. соч. т.2. стр. 728.
- ³³ Наместник на Кавказе в 1827-1831 гг.
- ³⁴ Цит. по книге *К. Кудрявцева* «Сборник материалов по истории Абхазии». Сухум. 1922. стр. 127.
- ³⁵ *Там же*.
- ³⁶ Цабал расположен по верховьям реки Кодора. Он иначе называется Цымбар, а у черкесов был известен под именем Хирипс-Куадж, т. е. аул Хирипса. Цебельдинские князья Маршания вели свой род от Эшсоу Маршания, водворившегося в Цабал около половины XVII века. У Эшсоу было 4 сына: Ярыт, Учан, Учарди и Тлапс, от которых пошли в Цебельде отрасли этой фамилии и враждовали между собой.
- ³⁷ АКАК, т. VI, ч. I, стр. 665-666.
- ³⁸ *Маркс и Энгельс*. Соб. соч. т. IX. стр. 534.
- ³⁹ КС т. XIII, стр. 123.
- ⁴⁰ Командовавший после Горчакова войсками в Имеретии.
- ⁴¹ В состав отряда, назначенного для экспедиции, вошли: 2 батальона 44-ого егерского полка (1249 штыков), 2 роты Мингрельского пехотного полка (596 штыков.) 2 шестифутовых орудия 2-й легкой роты, 4 горных едина рога и 2 мортирки 5-й резервной батареейной роты 21 артиллерийской бригады, полурота кавказского саперного батальона (98 шт.) и сотня донского казачьего № 6 Попова полка. «Кавказский сборник», т. XIII, стр. 135.
- ⁴² 28-ми – пушечный трехмачтовый шлюп «Диана», 20-ти пушечные двухмачтовые бриги «Пегас» и «Орфей» и 12-ти пушечный одномачтовый катер «Ласточка». *Там же*, стр. 136.

⁴³ Гагры лежат у самого моря, у входа в ущелье. Как укрепленный пункт Гагры известны были еще в глубокой древности, с VI в. до н. э. Здесь сохранились остатки древней крепости и сооруженный понтийским царем Митридатом. Крепость замыкала узкий проход, служивший воротами для прохода народов. Она служила во все времена для защиты от вторжения разных воинственных племен Кавказа.

⁴⁴ **Ф. Торнау.** Воспоминания Кавказского офицера. // «Русский вестник». т. V. М. 1864.стр.27,

⁴⁵ АКАК, т. VIII, стр.380-382, 385.

⁴⁶ Под Цебельдой понимали горные области Абхазии.

⁴⁷ АКАК, т. VIII, стр. 386.

⁴⁸ Там же, стр. 462.

⁴⁹**Ф. Торнау.** Указ. соч. стр. 26.

⁵⁰ Отношение Розена к Чернышеву от 20/V-37г. АКАК, т. VIII, стр. 461.

⁵¹ АКАК, т. XII, ч. III, стр.460.

⁵² Там же, т. VIII, стр.837.

⁵³ Отношение Розена к Чернышеву от 11.VI.1837. АКАК, т.VIII, стр. 870-871.

⁵⁴ АКАК, т. VIII, стр.873.

⁵⁵ «Кавказ» (газ). 1868, № 44.

⁵⁶ Речь идет об английском судне «Vixen».

⁵⁷ Цит. По книге **К. Кудрявцева** «Материалы по истории Абхазии». стр. 177.

⁵⁸ *Там же.* стр.178.

⁵⁹ **Маркс, Энгельс.** Соб. соч. т. 9. стр.540-548.

⁶⁰ *Там же.*

⁶¹ *Там же,* стр. 548.

⁶² Отношение барона Розена к гр. Чернышеву от 4.XI.1837. АКАК, т. VIII , стр. 368-370.

⁶³ «Кавказцы», под ред . Новосильцева, стр. 83-84.

⁶⁴ Рапорт Головина Чернышеву от 20.VI.1840. АКАК т.IX. стр.490-491.

⁶⁵ **А. Юров.** 1840,1841,1842 годы на Кавказе //КС. т. X, 1886. стр.385-390.

⁶⁶ Мрамбинское укрепление было основано в 1840г. Здесь стоял гарнизон для удержания цебельдинцев в покорности.

⁶⁷ КС. т. 10. 1886. стр. 391.

⁶⁸ АКАК, т. IX, стр. 496-497.

⁶⁹ ИКОРГО. т. XX, стр. 171.

⁷⁰ АКАК т. X. стр. 255-258.

⁷¹ Цит. по кн. *С. Эсадзе* «Историческая записка об управлении Кавказом». т. I. Тифлис. 1907. стр. 134.

⁷² *Г. И. Филипсон*. Указ. соч. стр. 258 –259.

⁷³ АКАК, т. IX, стр. 306.

⁷⁴ АКАК, т. IX, стр. 354.

⁷⁵ Записка Главнокомандующего Кавказской армии Великого князя. Михаила «О положении в Абхазии». Взята из научного кабинета Института Истории Академии наук СССР. Москва.

⁷⁶ Существует рассказ, что однажды (в 1853) Михаил послал трех ашнакума отравить двоюродного брата Дмитрия, жившего в Келасурах. Во время обеда одному из гостей удалось влить яд в чай Дмитрия. Отхлебнув глоток, Дмитрий почувствовал странный вкус чая, зная что гости преданные владельцу люди, и подозревал с их стороны злой умысел, схватил висевши над кроватью на стене пистолет и направив его на гостя, приказал ему выпить. Пистолет Дмитрия заставил выпить яд всех и погибнуть от него. Но в 1858 г. Дмитрий все-таки умер от него.

⁷⁷ Цит. по книге *Ф. Махарадзе и Г. Хачануридзе* «Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии». М. 1932. стр. 18.

⁷⁸ АКАК, т. X. док. № 29.

⁷⁹ Цит. по кн. *А.В. Фадеева* «Краткий очерк Истории Абхазии». ч. I. Сухум. 1934.стр. 157.

⁸⁰ *Там же*.

⁸¹ В конце апреля 1829 г. Михаилу было поручено Головиным предпринять экспедицию против черкесов, обитающих между укреплением Св. Духа и фортом Александрии. Михаил с большим отрядом на 7 галерах и под прикрытием двух азовских лодок высадился на Черкесский берег 26 апреля. Было сожжено два аула в расстоянии 5 верст, взяли пленных и большую добычу (АКАК, т. IX, стр. 179-180).

⁸² В убыхскую экспедицию Анрепа 1843г. Михаил должен был привести 800 чел, он привел 1500 чел.

⁸³ АКАК, т. X, стр. 34.

⁸⁴ Письмо от 23/ХII, 1809 г. АКАК, т. IV, стр. 416.

⁸⁵ АКАК, т. VIII, стр. 252.

⁸⁶ АКАК, т. IV, стр. 427.

⁸⁷ Газ. «Кавказ». №5, 1868г. ст. «О положении Абхазии в религиозном отношении».

⁸⁸ Цит. по книге **Ф. Махрадзе и Г. Хачануридзе** «Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии». М. 1932г. стр. 14.

⁸⁹ **Ф. Дюбуа де Монперэ**. Путешествие вокруг Кавказа. М. 1834. т. I, стр. 138.

⁹⁰ Записки Раевского о торговле с горцами и переселении на восточном. берегу. АКАК, т. 9. стр. 398.

⁹¹ Там же. стр. 471, 477.

⁹² там же. стр. 478.

⁹³ **Маркс, Энгельс**. Соб. соч. т. IX, стр. 542.

⁹⁴ Жена Али-бея Чачба - владельца серединной Абхазии, сестра Левана Дадвани. Жила в с. Кутол и имела во власти около 2400 сакель и много подвластных.

⁹⁵ Правитель Абхазского (Гумского)округа.

⁹⁶ АКАК, т. X , стр. 268.

⁹⁷ Михаилу – 9500 рубл., Дмитрию – 2500 рубл. Дмитрий – владелец Серединной Абхазии (Абживского округа), куда входили: Келасурский и Очамчирский порты. Он получал и пошлину с вывозимой из Келасури самшита.

⁹⁸ АКАК, т. X , стр. 288.

⁹⁹ **А.М. Зайончковский**. «Восточная война 1853-1856 гг.». т. II, ч-I-II.

¹⁰⁰ *Там же*. т. I, стр. 712.

¹⁰¹ Письмо Воронцова Николаю I от 18(30).I.1854. // **М.И. Богданович**. «Восточная война», СПб, 1876 г., т. II. стр. 143.

¹⁰² *Там же*. стр. 145-146.

¹⁰³ Временно управлял Кавказом до прибытия Муравьева, назначенного в 1854 г. наместником Кавказа. Непосредственно этой операций руководил Долгоруков.

¹⁰⁴ Отношение Долгорукова к ген. Реаду от 21.IV.1854. АКАК, т. X, стр. 271-272, 274.

¹⁰⁵ **Маркс, Энгельс**. Соб. соч. т. X, стр. 555.

¹⁰⁶ КС. т. V, стр. 237-333.

¹⁰⁷ *Там же*.

¹⁰⁸ АКАК, т. XII, ч IV, стр. 17.

¹⁰⁹ См. ст. **К. Маркса** «Война в Азии». // **Маркс и Энгельс**. Соб. соч. т. X, стр. 590-591.

¹¹⁰ *Там же*, стр. 555.

¹¹¹ Там же, стр. 591.

¹¹² Рапорт Михаила Муравьеву от 24.VI.1856. АКАК, т. XI, стр. 297.

¹¹³ АКАК, т. XI, стр. 325.

¹¹⁴ Служили с 1837 по 1845 гг.

¹¹⁵ Письмо командующего войсками правого крыла Кавказской линии г.-н. Филипсон начальнику главного штаба Кавказской армии Д.А. Милютину.

¹¹⁶ Записка обер.-квартирмейстера отдельного Кавказского корпуса ген. Карлгофа от 23.XII.1856. АКАК, т. XII, стр. 925.

¹¹⁷ АКАК, т. XII, ч. III, стр. 912, 949.

¹¹⁸ Письмо Корганова к Милютину от 15.VIII.1860. АКАК, т. XII, ч. III, стр.953.

¹¹⁹ Рапорт Кутаис. Ген.-губ. Эрстова Бяратинскому от 20.VIII.1860. АКАК, т. XII, ч. III, стр. 953-958.

¹²⁰ *А.В. Фадеев.* «Краткий очерк Истории Абхазии». Сухум. 1934. стр. 167.

¹²¹ Кутаисский ген-губернатор.

¹²² Записка главнокомандующего Кавказской армией вел. кн. Михаила «О положении в Абхазии». Использована ее копия, находящаяся в научном кабинете института Истории Академии Наук СССР. Москва.

¹²³ На полях рукой Александра II карандашом помечено: «Но как достигнуть этого? Едва ли честолюбец этот согласится добровольно на отрешение».

¹²⁴ Подчеркнуто Александром II карандашом.

¹²⁵ На полях рукой Александр II карандашом: «По самому берегу моря селить нельзя, по зловредному климату и потому, что в случае войны поселения на самом берегу будут подвержены действию неприятельского флота».

¹²⁶ Письмо Михаила к ген. Карцову от 3.V.1864 г. // *С. Эсадзе.* Указ. соч. стр.221.

¹²⁷ 10/XI-1847г. Кн. Михаил подал докладную записку гр. Воронцову, где писал, что за 30 лет «неся великое бремя управления краем, соединенное неутомимыми трудами и заботами, которые в настоящее время почти совершенно расстроили мое здоровье и лишили возможности далее управлять владением, что и заставляет меня беспокоить особу вашего сиятельства почтительнейшею моею

просьбою об увольнении от управления Абхазиею, а взамен же уступаемого мною в казну владения не оставьте вашим ходатайством об отводе мне 1500 дворов крестьян, где бы я мог на покое и прилично моему званию привести остаток жизни». Далее просил взамен отпускаемых ему от казны содержания, выдать ему одновременно соразмерное вознаграждение. С. Эсадзе, т. I стр. 135. Тогда Воронцов отклонил просьбу владетеля.

¹²⁸ Рескрипт вел. кн. Михаилу Шервашидзе от 24.VI.1864. С. *Эсадзе*. Указ. соч. стр. 224.

¹²⁹ Письмо кн. Святополк-Мирского кн. Михаилу Шервашидзе от 29/VI-1864 г. Цит. по книге С. *Эсадзе*. Указ. соч. стр. 225.

¹³⁰ Письмо кн. Шервашидзе кн. Святополк-Мирского от 21.VI.1864. Цит. по книге С. *Эсадзе*. Указ. соч. стр.226-227.

¹³¹ Отзыв главнокомандующего Кавказской армией вел. кн. Михаила воен. министру Д.А. Милютину «О принятии Абхазии в непосредственное русское управление» от 14.VIII.1864. Использована копия отзыва, находящаяся в научном Кабинете Института Истории Академии Наук СССР. Москва.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Письмо Мирского вел. кн. от 20.IX.1864. С. *Эсадзе*. Указ. соч. стр. 230.

¹³⁵ *Там же*, стр. 230.

¹³⁶ Письмо кн. Мирского великому князю. *Там же*. стр. 233.

¹³⁷ Записка вел кн. Михаила. *Там же*.

¹³⁸ Письмо кн. Михаила Шервашидзе кн. Святополк-Мирскому от 6.XI.1864. *Там же*.

¹³⁹ Отзыв главнокомандующего Кавказской Армией Вел. князя Михаила военному министру Д.А. Милютину «О принятии Абхазии в непосредственное русское управление» от 14.VIII.1864. Использована копия отзыва, находящаяся в научном Кабинете Института Истории Академии Наук СССР. Москва.

АБХАЗО-УБЫХСКИЙ СОЮЗ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Второго июля 1853 года в газете «Кавказ» появилась статья абхазского этнографа-краеоведа, подполковника Соломона Теймурковича Званба (1809-1855 гг.) под названием «Зимние походы убыхов на Абхазию». До сих пор исследователи мало обращали внимание на эту работу С. Званба. А между тем она является исключительно важным источником в изучении жизни ныне совершенно отсутствующего на территории нашей страны убыхского народа, памятники материальной и духовной культуры которого исчезли в пламени «Кавказской войны». Статья С. Званба имеет большое значение также в выяснении истории других родственных убыхам и находившимся на той же ступени общественно-экономического развития, и, вместе с тем, с аналогичной, или почти с аналогичной, судьбой племен и народностей Западного Кавказа. Даже А. В. Фадеев, так много занимавшийся изучением истории Абхазии и, отчасти, всего Западного Кавказа, в своей статье «Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе»¹, касаясь вопроса о военной организации убыхов, ссылается на Н. Ф. Дубровина, замечая – «о военной организации убыхов рассказывает генерал Н. Дубровин». Между тем последний лишь незначительно сократив, целиком переложил названную статью С. Званба и добросовестно указывает на нее, как на источник². Неслучаен был интерес С. Т. Званба к изучению военного строя убыхов. Оригинальная военная жизнь, высокие боевые качества этого в высшей степени воинственного народа естественным образом привлекли внимание этнографа-энтузиаста, который имел близкое соприкосновение с убыхами, долгое время живя в соседнем с ними районе северо-западного абхазского племени садзаа или асадзкуа, Садзын (Джикетии, Джихии)³, в качестве пристава⁴.

Убыхи занимали часть Черноморского побережья, приблизительно, между реками Шахэ и Хамышь (Хоста), граница на востоке с абхазскими племенами, а на западе – с шапсугами, и подразделялись на несколько племен.

Убыхи были сравнительно малочисленны. В 30-х гг. XIX в. количество их доходило, по данным поручика Новицкого, первого

русского офицера, проникшего в глубь гор северо-западного Кавказа в 1830 г.⁵ до 40.000 человек. Однако на побережье, с самого начала возникновения т. н. «Черноморской береговой линии», наибольшее сопротивление царским войскам оказали именно убыхи, так что «русские по славе убыхов у закубанских черкесов считали их народом многочисленным и сильным»⁶.

Убыхи – «это самое воинственное и враждебное из племен, обитающих в Западной половине Кавказа»⁷; они составляли «главное ядро, образцовый отряд» среди черкесских племен, бились «отчаянно впереди всех, в отступлении – сзади всех»⁸ и завоевали себе славу самой «лучшей в горах пехоты»⁹.

Вот как отзывался об убыхах в 1858 г. начальник войск в Абхазии, будущий министр внутренних дел правительства Александра II, генерал, граф М. Т. Лорис-Меликов: «Воинственное и предприимчивое племя убыхов... пользовалось всегда особым значением у прочих соседей своих. У горцев существует и поныне поверие: чтобы быть храбрым, надо пожить и поучиться у убыхов»¹⁰. И адмирал Л. Серебряков, долгое время бывший начальником Черноморской береговой линии, подчеркивал, что убыхи отличались воинственным духом, предприимчивостью, способностью к перенесению трудов и особенной военной организацией¹¹.

Причины этих черт, которыми выделялись убыхи, кроились, разумеется, не в их «национальном характере», а в социальной специфике убыхского общества, характеризовавшееся патриархальностью, родоплеменной общностью.

Военная организация убыхов, основанная на патриархальных началах, отличалась от войск тех кавказских народов, общественное устройство которых было типично феодальным. Феодальные отношения уже не обладали теми качествами, которыми так сильно было убыхское войско¹².

Выборы предводителей, деление на отряды по родам и общинам, своеобразная организация снабжения и все это основанное на строгой дисциплине – такова была структура убыхского войска¹³.

Тактика и стратегия горских народов Кавказа вырабатывались и применялись, прежде всего, на основе сложившейся здесь экономики. Не будучи в состоянии противопоставить регулярной царской армии такую же свою регулярную армию, не принимая и не давая т. н. генеральных сражений, горцы систематически и упорно в течение

нескольких десятков лет вели партизанскую войну, которая только и могла дать, и подчас действительно давала победу над царскими войсками¹⁴.

Из царских генералов на Кавказе более или менее полное и правильное описание военной системы, способов ведения войны, какие именно приемы применяли кавказские горцы в целом в своей долголетней героической борьбе с царизмом, приемы, какие диктовали им и имевшиеся у них средства производства, и средства сообщения, и вся сложившаяся обстановка борьбы, даны в одном из рапортов командовавшего войсками на кавказской линии в 30-х гг. ген. А. А. Вельяминова, много лет проведшего на Кавказе и хорошо изучившего горцев¹⁵. Вот что писал ген. Вельяминов: «Большими силами они делают нападения на станицы и селения. Для этого желающие принять участие в таком предприятии съезжаются в какое-нибудь назначенное место и располагаются в окрестных аулах. Такое собрание продолжается не менее 2 недель, обычно – более. Время и место нападения держатся в большой тайне и, кроме начальника предприятия, обычно никто не знает его плана.

Если сборы к нападению долги, то выполнение его быстро. Редко случается, чтобы нападение продолжалось более 2 час., после чего неприятель с «пленом» и полученной добычей поспешно отходит и почти никогда не идет тем направлением, по которому пришел, особенно если встречает при этом хоть малейшее сопротивление. Так как горцы ничего, кроме конницы, не имеют и не обременены никакими тяжестями, то дороги для них почти совсем не нужны, и они идут полями без малейшего затруднения; это же дает им возможность всегда легко уклониться от пехоты, если только они ее встречают.

Перейдя границу, они всегда находят где-нибудь пристанище и продовольствие; потом при первой возможности делают полученную при набеге добычу, и каждый возвращается домой с тем, что пришлось на его долю...

Разбой и грабежи на Кавказской линии мелкими партиями горцы делают преимущественно весной и осенью, т. е. с апреля по июль и с сентября по январь; зимою им мешает холод и недостаток подножного корма, а летом – большой жар, воды и повышение уровня воды в реках. Наоборот, в Черноморье нападения, как большими силами, так и мелкими партиями делаются, главным образом, зимой, когда Кубань покрыта льдом; в остальное время года глубина реки мешает

переправам, и потому набеги горцев бывают редки и по большей части – неудачны...

Отправляясь на какое-нибудь предприятие, горцы не отягощают себя никакими тяжестями; в пути они имеют продовольствие от своих кунаков (приятелей, друзей); весьма редко бывает, чтобы кто-нибудь из них взял с собой проса на 2 или на 3 дня и то в таком только случае, когда предвидит дальнюю поездку и невозможность иметь в пути какое-нибудь пособие в этом отношении; до самого места нападения идет тихо, сберегая силы лошадей на обратный путь; сколько возможно ближе от места нападения хищники останавливаются у своих кунаков и проживают у них иногда по несколько дней, осведомляясь и высматривая в продолжение этого времени, где можно безопаснее проехать, где беспечность жителей или войск представляет более удобства что-нибудь схватить. Если партия нигде не находит безопасного проезда или оплошности в том месте, где она предполагала проехать, то возвращается домой или едет на какое-нибудь новое предприятие. Таким образом, горцы почти всегда нападают внезапно и там, где нет достаточной обороны. Если удастся им что-нибудь схватить, то они поспешно удаляются. В случае преследования стараются уйти, оставляя даже полученную добычу, если это необходимо; дерутся же с преследующими только в крайности, т. е. когда невозможно избежать этого»¹⁶.

Ф. Энгельс, на основании изучения громадного опыта борьбы горских народов Кавказа за свою независимость, следующим образом характеризовал способы ведения этой борьбы: «Сила кавказских горцев заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах против передвигающихся русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и они полностью использовали это преимущество. Фактически, во всех случаях даже временно успешных восстаний горцев эти успехи, таким образом, были результатом наступательной тактики»¹⁷.

Царские военные историки (Н. Дубровин, Ф. Щербина и др.), исходя из великодержавного определения горских народов Кавказа как «разбойников» и «грабителей», эту наступательную тактику, вытекавшую из специфических особенностей их борьбы против царизма во имя сохранения своей независимости, рассматривали как

действие, которое осуществлялось ради личной наживы. Надо сказать, что М. Н. Покровский в оценке горских народов недалеко ушел от царских военных историков хотя и критиковал их, и, вместе с тем, игнорировал аннексионистско-колонизаторскую роль царизма на Кавказе¹⁸.

В первый период борьбы убыхов против этих аннексионистско-колонизаторских действий царизма военнополитическое руководство находилось в руках рода Берзек, представлявший собою первую племенную верхушку, из которой чаще всего вербовались предводители¹⁹.

Из рода Берзек вышел и известный Хаджи Догамуква Берзек, предводитель убыхского народа в 30-40-х гг. XIX в. Хаджи Берзек²⁰, по отзыву царского генерала Г. И. Филипсона, «был человек храбрый, предприимчивый, большого ума» и «закоренелый враг» российского самодержавия²¹.

Хаджи-Берзек, этот, по словам современного автора (английского агента на Западном Кавказе) Джемса Белля, «Вашингтон черкесов»²² пользовался огромным авторитетом на всем Западном Кавказе²³, и голова его была оценена царским командованием в 1000 рублей серебром²⁴.

С. Званба, как уже указывалось, одно время находился у садзов, и статья «Зимние походы убыхов на Абхазию» является результатом его непосредственных наблюдений и изучения военной жизни убыхов. А также и личного участия в борьбе против организованных походов убыхов на Абхазию, которые они совершали систематически, по словам Званба, до 1824 г. в каждое время, а с 1825 г. – зимой.

С. Званба, коснувшись коротко истории этих нападений убыхов, и подробно об их военном строе, что является центральным содержанием статьи, говорит и об организации «обороны» абхазами и почти мимоходом – о боевых качествах последних. Конечно, вторжения убыхов на Абхазию в целях грабежа и угона скота и пленных вызывали и ответные нападения абхазов на убыхов, что вообще в те времена было обычным явлением среди многих племен и народов Кавказа. Но абхазы и убыхи не только враждовали между собой, а в XIX веке, особенно 1830-х гг., и вовсе меняется характер отношений между ними. Абхазы и убыхи совместно вписали не мало славных страниц в анналы освободительного движения на Западном Кавказе. На этом фоне лучше всего можно было показать тот вопрос, который

был поднят С. Званба в указанной статье. Однако подполковник царской армии дворянин Званба не мог этого сделать в силу своих политических и классовых убеждений. Отсюда и понятно, почему всякое организованное появление убухов на территории Абхазии С. Званба рассматривалось именно как акт проявления их «неугомонной страсти к приключениям и грабежу».

Обратимся к фактам. Еще в 1806 г. убухи были в рядах 25 тысячного войска абхазского владетеля Келеш-бея Чачба-Шервашидзе, которые своей решительностью отогнали от берегов Абхазии военную флотилию с десантом, двинутую сюда турецким султаном, стремившимся прочно завладеть краем²⁵.

Убухи оказали существенную помощь народному движению в Абхазии в 1821 и 1824 гг. В первой половине июля 1830 г. убухи совместно с западно-абхазскими племенами ведут ожесточенную борьбу против десантного отряда ген. – м. К. Гессе в Гаграх, а затем, в августе месяце, они упорно штурмуют укрепление, возведенное здесь²⁶, чтобы преградить «доступ в Абхазию партиям джигетов и убухов»²⁷. Убухи и абхазы, учитывая значение Гагр в завоевательной политике царизма на Западном Кавказе, серьезно нацелились на Гагринское укрепление, и русский гарнизон здесь оказался в постоянной блокаде.

Известный французский ученый Фридерик Дюбуа де-Монперэ, посетивший Гагры в 1833 г., писал: «Черкесы (речь идет, главным образом, об убухах и садзах. – Г. Д.) ничем не пренебрегали, чтобы выбить русских из этой (гагринской. – Г. Д.) позиции, которая пресекает им всякую возможность сообщения с Абхазией; они долго их тревожили». Далее Дюбуа рассказывает об их большом выступлении, которое, вероятно, непосредственно предшествовало его пребыванию в Абхазии, когда они «решили осадить крепость по всем правилам и взять ее приступом. Несколько тысяч черкесов, хорошо вооруженных, внезапно напали на Гагры; батальон имел только время обороняться от врагов, которые уже хотели взобраться на стены». И после этого они постоянно «тревожат Гагры, скрываясь на высотах»²⁸.

Мы видим, что в феврале 1835 г. значительный отряд горцев, перешел снеговой хребет и, пройдя мимо Гагр, завязал перестрелку с гарнизоном²⁹. По свидетельству Ф. Торнау, посетившего Гагры в 1835 г. «дрова и фураж доставались гарнизону не иначе как с боем»³⁰.

«Есть на берегу моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. В этом ущелье построена крепостишка, которую враги бьют со всех сторон в окошки»... – писал известный русский писатель и декабрист А. А. Бестужев – Марлинский³¹, сосланный на Кавказ правительством Николая I и здесь, в 1836 г., получивший назначение в Гагры – в этом «ссылочном месте»³². В июле того же года садзы и убыхи собрались в числе 3 тысяч человек также «с намерением овладеть Гаграми».

В 2 часа ночи 10 июля 1835 г. они подкрались к самому укреплению и, сделав залп из ружей, «бросились на штурм: одни рубили полисад, другие лезли на туры и в амбразуры», стремились «с отчаянием вторгнуться в укрепление». В течение ночи несколько раз предпринимались атаки. На рассвете повстанцы вынуждены были окончательно отступить, но «наложив на себя клятвенный обет непременно овладеть Гаграми». Царское командование перебрасывает сюда дополнительные свои силы³³.

Вот что писал о положении гагринского гарнизона одесский профессор, естествоиспытатель Нордман: «Это укрепление важное в военном отношении тем, что пересекает береговое сообщение между джигетами и абхазами не менее значительно и по своему единственному положению. Здесь часть Кавказской цепи гор врезывается в море, и образует ущелье, в котором на самом берегу лежит укрепление, с двух сторон окруженное высокими холмами. Отсюда-то бдительные джигеты примечают малейшее движение гарнизона и, по своему выгодному положению, нередко стреляют сверху прямо в укрепление. Поэтому, когда гарнизон запасается водой и дровами, перестрелка неизбежна»³⁴. При этом на территории садзов, начиная от р. Хоста, проф. Нордман заметил восемь «завалов», которые «служили для прикрытия аванпостов по дороге от Адлера в Гагру»³⁵.

Воспользовавшись временными поражениями Шамиля в 1839 г., в результате экспедиции под командой графа Граббе, а также слабым проявлением крестьянского движения в начале деятельности Шамиля (1834–1839), царское командование усиливает свое наступление на Западном Кавказе. Оно ставило своей задачей окружить горские племена и отрезать их от Черного моря. В 1837 г. было начато новое продвижение царских войск по Черноморскому побережью; укрепления здесь строились со стороны Сухума и от правого фланга Кавказской линии. В начале 1838 г. десантный отряд высадился у устья р. Сочи и построил там укрепление (Вельяминовское), у устья р. Шапсуго

сооружено было Тенгинское укрепление. На месте прежней крепости Суджук-кале при устье р. Цемес³⁶ была заложена крепость, впоследствии названная Новороссийском. В мае 1838 г. все укрепления от устья Кубани до границы Мегрелии соединились в одно управление под названием Черноморской береговой линии. Укреплениями был застроен промежуток между Анапой и Гаграми³⁷. В результате этих мероприятий на территории, занятой убыхами, появились несколько форпостов царизма. Убыхи, вплотную столкнувшись с российской колониальной политикой, начинают активные действия, вместе с тем ставя задачу организации всеобщей совместной борьбы против царизма всех соседних племен и народностей.

«...Прибрежное народонаселение от Геленджика до границы джигетов составляет второй союз, во главе которого стоят убыхи», – констатировал генерал-адъютант Будберг 29 июня 1848 г.³⁸. А генерал Анреп в рапорте от 19 марта 1842 г. объяснял военному министру графу Чернышеву, что «глава этого племени (адыги – Г. Д.) – убыхи, и пока они сохраняют то же влияние на эту часть Кавказа, никакое приобретение наше не может быть прочным...»³⁹.

В цепи укреплений Черноморской береговой линии, укрепление, воздвигнутое в 1837 г. на Адлерском мысе у устья р. Мзымты под названием св. Духа имело, ко всему прочему, и то назначение, чтобы создать клин между убыхами и садзами, а надо сказать, что «джигеты (садзы – Г. Д.) были под сильным влиянием убыхов и волею-неволею должны были участвовать во всех предприятиях»⁴⁰.

Перед занятием Адлерского мыса царским отрядом под общим командованием командира отдельного кавказского корпуса бар. Г. В. Розена в первой половине июня 1837 г., садзы, убыхи и другие соседние племена собрались «и взаимно поклялись совокупными силами сопротивляться русским до последней возможности и в обеспечении сего обязались друг другу выдать аманатов»⁴¹. И действительно, они в районе предполагаемой высадки царского отряда, вдоль берега, устроили «завалы» и «окопы», и оказали героическое сопротивление десанту, ведя неравную борьбу⁴². Между прочим, в этой жестокой схватке погиб и писатель А. А. Бестужев – Марлинский.

Зимой 1840 г. движение на Западном Кавказе уже принимает массовый характер. В феврале – марте этого года Черноморское побережье пылает в огне всеобщего восстания: было занято ряд важных укреплений (Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское).

Однако, слабо поддержанные соседними племенами, убухи, которые играли ведущую роль в этом движении, в конце концов, теряют свои достижения.

(...) * Хаджи-Берзек стремится обеспечить себе поддержку на юго-востоке. Он ясно учитывал популярность освободительной борьбы и лояльность к ней абхазских племен. Еще 4 марта 1840 г. начальник 1-го отдела Черноморской линии ген.-м. Ольшевский писал: «Я не ручаюсь ни за одно укрепление, начиная от форта Головинского до Гагр включительно»⁴³. Укрепление убухов в Садзын (Джигети) тем более было важно, что царское командование, в свою очередь, стремилось сюда, дабы превратить его в плацдарм для наступления на убухов с этой стороны, само собой, парализовав садзов от участия в освободительной борьбе.

«Мы едва можем защитить Абхазию, – писал начальник береговой линии ген. Раевский военному министру графу Чернышеву, – пока убухи в союзе с джигетами. Из этого следует необходимость принудить сих последних к немедленной покорности, а потом соединенными силами джигетов и Абхазии, поддержанными нашими войсками, действовать решительно против убухов»⁴⁴.

В конце сентября 1840 г. убухи, «в соединении с другими горцами», численностью до 7 тысяч человек, собрались в Сочи под предводительством престарелого Хаджи-Берзека⁴⁵, с намерением вторгнуться в Абхазию и овладеть одним из царских укреплений. Но на пути остановились в Цандрипше и Хышха⁴⁶ для наказания принявшего русское подданство князя Цанба (Цан), а затем совместно с ахчипсаа⁴⁷ достигают Бзыби.

Однако Хаджи-Берзек дальше этой реки не пошел. Осуществлению его плана помешало, во-первых, обострившиеся в это время противоречия между Хаджи-Берзекком и некоторыми другими представителями убухской племенной знати. (так, например, влиятельный вождь сочинских убухов Абдула-Ахмет⁴⁸ был настроен примиренчески), во-вторых, промедление черкесов на Цандрипше и колебания цебельдинцев, не решившихся поднять восстание до вторжении убухов⁴⁹.

Хаджи-Берзек ограничился: 1) войти в сношения с Цебельдою и Далом и в них найти себе союзников в тылу Абхазии; 2) наказать

* В оригинале текст обрывается.

Цандрипшских князей, вступивших в русское подданство. Он «успел в том, и в другом»: Цандрипшские князья были им строго наказаны, и Цабал начал волноваться. Это движение имело важное значение особенно для Дала⁵⁰.

Здесь с самого начала нового похода убыхов готовились «поднять оружие против правительства и вторгнуться туда же (на побережье – Г. Д.) с другой стороны»⁵¹. Дальцы настойчиво приглашают к себе на помощь ахчипсаа⁵². Вместе с тем стараются установить связи с Кабардой и Карачаем. Так, в последнюю был послан один кумык с извещением, что здесь намерены непременно отложиться от царского правительства и начать свои действия до наступления зимы, что дела дагестанцев и Чечни в наилучшем положении, а дела царизма – в очень скверном. При этом просили сообщить, что известно им «со всей подробностью о действиях Шамиля»⁵³. К сожалению, посланец из Цабала вернулся с дороги и даже явился в русский лагерь в Мрамба.

Движением в Дале и Цабале в это время руководил бесстрашный абрек Шабат Маршания, сын далского князя Даруквы Маршания. В марте 1837 г. Шабат, по приказу барона Розена, был схвачен неожиданно и выслан из пределов Абхазии. Шабат просидел более года в Метехском замке в Тифлисе, а затем был отправлен на фронт в Дагестан⁵⁴. В ноябре 1838 г. Шабат вернулся на родину даже в чине прапорщика: царское правительство решило «обласкать» «буйного и влиятельного» дальца. Однако Шабат думал о противоположном – об изгнании из родины царских завосвателей⁵⁵. Он готовит восстание. Чтобы привлечь к движению колеблющиеся элементы, однажды, бросив в огонь свои эполеты и темляк, Шабат воскликнул: «Я обласкан русским начальством, я офицер и мне обещали хорошее содержание, но для избавления родины, жертвую всем». Обращаясь к нерешительному брату своему Халыл-бею, Шабат сказал: «Помоги мне в этом славном деле... Иначе, мы не признаем тебя родственником... Враги твои будут друзьями нашими, и без мести прольется кровь твоя, как кровь нам чужого...»⁵⁶. Авторитет Шабата был очень высок. «Умный и отважный», его красноречию были «все слепо послушны»⁵⁷. Он сумел привлечь к движению основные массы населения Дала и Цабала.

В самом начале октября 1840 г. далцы перешли в наступление. На всей границе Дала были расставлены отряды, сделаны завалы, поставлены караулы и т. д. Укрепляя «завалами все тропы своего

ущелья», – как писал ген. Раевский, далцы ожидали «на помощь 1000 горцев, которых Хаджи-Берзек обещал им прислать на всю зиму»⁵⁸. Он ищет союзников не только в жителях горных районов, но и среди трудового населения всей Абхазии. Восстание абхазских крестьян в прибрежье, особенно в Кодорском районе летом 1840 г. во главе с Измаилом Допуа, несомненно имело связь с движением убыхов и с событиями в Дале и Цабалс. В октябре 1840 г., когда убыхи стояли еще в Цандрыпше бзыбцы строят «завалы» в разных местах на р. Бзыбь⁵⁹.

Политическое положение Абхазии поэтому внушало опасения царскому командованию. «По собранным мною сведениям, - писал ген. Раевский, – убыхи с соумышленниками своими обратятся нынешнюю зиму не на I отделение, а на Абхазию. ... Все заставляет думать, что Хаджи-Берзек преимущественно обратиться на Абхазию, где он не найдет сопротивления, где ожидает его надежда взволновать край против нас... Есть часть народа, которая готова восстать против него (владельца Абхазии – Г. Д.) и присоединиться к убыхам. Вторжение Хаджи-Берзека будет сигналом восстания Абхазии, Цебельды, Самурзакана...»⁶⁰. Раевский просил Чернышева усилить гарнизоны в Абхазии. «В противном случае, – писал Раевский, – повторится в предстоящую зиму то, что было в прошедшую, и я не знаю что сделается с Абхазией, если Хаджи-Берзек обратиться на нее с 1500 человек, как в прошлом году на береговые укрепления»⁶¹.

Просьба Раевского была удовлетворена. Гарнизоны Сухума, Гагры, Бомборы и др. укреплений были усилены. Вместе с тем, в конце декабря 1840 года была организована карательная экспедиция под командованием начальником отделения Черноморской береговой линии полковника Н. Муравьева для «приведения к покорности возмущившихся дальцев». Возникла героическая оборона Дала. Но в конце концов, на исходе января 1841 г., Дал был разгромлен. Шабат со своими отважными абреками ушел в горы. Возобновились постоянные партизанские налеты. Царскому командованию с Далом удалось покончить раньше, чем убыхи сумели оказать ему помощь. А Хаджи-Берзек уже окончательно было собрался «и с духом, и с силами», которых набралось у него от убыхов, садзов и ахчипсаа до трех тысяч человек⁶². С частью этих отрядов, доходившей до тысячи человек, он послал в Абхазию своего племянника Керентуха-Берзека. Последний, пройдя горами по обледенелому снегу, 15 февраля 1841 г. устроил

нападение на село Отхара, принадлежавшего владельцу Абхазии. Возвращаясь обратно, этот отряд атаковал гагринское укрепление, но был отбит орудийным огнем⁶³. Немедленно по занятии Дала, Муравьев отделил часть своего отряда для движения на р. Бзыбь, «где опять угрожали Абхазии убыхи»⁶⁴. Между тем усиленно распространялся слух, что другая часть отряда Хаджи-Берзека двинулась через горы на сел. Гума с намерением напасть на Келасур или на Дал. Во всяком случае, полковник Муравьев приостанавливает войска, приготовленные для следования в Гагры и, составив из них два небольших отряда, послал один из них из Сухума через сел. Гума, а другой из Бамбора на Псху с целью преградить неприятелю обратный путь через последнюю⁶⁵. Отправив Керентуха в Абхазию, Хаджи-Берзек с остальной частью своего отряда двинулся к форту Лазаревское. Возобновились нападения на береговые укрепления. По-прежнему «не спокойно было также и на абхазском побережье»⁶⁶.

В это время «партия непокорных жителей» Ахчипсоу и Аибга, в соединении с вытесненными из Дала людьми, в числе 500-600 чел., выступила горами для вторжения на Цабал. Между тем кавказское командование считало не столь важно «перехватить и рассеять эту партию», сколько необходимо было предотвратить ее нашествие, так как цабальские абреки намерены были присоединиться к ней и, под ее прикрытием, переселиться «к непокорным племенам». Ген. Муравьев вынужден был двинуть из Пицунды в Сухум четвертый батальон Тенгинского полка, предназначенного для отправления в Гагры.

Первого апреля 1841 г. повстанцы явились в Псху, а 10^{-го} числа часть их в 300 чел. подступила к Чхалта – центру Дала и оттуда двинулась к Багада, разрушив мост через р. Адзгара. Муравьев двинул туда Тенгинский полк и «милицию» абхазского владельца. Неуловимые повстанцы, нанеся противнику значительный удар, в средних числах апреля скрылись⁶⁷. Но нападения на отдельные гарнизоны на побережье все также частые и кровопролитные. Так, например, 28 апреля того же года в Гаграх было нападение на отряд, вышедшего для рубки дров в лес в ущелье Жоадзех, потери которого равнялись: 10 чел. убитыми, 12 ранеными и 12 попавшими в плен⁶⁸. Особенно убыхи, «ободраемые безнаказанностью, продолжали свои кровавые похождения на суше и на море»⁶⁹, и не раз Хаджи-Берзек затевал продолжительные «обширные предприятия» против отдельных укреплений и гарнизонов царизма.

Одновременно с борьбой горских народов за независимость развивалось массовое движение и в Грузии. В 1841г. произошло восстание гурийского крестьянства – крупнейшее в истории крестьянского движения в Грузии в первой половине XIX в., которое, вместе с тем, имело большое влияние на эти события, в частности и особенно – на Западном Кавказе. Главный штаб восставших гурийских крестьян, число которых доходило по официальным данным около 7200 человек, оказывается единственной властью в крае, а в руках царского командования – только Озургети. Гурийцы нанесли сильное поражение мегрельскому владетелю Дадвани, который с отрядом в 1000 чел. спешил на помощь осажденному Озургети – административному центру Гурии⁷⁰.

В Мегрелии крестьяне не только отказались участвовать в карательной экспедиции против гурийских повстанцев, но в сел. Джвари собрался отряд в 1000 человек и спешно готовился выступить на помощь последним. В Абхазии крестьяне также категорически отказались участвовать в карательной экспедиции против восставшей Гурии. Тоже самое произошло и в Сванетии.

Генерал Головин доносил кн. Чернышеву (7 сентября 1841 г.), что «...ныне в Самурзакани, Абхазии и у джигетов и убыхов, относительно причины восстания в Гурии, распространены самые неблагоприятные для нас слухи, которые... производят сильное влияние на умы покорных нам племен. Между народами этими носится молва, что гурийцы восстали потому, что со введением нового в Закавказском крае управления собираются подати отяготительные и вводится рекрутский набор. Эта молва... имела уже влияние на сбор милиции в Самурзакани»⁷¹.

Как видно из приведенного документа, вести о Гурийском восстании доходили также до садзов и убыхов. И здесь «эта молва» оказывает большое влияние на события. Об этом ясно свидетельствует современный автор историк Н. А. Волконский. «Джигеты, – пишет он, – полагая, что наши силы обратятся в Гурию, и что мы будем вынуждены отказаться от действий в земле убыхов, стали опасаться за свою собственную безопасность; Цвиджа и горные общества переменили тон и не говорили уже о покорности; убыхи ободрились, прекратили переговоры и положили противиться до последней возможности. Перейдя затем от слов к делу, они быстро принялись за устройство завалов на дороге, ведущей в их землю, и за приведение своих аулов в сильно укрепленное состояние»⁷².

«Вдруг, – пишет тот же Н. Волконский, – все... рухнуло моментально и мы возвратились к прежнему положению. Таким неожиданным оборотом дел мы внезапно были обязаны возмущению, вспыхнувшему в Гурии. Весть о нем с быстротой молнии пролетела по всему восточному берегу (Черного моря. – Г. Д.) и произвела весьма неблагоприятную для нас перемену в умах народов... «Гурийское сотрясение» оказалось «в тесной связи... с делами в остальной части восточного берега...»⁷³. Еще 2 сентября 1841 г. ген.-м. Анреп в своем докладе на имя ген. Головина писал: «Усмирение гурийцев, покорение и наказание убыхов и упрочение покорности джигетов суть вопросы, тесно между собой связанные, и решение двух последних зависит от скорой и совершенной развязки первого»⁷⁴.

Кавказское командование, учитывая, что «если первые пушечные выстрелы раздадутся в Гурии, то последние могут кончиться в Анапе и на берегах Каспийского моря», – как писал генерал Анреп⁷⁵ -, спешит скорее ликвидировать гурийское восстание 1841 года. Именно «сознание необходимости для всего восточного берега скорейшего усмирения Гурии», заставило генерала Анрепа отправиться в Гурию лично, а также посетить Мегрелию, куда собирался перебросить крупные военные силы. Он был твердо уверен, что немедленное «усмирение Гурии», «не только могло поправить все дела, но дать им еще лучше прежнего оборот»⁷⁶.

Царское командование вынужденно было временно приостановить свое наступление против горцев Западного Кавказа. «Медленный сбор милиции, – писал бывший тогда батальонным адъютантом в 3 батальоне Тенгинского полка, стоявшего в то время лагерем при укр. св. Духа, на Адлерском мысе, М. Федоров, – по причине бунта в Гурии, задержал наш отряд на Адлере, который, к досаде нашей, слишком два месяца собирался сделать нашествие на землю убыхов. Два месяца – такое время, в которое не только убыхи, имеющие земли каких нибудь 1500 квадратных верст, но все побережье линии могло ополчиться и приблизиться к отряду»⁷⁷. «Таким образом, возмущение в Гурии приостановило экспедицию к убыхам», – констатировал и историк Н. Волконский⁷⁸. Крестьянское движение в Гурии было подавлено. «...Но, – писал ген. Раевский в своем рапорте военному министру Чернышеву от 16 октября 1841 г., – как и должно было ожидать, весть об этом не могла несколько вознаградить того зла, которое сделало для нас в расположении горцев известие об этом несчастном смятении»⁷⁹.

Экспедиция к убыхам была возобновлена сейчас же после подавления гурийского восстания. Борьба была жестокой. Старый Хаджи-Берзек, по сообщению ген. Филипсона, «при всех принес присягу, что он скорес позволит на себя надеть женские шаровары, чем пропустить русских в свой край»⁸⁰. Вместе с тем, в это время во многих районах Кавказа значительно углубляется крестьянское движение, явно проявляя тенденции к созданию единого фронта в борьбе с местными феодальными классами и российским царизмом. В Абхазии оно выразилось, прежде всего, в активном выступлении крестьянства на побережье, а также в усилении партизанской борьбы в Далс и Цабале – происходившей под руководством того же Шабата Маршания. Движение абречества в этих высокогорных районах Абхазии усиливается в мае следующего 1842 года. В августе месяце оно принимает еще более острый характер. 22 числа – в день коронавания императора Николая I абреки решали устроить нападение на укрепление Мрамба. Однако это нападение повстанцев было отбито с большими потерями для них. В состоявшейся жаркой схватке был сражен и руководитель абреческого движения Шабат. Он был «убит на месте, как умирают храбрые»... в момент, когда, ранив одного солдата из пистолета, изрубив другого на части и с окровавленной шашкой шел на других⁸¹. Активный участник борьбы против этого абреческого движения и автор любопытной рукописи «Картины и характер Кавказа» Н. П. Колюбакин, задаваясь очевидно, целью дать психологическое «объяснение» такого конца жизни «буйного» Шабата, писал: «Есть люди, которых несчастное стечение обстоятельств, увлекает в бездну преступлений; но Шабат сам вольно, по какому-то внутреннему призванию, выбрал из многих представляющихся ему путей к известности и счастью, поприще крови, по которому он шел упорно, радостно и в конце которого нашел смерть»⁸².

После гибели Шабата во главе абреческого движения стал его младший брат Эшсоу. О неуловимом абреке Эшсоу также прекрасно знают наши источники. Он еще до этого совместно с Шабатом не мало хлопот принес царским отрядам. В конце февраля 1843 г. Эшсоу со своими абреками устраивает смелую диверсию на Цабал и Дал. Началось движение и в сел. Джгерда. Царское командование вынуждено было усилить войска в укр. Мрамба, для чего послана была туда еще одна рота и сводно-учебная команда, которым не раз приходилось вести перестрелку с абреками в течение всего 1843 г. В

это время началось движение и в Псху. Чтобы локализовать возобновившееся движение в этом районе Абхазии, царское командование в декабре 1843 г. двинуло туда усиленную карательную экспедицию. Тем не менее, нападения повстанцев на царские гарнизоны и отряды «все таки продолжались, как в 1844, так и в 1847 году»⁸³.

Вместе с тем, подъем освободительного движения на Западном Кавказе в целом характеризуется окончательным переходом феодальной и племенной знати на сторону царизма, становясь его социальной опорой. Мы видим, что и влияние Берзеков быстро падает среди трудовых масс. Даже наиболее популярный вождь убыхского народа Хаджи-Берзек, хотя и не присягнувший официально царской России, теряет свой авторитет. Убедившись в этом, он отрекается от политической деятельности, направляется в богомолье в Мекку и умирает на обратном пути на родину, летом 1846 г.⁸⁴.

До сих пор еще не было установлено тесных связей между движением в Дагестане и Чечне с движением на Западном Кавказе. И вот именно в этот период Шамиль делает практические шаги к завязыванию непосредственных сношений с племенами и народами Западного Кавказа⁸⁵. Факт отхода верхушки, делавшего движение лишь еще более народным, крестьянским, создавали Шамилю здесь весьма благоприятные условия. Наместник Кавказа Воронцов отмечал, что после успехов Шамиля в 1843 г., «его влияние распространилось во всех горах, и за Кубаню, и по Черноморской береговой линии...»⁸⁶.

На Западном Кавказе официальные эмиссары Шамиля появляются с 1842 г. Однако еще раньше Шамиль решил обратиться к рядам Западного Кавказа. Идеи освободительной борьбы именно в той форме, в какой их Шамиль и его предшественники проповедовали и осуществляли, доходят до трудовых масс этой части Кавказа. Уже собрание убыхов, шапсугов и абадзахов в 1841 г. на р. Пшеха, где был принят знаменитой «дефтер», прошло под знаком газавата – «священной войны» против наступающего царизма.

Мюридизм, несмотря на его религиозную оболочку, объединял трудящихся в борьбе против местной феодальной знати и против захватнической политики российского самодержавия. В этом была его сила. Только поэтому и здесь, на Западном Кавказе, принципы мюридизма нашли отклик в широких массах. Таким образом, почва для агитации шамилевских посланцев была подготовлена. Что же касается открытого препятствия местной феодально-родовой знати

агитации представителей Шамиля, то это лишь благоприятствовало распространению идеи освободительной борьбы, поскольку данное препятствие способствовало росту самосознательности трудовых масс Западного Кавказа.

В 1847 г. на категорический вопрос генерала Завадского абадзахам (абадзехам): «Скажите мне громко кто вы: друзья ли наши, или же враги?», – последние ответили откровенно: «...Власть над нами вручена шейху Шамилю, правителю всего пространства от Темир-капы (железные ворота Дербента) до Анапы; это и вы знаете, – следовательно, никто из нас не может иначе себя вести, как сообразуясь с волей этого ученого шейха - истина всякой мудрости.

Мы никогда и ни в чем не покоримся вам и делаем то, что повелевает нам этот избранный правитель (векиль). Мы ваши враги и будем вести с вами войну до тех пор, пока никого из нас не останется. Мы (абадзахи), шапсуги и убыхи, все заодно в этом деле»⁸⁷. Заодно с ними были и многие западно-абхазские племена.

Выдающаяся политическая роль в этом освободительном движении по прежнему принадлежала убыхам. Мы видим, что весной 1845 г. убыхи под руководством абрека из крестьян Омера Чизма едва не взяли Навагинское укрепление⁸⁸. За 1846 г. согласно приказу по Отдельному кавказскому корпусу от 3 февраля 1847 года, на Черноморской береговой линии было 88 сражений, из них наибольший процент падает на Головинское и Навагинское укрепления, расположенные на территории убыхов⁸⁹. В начале этого года убыхи совершили и один из крупнейших «зимних походов» на Абхазию.

В конце января 1846 г. вблизи Навагинского укрепления, в ауле Джембулата Берзек, был составлен «большой сбор горцев разных племен», с намерением «сделать покушение» против укр. Св. Духа и Пицунды. В этот отряд входили садзы и другие представители западных абхазских племен. Однако военные власти об этих приготовлениях были предупреждены изменником Аубла Ахметом, благодаря чему были приняты «все меры усиленной предосторожности». 28 или 29 января отряд Джембулата Берзек двинулся на Абхазию. Но узнав о сильных приготовлениях здесь, Берзек не решился перейти через р. Бзыбь с основной массой своего отряда, а послал лишь группу в 200 человек, но и она встретив сильное сопротивление, вернулась обратно⁹⁰. Однако активные действия убыхов вызывали брожения среди абхазского населения.

Мы уже указывали, что в этот период очень часты были нападения повстанцев на царские гарнизоны и отряды. Так, 15 января 1846 г. было устроено нападение на солдат сухумского гарнизона, вышедших в лес за дровами и при этом был ранен шашкой один солдат. 19 января того же года вблизи пицундского укрепления повстанцами был изрублен один человек. 4 февраля 1846 г. в ближайшем лесу к сухумскому укреплению имело место новое нападение на солдат этого гарнизона, при котором был ранен один человек⁹¹ и т. д. Генерал А. Будберг 30 июля 1846 г. констатировал рост «враждебных настроений» среди садзов⁹².

В конце 1847 г. в Самурзакане началось открытое восстание «для достижения самостоятельности». Командование вынуждено было снарядить особый отряд, который и явился в сел. Окум – в тогдашний центр этого района⁹³.

В 1848 г. среди народов Западного Кавказа появляется по числу третий шамилиевский посланец – наиб и вместе с тем «самый задушевный приближенный» Шамиля и «самый ученый... имам после Шамиля», знавший прекрасно «как помочь горю» народа, сам будучи «родом плебей»⁹⁴. Это был – знаменитый Мухаммед-Эмин (Могамет Амин). «О его энергии и справедливости, молва о его ненависти к русским и задушевной дружбе с шейхом Шамилем всегда и везде предшествовали ему...»⁹⁵.

На исходе 1852 г. Мухаммед-Эмин уже на побережье у убыхов, где также имеет большой успех. «Кавказский Демосфен», способный «на самостоятельную широкую организаторскую деятельность»⁹⁶, – Мухаммед-Эмин принимает энергичные меры для сплочения народов и племен Западного Кавказа под знаменем освободительной борьбы. Объединительная политика этого вождя повлекла за собой еще более четкое разграничение классовых сил внутри адыгейских и убыхских племен. Народные массы, склоняясь к объединению в борьбе против царизма, а феодалы стремились к контакту с царизмом. Среди многочисленных племен Западного Кавказа, слабо связанных между собой, Мухаммед-Эмин сумел создать централизованную государственную систему, во многом напоминавшую имамат Шамиля.

Даже такой представитель буржуазной историографии как Ф. Щербина вынужден был подчеркнуть, что Мухаммед-Эмин, опираясь «на тфокотль, средний класс или народ»⁹⁷, «организовал народные управление на демократических началах» и стоял «все время на торном

пути объединения черкесских народностей...»⁹⁸. Воронцов отмечал, что представители Шамиля на Западном Кавказе, в том числе и Мухаммед-Эмин, «говоря его именем и действуя по его системе, хотя имели и имеют сопротивление от аристократического духа большей части тамошнего народонаселения... мало-по-малу приобрели там силу и восстановили там более или менее единство против нас»⁹⁹.

Возглавляемые Мухаммед-Эмином горцы вели упорную борьбу с царизмом: в течение одного 1849 года они произвели 101 вторжение на занятую русскими войсками территорию¹⁰⁰. Кроме того, Мухаммед-Эмин упорно стремился расширить сферу своего влияния и в областях Закавказья, прежде всего на территории, занятой северо-западными абхазскими племенами.

«Опасность попасть под иго царизма и энергичная деятельность наиба Мухаммеда-Эмина, - пишет Т. Лапинский, - привели народ адыгов к неслыханному до тех пор единению... Прошло бы еще немного времени и возведенное новое здание административной и религиозной системы вполне утвердилось бы. Наиб стал серьезно думать о распространении своей власти также и на южные племена...». Мы видим, что Мухаммед-Эмин, обосновавшись на территории убыхов немедленно начинает вести переговоры с соседними садзами. Царское правительство было крайне обеспокоено, так как «из этого абхазского племени мюридизм легко мог бы постепенно распространиться во владении абхазском...»¹⁰¹.

Как результат приближения шамилевского посланца непосредственно к пределам Абхазии, здесь усиливается движение. Руководитель абреческого движения в Дале и Цабале Эшсоу Маршания, как сообщал адмирал Серебряков, «вошел в сношение с Магометом Амином и, как носят слухи, получил от него приглашение принять начальство над сильною партией в замышленном наибом предприятии овладеть Карачаем». При этом уверяли, что «наиб объявил, будто бы это предприятие необходимо для открытия Шамилю свободной дороги к Абхазии, а также и для предварительного распространения влияния своего на этот край...»¹⁰².

В 1849 г. в Цабале и Дале вновь начались выступления. К. Мачавариани это событие непосредственно связывает с движением Мухаммед-Эмина. При этом он указывает, что «глава восстания» Эшсоу Маршания «принимал участие во всех действиях Магомета-Эмина...»¹⁰³.

Зимой 1852 г. убыхи совершают очередной «зимний поход» на Абхазию через снеговые горы. Число участников этого похода доходило до 3 тыс. человек и во главе стоял Хаджи-Керентух Берзек. Убыхи имели целью, как доносил начальник Черноморской береговой линии адмирал Серебряков, напасть на одно из укреплений, в первую очередь – на Пицунду. Тем временем ахчипсаа должны были напасть на имение Каца Маан или также на Пицунду.

Серебряков так определяет характер этого движения убыхов на Абхазию: «Многочисленность сбора, известность предводителей и обдуманность предприятия, для успеха которого неприятель даже взял с собою запасы продовольствия, доказывают, что оно было делом не частным, а народным и имел характер не простого набега для хищничества, всегда кратковременного, предполагало цель более обширную. Убыхи шли с полной уверенностью в успехе». И. д. начальника береговой линии полк. Н. Коллюбакин наспех усиливает укр. в Пицунде и Бамбора, где сосредотачивает крупные силы и, составив отряд из 1000 штыков с тремя орудиями и ракетной командой, выступил из бамборского укрепления для встречи неприятеля. 22 февраля отряд подошел к ущелью Аура, в 12 километрах от Бамборы, здесь он расположился.

Между тем адмирал Серебряков, 20 февраля, вышел из Керчи с двумя пароходами с войсками, чтобы устроить демарш на убыхском побережье с целью «отвлечь их от намерения вторгнуться в Абхазию, или заставить их возвратиться с пути, если они уже выступили и отошли еще недалеко». Для «вернейшего достижения» этой цели Серебряков предполагал собрать войска также из других пунктов, сделать движение в горы, разорить ближайšie к форту Навагинскому аулы и тем «вынудить убыхов отозвать партию, предпринявшую набег на Абхазию». 23 февраля адмирал Серебряков прибыл в укр. св. Духа, где и узнал, что убыхи уже перешли через горы и находятся у спуска с них в Абхазию. Серебряков послал «предать пламени» аул в близи Сочи. В течение всей ночи и утра 24 февраля регулярные войска из всех видов оружия палили по жилищам мирного населения. «Зарево пожара освещало отряд», – писал цинично адм. Серебряков. Но ближайšie «к истребленному» аулу население скоро собралось в значительном числе и «с ожесточением бросились в шашки». «Упорный бой» продолжался 2 часа. С наступлением вечера 24-го же февраля Серебряков с двумя ротами отплыл к берегам Абхазии, которые он

расположил в Бамбора, чтобы «в случае надобности направить их к тому пункту, куда обратится неприятель»¹⁰⁴.

Убыхи шли 16 дней по весьма трудным дорогам через территории ахчипсаа. Дойдя до спуска в Бзыбской Абхазии, они оставили на хребте при переправе через Бзыбь около 500 человек с вещами и частью продовольствия. Остальные 2500 человек 24 февраля спускаются в ущелье Аура, где, неожиданно, сталкиваются с крупными силами противника. Не зная силы противника, и увидев, что уже на самом спуске с гор готовится им встреча, они после перестрелки с передовыми частями отряда, продолжавшегося до полудня, обратились назад на снеговой хребет, унося с собой раненных. Узнав от горцев о разорении аула на родине и о сборе отряда при форте Навагинском, убыхи поспешили домой, не выполнив и второй задачи похода: на обратном пути пройти через территории садзов¹⁰⁵.

В конце июня 1852 г. жители Ахчипсоу и Аибга составили отряд в 300 чел. с намерением напасть на имение Каца Маан и, если удастся, на дом владельца в сел. Лыхны. В связи с этим военное командование вынуждено было отправить в Бзыбскую Абхазию дополнительные силы. В середине июля ахчипсаа снова готовятся к выступлению, на этот раз – для разорения имения кн. Дм. Шервашидзе в окрестности Сухума. Но и в данном случае находя везде готовую встречу, они вынуждены были опять отказаться от своего решения.

В это время в Дале и Цабале усиливается движение, особенно в Дале. Все это благоприятствует убыхам, которые тем временем готовились соединить свои силы под властью Магомета Амина, располагавшего также частью сил абадзахов¹⁰⁶.

Мухаммед-Эмин, «благодаря своей необычайной напряженной и кипучей деятельности»¹⁰⁷, как раз в это время у убыхов вводит систему общественного устройства, «какую Шамиль ввел в Дагестане»¹⁰⁸, и старается распространить ее и над другими племенами Западного Кавказа¹⁰⁹. К концу лета 1852 г. кроме абадзахов, ему уже подчинилась к северу от земли убыхов часть шапсугов до форта Лазаревки, а к югу – абхазские племена до владения Арыдба, на правом берегу р. Мзымта, и на остальные садзские общества наиб «также имеет виды»¹¹⁰, из которых Арыдба¹¹¹ скоро призвали к себе Мухаммед-Эмина.

«Нельзя предвидеть, – писал адмирал Л. М. Серебряков, – к чему может повести пребывание наиба между убыхами, но должно быть

готовыми на все и, особенно на защиту Абхазии от властолюбивых его замыслов. Обстоятельства могут потребовать сбора значительного числа абхазской милиции и вызвать мигрельскую милицию»¹¹².

Царское командование перебрасывает значительные силы в укрепление св. Духа в долине р. Мзымта. Мухаммед-Эмин в свою очередь стремится прочно укрепиться на территории садзов. Он располагал 3 тыс. отрядом. В первой половине сентября 1852 г. состоялась ожесточенная борьба из-за Садзын (Джикетии). Убыхи, встретив сравнительно слабое сопротивление на нижнем течении р. Мзымта, прорвались в край. Арыдба пропустили их через свою территорию, присягнули наибу и присоединили к нему свою милицию. Отдельные конные части местами переходят через Мзымту. Наибу присягнули и Цвиджаа (Цужу)¹¹³. Но в верхней части земли садзов, где были сосредоточены значительные силы, путь убыхам был прегражден. Наиб вынужден был отступить¹¹⁴.

(...)* «Для защиты джигетов от Магомета Амина и убыхов, – доносил адм. Серебряков кн. Воронцову, – я сделал все, что от меня зависло». Далее начальник Черноморской береговой линии констатировал, что «джигеты ни одного раза не оказали почти никакого сопротивления неприятелю»¹¹⁵.

В ноябре 1852 г. Мухаммед-Эмин направился к прибрежным шапсугам. Арыдба и Ацанба отправляют ему всадников¹¹⁶.

В связи с таким положением, у кавказского командования зарождается план «о необходимости произвести сильную диверсию в Закавказском крае, для отвлечения мятежных горцев от Абхазии»¹¹⁷.

Таким образом, освободительная война, развивавшаяся под флагом газавата уже давно перешла этнографические границы Абхазии и бушевала непосредственно на ее северо-западной политической границе, находя свое яркое отражение внутри страны. Идеи освободительной борьбы настолько глубоко пускают свои корни и в Абхазии, что они прекрасно запечатлелись не только в документальном, но и в фольклорном материале.

Особенно героическая народная поэзия хорошо знает газават, в его почти идентичной форме – казаут¹¹⁸. «Казаутная война» (казаут) тема многих песен этого жанра. Например, в песне о Пшкиач-Ипа Манча говорится: Когда храбрый апыза¹¹⁹ Манча отступая от

* В рукописи отсутствует одна страница.

превосходившего противника, подошел к границе, дальше которой он уже не должен был сделать ни шагу, левая нога его была пронизана семью пулями, правая – взывала казаут! Когда враги напали на местность Джмарынцвара, герой Даур Ачба – сломленную правую руку держал на перевязи, левой рукой взывал казаут! Иногда священный казаут призывает героя на подвиг даже при полной физической невозможности. Очень часто в песнях и сказаниях, особенно фрагментарных, встречается сюжет: витязь с отсеченной головой, но с не покоряющим туловищем, взывающем – «казаут»! и т. п.¹²⁰.

И сейчас еще старики говорят как о недавнем времени, а для некоторых и при их жизни, когда «народы воевали казаутом». При этом характерно, что иногда территорией этих сражений являются районы северо-западного Кавказа и равнины Кубина (Кубани), встречаются и такие топонимические названия, которые заставляют искать места отдельных событий в областях Восточного Кавказа – родины газавата.

Началась Крымская война. Еще накануне, летом 1853 года, царское командование, опасаясь всеобщего восстания в Абхазии, спешно укрепляет Сухум и усиливает свои гарнизоны по всей территории Абхазии. «Положение наше в Абхазии в военном отношении весьма неудовлетворительно», – писал адмирал Серебряков в 1852 г., т. е. спустя 42 года после официального присоединения Абхазии к России.

Уже в начале 1854 г. царское командование ставит вопрос об эвакуации гарнизонов Черноморской береговой линии. Это было вызвано не только обстоятельством господства неприятельского флота на Черноморском бассейне. Царское правительство боялось еще всеобщего восстания горских народов, в частности, активизации деятельности Мухаммед-Эмина.

Наместник Кавказа Воронцов в инструкции, данной им ген. Реаду в марте 1854 г., прямо предупреждал, что «одно поле для действий и возможных успехов Мухаммед-Эмина остается на южном покате гор со стороны Черного моря и особенно Абхазии... Участь Абхазии также связана с положением нашим на Черном море...»¹²¹. И гарнизоны, расположенные на территории Абхазии, за исключением Гагринского, по суше были направлены в Мегрелию для усиления Гурийского отряда. Но это движение происходит буквально с боем. Что же касается Гагринского гарнизона, который решено было на некоторое время оставить на месте «для прикрытия Абхазии от вторжения

горцев», скоро он оказался обложенным отрядами Мухаммед-Эмина, его еле-еле спас большой военный пароход «Св. Иоанн», пришедший к нему на помощь из Керчи 20 апреля¹²².

После окончания войны, осенью 1856 г. царские войска снова заняли Абхазию, а в 1857 г. и все Черноморское побережье. Возобновилась «Кавказская война». Уже весной 1857 г. начинается ожесточенная борьба из-за Гагр. Еще в мае 1856 г. ген.-адъют. кн. Барятинский писал, что Гагринский пункт необходимо возобновить и укрепить «прежде всего, чтобы замкнуть убыхам ворота для вторжения в Абхазию, так как гагринское ущелье служит им единственным удобным для сего путем...»¹²³. При этом предполагалось еще устроить укрепление на р. Бзыбь, которое, в случае падения Гагр, могло бы «защищать Абхазию от горцев»¹²⁴. Уже 1 апреля 1857 г. убыхи совместно с садзами совершают набег на владение князей Инал-ипа в сел. Калдахвара¹²⁵. В мае они атакуют десантный отряд царских войск, занявший бывшее Гагринское укрепление. В первых числах июня того же года около Адлера состоялся сбор пятитысячного отряда. Руководство над этим сбором приняли на себя Хаджи-Керентух-Берзека и Баракай-ипа Измаил Дзиаш (Дзейш). Последний доставил даже 3 небольших медных орудия. Однако эти приготовления были расстроены одним обстоятельством. В конце мая племянник Хаджи-Керентух-Берзека, называемый «меньшой Хаджи-Берзек», тайно поехал в Сухум, столкнулся с кн. Дм. Шервашидзе, и явился к Кутаисскому генерал-губернатору кн. Гагарину и обещал «при благоприятных обстоятельствах служить усердно» царскому правительству. Это «возбудило крайнее негодование на всех Берзеков». Для наказания изменника Хаджи-Берзека «скопище отправилось грабить его имущество, что и было исполнено». Затем никакого согласия уже восстановить было невозможно, и повстанцы окончательно разошлись по домам, «оставив предприятие на Гагры не исполненным»¹²⁶.

Под влиянием убыхов росло повстанческое движение у западных абхазских племен, особенно – у садзов, активизировались абреки в Абхазии, пламя восстания разгоралось в Дале¹²⁷. Генерал Гагарин, доказывая необходимость сосредоточения 1300 чел. пехоты на мысе Пицунда, писал: «В последнее время число недовольных настоящим порядком вещей в Абхазии значительно увеличилось в Бзыбском

округе, и они могут, соединясь с горцами, произвести большие беспорядки в Абхазии»¹²⁸.

В 1858 г. Мухаммед-Эмин снова прибыл к убыхам, и «стал вводить у них народные суды и убеждать племена северо-восточного берега Черного моря соединиться в одно целое»¹²⁹. Владетель Абхазии не замедлил принять меры противодействия, так как он «видел ясно, что упрочение власти Магомет-Амина произойдет в ущерб его собственному влиянию. Владетель убеждает горцев «остерегаться Наиба, не принимать его»¹³⁰. Скоро Мухаммед-Эмин ушел обратно¹³¹.

В результате «твердого курса» – решительного наступления царизма на Кавказе, в 1859 г. Шамиль вынужден был сложить оружие. 25 августа 1859 г. Главнокомандующий и наместник Кавказа кн. Барятинский восторженно донес Александру II: «Гуниб взят. Шамиль в плену и отправлен в Петербург». Пленением Шамиля заканчивается завоевание восточной части Кавказа.

До тех пор пока держался Шамиль, Мухаммед-Эмин одерживал победы, но после пленения «великого демократа Шамиль-бея» (К. Маркс) царские войска кольцом окружают Мухаммед-Эмина. Внутренняя борьба с местным «вождем» шапсугским князем Сефербеем, ставленником султанской Турции, крайне ослабила боевую силу западнокавказских племен. Население было истощено войной. Большинство аулов было сожжено и разграблено. Были отняты лучшие земли.

Мухаммед-Эмин вскоре после падения Шамиля вынужден был сдаться – 20 ноября 1859 г. присягнул вместе с абдзахами на «верноподданство» российскому царю¹³². Но и после этого Кавказская война далеко еще не была закончена. Разрозненные горские племена вели еще почти пять лет упорную борьбу с царизмом, оказывая ему героическое сопротивление. Однако, конец Шамиля был сигналом к решительному наступлению на Западном Кавказе. Против горцев было сосредоточено 70 батальонов, драгунская дивизия, 20 казачьих полков и 100 орудий¹³³.

Генерал Евдокимов, командующий войсками вновь образованной Кубанской области, начал наступление на абадзехов и шапсугов. Царские войска со стороны последних встречают героическое сопротивление. Тем временем убыхи и абхазские племена усиливают свои нападения на царские гарнизоны на побережье. Вот что писал Кутаисский генерал-губернатор ген. – л. кн. Эристов в своем рапорте

кн. Барятинскому от 19 марта 1860 г.: Убыхи и абхазские племена «беспрестанно появляются на высотах, прилегающих к укр. Гаграм, и, как видно, следят за действиями гарнизона с намерением воспользоваться малейшей нашей оплошностью. ...Воинский начальник укр. Гагр доносит, что в Сочи горцы снаряжают до двадцати пяти галер, или когерм, с целью сделать десант между Гаграми и Пицундою. ...Снаряжение убыхами значительного числа когерм может быть весьма опасно для наших коммерческих парусных судов, тем более, что бывали и прежде примеры, что убыхи захватывали наши купеческие суда и предпринимали дерзкие и весьма отважные набеги на берега Абхазии и часто с большим успехом»¹³⁴. «Убыхи, джигеты, псхувцы и другие враждебные нам племена замышляют, как слышно, нападение на укр. Гагры или на Пицунду. Гарнизоны этих укреплений усилены», – доносил команд. Кавказской армии ген. – адъют. кн. Орбелиани воен. министру ген. – адъют. Сухозанету от 20 августа 1860 г.¹³⁵.

Общее положение царизма в Абхазии так характеризовал ген.-м. Лорис-Меликов в своем рапорте кн. Орбелиани от 12 августа 1858 г.: «Мы заняли Сухум в 1810 году. С того времени прошло уже полстолетия и надо сознаться, что влияние наше в Абхазии нисколько не увеличилось, что, действительно, как выразился ген.-л. Филипсон¹³⁶ мы не владеем, а только занимаем ее. Даже кажется вернее предположить, что это занятие в настоящее время менее прочно, чем было прежде...»¹³⁷.

В августе 1860 г. кавказское командование решило покончить с Псху, который в это время становится центром абреческого движения, создавая угрозу в тылу царских сил в Абхазии. В середине августа в Псху был двинут «усиленный отряд». Поход длился 7 дней. Тем временем на помощь к псхувцам приходят убыхи и побережные садзы, а также ахчипсаа и айбгаа. Повсюду строятся завалы. На высотах и по долинам Грыбза завязывается ожесточенная борьба, которая местами переходит в «отчаянный рукопашный бой». Между тем командование устраивает ложное движение на побережье, занятое убыхами и садзами, «могущих идти на помощь к псхувцам». Однако этот маневр не отвлек внимания тех и других от борьбы, развернувшейся в Псху. Но силы были слишком неравные, и 17 августа 1860 г. «усиленный русский отряд» сломил сопротивление повстанцев, занял долину Грыбза¹³⁸.

Став перед лицом исключительной опасности в начале 60-х гг., трудовые массы убыхов, шапсугов и абдзахов пытаются, еще больше сплотиться. Ярким показателем этого является «съезд выборных старшин», созданный по инициативе убыхов 13 июня 1861 г. в долине р. Сочи, на котором были приняты важные решения: о создании знаменитого меджлиса - «великого и свободного заседания» и проч.¹³⁹, т. е. здесь была принята конституция. Однако убыхская конституция 1861 г. – это лишь проект социальной реформы, которую пытались осуществить вожди убыхского крестьянства. Убыхско-адыгейский меджлис делает попытки преодолеть племенную разобщенность и разрозненность выступлений и прибегает к единственному в его руках средству – к лозунгу газавата, а также делает попытку апеллировать к мировой общественности.

Между прочим, царское правительство не без основания подозревало абхазского владетеля Михаила Шервашидзе в том, что мысль о новом союзе между убыхами, шапсугами и абадзахами «была внушена» им, хотя он, несомненно, имел большие заслуги в стремлении царизма подчинить себе как эти, так и абхазские племена. Эту «скрытую позицию» владетеля царские правители объясняли стремлением его «отдалить развязку борьбы» царизма с горцами, чтобы сохранить собственную власть¹⁴⁰.

В сведениях о Михаиле Шервашидзе и вообще о положении дел в Абхазии со времени Крымской войны, составленных в канцелярии начальника Главного штаба Кавказской армии в марте 1863 г. мы читаем: все князья Шервашидзе «уверены в том, что непосредственно вслед за подчинением России земель окружающих Абхазию, значение их и почет, коим они пользуются от нашего правительства, должны будут прекратиться. Убеждения эти до того вкоренились в Шервашидзевах, что всякое старание уверить их в противном сопряжено было с огромными затруднениями или оказалось невозможным»¹⁴¹.

Хаджи-Берзек, который вместе с другими представителями племенной знати в качестве депутата прибыл в Тифлис осенью 1861 г., пытаясь выслужиться «приведением к покорности» своих «подвластных», прямо заявил кн. Орбелиани, что «Союз убыхи, шапсуги и абадзехи заключили по совету владетеля»¹⁴². Так ли это было, сказать трудно. Но и нечего невероятного в этом не было. Не приходится сомневаться в том, что Михаил Шервашидзе не был

заинтересован в окончательном торжестве царизма и на Западном Кавказе, с чем он не мог не связывать ликвидацию и своей политической власти. Во всяком случае, абхазский владетель имел значительное влияние на северо-западном Кавказе, в частности и, пожалуй, особенно – в Убыхии. Михаил Шервашидзе, по обычаю края, воспитывался в доме Хаджи-Берзека, где жил до 9 летнего возраста и, таким образом, являлся его названным сыном, и получил прекрасное «горское образование».

«Владетель Абхазии – воспитанник убыхов, – писал ген.м. Лорис-Меликов, – пользуется в этом племени популярностью и влиянием совершенно исключительным. Что он у убыхов сильнее Магомет-Амина и прочих проповедников, в этом нет сомнения...»¹⁴³. Заметим также, что владетель первым браком (в 1831 г.) был женат на дочери садзского кн. Беслангура Арыдба¹⁴⁴, воспитанной у его матери Тамары Кациевны Дадиани¹⁴⁵.

6 марта 1864 г. убыхи прекратили сопротивление. В апреле того же года было сломлено последнее сопротивление горных абхазских племен – ахчипсаа и псхуаа, и 21 мая из урочища Губаадвы в верховьях реки Мзымта приемник Барятинского вел. кн. Михаил отправил в Петербург донесение об «окончании Кавказской войны».

Укрепляясь на Кавказе, царизм прибегал к жесточайшим мерам: выселял горское население с территории Западного Кавказа – из родины, во имя которой они с люльки получали соответствующее военное и моральное воспитание, родины, которая была обильно орошена кровью поколений. Злополучный 1864 г. – год официального покорения Кавказа был позади.

«Теперь, – писал один из великодержавных авторов «Очерков покорения Кавказа», – когда умолкли шум и азарт отчаянной борьбы, когда наша власть на Кавказе вполне упрочена, мы можем спокойно отдать дань удивления героизму и беззаветной отваге побежденного врага, честно защищавшего свою родину и свою свободу до полного истощения сил»¹⁴⁶.

Из всего сказанного выше ясно видно насколько было глубоко ошибочными утверждения М. Н. Покровского, который писал, что:

1. Западные горцы, охваченные царскими войсками с двух сторон – Кавказской линией и Кубанью и Черноморской вдоль морского берега – не могли «вести сопротивление сколько нибудь продолжительное время»;

2. «Завоевание замедлялось, главным образом, наличием помощи со стороны Турции... Крымская война заставила даже на время вовсе бросить Черноморскую береговую линию, т. е. выпустить черкесов из русских тисков» (подчеркнута мной – Г. Д.)¹⁴⁷.

М. Н. Покровский также был не прав; когда говорил, что через пять лет после 1859 г., т. е. в 1864 г. «прекращается борьба и на Западном Кавказе»¹⁴⁸.

Вот сжато, какой в основном характер носили те непрерывные убыхские «нападения» на Абхазию в XIX в., о которых писал С. Званба. Подобные общения между убыхами и абхазами только для определенного круга верхушки этих народов, так или иначе перешедших на сторону российского самодержавия могли быть лишь «приключенческими» и «грабительскими». Причем, сказанное выше в опровержении этого утверждения - это еще только одностороннее освещение абхазо-убыхских отношений и связей. Последние были гораздо шире, вытекавшими и из того фактора, что оба эти народа составляли родную среду.

Убыхи, будучи третьей независимой этнической единицей на Западном Кавказе, занимали, как писал академик Н. Я. Марр, «по своей природе место промежуточное между абхазскими и адыгейским» языками¹⁴⁹. Об этом ясно говорили и академики П. К. Услар¹⁵⁰ и С. Н. Джанашиа¹⁵¹, а также профессора А. Н. Генко¹⁵², А. М. Дирр¹⁵³ и М. И. Артамонов¹⁵⁴ и др.

П. К. Услару, которому посчастливилось, хотя и на очень короткое время, непосредственно изучать живой язык убыхов, так и писал – убыхский язык является «промежуточным между обоими», т. е. абхазским и адыгейским языками. А Ад. Дирр, который также изучал, хотя уже совершенно исчезавший, убыхский язык в Турции, писал, что язык убыхов «занимает промежуточное место между абхазским и черкесским языками в широком смысле»¹⁵⁵. Об этом догадывались И. А. Гюльденштедт и Георг Розен.

Мимоходом заметим, еще, что в изучении этой проблемы исследователи привлекали лишь лингвистический материал и подходили к нему прежде всего с точки зрения лингвистики. Авторы мало обращались к историческому материалу и почти совершенно – к материалам многих областей духовной культуры обоих народов. А между тем, данные этого порядка не говоря уже об исторических, разумеется, главным образом у абхазов – по причине большего их

сохранения, в интересующем вопросе являются очень важным источником, и достаточно богаты.

Укажем также, что, например, абхазский фольклор между убыхами и абхазами знает не только вражду, но и высокую дружбу того и другого народов, которую, идея совместной борьбы за одинаковые и притом возвышенные цели делали еще более прочной и той реальной силой, которая выдержала столько тяжких испытаний.

Сухум, 1945 - 1947 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Исторический сборник». М.-Л. 1935. №4.

² *Н. Дубровин*. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1871. т. I. Кн. 1. стр. 254-258.

³ Садзаа или асадзкуа (джигеты, джихи) – занимали территорию, согласно авторам первой половины XIX в., от гагринских теснин до р. Хамышв (Хоста), а по Ф. Ф. Торнау- даже до р. Саше (Сочи).

⁴ «Джигетское приставство» было создано в 1840 г. («Кавказский календарь», 1846 г., стр. 274) и причислено к Абхазии в 1841 г. (*М. Селезнев*. Руководство к познанию Кавказа, СПб, 1847 г., кн. II, стр. 201). Однако приставство царского правительства приняли, да и то вынужденно, лишь прибрежные садзы (АКАК, т. XI, ч. II, стр. 660); отсюда и понятно, почему на должность русского пристава здесь был назначен именно абхазский дворянин и офицер на русской службе С. Званба.

⁵ *Ф. Торнау*. Воспоминания Кавказского офицера. ч. I. М. 1864., стр. 14.

⁶ *Брокгауз и Эфрон*. Энциклопедический словарь, т. 67. СПб. 1902. стр. 413.

⁷ *Г. И. Филиппсон*. Воспоминания.// «Русский архив».VI. М. 1883. стр. 299.

⁸ *Брокгауз и Эфрон*. «Энциклопедический словарь», т. 67, 1902 г., стр. 413.

⁹ *Г. И. Филиппсон*. Указ. соч. кн. 1, стр. 203. Мысли ген. Филиппсона, которой в 30-40-х гг. XIX в. был начальником штаба Черноморской береговой линии, а затем команд. Правого крыла

Кавказской линии, повторяет и историк **Ф. А. Щербина** в соч. «История Кубанского казачьего войска». Т. 2. Екатериндар. 1913. Убыхи, пишет Щербина, «самое воинственное и предприимчивое племя во всей Западной части Кавказского края» (т. II стр. 261).

¹⁰ Записка нач-ка войск в Абхазии ген. – м. Лорис-Меликова, относительно свободной торговли в Абхазии и далее по восточному берегу Черного моря, от 3 октября 1858 г. АКАК. Т. XII, ч. II, стр. 796.

¹¹ Рапорт нач-ка Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главком – шему Отдельным Кавказ. Корпусом кн. М. С. Воронцову от 1 августа 1852 г., ЦГВИА, ВУА, д. 35-692, лл. 105-108.

¹² **А.В. Фадеев**. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. // Исторический сборник. Вып. 4. М-Л. 1935.– стр. 145

¹³ См. **С. Званба**. Этнографические этюды. Сухуми. 1972. стр. 43-45.

¹⁴ **К. Сивков**. Борьба горцев Кавказа за свою независимость// «История в школы», Москва, 1936., № 4, стр. 110.

¹⁵ *Там же*.

¹⁶ ЦГВИА, ВУА, Д. 6263, лл. 29-32. Цит. По указ. статье К. Сивкова, стр. 110-112.

¹⁷ **К. Маркс и Ф. Энгельс**. Соч., т. XI, ч. I, стр. 177.

¹⁸ **М. Н. Покровский**. Завоевание Кавказа. // «История России в XIX», т. V, стр. 293-294. 316

¹⁹ **А. В. Фадеев**. Указ. соч., стр, 146.

²⁰ Хаджи-Берзек жил в ауле Мутыхуасау, на правом берегу Сочипста, а до этого местожительство его находилось в долине р. Бзгу. (АКАК, т. XI, ч. I, стр. 471).

²¹ **Г. И. Филиппсон**. Указ. соч. кн. VI 1883 г., , стр. 303.

²² Journal d'une residence en Circassie pendant les annes 1837, 1838, 1839. Paris. 1841. Т. II. P. 228.

²³ **Н. А. Волконский**. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // КС. т. XIII, стр. 361; **Ф. Торнау**. Указ. соч. ч. 1. стр. 30.

²⁴ Journal d'une residence en Circassie pendant les annes 1837, 1838, 1839, Paris. 1841, Т. II. P. 228.

²⁵ Рапорт ген. Рыкгофа ген. Несветаеву от 30 июля 1806 г. АКАК, т. III, стр. 192-193; Письмо гр. Гудовича бар. Будбергу от 21 августа 1806 г. Там же, стр. 519.

- ²⁶ Рапорт гр. Паскевича гр. Чернышеву от 26 августа 1830 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6339, лл. 12-16.
- ²⁷ *К. Д. Мачавариани*. Описательной путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913г., стр. 258.
- ²⁸ *Ф. Дюбуа де Монперэ*. Путешествие вокруг Кавказа. т. I. Сухуми. 1937. стр. 96.
- ²⁹ Отношение бар. Розена гр. Чернышеву от 20 апреля 1835 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6297, лл. 5-7.
- ³⁰ *Ф. Торнау*. Указ. соч., ч. II, стр. 35, 39.
- ³¹ Цит. По книге *К. Д. Мачавариани* «Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу». Сухум. 1913. стр. 260.
- ³² *Г. И. Филипсон*. Указ. соч. стр. 306.
- ³³ Отношение бар. Розена гр. Чернышеву от 16 июля 1835 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6312, лл. 75-76.
- ³⁴ Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю. // ЖМНП. СПб. 1838. №11. стр. 412.
- ³⁵ Там же, стр. 414.
- ³⁶ Цемес, Дзе-мес – по-адыгейски (черкесски): «войсковой лес».
- ³⁷ БСЭ, т. XXX, стр. 496-497.
- ³⁸ Рапорт ген.- адъют. Будберга кн. Воронцову. АКАК, т. X, ч. II. стр. 670.
- ³⁹ ЦГВИА, ВУА, Д. 6470, л. 5.
- ⁴⁰ *Г. И. Филипсон*. Указ. соч. стр. 304.
- ⁴¹ АКАК, т. VIII, стр. 837.
- ⁴² Отношение бар. Розена гр. Чернышеву от 11 июня 1837 г. АКАК, т. VIII, стр. 870-871.
- ⁴³ *Ф. А. Щербина*. «История Кубанского казачьего войска». Т. 2. Екатериндар. 1913. стр. 315.
- ⁴⁴ Рапорт от 16 июля 1840 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6422, лл. 1-5.
- ⁴⁵ Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву от 17 октября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6381, лл. 75-78.
- ⁴⁶ Садзская община Цандрипш занимала территорию черноморского побережья от Гагр до устья р. Хошипсе, во внутрь же района – до ахчипсаа и айбга. Цандрипш составлял владение князей Цанба. Хьшха - другая садзская община, расположенная в верховьях Хошипсе, частью Цандрипша, принадлежала князьям Ачба.
- ⁴⁷ Ахчипсаа (Ахчипсоу) – небольшое абхазское племя, жившее в верховьях рек Псоу и Мзымта, которые, по характеристике Ад. Берже,

отличались «духом воинственным, отважным и находятся в тесной связи с убыхами». Ад. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе. «Кавказский календарь», Тифлис, 1857г., стр. 289.

⁴⁸ Владения кн. Абдула-Ахмета простирались между устьями рек Мыца, Сочи и Псаха.

⁴⁹ Рапорт ген. Раевского ген. Головину от 17 октября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6381 лл. 75-78.

⁵⁰ Рапорт ген. Раевского ген. Головину от 2 ноября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6392, лл. 7-9.

⁵¹ То же, от 17 октября 1840 г. Там же, Д. 6381, лл. 75-78.

⁵² Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву от 17 октября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6381, лл. 75-78.

⁵³ Рапорт ген. Раевского гр. Чернышеву от 17 октября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6392, лл. 1-4.

⁵⁴ *А. Юрьев*. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе.// КС. т. X. Тифлис. 1886. стр. 384.

⁵⁵ *Н. Калюбакин*. Картины и характер Кавказа (Рукопись). ЦГИА Груз. ССР. ф. АКАК, Д. 9(200), XII.

⁵⁶ *Там же*.

⁵⁷ *Там же*.

⁵⁸ Рапорт ген. Раевского ген. Головину от 2 ноября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6392, лл. 7-8.

⁵⁹ Рапорт ген. Раевского гр. Чернышеву от 17 октября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6392. лл. 1-4.

⁶⁰ Рапорт ген. Раевского гр. Чернышеву от 23 ноября 1840 г., ЦГВИА, ВУА, Д. 6392. лл. 7-11.

⁶¹ Там же

⁶² КС. т. III, стр. 366-367.

⁶³ Журнал военных происшествий в 3 отделении Черноморской береговой линии с 15 по 20 февраля 1841 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6392, лл. 93-95.

⁶⁴ Рапорт полк. Муравьева от 7 января 1841 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 6392, л. 45.

⁶⁵ *Н. А. Волконский*. Указ. соч., стр. 367.

⁶⁶ *Там же*, стр. 368-373.

⁶⁷ *Там же*, стр. 375-377.

⁶⁸ *Там же*, стр. 382-383.

⁶⁹ *Там же*, стр. 384.

- ⁷⁰ **Г. Хачануридзе.** Гурийское восстание в 1841 году. Тифлис. 1931.
- ⁷¹ АКАК, т. XI, ч. I, стр. 172-173.
- ⁷² **Н. А. Волконский.** Указ. соч., стр. 422.
- ⁷³ *Там же*, стр. 421.
- ⁷⁴ Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву от 7 сентября 1841 г. АКАК, т. XI, ч. I, стр. 172.
- ⁷⁵ **Г. Хачануридзе.** Крестьянские движения в Грузии. // «Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии», Тифлис. 1932. стр. 25.
- ⁷⁶ **Н. А. Волконский.** Указ. соч., стр. 423-424.
- ⁷⁷ **М. Ф. Федоров.** Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // КС т. III. Тифлис. 1879. стр. 205.
- ⁷⁸ **Н. А. Волконский.** Указ. соч., стр. 424.
- ⁷⁹ АКАК, т. XI, ч. I, стр. 513.
- ⁸⁰ **Г. В. Филипсон.** Указ. соч. 1884. №1. стр. 214.
- ⁸¹ **Н. Колубакин.** Указ. рукопись.
- ⁸² *Там же.*
- ⁸³ **К. Мачавариани.** Указ. соч.. стр. 276-277.
- ⁸⁴ АКАК, т. XI, ч. II, стр.
- ⁸⁵ **С. Бушув.** Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М–Л. 1939. стр. 95, 154-155.
- ⁸⁶ Инструкция кн. Воронцова, данная генералу Реаду в марте 1854 г. АКАК, т. X. ч. I, стр. 93.
- ⁸⁷ АКАК, т. XII, ч. II, стр. 590.
- ⁸⁸ **А. Фадеев.** Указ. соч., стр. 166.
- ⁸⁹ АКАК, т. XI, ч. II, стр.
- ⁹⁰ Рапорт начальника черноморской береговой линии Будберга кн. Воронцову о нападении убыхов и джигетов на Абхазию. // ЦГВИА, ВУА, Д. 6596. лл. 10-17.
- ⁹¹ Там же
- ⁹² ЦГВИА, ВУА, Д. 6597, л. 66.
- ⁹³ **К. Мачавариани.** Указ. соч., стр. 277.
- ⁹⁴ **Ф. Щербина.** Указ. соч., стр. 555.
- ⁹⁵ *Там же*, стр. 205.
- ⁹⁶ *Там же*, стр. 543.
- ⁹⁷ *Там же*, стр. 548.
- ⁹⁸ *Там же*, стр. 555.

⁹⁹ Инструкция кн. Воронцова, данная ген. Реаду в марте 1854 г. АКАК, т. X, ч. I, стр. 93.

¹⁰⁰ История СССР. Учебник для высшей школы, под ред. проф. М. В. Нечкиной. Москва, 1946 г., т. II, стр. 287-288.

¹⁰¹ Рапорт ген. Будберга кн. Воронцову от 22 ноября 1850 г. ЦГВИА, оп. 272, св. 126, Д. 206/11, лл. 104-118.

¹⁰² Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 8 июля 1852 г. ЦГВИА, ВУА, Д. 35-692, лл. 89-98.

¹⁰³ *К. Мачавариани*. Указ. соч., стр. 277.

¹⁰⁴ ЦГВИА, ВУА, Д. 35-692, лл. 54-63.

¹⁰⁵ Приказ кн. Воронцова по Отдельному кавказ. корпусу от 15 марта 1852 г. // АКАК, т. X, ч. II, стр. 537.

¹⁰⁶ Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 1 августа 1852 г. «О нападении жителей Ахчипсоу и Аибга и убыхов под руководством Магомет Амина на Абхазию». // ЦГВИА, ВУА, Д. 35-692, лл. 105-108.

¹⁰⁷ *Ф. Щербина*. Указ. соч., т. II, стр. 547.

¹⁰⁸ Письмо Н. Колюбакина кн. Мих. Шервашидзе от 1 августа 1852 г. // ЦГВИА, ВУА, Д. 35-692, лл. 105-108.

¹⁰⁹ Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 4 сентября 1852 г. // Там же, лл. 115-122.

¹¹⁰ Там же

¹¹¹ Арыцба (Аредба, Аредбай) – садзские князя владения кот. находились между реками Мзымта и Хоста на берегу Черного моря до границы с убыхами.

¹¹² Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 1 августа 1852 г. // ЦГВИА, ВУА, Д. 35-692, лл. 105-108.

¹¹³ Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 4 сентября 1852 г. // Там же, лл. 115-122.

¹¹⁴ Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 10 октября 1852 г. // Там же, лл. 155-165.

¹¹⁵ Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 10 октября 1852 г. // Там же, лл. 155-165; Газ. «Кавказ», №71, 15 ноября 1852 г.

¹¹⁶ Донесение адм. Серебрякова кн. Воронцову от 10 ноября 1852 г. // ЦГВИА, ВУА, Д. 35-692, лл. 167-174.

¹¹⁷ Рапорт кн. Долгорукова кн. Воронцову от 6 сентября 1853 г. // АКАК, т. X, ч. II, стр. 626.

¹¹⁸ Абхазский «казаут» сходен с кабардинским «казаут».

¹¹⁹ Апыза, апыза – предводитель войска, вождь.

¹²⁰ В фольклорном фонде Абхазского научно-исследовательского Института им. акад. Н. Я. Марра Акад. наук Груз. ССР о казауте имеется интересный материал, собранный в результате долголетних научных экспедиций. В настоящее время над сбором нового материала об абхазской народной поэзии и казауте и над их научным изучением специально работает старший научный сотрудник института, кандидат филологических наук Б. В. Шинкуба.

¹²¹ АКАК, т. X, ч. I, стр. 94.

¹²² *К. Мачавариани*. Указ. соч., стр. 278-279.

¹²³ Записка ген. – адъют. кн. Барятинского о новом устройстве восточного берега Черного моря от 25 мая 1856 г. // АКАК, т. XII, ч. II, стр. 693.

¹²⁴ Записка Обер-кварт. Отдельного Кавказ. корпуса ген-м. Карлгофа от 23 декабря 1856 г. // Там же, стр. 709.

¹²⁵ ЦГВИА, ВУА, Д. 6668, л. 4.

¹²⁶ Журнал происшествий в Кутаисском генерал-губернаторстве по 15 июля 1857 года. // ЦГВИА, ВУА, Д. 6668, л. 30.

¹²⁷ *А. Фадеев*. Указ. соч., стр. 172.

¹²⁸ Журнал происшествий в Кутаисском генерал-губернаторстве по 15 июля 1857 г. // ЦГВИА, ВУА, Д. 6668, л. 33.

¹²⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. АКАК., Д. XXVI. лл. 6-20.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² *Ф. Щербина*. Указ. соч., т II, стр. 555.

¹³³ История СССР, т. II, стр. 289.

¹³⁴ АКАК, т. XII, ч. II, стр. 843.

¹³⁵ Там же, стр. 861.

¹³⁶ Ген.-л. Филипсон, командующий в то время войсками «правого крыла кавказской линии», в своем письме нач-ку Главного штаба Кавказ. армии ген.-м. Милютину от 13 мая 1858 г. писал: «...положение Абхазии не изменилось к лучшему... также точно наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен... Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею. В случае повторения несчастных событий 1854-1856 годов, мы опять потеряем эту область...». АКАК, т. XII, ч. II, стр. 776.

¹³⁷ АКАК, т. XII, ч. II, стр. 791-792.

- ¹³⁸ Отношение Орбелиани Сухозанету от 20 августа 1860 г. // АКАК, т. XII, ч. II, стр. 861.
- ¹³⁹ ЦГВИА, оп. 286, св. 233, Д. 12а, лл. 21-22.
- ¹⁴⁰ Всеподаннейшая записка управляющ. военного министерства ген. – адъют. Милютинина от 29 августа 1861 г. // АКАК, т. XII, ч. II, стр. 933.
- ¹⁴¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. АКАК. Д. XXVI, лл. 6-20.
- ¹⁴² Отношение ген.-адъют. кн. Орбелиани ген. – адъют. Милютину от 7 октября 1861 г. // АКАК, XII, ч. II, стр. 934.
- ¹⁴³ Записка ген.-м. Лорис-Меликова от 3 октября 1858 г. // АКАК т. XII, ч. II, стр. 796.
- ¹⁴⁴ Записка ген. Раевского, Январь 1840 г. // АКАК, т. XI, ч. I, стр. 180.
- ¹⁴⁵ АКАК, т. VIII, стр. 451-452.
- ¹⁴⁶ Цит. по предисловию Правления Общества изучения Адыгейской автономной области и Адыгского областного историко-этнографического музея к труду А. Фонвиля – «Последний год войны Черкессии за независимость 1863-1864 гг». Краснодар, 1927 г. стр. 4.
- ¹⁴⁷ **М. Н. Покровский.** Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М. 1923. стр. 229.
- ¹⁴⁸ *Там же*, стр. 214.
- ¹⁴⁹ **Н. Я. Марр.** Кавказоведение и абхазский язык. // «О языке и истории абхазов». М.-Л. , 1938, стр. 135, 142. См. так же *его же*. Племенной состав населения Кавказа. Пг. 1920. стр. 44.
- ¹⁵⁰ **П. К. Услар.** О языке убыхов. «Этнография Кавказа». Тифлис. 1887.
- ¹⁵¹ **С. Н. Джанашиа.** «Материалы по истории Грузии и Кавказа». Тб. 1940. Вып. 3. (на груз. яз.)
- ¹⁵² **А. Н. Генко.** О языке убыхов. «Известия Академии наук СССР», отд. гуманитар. наук, Ленинград, 1928 г.
- ¹⁵³ **А. Дирр.** Язык убыхов. // Журнал «Кавказ». Лейпциг. 1927. (на нем яз.)
- ¹⁵⁴ История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Рукопись. Часть I стр. 1. на правах рукописи, М.–Л., 1939 г. ч. IV, стр. 786.
- ¹⁵⁵ **А. Дирр.** Язык убыхов, перевод с немецкого Н. М. Ферма

ОБ ИЛОРСКОМ СВАТИЛИЩЕ

(В связи со статьей Соломона Званба «Обряд жертвоприношения святому Победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами»).

Абхазский этнограф Соломон Теймуркович Званба (1809-1855) в 1852 году в газете «Кавказ» (№ 90) опубликовал статью «Обряд жертвоприношения святому Победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами». В ней автор задался целью описать лишь обряд, связанный с жертвоприношением в честь Георгия Илорского, что выполнено им с несомненным знанием этого обряда.

Однако неточным является утверждение автора, что жертвоприношение св. Георгию совершалось каждым абхазом. Правда, Илорский храм¹ или Елырныха² как называют его абхазы, пользовался особой известностью. Обычай совершать жертвоприношения св. Георгию соблюдался населением почти без различия вероисповедания. Но Илорский храм был лишь одним из известных центров религиозной жизни. В Абхазии он непосредственно почитался в Абжуйской (современный Очамчирский р-н) и Самурзаканской (современный Галский р-н) частях.

Илорский храм возник, по всей вероятности, на том же самом месте, которое считалось жилищем какого-то языческого божества³. Мы имеем такое явление, когда христианские «святыни» оказываются приемниками и двойниками первобытных языческих божеств и от своей христианской природы мало, что удерживают. Как правило, христианские храмы воздвигались именно на этих «священных» местах, в том числе и в Илори, как на привычных для населения местах молений, к которым и перешло, как бы по наследству, все религиозное поклонение, каким было окружено место языческого культа⁴.

Этим, вероятно, и объясняется тот, любопытный факт, что многие «святыни» в Абхазии (Илори, Дыдрыпшь, Пицунда, и др.) одинаково почитались населением различных вероисповеданий, как в ряде случаев одинаково почитались и праздники, связанные с различными религиями. Вообще массам населения Абхазии всегда был чужд религиозный фанатизм, они довольно безразлично относились к официальной религиозной обрядности и т.д.

Но, в то же время, наличие у абхазов христианских «святынь» в качестве божеств говорит о том, пусть чисто внешнем, формальном,

но все же бесспорном христианско-церковном влиянии на абхазов, которое имело место в определенную историческую эпоху⁵. Многие христианские обряды просто перешли в обычай. Происходит «отложение» христианской религии в народных верованиях. Божество Елырныха абхазы представляли в виде огненной змеи или огненного шара, как и все другие, подобные ему, «святыни», за которых принимали обыкновенные падающие метеоры. По преданию, «перелеты святынь» (аныха моасоит) случались при посещении ими друг друга (аныха еиџаауеит). В этом факте мы имеем определенное проявление космогонических воззрений, столь богато представленных у абхазов.

В 1948 году в селении Пакуашь Очамчирского района, Баграмом Шинкуба был зафиксирован еще один, до сих пор неизвестный и весьма любопытный вариант предания об Елырныха, в котором орел олицетворяет Илорскую икону⁶. Заметим, абхазы еще определенно не знали, что за «святыня» Елырныха, однако существовала уверенность, что она – могущественная сила, карающая всякую несправедливость и являющаяся как бы божеством справедливости. Поэтому в Абхазии население Абжуйской и Самурзаканской частей, где Илорская церковь была общепризнанной «святыней», по всем важным делам приносило в Илори очистительную присягу. В связи с этим заслуживает внимания одна легенда, по которой некогда в церкви висели золотые «весы правосудия». Тяжущиеся становились под чашами весов, и она опускалось над головой правого⁷. Вообще с Илорской «святыней» связывается много легенд.

Любопытна еще одна очень распространенная легенда, в которой говорится, что накануне храмового праздника⁸, ночью, в запертой ограде Илорского храма появлялся бык, которого затем торжественно приносили в жертву. Таким образом, божество (или святой) само добывало для себя жертвенное животное, которое само приходило, чтобы быть принесенным в жертву, самопоявляющийся жертвенный бык.

Бык этот, как и орел, олицетворяющий иногда Илорскую «святыню», возможно, тотем, как полагал покойный профессор А.Н. Грен, нечто вроде египетского священного быка Аписа⁹, имевшего свой храм в Мемфисе.

После христианизации илорского святилища верх взял культ св. Георгия, но в народной памяти, пусть в легендарной форме, сохраняется пережиток культа быка. Таким образом, здесь мы как раз имеем образец того, как на древнеязыческое суеверие легло христианское.

Думается, находка бронзовых фигур быков на территории Абхазии, явно культового значения, что говорит в пользу указанного предположения. Таковы, например, найденная статуэтка быка в сел. Абгархук Гудаутского района¹⁰, бронзовые фигурки быков на поясных конических бляхах, найденные в поселке Аагста сел. Мугудзырхава того же Гудаутского района¹¹ и т.д.

Говоря о быке, как об одном из тотемных животных у абхазов, следует заметить, что образ этого животного очень часто фигурирует во многих сказаниях, с его именем неразрывно связаны и некоторые верования¹². Вообще в мифологии абхазов бык играет большую роль¹³.

Кроме того, среди имен животных, входящих в название некоторых абхазских фамилий, мы встречаем быка, что опять-таки указывает на его тотемное значение¹⁴. Не последнее место занимают и данные топонимики¹⁵.

Вообще же надо сказать, что тотемические воззрения и обычаи, возникшие в связи с ними, имели очень широкое распространение среди абхазов. В ряде случаев можно видеть отголоски прежних воззрений, указывающих на тотемические связи между человеком и растениями, животными и т. д.¹⁶.

Теперь несколько слов об Аиргь – одном из главных и, по-видимому, древнейших божеств абхазов, которое упоминается в разбираемой статье С. Званба. До сих пор в литературе нет единого мнения об этом божестве. Некоторые склонны соединить Аиргь с божеством молнии и грозы – Афы, которые иногда и заменяют друг друга¹⁷.

А. Введенский божество Аиргь определяет как бога воров и разбойников, что является односторонним и потому неверным, а между тем оно было подхвачено многими авторами¹⁸.

Действительно, Аиргь в известной мере сближается как с Ажвепшаа, так и с Афы, которые иногда в понятиях людей даже смешиваются, выполняя одинаковые функции. Но Аиргь все же имеет свое самостоятельное значение. Д. И. Гулиа совершенно правильно разграничивает указанные божества, приходя к выводу, что «единственным» подлинным и древним языческим именем абхазского бога охоты надо признать «Ажвепшаа»¹⁹.

В народных сказаниях и особенно в «Аиргьашә» («Песне об Аиргь») и «Песне Ажвепшаа», Аиргь и Ажвепшаа выступают вместе, но противостоят друг другу как самостоятельные божества, и часто наделены различными функциями. В одном из вариантов песен об

Аиргь в хвалебном отзыве о выдающемся охотнике передается: «кому дали палку раньше Аиргь, и раньше Ажвепшаа – печень».

В охотничьей песне «Дад Иуана» (Ажэицшьяа рашэа) и в некоторых вариантах песен об Аиргь говорится: дочь Аиргьов²⁰ и невестка Ажвепшаа (или наоборот).

В других случаях, где также идет противопоставление этих двух божеств и, вместе с тем, более или менее четкое выявление их основанных функций, Аиргь определенно выступает как покровитель оружия, храбрости, войны и путешествия. В песне «Мшхатхуа» отважный охотник у Аиргья просит штык, а у Ажвепшаа – 60 серн²¹.

Аиргь обуславливает действия холодного оружия: по его воле тупой кинжал превращается в грозное оружие в руках того или иного человека²². В героической песне «Напха Кягуа» рассказывается, что когда, в момент решительной схватки с противником, у героя Киагуа ружье дало осечку, он даже палку превратил в шашку Аиргья и перебил врагов.

В песне «Мсоуст, сын Шаратхуа» («Шарытхэа ица Мсоуст») Аиргь ясно выступает как божество войны. В ней рассказывается, как перед походом Мсоуст выслушивает напутствие своей жены Ятыры, которая, воодушевляя мужа, говорит, что смерть на поле брани с афырхацвами (афырхацэа) – героями из героев, от пули, посланной Аиргьями, – счастливая смерть; и тогда друзья на руках торжественно принесут останки умершего домой²³.

И «Песня об Аиргь» (Аиргьашэа) иногда поется именно как торжественный, героический гимн (а не только как охотничья песня). Затем, Аиргь, как и Афы, стреляет на небо и часто мечет стрелы.

Аиргь – покровитель во всех серьезных делах и предприятиях. Он помогает в путешествиях. От него зависит благополучие в пути. Отличного стрелка, выдающегося охотника называют Аиргь. Всякого сильного, ловкого, храброго человека также уподобляют Аиргь²⁴.

Вообще абхазы любят сравнивать своих любимых героев с Афы и Аиргь. Выдающийся герой именуется афырхаца (афырхаца) и афырпхус (афырпхэыс), аиргьхаца (аиргьхаца) и аиргьрыпхус (аиргьрпхэыс), что буквально означают: мужчины Афыов, мужчина Аиргьов; женщина Афыов, женщина Аиргьов.

Наконец, Аиргь - как пишет Г.Ф. Чурсин, - абхазы представляют иногда в образе всадника. Это сообщение требует еще подтверждения новыми данными, и если оно окажется неопровержимым фактом, то

не исключена возможность, что мы здесь имеем сближение образа Аиргъ с известным изображением Георгия Победоносца.

Что же касается названия Аиргъ, то существующие толкования на этот счет пока не решают вопроса. С. Званба, а за ним и ряд авторов название Аиргъ отождествляет с Георгием, выведя из абхазской транскрипции последнего – (Гиаргъ). Другие же возражают против такого объяснения. Во всяком случае, несомненно то, что древнейшее языческое божество Аиргъ гораздо старше христианского Георгия. Если между изображениями Аиргъ и Георгия в образе всадника имеется какая-нибудь связь, то подобное представление, как это бывает очень часто, могло сложиться и в позднюю эпоху.

Следует еще указать и на тот факт, что Аиргъ связывается не только с Илорской, но и с другими «святынями» (Аиргъ – Аацныха²⁵, Аиргъ – Лапырныха, Аиргъ - Чугурныха).

1948 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Илорский храм находится в 4 км. к востоку от гор. Очамчира. Дата его основания, предположительно, относится к XIII-XIV вв. Он неоднократно подвергался реставрации. Построенный из цементированного известковым раствором булыжника, храм имеет прямоугольную форму, прикрыт двухскатной крышей, с фронтонами на запад и на восток. На западной стороне имеется орнаментированное окно. Южный вход отделан специальным портиком, а перед западным - пристроен длинный притвор. С севера имеется еще придел. На внутренних стенах храма сохранились фрагменты древней росписи. Каменная ограда храма была исправлена в XIX в.

² Аныха – икона, святыня, священное место.

³ В Абхазии, кроме Илорской “святыни”, известны: в сел. Лыхны-Лыхных, в сел. Лдзаа (Пицунда, Лдзаа-ныха) в сел. Ачандара – Аныпсныха (Дыдрипсныха – ред.), в сел. Аацы – Аиргъныха, в сел. Блабурхва - Лапырныха, в сел. Джирхва - Чугурныха и др. По отношению к ним соблюдались почти аналогичные обряды, описываемые С.Званба в рассматриваемой статье. О Лыхныхе следует еще сказать, что здесь, кроме того, делалось (в честь божьей

матери) особое пожертвование, причем, исключительно фамилией Шакрыл. Оно совершалось внутри ограды церкви (где в земле был зарыт 25-ведерный кувшин, заранее наполнявшийся виноградным вином) в первый день пасхи поутру.

⁴ *Г.Ф. Чурсин*. Материалы по этнографии абхазов. Рукопись хранится в отделе рукописей библиотеки АБНИИ.

⁵ Абазги приняли христианство в конце 20 или начале 30-х гг. VI в., а по одному источнику – конкретно в 529г., апсилы – еще раньше (акад. С.Н. Джанашиа. Абхазия в пределах Колхидского царства. Рук.)

⁶ Архив АБНИИ, отдел языка и литературы.

⁷ Н.С. Джанашиа сообщает записанную им со слов Бирама Тхазоу и Сеита Жвания следующую легенду о «чудесах» Илорской «святыни»: «... Какой-то нечестный абхаз решился обмануть великую Илорскую икону. Он должен был своему соседу сто рублей и не возвратил, тот пожаловался. Они отправились в Илор. Когда предстали перед «иконой», должник передал свой посох, в который вложено было сто рублей, своему кредитору. Чаша весов наклонилось над должником, и тем оправдал его. Он взял свой посох обратно и вышел из церкви. Илорская «икона» обиделась и наказала нас всех из-за мошенничества одного абхаза: весы правосудия, раз и навсегда взяты «иконой» на небо. *Н. Джанашиа*. Религиозные верования абхазов. Сухум. 1915. стр. 93.

⁸ Храмовой праздник в Илори (день св. Георгия – ред.) – 23 апреля и 10 ноября ст. стилия. В эти дни собирались много народу из разных мест Абхазии, а также Мегрелии, Гурии и Имеретии.

⁹ *А.Н. Грен*. Абхазская мифология. Рукопись. стр. 3-4.

¹⁰ *М.М. Иващенко*. Материалы к изучению культуры колхов. // «Материалы по истории Грузии и Кавказа». вып. II. Тбилиси. 1941. стр. 46.

¹¹ *А.Л. Лукин*. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. // «Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа». табл. IV. Л. 1941.

¹² Интересно отметить, что на охотничьем языке абхазов старейший называется (ацэымш), что в буквальном переводе, возможно, означает «бык счастливый».

¹³ Бык очень часто выступает как священное животное, или как символ добра и справедливости и как основная производительная сила. В эпических сказаниях абхазов о нартах бык является одним из любимейших животных и т.д.

¹⁴ Например, в составе фамилий Цэышба (Цушба), Цэеиба, (Цвейба), надо думать, налицо ацѣ (а-цв) – бык.

¹⁵ Например, в Гудаутском районе встречаются: речки под названием Цѣкѣара (Цвквара) – «бычья речка» (в 11 км. по шоссе от г. Гудаута в сторону Сухум; в сел. Звандрипш между поселками Баалырхва и Алахашхуа) и родники под названием Ацѣзы (Ацвдзы) – «бычья вода» (в сел. Дурипш в поселке Тванаархук; в сел. Отхара на пути к горам и т. д.).

¹⁶ Факты такого рода довольно многочисленны. Однако, это интересное явление из прошлого абхазского быта почти совершенно не отмечено в литературе. Первые шаги в заполнении этого пробела были предприняты покойным проф. Чурсиным, рукопись которого («Материалы по этнографии абхазов») содержит значительный материал о тотемических обычаях и воззрениях абхазов (стр. 216-228).

¹⁷ СМОМПК. вып. 44, стр. 22.

¹⁸ *Г.Ф. Чурсин*. Указ. рук. стр. 166.

¹⁹ *Д. Гулиа*. Божество охоты и охотничий язык у абхазов. Соб. соч. т. 6. стр. 6.

²⁰ Аиргъ, как Афы и Ажвепшаа, очень часто имеют форму множественного числа.

²¹ *Б. Шинкуба*. Абхазская народная поэзия. Рукопись. стр. 218. (на абх. яз.).

²² *Г.Ф. Чурсин*. Указ. рук. стр.167.

²³ *Б. Шинкуба*. Указ. рук. стр. 24-30.

²⁴ *Г.Ф. Чурсин*. Указ. рук., стр. 167.

²⁵ Об Аиргъ - Аацныха существует рассказ, что туры, и другие дикие животные будто бы сами приходили к святилищу, чтобы быть принесенными в жертву они «останавливались у святыни, как остолбенелые».

К ИСТОРИИ РАБОТОРГОВЛИ В АБХАЗИИ

История работорговли (пленопродавства) в Абхазии и на всем Кавказе восходит к весьма отдаленным временам.

Ни одна война, ни один иноземный завоеватель в течение столетий не причинили стране столько вреда, сколько эта практика торговли живым товаром. Это было таким бедствием, которое граничило с настоящей катастрофой. Только очень стойкий народ мог сохранить себя при таком чрезвычайно неблагоприятном, хронически разрушающем его организм, явлении.

Абхазия в прошлом часто становилась жертвой ее особенной красоты, несметных природных богатств и стратегического положения - со стороны охотников до чужого добра, а таких в истории было множество. Море и горы при этом играли весьма роковую роль. Они и обуславливали постоянную убыль населения из страны. Но в то же время эти два фактора создавали самые благоприятные, естественно-географические условия для развития хозяйственной и культурной жизни общества. Расположенная на юго-восточном берегу Черного моря, оказывающего умеренное влияние, Абхазия защищена стеной Главного Кавказского хребта и его боковых отрогов от холодных северо-восточных и сухих прикаспийских ветров, благодаря чему она имеет мягкий и влажный климат с теплой зимой.

Фридрих Энгельс указывал, что «...прибрежные жители становятся искусными судостроителями и смелыми мореплавателями»¹. Действительно, абхазы, исстари проживавшие на берегу Черного моря, в определенную историческую эпоху славились как прекрасные мореплаватели², хотя, говоря словами академика Н.Я. Марра, «современный быт абхазов не согласуется с таким утверждением»³. Большое значение моря в жизни абхазского народа нашло свое отражение в его мифологии, в которой божество моря занимает почетное место. Абхазская речь и абхазские предания также, по словам Марра, «полны воспоминаний интимного общения абхазов с морем»⁴. Можно полагать, что на морском берегу Абхазии некогда рыболовство играло ту же важную роль, как охота в горной полосе. Нельзя считать случайным явлением распространение древних поселений на берегах моря и рек. Море давало населению и соль, которую выпаривали из его воды. Этот промысел в хозяйстве имел важное значение, особенно в эпоху колхидской бронзы; его следы обнаружены в ряде пунктов Абхазского побережья.

Трудно переоценить экономическое и культурное значение морских путей. А Черное море - путь для оживленных международных связей с незапамятных времен⁵. Исследователи полагают, что появление на Кавказе, например, дольменов, какими памятниками Абхазия весьма богата, является следствием дальних морских экспедиций кавказских народов, на рубеже неолита и раннеметаллической эпохи⁶. Греческая колонизация, с VI века до нашей эры широко охватившая и побережье современной Абхазии, способствовала развитию экономических и культурных связей населения этого края, как и всей Колхиды с городами различных районов греческого мира, а также со странами Ближнего Востока - Персией, Сирией и Египтом⁷.

Главными условиями развития мореходства в Абхазии были торговля и пиратство, процветавшие на Черном море с античного времени. Вот тут и началась трагическая история, так как это было связано с работорговлей (пленопродавство). Этому способствовали те глубокие изменения, которые происходили в социальной жизни края: усиление процесса разложения родоплеменной организации, эксплуатация общинников со стороны нарождающейся знати, обострение родоплеменных столкновений с целью захвата рабов для продажи на причерноморских невольничьих рынках.

Один из библейских пророков VI века до н.э. Иезекииль, упоминает, что финикийский город Тир вел меновую торговлю с кавказскими племенами, «выменивая товары... на души человеческие», т. е. рабов⁸. Греческий географ и историк Страбон (63 г. до н. э. – ок. 20 г. н. э.), говоря более конкретно, отмечал, что отважные мореплаватели гениохи, обитатели восточного, в том числе и абхазского берега Черного моря, «бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство...», а «награбленное» продают в Воспоре (Боспоре)⁹.

Византийский историк VI века Прокопий Кесарийский писал уже непосредственно об абасгах (абазги) - предках абхазского народа. Они «искони веков» имели двух властителей из своих соплеменников, которые «замеченных ими красивых и лицом и фигурой мальчиков без малейших угрызений совести отнимали у родителей и, делая внухами, продавали в римские земли тем, кто хотел купить их за большие деньги. Родителей же этих мальчиков тот час же убивали... Таким образом, красота их сыновей осуждала их на гибель...»¹⁰. Вместе с тем подобные «властители» Абхазии в эпоху античной колонизации обязывались завоевателями и данью в размере нескольких десятков, а то и сотен рабов¹¹.

В рабство попадали большие контингенты людей также в результате многочисленных варварских нашествий иноземных завоевателей – греков, римлян, готов, скифов, византийцев, персов и др. Обратимся, например, к таким фактам. В 550 году в Абхазии произошло восстание против византийского владычества. Император Юстиниан направил сюда, на кораблях, крупные вооруженные силы. У крепости Трахеи разыгралось жестокое сражение. Абазги героически защищались. Но уже при первом столкновении, как сообщает Прокопий, «римляне захватили и убили очень многих из них». Затем «противник ворвался в укрепление». Большая часть жителей Трахеи сгорели от пожара или погибли в бою, остальные попали в плен. Однако византийцы смогли захватить только жен начальников с их детьми. Стены укрепления они разрушили до основания и всю страну подвергли жестокому опустошению¹².

В 555 году восстало также население (мисимиане) верховьев реки Кодора и ее притоков. Весной следующего года против мисимиан было двинуто византийцами около четырех тысяч отборной пехоты и конницы, среди которых, как сообщает современный византийский историк Агафий, находились «мужи, пользовавшиеся величайшей известностью». Вражеские войска истребили большую часть населения, при этом не щадя и детей, которых жестокие воины убивали так: ударяли их головами о камни, или, подбрасывали в воздух и ловили несчастных на пики. По словам названного автора, в результате погибло около пяти тысяч мужчин и более чем в два раза больше женщин и детей, «так что не много не достает, чтобы весь мисинийский народ был уничтожен»¹³. Все же свободолюбивые горцы продолжали героически сопротивляться. И дело кончилось примирением противников. Мисимиане дали заложников и возместили византийцам материальные убытки.

Работорговля в Абхазии стала еще более широко практиковаться в период монгольского господства и затем во время генуэзской колонизации. Правда, Абхазия избежала нашествия монгольских ханов, но, тем не менее, она испытала на себе тяжкие последствия завоевания ими Закавказья. Именно в это время началось переселение абхазцев на Северный Кавказ. Расселившись там, в верховьях Кубани и ее притоков, выходцы из Абхазии составили одну группу абазин, известную под именем «тапанта»¹⁴.

На Абхазском побережье в XIII-XIV веках, как и на всем Западном

Кавказе, возникает ряд генуэзских факторий, представлявших собой торговые пункты, для которых, согласно источникам, основным предметом вывоза являлись рабы¹⁵. Они поставлялись в Золотую Орду и почти на все невольничьи рынки Средиземноморья. Главным невольничьим рынком на территории Абхазии и одним из главных в районе Черноморского бассейна был Севастополь (Сухум)¹⁶, который одно время служил резиденцией протектора всех колоний генуэзцев.

Как свидетельствуют источники, большая часть рабов продаваемых в Каффе (Феодосия), генуэзском центре на Черном море, были «кавказского происхождения: абхазцы, черкесы, лезгинцы» (дагестанцы)¹⁷. Часть купленных ими захваченных рабов оставалась в итальянских колониях Кавказа и Крыма, большая же часть направлялась в Египет и другие мусульманские страны. В кавказских невольниках особенно сильно нуждались правители Египта. Из них преимущественно и формировались воинские части мамлюков¹⁸, составлявшие основную вооруженную силу в Египте. Купцы этой страны добились даже разрешения приезжать на Кавказ за невольниками на собственных кораблях¹⁹.

Громадные партии рабов переправлялись также в XIV и XV веках в европейские страны. В частности, в Венецию и Геную рабов привозили сотнями и тысячами, и рынок всегда был полон. Среди этих рабов преобладали женщины, т.к. вообще в Италии, в противоположность мусульманским странам, спрос был больше на женщин – рабынь²⁰.

В 1472 году в городе Львове, где в XV веке совершенно официально происходила торговля рабами, некий Руссет, итальянец из Бергамо, устроил публичный дом. Из привезенных им невольниц-христианок две женщины были абхазки, одна девушка мегрелка. Причем у одной абхазки была дочь. Генуэзский купец Ломеллино перекупил этих невольниц у Руссета и, по условию договора, хранившегося в львовских магистратских книгах, они получали свободу, отслужив новому владельцу 12 лет в Генуе за сумму своей стоимости²¹.

В Абхазии эта грязная торговля велась при поддержке и попустительстве местных феодальных элементов.

С XVI столетия для Абхазии и ряда других районов Кавказа наступает еще более мрачный период, связанный с установлением в стране владычества турецких султанов, которые, как известно, особенно культивировали работорговлю. Вплоть до начала XIX века

вся береговая торговля, главным объектом которой являлся человек – раб, фактически была сосредоточена в руках турецких купцов. А спрос на рабов был велик: в жизни стран Ближнего Востока и Крыма рабский труд, наряду с крепостнической эксплуатацией крестьянства, все еще играл, большую роль. С другой стороны, преобладание работоторговли в системе берегового обмена объяснялось тем, что она более чем какая-либо другая отрасль торговли соответствовала структуре натурального хозяйства феодальной Абхазии²².

Цитаделью турецкой власти в Абхазии становится Сухумская крепость, восстановленная в 1578 году и над входом в одни из ворот которой была сделана высокопарная надпись о том, что «в благополучное правление... султана... выстроена сия великая и неприступная крепость, твердостью подобная большой птице Сунне, летящей высоко над Кавказской горой»²³.

В донесении венецианского посла Лоренцо Бернардо об Оттоманской империи в 1592 году говорится, что Турция граничит с черкесами и мегрелами, которые «представляют собой как бы рудник для добывания рабов у турок, потому что они занимаются тем, что промышляют там рабами, которых везут наподобие скота в Константинополь и продают с публичного торга»²⁴. Это относилось и к Абхазии.

Французский консул при дворе крымских ханов М. Пейсонель (начало второй половины XVIII в.) подчеркивал: «Торговля рабами в Крыму очень обширна; поработаемые принадлежат к четырем различным национальностям: черкесской, грузинской, калмыцкой и абхазской»²⁵.

Турецкие купцы из этой торговой операции извлекали огромную прибыль. Итальянский путешественник Эмиддо Дортели д'Асколи, бывший префектом в Каффе в 1634 году, описывая «морскую стоянку» Абаза (Abbasa), расположенную в устье реки Шахэ, отмечал, что купцы, приезжавшие из Константинополя, Татарии и других мест Черного моря, вывозили отсюда различные предметы и рабов, и «получают такую прибыль, что затративший 100 реалов выручает 300»²⁶. М. Пейсонель вообще считал, что «едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абхазии»²⁷. Об этом явлении, о нещадном грабеже Абхазии, писал и Ф. Ф. Торнау: «Прежде турецкие купцы пользовались самой прибыльной торговлей с черкесами и абхазцами, от которого купец обогащался в три или четыре рейса»²⁸.

Барыш на торговле рабами был настолько высок, что плата дани Турции со стороны политических образований Кавказа производилась «отроками и отроковицами»²⁹.

Надо сказать, что социально-экономическая и политическая обстановка, господствовавшая в тот период в Абхазии и на всем Кавказском побережье, создавала благоприятные условия для превращения этого края в один из главных поставщиков дешевой рабочей силы в лице рабов на невольничьем рынке стран Ближнего Востока.

Итальянский миссионер Арканджело Ламберти, безвыездно живший в Мегрелии в течение 1635-1653 годов, прямо указывает на то, что турецкие купцы приезжавшие на Кавказ, прежде всего, интересовались рабами. «Сюда, – пишет он, – приезжает множество турецких купцов», которые «привозят в большом количестве деньги и одежду, в которых нуждаются местные народы, и за что турки исключительно требуют невольников. Поэтому грузины, колхи и абхазы продают туркам похищенных людей». Далее Ламберти свидетельствует о массовом вывозе абхазских невольников, которые «высоко ценятся у турок; женщины из-за редкой красоты, а мальчики потому, что после обращения их в свою веру и обучения военному искусству выходят из этих невольников очень хорошие гражданские чиновники и офицеры»³⁰. При этом Ламберти подчеркивает факт продажи абхазскими феодалами в рабство туркам своих соплеменников – мужчин, женщин и детей³¹.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби, объездив в 1640 году восточный берег Черного моря, в том числе Абхазии, неоднократно отмечал о торговле невольниками в «пристанях» этих последних, о том, что суда из разных стран привозили сюда товары, которые выменивали на рабов. Путешественник и его сопровождавшие в «пристани» «племена» дембе «выменивали старую одежду... на девочек и мальчиков невольников»; сам он «купил абхазского мальчика». Челеби также писал о том, что представители феодальной верхушки Абхазии и Мегрелии «крадут друг у друга детей обоих полов и продают их в неволю». Причем первые воруют и своих соплеменников – «детей одних у других» и продают в рабство³².

Другой автор XVII века, Жан Шарден, путешествовавший в 1672 году вдоль берега Абхазии, также не мог не обратить внимание на факт интенсивной работорговли в крае. Он передает свои впечатления,

например, о пребывании на торговом судне, груженном рабами, закупленными в бухте Исфаур (Скурча), являвшийся самым крупным центром и рынком береговой торговли на протяжении XVII и XVIII веков. «Такое количество рабов, – пишет Шарден, – разного возраста и пола, – одни на цепях, другие – привязанные друг к другу... На нашем корабле, когда я покинул, его было 40 рабов. Капитан, турецкие купцы и христиане выменяли их на оружие, платье и другие товары, оценивая последних вдвое дороже, чем купили сами. Мужчины в возрасте от 25 до 40 лет пришлись им по 15 экю, а те, кто был старше – по 8-10 экю. Красивые девушки от 13 до 18 лет шли по 20 экю, другие – дешевле; женщины – по 12, а дети – по 3 и 4 экю. Один греческий купец, имевший комнату рядом с моею, купил женщину с грудным ребенком за 12 экю...»³³.

Шарден, говоря о катастрофическом сокращении населения, уверял, что в его время ежегодно из собственно Мегрелии и части Абхазии (современ. Очамчирский и Гальский районы) вывозилось до 12 тыс. рабов-невольников. Это было основной причиной того, что население указанного района за период с 50-х по 70-е годы XVII века сократилось с 80 тыс. до 20 тыс. человек³⁴.

С. М. Броневский, в 1802-1804 годах служивший правителем дел при главнокомандующем в Грузии генерале П. Д. Цицианове, справедливо считал, что данные Шардена «не сообразны с количеством населения этой земли», но полагал, что число пленников, вывозившихся из «пристаней черноморских», «простиралось прежде» от двух до трех тысяч человек³⁵. Более того, автор подчеркивал, что «первый узел, соединяющий турок с горскими народами, есть продажа пленных»³⁶. И этому вопросу он уделяет большое место. Броневский говорит о трех «способах» получения пленников: «право войны» (домашняя война) – «обычай поработать военных пленников и продавать в виде собственности», «продажа крестьян помещиками и продажа отцами детей», «похищение людей украдкой в мирное время у своих соседей». Этими «способами» и получали «знатное количество пленников», которое, переходя из рук в руки, наконец приводили для продажи в Анапу, Исфаур (Скурча), Сухум, Поты, Батум и другие пункты побережья³⁷. В Сухуме, например, «бывают знатные ярмарки для торга пленников»³⁸. Затем турецкие купцы нагружали ими корабли свои и отправляли в Константинополь, а потом в Египет и ливанские порты. В Константинополе и ливанских городах продавали женщин для

сералей знатных людей за дорогую цену, а остальных невольников и невольниц, которые «похуже лицом и не так стройны телом», покупали у них для домашней службы³⁹.

Абхазские женщины, действительно, дорого ценились как обладающие редкой красотой. Историк В. А. Потто по этому поводу писал: «Когда-то Абхазия славилась своими красавицами, и у абазин остались еще яркие следы женской красоты этого племени; все женщины там, безусловно, прекрасны, и турки, скупая горских красавиц, до последних дней предпочитали им только гуриек. Но из коренной Абхазии давно уже вывезены лучшие женские типы за море: на долю туземцев осталась только посредственность, и красота мужчин резко преобладает теперь над красотой женщин»⁴⁰.

Французский ученый Фредерик Дюбуа де-Монперэ, посетивший Абхазию в 1833 году, говоря о нравах господствующих классов края при турецком владычестве, писал о таком разительном факте. Отмечая, что одну из главных отраслей торговли в Абхазии составляли некогда рабы, он писал: «В былое время, желая иметь рабов для продажи, за дело принимались заранее. Когда захватывали пленников, рыская по морю, вояя с соседними странами или же грабя Имеретию или Черкессию, спешили поженить тех, от кого можно было ожидать хорошего потомства; но как только у пленников рождались дети, их отнимали у них и растили на стороне до того времени, когда можно было продать их с выгодой. Эти бедные невольники были настоящими производителями детей»⁴¹.

Как уже говорилось, этой постыдной торговлей занимались и местные феодалы, видя в ней чуть ли не главный источник своего обогащения. Капитан Языков в «Записке о Менгрелии» (1770 г.) так и писал: «Главный доход, как владетельного князя, так и всех князей и дворян состоит в продаже обоего пола людей туркам, которая и по сие время продолжалась...»⁴². Это целиком от-носилось и к абхазским феодалам.

Один из основных источников получения живого товара - войны и междоусобицы. Пейсонель, например, свидетельствовал, что «главный контингент рабов образуется» именно «из людей, попавших к беям в плен во время междоусобиц и взаимных нападений, которые почти не прекращаются в этой стране»⁴³. Статскому советнику А. П. Черепову в 1866 году рассказывали, что в «былые годы» феодалы Бзыбской т.е. Северо-Западной Абхазии имели галеры (суда), на которых, плавая

по побережью Черного моря, «чинили нападения на соседей... Приобретаемых путем разбоев и грабежей невольников не удаивали даже называть именами...»⁴⁴.

Академик Н. Я. Марр, подчеркивая, что абхазский морской термин апра (апра) и поговорки из морского быта указывают на наличие «в составе абхазского населения мореплавателей», писал: «Мореходству содействовало унаследованное от народа с мировой известностью, генихов, пиратство и торговля, в частности торговля красивыми отроками и девицами из народной массы, которых князья Абхазии сбывали в чужие страны»⁴⁵. Существовали организованные воровские шайки, которые создали специальную систему похищения людей и доставки их к местам стоянок турецких торговых судов.

В конце XVIII – начале XIX века в этом отношении отличался владетель Абхазии Келешбей Шервашидзе. Действительный статский советник П. М. Литвинов, командированный в Грузию в 1803 году в письме к представителю турецкого правительства Эриб-эфендию от 9 сентября 1805 года требовал, чтобы названному владетелю «настрожайшим образом запретить похищение и продажу абхазцев через Анаклию»⁴⁶, занятого им на правом берегу реки Ингура в конце XVIII века и превращенного в пункт работорговли. Известно также, что в письме о своем намерении принять русское подданство Келешбей в качестве условия этого шага предусматривал сохранение за ним права работорговли ибо, писал он, местные феодалы без этого «не могут жить», а в России запрещено покупать ясыров, т. е. рабов. Более того, выполнение своих будущих обязательств перед Россией владетель ставил в прямую зависимость от оставления в целостности указанной практики⁴⁷. Правда, внешнеполитическая ориентация Келешбея последнего периода его деятельности, имела важные практические результаты, выразившиеся в бесспорном облегчении и ускорении присоединения Абхазии к России в начале XIX века. Прогрессивное же значение этого факта трудно, конечно, переоценить. Должно быть подчеркнуто и то, что при Келешбее работорговля осуществлялась все же не в прежних размерах, т. е. наблюдалось определенное ее сокращение. Броневский недвусмысленно отмечал, что в его время в Абхазии по сравнению с серединой XVIII века «весьма уменьшился торг пленниками»⁴⁸.

Что касается гор, Главного Кавказского хребта, своими боковыми отрогами доставлявшего стране столько благ, то они также являлись

той «щелью», через которую постоянно происходила «утечка» населения. Не случайно источники часто указывают на гибель невольников из Абхазии «в рабстве» по ту сторону хребта. Для абхазских феодалов-пленопродавцев этот путь был весьма удобным.

Вместе с тем население Абхазии и со стороны гор всегда испытывало угрозу грабительских нападений с целью главным образом увода людей в рабство. Борьба с этой опасностью нашла свое яркое отражение в абхазском фольклоре. Так, Пшкяч-ипа Манча, Шарытхуа-ипа Мсоуст и многие другие – это славные герои эпических песен о войнах против жестоких захватчиков. К числу наиболее популярных защитников абхазских сел от вражеских нападений со стороны гор принадлежал Напха Кягуа.

За врагами следил он с вершины горы,
Разжигал на долине пастушьи костры,
Разводил он порою в пещере очаг..
Но однажды, когда Кягуа охотился на туров,
«в ночь без луны»,
В эту ночь налетели грабители с гор
И в селенье его учинили разор.

Кягуа нагнал врагов, и смело, вступив в неравную борьбу, уничтожил их. Смертельно раненый Кягуа вместе с освобожденными односельчанами направляется в обратный путь, напевая песню героев:

Славный Кягуа, наша защита и меч!
Тот народ, за которого ты пал в борьбе,
Никогда не забудет, герой, о тебе⁴⁹.

Так отвечают земляки Кягуа на его смерть. Комментируя песню, сложенную в честь этого народного защитника, композитор К. В. Ковач отмечал, что в то время на Кавказе «занимались похищением людей или с целью получить за них выкуп, или для продажи, как рабов, в Турцию»⁵⁰.

К циклу памятников о набегах примыкает популярное народное сказание об Абатаа Беслане, сюжет которого нашел яркое поэтическое воплощение в поэме Иуа Когония «Абатаа Беслан». Характерно, что в абхазском фольклоре почти не воспеваются набеги самих абхазцев на своих соседей⁵¹.

Врагов, нападавших со стороны гор (ущелий), называли «апстыр», а со стороны моря – «ашхуараа»⁵². И население, получив известие о нападении ашхуараа или апстыр, предпринимали соответствующие меры⁵³.

В ранней литературе этого вопроса касался первый абхазский ученый – этнограф С. Т. Званба в статье «Зимние походы убыхов на Абхазию», опубликованной в 1852 году в газете «Кавказ». Со стороны этих горцев, вернее, их привилегированной части, совершились часто организованные нападения на край с целью грабежа, угона скота и пленных. Даже в начале 60-х годов XIX века, как свидетельствовал Т. Лапинский, «Убыхия ведет самый широкий торг невольниками с Турцией», речь идет о «торговцах рабами», которые, «в угоду туркам – ревностные мусульмане»⁵⁴. Незаметно спустившись с гор, убыхи бросались на дома и, захватив жителей врасплох, вязали их, а в случае сопротивления, убивали и «забирали все, что попадаетея под руку... Впоследствии, пленных продают, а выручку за них делят между собою»⁵⁵. При этом Званба дает прекрасное описание военного строя убыхов и сообщает о размере их «партий» при нападении на абхазские села. (В 1825 году, например, такая «партия» состояла более чем из 1000 человек).

С самого начала присоединения Абхазии к России принимается ряд специальных мер против работорговли в крае. Генерал А. П. Ермолов еще в 1820 году писал: «Доселе наблюдением командующего гарнизоном нашим в Сухум-Кале сколько возможно полагается преграда торга пленными, для чего предложено назначение нескольких судов для крейсирования около берегов...»⁵⁶. В том же году французский путешественник и коммерсант Поль Гибаль, прекрасно осведомленный о положении дел в Абхазии и на Кавказе, констатировал: «Когда-то работорговля была очень важной отраслью турецкой торговли. Но в настоящее время оно значительно сократилось»⁵⁷.

Борьба с работорговлей стала еще более эффективной в связи с блокадой восточного берега Черного моря после заключения Адрианопольского мира 1829 года. Однако до учреждения Черноморской береговой линии в конце 30-х годов эта блокада ограничивалась плаванием крейсирующей эскадры, состоявшей лишь из семи парусных военных судов разных рангов, а контрабанда производилась в больших размерах. С учреждением и развитием же береговой линии «крейсерство было особенно деятельно»⁵⁸. Это крейсерство военных судов происходило постоянно вдоль всего северо-восточного побережья; кроме того, промежутки между отдельными укреплениями охранялись гребной флотилией азовских казачьих баркасов.

В связи с этим, как писал в 1844 году русский посланник в Константинополе начальнику Черноморской береговой линии генералу А. И. Будбергу, великий визир в беседе жаловался ему на стеснение, которое лишает турок возможности приобретать девушек с Кавказа до такой степени, что они затрудняются наполнением султанского гарема⁵⁹.

Все это и явилось одной из основных причин постепенного изживания социальной категории феодальной Абхазии ахашвала (атвы) – бесправных рабов⁶⁰. С другой стороны, ликвидация вообще института рабства была связана с тем внутренним процессом, который происходил в социальной жизни края, но опять-таки в силу и в условиях его присоединения к России. Речь идет о слиянии рабов с крепостным крестьянским населением. Надо иметь в виду, что здесь мы имеем дело с патриархальным рабством, с институтом домашнего рабства.

Тем не менее, рабство и пленопродавство в Абхазии не были искоренены и продолжались вплоть до 60-х годов, т. е. до тех пор, пока политическое управление России на Кавказе вообще и процесс разложения феодализма не подорвали окончательно их основы⁶¹. Такому долгому сохранению работорговли в Абхазии способствовало то, что после Крымской войны, по Парижскому миру 1856 года, Черное море было объявлено нейтральным и хозяином положения здесь, фактически оказалась Англия. Другим фактором, консервировавшим работорговлю в Абхазии, было существование этой практики в сопредельных районах, т. е. у адыгских (черкесских) племен и убыхов, а также в Мегрелии, Сванетии и т. д. В одном обзоре политического положения Черкессии, относящегося к июлю 1837 года говорится: «Около 370 семейств, вышедших 3 года назад до этого из разных мест Кабарды и Адыгеи, были поселены по Черномоскому побережью Анатолийской Турции (Трапезунд, Самсун, Синоп и др.), где занимались земледелием и отчасти торговлей с Кавказом. Их феодалы ежегодно путешествовали в Черкессию и вывозили невольников для продажи в Турцию. Между многими кавказскими и анатолийскими пристанями, которые перечислены в документе, «каюки ходят еженедельно, ибо это плавание особенно выгодно для турецкого промышленника... Можно полагать, что из Черкесии вывозят ежегодно до 400 невольников и невольниц в разные места Турции. У многих важных сановников по женам есть родственники в Черкессии. По этой причине контрабандная торговля с Кавказом пользуется скрытым

покровительством многих из местных начальников, несмотря на запрещение и фирмы Порты»⁶².

В мае 1862 году начальник того же штаба писал кутаисскому генерал-губернатору «об усиливающейся в настоящее время в Турции продаже женщин и детей, похищенных... из Гурии, Мигрелии и даже Имеретии»⁶³.

При любом случае, по какому бы пути – морскому или горному не уводили людей в качестве рабов из Абхазии, они в конечном счете попадали, как правило, на невольничьи рынки Турции. Даже во второй половине XIX в. невольники в турецком обществе составляли «важный класс». Автор книги «Народы Турции», хорошо знавшая это общество, писала: «Невольничество в Турции в настоящее время ограничивается преимущественно одним только полом. Мужчины – невольники, за исключением евнухов, попадают довольно редко, хотя от времени до времени суда, нагруженные ими и пробираются контрабандой в тот или другой порт, где они тайком сбывают свой груз... Но невольничество для женщин составляет необходимую принадлежность гаремной системы, существующей в Турции. Состав серала пополняется, конечно, из невольниц... Невольница... обходится гораздо дешевле, чем свободная женщина. Отцы также обыкновенно дают невольниц своим сыновьям, во избежание расходов, сопряженных с женитьбой. Девушки, при выходе замуж, тоже получают невольниц для служения. Кроме того, невольница очень ценится как домашняя прислуга...»⁶⁴. В другом месте мы также читаем: «В гаремнике султана живет от 1000 до 1500 женщин... Эта толпа женщин всех званий и возрастов вся без исключений составила из тех грузов невольниц, которые ежегодно привозятся в Турцию из Кавказа, Грузии, Абиссинии и Аравии, не взирая на то, что торг невольниками запрещен»⁶⁵. Для ребенка, рожденного в серале, «кормилица обыкновенно выписывается с Кавказа»⁶⁶.

Начальник войск в Абхазии генерал Лорис-Меликов также констатировал: «...У редкого из них (убыхов. – Г. Д.) нет сестры либо дочери, проданной в Турцию, многие из этих невольниц сделались женами тамошних сановников...»⁶⁷. По свидетельству еще одного современника Т. Лапинского, сведения которого относятся к началу 60-х годов, «Убыхия ведет самый широкий торг невольниками с Турцией»⁶⁸.

И в соседней Абхазии значение работорговли в это время было все еще таково, что ахашвала (раб) – подросток 5-6 четвертей (худза-

фызда) продолжал функционировать в качестве денежной единицы, служа разменной монетой⁶⁹.

Теперь обратимся к конкретным фактам, начиная с момента включения Абхазии в состав Российской империи. В 1817 году Е. И. Энсгольм писал, что «гнусный торг сей людьми и доньше имеет действие в Абхазии, – удобствам оного способствует столь везде рассыпанные проповедники Корана, как и приходящие с разных мест Турции купеческие суда, кои под видом торговли сами останавливаются в море, отправляют свои лодки в устья рек; схваченный своим соотечественником абхазинец (абхазец – Г. Д.) принимается оными и с прибытием к судну навски прощается со своим отечеством»⁷⁰. Вероломный «соотечественник», о котором говорил Энсгольм, был феодал.

Другой автор того же времени, французский коммерсант Р. де Скасси, также свидетельствовал, что султанская Турция из Абхазии вывозила невольников или «их (абхазов. – Г. Д.) собственных детей»⁷¹. В другом месте он также отмечал, что в единственном абхазском городе Сухуме (или «абазар») все еще «много турок, и суда этой нации идут туда, чтобы покупать рабов»⁷².

Главными лицами, кто в данный период консервировали это национальное бедствие в Абхазии, были сам владетель Михаил Шервашидзе и другие члены владетельского дома. Недаром почтенный ученый Дюбуа полагал, что «этот ужасный торг (рабами – Г. Д.) прекратился бы совершенно, если бы Михаил-бей и Гасан-бей не были сами его первыми зачинщиками»⁷³.

В августе 1845 года русский консул в Трапезунде Герси довел до сведения дипломатической канцелярии наместника Кавказа о доставке в указанный пункт из Абхазии морем большого количества невольников, отправляемых из порта Очамчира – летней резиденции владетеля Абхазии⁷⁴. В другом документе, относящемся к 1846 году, говорится: «Торговля мальчиками и девочками производится в Абхазии преимущественно двумя купцами турецкими, из которых всякий имеет по одному кутеру из Трабзона. Первый из этих купцов доверенный Михаила (Шервашидзе – Г. Д.) и главный производитель его торговли Кара-Гассан имеет часть своего семейства в Очемчирах, а часть в Константинополе со старшим сыном своим, к которому отправляет нагруженных в Очемчирах мальчиков и девушек». Оба эти торговцы в течение года продали до 400 мальчиков, девочек и взрослых людей.

Владелец штрафа брал «девушками и мальчиками или взрослыми людьми, которые или переходили в руки Кара-Гассана или шли на подарки черкесским князьям и даже кобулетским бекам». Из одной Абжуйской Абхазии М. Шервашидзе брал штрафом около 160 человек⁷⁵. Комиссия генерала Е. Понсэ (1865-1866) также отмечала, что владелец Абхазии абадж (плату) взымал «за вывоз абхазских произведений и невольников»⁷⁶.

В одном документе, относящимся к 1846 году, сообщается, что во время масленицы к абхазскому владельцу приезжали черкесские князья с большей свитой и подарили ему 30 лошадей с седлами. В ответ Михаил Шервашидзе отдал гостям такое же количество мальчиков и девочек⁷⁷. Известно также, что владелец за шашку заплатил одному черкесскому же князю несколько душ ахашвала, а за седло – 12 душ⁷⁸.

Поль Гибаль в ноябре 1820 года на Киласурском базаре, принадлежавшем Гасанбею Шервашидзе, видел такую, по его же словам, «прискорбную» картину: «Многие молодые люди разного возраста, ходили с кандалами на ногах... эти молодые люди были рабами, предназначенными для продажи туркам и другим народам... Один из них, высокий парень лет 18 или 20-ти, носил на ногах два крупных широких обруча величиной с ладонь и довольно толстых, соединенных друг с другом цепочкой в 2 или 3 дюйма; это позволяло несчастному рабу делать шаги такой же длины. Он казался веселым, ловко прыгал, у него было немного денег и он, не стесняясь, смеялся даже над турками»⁷⁹.

Командир Абхазского отряда полковник Пацовский в октябре 1832 года писал, что дядя владельца, Асланбей Шервашидзе, от бзыбских князей и дворян взял заложников (аманатов), часть продал в Турции, а остальных убил⁸⁰.

От владетельного дома не отставали и многие другие абхазские феодалы. Надо сказать, что работоторговле способствовали те феодальные распри и междусобицы, которые после присоединения Абхазии к России хотя и стали невозможны в прежних размерах, но до введения прямого русского управления все еще раздирали край. Самурзаканский князь Темруква Анчабадзе в 1827 году жаловался, что дела в этой части Абхазии находились «в самом смутном положении в отношении пленопродавства, грабежа между собою и раздора». Одного из его людей князь Бежан Шервашидзе продал

турецким работорговцам⁸¹. По сообщению генерала Г. В. Розена от 2 мая 1834 года, «известный разбойник» дворянин Хасан Маргания (Маан), с дозволения владетеля, построив себе дом в урочище Очамчира, около моря, имел «беспрепятственное сношение с турецким разбойниками», приставшими к берегу на кочерах, и занимался продажей пленных⁸². Тот же Маргания летом 1863 года совершил вооруженное нападение на имение абжуйского владельца Григория Шервашидзе, в результате чего сжег 8 деревень, многих крестьян взял в плен, а из них 25 человек продал турецким работорговцам⁸³. Акапский князь Казилбей Маршания в 1852 году напал на крепостных крестьян возле Сухума, сжег их дома, мужчин частично перебил, частично взял в плен с тем, «чтобы продать черкесам»⁸⁴, а в феврале 1853 года он напал на село Эшера в 10 верстах от Сухума, принадлежавшее князьям Дзапш-ипа, с которыми Маршания находился в кровной вражде, и увел в плен до 40 душ женщин и детей⁸⁵.

Как писал А. Н. Введенский, постыдной торговлей людьми занимались не только владетели, их родственники и вообще «высшие сословия», но и духовенство, а также те представители «низших сословий», которые владели рабами⁸⁶.

В 1846 году самурзаканский пристав штабс-капитан Кириллов доносил наместнику Кавказа М. С. Воронцову о продаже турецким работорговцам «весьма многих детей, отвезенных этими турками из абхазских портов в Константинополь»⁸⁷. Начальник Черноморской береговой линии контр-адмирал Л. М. Серебряков в июне 1852 года также жаловался, что «целые экипажи контрабандных судов, преследуемых крейсерами, уходят в Абхазию и исчезают там без всякого следа»⁸⁸. На заявление князя Эдирбея Цанба (Цанбаев) о том, что правительство запрещает отправлять крестьян-невольников в Турцию, турецкие работорговцы, орудовавшие в Келасури, «имели дерзость утверждать, что, несмотря на запрещение г-на главнокомандующего, они будут продолжать торговлю невольниками». Причем, среди невольников «для продажи в Турции», обнаруженных в притоне келасурских «контрабандистов», были девушка по имени Сейма и мальчик Плук – крестьяне, принадлежавшие князьям Цанба и взятые в плен во время вторжения Магомат-Эмина в Джигетию⁸⁹.

А в период Крымской войны 1853-1856 годов, когда войска Турции и ее союзников заняли Черноморское побережье Кавказа, в том числе и Абхазии, оккупанты уже беспрепятственно вели работорговлю.

Оксфордский епископ на заседании палаты лордов от 13 июля 1854 года, обращаясь к британскому министру иностранных дел, говорил: «Первым результатом занятия черкесского побережья англичанами и турками было возобновление одного из худших проклятий, когда-либо постигавших человечество – работорговли»⁹⁰. В одном из описаний появления англичан и турок в Гурии в 1854 году говорится, что турецкие купцы занимались «ловлей красивых девочек и мальчиков, которых целыми партиями сплавляли в Константинополь»⁹¹. В этой постыдной торговле активное участие принимали и англичане. 26 октября 1855 года из Абхазии сообщали, что на Сухумский рейд прибыл английский пароход «Кенгуру», «который занимается торговлей людьми (невольниками и невольницами). Соучастниками этой торговли людьми являются английские шкиперы, перевозящие этот живой товар»⁹².

Такая активная работорговля здесь, как уже, указывалось, продолжалась и после войны еще некоторое время, поскольку разрушения укреплений и фортов Черноморской береговой линии, которые после потери флота в Севастополе не так легко было восстановить, чрезвычайно затрудняло блокаду берегов и в то же время облегчало сношения с Турцией. Например, в октябре 1856 года тот же английский пароход «Кенгуру» посещал разные пристани Западного Кавказа. Владелец Абхазии, в связи с прибытием указанного судна на Сухумский рейд, писал, что «другого груза, кроме невольников и невольниц, не может быть с Черкесского берега и, что, таким образом, постыдная торговля людьми возобновится при содействии английского шкипера»⁹³.

При этом продолжали играть подлую роль местные феодалы. Руководитель крестьянского движения в Мегрелии в 1857 году Уту Микава, разоблачая этих изменников родины, говорит: «Неприятель истребил у нас все, что попало ему под руку..., а наши господа, вместо всякой защиты, стали похищать у нас наших детей – мальчиков и девочек и продавать османам. Множество их увезли тогда с собой в Турцию»⁹⁴.

Об этом свидетельствовал и К. А. Бороздин, который писал, что после оккупации Мегрелии турецкими войсками «князья и дворяне мингрельские трягнули стариной и подналегли на мужиков, угодив туркам пленорадовством в широких размерах»⁹⁵.

От них не отставали и их абхазские собратья. Как сообщал барон Ф. Ф. Торнау (1835 г.) анухвский дворянин Соломон Миканба часто

отправлялся за горы «красть лошадей и черкесских мальчиков»⁹⁶. По сообщению правительницы Мегрелии Екатерины Дадлиани, последние даже в этом княжестве ужасному разорению подвергли одно село, и «сколько мальчиков и девушек взяли оттуда и продали туркам»⁹⁷. По сообщению английского агента Л. Олифанта, «они силой увезли» от родителей 60 мальчиков и девочек «выбирая их из числа самых красивых»⁹⁸.

Как писал Д. А. Милютин (14 февраля 1858 года), садзские работорговцы, под видом поездки в Мекку с семьями, «вывозили в Турцию женщин и детей на продажу и, возвращаясь назад, привозили приобретенные этою продажею товары...»⁹⁹.

Напуганные слухом о проведении крестьянской реформы представители горской знати спешили «увезти своих крепостных в Турцию», часто именно с целью «распродать их» на невольнических рынках Оттоманской империи»¹⁰⁰. А иные феодалы являлись просто профессиональными работорговцами. Вот что рассказывает Александр Дюма, путешествовавший по Кавказу в 1858-1859 годах, в своей книге о Кавказе, одну главу которой назвал «Рынок невольников»: На французском судне (капитан Дагерр), на котором он ехал из Поти в Константинополь, было 300 кабардинцев – рабов и работорговцев, среди них находился один старец с 70 или 80 «самками всех возрастов, от 10 до 20 лет»¹⁰¹.

Известный русский ученый – востоковед П. А. Чихачев (1808-1890) в одном из своих писем (Константинополь, 15 октября 1858 года) писал о следующем факте: «...С тех пор как Россия лишилась черноморского флота, Турция открыто покровительствует гнусной торговле рабами. С ее разрешения рабов высаживают на северном побережье Малой Азии, где местные власти снабжают их удостоверениями, подтверждающими их турецкое подданство. Затем их направляют в один из портов побережья, куда заходят австрийские, французские и турецкие пароходы. Они естественно, не могут не принять на борт пассажиров, чьи документы в порядке, и перевезти их в Константинополь либо в другое место, в зависимости от «спроса»... В бытность мою в Самсуне сам паша (Осман-паша) купил на глазах у всех молодую девушку у торговцев-черкесов, прибывших в этот город с турецкими паспортами. Любопытно отметить, что примерно за четыре мили от Амасы находится деревня Куту, населенная одними черкессами. Их роль сводится к организации в крупном масштабе

этого преступного промысла на Кавказе. Дабы заручиться неистощимым питомником, они не довольствуются товаром, который могут сбывать тотчас по получении, и принимают систему конских барышников, покупавших для нужд конских заводов животных, мало пригодных для непосредственного сбыта. Так, колония живого товара в Куту весьма охотно принимает лиц обоего пола, с трудом могущих привлечь выгодных покупателей, но годных как «жеребцы» и «кобылы» для продолжения породы. Их спаривают и ждут, пока дети приобретут качества, необходимые потребителям или спекулянтам, приезжающим на эту фабрику живого товара, чтобы приобрести его для себя или для императорских гаремов»¹⁰².

Надо заметить, что контрабандные суда (кочермы), отличавшиеся легкой конструкцией и вынужденные избирать для своего отхода бурные ночи, подверглись такой опасности, что, по данным гражданской канцелярии командующего войсками в Абхазии за 1857 год, ежегодно погибало от 17 до 20 процентов отходящих судов¹⁰³.

В 1860 году русский консул в Трапезунде А. Н. Мошнин неоднократно сообщал русскому послу в Константинополе о торговле невольниками, в том числе русскоподанными. Так, в августе пограничному кавказскому начальству удалось освободить и отправить в Сухум дочь абхаза Мофа, похищенную в Бамбора контрабандистом Мужури Хусейном. Таким образом, писал Мошнин, в течение трех лет при содействии консульства было освобождено 91 человек¹⁰⁴.

О торговле рабами между адыгами (надо разуметь и абхазских работорговцев) и Турцией Т. Лапинский писал: «Значительная торговля рабами производится с Турцией и большею частью при помощи турецких работорговцев, они держат в этой стране своих доверенных лиц»¹⁰⁵. Работорговец выручал «почти всегда второе, вчетверо и иногда даже в десять раз больше той цены, которую он сам заплатил»¹⁰⁶.

Англо-турецкие работорговцы особенно воспользовались обстановкой массового переселения горцев Западного Кавказа в Турцию в первой половине 60-х годов XIX века. Как говорилось в газете «Кавказ» от 7 июля 1877 года, «на берегу Черного моря англичане и турки красавицами набивали трюмы; несчастные с плачем обращались к русским офицерам, освободить их оттуда и удержать на родине. Поставщики гаремов и турецкие покупщики оставались, вероятно, в больших барышах...

Активный участник «покорения» Кавказа и военный историк Р. А. Фадеев подчеркивал, что переселение горцев в Турцию

сопровождалось «бесчисленными бесчеловечиями и страданиями», писал: «Турецкие судохозяева привыкли плавать к восточному берегу почти исключительно для торговли рабами; они внесли тот же дух и в перевозку свободных людей. За неимением денег или вещей расплата происходила женщинами и детьми. Для черкешенок это было, впрочем, все равно, потому, что в каком бы качестве они не достигли турецкого берега, их потом все-таки гуртами отправляли на базар»¹⁰⁷.

В другом месте тот же автор писал: «В течение первой половины 1864 года восточный берег Черного моря представлял необычайное зрелище. До сих пор не было в свете берега пустынное кавказское... Только под ночь, когда разыгрывалась буря или начинал стелиться туман, можно было иногда заметить, на темном море, очерк крадущийся под берегом кочермы. Если она шла к земле, на ней была военная контрабанда, если от земли, на ней были рабы»¹⁰⁸.

А. Фонвиль, находившийся в Черкессии в 1863-1864 годах, в Туапсе, видел целый поселок (до сотни хижин) турецких купцов, торговавших женщинами. Когда «у них составлялся потребный запас этого товара, они отправляли его в Турцию на одном из комков, всегда находившемся в Туапсе»¹⁰⁹.

Не приходится говорить о том, что работоторговля была массовым явлением среди кавказских переселенцев в Турции. Достаточно сослаться на сообщение английского консула своему правительству от ноября 1864 года по этому поводу. Из высадивших на берег Анатолии за период с 1863 по 1864 год 220.000 черкесов в качестве невольников было продано 10.000 человек¹¹⁰... (В оригинале рукописи текст обрывается).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соб. соч. т. 19. стр. 480.

² См: *Г. А. Дзидзария*. Из истории мореходства в Абхазии. // «Труды» Сухумского госпединститута им. А. М. Горького. т. XII. Сухум. 1959.

³ *Н. Я. Марр*. Об языке и истории абхазов. М. –Л. 1938. стр. 143.

⁴ *Там же*.

⁵ *М. Литвинов*. Черное море. СПб. 1881. стр. 19.

- ⁶ См. напр., *Л. И. Лавров*. Дольмены Северо-западного Кавказа. // «Труды» Адыгейского института литературы и истории. т. XXXI. Майкоп. 1960. стр. 107.
- ⁷ *З. В. Анчабадзе*. История и культура древней и античной Абхазии. М. 1964. стр. 141.
- ⁸ Цит. По книге *В. Б. Виноградова* «Тайны минувших времен». М., 1966. стр. 81.
- ⁹ *В. В. Латышев*. Известия древних писателей греческих и римских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. Вып. I. Спб. 1893. стр. 133-134.
- ¹⁰ *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. М. 1950. стр. 382-383.
- ¹¹ *А. В. Фадеев*. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. Сухум. 1934. стр. 123.
- ¹² *Прокопий из Кесарии*. Указ. соч., стр. 400, 402.
- ¹³ *Агафий*. О царствовании Юстиниана. М.-Л. 1953. стр. 124
- ¹⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. II. М., 1966, стр. 529-530.
- ¹⁵ *Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко*. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе XIII и XV вв. // Исторические записки. М. 1938. стр. 91.
- ¹⁶ *Там же*.
- ¹⁷ *Там же*.
- ¹⁸ Мамлюк – белый раб.
- ¹⁹ *Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко*. Указ. Соч., стр., 92-93., *З. В. Анчабадзе*. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми. 1959. стр. 245-246.
- ²⁰ *Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко*. Указ. соч., стр. 92.
- ²¹ *А. И. Лениченко*. Черты из истории сословий в Юго-Западной Галиции (Руси) XIV-XV в. М. 1894, стр. 89.
- ²² *А. В. Фадеев*. Указ. соч. стр. 122, 124.
- ²³ Надпись эту в 1835 году видел профессор Одесского Ришельевского лицея А. Д. Нордман. ЖМНП. № 11. Ноябрь. 1838. стр. 404-405.
- ²⁴ *Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко*. Указ. соч., стр. 92.
- ²⁵ *М. Пейсонель*. Исследования торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 гг. Краснодар. 1927. стр. 12.
- ²⁶ *д. Асколи*. Описание Черного моря и Татарии. // ЗООИД, т. XXIV. 1902. стр. 100.
- ²⁷ *М. Пейсонель*. Указ. соч. стр. 31.

- ²⁸ **Ф. Ф. Тарноу.** Воспоминания кавказского офицера. Ч. 1. М. 1864. стр. 24.
- ²⁹ ПСЗРИ, т. XIX. 1830. стр. 964.
- ³⁰ Цит. По книге. **З. В. Анчабадзе.** Из истории средневековой Абхазии. Сухум. 1960. стр. 528. (Автор пользуется итальянским изданием).
- ³¹ **А. Ламберти.** Описание Колхиды. СМОМПК. Вып. 43. Тифлис. 1913. стр. 189.
- ³² **Э. Челеби.** Путишествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. 300ИД. Т 9. 1875. стр. 176-177.
- ³³ **Шарден.** Путешествие по Закавказью в 1672-1673 гг. Тифлис. 1902. стр. 103, 108.
- ³⁴ *Там же,* стр. 35.
- ³⁵ **С. Броневский.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 1. М., 1823, стр. 315.
- ³⁶ *Там же.* стр. 304.
- ³⁷ *Там же* стр. 308-310.
- ³⁸ *Там же,* стр. 346.
- ³⁹ *Там же,* стр. 311.
- ⁴⁰ **В. А. Потто.** Абхазия. СПб. 1900. стр. 5.
- ⁴¹ **Ф. Дюбуа де-Монперэ.** Путешествие вокруг Кавказа, т. 1 Сухум, 1937, стр. 121-122.
- ⁴² **А. А. Цагарели.** Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. т. 1. СПб. 1891. стр. 262.
- ⁴³ **М. Пейсонель.** Указ. соч. стр. 30.
- ⁴⁴ **А. П. Черепов.** Краткие заметки о сословных и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии. (июнь-июль 1866 г.). Ж. «Исторический архив». 5. 1950. стр. 408.
- ⁴⁵ **Н. Я. Марр.** Указ. соч. стр. 395.
- ⁴⁶ АКАК. Т. 2. стр. 532.
- ⁴⁷ АКАК. Т. 3. стр. 192, 194.
- ⁴⁸ **С. Броневский.** Указ. соч. ч. 1. стр. 350.
- ⁴⁹ «Антология абхазской поэзии» М. 1958, стр. 38-42.
- ⁵⁰ **К. В. Ковач.** 101 абхазская народная песня М. 1929. стр. 27.
- ⁵¹ **Ш. Х. Салакая.** Абхазский народный героический эпос. Тб. 1966. стр. 154.
- ⁵² Первый термин, возможно, означает «войско ущелья («ущелье» и «ар» – «войско») второй – «лодочное войско», («ашхуа» – «лодка»).
- ⁵³ **Ш. Х. Салакая.** Указ. соч., стр. 157-158.

⁵⁴ *Теофил Лапинский*. (Тефик-бей). Горные народы Кавказа и их борьба за свободу против русских, т. 1. Гамбург, 1863 (на немец. язык). стр. 83.

⁵⁵ *С. Т. Званба*. Этнографические этюды. Сухум. 1955. стр. 51.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 256, лл. 9-12.

⁵⁷ Там же, ф. 1261, д. 2896, л. 131-об.

⁵⁸ Письмо ген. Филипсона от 5 августа 1857 г. ген. Милютину. АКАК, т. XII, ч. II, стр. 740-741.

⁵⁹ АКАК, т. XII, ч. II, стр. 742.

⁶⁰ О них: *Г. А. Дзидзария*. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы). Сухуми. 1958. стр. 307-320.

⁶¹ Что касается береговых укреплений, то при том состоянии, в каких находились их гарнизоны и тех технологических средств, самыми они располагали, не в состоянии были обеспечить полностью блокаду побережья.

⁶² ЦГАГТ, ф. 548, оп. 3, д. 190, лл. 33-36.

⁶³ ЦГАГТ, ф. 545, оп. 1 (кн.1), д. 31, л. 12.

⁶⁴ «Народы Турции. Двадцать лет пребывания среди болгар, греков, турок, албанцев и армян дочери и жены консула». т. 1, СПб, 1879, стр. 86-87.

⁶⁵ Там же, стр. 165.

⁶⁶ Там же, стр. 175.

⁶⁷ Записка ген. М. Лорике-Меликова от 3 октября 1853 г. // АКАК, т. XII, ч. II., стр. 666, 796.

⁶⁸ *Т. Лапинский*. Указ. соч., стр. 86.

⁶⁹ См. Исторический архив», 1950, V. стр. 413.

⁷⁰ *Энсгольм*. Краткое обозрение Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии. // ЦГАГТ, ф. 548, оп. 3, д. 74, лл. 1-45.

⁷¹ АКАК, т. VI, ч. I, стр. 646-658.

⁷² Там же.

⁷³ *Ф. Дюбуа де-Монперэ*. Указ. соч., стр. 122.

⁷⁴ ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 561, л. 39.

⁷⁵ ЦГАГТ, ф. ОВД, 1846 г., д. 36, лл. 2-3.

⁷⁶ Там же, ф. 545, оп. 3, 1864 г., д. 76, лл. 180-198.

⁷⁷ Там же, ф. ОВД, 1846 г., д. 36, лл. 2-3.

⁷⁸ Там же. ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 2-3.

⁷⁹ *П. Гибаль*. Указ. рук. л. 47.

- ⁸⁰ ЦГАГТ, ф. ОВД, 1833 г., д. 34, л. 10, Арх. АИЯЛИ, ф. 1. Д. 8, л. 64.
- ⁸¹ АКАК, т. VII, ч. 1, стр. 396.
- ⁸² АКАК, т. VIII, ч. 1, стр. 448.
- ⁸³ Отношение Наместника Кавказа вел. кн. Михаила Николаевича военному министру Д. А. Милитину от 27 марта 1864 г., // ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, лл.1-2.
- ⁸⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 879, 1865 г., д. 38, л.135.
- ⁸⁵ Рапорт вице-адм. Серебрякова от 18 марта 1853 г. кн. Воронцову. АКАК, т. X, ч.2, стр. 694.
- ⁸⁶ (*А. Н. Введенский.*) Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. // ССКГ. в. VI, отд. III.1872. стр. 4.
- ⁸⁷ ЦГАГТ, ф. ОВД, 1846 г., д. 36, лл. 10-11. Арх. АИЯЛИ, ф.1, д. 8, л. 8.
- ⁸⁸ Там же, ф. 416, д. 40, лл. 4-6.
- ⁸⁹ Предписание начальника Черноморской береговой линии от 23 июня 1853 г., и. д. Начальника 3 отделения той же линии., Там же. ф. 1118, 1853 г., д. 28, лл. 4-5.
- ⁹⁰ «Times». 14 июля 1854 г. Цит. По кн. *С. К. Бушув.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70 годы XIX века). М. 1955. стр. 76.
- ⁹¹ Цит. по статье: *Е. Е. Бурчуладзе.* Крушение англо-турецких захваченных планов в Грузии в 1855-1856 гг., // «Вопросы истории», 1952, № 4, стр. 18.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Отношение ген.-ад. Барятинского кн. Горчакову от 14 ноября 1856 г., АКАК, т. XII, ч. II, стр. 705-706.
- ⁹⁴ *К. А. Бороздин.* Закавказские воспоминания. Мегрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. СПб, 1885, стр. 144.
- ⁹⁵ Там же, стр. 177.
- ⁹⁶ *Ф. Ф. Торнау.* Указ. соч. стр. 74.
- ⁹⁷ АКАК, т. XI, ч. 1 стр. 148.
- ⁹⁸ *Н. Н. Муравьев.* Война за Кавказ в 1855 году. т. II, ч. IV, СПб, 1877, стр. 299.
- ⁹⁹ АКАК, т. XII, ч. 1, стр. 505.
- ¹⁰⁰ *Р. А. Фадеев.* Соб. соч. т. 1, ч. 2, СПб, 1890, стр. 69.
- ¹⁰¹ «Кавказ». «Путешествие Александра Дюма», Тифлис, 1861, стр. 706-710.
- ¹⁰² *П. А. Чихачев.* Письма с Турции, М., 1960, стр. 71-72.
- ¹⁰³ *П. В. Апрельев.* Два года в Абхазии. Историко-этнографический опыт (1868 г.). Рукописное отделение Государственной Публичной

библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр. IV. 551/54, л. 405-об.

¹⁰⁴ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1860 г., д. 2600, лл. 148-148-об.

¹⁰⁵ *Т. Лапинский*. Указ. соч. гл. IV, стр. 101.

¹⁰⁶ *Там же*, стр. 102.

¹⁰⁷ *Р. А. Фадеев*. Соб. соч. т. 1, ч. 1. СПб, 1890, стр. 203.

¹⁰⁸ *Там же*, стр. 205-206.

¹⁰⁹ *А. Фонвилль*. Последний год войны Черкессии за независимость. 1863-1864 г., Краснодар, 1927, стр. 27.

¹¹⁰ См. «Новый Восток». 1925, №7, стр. 22.

ИЗ ПРОШЛОГО СУХУМСКОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА

Сухумский ботанический сад одна из интереснейших достопримечательностей гор. Сухума, посещаемых ежегодно многочисленными гостями из самых различных концов Советского Союза.

Вместе с тем в Сухумском саду ведется большая работа в направлении привлечения и ботанического изучения растительных ресурсов для использования их в народном хозяйстве.

Значительна вообще роль Сада в деле введения в культуру субтропических растений и распространения на юге нашей страны. Начало истории Сухумского сада восходит еще к тридцатым годам XIX столетия. Его зарождение и дальнейшее развитие были связаны с общим развитием Сухума, обусловленным прогрессивным характером присоединения последнего, как и всего края, к России.

Сухумский ботанический сад возник на базе любительского сада, заложенного лекарем сухумского гарнизона Станиславом Багриновским, отданным в солдаты и сосланным сюда в 30-х гг. XIX в.

В 1840 г. указанный сад, в котором успешно выращивались различные фруктовые и декоративные растения, стал излюбленным местом для прогулок сухумских жителей, обратил свое внимание начальник Черноморской береговой линии ген. Н. Н. Раевский – друг А. С. Пушкина, близкий к декабристам человек. Это был любитель и ценитель садоводства. Он имел прекрасный парк в своем имении в южном Крыму, где у него гостил великий поэт.

При содействии Раевского, сад Багриновского был взят в казну и преобразован в «военно-ботанический сад». Такой же сад Раевский пытался организовать и в Бамбора, расположенной в нескольких километрах западнее современного г. Гудаута.

Эти мероприятия вытекали из общей прогрессивной идеи Н. Н. Раевского относительно развития технологических культур и поощрения «торгового земледелия» в Абхазии, как и на всем восточном черноморском побережье.

Заведовать Сухумским ботаническим садом Раевский поручил тому же Багриновскому. Это был образованный человек и, по свидетельству ген. Г. А. Филипсона, проявлял интерес к научным знаниям. М. Селезнев, посетивший Сухум в 1841 г., также отмечал,

что Ботанический сад находится под надзором «умного ботаника, абхазского доктора».

Багриновский окончил медицинский факультет Виленского университета, однако, вместо лекарского мундира, на него надели солдатскую шинель. Но зато он пользовался большим уважением со стороны местного населения: его возили за несколько десятков верст для оказания медицинской помощи, а также всячески содействовали ему в деле устройства Сухумского сада.

Первоначальная площадь Сада равнялась 0,5 га, а в 1841 г. эта площадь достигала уже более 3 га. Осенью 1840 г. из Сухумского сада было взято 6 тыс. корней различных деревьев для посадки в черноморских береговых укреплениях. М. Селезнев сообщает, что в 1841 г. он лично ряд растений из Сухумского сада послал «для зоологических опытов» в разные места Кавказа.

В 1842 г. общее количество видов разводившихся растений в Сухумском саду достигало 61. Здесь росли, в частности, лимонные и апельсиновые деревья. В 1842 г. также был посажен чайный куст, который существовал до недавнего времени.

И. С. Радожицкий, описавший флору Западного Закавказья (1845 г.), писал, что при правильном устройстве Сухумского сада деятельность его должна быть направлена к распространению на побережье таких ценных растений, как апельсины, лимоны, чай, хлопок и т. д.

Сухумский сад был связан с Никитским садом (Крым), откуда поступали семена и растения. Он становится научным центром акклиматизации и субтропических растений, которые распространялись на юге России.

В период Крымской войны 1853-1856 гг., когда Сухум подвергся турецкой оккупации, жизнь Ботанического сада замерла.

Но в 60-х гг. вновь оживилась деятельность сада. В 1865 г. был разработан проект о Сухумском акклиматизационном саде, в котором выдвигались ряд очень важных мероприятий. Предполагалось обратить внимание на Сад, как на одно из общественных учреждений, «служащим удовольствием публики».

Особо указывалось на необходимость расширения фруктового питомника и огородничества, в интересах широкого внедрения этих культур в хозяйство края.

Вместе с тем констатировались успехи в области разведения овощей, в частности, капусты. Таким образом, был решен вопрос о

возможности широкого внедрения северной капусты в Абхазии. Пользуясь удачными опытами Ботанического сада, ее начали разводить почти во всех сухумских огородах, а в 1867 г. возле р. Гумиста капустой было засажено около двух десятин земли. Имелись также питомник плодовых деревьев и виноградник для продажи.

Интересно также отметить, что в 1874 г. в Сухуме насчитывалось до 10 видов эвкалиптовых деревьев, старейший из которых был посажен в Ботаническом саду в 1868 г.

Сухумский Ботанический сад является неоднократным свидетелем революционных событий в Абхазии. Во время восстания 1866 г., когда крестьяне в течение нескольких дней штурмовали сухумскую крепость, за толстыми стенами которой засел противник, Ботанический сад оказал большую услугу повстанцам. Очевидец события передает, что т. к. последние удивительные мастера пользоваться местностью и прятаться за деревьями, то их не легко было выбить из Сада.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг., во время которой Сухум снова был оккупирован турецкими войсками, свела почти на нет Ботанический сад. Современник свидетельствовал: «В самом городе (Сухуме – Г. Д.) не осталось камня на камне, не пощадил даже прелестного Ботанического сада, в котором все редкие и долголетние деревья повыврублены, оранжереи разбиты и разрушены».

По данным, относящимся к 1 января 1876 г. мы узнаем, что Сухумский акклиматизированный сад выписывал сельскохозяйственные орудия, как, например, плуги и раздавал «выдающимся хозяевам», а также знакомил их с устройством и употреблением этих предметов. Выписывались и раздавались также улучшенные виноградные лозы и другие растения, которые разбирались населением с большой охотой.

Из отчета о деятельности Сухумского сада за период с 1890 г. по 1892 г. мы узнаем, что до 1889 г. он находился в очень тяжелом состоянии. Парк был совершенно запущен, опутан почти сплошь разного рода вьющимися колючими растениями, в которых лишь кое-где виднелись декоративные и фруктовые растения.

В 1890-х гг. начинается возрождение сада. В 1894 г. он был включен в состав образовавшейся Сухумской опытной станции, и с этого времени разворачивается более широкая деятельность Сада.

Перед Первой мировой войной в Сухумском ботаническом саду, в котором богато были представлены экзотические растения, имелись:

декоративный питомник, опытный огород, музей сада, лаборатория, контрольная семенная станция и др.

Наряду с большими экземплярами пальм различных видов, эвкалиптов и других образцов субтропической флоры, привлекали внимание находившиеся в бассейне сада водяные растения. Особенно любопытным было то, что в 1912 г. здесь удалось вывести на открытом воздухе «царицу» водяных лилий – Виктория Регия.

В № 10 журнала «Черноморское сельское хозяйство» за 1912 г. появилась статья В. В. Марковича под сенсационным названием: «Тропическая нимфея Виктория Регия царица вод на открытом воздухе в Сухумском акклиматизационном саду». Газета «Сухумский листок» сообщала о предполагаемом цветении Виктории. Путеводители и другие официальные органы также вещали о том, что рост и цветение Виктории на «вольном воздухе» в Сухуме – единственный случай во всей Европе.

Несмотря на усилия отдельных и научных работников и любителей, в условиях царского самодержавия субтропическое сельское хозяйство не могло получить широкого развития. Только в условиях советской власти интродукционная работа в Сухумском ботаническом саду приобретает плановый характер.

С 1941 г. Сухумский ботанический сад находился при Абхазском институте языка, литературы и истории АН Грузинской ССР, а в 1945 г. был выведен в самостоятельное научно-исследовательское учреждение АН Грузинской ССР. Работа Сада приобретает строго научное направление, тесно увязанное с задачами народного хозяйства.

В настоящее время Сухумский ботанический сад АН Грузинской ССР является разветвленным научным учреждением, в коллективе которого насчитывается 2 доктора и несколько кандидатов наук. В коллекция дендрологического парка Сада имеется 580 видов, 40 разновидностей и свыше 1 тыс. сортов разнообразных растений. В коллекционной оранжерее Сада культивируется до 400 видов различных представителей тропической флоры.

Использованная литература

1. Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866-1904.
2. «Кавказ», №46, 24 апреля 1874 г.

3. «Кавказ», № 46, 25 февраля 1878 г.
4. «Кавказ», №70, 8 сентября 1886 г.
5. **Малеев В. П.** Древесные экзоты Абхазии. Сб. Абхазия. Геоботанический и лесоводческий очерк. М.-Л., 1936 г.
6. Мачавариани К. Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913 г.
7. **Пахомов А.** Очерки Абхазии в сельскохозяйственном отношении.
8. **Родожницкий И. С.** Взгляды на флору Восточного берега Черного моря. Жур. «Садоводство». № 5. М. 1845 г.
9. **Филипсон А. Г.** Воспоминания. Жур. «Русский архив», кн. 6, 1883 г.
10. Центральный государственный архив Абхазской АССР, ф. 3, д. 2. лл. 22-24.
11. Центральный государственный исторический архив Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 962; лл. 1-3., ф. 545, д. 986, лл. 79-116.
12. Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Петроград, 1916 г.
13. **Маркович В. В.** Тропическая нимфея Виктория Регия царица вод на открытом воздухе в Сухумском акклиматизированном саду. Жур. «Черноморское сельское хозяйство». №10. Сухум 1912 г.

ЦЕРКОВНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ В ПРЕДРЕФОРМЕННОЙ АБХАЗИИ

Некоторые церкви в Абхазии (Моква, Илори, Дранда, Пидунда) являлись крупными феодальными землевладельцами. Их влиятельные представители входили в состав господствующего класса. Однако, длительное владычество султанской Турции в Абхазии жизнь этих церквей привело в упадок.

Вот, что писал акад. Броссе о состоянии, например, Пицундской церкви: «Я имел случай читать копию о великой хартии Пицунды... В ней до 629 семей крестьян, отданных Пицунде разными царями Имеретии или Картлии, дадиянами и другими. Дюжина других хартий доводит это количество до 800, не считая одиночек, подаренных при особых случаях; это должно было составить в последнем веке итого не менее 4.000 человек, принадлежащих телом и всем имуществом церкви, независимо от бесчисленных денежных богатств, кам-ней и драгоценных вещей»¹.

«Большая книга крестьян абхазского католикосата» содержит интересные сведения о повинностях, отбывавшихся в пользу Пицундской церкви крестьянами сел. Нажанеули. В первой четверти XVII в. 58 семейств данного селения, расположенного на правом берегу р. Ингури, одного вина доставляли 225 кувшинов. Крестьяне, кроме того, доставляли церкви гоми, фасоль, мяса и пр., а также продукты домашнего производства (по 20, 40 и даже 80 локтей полотна).

Данные о крестьянах, находившихся в зависимости от церквей, как и вообще о жизни этих церквей, в интересующий нас период, к сожалению, очень ограничены. Церковные крестьяне составляли весьма незначительную группу и состояли, главным образом, из анхаю и ахоую. В делах Сухумской сословно – поземельной комиссии среди зависимых сословий в Бзыбской Абхазии отмечают: «вольные жители и крестьяне, живущие на земле церковей, считающиеся крестьянами церковными». Речь идет о Пицундской церкви. Указанные крестьяне были обязаны, главным образом, охранять храм и в то же время несли повинности в пользу князей Инал-ипа, считавшимися «как бы их покровителями»².

Из журнала заседания названной комиссии от 16 июня 1875 г. по поводу определения «родов и лиц, принадлежащих к высшим сословиям населения края», мы также узнаем, что жители с. Лдзаа Садзба были дворянами Пицундского храма, не подчинявшимися никому, кроме церкви, что члены этой фамилии указывали места для поселения асасам, приходившим под покровительство храма³.

В материалах же Сухумской сословно-поземельной комиссии можно найти свидетельство о том, что «вся Илорская земля (территория между реками Гализга и Адзиква)- принадлежит церкви» Илори⁴.

Известно также, что этой церкви в местечке Хони и сел Кухи (Кутаисская губерния) принадлежало 118 крестьянских семейств, история зависимости которых от Илорской церкви восходила еще к 1833 г. В пользовании крестьян состояли церковные земли под усадьбами, садами, пахотной, сенокосной и под лесом более 358 десят. Данные крестьяне в пользу Илорской церкви несли определенные подати⁵. Кроме того, Илорская церковь взыскивала поборы с крестьян различных местностей при всевозможных церковных церемониях. В с. Набакеви, по данным 1865 г., некоторые крестьяне были обязаны работать на церковного старшину по 3 дня в году и приносить по 8 аршин белого холста и 1 руб. серебром⁶.

Капитан Энсгольм писал (1817 г.), что в Абхазии «многочисленное духовенство не упускает ни одного случая, дабы воспользоваться народным суеверием в собственную свою пользу противится всему новому, хотя и полезному, ибо иное несообразно с личными выгодами оно»⁷. В 1852 г. в Абхазии насчитывалось 10 православных церквей⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Броссе*. Отчет об археологическом путешествии по Грузии и Армении. СПб. 1849. стр. 135 (на франц. яз.).

² ЦГИАГ. ф. 416, оп. 3., 1873., д. 403 лл. 1-6.

³ ЦГАА. ф. 57, оп. 2. 1870., д. ? л. 103.

⁴ ЦГИАГ. ф. 231, оп. 2, д. 27. л. 28 об.

⁵ В 1872 г. указанные крестьяне поступили в казну Илорской церкви, в компенсации было назначено вознаграждение в сумме 354 руб. в год. (ЦГИА, ф.1268, оп.23, д.167, л.9).

⁶ ЦГИАГ. ф. 220., д. 877, лл 42-49.

⁷ *Энсгольм*. Краткое обозрение Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии. Тифлис, 1817 г., Рукопись. // ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3., д. 74, лл.1-45.

⁸ *Лаврентьев*. Статистическое описание Кутаисской губернии. // «Статистическое описание губерний и областей Российской империи»... Т. XVI. ч. 5. СПб. 1858. стр. 263.

ПРОТИВ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

В 1954 г. в тбилисском издательстве «Советский писатель» вышла объемистая книга П. Ингороква «Георгий Мерчуле, грузинский писатель X века», проникнутая националистическим духом.

Автор этой антинаучной книги, не будучи специалистом-историком взявшись за написание исторического исследования, по существу ставит целью обосновать свою основную националистическую идею, о так сказать, великой Грузии от моря и до моря, при этом, он старается принизить и даже вычеркнуть из истории целые периоды в культурно-исторической жизни отдельных кавказских народов.

Идеализируя и возвеличивая историю феодальной Грузии, П. Ингороква неоднократно подчеркивает, что в XII-XIII веках «в пределах Грузии оставался не только весь Кавказ, также к Грузии присоединены были смежные Анатолийские и иранские берега» (стр.114).

П. Ингороква, который по сути дела руководствуется пресловутой «теорией единого потока», далек от марксистского анализа исторического процесса, социально-политических условий развития Грузии рассматриваемой эпохи.

Пороки исследовательского метода П. Ингороква ярко обнаруживаются при рассмотрении, в частности, истории Абхазии античного и средневекового периода, причем, он задался целью написать целое исследование (181 страница) по поводу весьма кратких сообщений (всего несколько строк!) об Абхазии, принадлежащих грузинскому писателю X века Г. Мерчуле. Но удивительнее всего то, что даже и эти скудные сведения Мерчуле не дают никакого основания для построения концепции П. Ингороква. Следовательно, Мерчуле и его сообщения для П. Ингороква лишь повод для пропаганды его националистических воззрений.

В этой части основной идеей концепции автора является лженаучный тезис о том, что между современным абхазским народом и населением Абхазии античного и всего средневекового периода нет никакой преемственной связи. В полном противоречии с давно установленными и неопровержимыми данными науки, в том числе с работами известных грузинских ученых (акад. И. А. Джавахишвили, акад. С. Н. Джанашия, проф. А. С. Чикобава и др.), П. Ингороква силится «доказать», что древние абхазцы - абазги по своему

происхождению и языку представляют одно из «чисто грузинских племен», а современные абхазцы – пришлый элемент - не играли никакой роли в исторической жизни не только Грузии, но и самой Абхазии, поскольку, по утверждению Ингороква, «племя апсуа» (иначе он не называет современных абхазцев) появилось в Абхазии откуда-то из-за диких гор, не ранее... XVII века!

В первой публикации своей книги П. Ингороква прямо пишет, что население в Абхазии переменялось только в XVII веке, когда этот район «заняли кавказские горцы, и древние коренные насельники» - грузины - выселились или смешались «с поселившимися здесь кавказскими горцами» (см. жур. «Мнатоби», 1950, №3, стр.129). Не говоря уже о том, что подобное утверждение не содержит никакого доказательства, Ингороква лишает абхазцев даже их этнического имени, неопределенно называет их «кавказскими горцами», как это некогда делали великодержавные царские сатрапы.

При этом П. Ингороква «доказывает», что если бы абхазцы средневековья не были бы грузинами, то два разных народа - грузины и абхазцы - не могли бы совместно создать единого государства и пр. В принципе здесь П. Ингороква явно вступает в противоречие с марксистско-ленинским пониманием истории, с фактами исторической жизни многонациональных государств. В книге содержится много других измышлений.

Надо заметить, что П. Ингороква предает полному забвению даже то, что он писал не так давно - в 1941 году, когда для него было несомненным существование абхазцев как особой этнической единицы, даже подчеркивая о «большом движении и политической экспансии абхазского племени». (см. «Изв. ИЯИМК Грузинского филиала АН СССР», т. X, стр.127).

Ни, с позволения сказать, историческое обоснование указанной выше лживой «концепции», ни тем более жалкий по своему убожеству «специальный экскурс» в сторону этимологического анализа географических названий в «абхазских краях» с целью установления этнического состава населения совершенно не могут выдержать настоящей научной критики.

Достаточно сказать, что этот тенденциозный автор не находит буквально ни одного абхазского названия местности в Абхазии; причем, его «претензии» не ограничиваются пределами современной Абхазии, у него далеко идущие планы, в частности, по исторической географии

современного Черноморского побережья РСФСР, вплоть до Геленджика.

Для подтверждения своей точки зрения по вопросу о якобы чисто грузинском этническом составе населения Абхазии (и всего черноморского побережья до Геленджика) с самого начала и до...XVII века, он пытается «анализировать» старые географические названия края, причем везде и в во всем он видит, конечно, связь только «с грузинским языковым миром». П. Ингороква пишет: «все эти названия ... принадлежат к грузинскому языковому миру... Мы не найдем ни одного названия, которое объяснялось бы языком черкесской группы (т.е., следовательно, и абхазским языком – Г. Д.). Таким образом, географические названия дают совершенно определенные показания о том, кто были коренными оседлыми жителями краев Абхазии. Население краев Абхазии, как выясняется (!), с самого начала принадлежало к грузинской этнической группе...» (стр.146).

Эти произвольные и субъективистские толкования топонимических фактов, характерные для буржуазной историографии, не имеют даже отдаленного отношения к достижениям современного научного анализа; сплошь неправильные сомнительные этимологии П. Ингороква отбрасывают нас к донаучному состоянию языкознания.

Между тем, топонимика Абхазии, подтверждаемая данными языка, этнографии и исторических источников, ясно свидетельствует о том, что абхазский народ является аборигеном этого края, и служит очень важным материалом в деле научного изучения богатого прошлого этого народа. Понятно, поэтому, почему П. Ингороква так ревностно старается «уничтожить» абхазскую топонимику.

Не лучше обстоят дела у автора с историческими источниками. Он также искусственно подгоняет сведения источников, намеренно замалчивает, игнорирует или фальсифицирует многочисленные материалы, говорящие против его предвзятого тезиса, имеющие нередко решающее значение для определения этнической принадлежности абхазцев. Вот характерный пример недобросовестного обращения П. Ингороква с источниками. Для «доказательства» своего положения о том, что даже в XVII веке в Абхазии все еще отсутствуют абхазцы и абхазский язык, он ссылается на известного турецкого путешественника Евлия Челеби, побывавшего здесь в 1641 году. Но Челеби ничего подобного не говорит. Наоборот, он сообщает весьма ценные сведения, в частности, об абхазском языке,

прилагая к своей работе небольшой словарь абхазских (и убыхских) слов, который П. Ингороква по своему обыкновению обошел полным молчанием.

Вопреки субъективному, принижаящему историю абхазского народа «исследованию» П. Ингороква, хорошо известно, что «апсуа» (самоназвание народа) - это и есть те же «абхазцы» (в прошлом абазги, апсилы), которые испокон веков населяют свою родную землю - Абхазию, являясь аборигенами последней, как об этом с несомненностью говорят многочисленные фактические материалы археологии, истории, этнографии, лингвистики, фольклора и той же абхазской топонимики, так громко вопиющей против сомнительных манипуляций фальсификатора Ингороква. Поэтому, естественно, ни один исследователь никогда не сомневался в преемственной связи между современным абхазским народом и древним населением Абхазии. Вот что писал, например, акад. С. Н. Джанашия: «Предки А. (абхазов) – древние обитатели этой части кавказского Причерноморья, известные у древних греков под именем абасгов...» (БСЭ, изд. 2. т.1, стр.58).

Кроме всего прочего, если идти по пути досужих домыслов автора, то приходится полностью отвергнуть всякую связь и всякое взаимовлияние абхазского и грузинского народов вплоть до XVII-го века, в то время, как эти взаимоотношения были, как известно, самыми интенсивными с древнейших времен, т.е. он замалчивает все то, что сближает грузинский и абхазский народы, старается создать отчужденность между ними.

Дружбу между абхазским и грузинским народами злостно пытались нарушить грузинские буржуазные националисты в период антинародного меньшевистского господства. И в последующем нашлись люди, которые, выполняя коварные установки врага народа и партии Берия, пытались извратить великие принципы ленинской национальной политики и нанесли немало вреда.

В этой антинародной политике бывшего порочного руководства республики (Грузия – Ред.) книга П. Ингороква, которую ряд лет писал автор, несомненно, занимает определенное место. Не случайно, конечно, что обанкротившиеся местные гореруководители и националисты (А. Мгеладзе и др.) еще в ту пору всячески рекламировали ее, опирались на нее, как на «труд», который «научно обосновывает» проводившуюся ими, антипартийную политику. В этом

отношении характерен и тот факт, что значительная часть работы П. Ингороква в 1950 г. была перепечатана, длинными подвалами, на страницах областной газеты «Сабчота Абхазети» из журнала «Мнатоби» - органа ССП Грузии, что, кстати, является беспрецедентным в нашей газетной практике.

В последнее время под руководством и по указаниям ЦК КПСС в Абхазской АССР проводится целый ряд очень важных мероприятий по ликвидации указанных грубых нарушений советской национальной политики, и благодаря помощи ЦК КПСС и ЦК КП Грузии проводится большая работа по подъему и развитию национально-культурного строительства в республике в духе требований мудрой национальной политики нашей партии.

Тем более удивительно, что в этих условиях появляется порочный по методологии и фактическому содержанию «труд» П. Ингороква. К сожалению, и после своего выхода «сочинение» П. Ингороква не получило соответствующей оценки. Более того, антинаучная концепция П. Ингороква по кардинальным вопросам исторического прошлого абхазского народа уже нашла свое отражение в работах некоторых авторов. Наконец, 9 июля 1955 года на страницах газеты «Заря Востока» была напечатана рецензия проф. Г. С. Ахвледиани «Ценный труд по истории грузинской культуры». Рецензент, целиком разделяя антинаучную точку зрения П. Ингороква, идеализируя его ошибочную книгу, поднял на щит автора пресловутой «новой концепции», причем он не находит по существу ни единого критического слова для «капитального труда» (свыше тысячи страниц).

Наши успехи в деле осуществления советской национальной политики велики, но никогда не надо забывать, что предрассудки в национальном вопросе являются весьма живучими и они окончательно еще не преодолены. Следовательно, решительная борьба против малейшего проявления шовинизма и национализма, еще более целеустремленное воспитание трудящихся в духе пролетарского интернационализма – являются важнейшими составными частями всей политической работы партийных организаций республики.

23.12.1955 г.

КАВКАЗ ВСЕГДА ИМЕЛ СВЯЗЬ С ГРЕЦИЕЙ

«Греки пользовались симпатией со времени аргонавтов» - говорит ректор института Сухуми, депутат Г. Дзидзария.

Депутат Верховного Совета, ректор Сухумского Педагогического института, профессор Георгий Дзидзария, находящийся в Афинах вместе с другими членами Советской Парламентской делегации написал исключительно для «НЕА» нижеследующую статью в связи с возможностью посещения Греции.

Как Советский гражданин - представитель одного из народов Советского Союза, Черноморского побережья и как историк, переживаю большую радость в связи с посещением Греции – страны, народ которой внес блестящий вклад в развитие человечества.

Греция и Кавказ имеют древние связи. Начало их возникло еще в VII веке до рожества Христа. Данные о первом знакомстве древних греков с побережьем Кавказа описываются в известной всем памятнике греческой мифологии – легенде об аргонавтах Язона, достигших берегов Кавказа на своем корабле «АРГО» и прибывших к берегам Колхиды.

Почти две с половиной тысячи лет тому назад на месте сегодняшней столицы Абхазии – Сухума, греки, прибывшие из Милета, основали известный город Диоскурия, названный так в честь знаменитых братьев-близнецов Кастора и Полледевка, сподвижников Язона. Диоскурия была большим городом древности, через который происходила широкая торговля древней Греции с Кавказом.

Свидетелями широких культурных связей греков с народами Кавказа являются сохранившиеся до наших дней в Абхазии многочисленные памятники.

Абхазский народ является одним из коренных народов Кавказа, который издавна питает самые горячие чувства и симпатии к греческому народу.

Среди представителей разных национальностей, проживающих в Абхазии и сегодня, имеется немало греков, взаимоотношения между ними являются показательным примером их братства и дружбы. Рука об руку эти греки своим трудом вместе со всем народом умножают материальные и духовные богатства автономной республики Абхазии и всего Советского Союза.

Греки имеют своих представителей во всех руководящих органах

власти Абхазии - в Верховном Совете и в местных советах депутатов трудящихся. Значительная часть из них занимается сельским хозяйством и в особенности обработкой табака.

В Абхазии живут греки – рабочие, инженеры, специалисты, ученые, врачи, а также кадры во многих других видах производства.

Греческое население принимает активное участие в культурной жизни республики Абхазии. Плодотворную деятельность развивает греческий драматический коллектив в Доме народного творчества Министерства культуры Абхазии.

Пьесы древнегреческих классиков и современных драматургов показывают театральные организации или труппы и объединения Абхазии и Грузии в государственном театре Сухуми.

Большой успех имели «Медея» Еврипида, «Электра» Софокла, «Психосавато» Григория Ксенопуло, «Трихский мост» Феодора Канониди, «Требуется лжец» Дмитрия Псафаса и целый ряд других пьес, которые ставят местные театральные коллективы.

Греческая молодежь естественно имеет своих представителей и в многонациональной семье студентов Педагогического института Сухуми. Среди самых одаренных моих аспирантов находится и Николай Константириди – молодой, всесторонне развитый ученый историк, окончивший наш институт.

Мне хотелось бы говорить о том глубоком влиянии, которое имело на мое духовное воспитание изучение истории и культуры древней Греции. В моей личной библиотеке имеются многочисленные тома из трудов древнегреческих писателей, в том числе Геродота и Страбона, да и других почетных историков древности. Знаю, что это мое посещение Греции несомненно намного обогатит мои знания и впечатления об этой стране и его народе.

Язон и его аргонавты долго плавали на «Арго» пока достигли Черного моря.

Но в наш век космической быстроты все страны и континенты стали очень близкими. И во всех народах окрепло стремление и желание жить в мире и дружбе. Поэтому от всей глубины моей души я хочу пожелать народу Греции мира и счастья и сказать ему сердечные абхазские слова «Абзиара умазааит!» - «Всего доброго!»

Вот уже несколько дней нахожусь в Греции и хожу по греческой земле. Мною приобретены очень богатые впечатления. Гостеприимство изумительное. Мы встретили самый теплый прием, полное

взаимопонимание общности интересов и стремлении восстановления дружеских отношений между нашими странами и народами.

Пусть крепнет и развивается дружба между нашими странами. Пусть эта дружба станет такой прочной как неггибаемый гранит Акрополя и Дельфов и сохранится вечно, как горы Олимпа в Греции и Казбека на Кавказе.

Декабрь 1964 г.

ЧЕЛОВЕК УДИВИТЕЛЬНОЙ СУДЬБЫ*

В различные исторические эпохи в некоторых странах Ближнего Востока и Европы приобретали известность деятели абхазского происхождения. Попадали они туда в силу различных причин, среди которых особое место занимала работорговля. В период турецкого владычества, например, по выражению военного историка XIX века Р. А. Фадеева, «весь Кавказ обращен был в один невольничий рынок»¹.

Одной из самых крупных личностей этого типа был несомненно, Хайрадин ат-Туниси (Тунуслу Хайреддин-паша) (1825-1890). Это имя в свое время не сходило со страниц мировой прессы. Оно значится в энциклопедических словарях, специальных исследованиях. И знаменит его носитель, прежде всего, как выдающийся просветитель и государственный деятель Туниса XIX столетия.

Представлявший столь значительную фигуру человек, Хайрадин ат-Туниси, был сыном абхазского крестьянина² из Бамборы³ как полагают, по фамилии Нанба.

... Шел 1835 год. Три мальчика «из племени абхазов», три брата сидели, скорчившись, в углу стамбульского рынка невольников, в Топкапы. Дети боязливо прижимались друг к другу и едва осмеливались поднять глаза. Как полагает Ахмед Амин, они были похищены «не то во время налета, не то эмиграции». Двоих купили для дворца (серая) турецкого султана, а третьего – десятилетнего мальчугана – приобрел некий Тахсин-бек, «предводитель потомков пророка», который в 1840 году перепродал его дипломатическому агенту тунисского правителя (бея) Ахмеда.

Этим третьим и был будущий Хайрадин ат-Туниси. Мальчик оказался на редкость способным и настойчивым. Эти качества открыли ему дорогу к образованию, а правитель Туниса в его лице хотел подготовить «своего человека». Юноша учился в Тунисе, Стамбуле и Париже. Он изучил в совершенстве арабский, турецкий и французский языки, а свой родной абхазский, вероятно, не забывал никогда. Хайрадин – на военной службе, в 1850 году становится командиром кавалерийского полка. Тем временем он женится на дочери первого министра Туниса Мустафы Хазнадара, что делает его будущее еще более благоприятным⁴.

* Статья была написана для журнала «Вопросы истории», но отклонена редакцией. Приложения №№ 13, 14.

На формирование молодого Хайрадина как политического деятеля, несомненно, большое влияние оказал бей Ахмед (1837-1855), известный как сторонник «европеизации» Туниса. Достаточно отметить, что при нем были начаты следующие преобразования: отменено рабство, произведена реорганизация армии и флота по европейскому образцу, строятся фабрики и заводы, открыты первые в Тунисе учебные заведения европейского типа и т.д. Во внешней политике он ориентировался на Францию⁵.

В 1853 году Хайрадин был направлен в Париж, где находился до 1857 года. Здесь он основательно изучает военное дело и систему государственного управления, а также знакомится с политическими деятелями страны. Во время Крымской (Восточной) войны, в 1855 году, его направляют на театр военных действий в качестве начальника артиллерии Тунисского корпуса. В Батуме, где в это время стоял турецкий корпус, он встречается со своим братом Мухлисом, офицером этого корпуса. Как сообщает Осман-бей⁶, «оба брата признали друг друга без труда: зная, что оба абхазцы, после некоторых расспросов, они уверились в своем родстве». «Помню - продолжает турецкий офицер – как однажды Мухлис показал мне своего брата Хайреддина. Его статная фигура, с белокурой бородой и усами врезались в мою память»⁷. В 1856 году Хайрадину было пожаловано звание бригадного генерала (генерал-адъютанта).

По возвращению в Тунис Хайрадина назначают министром военно-морского флота, а через некоторое время – председателем Высшего совета (представительного собрания). Тем временем он становится во главе группы тунисских либералов и «западников», хорошо понимавших необходимость реформ и важность просвещения. Находясь на высоких постах и занимаясь широким кругом вопросов, Хайрадин проводит ряд важных реформ.

В 1857 году была обнародована «Хартия неприкосновенности...», в которой провозглашалась неприкосновенность чести, личности и имущества жителей Туниса, говорилось о равенстве всех подданных перед законом и заявлялось о полной свободе частного предпринимательства и торговли. Одновременно с этим началась реформа суда и управления. В 1860 году была построена государственная типография и начали издаваться первые тунисские книги и газеты на арабском языке. Кроме того, производится реконструкция главного порта, закладывается судовой верфь, снабженная паровой машиной, расширяются и строятся новые дороги и т. д.

Но особенно важно было то, что Хайрадин стал во главе движения за введение в стране парламентской формы правления. Он по праву считается автором первой тунисской конституции (дестур) 1861 года. Таким образом, тунисский бей стал первым конституционным монархом во всем мусульманском мире⁸.

Между тем положение Туниса резко ухудшается. Финансовое закабаление страны, хозяйственная разруха, прогрессирующий развал армии и администрации фактически означали окончательное разложение бейского режима. Хайрадин, который в 1873–1877 годах возглавлял правительство (одновременно с 1873 года, являлся председателем Международной финансовой комиссии в Тунисе), делает последнюю попытку найти выход из кризисного состояния. Проводя политику «просвещенного абсолютизма», он пытался навести порядок в стране, ввести в ней твердые законы, и компетентную администрацию.

Хайрадин не без успеха вел борьбу против всевозможных злоупотреблений, по восстановлению бюджетного равновесия и распределению между мелкими и средними землевладельцами пустующих государственных и феодальных земель. Большое внимание уделял он также развитию системы современного образования, в частности, провел реформу богословского университета аз-Зитуна и основал национальный колледж Садыкийя. Эти и другие проведенные им реформы и мероприятия подрывали основу патриархального общества⁹.

Хайрадин настойчиво доказывал необходимость для страны широкого усвоения достижений западной цивилизации, в частности, в области научно-технического прогресса. Отстаивая принципы конституционного правления и свободу личности, он утверждал, что они не противоречат основам мусульманского права. Правителей колониальных держав Хайрадин упрекал в том, что они препятствуют проведению реформ в странах мусульманского мира¹⁰.

Эти взгляды Хайрадина нашли отражение в его сочинении о политическом устройстве европейских стран, вышедшем в Тунисе в 1867 году на арабском языке («Внешний путь знания о положении стран») и в Париже в 1868 году на французском («Реформы, необходимые для государств мусульман»). Книга состоит из «Предисловия» и «Истории». «Предисловие» было переведено на турецкий к другим языкам. В нем автор исследовал состояние

мусульманских стран, причины их упадка и пути реформ. В «Истории» излагается состояние европейских государств (армия, финансовые дела, государственное устройство, формы правления и т.д.), а также дается географическое описание этих стран. Книга вызвала большой общественный резонанс¹¹.

Надо сказать, что в формировании политических воззрений Хайрадина особенную роль сыграло его длительное путешествие в качестве посланника тунисского правителя по европейским странам (Франция, Германия, Дания, Бельгия).

По отношению к дипломатическим представителям иностранных государств в Тунисе Хайрадин придерживался твердой позиции, решительно отвергая их необоснованные требования¹². Он стремился упрочить и упорядочить отношения между Турцией и признававшим суверенитет её султана Тунисом (добился издания фирмана, определявшего эти отношения)¹³.

Реформаторская деятельность Хайрадина, как и следовало ожидать, вызвала сильную оппозицию со стороны реакционных кругов во главе с тогдашним беём Мухаммедом ас-Садоком. Кстати, расточительная политика этого незадачливого правителя настолько обременяла страну долгами (общая их сумма достигала 275 млн. франков), что вызвала, несколько восстаний, особенно в 1864 году¹⁴. В 1877 году Хайрадин был вынужден уйти в отставку.

Эта политическая борьба имела свою историю. Уже однажды, а именно в 1862 году Хайрадин заявлял о своем уходе. Ахмед Амин в указанной своей книге приводит сказанное тогда Хайрадином следующие слова: «Я хотел вести дела в духе справедливости и искренности... Я не хотел, цепляясь за должность обманывать свою родину, которая усыновила меня. Я увидел, что бей и его полномочный министр «стремятся только оправдать законодательным путем свои незаконные действия»¹⁵. Хайрадин, уже решил было вернуться к «частной жизни» и заняться «сочинением книг». Однако тогда бей вынужден был просить его вернуться, и он уступил¹⁶.

Но в 1877 году Хайрадин не просто ушел в отставку. Он оказался в сильнейшей опале, фактически под домашним арестом. Падение Хайрадина, пытавшегося опереться, на поддержку Турции, означало вместе с тем и конец независимости Туниса. Его судьба фактически была решена на заключительной стадии Берлинского конгресса 1878 года, когда Англия и Германия предоставили Франции полную свободу

действий в Тунисе, а в 1881 году французские войска оккупировали страну и навязали бею кабальный договор»¹⁷.

Хайрадин провел «несколько мрачных лет». Получив, наконец, разрешение, он совершает новую поездку в Европу. Однако он и здесь «не нашел успокоения». В это столь критическое для Хайрадина время его приглашают на службу в Стамбул. После долгих колебаний и переговоров с европейскими консулами в Тунисе, бей дал согласие на выезд. «Очень может быть, – писал Осман-бей по этому поводу, – что его братья приготовили ему хороший прием и обеспечили ему поддержку в серале»¹⁸.

В декабре 1878 года Хайрадин, выступающий теперь как Тунуслу Хайрадин-паша, побывав за короткий срок на разных высших должностях (сенатор, мушир, член государственного совета, министр без портфеля) и будучи дивизионным генералом, становится великим визирем, т. е. главой правительства Османской империи.

Это было время, когда Турция, давно раздираемая глубокими внутренними противоречиями и, превращаясь постепенно в полуколонию империалистических держав, переживала один из труднейших периодов своей истории. Хайрадин-паша оказался в центре чрезвычайно сложных политических событий в Турции.

Газета «Русский инвалид» 26 октября 1878 года сообщала: «По сведениям «Национальной газеты», наиболее выдающейся личностью в политических сферах Константинополя служит в настоящее время... Хайрадин-паша... Англия старается доставить Хайреддину пост министра юстиции, «чтобы провести через него свою программу реформ в ведомстве юстиции». Венская газета уведомяла: «После кратковременного охлаждения между ним (Хайрадином - Г. Д.) и султаном, он снова попал в милость к нему и переехал с семейством своим, прибывшим из Туниса, в один из Яли или летних дворцов султана в Курчесме на европейском берегу Босфора»¹⁹.

Вообще в это время пресса часто писала об этой «выдающейся личности» Турции. Так, например, 9 декабря 1878 года из Стамбула агентству Рейтер телеграфировали: «Великий визирь Хайрадин-паша выразил сербскому посланнику Христичу желание Порты завести более дружественные сношения с княжеством»²⁰. Вот еще некоторые другие сообщения петербургской газеты «Голос» за 1879 год. Между султаном и Хайрадин-пашой «возникли разногласия», вызванные сущностью политической программой последнего²¹. Этой

программе было оказано «большое противодействие». Хайрадин-паша даже отклонил программу султана²².

Один из аспектов программы Хайрадина, как уже отмечалось, сводился к установлению конституционного управления, поскольку, писал он, «суверены подвержены ... слабостям человеческой природы»²³. Однако либеральный реформатор при этом ограничивался лишь требованием контроля действий монарха высшими сановниками, не затрагивая, таким образом, основ государственного и политического строя страны²⁴. К этому следует добавить, что Хайрадин был сторонником политической организации «новые османы»²⁵, подготовившей почву для провозглашения конституции Турции в 1876 году, но ликвидированной реакцией спустя два года²⁶. Не случайно в его оппозиции к «кровоавому султану» Абдул-Хамиду II современники усматривали стремление великого визиря «применить на практике правительственную систему» своего предшественника, известного государственного деятеля, одного из лидеров младоосманов Ахмета Мидхат-паши, стоявшего во главе борьбы за первую турецкую конституцию. Мидхат-паша и «новые османы», как известно выражали интересы турецких либеральных помещиков и нарождавшейся буржуазии. Они боролись против султанского абсолютизма, прежде всего во имя предотвращения гибели Османской империи²⁷.

В условиях установления в стране режима феодальной реакции («зулюм»), связанной с именем того же Абдул-Хамида II, было неизбежно второе и окончательное падение Хайрадина. Объясняя по своему этот факт А. Амин пишет: «Хайрадин был в конце концов смещен со своего поста из-за своей прямоты и твердости, а также потому, что он не хотел покорно выполнять волю султана и нести ответственность за решения султана, а не за свои собственные решения»²⁸. Причем против Хайрадина-паши ополчились и религиозные деятели, которых он «не любил за их вмешательство в политические дела, в которых они ничего не смыслили»²⁹.

После этого Хайрадин занимал различные должности, но никогда более не появлялся на активной политической арене. Он гордо отказался даже от предложенного ему пенсионера³⁰.

Умер Хайрадин в Стамбуле в возрасте около 65 лет и похоронен в мечети Айюба³¹.

Усилия Хайрадина ат-Туниси, направленные на модернизацию восточно-феодального общества путем умеренных реформ, по-видимому,

в целом принесли незначительный результат. Однако в Тунисе, где он трудился почти всю свою жизнь, сохранились некоторые учрежденные им институты, выдвинутые им идеи, люди, которые продолжили его дело. В середине 80-х годов XIX в. среди представителей новой тунисской интеллигенции возникла мысль о создании газеты, которая руководствовалась бы идеями Хайрадинна и Кабаду, пропагандируя светские знания, достижения европейской цивилизации³².

Несколько иначе сложилась судьба братьев Хайрадинна. О них к сожалению, известно гораздо меньше, хотя они заслуживают внимания. Попав во дворец турецкого султана Махмуда II, они сделались прислужниками его сыновей, будущих султанов Абдул-Меджида и Абдул-Азиза. Один из них получил имя Яверь, а другой - Мухлис. Когда они подросли, каждый согласно своим склонностям и вкусам, избрал себе карьеру.

Яверь посвятил себя изучению музыки, драматического и циркового искусства. Как отмечал Осман-бей, «благодаря своим необыкновенным способностям», он сделался «известным артистом, был превосходным актером и появлялся в цирке акробатом и наездником», а также «играл на всех инструментах». Все эти качества сделали Яверь-бея, говоря словами того же автора, «человеком известным, придворным львом ... султан был только номинальным владельцем сераля, а Яверь-бей распоряжался всем, как полный господин»³³.

Мухлис, младший из братьев, сначала участвовал в музыкальном хоре сераля, откуда вышел в 1855 году с чином полкового адъютанта. В связи с Крымской войной его направили в действующую армию. Как уже отмечалось, в Батуме, «недалеко от своего места рождения», Мухлис встречается со своим братом Хайрадином. Он дослужился до чина генерала и получил почетный титул паши, который в то время в Османской империи удостаивались генералы и министры³⁴.

Так, сыну абхазского крестьянина Хайрадину ат-Туниси, природное имя которого, быть может, какой-нибудь Гедлач или Мазлоу Нанба, суждено было сыграть выдающуюся прогрессивную роль в истории Туниса и частично Турции XIX века, в борьбе за демократизацию жизни этих стран.

Сухум, 3.05.1979 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Р. А. Фадеев*. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис. 1860. стр. 17.

² На абхазское происхождение Хайрадина ат-Туниси ясно указывает знавший его лично турецкий офицер Осман-бей, который писал: «Хайрадин-паша ... родом абхазец; он уроженец Бамбури (Бамбора.- Г. Д.), местности соседней с Сухумом» (Осман-беи. Биография Хайрадин-паши.- «Новое время», 25 ноября 1878 г., № 989. См. также его статью «Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе». – «Кавказский сборник», т. II, 1877, с. 187). Это отмечает и арабский автор Ахмед Амин: «Хайрадин черкес по происхождению из рода абаза», т.е. абхазов (*А. Амин*. Выдающиеся реформаторы в новое время. Каир. 1948, стр. 147, на арабском языке). Вообще же в литературе он известен как «настоящий черкес» по происхождению, но это – дань традиции Ближнего Востока, дело в том, что здесь представителей многих кавказских народов, в том числе и абхазов, именуют этим этническим названием. Следовательно, слово «черкес» в этом случае выступает скорее как собирательный термин «кавказец».

³ Бамбора - ныне поселок обширного села Лыхны, непосредственно примыкающего к г. Гудаута (Абхазская АССР). На её территории в первой половине XIX века находились главное военное укрепление и центр военной администрации царизма в Абхазии. Вместе с тем Бамбора, «славившаяся» сыростью климата и злокачественной малярией, явилась местом ссылки для многих декабристов (*А. А. Фок, С. Н. Кривцов, В. С. Норов* и др.).

⁴ *А. Амин*. Выдающиеся реформаторы в новое время. Каир. 1948 стр. 154.

⁵ *Н. А. Иванов*. Тунис в новое время. – «Тунис» (справочник). М., 1978, стр. 68; В. В - в. «Тунис».~ Энциклопедический словарь *Ф.А. Брокгауза и И. А. Ефрона*, т. XXXIV. стр. 72.

⁶ Осман-бей был сослуживцем Мухлиса; его отец, Кепризли Магомед-паша, одно время являлся великим визирем Турции.

⁷ *Осман-бей*. Биография Хайрадин-паши.

⁸ *Н. А. Иванов*. Указ. соч. стр. 68-69; *А. Амин*. Указ. соч. стр. 157; *З. И. Левин*. Хайрадин ат-Туниси. СИЭ. т. 15. стр. 490.

⁹ *Н. А. Иванов*. Указ. соч. стр. 70.

¹⁰ *Ю. А. Петрян*. Из истории общественно-политической мысли в Турции. – «Краткие сообщения института народов Азии». М., 1964,

№ 71, стр. 91-93; **З. И. Левин.** Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М., 1972, стр. 193.

¹¹ **З. И. Левин.** Хайрадин ат-Туниси. - СИЭ, т.15, стр. 489; **А. Амин.** Указ. соч., стр. 166.

¹² **А. Амин.** Указ. соч. стр. 169.

¹³ *Там же*, стр. 172.

¹⁴ **В. В-в.** Указ. соч. стр. 72.

¹⁵ **А. Амин.** Указ. соч., стр. 159.

¹⁶ *Там же*, стр. 166-167.

¹⁷ **Н. А. Иванов.** Указ соч. стр. 70.

¹⁸ **Осман-бей.** Биография Хайрадина-паши.

¹⁹ Цит. по: газ. «Голос», 3(15) декабря 1878г., №334.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, 25 июля 1879 г., №204.

²² Там же, 22 июля 1879г., № 201.

²³ Цит. по: **Ю. А. Петросян.** Указ. соч. стр. 91.

²⁴ *Там же*, стр. 93.

²⁵ *Там же*, стр. 91.

²⁶ «Голос», 20 июля 1879 г., № 199.

²⁷ **И. Е. Фадеева.** Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977.

²⁸ **А. Амин.** Указ. соч., стр. 184.

²⁹ *Там же.*

³⁰ «Голос», 31 июля 1879 г., №210.

³¹ **А. Амин.** Указ. соч. стр. 185.

³² **З. И. Левин.** Развитие основанных течений..., М. 1972. стр. 48, 71, 254.

³³ **Осман-бей.** Биография Хейрадин-паши.

³⁴ *Там же.*

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ АБХАЗИИ И АДЖАРИИ

Дружеские взаимоотношения между абхазским народом и населением братской Аджарии существуют издавна и на наших глазах все больше и больше крепнут и развиваются, о чем свидетельствуют многочисленные факты. Обратимся к прошлому.

Как известно, 60-70-е годы XIX в. в истории Абхазии – время весьма тревожное. Оно связано, прежде всего, с трагическим переселением значительной части абхазского населения в султанскую Турцию. Многие из них, умирающие от голода и болезней, оказались тогда в Батуми и его окрестностях. Документы говорят о «всеобщем сочувствии» к ним аджарского населения, благодаря чему была спасена не одна абхазская жизнь.

В результате указанной эмиграции значительное количество абхазов осело в Аджарии, где оно нашло свою вторую родину. Мы рады, что сегодня потомки тех махаджиров принимают самое активное участие в процветании братской Аджарской автономной республики.

Мы также безгранично рады, что в рядах борцов за эту новую Аджарию были и сыны Абхазии, а сыны Аджарии – за Советскую Абхазию.

Еще на заре XX века в Абхазии создается социал-демократическая организация под названием «Сухумская группа Батумского Комитета РСДРП». А в революционных событиях Батуми тех лет активное участие принимали Басят Агрба и другие абхазские революционеры.

Известна также роль Хашима Смырба из сел. Махмудиа, в избушке которого в 1902 году И.В. Сталиным была организована подпольная типография.

Наш славный соотечественник Нестор Лакоба, известный в истории Коммунистической партии как один из активных правдивов, вступил в партию в 1912 году в Батуми, где затем он по заданию местной партийной организации вел среди рабочих и крестьян Аджарии пропагандистскую работу, распространял революционную нелегальную литературу и т.д.

С именем Н.А. Лакоба связан еще один примечательный факт из истории Аджарской партийной организации. В 1919-1920 годах он входил в состав тройки, выделенной Кавбюро ЦК РКП (б) для руководства нелегальной партийной организацией в Батумской области.

Вместе с ним здесь работали К. Инал-ипа, М. Лакоба, З. Бения, Х. Джикирба и другие абхазские революционеры.

По заданию Нестора Лакоба летом 1920 года в Абхазию приезжали представители Батумской партийной организации А. Сургуладзе и Г. Джибладзе для выяснения состояния местных партийных организаций и возможности поднятия восстания.

Известные абхазские революционеры Василий и Алексей Агрба, сидевшие в Батумской тюрьме, принимали активное участие в установлении Советской власти в Аджарии в марте 1921 года.

Другой наш замечательный революционер и государственный деятель Е.А. Эшба в 1922 году, будучи секретарем ЦК КП Грузии, некоторое время работал в Аджарии, и, как известно, I Аджарская областная партийная конференция прошла под его непосредственным руководством.

2.07. 1971 г.

РАЗДЕЛ II

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОБЪЕДИНЕННОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ АКАДЕМИИ НАУК АЗАРБАЙДЖАНСКОЙ ССР, АРМЯНСКОЙ ССР, ГРУЗИНСКОЙ ССР, ПОСВЯЩЕННОЙ 50-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.

Народы Советского Союза и все прогрессивное человечество в 1955 году отмечают пятидесятилетие русской революции 1905-1907 гг., первой революции эпохи империализма.

На всем протяжении революции плечом к плечу с русским пролетариатом и крестьянством боролись против своих общих врагов и рабочие, и крестьяне национальных районов царской России. Ликвидация национально-колониального гнета, наряду с ликвидацией всех крепостнических пережитков, составляла одну из основных задач первой русской революции. Разрешить эту задачу мог только боевой союз всех народов России.

Разработанная В. И. Лениным программа по национальному вопросу воспитывала многонациональный пролетариат России в духе классовой солидарности и пролетарского интернационализма.

Важной задачей советской исторической науки является то, что, не ограничиваясь исследованием событий в центральных районах страны, она должна освещать ход первой русской революции на национальных окраинах, исследуя эти процессы в тесной связи с общероссийскими событиями; должна показать, как выковывалось интернациональное единство трудящихся всех народов России, как они сплачивались вокруг русского пролетариата. В этом направлении советскими историками достигнуты серьезные успехи.

Ставя своей целью внести посильную лепту в разрешение этой задачи советских исследователей Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР разрабатывал ряд вопросов, связанных с событиями в Абхазии в период русской революции, а в настоящее время издает сборник «Из истории революционных событий в Абхазии в 1905-1907 гг.»...

Экономический кризис в России в начале XX века нашел свое отражение и в Абхазии. Полностью были прекращены всякие разведочные работы в Ткварчале, сократилось производство полукустарных предприятий, относительно крупный лесопильный завод Максимова на Кодоре работал с перебоями.

Сельское хозяйство Абхазии в начале 1900-х годов находилось в тяжелом положении. «Население не имеет возможности ни приобретать необходимые ему продукты, ни сбывать продукты собственного производства», – читаем в корреспонденции из Абхазии, помещенной в газете «Кавказ» в мае 1905 года.

Акцизные правила 1900 г. значительно ограничили производство крестьянами вина домашним способом из отходов винограда и фруктов. Тем самым крестьяне были лишены значительного дохода. Они платили в 6 раз больше налогов, чем помещики, хотя земли у них было значительно меньше.

Число промышленных рабочих в Абхазии было невелико. В 1905-1907 гг. их было всего 1.030 человек. Самым крупным предприятием был завод Максимова, на котором работало свыше 100 рабочих, не считая занятых на лесосплаве.

Тем не менее, именно эти немногочисленные рабочие кадры были основой для революционной пропаганды, развернутой здесь большевиками, и повели за собой, под руководством Коммунистической партии, значительную часть трудового крестьянства и городской мелкой буржуазии в эпоху революции 1905-1907 гг.

Социал-демократическая организация в Абхазии оформилась в 1902-1903 гг. Возникновение ее было связано, во-первых, с общим подъемом революционного движения, во-вторых, с приездом в Сухум пламенного революционера А. Цулукидзе. Он связал сухумских социал-демократов с Батумским комитетом РСДРП, в результате чего оформилась в 1903 г. как «Сухумская группа Батумского комитета РСДРП». Вместе с тем для организации революционного движения и объединения социал-демократов и их кружков, в Сочи был направлен в 1903 году из Тифлиса Кавказским Союзным Комитетом РСДРП А. Гватуа. В начале 1904 года из Батуми в Сочи был направлен также представитель Батумского комитета РСДРП Н. Коняев для оказания практической помощи местным социал-демократам. Гватуа и Коняеву удалось объединить всех демократов округа и в 1904 году создать

Сочинскую группу Батумского комитета РСДРП. Сочинская группа получала помощь и руководство также со стороны Черноморского комитета РСДРП.

В эпоху революции 1905 года большевики Абхазии работали под руководством возглавляемого И. В. Сталиным Кавказского союзного комитета РСДРП, поддерживая постоянную связь с большевиками Батуми и других городов и районов Западной Грузии. Нарастание революционного движения в Петербурге, в Москве и других крупнейших центрах России оказывало свое могучее влияние на подъем революционного настроения абхазских трудящихся.

Расстрел рабочих в Петербурге 9 января 1905 года вызвал волну возмущения по всему Закавказью. В Сухуме, после проведенной 20 января по призыву большевиков забастовки протеста, участились стачки и демонстрации по всей Абхазии.

Происходит ряд массовых революционных выступлений рабочих и ремесленников Сухума, рабочих Кодорского лесопильного завода и других предприятий истроек Абхазии.

Под влиянием рабочих в революционное движение вовлекаются и широкие слои трудящихся деревни. Крестьяне отказываются платить арендную плату помещикам, нападают на стражников, помещичьи усадьбы, поджигают сельские управления и вооружаются.

В мае в Сухуме происходит крупная стачка, сопровождающаяся стычками с полицией. Тогда же забастовали рабочие помещичьих имений, расположенных около Сухума. Забастовка была поддержана всеобщей стачкой рабочих города. Происходили волнения и в войсках. Волнения в Сухумском полку, начавшиеся в июле 1905 года, продолжались вплоть до осени, когда они приобрели особенно большой размах.

Летние выступления солдат сухумского полка столь сильно взволновали царскую администрацию Кавказа, что заведующий полицией на Кавказе ген. Ширинкин опасался даже такого успеха, какой выявился в восстании моряков на броненосце «Потемкин».

В момент восстания на броненосце администрация Кавказа пережила особый страх, опасаясь, что это восстание окажет непосредственное революционизирующее влияние вообще на трудящихся Абхазии. Выражалось даже опасение, что восставший броненосец может зайти в Гагры. В обоснование этого предположения в официальной газете «Кавказ» от 28 июня 1905 г. приводилось

следующее: «Во-первых, часть морской команды в Гаграх состоит из матросов с этого броненосца¹, а во-вторых, Климатической станцией только что было получено 1900 пудов каменного угля».

Царская администрация опасалась за Гагры в связи с восстанием на броненосце «Потемкин» не только по этим соображениям, но и потому, что в Гаграх само по себе революционное движение трудящихся приобретает летом 1905 г. большой размах.

Революционной борьбой рабочих и крестьян Абхазии руководили большевики, во главе которых стал с сентября 1905 года Г. К. Орджоникидзе. Он приехал в Абхазию на партийную работу 19-летним юношей после окончания Тифлисской фельдшерской школы. К этому времени в Тифлисе он прошел большую школу партийной работы и революционной борьбы.

В Абхазии Г. К. Орджоникидзе устроился на работу фельдшером в Гудаутскую больницу. Перед отъездом к месту работы Григорий Константинович пробыл некоторое время в Сухуме. Здесь он установил связи с местными большевиками. Тогда же Г. К. Орджоникидзе поставил задачу расширения в Абхазии социал-демократической пропаганды, что означало усиление большевистских идей. Эту задачу Григорий Константинович начинает практически осуществлять в Гудаутах. Здесь Г. К. Орджоникидзе быстро сближается с трудящимися участка, в чем во многом помогала его работа в больнице, где ему доводилось встречаться со многими людьми, и почти безопасно мог устанавливать необходимые связи.

Выполняя обязанности больничного фельдшера, Григорий Константинович развернул большую агитационно-пропагандистскую деятельность. Говоря об этой своей работе, Г. К. Орджоникидзе однажды образно заметил, что он лечил «большой частью здоровых, нежели больных». В результате энергичной деятельности Г. К. Орджоникидзе в Гудаутах вскоре была создана социал-демократическая большевистская группа, которая устанавливает связи с сухумской и гагрской организациями, а также с комитетами в Поти и Батуме.

Налаживая партийные связи, ведя агитацию и пропаганду, Г. К. Орджоникидзе в начале своего пребывания в Гудаутах выступает в качестве организатора стачечной борьбы трудящихся.

18-го октября 1905 г. трудящиеся Абхазии примкнули к Всероссийской октябрьской стачке. После объявления манифеста 17 октября революционное движение продолжало развиваться. 20 октября начальник

Сухумского округа телеграфировал начальнику полиции на Кавказе: «Доношу, что, несмотря на объявленный высочайший манифест 17 октября, социал-демократическая партия не пожелала успокоиться, совершая по городу (Сухуму) демонстративные шествия с флагами, требует непосредственного демократического образа правления».

В Сухуме шли митинги и демонстрации, был организован «Народный суд», объявлен бойкот старой цензовой городской думе; начальник Гудаутского участка был изгнан, то же самое было и в Самурзаканском участке; организовывались революционные крестьянские комитеты; революционное движение стало все больше распространяться и на войска, расположенные в Абхазии. Шла энергичная подготовка к вооруженному восстанию против царизма, организовались красные сотни, в Абхазию нелегально доставлялось оружие. Активнейшее руководящее участие в подготовке к вооруженному восстанию принимал Г. К. Орджоникидзе.

Поражение вооруженного восстания в Москве и других городах России вызвало наступление контрреволюции также и в Закавказье.

В декабре 1905 г. Абхазия была объявлена на положении «усиленной охраны», начались массовые аресты, в городах и деревнях начали действовать карательные отряды, в помощь которым местные князья и дворяне организовали особые дворянские сотни. Поражению революции значительно содействовали меньшевики, которые поддерживали буржуазию и были против вооруженной борьбы с царизмом. Пользуясь влиянием среди мелкой буржуазии и наиболее отсталых слоев пролетариата Сухума, меньшевики срывали подготовку к вооруженному восстанию, призывали к соглашению с буржуазией и помещиками, отказывались от развития стачечной борьбы.

24 декабря (ст. ст.) 1905 г. около селения Бамборы Гудаутского участка был арестован при разгрузке оружия Г. К. Орджоникидзе, который в 1906 г. находился в заключении в Сухумской тюрьме.

Однако революционное движение продолжалось. 28 декабря 1905 года вспыхнуло вооруженное восстание в Сочи, а еще раньше в деревнях. На помощь повстанцам Сочинского округа пришли отряды грузинских и абхазских красносотенцев. Революционное движение в Абхазии оказывало непосредственное влияние на революционное движение в Сочинском округе. В первый же день восстания повстанцы нанесли сокрушительный удар военным силам царизма. После трехдневных боев, 1 января 1906 года, повстанцам сдался объединенный гарнизон войсковой части, городских и стражников. В первый же день восстания

была уничтожена государственная машина, и власть полностью перешла в руки Совета рабочих депутатов, который объявил Сочинский округ – Сочинской демократической республикой.

Революционная власть в Сочи просуществовала до 5 января 1906 года. Она оказалась подавленной крупной военной силой. Большевики от наступления перешли к обороне. Созданный Штаб обороны переехал из Сочи в Хосту и продолжал борьбу с царскими войсками. Революционная власть в деревнях округа продержалась до конца февраля 1906 г., после чего наступила реакция. Начались репрессии.

Революционное движение в Абхазии и в Сочинском округе продолжалось и в 1906-1907 гг. Надо особо отметить празднование 1-го мая 1907 года в Абхазии, проведенное сухумским пролетариатом под руководством Сухумской группы Батумского комитета РСДРП.

Из всего сказанного видно, что события в Абхазии в эпоху первой русской революции были неразрывной частью революционного движения по всей России.

Совершенно ясно, что события, имевшие место в какой-либо части Закавказского края, не могут быть изучены изолированно, без учета их органических связей с событиями в Закавказском и Всероссийском масштабах, без показа общего фона.

Поэтому работа по изучению истории 1905-1907 гг. в наших Закавказских республиках должна быть тесно увязана. Нельзя не отметить факт, что на сегодняшний день мы, к сожалению, не имеем еще монографии или специального сборника по истории революционных событий в Закавказье в целом в период первой русской революции.

Тбилиси, 1955 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОТКРЫТИИ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ЭПОСА НАРОДОВ КАВКАЗА «НАРТЫ»

Товарищи! Прежде всего, позвольте мне от имени научной и всей интеллигенции нашей республики приветствовать участников научной конференции, посвященной проблемам изучения нартского эпоса – большого художественного и исторического значения памятника глубокой древности народов Кавказа.

Отрадно отметить, что широкая общественность Абхазии с большим интересом следит за работой конференции, которая проходит, и я это хочу отметить с большим удовлетворением, весьма плодотворно. Такое огромное внимание и такое исключительно ответственное отношение к настоящей научной конференции вполне естественно.

Нартский эпос – бессмертное творение, драгоценнейшая сокровищница кавказских народов, заслуженно пользующееся мировой славой. Поэтому каждый новый серьезный шаг в фактическом и теоретическом изучении этой энциклопедии народной мудрости имеет огромное значение для науки. И мы глубоко убеждены в громком резонансе данного высокого совещания, в большой научной значимости результатов его работы.

Нам представляется, что и сам факт проведения Всесоюзной нартологической конференции в столице Абхазии, и научно обоснованные выводы докладчиков и других участников-кавказоведов, не говоря уже о значительной предшествовавшей работе, в частности, о выходе в Москве в 1962 году абхазского нартского эпоса под названием «Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев», не оставляет сомнения в существовании самостоятельного абхазского центра формирования нартских сказаний, которые народ по праву считает золотым фондом своей духовной культуры.

Героический абхазский нартский эпос, принадлежащий к числу древнейших и широко распространенных эпических произведений, – величайшее явление в истории культуры нашего народа. Это обстоятельство ставит перед специалистами очень серьезную задачу. И не только в смысле создания новых работ, глубоко анализирующих эпос, но и в смысле широкой организации дальнейшего сбора, изучения и публикации разнообразных вариантов сказаний о нартах-богатырях.

В этом исключительно важном деле надо спешить, ибо число талантливых сказителей старшего поколения, которые бережно хранят в своей феноменальной памяти сокровища нартского эпоса, с каждым годом, естественно, становится все меньше и меньше.

Надо ясно сознавать, что абхазские нартские легенды, которые нам известны в настоящее время, это относительно незначительная доля того большего целого, что некогда бытовало в народе, хотя, тем не менее, эпос и сохранил свою основу.

Многое из нартского эпоса безвозвратно унесено временем, немало же – темными водами моря на тот, чужой берег. Как известно, всего

мене ста лет тому назад, в силу исключительно неблагоприятных исторических условий, большая часть абхазского населения, насильственно вырванная из родной почвы, очутилась на территории султанской Турции.

В результате этой народной трагедии опустела, например, вся центральная этнографическая полоса Абхазии, причем самая густонаселенная и наиболее развитая в социально-экономическом отношении. На огромной территории от Гумисты до Кодора и от морского берега до Главного Кавказского хребта, говоря словами академика Н. Я. Марра, «остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского».

И люди, вынужденно покидая любимую родину, идеей защиты которой так сильно пронизан веками создаваемый нартский эпос, увезли с собой не только горсть родной земли в сыромятных кожаных мешках, чтобы с ней лечь в могилу на чужой земле, но и частицу духовной культуры, чтобы постоянно впитывать ее аромат.

Этот «духовный багаж», жестокой судьбой переброшенный по ту сторону моря, как видно еще сохраняется. Разве французский ученый Жорж Дюмезиль не нашел недавно у убыхов новые весьма интересные варианты нартских преданий?

Это и понятно. Махаджиры, несмотря на все тяготы жизни под чужим небом, сохраняют свое национальное самосознание. В подтверждение я позволю себе сослаться на следующие факты. Летом 1918 года, в период господства буржуазно-меньшевистской диктатуры в крае, абхазские князья и дворяне спровоцировали высадку в нынешнем Очамчирском районе отряда махаджиров, который, однако, вскоре вынужден был удалиться обратно. Один из рядовых махаджиров, выступая перед крестьянами на сходе в селении Джгерда, заявил: «Мы никогда не допустим того, чтобы мы, махаджиры, могли повредить своей (абхазской) нации, своему народу; в случае же, если наш народ нас не примет, то мы имеем право надеяться, что нас отправят обратно в деспотическую страну – Турцию».

В 1925 году 700 абхазов, за три года до этого изгнанных из Турции в Грецию, обратились с письмом в Совнарком Абхазии, в котором говорилось: «Всегда, еще в Турции, все наши взоры, стремления были обращены к родным аулам Абхазии... Но было не время. Был старый строй, не желавший нашего возвращения к родным горам. Теперь Абхазия свободна и живет своей жизнью, и нас, волей судьбы

заброшенных в чужие места абхазцев, более чем когда-либо тянет к свободным горам, к родным семьям, к братьям абхазцам. Все мы, абхазцы... воодушевлены одной общей идеей и мечтой: служить свободному абхазскому народу... Просим разрешить возвратиться с семьями в родные аулы свободной Абхазии».

Сейчас развитие мировой истории идет к тому, что недалеко то время, когда и те нарты, которые превратностью судьбы очутились на чужой земле, является объектом углубленного исследования советских ученых...

Не приходится уже говорить о большом историко-познавательном значении нартских преданий. На примере нартского эпоса можно хорошо проследить характер устной словесности и его значение для историков.

Как известно, устная словесность, вообще, существовавшая у всех народов, является древнейшей формой передачи исторических сведений. В ряде случаев, например, мифы для древнейших эпох были едва ли не единственным историческим источником. О том, какое огромное значение для исторической науки имеет мифология достаточно свидетельствует роль материалов греческой мифологии в открытии существования матриархата, материнского права, как определенной стадии общественного развития.

Не имея письменности, абхазы на протяжении тысячелетий свой эпический талант, свои думы и чаяния выражали именно в устном творчестве, а особенно ярко – в героическом нартском эпосе.

Поэтому научное изучение нартской проблемы дает возможность осветить многие культурно-исторические и этногенетические вопросы.

В абхазском нартском эпосе в обобщенно-художественной, нередко фантастической форме отображены естественные и исторические процессы реального бытия, правдивая картина исторического прошлого создавшего его народа. В нем запечатлены разные периоды социально-экономического и культурного развития народа, начиная с эпохи военной демократии и вплоть до становления и развития феодальных классовых отношений. Эпос ясно свидетельствует, в частности, об аборегенности и этнической самобытности абхазов.

Нартский эпос, в котором довольно отчетливо отражены хозяйственный и общественный уклад и другие стороны жизни народа, несомненно, является важным источником для исследователей не только ранней, но и более поздней стадии его развития.

В самом деле, сколько-нибудь углубленно изучая, например, вопросы истории народного хозяйства Абхазии любой прошлой эпохи, нельзя не обращаться к нартскому эпосу. Ведь нарты ведут насыщенное и довольно многогранное хозяйство. Они успешно занимаются скотоводством, пашенным земледелием, виноградарством и виноделием, ремеслом, охотой, пчеловодством.

Можно ли после этого сомневаться в том, что, скажем, виноград в нашем крае является древнейшей культурой? А хозяйственные орудия и предметы вооружения, вышедшие из под могучего молота «нартского кузнеца» (Айнар-жий), представляют для нас большой интерес при изучении домашних промыслов и ремесла и других отраслей хозяйства, а так же вопросов истории военного и спортивного дела. Не забудем также великую труженицу Сотаней-Гуаша - искуснейшую пряжу и мастерицу.

В нартском эпосе война имеет существенное значение, ибо быт нартов пронизан героикой боевой жизни. Но в основном суровые богатыри воюют для реальных возвышенных целей – защищают свою родину и народ от врагов. Словом, нартский эпос, органически связанный с судьбами народа, ярко выражает национальное самосознание народа, его борьбу общественного значения. Именно в такой борьбе абхазский народ и сохранил свой язык, памятники своей бесписьменной, самобытной культуры.

Таким образом, нартский эпос - исторический источник первостепенного значения. Этот замечательный памятник устного народного творчества, помимо литературно-художественного значения, представляет собой бесценный материал в руках исследователей многовековой истории абхазского народа, особенно тех периодов, по которым мало или вовсе отсутствуют письменные источники или памятники материальной культуры.

Однако, к сожалению, под таким углом зрения, во всяком случае, в широком плане, нартский эпос, эта, – как хорошо сказал профессор В. Г. Базанов, – история, написанная самим народом, в нашей литературе еще не изучен. Надо полагать, что этот досадный пробел будет восполнен в недалеком будущем.

Нартский эпос -- общее достояние многих коренных народов Кавказа, их выдающееся и самое популярное устно-поэтическое произведение. Это свидетельствует о творческом взаимовлиянии культуры и искусства этих народов, о древности и прочности их дружественных общений.

Заканчивая свое краткое выступление, хочу еще раз пожелать нашим неутомимым исследователям новых больших творческих успехов, блестящего решения всех проблем знаменитого нартского эпоса.

Сухум, ноябрь 1963 г.

ДОКЛАД НА ЮБИЛЕЙНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 50-ЛЕТИЮ АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА

Дорогие товарищи, друзья! Позвольте мне от имени и по поручению коллектива Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР выразить глубокую благодарность всем, кто сегодня с нами разделяет нашу большую радость в связи с 50-летием института. Особая благодарность нашим дорогим гостям и коллегам, приехавшим к нам из разных городов и научных центров страны. Это обстоятельство еще больше поднимает значимость настоящего торжества, подчеркивает его масштабность.

И действительно, если до революции наука здесь находилась в руках энтузиастов-одиночек, а также редких заезжих исследователей, то в Советской Абхазии создано около 20 научных коллективов и два крупных вуза. Наука превратилась в одну из важных отраслей народного хозяйства республики. Научная интеллигенция Абхазии имеет и ту характерную вообще для нашей действительности черту - она многонациональная. Ученые разных национальностей в дружественной обстановке плодотворно трудятся над различными проблемами народного хозяйства и культуры, внося свой весомый вклад в общее развитие отечественной науки...

В Абхазии с первых же дней установления Советской власти в центре внимания руководства республики, наряду с другими неотложными задачами социалистического строительства, оказываются и вопросы развития науки. Одним из первых декретов Ревкома Абхазии в 1921 году был декрет о научных, литературных, музыкальных ценностях.

Затем последовали практические мероприятия по развертыванию научно-исследовательской работы в Абхазии, в чем значительную роль сыграли первые научные учреждения.

Речь идет, прежде всего, об Абхазском научном обществе (АБНО), созданном в 1922 году на базе Сухумского общества сельского хозяйства. Оно занималось изучением производительных сил Абхазии, ее флоры и фауны, сельского хозяйства, а также вопросами истории, археологии и этнографии края. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, общество приступило к изучению Ткварчельского каменноугольного месторождения.

Другим серьезным научным учреждением Абхазии того периода была Академия абхазского языка и литературы (ААЯЛ), основанная по инициативе акад. Н. Я. Марра в 1925 году. Основная работа Академии была связана с вопросами изучения и развития абхазского языка. Она занималась также проблемами методики обучения на абхазском языке, сбором и исследованием этнографического и фольклорного материала.

Названные краеведческие учреждения сумели привлечь к творческой работе видных представителей интеллигенции Абхазии. Это - Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, С. Я. Чанба, Т. К. Кварацхелия, С. М. Ашхацава, Г. П. Барач, С. П. Басария, В. И. Стражев, А. Л. Григолия и др. С их деятельностью связано издание ряда научных трудов, которые и сегодня не потеряли своего значения («Русско-абхазский словарь» Н. Я. Марра, историко-этнографические и лингвистические работы Д. И. Гулиа и др.).

Однако в условиях дальнейшего роста экономического и культурного развития Абхазии АБНО и ААЯЛ, работавшие на общественных началах и силами «любителей-соревнователей», не могли обеспечить широкого и планомерного развертывания исследовательской работы. Назрел вопрос о создании в республике специального научно-исследовательского института с твердой программой работ и соответствующим штатом сотрудников-специалистов.

Правительство Абхазии принимает меры, прежде всего, по подготовке научных кадров. В результате этого уже в начале 30-х годов XX в. появляются два специалиста по абхазскому языку - А. К. Хашба и В. И. Кукба, которые успешно прошли аспирантскую подготовку в Ленинграде под руководством акад. Н. Я. Марра.

Затем, 28 мая 1930 года, постановлением Наркомпроса Абхазии Абхазская академия была преобразована в Научно-исследовательский институт абхазского языка и литературы с четырьмя штатными и

несколькими внештатными единицами. Причем в число первых его штатных сотрудников входил и Д. И. Гулиа. Это было уже госбюджетное учреждение со следующими подразделениями (секторами): абхазского языка, литературы и искусства, общественно-исторического, народного хозяйства (местная промышленность и сельское хозяйство).

С целью координации научных сил и избежания параллелизма, решением Президиума ЦИК Абхазий от 5 августа 1931 года ААЯЛ и АБНО были объединены и образован институт под названием Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АБНИИК). Были утверждены его примерное положение, структура и штаты...

Для руководства института был создан директорат в составе: А. К. Хашба (директор), С. Я. Чанба (зам. директора) и В. И. Кукба (зам. директора). Секторами руководили: В. И. Кукба, А. В. Фадеев, А. А. Колаковский и В. Г. Семенов. Институт разрабатывал твердый план научно-исследовательских работ и экспедиций, а также издания трудов.

В 30-х годах в Абхазском институте работали также Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, К. С. Шакрыл, Б. П. Джанашиа, А. А. Олонекский, А. В. Васильев, И. Г. Антелава, Л. Н. Соловьев, А. Н. Мелихов, Х. С. Бгажба и др., многие, из которых впоследствии стали крупными специалистами.

Унаследовав лучшие традиции первых научных учреждений республики, Абхазский институт постепенно набирает силы. И уже в 1934 году он издает два первых выпуска своих «Трудов», а затем, до начала Великой Отечественной войны, еще около 20 работ. Среди них были такие исследования, как: «Флора Абхазии» (А. А. Колаковский), «Акад. Н. Я. Марр о языке и истории абхазов» (А. К. Хашба), «Сборник абхазских пословиц...» (Д. И. Гулиа), «Абхазские сказки» (сост. К. С. Шакрыл и Х. С. Бгажба), «Краткий очерк истории Абхазии» (ч. I) (А. В. Фадеев) и др. Кроме того, вне грифа АБНИИКа был издан ряд ценных работ, в том числе монографий, сотрудников института.

В 1935 году АБНИИК был переименован в Институт абхазской культуры и включен в систему Академии наук СССР через ее Грузинский филиал. Институт состоял из бюро производительных сил Абхазии и секторов: языка и литературы, истории, этнографии, археологии. В этот период, с 1938 по 1948 год, коллектив института возглавлял известный общественный и государственный деятель,

просветитель и педагог А. М. Чочуа. В 1941 году, после создания Академии наук Грузинской ССР, АбНИИК вошел в ее состав, а в 1950 году был переименован в Абхазский институт языка, литературы и истории АН Грузинской ССР. С 1960 года институт носит имя Д. И. Гулиа.

Произошли некоторые изменения и в структуре института. В 1950 году был упразднен отдел по изучению производительных сил, а еще в 1945 году из этого отдела выделилась ботаническая секция и вошла в состав Сухумского ботанического сада. В 1960 году открывается отдел экономики, а в 1966 году – отдел литературы и фольклора.

Вместе с тем принимаются меры по планомерной подготовке научных кадров. Еще в довоенные годы в Тбилиси была создана специальная группа абхазских аспирантов, которой выделяется и отдельное жилое помещение. Молодые специалисты, успешно окончившие эту замечательную академическую школу, пополнили ряды научных работников Абхазского института. Это – Х. С. Бгажба, Б. В. Шинкуба, З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа, М. М. Трапш и др. В последующие годы в институт приходят Л. Х. Акаба, Ц. Н. Бжания, А. Э. Куправа, М. М. Циколия и др., также успешно защитившие кандидатские диссертации. В следующем десятилетии в стенах института появляются и первые доктора наук.

С созданием собственных исследовательских кадров наступает творческий перелом в жизни Абхазского института.

Следует, однако, отметить, что успехи коллектива института, начиная со второй половины 30-х и до начала 50-х годов, были бы еще более значительными, если бы не трудности военного времени и те известные негативные явления, которые нанесли большой ущерб республике, ее экономическому и культурному развитию.

Во время Великой Отечественной войны часть сотрудников института ушла на фронт, оставшиеся продолжали напряженно трудиться. В тематике научно-исследовательских работ основное внимание уделялось вопросам, связанным с обороной Родины, с воспитанием молодых людей в духе советского патриотизма.

Затем в республике снова создаются благоприятные условия для ее дальнейшего всестороннего развития. К началу 60-х годов, в частности, коллектив Абхазского института, количественный и качественный состав которого заметно вырос и усилился, в целом уже был способен решать крупные научные проблемы. В программе его работ намечается тенденция к широким научным, теоретическим

обобщениям. Появляются возможности для создания и издания фундаментальных научных трудов.

Во второй половине 50-х и в 60-х годах в коллектив Абхазского института вливаются новые молодые специалисты. Среди них следует назвать Л. П. Чкадуа, Б. Е. Сагария, Ш. Х. Салакая, Г. К. Шамба, Г. А. Амичба, М. М. Гунба С. И. Шария, С. Л. Зухба, В. В. Дарсалия, Б. Ш. Ашуба, Е. М. Малия, А. А. Аншба, В. Х. Конджария, В. Б. Агрба, В. Л. Цвинария, Н. Е. Бушину, О. И. Хвингия, Т. Х. Халбад, Г. П. Лежава, И. И. Квициния, И. М. Хашба. 70-е годы также знаменуются дальнейшим ростом института в лице Т. П. Шакрыл, Р. К. Чанба, Ю. Г. Аргун, Ю. Н. Воронов, И. И. Цвинария, А. М. Миквабия, А. Р. Гулия, О. Х. Бгажба, Г. Г. Копешавндзе, М. М. Хашба, Л. М. Прицкер, В. Е. Кварчия, В. Л. Бигвава и др. Почти все они имеют ученые степени, а теоретическую подготовку прошли, в основном, в Москве, Тбилиси и Ленинграде. Успешно работают и те товарищи, которые недавно пришли в институт. Это - Э. К. Килба, Б. М. Аджинджал, С. М. Шамба, Д. И. Дбар, А. И. Инал-ипа, М. В. Ахвледиани, Р. Г. Джонуа, С. З. Лакоба, Д. Ч. Нодия и др.

Если к моменту своего организационного оформления Абхазский институт представлял собой весьма малочисленный коллектив, делавший первые шаги в науке, то в настоящее время в шести его отделах (языка, литературы и фольклора, истории, археологии, этнографии и искусства, экономики) плодотворно трудятся 60 научных сотрудников, среди которых один член-корреспондент АН Грузинской ССР, 7 докторов и свыше 40 кандидатов наук. Тринадцать ведущих сотрудников института имеют почетное звание заслуженного деятеля науки Грузинской ССР и Абхазской АССР. Ежегодно через аспирантуру готовятся новые кадры по различным отраслям знаний. Аспирантура по истории Абхазии имеется и в самом институте.

Примечательно, что в тесном сотрудничестве работают ученые старшего поколения и молодые научные силы, обладающие способностями и склонностями к исследовательской работе, готовые всецело посвятить себя творческим поискам.

Все это дает нам основание сказать, что институт имеет солидный исследовательский потенциал.

Абхазский институт, как видно уже из его полного названия, является комплексным, многопрофильным научным учреждением. В нем разрабатываются различные проблемы истории, культуры и экономики Абхазии. Разнообразная тематика научно-исследовательских работ

института с каждым годом расширяется и совершенствуется, все заметнее приближается к наиболее актуальным жизненным проблемам.

Значительны достижения коллектива в различных областях абхазоведения. Отделом языка ведется большая работа по изучению грамматической структуры и лексики абхазского языка, составлению словарей и совершенствованию литературного языка. Издана грамматика абхазского языка, монографически изучены основные диалекты этого языка, вышли «Русско-абхазский словарь» и ряд отраслевых словарей. Завершено составление толкового словаря (около 20 тыс. слов-статей) и справочника по орфографии и пунктуации, имеющих важное научное и практическое значение.

Литературоведами и фольклористами проделана также важная работа по изучению истории зарождения и развития абхазской художественной литературы, монографическому исследованию творчества ведущих писателей, хотя специальный отдел по данному профилю был создан сравнительно недавно. В настоящее время наши литературоведы готовят к печати обобщающую работу «История абхазской литературы». Ими же собран, систематизирован и опубликован значительный материал по различным жанрам абхазского фольклора, изданы монографические исследования по проблемам абхазского эпоса, сказки, соотношения фольклора и литературы и др.

Большая исследовательская работа ведется и историками института в области древней, средневековой, новой и новейшей истории Абхазии, хотя, к сожалению, не все периоды этой истории одинаково исследованы. Серьезное внимание уделяется изучению истории Абхазии советского периода. Наиболее разработанными проблемами данной эпохи является история доколхозной деревни и национально-государственного строительства. Исследованы также важные вопросы истории промышленности и рабочего класса, коллективизации и крестьянства, культурной революции и т.д.

Кроме того, историки и этнографы института в содружестве со специалистами Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР принимают участие в работе над утвержденной Президиумом Академии наук Грузинской ССР серией трудов по вопросам истории грузино-абхазских взаимоотношений и абхазоведению.

Наиболее обобщающей монографией по истории Абхазии в целом являются коллективные «Очерки истории Абхазской АССР», вышедшие еще в 60-х годах в двух частях.

Продолжается изучение уникальных археологических и архитектурных памятников Абхазии. Сотрудниками отдела археологии опубликован целый ряд интересных трудов. Издано, в частности, научное наследие крупного абхазского археолога М. М. Трапш (в четырех томах), а сборник сочинения другого видного ученого-археолога Л. Н. Соловьева находится в производстве.

Этнографы института успешно изучают проблемы традиционного и современного быта и культуры абхазского народа, принимают также участие в составлении историко-этнографического атласа Грузии. Особое внимание уделяется вопросам этногенеза и этнической истории. По всем этим и другим проблемам созданы ценные научные труды. Наши специалисты принимают также участие в выполнении международной советско-американской программы по изучению проблем долгожительства. Ведется также исследование памятников искусства, творчества художников нашей республики.

Отдел экономики уделяет особое внимание изучению тенденций развития регионального хозяйственного комплекса Абхазской АССР, установлению основных путей повышения его эффективности. Среди работ, изданных сотрудниками этого отдела, следует назвать коллективный труд «Пути повышения эффективности производства (на примере Абхазской АССР)». Находятся в производстве работы «Проблемы развития регионального хозяйственного комплекса Абхазской АССР» и «Актуальные проблемы общей марксистской теории стоимости».

По результатам выполнения плановых тем по актуальным проблемам развитого социализма наши экономисты разрабатывают и представляют в руководящие партийные и советские органы рекомендации и научные доклады по совершенствованию функционирования народного хозяйства Абхазий.

Сотрудники института в целом опубликовали по основным проблемам абхазоведения сотни монографических исследований, научных сборников, учебников, брошюр и других работ, получивших широкое признание. Помимо уже названных, следует еще отметить юбилейные издания: «По ленинскому пути», «Под знаменем Октября», «Абхазская АССР в братской семье советских народов», «Борцы за Октябрь в Абхазии» и др. Регулярно выходят «Известия» (в прошлом «Труды») — ежегодный печатный орган института. Издано более сорока томов.

В жизни института значительное место занимает проведение научных экспедиций и командировок, итоговых и юбилейных сессий и конференций, расширенных заседаний Ученого совета, в том числе выездных.

Коллектив института умело сочетает научно-организационную работу с общественной. Он принимает активное участие в изучении традиций прошлого. Этому посвящены, например, книги «Традиции и современность» и «Обычаи, обряды и взаимосвязь поколений».

Большая работа ведется по составлению учебников, учебных пособий, методических разработок и программ для средних учебных заведений и Абхазского государственного университета.

Коллектив института деятельно участвует в претворении в жизнь постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР и ЦК Компартии Грузии по Абхазской АССР. Многого делается и по линии пропаганды политических и научных знаний среди широких масс трудящихся, по их воспитанию в духе советского патриотизма, дружбы и братства между народами.

О росте научного авторитета нашего института свидетельствует и тот факт, что он нередко выступает организатором всесоюзных, региональных и республиканских научных форумов. Так, например, в Сухуме состоялись всесоюзные сессии: по проблемам нартского эпоса народов Кавказа (1963), по проблемам социолингвистики (1971), VII региональная сессия по проблемам иберийско-кавказских языков (1977), республиканская научная сессия по вопросам экономической эффективности общественного производства в Абхазской АССР (1978) и др. Наши ученые выступают в качестве оппонентов при защите докторских и кандидатских диссертаций, входят в различные координационные и проблемные научные советы.

Абхазский институт имеет прочные творческие связи с головными институтами Академии наук Грузинской ССР и Академии наук СССР, научными учреждениями и вузами Абхазской АССР, систематически участвует в мероприятиях, проводимых этими организациями. Многие наши ученые являются профессорами и доцентами Абхазского государственного университета.

Большой вклад в подготовку научных кадров для нашего института внесли такие ученые, как Н. Я. Марр, А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе, Н. А. Бердзенишвили, Г. С. Читая, Г. А. Меликишвили, Е. И. Крупнов, А. М. Апакидзе, Л. И. Лавров, Е. Б. Вирсаладзе, Г. Ш. Цициашвили, М. Я. Чиковани и др.

Необходимо назвать также академиков Н. И. Мухелишвили, С. Н. Джанашиа и И. Н. Векуа, которые, кроме того сыграли большую роль в становлении и развитии Абхазского института.

Под неослабным вниманием Президиума Академии наук Грузинской ССР плодотворно работает наш институт и сегодня. Хотелось бы особо отметить выездное заседание Президиума, состоявшееся в декабре 1980 года и имевшее важное значение для решения неотложных научно-организационных вопросов, а также существенного укрепления материально-технической базы нашего учреждения. Достаточно сказать, что завершено строительство прекрасного здания института^{*}. Эти и другие мероприятия способствуют дальнейшему укреплению творческих связей ученых Абхазии с учеными других республик, углублению их всестороннего сотрудничества.

Хотелось бы также подчеркнуть, что наиболее плодотворная деятельность Абхазского института, его высокий качественный и количественный рост падает на последнее десятилетие, когда по существу завершается формирование этого своеобразного, во многом уникального научно-исследовательского учреждения.

Именно в этот период были созданы и в основном опубликованы наиболее крупные, фундаментальные научные исследования института, подготовлена большая группа молодых специалистов и т.д.

Особенно результативной была деятельность нашего научного учреждения в десятой пятилетке и за полтора года одиннадцатой пятилетки. За это время завершено 15 коллективных и индивидуальных тем, издано около 70 монографий и книг. Один из этих трудов удостоен Государственной премии Грузинской ССР, два – премии имени основоположника абхазской художественной литературы Д. И. Гулиа. А к 60-летию установления Советской власти в Грузии и Абхазии и образования Компартии республики на книжных полках появились такие труды наших работников, как «Борцы за Октябрь в Абхазии», «Киараз», «Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии (1921—1938 гг.)», «Культура Советской Абхазии за 60 лет» и др.

^{*}Здание Абхазского института сожжено грузинскими оккупантами во время Отечественной войны (1992-1993) гг.

В настоящее время ведется большая подготовительная работа по достойной встрече 60-летия образования СССР, великого праздника братских советских народов. Образование и расцвет Союза ССР – ярчайшее проявление интернациональной сущности ленинской национальной политики КПСС. Нами планируется, в частности, издание следующих работ: «История Абхазской АССР» (советский период), «Образование СССР— продолжение дела Великого Октября», «Эпизоды совместной борьбы грузинского и абхазского народов за власть Советов (1917—1921 гг.)».

Институт готовится и к 200-летию Георгиевского трактата, которое будет широко отмечено в 1983 году.

Таким образом, Абхазский институт своей многогранной деятельностью вносит весомый вклад в развитие народного хозяйства и культуры республики, в решение конкретных социально-экономических и научно-практических задач. Его деятельность получила положительную оценку на XXXIV конференции Абхазской областной организации.

Заслуги Абхазского института отмечены юбилейными Почетными грамотами и Памятным Красным Знаменем в честь 50-летия Великого Октября, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и 50-летия образования СССР, а в связи с 50-летием со дня его основания и за активную роль в развитии науки в автономной республике он, как мы только что видели, был удостоен Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Грузинской ССР. Многие сотрудники института награждены орденами и медалями Советского Союза, а также Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и Президиума Верховного Совета Абхазской АССР.

Сейчас, перед Абхазским институтом встали новые важные задачи, нашедшие отражение в его текущем и перспективном планах, опирающихся на достижения прежних лет. Взят твердый курс на создание монографических исследований, которые должны стоять на уровне требований современной науки, хозяйственного и культурного строительства.

В текущей пятилетке Абхазский институт будет вести работу по изучению тенденции развития регионального хозяйственного комплекса Абхазской АССР, установлению основных путей повышения его эффективности. Планируется исследование важнейших проблем истории Абхазии эпохи социализма, дореволюционной и современной материальной и духовной культуры народа в историко-сравнительном освещении.

Большое внимание будет уделено изучению этногенеза и этнической истории абхазов, антрополого-этнографическому исследованию вопросов долгожительства в Абхазии. В области археологии будет вестись работа по выявлению и изучению археологических памятников древней и средневековой Абхазии. Лингвисты будут заняты изучением фонологической и грамматической систем абхазского языка, составлением двуязычных и терминологических словарей. Научные изыскания литературоведов будут направлены на создание исследовательских работ по основным жанрам абхазской литературы и выявление идейно-художественной специфики народно-этнического творчества. Предусматривается изучение и других важных проблем абхазоведения.

Но нам следует полнее использовать творческий потенциал института. Преодолеть трудности в формировании научного ядра. Повысить научный уровень исследований. Особо стоит перед нами вопрос о дальнейшем совершенствовании тематических планов, чтобы они в полной мере отвечали задачам, стоящим перед коллективом.

Сухум, 1981.

АБХАЗСКОЕ МАХАДЖИРСТВО XIX СТОЛЕТИЯ*

Истории абхазского махаджирства XIX века посвящена недавно вышедшая моя монография «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия»**.

В настоящем докладе хотел бы изложить основные свои выводы по этому сложному вопросу.

Переселение, в основном насильственное и вынужденное, значительной части коренного населения Кавказа в пределы Османской (Турецкой) империи в XIX веке, известное в истории под названием «махаджирство» или «мухаджирство», явилось той трагедией, которая

* Доклад на общем собрании АН ГССР, Тбилиси, 7.4.1977 г.

** *Дзидзария Г. А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми. 1975.

поставила некоторые древние народы Кавказа, в первую очередь адыгов (черкесов), убыхов и абхазов, на грань полного исчезновения. Махаджирское движение существенно затронуло также чеченцев, осетин, грузин (Южная Грузия) и др. Причем начало этого движения восходит еще к периоду установления господства Турции в пределах Кавказа.

Поэтому нельзя считать освещенным прошлое названных народов без истории той их значительной части, которая оказалась по ту сторону Черного моря – в Турции, а также рассеялась частично по другим странам Ближнего Востока, входившим в состав обширной Османской империи.

Выселение в XIX в. основной массы населения Абхазии, как и всего Северо-Западного Кавказа, связано, прежде всего, с завершением Кавказской войны, введением так называемого «военно-народного управления», началом крестьянской реформы и событиями русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в крае. Вообще же махаджирство на Кавказе продолжалось периодически вплоть до начала Первой мировой войны. Причем на его основных этапах, когда оно становилось особенно массовым и было связано, как правило, с крупными историческими событиями, переселенческая проблема превращалась в важную часть внешней и внутренней политики как России и Турции, так и отчасти европейских держав. Эти государства, особенно Англия, став на путь колониальных захватов на Востоке, стремились к ослаблению России и вытеснению ее с Кавказа. Поэтому вопрос о кавказском махаджирстве необходимо рассматривать и в связи с историей международных отношений.

Если говорить конкретно об Абхазии, то соперничавшие с Россией страны прекрасно учитывали стратегическое положение этого края, связывающего Закавказье с Северо-Западным Кавказом – факт, в не меньшей степени оценивавшийся самой Россией. С политическими устремлениями названных государств по отношению к Кавказу связана и совершенно определенная их экономическая заинтересованность.

Одним из наиболее действенных средств борьбы против окончательного утверждения России на Кавказе турецкая и европейская дипломатия всегда считала горцев. Значительно облегчала вмешательства иностранных держав во внутренние дела горцев Кавказа предательская роль известных кругов местной

феодалной знати, деятельность которых вообще была одним из решающих факторов, инспирировавших переселенческое движение.

В числе главных конкретных экономических и социально-политических причин почти непрерывного переселения горцев в XIX веке были: стремление трудящихся избавиться от тяжелой жизни на родине, жестокая политика царизма, желание местных реакционных феодалов отделаться от «ненадежных» и «вредных» элементов и получить дополнительные земельные фонды. Эти обстоятельства придавали эмиграции характер своеобразного, пассивного протеста народных масс против несправедливости.

Ставя вопрос о выселении кавказцев в широком плане, царизм стремился «сплавить» в первую очередь именно «ненадежное» население и таким образом, с одной стороны, ослабить физически и духовно народы Кавказа, а с другой – освободить обширные земли для колониальных целей.

Надо иметь в виду и историческую обстановку, в которой возник вопрос о массовом переселении кавказского населения. Время это для царского самодержавия было весьма тревожное, характеризовавшееся подъемом революционного движения народных масс в России. Правительство спешило решить кавказскую проблему, чтобы затем все силы бросить против внутреннего классового врага. С другой стороны, оно опасалось, что горцы Кавказа могут быть использованы против России при осложнении международной обстановки, особенно в случае войны с Турцией.

Османская Турция, в свою очередь, всячески стремилась завлечь к себе как можно большее число кавказских горцев, пользуясь при этом их тяжелым экономическим и политическим положением. Она мечтала, с одной стороны, заселить ими безлюдные пространства разваливавшейся империи, а с другой – отдельные их поселения вклинить в христианские массивы. Кроме того, большое значение придавалось возможности использования этой озлобленной массы в будущей войне с Россией.

Что касается европейских государств, в первую очередь Англии и Франции, то их позиция в этом вопросе вполне совпадала с турецкой, поскольку она выражалась в антирусской направленности.

Преступную роль в Абхазии играли, помимо названных выше протурецких элементов, те местные князья и дворяне, власть и влияние которых были в значительной степени ограничены буржуазными

преобразованиями 60-70 годов XIX в. в крае. Некоторые из них, заняв антирусскую позицию, боролись за восстановление старых феодально-патриархальных устоев. Иные же из них, по той или иной причине, не ужившись с царскими администраторами или просто провинившись перед ними, старались избежать неминуемого наказания. Эти лица, стремясь таким образом сохранить свои феодальные права и привилегии, удалялись в султанскую Турцию, в деспотическом строе которой многие из них видели идеал политического и религиозного устройства. Будучи безразличны к судьбе своей родины, они всячески подстрекали к переселению обманутых ими крестьян, при этом широко пользуясь бытовавшими патриархально-феодальными отношениями.

Это последнее обстоятельство, и вообще уровень развития социальной жизни абхазского народа той поры, имели немаловажное значение в истории махаджирства. Патриархальные отношения, вековые традиции, маскировавшие действительные классовые отношения, приводили к тому, что если «влиятельное» лицо переселялось в Турцию, то за ним следовали не только близкие люди и вообще родственники, но и многие псевдородственники (аталык, молочные братья и др.) и зависимые крестьяне.

Особо следует сказать о том, что идея национального и государственного единства здесь не достигла еще существенного развития. Султанская Турция на протяжении веков всемерно препятствовала процессу объединения абхазских племен. Противник всякого прогресса, она консервировала социально-экономическую и культурную отсталость кавказских народов. Более того, развитие многих из этих народов было отброшено далеко назад.

Необходимо серьезно учитывать и религиозные мотивы. Значительная масса абхазского населения, особенно ее мусульманская часть, новым своим местожительством предпочитала Турцию, казавшуюся ей меньшим злом, прежде всего, как единоверная страна. Следует также иметь в виду политические, торговые и родственные связи. При султанском дворе постоянно фигурировали феодалы кавказского происхождения. Некоторые из них получали в столице империи образование, усваивали язык, обычаи и т. д. Наиболее ловкие устраивались там довольно удачно, нередко достигая важных должностей. Значительное влияние приобретали также некоторые женщины, попадавшие в гаремы султанов и их вельмож.

Такие лица и вели наиболее активную пропаганду о «прелестной жизни» в Османской империи. В результате всего этого среди горцев

создавалось ложное представление о могуществе и богатстве этой страны, о ее готовности оказать всеобъемлющую помощь в борьбе, относительно которой правящие круги Турции старались создать впечатление как о действиях против общего врага – России и этим скрепить «союз».

В отдельных районах Кавказа имелись и сугубо специфические условия, способствовавшие махаджирскому движению (кровная месть и пр.). Словом было много обстоятельств, которые, так или иначе принуждали или способствовали притоку в Турцию людей из гор и долин Кавказа, несмотря на хорошо известную исключительную привязанность горцев к месту своего рождения, к месту, где находятся могилы предков.

Абхазы, как известно, относятся к тем народам, которые в результате присоединения к России, вступившей в новый период своей истории, были избавлены от порабощения отсталыми восточными деспотиями – султанской Турцией и шахским Ираном, от тормозившей развитие этих народов худшего вида военно-феодальной экспансии. Подчеркивая значение международных аспектов в подходе к проблеме присоединения Абхазии к России и отмечая вместе с тем глубоко прогрессивный характер этого явления в широкой исторической перспективе, нельзя, однако, забывать и о колониальной политике царизма. В конкретном вопросе махаджирства политика царизма, как уже подчеркивалась, заключалась прежде всего в том, чтобы добиться освобождения горских земель в целях развития широкой колонизации, а также воспользоваться выгодным военно-стратегическим положением края.

Совокупность названных обстоятельств закономерно вызвала стихийное возмущение масс. Борьба эта часто носила антиколониальный и антифеодальный характер, приобретая нередко общенародное значение. Колониальной политикой царизма и вызывавшимися этим протестами старались воспользоваться соперничавшие с Россией державы. А им способствовали определенные круги местной феодальной знати, которые ориентировались на эти внешние силы по уже известным нам причинам.

Одновременно сложное взаимодействие перечисленных факторов нередко и завершалось очередной волной переселения. Первая массовая вспышка махаджирского движения в Абхазии в XIX в. относится к 1810 г., когда произошло официальное присоединение

Абхазского княжества к России. Этому, как известно, предшествовало включение в состав русского государства Восточной Грузии, а затем и отдельных сопредельных регионов, факт, который имел огромное значение для судеб всего Кавказа.

Переселенческое движение этого времени, как и некоторых последующих, было результатом, главным образом, политического поражения части абхазских феодалов протурецкой ориентации. Другие переселения, имевшие место до 60-х гг., последовали в результате поражений народных восстаний 20-х - 40-х гг., а наиболее крупное из них было связано с событиями Крымской войны 1853-1856 гг., когда Абхазия была оккупирована турецкими войсками с помощью англо-французских сил.

Надо сказать, что весь этот период истории Западного Кавказа характеризуется, с одной стороны, обострением здесь противоречий между Россией и Турцией, реваншизм которой был возведен в принцип государственной политики, и развертыванием освободительной и антифеодальной борьбы – с другой. Наряду с этим активизировались англо-французские происки. Положение осложнялось тем, что проводники царской колониальной политики на Кавказе, в силу своей социальной ограниченности, упорно придерживались военно-феодальных методов и таким образом отбрасывали возможность мирного решения вопроса о кавказских горцах. Этим, как уже отмечалось, не преминули воспользоваться английские и турецкие правящие круги.

Что касается передовой части русского офицерства, людей, скажем, типа генерала Н. Н. Раевского, осуждавших завоевательную политику царизма и ратовавших за мирное сотрудничество с народами Кавказа, то она не могла сколько-нибудь существенно влиять на официальную политику. Вообще отношение русской передовой общественности к кавказским событиям тех лет представляет самостоятельный интерес.

После Крымской войны царское правительство получило возможность сконцентрировать на Кавказе значительные военные силы, чтобы добиться здесь быстрейшего осуществления своих целей. В результате решительного наступления царизма на Восточном Кавказе в 1859 году Шамиль вынужден был сложить оружие. Это не могло не отразиться и на Западном Кавказе, хотя здесь еще в течение почти пяти лет продолжались кровопролитные военные действия.

Политические враги России, в лице, в первую очередь, Британской империи, делали все, чтобы горцы находились в бесперывной войне

с Россией. Не менее провокационную роль продолжали играть те местные «старшины», которые давно уже скитались по Османской империи и оказались в хитро сплетенных сетях иностранных дипломатий. Но необходимой реальной военной помощи горцы в своей освободительной борьбе никогда не получали от мнимых «благодетелей», которые действовали только в своих интересах.

Не спасали горцев Западного Кавказа и их отчаянное сопротивление и попытки объединить свои силы. В мае 1864 года последняя горсточка горных абхазов-аибгаа в труднодоступной местности (нынешняя Красная Поляна) сложила оружие. Завершилась кровопролитная долголетняя Кавказская война*.

Горцам было предложено категорически: или переселиться в Турцию, или удалиться в топкие прикубанские районы. Часть из них осталось на родине, в Турцию потянулась значительная масса, в том числе 20-тысячное северо-западное абхазское население – садзы (джигеты) почти поголовно. Это массовое переселение было начато еще в начале 60-х гг. Широкий план выселения жителей собственно Абхазии по ряду причин в ту пору не был осуществлен.

Уход горцев, сгоняемых с насиженных мест, представлял весьма печальную картину. Еще трагичнее было вынужденное переселение горцев в Турцию. В пути погибла огромная их масса. Но главное разочарование ожидало кавказцев на чужбине. По подсчетам специалистов, около 50% всех переселенцев погибло тогда в пути, а из уцелевших, 15% (женщины и дети) были проданы в качестве рабов.

Оказавшись в таком положении, поняв, что стали жертвой чуждой им политики и интересов, переселенцы в своей массе устремились обратно на родину. Однако вернуться на Кавказ, в силу запрета и строгости и турецкого, и царского правительств, было гораздо труднее и сложнее. Поэтому мечта этих махаджиров о возвращении в родные края осуществилась лишь частично.

Но это только одна сторона последствий выселения горцев. С другой стороны, Западный Кавказ, говоря словами М. Н. Покровского, «на добрую долю... просто превратился в пустыню, усеянную развалинами, свидетельствующими о некогда завязавшейся здесь культурной жизни».

Не прошло и четырех лет после этих событий, как в Абхазии произошло одно из самых массовых переселений. Оно было связано,

* 21 мая 1864 г. – битва на Красной Поляне.

главным образом, с двумя фактами – упразднением Абхазского княжества в 1864 году и, в особенности, крупным народным восстанием 1866 года.

Среди абхазских феодалов особенно предательскую роль во время махаджирства 1867 года играли те, кто в результате ликвидации княжества потеряли свои привилегии. Со стороны же царизма за это выселение были ответственны прежде всего наместник Кавказа вел. кн. Михаил Николаевич и его сподвижники – ген. Д. И. Святополк-Мирский и ген. Д. С. Старосельский, которые и разработали широкий план удаления абхазского населения подальше от пограничной полосы, в глубь Турецкой империи. Следовательно, переселение абхазов этого периода носило, в основном, насильственный характер. Часть крестьян, в крайнем случае, соглашалась ехать даже в холодную Сибирь, но только не в султанскую Турцию.

Многие из переселенцев пытались возвратиться на родину, тайно, с большими трудностями и лишениями. Царские власти рассматривали их как «преступников». Но это не могло предотвратить стремление к обратной эмиграции.

Одновременно в Абхазии происходит усиление административно-полицейского аппарата – новое административное деление края и введение общинных и сельских управлений. А крестьянская реформа, объявленная здесь в 1870 году, завершает процесс концентрации земель в руках правительства и крупных землевладельцев. Тем не менее, сам факт проведения этой и других буржуазных реформ явился шагом по пути раскрепощения производственных сил края от патриархально-феодалных пут. В частности, создаются предпосылки для расширения и углубления экономических связей Абхазии с сопредельными территориями.

Однако, в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Абхазия оказалось разоренной до тла и обезлюдившейся. Канун войны ознаменовался усилением англо-турецких устремлений на Кавказе. Это было время, когда Восточный вопрос вновь обостряется в международных отношениях и выдвигается на передний план европейской политики.

События новой русско-турецкой войны сразу же захлестнули Абхазию, которая снова стала непосредственной ареной военных операций. Положение в крае осложнилось взрывом нового мощного народного восстания перед самым занятием Абхазии турецкими

войсками. Султанское командование рассчитывало обойтись в основном силами кавказских махаджиров, в том числе абхазских, и поддержкой их сородичей на Кавказе. Однако оно просчиталось. Кавказские народы оказались верными союзниками России, хотя были и группы населения с протурецкой ориентацией.

Самым печальным событием для Абхазии в 1877 г. было новое переселение ее жителей в Турцию, к чему турецкое командование приступило с самого начала оккупации края. Потерпев военное поражение, ограбив или уничтожив что только было возможно, оно пыталось увезти с собой буквально все население. По словам одного корреспондента, «не пощажены даже кладбища, трупы мертвых вынуты из могил и ограблены». А о характере переселения этого периода, например, грузинская газета «Дрозба» писала: «значительная часть абхазов... плакала, ревела, руки протягивала: передайте русскому правительству, что мы едем против своей воли, насильно угоняют нас и поэтому пусть оно считает нас военнопленными». Оказавшие же сопротивление были безжалостно умерщвлены и сложены штабелями в назидание другим.

Что касается условий переселения абхазов в Турцию и их положение в этой стране, то они были еще более трагическими, чем в прежние времена, поскольку переселенческое движение 1877 г. имело исключительно насильственный характер и проходило в обстановке военного поражения и панического отступления турок. Махаджиры в значительной массе погибли от голода и болезней, а те, которые уцелели, попали в невероятно тяжелые экономические и политические условия.

Достаточно знать только об одном факте, приведенном современными иностранными корреспондентами, чтобы это почувствовать до боли в сердце. «Турки на пароходе брали абхазцев и – старых и молодых; но как только пароход скрывался в глубь моря – тут происходила сортировка абхазцев: всех стариков, неспособных носить оружие, старух, не годных к отправлению... животных потребностей, и малюток, за которыми еще нужен уход родителей, бросали за борт».

А вот что сообщал корреспондент газеты «Дрозба» из Потти: «Я встретил одного из этих несчастных людей... Он рассказывал мне все, что перенесли абхазы, их жены, дети. Только человек с каменным сердцем мог не прослезиться, слушая его рассказ. Я поражен

физической и духовной силе этого народа – из каждых пяти человек один все же жив, несмотря, перенесенные ужасы».

Несмотря на двойное препятствие – со стороны и Турции, и царской России – абхазские махаджеры, как и в 60-х гг., потянулись обратно, стремясь попасть на родину любой ценой. А цена оказалась еще более дорогой – основная масса погибших приходится именно на это время. Активной была в этой трагедии и роль Англии и некоторых других европейских государств.

Трагическое положение абхазских репатриантов-крестьян усугублялось тем, что они обрекались на безземелье, становились арендаторами своих собственных земель. Остальным крестьянам, по новым условиям «Положения» о крестьянской реформе, земли также отводились не в собственность, а в «пользование». Все абхазское население было объявлено «виновным населением» в родной стране.

Количество выселившихся из Абхазии людей в XIX в. не представляется возможным определить. О точных статистических данных, как этой, так и обратной эмиграции и речи не может быть. Если же проанализировать имеющиеся отрывочные и самые приблизительные данные, то можно назвать цифру, равную примерно 100.000, вместе же с садзами-джигетами (северо-западные абхазы, жившие на территории нынешнего адлерского и частично Сочинского районов) – около 130.000, а вместе с ближайшими родственными северокавказскими абазинами – свыше 160.000 чел.

В результате переселения опустела большая территория Абхазии, а обширная и богатейшая ее центральная часть (современ. Сухумский и Гульрипшский районы) – почти целиком. Известный грузинский писатель и общественный деятель Г. Церетели свидетельствовал: «Начиная с природы все вокруг мрачно, пусто, и, проезжая громадные пространства, еще так недавно заселенные и полные жизни, встречаешь только развалины, и ни одной живой души на всей этой необозримой местности».

Это, естественно, нанесло непоправимый ущерб этническому и культурному развитию абхазского народа, оказало весьма неблагоприятное влияние на весь процесс его исторического развития.

Опустошенные абхазские земли правительством раздавались крупным военным и гражданским чиновникам, а также использовались для колонизации, принявшей в 80-90 гг. массовый характер.

Большой интерес вызывает отношение прогрессивной прессы и прогрессивных деятелей Грузии и России к абхазскому махаджирству.

Многие из них не раз выступали в защиту изгнанников, привлекая к ним внимание широкой общественности, чтобы предотвратить гибель древнего народа на глазах современников 60-80- гг. XIX в. Так, «Дрозба», начиная с 1867 г., почти систематически писала об абхазских махаджирах, с глубоким сочувствием к их участи. Она, в частности, выдвигала требование перед царским правительством, по крайней мере не препятствовать возвращению абхазов на родину. Эта трагедия братского народа глубоко взволновала И. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Г. Церетели, С. Месхи и многих других представителей передовой грузинской интеллигенции.

В период разгара военных событий и махаджирства в Абхазии в 1877 г. Г. Церетели являлся специальным корреспондентом газеты «Голос». И благодаря его энергичному старанию на страницах этой газеты, а через нее и в других органах был опубликован большой материал о трагических делах в Абхазии. Церетели смело разоблачал истинных виновников катастрофы абхазского народа. По поводу наглого официального обвинения абхазов в «измене» он писал с возмущением: «Как? Та самая Абхазия... в продолжение четырех веков боролась против турок за свою самостоятельность... и безумно протянула свою руку вековым врагам...?».

А Илья Чавчавадзе в связи с массовым выселением абхазов и аджарцев в том же году писал: «Если правительство хочет показать народу свое доброе сердце, то это именно нужно сейчас, когда народ требует помощи. А народ – основа и сила государства».

Журналист Леван Мchedlishvili (Кразана) был автором первого художественного произведения об абхазских махаджирах (см. рассказ «Из батумской жизни» – «Дрозба», 1878 г.). Эта тема нашла свое отражение и в творчестве писателя И. Хонели (И. Л. Бахтадзе) (см. кн. «Эскизы и этюды», Тб., 1896).

Хочется еще отметить, что известный грузинский общественный деятель и историк конца XIX – начала XX в. З. Чичинадзе много внимания уделил проблеме абхазского махаджирства. Исключительно ценный конкретный материал содержит, например, вышедшая в 1912 г. его книга. Автор подчеркивает, что «если бы не было насильственных мер, ни один абхаз не уехал бы из своей страны в Турцию». «А что они сделали такое, чтобы так жестоко, бесчеловечно наказать их?» – спрашивает он в другом месте.

Махаджирство, естественно, оставило глубокий след в устном народном творчестве абхазов, как и других кавказских народов,

испытавших эту трагедию, – в песнях, сказаниях, легендах, преданиях. Позже оно оказало большое влияние и на абхазскую художественную литературу.

В настоящее время мы располагаем уже некоторыми сведениями, дающими определенное представление о дальнейшей судьбе многострадальных абхазских махаджиров. С самого начала судьба эта складывалась по-разному, в зависимости от классовой принадлежности людей. Крестьянские массы оказались в весьма тяжелых экономических и политических условиях. Они нещадно эксплуатировались как «своими», так и «чужими» помещиками и чиновниками. Поэтому именно представители знати, главным образом, продвигались там по административной и военной лестнице.

С течением времени отмечается рост национального и классового самосознания кавказской переселенческой массы, в чем в большой степени сказалось влияние первой русской революции 1905-1907 гг. Но особенно значительно было воздействие Великого Октября, который, как известно, был встречен с огромной радостью и трудящимися всего Востока. Вполне понятно, что теперь больше усиливается тяга на родину зарубежных кавказцев.

С другой стороны, выходцы из Кавказа, в том числе абхазы, принимали активное участие в национально-освободительном движении турецкого народа. Например, Хусейн Рауф-бей (Ашхаруа) был одним из самых близких сподвижников Кемаль-паши, впоследствии – главой турецкого правительства.

Основная масса зарубежных абхазов живет в Турции, некоторая часть – в арабских странах (Сирия, Иордания и др.), некогда входивших в состав Османской империи, и небольшая часть – в Северной Греции (Македония). Турецкие абхазы расселены главным образом на Черноморском побережье, между городами Стамбулом и Болу; причем наиболее компактно – в вилайетах Сакарья (центр г. Адапазары) (25 населенных пунктов) и Дюздже (20). Остальные абхазские поселения разбросаны по вилайетам Бурса, Ескишехир, Самсун, Билечик. Живут абхазы также в городах: Стамбуле, Измите, Анкаре и др. По данным известного абхазского просветителя в Турции Омара Бейгуа (Бюююка), общее количество абхазов, проживающих в пределах Турции в настоящее время превышает 100.000, а в арабских странах – около 15.000 чел.

Турецкие абхазы живут преимущественно в сельских местностях. Абхазской деревне здесь, как и повсюду, присуще господство крупного

помещичьего и кулацкого землевладения и мелкого крестьянского землепользования. Основные занятия крестьян: табаководство, виноградарство, садоводство и овощеводство. Занимаются они, кроме того, скотоводством, хлебопашеством (кукуруза) и торговлей. Имеются, главным образом в городах, не только мелкие, но и крупные абхазские предприниматели, а также рабочие и интеллигенты. В турецких высших учебных заведениях из абхазской молодежи учатся единицы, а в средних – несколько больше.

У абхазов, проживающих в Турции, сравнительно хорошо сохранились язык, национальные традиции и обычаи. Среди них сильны еще феодальные и даже патриархально-родовые отношения. Большое влияние на турецких абхазов имеет мусульманство.

У турецких абхазов имеются представители, которые стоят за прогрессивное развитие своего народа. Этих реально мыслящих людей глубоко волнует проблема добрососедских советско-турецких отношений и они хорошо понимают, значение общения абхазов и вообще кавказцев обеих стран.

К сожалению, гораздо меньше нам известно об арабских абхазах, а о греческих – и того меньше.

Велико внимание зарубежных абхазов к нашей республике и вообще к Советскому Союзу. Они, в значительной своей массе, никогда не теряли надежды вновь обрести свою родину. Вот, что писал студент-абхаз одного из турецких вузов в 1970 году в Абхазию: «Лучше мне не жить на свете, чем пропадет наше абхазское... Благодаря вам мы спокойны за Отечество свое... Мы в гостях... я хочу такого абхаза, который мог бы сказать: «Если даже я умру, не увидев Родины своей, то пусть останутся глаза мои после меня...».

Такой интерес и стремление наших соотечественников объясняется не только национальным чувством. Потомки абхазских переселенцев начинают узнавать, что в СССР их единокровные братья имеют свою государственность, учатся на родном языке, издают свои газеты, журналы и книги, развивают науку, национальное искусство. А там они всего этого лишены.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОТКРЫТИИ СЕДЬМОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕССИИ ПО ИСТОРИКО- СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ИБЕРИЙСКО- КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ*

Дорогие товарищи! Позвольте мне, прежде всего, сердечно приветствовать вас и искренно сказать: «Бзиала шәаабейт!» («Добро пожаловать!»). Позвольте также поздравить вас с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции и принятием новой Конституции СССР, Основного Закона развитого социализма.

Мы, абхазские ученые и вся общественность Абхазии, очень рады, что форум проходит именно в столице нашей республики, которая давно уже стала местом проведения подобных крупных научных мероприятий.

Широкое развитие научной мысли в Абхазии стало очевидным и закономерным фактом.

До революции в Абхазии, являвшейся типичной отсталой окраиной Российской империи, насчитывалось всего лишь несколько научных обществ, которые фактически были лишены материальной поддержки государства.

Еще на заре Советской власти в крае, на основании специального декрета Ревкома Абхазии, приступили к осуществлению практических мероприятий по организации научно-исследовательской работы. В результате в 1922 году было создано Абхазское научное общество (АБНО). Другим значительным научным учреждением являлась Академия абхазского языка и литературы, основанная по инициативе академика Н. Я. Марра в 1925 году.

На базе названных научных организаций в 1930 году при Наркомпросе Абхазии был основан Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АБНИИК) - ныне Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР. В 20-30-х гг. XX в. было создано еще несколько научных учреждений, преимущественно сельскохозяйственного направления.

* По данным последних научных изысканий в области языкознания иберийские и кавказские языки относятся к разным языковым семьям.

В настоящее время в Абхазии функционирует 15 научно-исследовательских учреждений и два крупных вуза. В них плодотворно трудятся свыше 770 ученых, в том числе один академик Академии медицинских наук СССР, два члена-корреспондента Академии наук Грузинской ССР, 45 докторов и 359 кандидатов наук. Почетных званий Заслуженного деятеля науки Грузинской ССР и Абхазской АССР удостоено около 30 человек.

Среди научных учреждений нашей республики ведущее место по праву занимает Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Унаследовав лучшие традиции первых научных организаций Абхазии, он стал подлинным центром абхазоведения.

По своему характеру Абхазский институт является многопрофильным научно-исследовательским учреждением. Тематика разрабатываемых в нем проблем охватывает широкий круг вопросов абхазского языка, абхазской литературы и фольклора, истории, археологии, этнографии, искусства и экономики Абхазии. В данное время в шести отделах Института объединены 50 научных работников, из них – 7 докторов и 32 кандидата наук.

Другим научным коллективом в Абхазии, успешно занимающимся проблемами абхазоведения, является профессорско-преподавательский состав Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького.

Если же говорить конкретно об абхазском языкознании, то следует, прежде всего, подчеркнуть, что оно в Абхазии возникло лишь после победы Великого Октября и было непосредственно связано с процессом культурной революции.

Абхазский народ, как и все трудящиеся нашей страны, неудержимо потянулся к просвещению, к широкой культуре. Перед молодой республикой встали неотложные практические задачи. Необходимо было усовершенствовать графику абхазского письма, развернуть работу по составлению учебников, учебных пособий, программ для различных звеньев просвещения и по созданию всевозможных словарей – двуязычных абхазско-русского и русско-абхазского, абхазско-грузинского терминологического и орфографического, выработать орфографические и орфоэпические правила, подготовить преподавательские кадры.

Для решения сложных практических вопросов была необходима соответствующая теоретическая база, нужны квалифицированные специалисты.

Сама абхазская республика, естественно, одними только собственными силами и возможностями не могла справиться с этой ответственной и трудной задачей. И ей на помощь пришли ученые братских рес-публик, которые, в частности, планомерно готовили и готовят, по сей день высококвалифицированных специалистов научного фронта.

В этом отношении трудно переоценить роль таких научных центров, как Институт языкознания АН Грузинской ССР, Тбилисский государственный университет, Институт языкознания АН СССР.

В становлении и развитии лингвистической науки, как в Абхазской АССР, так и во многих других национальных республиках и областях Кавказского региона, неопределимый вклад внесли выдающиеся ученые-кавказеды Н.Я. Марр, И. И. Мещанинов, С. Н. Джанашиа, А. С. Чикобава, В. Т. Топуриа, К. В. Ломтатидзе, Г. Н. Рогава, Н. Ф. Яковлев, А. Н. Генко и др.

Особо следует отметить большую роль члена-корреспондента АН Грузинской ССР, заслуженного деятеля науки Грузинской ССР и Абхазской АССР, профессора К. В. Ломтатидзе в подготовке научных кадров по абхазскому языку. Под её непосредственным руководством высокую научную квалификацию получили многие языковеды, работающие ныне у нас в Абхазии.

В частности, в отделе языка Абхазского института плодотворно трудится группа исследователей. В этом отделе, кстати проведена значительная работа по монографическому изучению диалектов абхазского языка, успешно исследуется структура абхазского языка, интенсивно ведется лексикографическая работа: собирается материал по отраслевой лексике, завершена работа по составлению однотомного толкового переводного словаря, составлен орфографический словарь и т. д.

Настоящая научная сессия, несомненно, явится для наших специалистов дополнительным источником творческой энергии, который позволит обеспечить исследовательскую работу на высоком научном уровне.

Наша сессия посвящена одной из кардинальных проблем иберийско-кавказской лингвистики – вопросам категории грамматических классов. В её работе принимают участие известные специалисты-кавказеды из Тбилиси, Москвы, Ленинграда, Нальчика, Орджоникидзе, Черкесска, Майкопа, Махачкалы, Грозного, Баку, Ростова, Кировобада и Сухума.

Мне доставляет большое удовлетворение и делает большую честь ещё раз приветствовать Вас, дорогих участников сессии, и пожелать Вам успехов в течение всей работы этого научного форума, доброго здоровья и новых творческих достижений во славу нашей великой Родины.

С этими словами позвольте мне Седьмую региональную научную сессию по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков, посвященную 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, объявить открытой.

Сухум, 16.11.1977 г.

РОЛЬ АБХАЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ*

Вопрос об изучении истории интеллигенции вообще в нашей исторической науке оставляет желать много лучшего.

Что касается, в частности, абхазской интеллигенции, то первая обобщающая работа по исследованию ее развития появилась лишь недавно². Исходным моментом этого процесса было начало XIX в., когда судьба абхазского народа, как и других, связывается с Россией. Плодотворное влияние русской культуры во взаимодействии с местными культурными традициями явилось определяющим фактором образования абхазской интеллигенции, развития общественно-политической мысли края.

* Доклад на научной конференции «Интеллигенция и революция. XX век». Тбилиси. 17.11.1981 г. Конференция была организована Комиссией многостороннего сотрудничества академий наук соц. стран по проблеме История Великого Октября и последующих социалистических революций и ее грузинской рабочей группой, Науч. Советом АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» и его грузинской секцией, Научным Советом АН СССР по проблеме «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» и его грузинской секцией, институтом истории СССР АН СССР, Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, Ин. Истории, арх. и этнографии им. Джавахиашвили АН ГССР и Ин. Ист. Парт. при ЦК КП Г. – фил. ИМЛ при ЦК КПСС.

При этом абхазская интеллигенция предстает как часть многонациональной интеллигенции самой Абхазии, особенно со второй половины XIX в., когда в национальной структуре края происходят резкие изменения (в результате махаджирства – миграции, развития капитализма и т. д.)...

Передовую интеллигенцию составляли, прежде всего, интеллигенты-революционеры и в первую очередь их авангард – большевики. Большевистская партийная интеллигенция сыграла выдающуюся роль в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции.

Между тем вопрос о непосредственном участии демократической интеллигенции в целом, как одного из слоев трудящихся, в событиях Октября, к сожалению, в литературе не нашел еще должного освещения. Следовательно, изучение этой проблемы остается актуальной задачей нашей исторической науки.

Первая попытка в этом направлении применительно к абхазской действительности, как уже было сказано, сделана в названной выше монографии.

Накануне Октябрьской революции в Абхазии имелся уже довольно значительной отряд интеллигенции. Многие представители ее демократической части приняли активное участие в бурных событиях двух буржуазно-демократических революций. Особенно события февральской революции 1917 г. явились важным этапом в дальнейшем формировании интеллигенции, как и в процессе консолидации абхазского народа в целом.

Одним из важнейших явлений в жизни интеллигенции Абхазии этого периода было обострение в ее среде социальных и идейных конфликтов.

На переднем крае борцов за подлинные интересы народа, естественно, находились интеллигенты – профессиональные революционеры, среди которых выделяются Н. А. Лакоба, Е. А. Эшба, С. А. Картозия, Н. С. Сванидзе и др.

Это были энергичные молодые большевики, прошедшие уже хорошую школу классовой борьбы, включая университетский период жизни. И самым значительным фактом в их деятельности между февралем и октябрём было создание в мае месяце Сухумского Окружного комитета большевистской партии.

После VI съезда РСДРП(б), нацелившего партию на вооруженное восстание, большевики Абхазии также развернули борьбу за победу социалистической революции.

Победа этой революции в 1917 г. и лозунги Октября привлекли на сторону Советской власти широкие слои трудящихся всей страны. Однако, как известно, в Закавказье победа социалистической революции в силу ряда причин задержалась, хотя события Октября всколыхнули весь край и горячо приветствовались трудящимися.

В Тбилиси начал свою деятельность в качестве «правительства» контрреволюционный Закавказский комиссариат. Созданный для изоляции края от Советской России, он, естественно, не способен был решить ни одного коренного вопроса революции.

В это же время в Сухуме был организован Абхазский Народный Совет, в состав которого вошли и представители интеллигенции.

В этот период еще больше активизируется революционная борьба трудящихся масс, положение которых становится невыносимым. Обострение классовых противоречий, в частности, в деревне в конце 1917 г. привело к возникновению революционной крестьянской дружины «Киараз» в Бзыбской Абхазии, сыгравшей затем выдающуюся роль в истории борьбы за Советскую власть в крае.

Среди ее организаторов и руководителей были известные революционеры, большевики-интеллигенты во главе с Н. А. Лакоба. Членами дружины, которая, зародилась в гуще абхазского крестьянства, вскоре становятся, в определенной мере интернациональной, являлись многие народные учителя и другие представители интеллигенции.

Начало 1918 г. в Абхазии, как и во всем Закавказье, ознаменовалось дальнейшим усилением революционного движения. Влияние большевиков здесь настолько усилилось, что в феврале председатель Сухумского окружкома большевистской партии Е. А. Эшба избирается и председателем Сухумского Совета рабочих депутатов, а в марте – апреле почти на всей территории края устанавливается Советская власть, просуществовавшая в Сухуме 40 дней, а в районах – еще дольше. Эти события вытекали из общей задачи борьбы за победу социалистической революции в Закавказье.

В завоевании и защите поистине «Абхазской коммуны» участие трудовой интеллигенции было активным. Многие из них руководили боевыми отрядами, а затем – органами Советской власти. Председателями Сухумского Окружного военно-революционного комитета (ВРК) – временного центрального органа власти Советов в Абхазии – становится тот же Е. А. Эшба, заместителем председателя

– Н. А. Лакоба, а секретарем – народный учитель В. Г. Адлейба и т. д.

ВРК Абхазии, руководствуясь опытом Правительства РСФСР, его декретами и директивами, развернул широкую работу по осуществлению социалистических преобразований и укреплению Советской власти в регионе. Большое внимание уделялось, в частности, проблемам культуры и просвещения, работе с интеллигенцией и т. д. Орган ВРК «Сухумская правда» часто печатал материалы по всем этим вопросам. Так, 28 апреля в газете было опубликовано подписанное В. И. Лениным и А. В. Луначарским постановление Совнаркома от 17 декабря 1917 года о передаче дела воспитания и образования подрастающего поколения из духовного ведомства в ведение Наркомпроса. В статье «Читатель и школа» (№12) говорилось: «В настоящее время должно быть обращено сугубое внимание на дело народного просвещения. Необходимо ввести всеобщее обязательное обучение».

Придавая большое значение событиям в Абхазии, В. И. Ленин внимательно следил за их развитием. Несмотря на тяжелые условия, вызванные гражданской войной и иностранной интервенцией, он много сделал для защиты Абхазии. Однако указанные чрезвычайные обстоятельства затруднили осуществление плана широкой поддержки Советской Абхазии, что, в конечном счете, и определило его судьбу.

В начале осени 1918 г. буржуазно-меньшевистские правители Грузии, марионетки международного империализма, снова заняли всю территорию края и развернули необычайно жестокий террор. Из состава АНС были выведены, а затем и арестованы многие революционно настроенные депутаты-интеллигенты (Д. И. Алания, И. Н. Маргания, В. К. Чачба и др.). С другой стороны, часть местной интеллигенции усердствовала в меньшевистском лагере, а некоторые смыкались с монархическими элементами, ориентировавшимися на южно-русскую контрреволюцию. Типичной меньшевистской политической программы придерживались и те меньшевики из абхазской интеллигенции, которые, недовольные некоторыми мерами грузинского меньшевистского правительства в Абхазии, вызывавшими в массах всеобщее возмущение, создали в Абхазском Народном Совете отдельную «фракцию».

Однако уже с осени 1918 г. в Абхазии учащаются массовые выступления трудящихся против буржуазно-меньшевистского режима.

В общей борьбе против этой реакции активную роль продолжала играть абхазская демократическая интеллигенция. Заслуживает особого внимания деятельность ее представителей в Абхазском народном совете, где они выступали под названием «Группа независимых социалистов» («независимцы»). Это были известные революционные и общественные деятели С. Я. Чанба, М. К. Цагурия и др.

Они являлись инициаторами составления известного Заявления 14 оппозиционных депутатов названного Совета правительству меньшевистской Грузии от 6 ноября 1919 г., в котором остро обличалась антинародная политика этого правительства. «Меморандум» был опубликован в тифлисской газете «Социал-демократ», а впоследствии использован Кларой Цеткин в ее замечательной книге «На освобожденном Кавказе» с целью разоблачения грузинских меньшевиков, а также лидеров II Интернационала, лакеев международного империализма. «Кровь стынет в жилах, кулаки сжимаются, – писала она, – когда читаешь и слышишь о том, как «демократия» огненными буквами запечатлевала в памяти крестьян воспоминания о ее нежных попечениях».

«Независимцы» держали связь с руководящими партийными работниками Абхазии, в том числе с Е. А. Эшба, Н. А. Лакоба и С. А. Картозия, вынужденными в это время находиться за пределами края. Характеризируя деятельность этой «фракции» Абхазского народного совета, «стоявшей на платформе Компартии», Лакоба впоследствии писал: «Они, пользуясь парламентскими законами, всячески клеймят шовинистов, грузинских националистов, разоблачают все их фокусы и шантажи и поддерживают в крестьянской массе стихийное недовольство. Группа товарищей в Абхазском народном совете, можно сказать без преувеличения, выполняла добросовестно свой революционный долг»⁴.

«Независимцы», в частности, координировали с большевистскими руководителями свою инициативу по созданию специального органа печати. В результате еще 27 февраля 1919 г. выходит первая абхазская газета «Апсны» («Абхазия»). Ее редактирование было поручено основоположнику абхазской литературы Д. И. Гулиа, шрифт был доставлен из Тбилиси народным учителем А. М. Чочуа. В газете активно сотрудничали С. Я. Чанба, Д. И. Алания, М. А. Лакербай и другие видные представители абхазской демократической интеллигенции.

Это было показателем ясного понимания данной группой абхазской интеллигенции идеологического значения прессы, ее роли в формировании направления общественной мысли. Вместе с тем сам факт появления периодического органа, потребность в нем

свидетельствует о достаточно высокой степени развития народа, его интеллектуального уровня.

Газета «Апсны» с самого начала вышла за официально определенные ей узколитературные рамки, став и общественно-политической. Пропаганда большевистских идей и критика деятельности меньшевистского правительства и его органов в Абхазии много раз ставили газету на грань закрытия. В сентябре 1919 г. (№№ 26-27) на ее страницах была напечатана статья С. Я. Чанба, которую можно охарактеризовать как пример яркой политической публицистики. В ней трудящимся края разъяснялись цели и задачи большевистской партии. Показателен и первомайский номер «Апсны» за 1920 г., который почти целиком был посвящен пролетарскому празднику. Освобождение трудящихся Абхазии возможно только в соединении с Советской Россией – вот важнейшее положение, как этих, так и других материалов газеты.

Газета «Апсны» и тематически становится многообразной. Она, в частности, постоянно освещала состояние школьного дела в Абхазии. По этому вопросу особенно активно выступал Д. И. Гулиа. Он же очень часто писал об абхазской интеллигенции, о ее видных представителях (С. Я. Чанба, М. Л. Чачба-Шервашидзе, Ф. Х. Эшба, С. П. Басария, Г. Д. Туманове и др.).

Газета «Апсны» способствовала развитию абхазской литературы, основной темой которой была судьба народа. Она способствовала и развитию абхазского литературного языка. На ее страницах Д. И. Гулиа постоянно выступал со стихами, рассказами и очерками, проникнутыми патриотическими мотивами, тревогой за судьбу родной Абхазии. В марте 1919 г. на страницах «Апсны» был опубликован рассказ Гулиа «Под чужим небом», ознаменовавший зарождение абхазской прозы.

Патриотические и социальные мотивы звучали и в творчестве другого выдающегося абхазского писателя – С. Я. Чанба. Автора драмы «Махаджиры» и поэмы «Апсны» («Дева гор») (впервые опубликованы в газете «Апсны») волнует историческая судьба своего народа.

Газета «Апсны» способствовала сплочению трудовой интеллигенции, воспитанию ее молодой поросли. На страницах «Апсны» впервые стали печататься И. Когониа, М. Хашба, М. Лакрба, Д. Дараселия, Ш. Хокерба и другие, ставшие затем видными писателями.

Издатели «Апсны» ясно сознавали, что развитие абхазской национальной культуры может происходить на родном языке, на самобытной национальной основе, при широком всестороннем общении

с культурой других народов. Газета делала много для преодоления «национальной замкнутости».

Вне влияния «независимцев» нельзя представлять и деятельность А. К. Чачба-Шервашидзе, имя которого может стоять в одном ряду с именами выдающихся художников России начала XX в. Следует, прежде всего, отметить, что он, долгие года живя и работая в Петрограде, встретил Октябрьскую революцию восторженно. Художник сразу же включается в строительство социалистической культуры, самоотверженно работая в разных театрах столицы и решительно выступая против чуждых народу направлений. Приехав в Сухум в феврале 1918 г., он активно берется за организацию здесь драматических курсов и постановок остро политического звучания, а затем за создание музыкальных курсов, художественной студии и т. д. А. К. Чачба играл важную роль и в популяризации в то мрачное время в крае театрального искусства Советской России.

Активную культурно-просветительскую работу вели также Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, С. Я. Чанба, П. С. Шакрыл и другие, руководя различными общественно-культурными организациями, курсами и т. д.

В феврале 1920 г. в Сухуме собрался съезд абхазской интеллигенции, весьма разнообразный по своему составу. Выступления «левых делегатов» на этом собрании сыграли большую роль в разоблачении контрреволюционной политики меньшевиков и разъяснении подлинно народной сущности Советской власти. «Независимец» М. К. Цагурия, коммунист с 1918 г., охарактеризовал буржуазно-националистические «республики» Закавказья как детище империалистического мира. Под действием группы «независимцев» и сочувствовавших им участников собрания были приняты резолюции, отражавшие чаяния трудовых масс.

«Независимцы» сыграли большую роль и в срыве дополнительных выборов по Абхазии в Учредительное собрание Грузии, бойкотируемых большевиками.

Вскоре в крае начались новые жестокие репрессии. Шли повальные аресты большевиков и других революционеров. В частности, снова в тюрьму были брошены «независимцы» М. К. Цагурия, Д. К. Алания и И. Н. Маргания, которые обвинялись в «государственной измене», в попытках «ниспровержения существующего строя». А оставшийся на воле С. Я. Чанба на очередном заседании Абхазского Народного Совета выступил с разоблачающей речью.

Вследствие исключительно неблагоприятных условий еще весной 1919 г. замечательный художник А. К. Чачба (Шервашидзе) вынужден был покинуть родной край. Популярный абхазо-грузинский хор Дзуку Лолуа также прекращает свое существование: меньшевистским властям не по душе оказался этот коллектив, его интернациональный характер. Не одобрялась деятельность и другой видной представительницы грузинской интеллигенции в Абхазии – М. Н. Анчабадзе (Дадияни), направленная на развитие дружбы и братства между грузинским и абхазским народами.

Однако никакие репрессивные меры не могли приостановить ход исторического развития. Революционное движение нарастает по всей Грузии. В этот процесс втягивается и основная масса абхазской трудовой интеллигенции, в том числе молодые силы.

Д. И. Гулиа незадолго до этого писал (стихотворение «Апсны»):

Не бойся трудностей, Апсны.
Кто побеждает зло – боец,
Достойный похвалы.
Борьба – вот друг таких сердец,
Что в бурю могут плыть.

И достойные похвалы бойцы – «независимцы» уже в конце 1920 г. свою деятельность непосредственно увязывают с подготовкой к новому вооруженному восстанию в крае за власть Советов. Воспользовавшись отказом меньшевистского правительства предоставить Абхазии автономию, они уже в практической плоскости ставят вопрос о воссоединении с Советской Россией, развернув одновременно широкую пропаганду среди многонационального населения.

Вскоре М. К. Цагурия направляется в Баку для личных переговоров с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым, которые ознакомили его с общим планом восстания в крае. Перед самым началом восстания в Абхазии тот же Цагурия получает письмо от уполномоченного Кавбюро ЦК РКП(б), известного грузинского революционера-большевика А. Н. Саджая, в котором говорилось: «Я уверен, что Вы, Маргания, Алания, Чанба, независимая фракция Абхазского народного совета, учитывая факт ближайшего падения меньшевистской власти в Грузии, примете немедленные меры теперь же к освобождению трудящихся масс Абхазии и поднимете Красное знамя революции против лжесоциалистов – меньшевиков... Абхазия имеет право на такое

же свободное развитие, какое предоставила Советская власть всем малым народам бывшей Российской империи. Желаю бодрости и твердости в предстоящей Вашей борьбе с желтой контрреволюцией»⁴.

Представители абхазской революционной интеллигенции продолжали в это время активно действовать и за пределами Абхазии, играя руководящую роль. Некоторые из них (Е. А. Эшба, Н. А. Лакоба, Н. Н. Акиртава) в августе 1920 г. прибыли в Баку для участия в работе I съезда народов Востока, созванного по инициативе В. И. Ленина.

Е. А. Эшба и Н. А. Лакоба были оставлены в распоряжении Совета пропаганды и действия, избранного названным съездом в качестве руководящего органа. Затем они с группой абхазских работников были направлены со специальным заданием в Турцию, где в это время происходили серьезные политические перемены. А Н. Н. Акиртава оставался в Баку до начала вооруженного восстания в Абхазии. Он являлся членом Бакинского бюро Кавбюро ЦК РКП(б) и вел активную работу по «абхазскому вопросу» под непосредственным руководством Г. К. Орджоникидзе.

В феврале 1921 г. в Грузии началось всеобщее вооруженное восстание. Оно быстро охватило и Абхазию. Был создан Ревком Абхазии в составе Е. А. Эшба (председатель), Н. А. Лакоба и Н. Н. Акиртава. По решению Советского Правительства на помощь восставшим трудящимся края, выполняя свой интернациональный долг, пришла Красная Армия.

Вместе с ее боевыми частями самоотверженно сражались местные партизанские отряды, в составе которых широко была представлена демократическая интеллигенция, особенно учительство. Так, И. П. Чамагуа, вырвавшись из тюрьмы, стал начальником штаба «Киараз», М. Г. Гобечия был одним из руководителей этой дружины и членом Гудаутского уездного комитета партии. А. И. Чукбар накануне установления Советской власти в Гудаута возглавил Временный комитет общественной безопасности, который принял меры против ограбления города отступающим в панике противником. Такую же роль в Сухуме играл А. М. Чочуа.

Однако немало представителей интеллигенции Абхазии было и в стане врага. Это были окончательно обанкротившиеся буржуазные националисты. Однако даже сам их старшой, объявленный в эти крайне критические для контрреволюции дни генерал-губернатор Абхазии, Д.

М. Эмухвари не только уже не верил в незыблемость меньшевистской власти, но в попытках готовился к бегству из страны.

25 февраля 1921 г. над Тбилиси взвилось Красное знамя Советов, а 4 марта – над Сухумом. В этот памятный день Ревком Абхазии телеграфировал В. И. Ленину: «Восставшие крестьяне и рабочие Абхазии свергли преступное меньшевистское правительство и провозгласили Советскую власть в Абхазии.

Молодая Советская Абхазия шлет свой первый революционный привет Великой Советской России – заступнице всех малых, угнетенных народностей и покровительнице трудящихся масс всего мира»⁵.

Началась новая эра в жизни абхазского народа, всех трудящихся края. Началась она, в частности, и в жизни интеллигенции. За годы Советской власти в Абхазии выросли замечательные кадры национальной интеллигенции, внесшие большой вклад в строительство социализма.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА НАУЧНЫХ ФОРУМАХ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА II СЪЕЗДЕ ГРУЗИНСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРА

Товарищи! Многое предстоит сделать созданному в 1959 году Грузинскому научному обществу истории, археологии, этнографии и фольклора. Тогда же было основано и его Абхазское отделение.

В настоящее время Абхазское отделение охватывает 125 человек. Во всех районных центрах республики и в городе Сухум созданы его отделения. При Абхазском отделении имеются две секции – истории и археологии (руководитель кандидат исторических наук Б. Е. Сагария), этнографии и фольклора (руководитель профессор Ш. Д. Инал-ипа).

Президиум Абхазского отделения заседал периодически, проводились также расширенные заседания членов Общества, на которых обсуждались актуальные вопросы, в частности, предусмотренные в плане работы Президиума.

Для членов Общества был проведен ряд лекций и докладов на важные научно-теоретические темы. В феврале 1964 г. был заслушан доклад покойного академика М. Н. Тихомирова «Из истории Московского Кремля» (присутствовало 50 человек); в июне 1964 года – проф. Г. А. Дзидзария «О Советах в Абхазии в 1917 - середине 1918 года», в обсуждении доклада приняла участие большая группа историков; в октябре 1964 года – проф. М. В. Церцвадзе «Об итогах научной сессии АН СССР по национальному вопросу» (присутствовало более 60 человек).

Кроме того, для общественности города были проведены лекции проф. Г. А. Дзидзария на темы «Основные этапы истории Абхазии» (присутствовало около 200 человек) и «Греция сегодня (о поездке в Грецию)» (присутствовало свыше 300 человек).

Члены Общества (Ш. Д. Инал-ипа, А. Э. Куправа, А. А. Абшилава, М. К. Делба и др.) систематически выступают на страницах печати со статьями на краеведческие и научно-теоретические темы.

В 1962 году был создан авторский коллектив и редакционная коллегия по сбору материалов и подготовке к изданию сборника «Борцы за Советскую власть в Абхазии». Сборник был составлен совместно с работниками Архивного управления при Совете Министров Абхазской

АССР и издан в 1965 году. Собранный же материал сдан в Центральные архивы Абхазии. В данное время идет подготовка второго издания этого сборника.

В декабре 1964 года состоялось собрание членов общества, на котором был обсужден вопрос об организации записи воспоминаний и сбора документов по вопросу борьбы за Советскую власть в Абхазии (в связи с 50-летием Октябрьской революции). В настоящее время продолжается работа по сбору указанного материала.

В июне 1965 года было проведено общее собрание членов Общества с привлечением общественности г. Сухума, посвященное 70-летию со дня рождения известного абхазского педагога, краеведа и общественного деятеля С. П. Басария. По решению этого собрания ведется подготовка сборника работ С. П. Басария, который будет издан в 1966 году.

Было также решено организовать научные доклады о жизни и деятельности других известных педагогов, краеведов и общественных деятелей Абхазии – Н. Джанашиа, П. Чарая, К. Дзидзария. Из числа членов Общества выделены докладчики (Ш. Д. Инал-Ипа, Л. Х. Акаба, И. Н. Кортуа и др.). Ведется подготовка к проведению 80-летия Г. К. Орджоникидзе и столетия Абхазского восстания 1866 года (ответ: Г. А. Дзидзария и А. О. Тулумджян).

Члены Общества приняли активное участие в подготовке и проведении юбилея, посвященного 100-летию абхазской письменности (ноябрь 1965 г.).

В октябре 1965 года было проведено объединенное заседание членов нашего общества и Абхазского отделения Грузинского общества культурных связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, на котором были заслушаны доклады старшего научного сотрудника Института народов Азии АН СССР Б. Поцхверия «О современной Турции» и члена Общества, участника Измирской выставки И. Григолия о турецких абхазах. В конце заседания с большим интересом были прослушаны записи на пленке абхазских народных песен и сказаний (о нартах и Абрскиле), привезенные т. Григолия. Этот материал будет храниться в архиве Общества.

Надо надеяться, что новый состав Совета Абхазского отделения и его Президиум обеспечат работу Общества на высоком уровне, при этом и небольшой опыт работы прошлых лет может оказать известную помощь.

На конференции Абхазского отделения, состоявшейся 15 апреля с. г., на которой кроме делегатов присутствовали представители общественности города Сухума (научные работники, педагоги и др.) мы, пользуясь случаем, постарались широко осветить задачи, стоящие перед нашей научной организацией и определенные ее уставом.

Всем совершенно ясно, что осуществление этих задач может принести большую пользу, имеет очень важное значение для творческого роста научно-педагогических кадров.

Тбилиси, 27.4.1966 г.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ АН ГССР

Товарищи! ... В Абхазии, где до Советской власти научные работники исчислялись буквально единицами, в настоящее время функционирует около 20 научных организаций и два крупных вуза, в которых плодотворно трудится большой отряд ученых.

Например, Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа под руководством и с помощью Академии наук Грузинской ССР стал подлинным центром абхазоведения. Тематика, разрабатываемая в нем, охватывает важнейшие вопросы абхазского языка, литературы и фольклора, истории, археологии, этнографии, искусства и экономики Абхазии. Особое место в нашем многопрофильном Институте занимает изучение истории социалистического и коммунистического строительства в Абхазской АССР.

Ежегодно научные учреждения, а также высшие учебные заведения Абхазии десятками трудов и исследований обогащают советскую науку, активно участвуют в решении конкретных социально-экономических и научно-практических проблем.

Нельзя не сказать и о большой активности всей научной интеллигенции Абхазии в направлении пропаганды научных знаний. Очень важным мероприятием, в частности, является работа по экономическому образованию кадров, широких масс трудящихся, борьбе против религиозной идеологии и т. д.

Говоря о творческой и общественной деятельности ученых Абхазии, нужно отметить и тот примечательный факт, что они всегда находились

в рядах людей, ведущих борьбу и против таких пережитков прошлого, как стяжательство и частнособственнические тенденции, против несовместимых с моралью и законами социалистического общества явлений, которые, как известно, нанесли большой материальный и моральный ущерб и, следовательно, подрывали психологические устои людей.

Намечен целый ряд мероприятий по достойному ознаменованию 70-летия революции 1905-1907 гг. и 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Планируются конкретные меры по усилению интернационального воспитания трудящихся.

В работе наших учреждений, разумеется, есть и недостатки и упущения. Например, коллектив Абхазского института вполне сознает, что необходимо улучшить организацию работы, координацию работы отделов с деятельностью других, родственных научных и творческих учреждений республики. Очень важно добиться, чтобы планы научно-исследовательских работ всегда характеризовались крупными, обобщающими темами. Следует повысить требовательность к научным кадрам, чтобы их труды всегда стояли на должном научно-теоретическом и идейно-политическом уровне, отличились глубиной и остротой социального анализа. Я уже не говорю о необходимости повышения у каждого научного работника чувства ответственности за выполняемое дело, улучшения культуры исполнения, дисциплины.

Особого внимания требует внедрение результатов исследований в жизнь. Чрезвычайно важно в этой связи усиление контроля за практической реализацией завершенных работ. Вместе с тем необходимо решительно бороться против такого явления, когда законченные работы, на которые израсходованы народные средства, иногда остаются вне практического применения из-за их низкого уровня, или в связи с получением малоэффективных результатов.

Хочу обратить Ваше внимание на то, что решением бюро Отделения истории Академии наук СССР начата координационная работа по написанию в предстоящем пятилетии многотомной региональной истории народов Кавказа с древнейших времен до наших дней. В ней как раз будет обращено особое внимание на глубокое раскрытие исторических взаимоотношений народов. Можно ожидать, что подготовка труда такого масштаба будет образцом координации работы.

Кстати, вопрос координации, сотрудничества научных учреждений у нас в республике, как мне кажется, в ряде случаев все еще является нерешенной проблемой. Порой не только отдельные исполнители, но и

научные организации и их структурные подразделения работают без должного контакта. Недавно мне по поручению Президиума Академии наук Грузинской ССР довелось с группой ученых побывать в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте. Ряд сотрудников этого Института указывал на отсутствие или недостаточность такого творческого контакта с ведущими научными учреждениями.

Жизнь давно подсказывает необходимость усиления работы по расширению связей и контактов между научно-исследовательскими институтами, вузами республики. Это очень важно для поднятия научного уровня исследований.

Мне кажется, что, учитывая некоторый опыт социально-психологических исследований, следует подумать об организации их координационного центра. Может быть, было бы целесообразно при нашей Академии создать специальный Институт по этой проблеме, а кое-где на местах – его филиалы.

Назрели, видимо, и некоторые другие вопросы. В Абхазском, Батумском и Юго-Осетинском научно-исследовательских институтах системы Академии наук Грузинской ССР имеются отделы или группы экономистов. Однако они настолько незначительны, что давно вызывают тревогу. Из-за ограниченности исполнителей и по другим объективным причинам в них не изучаются многие важные экономические проблемы. Например, в Юго-Осетинском НИИ не исследуется экономика промышленности, тогда как в структуре народного хозяйства области удельный вес промышленности в валовой продукции составляет 67,4%. Следовательно, вопрос должен быть глубоко изучен и положительно решен в ближайшие сроки.

Необходимо пересмотреть профиль местных издательств (например «Алашара»). В настоящее время они фактически лишены права издавать, так сказать, «чисто» научную литературу. Такая постановка вопроса, разумеется, не стимулирует развитие научной мысли на местах.

Давно уже высказывается мнение об укрупнении отдельных родственных научных организаций Абхазии, например, сельскохозяйственного профиля. Такое мероприятие позволило бы расширить исследовательскую базу, сосредоточить научные силы на решении наиболее важных проблем и избежать параллелизма.

В свете всего сказанного, думается, вполне логична постановка вопроса в создании специального органа для руководства и координации

научно-исследовательской работы в Абхазий. Сам собой напрашивается и вопрос об учреждении в Сухуми Дома ученых. Это тем более правомерно, что наш город давно стал местом проведения всесоюзных и международных научных конференций и симпозиумов.

Все это очень важно сегодня, когда наука стала непосредственной производительной силой...

Тбилиси, 20.2.1975 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА IV СЪЕЗДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ГРУЗИИ

Товарищи! Со времени организационного оформления Абхазского Отделения были проведены четыре конференции. Все они прошли на должном уровне.

За отчетный период Абхазское отделение исторического общества Грузии численно выросло, организационно окрепло и стало в известной степени координирующим центром. В настоящее время оно объединяет 340 человек. Это – преимущественно научные работники и преподаватели истории вузов и общеобразовательных школ.

В Гудаутском, Сухумском, Гульрипшском, Очамчирском, Гальском районах, а также в городах Гагра и Ткварчели имеются группы Общества. В г. Сухуме первичные организации общества созданы в пединституте им. А. М. Горького, Центральном государственном музее им. Д. И. Гулиа, Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа и в Сухумском городском отделе просвещения.

При Ученом совете Абхазского отделения работают четыре секции: история (руководитель – Б. Е. Сагария), археология – (Г. К. Шамба), этнография (Е. М. Малия) и фольклор (В. Б. Агрба).

К сожалению, как это показали отчетно-выборные собрания, в некоторых районных и городских организациях не было планомерной работы, а отдельные члены Общества – пассивны. Не было должного руководства и со стороны Президиума Абхазского отделения.

Тем не менее, Абхазским отделением Исторического общества Грузии за отчетный период проведена определенная работа в

исследовании и пропаганде актуальных вопросов истории, археологии, этнографии и фольклора Абхазии.

В 1972 году Абхазское отделение осуществило ряд мероприятий в связи с 50-летием образования СССР. Совместно с работниками Абхазского института и вузов Сухума, в ноябре была проведена научная сессия. Многие члены Общества (Г. Дзидзария, В. Чания, А. Куправа, Б. Сагария, Л. Прицкер и др.) выступали перед трудящимися республики с докладами, а также на страницах периодической печати по вопросам истории образования СССР. Кроме того, некоторые наши ученые выступали с докладами и сообщениями на научных конференциях и сессиях в Москве, Тбилиси, Киеве, Донецке.

Члены Общества (Г. Дзидзария, А. Абшилава, Ш. Салакая, М. Хварцкия и др.) на общественных началах подготовили и издали сборник статей «Абхазская АССР в братской семье советских народов». Были изданы также книги «Дружба извечная, нерушимая. Очерки грузино-абхазских отношений» (З. Анчабадзе, Г. Дзидзария), «А. К. Хашба» (Х. С. Бгажба).

Продолжался сбор документов и материалов по вопросам истории и культуры Абхазии. Записаны, в частности, новые воспоминания об участниках революционного движения в Абхазии.

Плодотворны были также результаты научных экспедиций археологов, этнографов, фольклористов, языковедов. Но нам, к сожалению, не удалось вовлечь в эту работу широкий круг членов Общества.

В Гали был открыт районный народный музей. В его создании приняли активное участие члены Общества В. Пачулия, Н. Шония и др. Интересный музей создан и при Лыхненской школе (М. А. Чамагуа).

Члены Общества уделяли серьезное внимание вопросу борьбы против вредных, отживших обычаев и традиций. Профессор Ш. Д. Инал-ипа в 1972 году подготовил работу «Традиции и современность» (издана в 1974 году).

Определенная работа была проведена и по оказанию помощи членам Общества в повышении их научной квалификации. Защитили кандидатские диссертации Б. Кварацхелия и Б. Матиташвили.

В 1973 году многие члены Общества (Г. Дзидзария, Ш. Инал-ипа, И. Ахалая, А. Куправа, Б. Сагария и др.) продолжали систематически выступать перед трудящимися по актуальным вопросам истории, экономики и культуры.

Правление Общества совместно с ЦНИЛТЭ 7 марта 1973 года провело научно-методическую конференцию по охране и пропаганде исторических памятников Абхазии.

27 июня 1973 года состоялось юбилейное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения видного педагога, этнографа и общественного деятеля Н. С. Джанашиа.

В 1973 году вышла из печати вторая часть книги «Борцы за Советскую власть в Абхазии» (авторы – Г. Дзидзария, А. Куправа, Б. Сагария, Л. Прицкер, А. Джикия и др.) Кроме того, вышел сборник документов и материалов «Деятельность органов РКИ Абхазии (1921-1934 гг.)» (сост. З. Ивардава).

В июле состоялась научная конференция, посвященная 70-летию II съезда РСДРП, проведенная совместно с Абхазским институтом. В ноябре в г. Гудаута была проведена выездная сессия совместно с Абхазским институтом. Был заслушан ряд докладов по проблемам истории и экономики Абхазской АССР.

В декабре месяце было проведено расширенное заседание Отделения, посвященное 80-летию со дня рождения видного общественного и государственного деятеля С. Картозия (докладчик – Б. Сагария).

Абхазским отделением Общества в 1973 году была проведена и большая собирательская работа с привлечением работников архивного управления, Абгосмузея и Абхазского института. В частности, был собран интересный материал и подготовлен ряд работ, посвященных просветителям и краеведам Абхазии.

В 1974 году при активном участии членов Общества также было проведено несколько научных сессий и конференций. Так, 22 января 1974 года состоялась конференция – «50-лет без Ленина по ленинскому пути». В мае в Абгосмузее, в Сухгоспединституте и Абхазском институте были проведены научные сессии, посвященные 100-летию со дня рождения Д. И. Гулиа.

Многие члены общества (Г. А. Дзидзария, Х. С. Бгажба, В. Б. Агрба и др.) в центральных и местных журналах и газетах опубликовали статьи, посвященные литературной и научной деятельности основоположника абхазской литературы. Члены Общества Ш. Д. Инал-ипа и Ш. Х, Салакая издали в Ленинграде книгу поэтических произведений Д. И. Гулиа. Профессор Ш. Д. Инал-ипа кроме того, издал в Сухуме книгу о жизни и творчестве Д. И. Гулиа под названием «Прыжок благородного оленя».

В октябре месяце в с. Эшера члены нашего Общества совместно с Абхазским институтом провели выездную научную сессию, где о творческом наследии Д. И. Гулиа выступили Г. А. Дзидзария, Л. А. Шервашидзе, Ш. Х. Салакая и др. Члены общества выступали также с лекциями о Д. И. Гулиа.

17 декабря в Сухуме состоялся слет краеведов-историков Абхазии, проведенный совместно с Абхазским государственным музеем и Абхазским Советом Грузинского общества памятников культуры.

Кроме того, нашими учеными (Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа, С. Л. Зухба, Л. Х. Акаба, Б. Е. Сагария и др.) были написаны и опубликованы очерки, посвященные видным ученым, деятелям культуры, борцам за Советскую власть в Абхазии, воинам и т. д.

В 1974 году собраны ценные документы и материалы по различным вопросам истории и культуры Абхазии. Среди этих материалов особое место занимают воспоминания участников революционного движения и социалистического строительства в Абхазии.

Абхазским отделением было уделено внимание вопросу выявления и охраны памятников культуры. Членами секции археологии выявлены ряд ценных памятников. Археологи М. М. Гунба, Г. К. Шамба, И. И. Цвинария и другие неоднократно выступали по радио и на страницах прессы об исторических памятниках Абхазии.

Определенная работа проведена в 1974 году и в направлении оказания помощи членами Общества в повышении их научной квалификации. За В. К. Джикидзе, А. Г. Торчилава, В. С. Яйляном и другими закреплены научные темы.

Члены общества А. Э. Куправа, Д. Н. Нинуа, Г. П. Лежава, Г. В. Смыр и другие принимали участие в проверке состояния преподавания истории Грузии в школах и средних специальных учебных заведениях Абхазии. Написана подробная докладная о результатах этой проверки, дан ряд рекомендаций.

В 1975 году Абхазским отделением Общества также проведена значительная работа по исследованию и пропаганде вопросов истории, археологии, этнографии и фольклора Абхазии. При активном участии членов Общества было проведено несколько научных сессий и конференций. Так, в мае совместно с Абхазским институтом проведена сессия, посвященная 30-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. В сентябре в помещении Абхазского института состоялась научная сессия, посвященная 70-летию революции 1905-1907 годов в России.

Г. А. Дзидзария, А. А. Абшилава, Б. Е. Сагария, З. М. Ивардава и другие подготовили к изданию сборник документов «Абхазская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», «Советы Абхазии в 1922-1937 гг.».

В ноябре Президиум Абхазского отделения совместно с Абхазским музеем и Центральным государственным архивом провел расширение заседания, посвященное 100-летию со дня рождения видного государственного и партийного деятеля, академика А. В. Луначарского.

В декабре в с. Калдахвара (Гудаутский район) Президиум Абхазского отделения провел выездное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения видного представителя абхазской культуры А. И. Чукбар. В декабре также состоялось расширенное заседание Президиума, посвященное 150-летию восстания декабристов (докл. Г. А. Дзидзария).

Абхазское отделение и в 1975 году большое внимание уделяло пропаганде исторических знаний путем проведения лекций и докладов (Г. А. Дзидзария, Ш. Д. Инал-ипа, З. В. Анчабадзе, А. Э. Куправа, Б. Е. Сагария, Г. К. Шамба, М. М. Гунба, Г. В. Смыр и др.). Кроме того, членами Общества (Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа, Б. Е. Сагария, Х. С. Бгажба и др.) были написаны и опубликованы очерки, посвященные декабристам, видным ученым, деятелям культуры, борцам за Советскую власть в Абхазии, воинам и т. д. В 1975 году собраны также ценные документы и материалы по различным вопросам истории и культуры Абхазии.

Отдельные члены Общества продолжали сбор материалов и подготовку работ, посвященных просветителям и краеведам Абхазии. В частности, Х. С. Бгажба издал рассказы и статьи (с биографическим очерком) А. И. Чукбара, Г. В. Смыр подготовил сборник стихов, рассказов и статей (с биографическим очерком) Н. С. Патеипа.

Были организованы встречи с крупными учеными нашей страны. Так, в ноябре 1975 года члены Общества с большим интересом выслушали лекцию академика Е. М. Жукова («● работе международного конгресса историков, состоявшегося в Сан-Франциско»).

В начале января в Сухуме состоялось юбилейное заседание Президиума Грузинского научного общества истории, Абхазского отделения и Абхазского института, посвященное 75-летию со дня рождения академика С. Н. Джанашиа и 80-летию со дня рождения академика Н. А. Бердзенишвили. С докладом выступила профессор М. Д. Лордкипанидзе, с воспоминаниями – профессора И. Г. Антелава, П. К. Ратиани, Д. Г. Мегреладзе, З. В. Анчабадзе.

20 апреля 1976 г. в Абхазском институте была проведена научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика И. А. Джавахишвили, где с докладами выступили члены Общества.

В июне Абхазское отделение совместно с Абхазским институтом провело научную сессию, посвященную 90-летию со дня рождения С. Я. Чанба.

Г. В. Смыр написал статью и доклад о жизни и деятельности Афанасия Георгиевича Векуа, 100-летие со дня рождения которого будет отмечено юбилейным заседанием в июле с. г.

Члены Общества А. Э. Куправа, М. М. Гунба, Г. Г. Шониа, Г. К. Шамба, В. Б. Агрба, Г. В. Смыр оказали значительную методическую и организационную помощь районным и городским отделениям, особенно в период подготовки и проведения отчетно-выборных собраний.

Президиум Абхазского отделения заседал периодически, проводились также расширенные заседания членов Общества, на которых обсуждались актуальные вопросы.

Надо, чтобы Общество объединяло настоящих энтузиастов и людей дисциплины. В деятельности всех его организаций должна быть планомерность, надо работать по глубоко продуманной программе. Необходимо расширить связь с местными работниками – специалистами.

Необходимо также усилить работу в направлении содействия охране и изучению памятников материальной культуры нашей республики. Особое место в деятельности Абхазского отделения должна занять работа по популяризации и пропаганде научных знаний и достижений советской историографии среди трудящихся Абхазии.

Мы еще недостаточно пропагандируем краеведческие знания. Долг наших ученых – чаще всего и на должном уровне выступать по этому вопросу. Мы должны усилить работу по интернациональному воспитанию трудящихся Абхазии.

Хотелось бы высказать еще несколько пожеланий: улучшить руководство организациями Общества на местах, наладить издательскую работу, выпускать брошюры и книги о наиболее важных памятниках культуры и краеведах – энтузиастах, по истории городов, сел, совхозов, колхозов, школ, научных учреждений и т. д.

Вот вкратце отчет о работе Абхазского отделения за период с 1972 года.

Тбилиси, 17.6.1976 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ЦГИА ГССР

Товарищи! Архивное дело у нас в Абхазской республике имеет уже свою примечательную историю. Еще Ревком Абхазии, исходя из Ленинского декрета от 1 июня 1918 года, своим приказом от 5 июня 1921 г. поставил вопрос о концентрации и обеспечении сохранности документальных материалов дореволюционных учреждений края. Важное значение в этом отношении имело и Постановление ЦИК Абхазии от 6 марта 1933 г. «Об организации архивного дела в АССР Абхазии». В силу этого постановления Центрархив Абхазии был реорганизован в Центральное архивное управление при ЦИК Абхазии, на которое было возложено заведование государственным архивным фондом республики и руководства соответствующими органами на местах.

В настоящее время уже завершена реорганизация всей сети госархивов Абхазии. Теперь в ведении Архивного управления при Совете Министров Абхазии находятся Центральный, два городских и четыре районных архива. Центральный государственный архив (Сухум), является важным архивохранилищем и научно-исследовательским учреждением. Здесь сконцентрированы архивные материалы с постоянным сроком хранения. Эти документальные материалы – ценные источники для изучения истории и культуры Абхазии, начиная с конца первой половины XIX века.

Только в ЦГА Абхазии хранится более 880 фондов с 218005 единицами хранения и до 28.000 фотодокументов*.

Материалы ЦГА Абхазской АССР давно и широко используется в народно-хозяйственных, научно-исследовательских, идеологических и справочных целях. Я здесь хотел бы подчеркнуть важность этого неопценимого духовного богатства с точки зрения научной и идеологической работы.

Архивными учреждениями Абхазии накоплен значительный опыт организации всестороннего использования документальных материалов, в том числе и на таких участках идеологической работы, как общественные науки, печать, радио, культурно-просветительные учреждения, литература и искусство. Только за 1971-1975 гг., например,

*ЦГАА был сожжен грузинскими оккупантами 22 октября 1992 года во время Отечественной войны Абхазии (1992-1993 гг.).

читальный зал Центрального государственного архива Абхазской АССР посетило 358 исследователей, которым для изучения было выдано 16477 дел, 3336 подшивок газет и 574 книг и журналов.

Среди исследователей были ученые, писатели, журналисты, члены авторских коллективов по написанию истории предприятий, колхозов и населенных пунктов, члены общества «Знание» и другие работники идеологического фронта, а также студенты педагогического института. В результате исследования ими документальных материалов был подготовлен целый ряд интересных работ по истории революционного движения, рабочего класса и крестьянства Советской Абхазии, доколхозной абхазской деревни и кооперации, народного образования и культурного строительства и др.

Следует особо отметить помощь, которая оказывается нашими архивными учреждениями отдельным работникам в повышении их научной квалификации. На материалах этих архивов, можно сказать, многие успешно защитили докторские и кандидатские диссертации. Это – А. Куправа, Б. Сагария, Л. Дзидзигури, А. Хашба и др. Архивами Абхазии широко пользовались в своих научных исследованиях также известные тбилисские историки И. Антелава, А. Иоселиани, Ш. Мегрелидзе и др. Документальные материалы ЦГА Абхазской АССР сыграли большую роль и в моей научной работе. Например, в основе докторской диссертации «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. (1958)» и монографии «Очерки истории Абхазии. 1917-1921» (1963) лежат в значительной степени эти материалы.

Большая работа проводится нашими архивистами в виде тематических выявлений, составлений справок – ориентировок и информационных сообщений на самые различные темы – о культурных и экономических связях с зарубежными странами, о подготовке к участию Абхазии в ВДНХ, в VIII Международной Миланской выставке (1925 г.), об истории Сухумской Государственной типографии имени В. И. Ленина и др.

Были выявлены документальные материалы о 50-летию Советской власти в Грузии и Абхазии, по истории комсомола, пионерии и другим темам.

Это дало возможность партийным, советским и другим организациям широко использовать архивные документы в лекционной пропаганде, в подготовке выставок, альбомов, статей.

Архивисты Абхазии и сами широко используют документальные материалы в научной работе. Они выступают на страницах журналов «Советские архивы», «Научно-информационный бюллетень», газет «Заря Востока», «Апсны Капш», «Сабчота Абхазети», «Советская Абхазия», «Ткварчельский горняк», «Бзыбь» и др. Только за первое полугодие 1975 года ими было опубликовано 14 статей и проведены три радиопередачи.

Большой популярностью среди населения пользуется также лекционная работа, экскурсии и встречи, проводимые в лекционном зале Центрального государственного архива Абхазской АССР. При этом особое внимание обращается на то, чтобы ознакомить аудиторию с наиболее яркими страницами героического прошлого нашего народа, чтобы документы вызвали не праздное любопытство, а правдиво рассказали об истории.

Эффективным средством массовой пропаганды является изготовление диафильмов для сопровождения лекций. Так, фотоотделом ЦГА Абхазской АССР были изготовлены диафильмы: «Борьба за Октябрь в Абхазии», «Братская дружба народов Советского Союза», «Сыны Абхазии – Герои Советского Союза» и др., которые демонстрировались для ветеранов революции, клубных работников, студентов, старшеклассников и др.

Важное научное, пропагандистское и идейно-воспитательное значение имеет издание сборников документов и материалов. Архивное управление ЦГА Абхазии совместно с Абхазским институтом языка, литературы и истории АН Грузинской ССР и Абхазским отделением Грузинского научного общества историков ведут в этом направлении значительную работу. Только в 1973 году вышли в свет: вторая часть книги «Борцы за Советскую власть в Абхазии», сборник «Деятельность органов РКИ в Абхазии в 1921-1934 гг.». В ближайшее время выйдет из печати сборник документов «Советы Абхазии». Эти и другие изданные книги получили положительные отзывы в прессе.

Одной из эффективных форм массовой пропаганды являются выставки фото и документальных материалов. Они, как правило, приурочиваются к юбилейным датам, рассказывают о борьбе за Советскую власть, о годах напряженного труда по восстановлению и развитию народного хозяйства, о беспримерном патриотизме и подвиге нашего народа в годы Великой Отечественной войны и др.

Так, большим успехом, как у местного населения, так и у тысяч туристов, приезжающих в Абхазию со всех концов страны и из-за

рубежа, пользовалась выставка, подготовленная по документальным материалам ЦГАА совместно с Абгосмузеем под названием «Абхазия в братской семье народов Советского Союза». Помимо этого, сотрудниками архива была подготовлена выставка «Союз нерушимый», которая демонстрировалась в Доме политического просвещения Абхазского обкома КП Грузии, а один экземпляр был отправлен Шушенскому мемориальному музею-заповеднику «Сибирская ссылка В. И. Ленина».

К 30-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне был подготовлен и издан плакат «Сыны Абхазии – Герои Советского Союза» на абхазском, грузинском и русском языках и фотовыставка «Битва за Кавказ». Большинство выставок, подготовленных архивистами ЦГА Абхазии, получили одобрение прессы и широкой общественности.

Немалую роль в пропаганде революционных и трудовых традиций играют общественные историко-революционные музеи, ленинские комнаты, музеи трудовой и боевой славы. Большую помощь в их организации оказывает Центральный государственный архив Абхазии, представляющий им фото и документальные материалы из своих фондов. Учитывая спрос широкой научной общественности, научное и практическое значение архивных материалов, хранящихся в ЦГА Абхазии, в 1975 году был издан «Путеводитель», в котором коротко изложены содержание материалов основных фондов.

Однако необходимо отметить, что архивистами Абхазии не все еще делается для того, чтобы шире пропагандировать имеющиеся документальные материалы. Не все нами делается по выявлению и сбору документальных материалов, отражающих жизнь и деятельность передовых людей нашей республики. Необходимы более тесные деловые контакты с партийными и советскими органами. Например, можно было бы оказать соответствующую практическую помощь Сухумскому горисполкому в организации выставки «Старый и Новый Сухум», а фойе кинотеатров использовать для демонстрации постоянно действующих выставок.

В заключение я хотел бы высказать некоторые предложения по дальнейшему улучшению архивной работы в Абхазской АССР. Просим главархив Грузинской ССР:

1. Добиться включения ежегодно в тематический план издательства («Алашара») хотя бы одного сборника документов и

материалов, подготавливаемого нашими архивистами совместно с научными учреждениями республики.

2. Оказать помощь Архивному управлению Абхазской АССР в оснащении фотолаборатории и переплетно-реставрационной мастерской современными техническими средствами для продления жизни ценных документальных материалов.

3. Расширить архивохранилище ЦГА Абхазской АССР путем пристройки к имеющемуся зданию. Это необходимо для решения вопроса о дальнейшем планомерном комплектовании Центрального архива.

Осуществление этих мероприятий дало бы возможность более эффективно использовать архивные материалы в научной и идеологической работе.

Тбилиси, 30.3.1976 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ГОДИЧНОМ СОБРАНИИ АН ГССР

Товарищи! 1978 год был временем напряженного и плодотворного творческого труда и для нашего коллектива. В Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР были своевременно подведены итоги научно-исследовательской работы за год. Разработаны новые важные научные проблемы, опубликованы интересные исследования, проведена большая общественная работа. В шести отделах института научно-исследовательская работа велась по 14 темам, относящимся к 9 научным проблемам.

В отделе экономики (зав. отделом – кандидат экономических наук Б. Ашуба) разрабатывалась проблемная тема «Перспективы комплексного развития и размещения производительных сил Абхазской АССР», по которой выполнены следующие этапы: «Общая характеристика структуры материального производства Абхазской АССР», «Курорты в системе хозяйственного комплекса Абхазии», «Развитие и размещение пищевой промышленности Абхазии» и др.

Сотрудники отдела истории (зав. отделом – доктор исторических наук А. Э. Куправа) работали, главным образом, над двухтомной историей Абхазии советского периода. В этом исследовании,

естественно, большое внимание уделяется деятельности Абхазской партийной организации на различных этапах социалистического строительства и вопросам национально-государственного строительства.

Нашими историками начата работа по написанию истории Абхазии с древнейших времен до наших дней в научно-популярном изложении. Труд рассчитан на широкий круг читателей, педагогов и учащихся средних учебных заведений.

Объектом археологических исследований (зав. отделом – кандидат исторических наук Г. К. Шамба), были, в основном, памятники эпохи бронзы, античной эпохи и средневековья на территории Абхазской АССР. Раскопки 1978 года (Эшера, Цебельда, Отхара, Лыхны) дали богатый археологический материал. Вообще наши археологи в результате многолетних экспедиций накопили огромный, уникального характера материал, представляющий исключительный интерес для изучения древнего и средневекового периодов истории Абхазии. В этом отделе, кроме того, ведется оригинальная работа по металлографическому анализу древних железных и стальных изделий.

В отделе этнографии и искусства (зав. отделом – кандидат исторических наук Л. Х. Акаба) разрабатывалась прежде всего проблемная тема «Культура и быт абхазов в прошлом и настоящем». По этой теме выполнены этапы: «Хозяйство и трудовая деятельность абхазов» (конец XIX - начало XX в.), «Абхазско-адыгейские этнографические параллели по сельскохозяйственным орудиям», «Основные этапы этнической истории абхазов» и др. Разрабатывались также интересные вопросы из области искусства Абхазии и антропологии. Кроме того, редактировалась завершенная в 1977 году коллективная работа «Материалы и исследования по этнографии Абхазии».

В отделе литературы и фольклора (зав. отделом – доктор филологических наук Х. С. Бгажба) велось составление монографии «История абхазской литературы». По этой теме разработаны этапы: «Абхазская проза и поэзия послевоенного периода», «Абхазско-русские литературные связи 40-50-х годов» и др. Группа фольклористов исследовала такие вопросы, как «Абхазский народный эпос об Абрскиле» и «Абхазская народная поэзия советского периода».

В настоящее время планируется создание самостоятельного отдела фольклора. Это, несомненно, положительно скажется на дальнейшей

активизации работы Института по изучению богатейшего устного творчества абхазского народа, истоки которого уходят к незапамятным временам. Особо следует отметить участие сотрудников отдела в подготовке и издании в Тбилисском государственном университете учебника – хрестоматии «Абхазская литература».

В отделе языка (зав. отделом – доктор филологических наук Л. П. Чкадуа) по проблеме «Исследование языковых систем» разрабатываются следующие темы: «Предложение в абхазском языке», «Основные этапы развития абхазского литературного языка», «Словообразование в абхазском языке» и «Акцентология». По проблеме «Лексикология и лексикография» разрабатывались темы: «Этимологический словарь абхазского языка», «Абхазо-русский словарь» и «Русско-абхазский экономический терминологический словарь».

Учитывая исключительную важность и сложность работы данного отдела, решено в ближайшее время разделить его на отдел языка и отдел лексикологии. Особо хотелось бы отметить, что многие проблемы, исследуемые нашими лингвистами, имеют большое значение, в частности, в деле историко-сравнительного изучения других иберийско-кавказских языков.

Значительны достижения Абхазского института и в деле публикации своей научной продукции. В 1978 году было напечатано 13 монографических исследований и научно-популярных брошюр, а также большое количество статей. Следует прежде всего назвать «Известия» (вып. VII) – орган института, в котором помещены научные статьи по различным вопросам абхазоведения. Из других работ можно отметить: «Традиции и современность» Ш. Д. Инал-ипа, «Местная промышленность Абхазии» Б. Ш. Ашуба, Н. Е. Бушина, А. Р. Гулиа, «Бюджет времени ИТР и вопросы воспроизводства рабочей силы высшей квалификации» Р. М. Лагвилава, «Из истории рабочего класса Абхазии» Г. П. Лежава, «Пунктуация в абхазском языке» Л. П. Чкадуа, «Словарь лингвистических терминов» Т. Х. Халбад, «Новые памятники Цебельдинской культура» М. М. Гунба, «Поселение Гуандра» И. И. Цвинария, «Об интернациональном воспитании трудящихся» Б. Е. Сагария.

Проделана определенная работа по составлению учебников, учебных пособий и программ по некоторым дисциплинам для абхазских школ.

В стенах Абхазского института в 1978 году был проведен ряд научных конференций и расширенных заседаний Ученого совета, в том числе выездных. Например, одна конференция была посвящена итогам научно-исследовательских работ института в 1977 году, а другая (совместно с Институтом экономики и права Академии наук Грузинской ССР) – вопросам экономической эффективности общественного производства Абхазской АССР. Кроме того, с участием специалистов нашего института состоялось совместное заседание смешанной советско-американской группы по разработке комплексной темы «Биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с высоким процентом долгожителей».

Ученые Абхазского института также выступали с докладами и сообщениями на всесоюзных и республиканских научных конференциях, а перед трудящимися республики – с лекциями и докладами, в периодической печати, по радио и телевидению. Представляют интерес и другие аспекты научно-популяризаторской деятельности института.

Вместе с тем хотелось бы сказать, что для дальнейшего роста Абхазского института необходимо расширить подготовку специалистов по линии аспирантуры, а также увеличить его издательский лимит. Мы надеемся, что Президиум АН Грузинской ССР с пониманием отнесется и к этой нашей просьбе, к растущим потребностям института и положительно решит указанные вопросы, которые являются для нас жизненно важными.

Тбилиси, 12.04.1979 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА БОРЖОМСКОЙ ВСТРЕЧЕ ИСТОРИКОВ

Абхазский институт

Прежде всего, хотелось бы сказать несколько слов о смысле сегодняшней нашей встречи. Мы уверены, что она по своей значимости будет известна как «боржомская встреча» ученых-историков.

Задача этой встречи, как нам представляется, состоит, прежде всего, в широком обмене мнениями и научной информацией. Это будет способствовать лучшей организации координации исследовательских

усилий по наиболее актуальным проблемам, разрабатываемым историками нашей республики.

Мы убеждены, что на настоящей встрече ученых будет достигнуто единодушие и по тем вопросам истории, которые являются спорными или порой искажаются в отдельных трудах. Вообще встреча эта, безусловно, плодотворно скажется на дальнейшем укреплении и развитии творческого содружества ученых-историков республики.

Надо полагать, что на этой встрече будет глубоко раскрыта картина научных изысканий в области истории. Позвольте мне очень коротко, почти в лаконичной форме рассказать о той работе, которая ведется в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР, о наиболее важных направлениях и проблемах, разрабатываемых нашими историками.

Благодаря неуклонному проведению в жизнь ленинской национальной политики в Абхазии наука получила широкое развитие. Среди научных учреждений республики одно из ведущих мест занимает Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР, созданный в 1930 году и ставший подлинным центром абхазоведения.

В работе Абхазского института, являющегося многопрофильным, комплексным научно-исследовательским учреждением, большое место отводится историческим наукам. Они представлены отделами истории, этнографии и археологии. В них объединено 25 работников, из них один член-корреспондент АН ГССР, два доктора и 17 кандидатов наук.

Начну с отдела истории (зав. отделом – д.и.н. А. Э. Куправа). Фактически с его основания началась систематическая и планомерная работа по созданию научной истории Абхазии.

Одним из важнейших итогов многолетней работы наших историков явились двухтомные «Очерки истории Абхазской АССР» – первое обобщающее марксистское исследование истории Абхазии с древнейших времен до наших дней.

За последние годы проведена немалая работа по исследованию отдельных важнейших проблем истории Абхазии. Изданы интересные коллективные и индивидуальные монографии и сборники по новой и новейшей истории Абхазии.

Я здесь не буду касаться деятельности историков, плодотворно работающих в Абхазском государственном университете и других

учреждениях Абхазии. Остановлюсь лишь на работе историков Абхазского института, которые в настоящее время ведут исследования по трем проблемам: истории феодальной формации, истории эпохи капитализма и истории социалистического строительства.

Кандидат исторических наук Г. А. Амичба завершил составление сборника «Сведения об Абхазии и абхазах в средневековых грузинских письменных источниках (V-XVIII вв.)», который состоит из грузинского и русского параллельных текстов и комментариев. Этот сборник в 1979 году выходит в издательстве «Мецниереба».

По истории XIX века в последние годы изданы мои монографии «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» и «Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века», а в настоящее время выходит книга «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции».

Нашими историками проводится значительная работа по изучению истории Абхазии советского периода. За последнее время изданы интересные книги по истории промышленности и рабочего класса, истории доколхозной деревни, культуры, национально-государственного строительства (А. Куправа, Б. Сагария, Г. Лежава и др.).

Нами опубликованы также коллективные работы, посвященные юбилейным датам: «По ленинскому пути» (1970), «50 лет Советской Абхазии» (1971), «Абхазская АССР в братской семье советских народов» (1972), «Ленин и Абхазия» (Г. А. Дзидзария), «Наш Серго» (Г. А. Дзидзария), «Расцвет экономики и культуры Абхазии» (А. Куправа, Б. Сагария).

Историки Абхазского института принимают участие в составлении сборников документов и материалов. Недавно вышел интересный сборник «Абхазия в годы Великой Отечественной войны».

Сейчас отдел истории ведет работу по составлению двухтомной истории Абхазии советского периода. В этом году будет завершено написание первого тома, охватывающего период от февральской революции до победы социализма.

Одной из первоочередных задач историков Абхазского института является составление краткой истории Абхазии в научно-популярном изложении. В написании этой книги принимает участие и профессор З. В. Анчабадзе. Мы намечаем издание ее к 60-летию установления Советской власти в Грузии и Абхазии. В связи с этой знаменательной датой мы готовим и ряд других трудов.

Немалая работа предстоит нашим историкам по написанию книг, предусмотренных серией совместных изданий Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили и Абхазского института. Эта серия, учрежденная Президиумом АН ГССР, предполагает издание ряда работ, посвященных грузино-абхазским взаимоотношениям и абхазоведению. Мы рассматриваем это как очень важную задачу.

Некоторые историки Абхазского института принимают участие в создании многотомной истории Грузии. Я лично уже закончил раздел, охватывающий историю Абхазии XIX – начала XX в. (до 1921 г.).

Кроме того, наши ученые участвуют в составлении очерков по истории Абхазской организации Компартии Грузии.

Археологи Абхазского института (зав. отделом – к.и.н. Г. К. Шамба) в настоящее время работают над темой «Археологические раскопки в Абхазии», которая состоит из следующих этапов: 1. «Строительное дело в эпоху бронзы по материалам дольменов и кромлехов в селе Отхара Гудаутского района». 2. «Керамическая тара из раскопок Эшерского городища». 3. «Оборонительные сооружения Цебельдинской крепости поздней античности и раннего средневековья», 4. «Глиняная посуда из раскопок Цебельды», 5. «Культовые сооружения из Цебельдинской крепости», 6. «Металлографический анализ железных и стальных изделий по материалам древнего Сухуми и его окрестностей».

Наши археологи ведут также стационарные раскопки на трех археологических объектах: в Отхаре, Эшере и Цебельде. Кроме того, они принимают участие в работах других экспедиций, проводимых на территории Абхазии. Это – Абхазская археологическая экспедиция Археологического центра исследования Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР (рук. М. Барамидзе), Пицундская экспедиция того же института (рук. Г. Лордкипанидзе) и Причерноморская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР (рук. В. Бжания).

Только за последний год в издательстве «Мецниереба» вышли три книги наших археологов: «Материалы по археологии Абхазии» (коллективная), «Новые памятники Цебельдинской культуры (М. Гунба), «Поселение Гуандра» (И. Цвинария).

Археологи Абхазского института систематически принимают участие в ежегодных археологических сессиях, проводимых в Тбилиси.

Наши археологи, работа которых получила значительный размах, справедливо ставят вопрос об увеличении средств, выделяемых на раскопки. Мы надеемся, что руководство АН Грузинской ССР поможет нам в решении этого вопроса.

Этнографы института (зав. отделом – к. и. н. Л. Х. Акаба) разрабатывают проблемную тему «Культура и быт абхазов в прошлом и настоящем», а также комплексно в социально-этнографическом плане изучают долгожителей Абхазии. Кроме того, наряду с плановыми темами группа исследователей отдела совместно со своими коллегами из Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР работают над подготовкой к изданию труда «Грузинско-абхазские этнографические параллели».

Этнографы института за последнее время издали ряд ценных научных исследований. В прошлом году, например, вышла работа проф. Ш. Д. Инал-ипа «Традиции и современность». Планируется издание такой важной работы, как «Абхазы. Материалы и исследования к историко-этнографическому Атласу Грузии».

Историки Абхазского института преисполнены твердой решимости работать на уровне требований передовой советской науки, еще теснее увязывая свою деятельность с проблемами развития народного хозяйства и культуры республики.

1979 г.

ДОКЛАД НА БОРЖОМСКОМ СОВЕЩАНИИ ИСТОРИКОВ

Современное состояние и задачи изучения истории борьбы за советскую власть и строительство социализма в Абхазии.

Историками нашей республики за последнее время проведена большая работа по изучению проблем, относящихся к периоду борьбы за Советскую власть и строительство социализма в Абхазии.

В результате такой плодотворной и целеустремленной работы ученых создан целый ряд значительных трудов, в том числе крупных монографий.

Многие из этих работ получили положительную оценку, как в периодической прессе, так и в специальных научных органах, включая центральные.

Труды наших историков исследователи используют при разработке соответствующих проблем в масштабе всей страны, рассматривая их как достижение советской исторической науки, а в отдельных случаях – и как весомый вклад в нее.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что указанные работы написаны на общем фоне исторического процесса, характеризуя предметы исследований как конкретные проявления общих закономерностей.

Следует отметить и то, что труды абхазских историков, разумеется, речь идет о подлинных научных трудах, написаны на широкой источниковедческой базе и на основе марксистско-ленинской методологии.

Я рад предоставленной мне возможности сделать краткий обзор работ историков Абхазии в указанном направлении.

Начну, наверно, с самого себя. Это логично, по крайней мере, с точки зрения хронологического принципа. На протяжении многих лет, начиная с конца 30-х годов, мне приходилось работать над изучением истории Абхазии периода борьбы за Советскую власть.

Если же говорить об итогах этой работы, то назову, прежде всего, свою монографию «Очерки истории Абхазии. 1910-1921 гг.», вышедшую в Тбилиси в 1963 году. Далее следуют: «Борьба за Советскую власть в Абхазии в 1918 году» (Сухум, 1972), «В. И. Ленин и Абхазия» (Сухум, 1977), «Роль Советов и «Киараза» в истории революционной борьбы в Абхазии (1917-1921 гг.)» (Сухум, 1971), «Борьба за Октябрь в Абхазии. Сб. документов и материалов. 1917-1921» (Сухум, 1967) и др. К 60-летию установлению Советской власти в Грузии и Абхазии мною подготовлены к печати новые работы: «Киараз» и «Революционное содружество грузинского и абхазского народов в борьбе за власть Советов».

В этих трудах обобщаются научные результаты моей многолетней работы по изучению истории Абхазии 1917-1921 гг.

К этим работам по тематике примыкает книга А. Сопия и В. Карчава «Борьба трудящихся Абхазии за Советскую власть в 1917-1921 гг.». (Сухум, 1961).

Значительную работу историки Абхазии провели и проводят по составлению и изданию очерков о революционных деятелях. Они издали сборник «Борцы за Советскую власть в Абхазии» в двух частях (Сухум, 1965, 1973), а также подготовили к изданию к 60-летию установления Советской власти в Грузии и Абхазии, книгу «Борцы за Октябрь в Абхазии».

Кроме того, вышли книги, посвященные отдельным известным деятелям революционного движения. Г. А. Дзидзария опубликовал – «Ефрем Эшба» (Сухум, 1963Москва, 1964,) и «Наш Серго» (Сухум, 1976), М. Т. Бгажба – «Нестор Лакоба» (Тбилиси, 1965), В. И. Карчава и А. А. Сопия – «Павел Дзигуа» (Сухум, 1967). Изданы также воспоминания самих революционеров – В. Э. Конджария, Н. И. Матарадзе, Е. К. Шамба, М. Х. Миканба и др.

Перечисленные работы содержат биографические очерки о замечательных людях революционной эпохи, чьи героизм и самоотверженность служат ярким примером воспитания нашей молодежи на революционных традициях.

За последние 10-15 лет немало сделано и по изучению истории Абхазии советского периода. Коллектив авторов издал ряд обобщающих работ, среди которых: «Очерки истории Абхазской АССР» ч. II. (Сухум, 1964), «Рассвет экономики и культуры Абхазии», написанная доктором исторических наук А. Э. Куправа и кандидатом исторических наук Б. Е. Сагария. Коллектив историков Абхазского института завершил написание двухтомной истории Абхазии советского периода. Первый том сейчас готовят к изданию. В названных работах освещаются успехи Абхазской АССР в экономическом, социально-политическом и духовном развитии.

Глубоко изучаются кардинальные вопросы истории советского периода. Наиболее обстоятельно исследована доколхозная абхазская деревня. В книгах проф. А. Э. Куправа⁶ комплексно рассмотрены основные процессы в социально-экономической, политической и культурной жизни села с установления Советской власти до начала массовой коллективизации. Автор исследует многообразный процесс внедрения сельскохозяйственной кооперации в крестьянское производство, опыт создания неизвестных до этого в науке первичных форм простейших производственных объединений.

Другим наиболее изученным вопросом является опыт национально-государственного строительства в Абхазской АССР. Здесь, прежде всего, следует отметить работы кандидата исторических наук Б. Е. Сагария, в частности, его книгу «Национально-государственное строительство в Абхазии (1921-1931 гг.)» (Сухум, 1970) и, особенно, последнюю монографию по истории национально-государственного строительства в республике, которая выйдет в этом году. В этих трудах дан научный анализ становления и развития форм национальной

государственности абхазского народа на различных этапах социалистического строительства, раскрыты специфические особенности процесса формирования абхазской автономии.

Сделаны важные шаги в изучении истории промышленности и рабочего класса Абхазии. Заметный вклад в исследование этой проблематики внесли кандидаты исторических наук А. А. Абшилава, Г. П. Лежава, Л. М. Прицкер, Х. В. Ахалая и доктор исторических наук А. Э. Куправа⁷.

Определенные успехи имеются в исследовании истории культурной революции в Абхазской АССР. Представляют значительный научный интерес книги проф. А. Э. Куправа, кандидатов исторических наук Б. Е. Сагария, А. К. Адлейба и др., в которых исследуются важные аспекты этого вопроса⁸. Кроме того, к 60-летию установления Советской власти в Грузии и Абхазии выходит работа А. Э. Куправа, представляющая краткий очерк истории развития культуры абхазского народа за годы Советской власти. Написание же обобщающей монографии по истории абхазской советской культуры остается задачей будущего.

Немало сделано по изучению истории коллективизации сельского хозяйства Абхазии. Этой тематике посвящены кандидатские диссертации Т. И. Жгенти, С. И. Шария, А. М. Дзидзигури. Значительным вкладом в исследование данной проблемы является книга С. И. Шария «Социалистическое преобразование сельского хозяйства Абхазии (1921-1932 гг.)» (Сухум, 1970). Однако многогранный процесс колхозного движения, победа колхозного строя в Абхазии ждет дальнейшего, более глубокого изучения.

Изучается история формирования абхазской социалистической нации. Отдельные важные аспекты этой проблемы исследованы Б. Е. Сагария. Значительное место отведено рассмотрению процесса формирования и развития абхазской социалистической нации в книге члена-корр. АН Грузинской ССР З. В. Анчабадзе «Очерки этнической истории абхазского народа» (Сухум, 1976), в которой автором выдвинуты интересные положения о развитии малых социалистических наций. Тем не менее, дальнейшее изучение данной проблемы остается важной задачей наших специалистов.

Историками Абхазии проведена определенная работа по изучению отдельных периодов истории автономной республики. В этом отношении представляют интерес работы профессора А. Э. Куправа,

посвященные истории Абхазии периода восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.)⁹, чл. – корр. АН ГССР Г. А. Дзидзария, кандидатов исторических наук А. А. Абшилава и Г. Т. Черкезия по истории Абхазии периода Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), доктора исторических наук В. И. Карчава и кандидата исторических наук Х. А. Авидзба по истории Абхазии послевоенного периода и др.¹⁰.

Значительная группа историков Абхазии принимает участие в создании серии работ по истории грузино-абхазских взаимоотношений. Периоду борьбы за Советскую власть и эпохе социализма посвящается шесть книг, в написание которых от Абхазии участвуют З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа, Б. Е. Сагария, Л. М. Прицкер, А. А. Абшилава, Г. П. Лежава. Завершение этих работ предусмотрено к концу года.

Историки Абхазии в последние годы еще более активизировали работу по изданию сборников документов и материалов. Издаются сборники как тематические, так и посвященные отдельным периодам истории советской эпохи.¹¹

Заканчивая свое выступление, я хотел бы высказать некоторые соображения.

Думаю, что вы со мной согласитесь, если скажу, что всем нам следует больше внимания уделять истории социалистических городов, фабрик, заводов, колхозов и совхозов республики. Это в равной мере относится и к истории культурного и курортного строительства.

Назрел также вопрос об отражении в планах научно-исследовательских работ по изучению проблем межнациональных отношений.

Пора иметь хроники наподобие союзных – «Культурная жизнь в СССР» и т. д.

Следует подумать и о создании научно-информационных центров в отдельных регионах республики, которые занимались бы обобщением и пропагандой научных достижений историков.

Наконец, нужно сказать и о необходимости ведения биобиблиографической работы, в частности, я имею в виду издание справочника о ведущих историках республики.

Июнь 1980 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА БОРЖОМСКОЙ ВСТРЕЧЕ ИСТОРИКОВ

Товарищи! С момента последнего, ставшего традиционной, боржомского совещания ученых-историков республики миновал год. Программа боржомских совещаний работников исторического фронта как нельзя лучше соответствует этим исключительно важным задачам.

Сегодня мы в какой-то мере подводим итоги работы по выполнению этой программы, а затем, я полагаю, выработаем план на будущее.

Одно несомненно, что боржомские встречи создали новые предпосылки для улучшения координации работ по важнейшим историческим проблемам, усиления творческих связей и контактов между историками-исследователями республики. В результате совместного содружества уже проведены многие ценные исследования.

Мне хотелось бы рассказать, прежде всего, об участии историков Абхазского института в написании утвержденной Президиумом АН Грузинской ССР серии работ, посвященных истории грузино-абхазских взаимоотношений и абхазоведения.

Старший научный сотрудник М. Гунба в соавторстве с А. Богверадзе пишет работу по истории раннесредневековой Абхазии – «Роль Абхазского царства в истории Грузии». Свой раздел исследования Гунба послал в Тбилиси еще в январе прошлого года.

Старший научный сотрудник Г. Амичба совместно с проф. Т. Папуашвили работал над темой «Борьба грузин и абхазов с иноземными завоевателями в VI-VIII вв.». Теперь требуется заключение Института истории И. А. Джавахишвили об издании этой работы.

Кроме того, Г. Амичба готовит к изданию (издательство «Мецниереба») сборник сведений средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Редактором его является д.и.н. Э. Хоштария, а научным руководителем – чл.-корр. АН ГССР З. Анчабадзе.

Работа Г. Дзидзария и Ю. Качарава «Страницы совместной борьбы грузинского и абхазского народов против социального и национального гнета в XIX - начале XX в.» уже вышла из печати.

Работа Г. Дзидзария «Эпизоды совместной борьбы грузинского и абхазского народов за власть Советов (1917-1921 гг.)» в настоящее время находится в Отделении общественных наук АН Грузинской ССР.

Ее редактором д.и. н. Д. Стуруа проделана очень большая работа. Рецензентами очерка являются Д. Одишели и А. Куправа.

Проф. А. Куправа в соавторстве с Д. Гогохия написал работу «Советская Абхазия в девятой пятилетке (1971-1975 гг.)». Работа отредактирована, решениями ученых советов Института истории им. И. А. Джавахишвили и Абхазского института рекомендована к изданию.

Завершили свою работу также Б. Сагария и Л. Прицкер – «Вклад трудящихся Абхазии в хозяйственное культурное строительство Грузинской ССР в довоенный период (1921-1941 гг.)» Работа находится у авторов.

В таком положении находится и работа Б. Сагария и А. Абшилава «Сыны абхазского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941-1945 гг.)».

Г. Лежава заканчивает очерки «Абхазская АССР на пути развитого социализма (1959-1970 гг.)».

Наши историки вместе с тем участвуют в написании многотомной «Истории Грузии». Я, например, пишу разделы, посвященные истории Абхазии для V и VI томов. А. Куправа для VII тома написал раздел «Культурное строительство в Абхазии в 1921-1941 гг.». Он является и одним из редакторов этого тома. Б. Сагария для указанного же тома написал раздел «Национально-государственное строительство в Абхазии (1921-1931 гг.)».

Кроме того, работники отдела истории Абхазского института А. Куправа, Б. Сагария и Л. Прицкер и др. совместно со специалистами Института истории им. И. А. Джавахишвили и Института истории партии при ЦК КП Грузии пишут книгу «Восстановление ленинских принципов партийного и государственного руководства Грузии и изменения в социально-экономической и культурной жизни (1972-1980 гг.)».

Сотрудничество абхазских археологов с их тбилисскими коллегами выразилось: в подготовке тематического сборника «Археологические открытия в Абхазии в 1980 году» (ред. Г. Шамба), который выйдет в свет в текущем году (издательство «Мецниереба»). В него вошли статьи сотрудников нашего института, Археологического центра исследования Института им. И. А. Джавахишвили, ТГУ и АГУ.

В участии в Пицундской и Цебельдинской (по изучению пещерных стоянок древнекаменного века) археологических экспедициях.

Этнографы работают над темой: «Грузино-абхазские этнографические параллели (конец XIX - нач. XX в.). Материалы и исследования». На основании предварительного составленного доктором исторических наук А. Робакидзе и кандидатом исторических наук Л. Акаба плана-конспекта проф. Ш. Инал-ипа написан раздел «Скотоводство» (соавторы Б. Гамкрелидзе, В. Шамиладзе) и послан на отзыв А. Робакидзе. По разделу «Поселение и жилище» Л. Акаба написана работа в объеме около 2 п.л. (соавтор А. Робакидзе). По разделу «Одежда» кандидат наук Е. Магия также написала работу в объеме около 2 п.л. (соавтор А. Сохадзе). По разделу «Земледелие» (Р. Чанба, М. Кантария и Д. Рухадзе) собран соответствующий материал.

К сказанному хотелось бы добавить, чтобы иметь более полное представление о деятельности наших специалистов, в 1980 году в Отделе истории завершена работа над двухтомной монографией по истории Абхазии советского периода (1917-1958 гг.), начатая еще в 1977 году. Она написана с привлечением большого архивного материала и на основе новейших достижений советской исторической науки.

Этнографы работали над переходящими темами «Комплексное социально-этнографическое изучение долгожителей Абхазии» и «Культура и быт абхазов в прошлом и настоящем». Тема археологов – «Археологические раскопки в Абхазии». В результате работы над этой проблемой выявлены и введены в научный оборот целый ряд новых памятников и множество связанных с ними археологических коллекций.

Несколько слов и о публикации научных трудов. Прежде всего, в связи с 60-летием Советской власти в Грузии и Абхазии и образования Компартии республики подготовлены к печати: «Борцы за Октябрь в Абхазии» (Г. Дзидзария, А. Куправа, Б. Сагария, Л. Прицкер), «Киараз» (Г. Дзидзария), «Национально-государственное строительство в Абхазии» (Б. Сагария), «Культура Советской Абхазии за 60 лет» (А. Куправа). Некоторые из них уже вышли.

Кроме того, опубликованы следующие работы: «Абхазские этнографические этюды» (Ю. Аргун), «Эшерское городище» (Г. Шамба), «Памятники села Герзеул» (О. Бгажба, Ю. Воронов), «Абхазо-адыгейские этнографические параллели» (Р. Чанба) и др. Этнографами Института подготовлена к изданию и такая работа, как «Материалы к историко-этнографическому атласу Грузии».

Вот коротко, что сделано специалистами нашего института по осуществлению одной из важных задач, определенных на боржомских совещаниях ученых-историков. Сделано, как видите, немало. Но нас

это далеко не удовлетворяет, и я надеюсь, что в следующем году мы сюда, в этот чудесный уголок, приедем с гораздо лучшими показателями.

Что касается научно-исследовательской работы наших историков на будущее, то она определена пятилетним планом Института.

Этнографы будут заняты исследованием этнической истории абхазского народа и антрополого-этнографическим изучением проблем долгожительства в Абхазии. Археологи – раскопками поселений, могильников, городищ, храмов и других памятников древней и средневековой Абхазии и их исследованием в сопоставлении с синхронными памятниками народов Кавказа, Причерноморья, Ближнего Востока и Средиземного моря.

Особо хотелось бы отметить, что в ближайшее время будет подготовлен к печати популярный очерк истории Абхазии с древнейших времен до наших дней (авторы – З. Анчабадзе, Г. Дзидзария и А. Куправа), который может послужить учебным пособием для учащихся средней школы.

15.06.1981 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА V СЪЕЗДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ГРУЗИИ

Товарищи! Недавно состоялась очередная конференция Абхазской организации Исторического общества, на которой был заслушан отчет ее Президиума о деятельности общества за период с июня 1976 г. по настоящее время.

Было признано, что за указанное время организация провела значительную работу.

Члены общества приняли активное участие в подготовке и проведении 60-летия Великой Октябрьской революции, 60-летия победы Советской власти в Грузии и Абхазии, в разработке Конституции Абхазской АССР и обсуждении ее проекта.

Важной формой работы нашей организации, в рядах которых в настоящее время насчитывается 900 индивидуальных и 44 коллективных членов, являлось проведение выездных заседаний Ученого Совета в городах и районах республики. В 1976 году,

например, одно такое заседание было проведено в селе Отхара Гудаутского района, посвященное 100-летию со дня рождения А. Г. Векуа, основателя школы в данном селе, яркого представителя грузинской демократической интеллигенции в Абхазии, автора весьма ценных работ по этнографии абхазского народа. Кстати, на нем присутствовали видные историки из Москвы, Ленинграда и республик Закавказья во главе с академиками Б. Б. Пиотровским и А. Л. Нарочницким. Другое заседание состоялось в 1977 году в г. Ткварчели, которое было посвящено обсуждению состояния изучения истории индустриального центра Абхазии. Было принято решение об оживлении работы по написанию книги по истории Ткварчели и сбору материалов, о расширении городского народного музея и о создании в нем отдела археологии, а также о составлении истории промышленных предприятий, учреждений, школ, улиц, домов, и, наконец, о подготовке путеводителя по Ткварчели.

Совместно с Ученым Советом Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР были проведены заседания, посвященные 90-летию председателя президиума Грузинского исторического общества, видного советского этнографа, академика Г. С. Читая, 170-летию со дня рождения абхазского ученого-этнографа XIX века С. Т. Званба.

В конце 1976 года на заседании Президиума обсуждался ход составления истории городов и сел Абхазии, на котором были сформулированы задачи по сбору воспоминаний, выявлению и пропаганде архивных материалов, составлению биографий и хроник городов и районов нашей республики.

Члены общества принимали активное участие в мероприятиях по проведению юбилеев видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, участников борьбы за власть Советов и социалистического строительства в Абхазии: Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова, З. С. Агрба, Л. Д. Ладария, А. Л. Царгуш, Т. Х. Ашхаруа, В. К. Ладария, В. И. Кукба, Б. Т. Зантария и др.

В декабре 1977 года в селе Ачандара Гудаутского района при активном участии членов нашей организации было широко отмечено 80-летие местной средней школы.

Абхазская организация содействовала оживлению работы по созданию истории фабрик и заводов, совхозов и колхозов. Так, 24 августа 1977 года сухумский горком партии принял постановление «О создании

на местах историй предприятий и учреждений г. Сухуми». По нашей же рекомендации писатель Р. Г. Петрозавили составил историю Сухумского межколхозного судоремонтного завода. Интересную брошюру «Кохорский цитрусовый совхоз» выпустил в издательстве «Сабчота Сакартвело» С. В. Хвистани.

Большое внимание члены общества уделяли сбору материалов о революционном движении и борьбе за Советскую власть в Абхазии. Были опубликованы книги Г. А. Дзидзария «Ленин и Абхазия», «Наш Серго», «Киараз», Б. Е. Сагария «Большевики Абхазии в годы первой русской революции», ими же в соавторстве с А. Э. Куправа и Л. М. Прицкером выпущен сборник «Борцы за Октябрь в Абхазии».

Различным аспектам социалистического и коммунистического строительства были посвящены книги А. Э. Куправа, Б. Е. Сагария, Г. П. Лежава, С. И. Шария, Х. Ш. Аргун, В. К. Приудзе и др.

Хронологии важных событий республики посвящены книги Б. Г. Берулава «35 партийных конференций Абхазской областной организации КП Грузии» и Л. М. Прицкера «Советская Абхазия в датах».

Научно-популярные очерки «Гагра» и «Сухуми» были опубликованы В. П. Пачулиа; членами секции археологии Г. К. Шамба «М. М. Трапш», Ю. Н. Вороновым «Сочи и его окрестности» и «Древности Военно-Сухумской дороги».

Вышли также книги Ш. Д. Инал-ипа «Традиции и современность» и «Дурипш», Ю. Г. Аргун «Обычаи, обряды и преемственность поколений» и Г. Г. Копешавидзе «Хозяйственно-бытовой уклад абхазов, проживающих в Аджарии». Причем последняя издана за счет общества, что помогло ей быстрее защитить кандидатскую диссертацию.

Из членов нашей организации состоит и комиссия по интернациональному воспитанию при обществе «Знание». Ее председатель Б. Е. Сагария, обобщив опыт пропаганды интернациональных традиций в республике, выпустил брошюру «Об интернациональном воспитании».

Члены общества, входящие в состав Гагрского городского отделения, приняли активное участие в создании прекрасного для начала музея дружбы народов в Пицунде.

Члены общества включились в подготовку к празднованию 200-летия Георгиевского трактата. Со статьями, посвященными этой знаменательной дате, уже выступили чл. – корр. АН ГССР З. В. Анчабадзе и кандидаты исторических наук А. А. Сопия и З. В. Папаскири.

Нашей организацией проводится определенная работа по военно-патриотическому воспитанию. Совместно с Абхазским государст-

венным музеем мы выступили инициаторами создания каталога памятников и памятных мест, связанных с событиями Великой Отечественной войны. Информационные письма об этом были отпечатаны на ротапринте в количестве 500 экземпляров и доведены буквально до каждого села.

Члены нашего общества приняли участие в составлении сборника «Абхазская АССР в годы Великой Отечественной войны». По этому периоду вышли и также книги А. А. Абшилава «В боях за Родину», А. М. Хашба «Все для победы», Э. Г. Миносяна «Истребительные батальоны Абхазии в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.)», Ш. Х. Авидзба «Они защищали Ленинград. Уроженцы Абхазии – участники обороны города Ленина».

К 60-летию Вооруженных Сил СССР была проведена очередная встреча бывших военнослужащих Абхазской бригады и Абхазского эскадрона. Члены общества собирали воспоминания и другие материалы, а также выступали со статьями в периодической печати.

Историческое общество сделало немало для повышения квалификации своих членов. При Абхазском институте имеется группа соискателей, в подборе которых большую помощь оказали и активисты нашей организации.

За прошедший период ряд членов нашего общества защитил кандидатские и докторские диссертации, а профессор З. В. Анчабадзе избран членом-корреспондентом АН Грузии.

Среди хорошо поработавших отделений общества следует отметить Гагрское и Гальское, где председателями являются Ш. Х. Авидзба и В. Д. Акиртава. Вместе с тем, как показали отчетно-выборные собрания, еще не везде ведется целенаправленная планомерная работа; многие члены общества, к сожалению, не принимают участия в работе организации.

В начале отчетного периода мы открыли счет в сберкассе, заказали штамп и печать, а архивные материалы сдали в ЦГА Абхазской АССР, где они получили свой отдельный фонд. Расширение объема работы общества потребовало введения штатной единицы инспектора, а с прошлого года – половины штатной единицы бухгалтера.

Здесь следует отметить, что наши просьбы и предложения в Президиуме Грузинского Исторического общества решаются, как правило, положительно, за что мы выражаем ему глубокую благодарность.

Мы чувствуем внимание и со стороны наших друзей и коллег в Аджарии и Юго-Осетии, с которыми мы соревновались на протяжении всего отчетного периода.

На областной конференции Абхазской организации Исторического общества было указано на необходимость усиления работы в направлении сбора материалов по истории городов и сел республики, фабрик и заводов, колхозов и совхозов, научных организаций и учебных заведений, об активных участниках борьбы за Советскую власть, социалистического и коммунистического строительства, о ветеранах Великой Отечественной войны.

И все это следует вести в тесной связи с другими общественными организациями – обществами «Знание», охраны памятников, книголюбов, советами ветеранов, а особенно с комсомолом. Это позволит привлечь к работе более широкий круг людей, расширить ряды краеведов.

Причем указанная работа должна сопровождаться составлением хронологии – перечней дат исторических событий. Надо сказать, что в нашей организации накоплен некоторый опыт в этом отношении.

Уже сейчас мы развернули подготовку к 40-летию битвы за Кавказ, в частности, добиваемся установки мемориальных досок на зданиях, где располагались госпитали. Кстати говоря, только через санаторий имени Ленина в Гульрипше, где размещался эвакогоспиталь 2456, за годы войны прошло 66 тысяч раненных и больных воинов, но там до сих пор нет мемориальной доски.

Членам общества историков следует активно включиться в работу Всесоюзной поисковой экспедиции комсомольцев и молодежи, пионеров и школьников «Летопись Великой Отечественной войны». Одной из ее задач является еще более широкое развертывание поиска неизвестных страниц всенародного подвига, пополнение сети музеев славы, установление памятников и обелисков в честь погибших героев, запись воспоминаний участников войны и т. д.

Весьма важное значение имеют воспоминания активных участников социалистического и коммунистического строительства в Абхазии.

Мы считаем своим долгом усилить на местах помощь государственным и народным музеям.

Тбилиси, 27.11.1981 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ГОДИЧНОМ СОБРАНИИ АН ГССР

Товарищи! Немалую лепту в развитие научной мысли вносят представители исследовательских организаций и высших учебных заведений Абхазии. Среди них одно из ведущих мест занимает Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР. Созданный в 1930 году, он из небольшого научно-исследовательского учреждения вырос в подлинный многопрофильный центр абхазоведения.

В настоящее время в 6 научных отделах Института (языка, литературы и фольклора, истории, археологии, этнографии и искусства, экономики) работают около 60 научных сотрудников, в том числе 1 член-корр. АН Грузинской ССР, 7 докторов и 39 кандидатов наук. Ежегодно через аспирантуру готовятся новые кадры по различным областям знаний.

Тематика научно-исследовательских работ Института актуальна и разнообразна. Значительное место в ней занимают проблемы современности, связанные с социально-экономическим и культурным строительством в Абхазской АССР. Наш Институт принимает участие в разработке международной советско-американской программы по изучению проблем долгожительства.

Сотрудники Абхазского института опубликовали по основным проблемам абхазоведения сотни монографических исследований, научных сборников, брошюр и других работ, получивших широкое признание. Ежегодно выходит сборник «Известия» – печатный орган Института.

Большая работа ведется нашими сотрудниками по составлению учебников, учебных пособий, методических разработок и программ для средних и высших учебных заведений Абхазии. Кроме того, Институт представляет руководящим партийным и советским органам республики научно-обоснованные рекомендации и предложения по различным актуальным проблемам экономики и культуры Абхазии.

О росте авторитета нашего Института свидетельствует и тот факт, что он нередко выступает организатором всесоюзных, региональных и республиканских научных форумов. Вместе с тем его ученые выступают в качестве оппонентов при защите докторских и кандидатских диссертаций, входят в различные координационные и проблемные научные советы.

Мне хотелось бы особо отметить, что наиболее активная деятельность Абхазского института, его высокий количественный и качественный рост падает на последнее десятилетие, когда по существу и завершается формирование этого своеобразного научно-исследовательского учреждения.

Именно в этот период были созданы и в основном опубликованы самые крупные, фундаментальные научные исследования Института, подготовлена большая группа молодых специалистов и т. д.

Особенно плодотворной была деятельность нашего научного учреждения в десятой пятилетке и в отчетном периоде. Было завершено 15 коллективных и индивидуальных тем, издано около 70 монографий и книг. Один из этих трудов удостоен Государственной премии Грузинской ССР, два – премии имени основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа. А к 60-летию установления Советской власти в Грузии и Абхазии и образования Компартии республики на книжных полках появились такие труды наших работников, как «Борцы за Октябрь в Абхазии», «Киараз», «Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии», «Культура Советской Абхазии за 60 лет» и др.

В настоящее время у нас идет большая работа к достойной встрече 60-летия образования СССР. Планируется, в частности, издание следующих работ: «История Абхазской АССР» (советский период), «Образование СССР – продолжение дела Великого Октября», «Эпизоды совместной борьбы грузинского и абхазского народов за власть Советов (1917-1921 гг.)».

Велика роль Грузинской академии в становлении и развитии Абхазского института, в подготовке его научных кадров. Так, например, выездное заседание его Президиума, состоявшееся в Сухуме в декабре 1980 года, имело важное значение для решения неотложных научно-организационных вопросов, а также улучшения материально-технических условий нашего учреждения.

Указанное мероприятие в целом, несомненно, способствовало дальнейшему укреплению творческих связей абхазских ученых с учеными из других республик, углублению их всестороннего сотрудничества.

Президиумом АН Грузинской ССР утверждена серия работ по абхазоведению и истории грузино-абхазских взаимоотношений. Стали традиционными боржомские совещания историков.

Таким образом, Абхазский институт своей многогранной деятельностью вносит большой вклад в развитие хозяйства и культуры нашей республики, в решение конкретных социально-экономических и научно-практических задач.

Тбилиси, 12.04.1982 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА НАУЧНОЙ СЕССИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ ЦК КПГ

Товарищи! Мы чествуем Е. А. Эшба, которому сегодня исполнилось бы 90 лет. Эшба – человек яркой судьбы, замечательный представитель ленинской гвардии большевиков. Жизненный путь Е. А. Эшба является прекрасным примером того, как в горниле революционного движения в России, в великой борьбе Коммунистической партии за победу пролетарской революции и социализма, формировались и закалялись национальные кадры политических деятелей – отважных борцов за народное дело.

Имя этого пламенного революционера, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства тесно связано с подпольной деятельностью в Тбилиси и Москве, гражданской войной на Северном Кавказе и в Причерноморье. В грозном 1918 году 25-летний Эшба был руководителем Советской власти в Абхазии, которая продержалась тогда в Сухуме 40 дней, а в районах еще дольше. В. И. Ленин, придавая большое значение этим событиям, внимательно следил за их развитием.

Важные вехи жизни Е. А. Эшба связаны с Москвой. Здесь он в 1919 году работал заместителем председателя центрального Бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б). Это было весьма серьезное поручение, требовавшее большого опыта, глубокой теоретической подготовки и хорошего знания жизни трудящихся Востока. С этим партийным поручением он справлялся успешно.

Работая в центральном аппарате партии, Е. А. Эшба не раз видел и лично встречался с В. И. Лениным. По его специальному поручению он в том же 1919 году отправляется на Кавказ для организации борьбы в тылу у Деникина. Ленинский посланец успешно справляется и с этим заданием.

Он, кристально честный и талантливый организатор, прекрасно справляется и со многими другими ответственными поручениями партии, будучи на постах председателя Ревкома Абхазии, секретаря ЦК Компартии Грузии, секретаря Чеченского обкома партии, работая в аппаратах РКИ, Наркомтяжпрома и Наркомвнешторга СССР и находясь на дипломатической работе в Лондоне и Нью-Йорке и т. д.

Имя Е. А. Эшба популярно в нашей республике и за ее пределами. Много сделано и делается по увековечению его светлой памяти. Люди воздают ему должное. На его ярком примере воспитывается

подростающее поколение. Недавно в Москве вышел библиографический словарь «Воспитанники московского университета – большевики ленинского поколения». В нем даны очерки о Степане Шаумяне, Сергее Лазо, Дмитрие Фурманове, Инессе Арманд и других славных героях революционной борьбы. Одиннадцать страниц этой интересной книги посвящены Ефрему Эшба.

Выражением глубокой благодарности революционеру ленинской школы, славному сыну абхазского народа является и моя книга «Ефрем Эшба», в 1967 году она вышла в Москве и Сухуме. Я безмерно счастлив, что книга была принята читательской массой тепло и вскоре стала библиографической редкостью.

В настоящее время, в связи с 90-летием Е. А. Эшба, она переиздается в дополненном виде, под редакцией директора Института истории партии при ЦК КП Грузии профессора Д. Г. Стурюа.

В ней анализируются новые документальные материалы. Представляет большой интерес, например, телеграмма Эшба от 16 мая 1918 г. на имя наркома по делам национальностей И. В. Сталина, в которой говорится о героических делах в Абхазии и выражается просьба об оказании военной помощи Советской Абхазии. Заслуживает внимания также подпольный мандат Е. А. Эшба за 1919 год, и подписанный секретарем ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой, который недавно был обнаружен в одном из бакинских архивов.

И самое ценное в книге – перед читателями проходят волнующие встречи Е. А. Эшба с В. И. Лениным, эпизоды борьбы за власть Советов, за торжество великих ленинских идей. Предстает Эшба перед нами как пламенный патриот и глашатай дружбы народов, убежденный интернационалист – ленинец.

Когда-то Е. А. Эшба в качестве эпитафии к своей известной книге «Асланбек Шерипов» привел знаменитые слова самоотверженного борца: «Мы вам докажем, как надо умирать за свободу, в нас вы не найдете мюридов газавата, но увидите мюридов революции».

Одним из таких «мюридов революции» был сам Эшба, память о котором так бережно хранит народ.

Тбилиси, 11.04.1983 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ТОРЖЕСТВЕННЫХ И ТРАУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ОТКРЫТИЮ ПАМЯТНИКА Н. А. ЛАКОБА

Сын трудового народа, веками изнывавшего от жестокого социального и национального гнета, придавленного страданиями и нуждой, непосредственно сам испытавший эту вопиющую несправедливость, Н. А. Лакоба рано, еще в юношеские годы, приобщается к активной революционной борьбе во имя уничтожения этого зла и торжества правого дела народа.

Жизненный путь Лакоба – это безупречное служение партии и народу.

Незаурядный, пытливый ум и жадная тяга к знаниям позволили необычайно деятельному по натуре Нестору Лакоба стать образованным и теоретически подготовленным профессиональным революционером – ленинцем.

Бурные события 1917-1921 годов в полной мере раскрыли яркий талант Н. Лакоба как крупного организатора, пламенного пропагандиста и бесстрашного бойца.

Он был одним из организаторов и вдохновителей героической борьбы трудящихся за установление Советской власти в Абхазии. Имя Лакоба неразрывно связано со всей кипучей деятельностью Абхазской партийной организации.

В 1922 году, в возрасте 29 лет, Н. Лакоба возглавил абхазское правительство и до конца своей недолгой жизни, безвременно оборвавшейся в 1936 году, он, как отмечала газета «Правда», – бесменный «неутомимый руководитель социалистического строительства в Абхазии».

Эта многогранная плодотворная деятельность Лакоба была высоко оценена партией и правительством – в 1936 году он награждается орденом Ленина.

Орденосной стала и Абхазия, которая за указанный короткий период времени под руководством Коммунистической партии добилась замечательных успехов во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Абхазия стала цветущей автономной советской социалистической республикой.

В частности, в результате осуществления ленинской национальной политики, получают подлинное развитие абхазская литература, национальная школа, печать, искусство; был создан ряд научных учреждений. Из недр абхазского народа выросли новые творческие силы, сыгравшие большую роль в деле развития культуры в нашей республике, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Н. Лакоба был убежденным пропагандистом ленинских идей пролетарского интернационализма и укрепления дружбы между народами.

Абхазская партийная организация с самого начала своего зарождения вела непримиримую борьбу против любого отклонения от генеральной линии партии в национальном вопросе и неуклонно вела работу в направлении укрепления дружбы народов.

В 1936 году, в связи с 15-летием Советской Абхазии, Н. Лакоба особо отмечал: «До Советской власти Абхазия страдала от междунациональной вражды... Это зло уничтожила Советская власть – в этом огромное достижение партии... Дружно живут и работают трудящиеся Абхазии...».

Пройдут годы, но время не изгладит из памяти грядущих поколений все величие людей, беззаветно отдавших жизнь за счастье народа. Открытие памятника славному сыну абхазского народа, пламенному ленинцу Нестору Лакоба является ярким примером этого явления.

Памятник Нестору Аполлоновичу Лакоба будет стоять гордо, как бы олицетворяя продолжение его славной и героической жизни, являющейся образцом служения подлинным интересам народа.

Сухум, 25.08.1959 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ВЕЧЕРЕ, ПОСВЯЩЕННОМ СТОЛЕТИЮ 10-Й СШ. ШКОЛЫ ИМ. Н. А. ЛАКОБА

Прежде всего, позвольте мне от имени питомцев старшего поколения сердечно поздравить и приветствовать замечательный коллектив абхазской школы имени Н. А. Лакоба со славным юбилеем - столетием со времени основания этого старейшего учебного заведения Абхазии.

Сегодняшний радостный праздник абхазской школы – большое событие в многогранной культурной жизни республики, ибо такова ее

большая роль в истории нашего народа. В течение всего последнего бурного века она являлась источником просвещения, своеобразным университетом, способствовавшим формированию абхазских культурных кадров.

Вот почему широкая общественность нашей республики с большим подъемом и глубокой признательностью отмечает сегодня неоценимые заслуги школы перед народом и страной.

Сейчас я мысленно переношусь к своим школьным годам, хотя, признаться, не очень легко говорить о них, как о давно и безвозвратно минувшем времени. Это тем более так, когда твои воспоминания адресуются учащимся 60-х годов - эпохи освоения космоса и других удивительных явлений в области познания человеком великих тайн природы.

И, тем не менее, я бесконечно рад случаю вспомнить это былое - золотую пору в жизни каждого человека.

В абхазской школе мне довелось учиться в 1929-1934 годах. До этого я никогда не выезжал из родного района. Гудаута мне представлялась, чуть ли не самым большим городом на земле. Поэтому, естественно, Сухум и абхазская школа им. Н. А. Лакоба произвели на меня большое впечатление. Это обстоятельство имело для меня важное значение в развитии самодисциплины и организованности.

Но главными факторами в нашем формировании были, разумеется, более существенные условия. Это, прежде всего, замечательный педагогический состав школы.

Действительно, в 20-30-х годах в абхазской школе работали такие маститые педагоги, как В. П. Данкевич, П. С. Шакрыл, А. В. Фадеев, А. А. Орынковский и многие другие. По ним равнялась вся учительская общественность республики. Более того, сюда, в эту образцовую школу, как она тогда именовалась, для перенятия новаторства в педагогическом мастерстве, богатого опыта в постановке учебно-воспитательной работы, приезжали деятели народного образования и из-за пределов Абхазии.

Мы были проникнуты глубоким уважением к своим учителям. Их авторитет в наших глазах был непререкаем; мы безгранично им верили, подражали, мечтали быть такими же. Словом, они на нас оказывали огромное воздействие.

Скажу прямо, если бы не историк Анатолий Всеволодович Фадеев (ныне профессор Московского университета), быть может, я никогда

не увлекся бы историей и, следовательно, не избрал бы эту науку своей любимой специальностью.

А словеснику Владимиру Павловичу Данкевичу я обязан своим пристрастием к книге. Кстати, в моей личной библиотеке имеется редкое издание сборника стихов Н. А. Некрасова, который он подарил мне за какой-то, видимо, добрый поступок.

Я до сих пор не могу вспоминать о Владимире Павловиче без какого-то внутреннего волнения, не говоря уже о том, что не смею встречаться с ним в головном уборе, и о прочих этических вещах. Мой старый учитель навсегда остался для меня глубокоуважаемым строгим и благожелательным наставником-воспитателем.

Материальная база школы вполне соответствовала необходимым требованиям. Ее мастерские и кабинеты считались лучшими в республике. Они обеспечивали хорошую постановку производственной практики и лабораторных занятий. Принцип соединения обучения с жизнью, практикой здесь осуществлялся на должном уровне.

Душой всего учебного процесса был незабвенный Алексей Андреевич Орынянский – завуч школы.

Надо сказать и то, что состав учащихся был очень хороший. Ученики были в основном из разных сел Абхазии, с неудержимым стремлением к свету знаний. Они отличались не только прекрасными способностями и редким прилежанием в учебе, но и моральной чистотой. Словом, это был добротный «материал», из которого опытные мастера педагогического дела «создавали» драгоценную «продукцию».

Абхазская школа отличалась высоким уровнем работы ученических общественных организаций и самодеятельности. Как-то нежно щемит в душе, когда воскрешаешь в памяти образы комсомольцев тех лет, этих взбудораженных, вихрастых юношей в подтянутых гимнастерках защитного цвета, бесконечно веривших в великое грядущее дело, к которому они готовились всем своим пылким существом.

Велико было их стремление к активному приобщению к политической жизни. Знаменитые «политбои» с учащимися других школ заканчивались, как правило, нашей внушительной победой. Было нередким явлением, когда какой-нибудь восьмиклассник усердно «штудировал» «Капитал» Маркса или был увлечен той или иной философской проблемой. Я уже не говорю о том, что у нас каждый второй ученик был поэт, а к «настоящим писателям» (Л. Квициния, Ш. Цвижба и др.) мы относились с особым почтением.

Мне памятна работа литературного кружка, которым руководил известный абхазский педагог Платон Семенович Шакрыл. Нельзя не удивляться зрелой плодотворной творческой деятельности этого кружка. Только очень досадно, что навечно потеряны все его материалы. Там, несомненно, содержались рациональные зернышки абхазской литературы...

Я долго был редактором стенгазеты, которая считалась грозой для всяких нарушителей дисциплины и нерадивых учеников. У нас широко была развита корреспондентская сеть; каждый хороший и плохой случай в школе немедленно становился достоянием всего коллектива.

С большим чувством вспоминаю также пионерскую организацию. Мне было очень грустно, когда пришло время расставаться с «пионерским шумом», который являлся моей родной стихией с 1924 года.

В абхазской школе я был вожатым, а до этого – «красным барабанщиком». Со своим зычным «пузачом» исколесил не только все улицы города, но и немало проселочных дорог Абхазии: мы шефствовали над Эшерской и другими сельскими школами.

Вспоминается, как мы с Мушни Папаскир играли главные роли в пьесе. Эшерские дети были в восторге от нашей «виртуозной» игры, и мы были очень счастливы.

В моем личном архиве имеются две грамоты - одна от дирекции школы, другая - от Абхазского обкома комсомола; первая - за активность «в борьбе за строительство политехнической школы и за качество учебы», вторая – за деятельное участие в работе политкружка. Эти документы для меня очень дороги, и я их бережно храню. Они говорят мне о многом, о милых школьных делах, легших в основу нашего развития.

Коллектив школы отличался спаянностью. Здесь неизменно витал дух дружбы и интернационализма.

Душой общественно-политической жизни школы, эстетического воспитания ее коллектива являлся светлой памяти Кондрат Федорович Дзидзария – директор школы.

Результатом всего этого было то, что Абхазская школа дала немало замечательных выпускников. Многие ее питомцы ныне успешно трудятся на различных участках коммунистического строительства.

Может возникнуть вопрос – а высшая школа? Верно, велика роль вуза в формировании человека. Но тот, кто из средней школы вышел с изъянами, часто походит на здание с непрочным фундаментом. Я хотел бы, чтобы наши, школьники всегда помнили эту истину.

Итак, дорогие юные друзья, пусть для Вас будет вечным девизом великий ленинский завет - учиться, учиться и учиться!

Теперь разрешите мне от лица профессорско-преподавательского состава и студентов Сухумского госпединститута им. А. М. Горького горячо приветствовать Вас со знаменательной датой – столетием школы и пожелать Вам больших успехов.

Мы просим, в знак глубокого уважения, принять наш скромный подарок – магнитофон.

Сухум, 5. 12. 1963.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВЕЧЕРЕ-ВСТРЕЧЕ С АКАДЕМИКОМ М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

Имя выдающегося ученого-историка, академика Михаила Николаевича Тихомирова неразрывно связано с развитием советской исторической науки.

Обладая огромной эрудицией и неистощимым талантом, М. Н. Тихомиров опубликовал около 300 работ, многие из которых прочно вошли в золотой фонд советский исторической науки.

Диапазон научных интересов академика Тихомирова очень велик. Наряду с собственно историческими исследованиями, основным героем которых является трудовой народ, много сил он отдает разработке вопросов источниковедения, историографии, археографии и исторической географии.

Вместе с тем Михаил Николаевич является редактором ряда периодических изданий, крупных коллективных работ и отдельных монографий.

Свою исследовательскую деятельность Михаил Николаевич сочетает с работой по воспитанию нового поколения советских историков и пропагандой исторических знаний. Его многочисленные ученики работают в различных уголках нашей страны.

Некоторые историки Абхазии имели счастье учиться у Михаила Николаевича в Московском институте истории, философии и литературы, где он в конце 30-х годов читал специальный курс по источниковедению истории СССР.

Михаил Николаевич много времени уделяет подготовке и изданию учебных пособий.

Забота М. Н. Тихомирова о развитии советской исторической науки нашла свое выражение и в его научно-организационной деятельности.

Он много лет был деканом и заведующим кафедрой в Московском университете, а в 1953-1957 годах – академиком – секретарем Отделения исторических наук АН СССР; бессменный председатель Археографической комиссии при Отделении.

Имя М. Н. Тихомирова хорошо известно не только в нашей стране, но и за ее пределами, где он пользуется всеобщим признанием.

Широким признанием трудов М. Н. Тихомирова является избрание его в 1946 г. член-корр., а в 1953 году – действительным членом АН СССР. Польская Академия наук избрала его в 1959 году своим действительным членом, а также Американская ассоциация историков.

Вся научная и педагогическая деятельность Михаила Николаевича – достойный пример самоотверженного трудолюбия и беспредельной любви к Родине.

Академик М. Н. Тихомиров неоднократно бывал в Абхазии. В настоящее время он внимательно знакомится с историческими памятниками республики. Михаил Николаевич имел ряд бесед с нашими научными работниками. Кроме того, он любезно согласился прочитать несколько лекций для интеллигенции и студенчества, что вытекает из его давнишнего плана пропаганды и популяризации достижений советской исторической науки.

Вношу предложение: избрать академика М. Н. Тихомирова почетным членом Абхазского совета Грузинского общества охраны памятников культуры.

Сухум, 5.02.1964 г.

РЕЧЬ НА ТРАУРНОМ МИТИНГЕ НА ПОХОРОНАХ М. М. ТРАПШ

Дорогие товарищи! Нас постигло горе, которое слишком больно отозвалось в наших сердцах. Мы стоим у открытого гроба человека, чье имя является гордостью для нашего народа и украшением советской исторической науки.

24 февраля с.г., в 6 часов 15 минут вечера, в городе Сухум внезапно скончался Михаил Маметович Трапш – видный советский археолог-историк, заведующий отделом Абхазского института языка,

литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР, заслуженный деятель науки республики.

Скончался талантливый ученый и общественный деятель в полном расцвете творческих сил, во время вдохновенной работы над своим фундаментальным трудом «Древний Сухум» в тысячу страниц, который покойный готовил для сдачи в печать.

Смерть была моментальная.

М. М. Трапш – подлинный энтузиаст, поистине подвижник науки. Исключительно велики его заслуги в области археологического исследования Абхазии. Замечательная положительная черта ученого - сознание необходимости изучать историю родной земли в тесной связи с историей сопредельных стран и народов. Он каждый важный вопрос стремился исследовать с правильных позиций исторического материализма. Он был вооружен критическим методом научного анализа. Круг его научных интересов был широк и разнообразен.

М. М. Трапш родился в 1917 году в селе Куланурхва Гудаутского района. Среднее образование он получил в городе Гудаута, а высшее – в Сухумском госпединституте им. А. М. Горького. В 1939 году Михаил Маметович был призван в ряды Советской Армии. В суровые годы Великой Отечественной войны он с оружием в руках сражался на различных фронтах, а в боях под Ленинградом получил тяжелое ранение. По выздоровлении М. М. Трапш работал в военном училище, подготавливая для фронта снайперов. В начале 1944 года он снова отправляется на фронт.

Демобилизовавшись из армии, М. М. Трапш поступил в аспирантуру при институте истории им. академика И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР. В 1951 году в том же институте он блестяще защитил кандидатскую диссертацию. С 1949 г. до последнего дня своей жизни он работал в Абхазском институте, где с 1962 года являлся заведующим отделом археологии.

Научная деятельность М.М. Трапш была весьма продуктивна. Уже первый его труд «Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР» привлек внимание специалистов как значительный вклад в советскую археологическую науку. Это исследование характерно для научных интересов и всей дальнейшей работы автора.

Затем и на долгие годы объектом изучения М. М. Трапш становится древняя история Сухума. Разыскав и изучив колоссальный

археологический материал и подвергнув глубокому критическому анализу все данные письменных источников, он начинает разрабатывать этот в высшей степени интересный для науки вопрос, строго следуя предварительно выработанному плану, с исключительной методичностью, систематичностью и упорством. Так рождается его наиболее крупный труд «Древний Сухум», в котором освещаются основные вопросы возникновения и исторического развития города, начиная с третьего тысячелетия до н. э. и вплоть до XII в. н. э.

Перу М. М. Трапш принадлежит также монография «Цебельдинская культура», в которой он подводит итоги многолетним археологическим раскопкам могильников позднеантичного времени. Он является соавтором двухтомного обобщающего труда – «Очерки истории Абхазской АССР». М. М. Трапш автор и многих других важных работ. Некоторые из них опубликованы в центральных академических изданиях, известны и за пределами нашей страны.

Все эти работы М. М. Трапш имеют огромное значение для решения кардинальных вопросов этнического и культурно-исторического развития абхазского народа, верным сыном которого он был.

Основные свои труды, которым посвятил многие годы жизни, М. М. Трапш не смог увидеть в печати. Будучи исключительно требовательным к себе, он тщательно проверял свои выводы, шлифовал и постоянно улучшал изложение, подготавливал к изданию.

Задача Абхазского института, долг коллег безвременно ушедшего от нас ученого – завершить публикацию его научного наследия, тщательно описать и бережно хранить для науки накопленный им богатейший археологический материал.

М. М. Трапш свою самоотверженную и исключительно плодотворную научно-исследовательскую и активную общественную деятельность рассматривал как верное средство служения родному народу, как конкретное проявление истинного патриотизма. Он категорически порицал любое проявление показного, пустозвонства и лжепатриотизма.

В этом духе он воспитывал и своих учеников и младших коллег. Михаил Маметович проявлял большую заботу и внимание воспитанию молодых научных кадров – исследователей родного края. Он был прекрасным организатором научной работы. Общественность нашей республики знает М. М. Трапш как активного общественного деятеля.

М. М. Трапш продолжал свою многогранную работу без устали, не щадя сил, буквально до последней минуты своей жизни. Он был полон новых замыслов, стремился завершить свои начатые работы.

Беспредельная любовь к народу и своему делу, верность гражданскому и научному долгу воодушевляли этого неугомонного труженика на решение новых важных научных и общественных задач.

Безжалостная смерть сразила его на боевом посту. Умер замечательный ученый, гражданин, коммунист.

В истории нашего народа навсегда останется имя М. М. Трапш – первого выдающегося абхазского ученого-археолога, который своими трудами внес большой вклад в научное абхазоведение и во всю кавказоведческую литературу, а, следовательно – в советскую историческую науку.

Прощай, дорогой товарищ!

Твое имя всегда будет символизировать собой верное служение интересам народа.

Сухум, 29.02.1968 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ВЕЧЕРЕ, ПОСВЯЩЕННОМ 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. А. ЭШБА

Есть исторические личности, которые не меркнут от времени, а становятся ярче, как далекие звезды на небосводе в темную южную ночь. Именно к таким деятелям относится Ефрем Алексеевич Эшба – один из славных сынов нашего народа.

Эшба особенно дорог нам, как человек, жизненный путь которого является прекрасным примером того, как в горниле классовых битв, в борьбе Коммунистической партии за победу пролетарской революции и социализма в нашей стране пестовались и закалялись национальные кадры политических деятелей – отважных борцов за народное счастье.

Немеркнувший образ Ефрема Эшба – это увлекательная летопись, которая постоянно оказывает воздействие на поколения людей и их формирование.

Это благотворное влияние, естественно, испытали и представители моего поколения. Оно вызывало лично у меня неодолимую потребность описать жизнь Ефрема Эшба, сделать эту поучительную биографию достоянием масс, особенно молодежи. В результате длительных разысканий и родились мои книги и статьи, которые в основном имеют

одно название – «Ефрем Эшба». В настоящее время я размышляю над новой книгой, повествующей опять-таки о судьбе этого человека, совершившего так много добрых дел для трудового народа.

Я и лично знал Ефрема Алексеевича. Встречался с ним в 1935 году на вечере абхазского студенческого землячества в Москве. Я был удивлен простотой и скромностью, «обыкновенностью» этого необыкновенного, овеянного легендами человека. В ту пору я, студент I курса, и не подозревал, что пройдет время и судьбе будет угодно сделать меня автором первой статьи и первой книжки об Эфреме Эшба.

И мне хотелось бы ограничиться некоторыми иллюстрациями из вышедшей в Москве (1967 г.) своей книжки «Ефрем Эшба», представляющими интерес с точки зрения познания глубины характера и неиссякаемого оптимизма профессионального революционера.

1916 год. Москва. Арест студента Ефрема Эшба за революционную деятельность. Ефрема вначале держали в мясницком полицейском доме. В охранном отделении его допрашивали долго, но безрезультатно. Особенно допекал его ротмистр С. Ганько. Но сколько он с ним ни бился, так и не сумел выудить ничего ценного. Ефрем ловко уводил следствие в сторону или отделялся шутками – недаром же он учился на юридическом факультете. Каждый раз ротмистр с растерянностью замечал, что студент обвел его вокруг пальца. Начальник московской охраны полковник Мартынов, не дождавшись от ротмистра ничего путного, решил сам допросить Ефрема.

– Ну, что ж, сочту за честь – сказал Ефрем, узнав, об этом от Ганько. – А вы, господин ротмистр, будьте спокойны. Полковник узнает от меня еще меньше, чем вы. Так, что ваш авторитет останется непоколебимым...

Когда ротмистр ввел Ефрема к Мартынову, тот встретил его сверлящим взглядом, сразу давая понять, что церемониться с ним он не намерен...

– Будете говорить?

– С удовольствием, – ответил Ефрем вежливо.

Он поймал на себе выжидающий взгляд ротмистра Ганько! «Что-то он сейчас выкинет – этот студент», – наверное, подумал тот.

Полковник демонстративно вынул из кобуры револьвер и положил на стол. Тонкая улыбка промелькнула на губах Ефрема.

– Многообещающе начало, – сказал Ефрем, – господин полковник хочет показать на практике мне, будущему юристу, как вести допрос? Что ж, постараюсь позаимствовать ваш опыт. Когда –нибудь пригодится. Может случится, что мы с вами поменяемся ролями...

– Мальчишка! – рявкнул полковник.

– На Востоке бытует пословица: «Ум не в возрасте, а в голове», – невозмутимо ответил Ефрем. – И уберите, пожалуйста, свой револьвер. Мне неприятно говорить с человеком, который меня боится. Я полагаю, вы положили его перед собой не для того, чтобы напугать меня, горца, с детства привыкшего к оружию.

Полковник густо побагровел и убрал револьвер в ящик.

1919 год. Москва. Е. А. Эшба – заместитель председателя Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП (б).

К осени 1919 года положение на фронте было крайне тяжелым.

Эшба направляется на фронт в качестве члена Кавказского красного комитета партии для организации борьбы в тылу у Денкина. Ему посчастливилось получить задание непосредственно от Ленина.

Владимир Ильич принял Ефрема очень тепло и со свойственным ему умением увлек его живой и непринужденной беседой. Позже Эшба вспомнил, что во время беседы с Владимиром Ильичем у него возникло, да так и осталось на всю жизнь, чувство будто он приобщился к чему-то очень светлому и радостному.

Ленин поминутно выходил из-за стола, ходил по кабинету, спрашивал и говорил. Каждый раз, когда Ефрем Алексеевич со свойственным ему уважением к старшим вставал, Владимир Ильич усаживал его на место, а сам продолжая ходить, задавал вопросы, инструктировал, как поступать в том или ином случае, как учитывать национальные особенности и характер горцев Кавказа... В вопросах о землепользовании Ленин проявил тонкое понимание психологии горских крестьян. Владимир Ильич много говорил о политике большевистской партии по крестьянскому вопросу.

От Ленина Ефрем Эшба шел с таким чувством, словно нес в себе сосуд, полный до краев светлой радостью, он боялся расплескать ее, боялся уронить хоть каплю из того, что хотел сохранить для себя на всю жизнь. Ефрему хотелось побыть одному, обдумать и осмыслить в тишине все, о чем ему говорил Ленин.

Он спустился к Москве-реке и сел у самой воды... Много позже, вспоминая встречу с В. И. Лениным, Ефрем Алексеевич говорил, что она была самым ярким, самым счастливым моментом в его жизни.

...После заключения мирного договора между РСФСР и правительством меньшевистской Грузии, в мае 1920 года, Ефрем Эшба выходит из Кутаисской тюрьмы – он был обменен Советским правительством.

Проездом в Советскую Россию Эшба на короткий срок остановился в Сухуме. Ему нужно было повидаться с некоторыми товарищами. Друзья предупредили его об опасности. Меньшевистские правители с самого начала, открыто нарушив мирный договор, обрушились новыми жестокими репрессиями на коммунистов и революционно настроенных рабочих и крестьян. В Абхазии свирепствовал так называемый особый отряд, который возглавлял Тарасхан Эшба – двоюродный брат Ефрема.

Ефрем и Тарасхан столкнулись на Сухумской набережной лицом к лицу и от неожиданности вначале растерялись. Первым пришел в себя Ефрем.

– Какая милая встреча, братец! – сказал он. Тарасхан что-то буркнул неразборчиво и неприязненно посмотрел на Ефрема.

– У тебя появилась блестящая возможность выслужиться перед меньшевистским правительством – посадить меня в абхазскую Бастилию¹².

– Я предпочел бы с тобой встретиться в честном бою, – сказал Тарасхан.

– О, да, ты, оказывается, романтик! – насмешливо заметил Ефрем.
– Те погромы, которые ты устраивал, ты называешь честным боем?

– Оставим это, – поморщился Тарасхан. – Раз судьба свела нас, так хоть ответь мне на один вопрос.

Они стояли у парапета и смотрели на море...

– Что тебя интересует? – спросил Ефрем.

– Ответь мне, пожалуйста, почему ты, потомственный дворянин, изменил своему сословию?

– Ах, вот оно что! Измена сословию! Какие страшные слова! Видишь ли Тарасхан, я себе родителей не выбирал. Но хотя меня угораздило родиться дворянином, я все же предпочел не цепляться за свои «сословные привилегии», а бороться за освобождение трудового народа. Мы с тобой дворяне, более того, даже двоюродные братья, но между нами огромная разница. Изменить можно идею, народу, а не «высшему сословию». Так что мы с тобой, милый братец, социальные враги, и притом непримиримые...

Ефрем ушел, не простившись и не оглянувшись.

Многогранная кипучая деятельность Е. А. Эшба оборвалась рано. Он не увидел сегодняшнего расцвета Родины, счастья родной Абхазии, о котором мечтал, за которое боролся.

Сухум, 23.06.1973 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. С. ДЖАНАШИА

Имя Николая Семеновича Джанашиа тесно связано с развитием народного образования в Абхазии в конце XIX – начале XX в. Вместе с тем он известен как активный общественный деятель и краевед-этнограф, глубоко изучавший вопросы устного творчества и этнографии абхазского народа.

Не случайно некролог о кончине Н. С. Джанашиа был помещен в первой большевистской газете Абхазии – «Сухумской правде» (1918 г.).

Наряду с работой в школе Н. С. Джанашиа с самого начала своей деятельности уделял большое внимание общественным вопросам, не выпуская из поля зрения бедственное положение трудящихся, о которых с искренним сочувствием выступал на страницах прессы.

Н. С. Джанашиа был горячим поборником дружбы между грузинским и абхазским народами, между всеми трудящимися многонационального края.

Хотелось бы особо отметить ценность работы Н. С. Джанашиа в деле научного изучения Абхазии. Его труды в этой области уже с 1897 года регулярно печатались в различных грузинских периодических изданиях. Впоследствии Джанашиа свои статьи по абхазской этнографии перевел на русский язык, опубликованные Н. Я. Марром в журнале «Христианский Восток» под названиями: «Религиозные верования абхазов» (1915 г.) и «Абхазский культ и быт» (1917 г.). Много фольклорного материала включено в этнографические исследования Н. С. Джанашиа. В его работах содержатся также важные сведения по абхазскому языку, социальным отношениям и топонимике Абхазии.

Абхазским институтом проделана определенная работа по изучению научного наследия Н. С. Джанашиа. В 1960 году был опубликован сборник его статей по этнографии Абхазии (составитель и автор предисловия Х. С. Бгажба).

Мы сегодня отмечаем 100-летие со дня рождения Н. С. Джанашиа с чувством глубокой благодарности за его подвижнические дела и труды в истории культурной и общественной жизни Абхазии.

Сухум, 27.06.1973 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВЕЧЕРЕ, ПОСВЯЩЕННОМ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. И. ГУЛИА

Д. И. Гулиа в жизни абхазского народа – явление исключительное. Он был воплощением лучших черт своего многострадального народа и выразителем его чаяний и надежд. Гулиа выступил на исторической арене в переломную эпоху, когда закономерно выдвигались новые личности. Победа социалистической революции создала условия для полного раскрытия народных талантов. Дмитрию Иосифовичу Гулиа самой жизнью была предназначена роль универсала. И имя его встречается в любой области абхазской культуры как ее самоотверженного деятеля и, во многих случаях, зачинателя. Имя Гулиа навсегда стало символом поступательного движения духовной жизни возрожденного народа.

С деятельностью Д. И. Гулиа, в частности, связано развитие научной мысли в Абхазии. Сейчас у нас в Абхазской АССР, где до Советской власти научные работники насчитывались единицами, работает 17 научных учреждений. В научно-исследовательских организациях и двух высших учебных заведениях Абхазии трудятся над исследованием различных проблем народного хозяйства и культуры свыше 800 ученых. Д. И. Гулиа был одним из основателей и руководителей первых научных организаций в нашей республике. Речь идет прежде всего об Абхазском научном обществе (АБНО) и Академии абхазского языка и литературы. Как известно, названные учреждения сыграли важную роль в организации научно-исследовательской работы в первое десятилетие Советской власти в Абхазии. Вместе с тем в этот период Д. И. Гулиа завершает и публикует такие свои труды, как «История Абхазии» (т. I), «Божество охоты и охотничий язык у абхазов», «Материалы по абхазской грамматике», «Терминологический словарь» и др. Именно к этому времени относится известная оценка, данная академиком Н. Я. Марром научной деятельности Д. И. Гулиа. Маститый ученый писал: «Бесспорный факт, что до

сегодняшнего дня никто в таком масштабе, как Гулиа, не интересовался одновременно прошлыми судьбами и настоящим бытом Абхазии, ни один ученый ни в Европе, ни на Кавказе... не удосуживался и не скоро удосужится для составления работы, по глубине искреннего интереса подобной той, которая уже готова у Д. И. Гулиа...».

В углублении научных познаний и интересов Гулиа большое значение имело его постоянное общение с грузинскими учеными, в первую очередь, с И. А. Джавахишвили, особенно в период работы Дмитрия Иосифовича в Тбилисском государственном университете, где был сосредоточен цвет грузинской научной интеллигенции. Неоценимую роль в этом отношении сыграл и академик Н. Я. Марр.

В начале 30-х годов XX в. назрел вопрос о создании в Абхазии специального научно-исследовательского института абхазоведческого направления с твердым штатным расписанием и четкой программой деятельности.

Д. И. Гулиа был одним из тех энтузиастов, кто поставил на повестку дня и обосновал необходимость безотлагательного решения этого столь перспективного, в практике национально-культурного строительства, вопроса.

И когда в 1930 году такое научное учреждение, на базе АБНО и Академии, было основано под названием Абхазского института языка и литературы, Д. И. Гулиа стал одним из руководителей. Ныне – это Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР, который, унаследовав лучшие традиции первых научных организаций республики, стал признанным центром абхазоведения.

Трудно переоценить роль Д. И. Гулиа в становлении и формировании этого первого подлинно академического учреждения в Абхазии, в котором он плодотворно трудился до последних дней своей жизни. Значительную часть своих научных трудов, учебников и учебных пособий он написал именно в стенах этого института.

И в области науки весьма многогранен и широк был круг занятий Гулиа: язык, фольклор, этнография, история – вот объекты его научных интересов. Им были проведены ценные исследования в каждой из этих областей. Гулиа по праву считается крупнейшим абхазоведом.

Творческая деятельность Д. И. Гулиа в Абхазском институте протекала по двум основным направлениям: по линии полевого сбора и изучения богатого абхазского устного народного творчества и по линии

разработки абхазской терминологии, унификации литературных и орфографических норм абхазского языка.

Научные труды Д. И. Гулиа, как и все его творчество, проникнуты чувством большой любви к Родине, народу. Он – поборник идей дружбы и братства народов. Им были созданы в абхазском институте такие работы, как «Идея патриотизма в грузинской и абхазской литературе», «Отражение Отечественной войны в абхазской литературе и фольклоре», «Абхазская народная поэзия после Отечественной войны» и др. Гулиа разрабатывал тему «Принципы орфографии абхазского языка», имевшую важное значение в становлении и утверждении норм абхазского литературного языка.

Особого внимания заслуживает работа Д. И. Гулиа по составлению абхазских учебников и учебных пособий – от азбуки 1892 года до книг, выходящих в наши дни.

Д. И. Гулиа неизменно был внимателен к молодым ученым, к их творческому росту. Он всегда оставался для них истинным наставником, универсальным советчиком.

Все это вписало имя Д. И. Гулиа в науку, как неутомимого исследователя родного народа. В истории науки в Абхазии он занимает видное место.

Важнейшей задачей Абхазского института является глубокое изучение всех аспектов огромного творческого наследия Д. И. Гулиа. И в этом направлении учеными нашего института уже проделана значительная работа. При этом, особо важное значение имеет подготовка многотомного собрания сочинений Д. И. Гулиа, которая будет завершена в 1975 году. По существу, это – первое академическое издание произведений родоначальника абхазской литературы.

Абхазский институт, кроме того, осуществил целый комплекс мероприятий в ознаменование 100-летия со дня рождения Д. И. Гулиа. Это – издание книг, публикация статей, проведение научной сессии, чтение лекций и докладов.

Чествование Д. И. Гулиа в связи со 100-летием со дня его рождения – большой национальный праздник.

Сухум, 1974 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ИТОГОВОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ АБНИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ.

Наша сегодняшняя научная сессия, по счету XXIV, является итоговой. В ней в какой-то мере будет отражена картина выполнения научно-исследовательской работы в Абхазском институте в 1975 году.

Прошлый год, завершающий год девятой пятилетки, и для Абхазского института был плодотворным. Его коллектив вел научно-исследовательскую работу по 17 темам (6 направлений и 15 проблем). Все темы были выполнены, в основном, на должном уровне. Институт, кроме того издал: IV-ый том «Известий», Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», Т. Х. Халбад «Выражение категории определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках», Р. К. Чанба «Некоторые вопросы культуры земледелия в Абхазии», Р. М. Лагвилава «К вопросу воспроизводства рабочей силы высшей квалификации», К. С. Шакрыл «Абхазские народные сказки».

Учеными нашего института была проведена и большая научно-общественная работа. В частности, многие из них принимали участие во всесоюзных и республиканских научных форумах. В самом же Институте было проведено три научных сессий.

Весь комплекс работ Абхазского института нашел положительную оценку со стороны АН Грузинской ССР и на XXXIII Абхазской областной партконференции.

Мы решили создать социологическую группу с целью всестороннего исследования экономики и культуры современной Абхазии, в частности, более углубленного изучения материальной и духовной культуры абхазского села.

Институт планирует проведение ряда мероприятий по изучению прошлого с тем, чтобы использовать все ценное, что имеется в историческом прошлом нашего народа.

Настоящую итоговую научную сессию мы посвящаем 100-летию со дня рождения выдающегося советского ученого, академика Ивана Александровича Джавахишвили, посвятившего всю свою многогранную деятельность верному служению своему народу.

И. А. Джавахишвили – крупнейший историк-исследователь, замечательный педагог и неутомимый общественный деятель.

Широкая эрудиция, энциклопедические познания в области истории и филологии, глубокий интерес к вопросам общественной жизни, яркий

талант полиглота позволили академику Джавахишвили научно разработать многовековую историю грузинского народа и исследовать древнюю историю ряда сопредельных с Грузией стран.

Велики заслуги Ивана Александровича и в деле подготовки грузинских национальных научных кадров. Многие крупные ученые Грузии последующего периода - ученики и сотрудники Джавахишвили. Академик И. А. Джавахишвили отдал много сил созданию Тбилисского Государственного университета – очагу культуры и просвещения грузинского народа, он был вторым его ректором. Иван Александрович славился как блестящий лектор и оратор.

Советская власть дала И. А. Джавахишвили неограниченную возможность вести в полной мере свою творческую, научную и общественную работу на благо народа. Только Советская власть оценила должным образом его огромные заслуги перед народом.

Большая часть исследований академика Джавахишвили, в том числе и самые крупные, появились целиком при Советской власти.

И. А. Джавахишвили оставил богатейшее научное наследие. Его исследования, охватывающие широкий круг научных проблем, хорошо известны научному миру.

И. А. Джавахишвили внезапно скончался 18 ноября 1940 года на публичном заседании Ученого совета Института языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра Грузфилиала АН СССР, во время чтения своего доклада «Задачи грузинской филологии и истории древнегрузинской художественной литературы».

Итоговую научную сессию Абхазского института, посвященную 100-летию со дня рождения академика И. А. Джавахишвили, объявляю открытой.

Сухум, 1976 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОТКРЫТИИ ТОРЖЕСТВЕННОГО ВЕЧЕРА В АБНИИ, ПОСВЯЩЕННОГО 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. С. ШАКРЫЛ

Дорогие товарищи! В этот чудесный майский вечер мы чествуем Константина Семеновича Шакрыл. Ему исполнилось 80 лет. Из них 60 лет он беззаветно отдал служению народу. К. С. Шакрыл прошел большой и нелегкий жизненный путь. С юношеских лет он посвятил себя благородному делу просвещения родного народа.

Константин Семенович сделал много и в области научного изучения абхазского языка и фольклора. Наш юбиляр является автором более 60 научных трудов. По его учебникам и исследованиям учились целые поколения.

Обобщающая, фундаментальная работа К. С. Шакрыл «Очерки по абхазско-адыгским языкам» – значительный вклад в кавказоведение, за которое присуждена ему ученая степень доктора филологических наук. Диссертация была защищена в Москве, в Институте народов Азии и Африки.

К. С. Шакрыл в течение многих лет в Абхазском институте вел многогранную научно-организационную работу, до недавнего времени руководил творческой работой отдела языка.

К. С. Шакрыл принимает активное участие в общественной жизни нашей республики.

Он стоял как верный солдат в ряду ветеранов абхазской культуры – Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, А. М. Чочуа... Все это – красноречивое свидетельство того, что К. С. Шакрыл своей долголетней и плодотворной деятельностью внес весомый вклад в культурное строительство Абхазской АССР.

И совершенно закономерно, что он удостоен почетного звания Заслуженного деятеля науки Грузинской ССР и Абхазской АССР.

Сегодня, в день его славного 80-летия, Константину Семеновичу Шакрыл, нашему почтенному другу и коллеге, желаем доброго здоровья, большого счастья и новых творческих свершений.

Юбилейный вечер, посвященный 80-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической и общественной деятельности заслуженного деятеля науки Грузинской ССР и Абхазской АССР, доктора филологических наук К. С. Шакрыл, объявляю открытым.

От имени Абхазского обкома КП Грузии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Абхазской АССР сердечно поздравляю Вас, дорогой Константинович Семенович, с присвоением почетного звания Заслуженного деятеля науки Грузинской ССР и награждением Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Абхазской АССР.

Сухум, 25.05.1979 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОТКРЫТИИ НАУЧНО-ТВОРЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. ЛАКЕРБАЙ (ЛАКРБА)

Дорогие товарищи! В эти дни по всей нашей республике широко отмечается восьмидесятилетие со дня рождения выдающегося абхазского писателя Михаила Александровича Лакербай (Лакрба).

Лакербай принадлежит к плеяде абхазской демократической творческой интеллигенции, формирование которой происходило на заре Октябрьской революции. Это была одаренная творческая молодежь, впоследствии известные писатели и поэты Иуа Когониа, Михаил Лакербай, Иван Папаскир, Дзадз Дарсалиа, Мушни Хашба и другие, дружно поддерживавшие и дальше развивавшие культурные начинания основоположника абхазской художественной литературы Дмитрия Гулиа и его ближайшего друга и соратника Самсона Чанба.

Начиная с первых же дней Советской власти и вплоть до 60-х годов, до последних дней своей жизни, на всех этапах развития абхазской литературы и всей национальной культуры Михаил Лакербай был одной из наиболее видных, привлекавших всеобщее внимание центральных фигур, творческих деятелей.

Михаил Александрович – богато разносторонне одаренная личность. Начав свой творческий путь как поэт и создав в этом жанре ряд изумительных, не потерявшие и поныне своей идейной и эстетической ценности образцы лирической, гражданской поэзии, он стал вскоре одним из ведущих абхазских драматургов и прозаиков, произведения, которого печатались и ставились на сцене, как в Абхазии, так и за ее пределами.

Творчество выдающегося абхазского писателя М. А. Лакербай проникнуто чувством неподдельной любви к родному народу, к его богатой духовной культуре, к его современным героическим будням.

Здесь нельзя не сказать и о глубоком интересе М. Лакербай к устному народному творчеству, скрупулезным собирателем и глубоким ценителем которого он был. Михаил Александрович был также первым исследователем истории абхазского театрального искусства.

Сегодняшняя наша научно-творческая конференция, организованная Абхазским институтом, Союзом писателей Абхазии и Абхазским государственным университетом, на которой выступят товарищи с

докладами, сообщениями и воспоминаниями, призвана раскрыть многогранный характер неувядаемого творческого таланта Михаила Лакербай и как крупного писателя, и как гражданина и общественного деятеля.

Сухум, 15.09.1981 г.

РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ВЕЧЕРЕ, ПОСВЯЩЕННОМ 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. К. ХАШБА

Товарищи! Сегодня мы чествуем видного абхазского ученого и общественного деятеля Арсения Константинович Хашба, отмечаем 80-летие со дня его рождения.

А. К. Хашба принадлежит к тому поколению абхазской интеллигенции, которая сформировалась в первые годы социалистического строительства в Абхазии.

Будучи еще очень молодым, Хашба принял активное участие в революционной борьбе за установление Советской власти в родном Кодорском (Очамчирском) районе.

А. К. Хашба – один из первых абхазских филологов. Он вместе с В. И. Кукба получил специальное высшее образование, а затем прошел курс аспирантуры под руководством академика Н. Я. Марра в Ленинграде.

А. К. Хашба, несомненно, был весьма талантливым человеком. Он довольно рано проявил интерес к научно-исследовательской работе. Однако, к великому сожалению, его плодотворная творческая деятельность продолжалась слишком недолго.

Тем не менее, А. К. Хашба успел разработать ряд важнейших вопросов по абхазскому языку и фольклору. Он оставил несколько исследований и статей, которые не потеряли свое научно-практическое значение и в настоящее время.

Долг наших специалистов – скрупулезно собрать и глубоко осмыслить научное наследие А. К. Хашба, сделать его активной базой для разработки отдельных проблем абхазской филологии.

А. К. Хашба дорог нам еще и тем, что с его именем связано становление нашего института, ставшего в последнее время подлинным центром абхазоведения. Он был его директором в 1932-1937 годах.

А. К. Хашба был истинным патриотом и интернационалистом в своей практической научно-исследовательской и общественной деятельности.

Мы сегодня с благодарностью вспомним талантливого исследователя и организатора науки А. К. Хашба и отдаем должное его короткой, но многогранной яркой деятельности.

Разрешите вечер, посвященный 80-летию со дня рождения А. К. Хашба, объявить открытым.

Сухум, 26.03.1982 г.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ, ПОСВЯЩЕННОМ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. ЛАКОБА

Товарищи! В эти майские дни общественность нашей республики с большим подъемом отмечает славное 90-летие видного профессионального революционера и деятеля Коммунистической партии и Советского государства Н. А. Лакоба.

Нестор Лакоба рано приобщился к революционной борьбе. Этому способствовал весь уклад его бытия. С самого детства он сполна познал горечь жизни.

Еще его отец, человек правдивый и волевой, пытался подняться против несправедливых эксплуататорских порядков, но пал в нервной борьбе. Пример отца накладывает отпечаток на формирование сына.

В 1911 году за активное участие в работе политического кружка Н. Лакоба был исключен из тифлисской духовной семинарии. Это было первое его боевое крещение. Стремительно созревало и крепло революционное мировоззрение юного Нестора. В 1912 года он становится членом большевистской партии, а затем и активным правдистом.

Первые места активной политической деятельности Лакоба – Батуми и Грозный, среди рабочих и крестьянской бедноты. Власти всячески преследуют молодого революционера, но он – словно феникс.

1916 год – первый значительный успех в революционной деятельности Н. Лакоба. Ему удалось воссоздать Гудаутскую большевистскую организацию. Последовали бурные события 1917 года. Фигура Н. Лакоба становится одной из центральных в политической жизни Абхазии.

Он проявляет себя как талантливый организатор масс, умело сплачивающий революционные силы для борьбы за торжество ленинских идей. Именно в этот период по его инициативе зарождается известная революционная крестьянская дружина «Киараз».

Когда весной 1918 года в Абхазии развернулась борьба за установление Советской власти, руководимые Н. Лакоба, революционные силы были в передних шеренгах борцов. Нестор Аполлонович находился в числе руководителей и вдохновителей Советской власти в Абхазии в том грозном году.

В 1919-1920 гг. Лакоба по заданию партии ведет большую работу в Батуми и Краснодаре. В частности, в Батуми он входил в состав тройки по руководству нелегальной партийной организацией в этом регионе. Здесь под его руководством и при его непосредственном участии был совершен ряд смелых боевых актов против белогвардейских войск и английских оккупационных сил.

Н. А. Лакоба сыграл большую роль в установлении Советской власти в Абхазии в 1921 г. Выдающиеся боевые заслуги Лакоба в победе социалистической революции высоко оценены Советским правительством. Он был награжден орденом Красного Знамени.

С февраля 1922 года Н. А. Лакоба – бессменный руководитель Абхазской республики. В эти годы особенно ярко проявляется его незаурядный организаторский талант. С его именем связан расцвет экономики и культуры Советской Абхазии.

В поле зрения Н. А. Лакоба неизменно находились вопросы культурного строительства. Он сыграл большую роль в создании высших учебных заведений в Абхазии. Лакоба внимательно следил за творческим ростом работников литературы и искусства. К этим годам относится зарождение разных отраслей науки в нашей республике.

Многое сделал Н. А. Лакоба для воспитания молодых кадров во всех областях народного хозяйства и культуры.

Высокая принципиальность, верность великим принципам марксизма-ленинизма, готовность выполнить любое задание партии, глубокая эрудиция и широкая теоретическая подготовка снискали Н. А. Лакоба большую популярность и искреннее уважение масс. Он всегда был тесно связан с народом.

В. И. Ленин лично знал Н. А. Лакоба как одного из активных борцов за дело Коммунистической партии. Тесная дружба связывала его со

многими выдающимися деятелями Коммунистической партии и Советского государства.

Советские люди воздают Н. А. Лакоба должное. Много сделано и делается по увековечению его светлой памяти. И то, что мы сегодня закладываем памятник ему в столице Грузии есть яркое выражение глубокой благодарности революционеру ленинской школы, славному сыну абхазского народа.

Тбилиси, 16.05.1983 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ТРАУРНОМ МИТИНГЕ НА ПОХОРОНАХ З. В. АНЧАБАДЗЕ

Трудно мириться с мыслью, что в расцвете творческих сил ушел от нас наш близкий друг, товарищ, коллега З. В. Анчабадзе. Крупный советский ученый, педагог и общественный деятель Зураб Вианорович рано приобщился к творческой деятельности и всю свою жизнь посвятил науке.

Основными базами его активной творческой деятельности являлись Институт истории им. И. А. Джавахишвили и Абхазский институт им. Д. И. Гулиа АН ГССР и Абхазский госуниверситет им. А. М. Горького.

Именно в стенах этих учреждений в полной мере раскрылось его дарование крупного исследователя и организатора науки.

1948-й и 1960-й годы – это даты, когда З. В. Анчабадзе блестяще защищает кандидатскую и докторскую диссертации. Затем он становится профессором и членом-корреспондентом АН ГССР.

Широк тематический, географический и хронологический диапазон научных интересов З. В. Анчабадзе. Основные направления его исследовательской деятельности охватывают проблемы истории древней и средневековой Абхазии, истории Грузии и горских народов Северного Кавказа.

Количество опубликованных работ З. В. Анчабадзе значительное. И каждая из них – веха в творческой биографии исследователя. Они вносят большой вклад в советскую историческую науку. В них воплощены его незаурядное дарование, широта познаний и богатый опыт. Основа всей этой многообразной научной продукции – незыблемые факты и марксистско-ленинская методология.

Здесь не представляется возможным даже перечислить важнейшие труды З. В. Анчабадзе, а тем более их основные аспекты.

З. В. Анчабадзе – один из тех ученых, которые умело сочетают плодотворную исследовательскую работу с вдумчивой педагогической деятельностью. В 1973 г. он возглавил Сухумский педагогический институт им. А. М. Горького, впоследствии преобразованный в университет. Здесь он взял на себя огромную нагрузку, проявив при этом все свои творческие и организаторские способности.

Замечательный ученый, профессор З. В. Анчабадзе воспитал большое число учеников, среди которых немало видных ученых – докторов и кандидатов наук, представителей разных национальностей.

За свою многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность З. В. Анчабадзе был удостоен почетных званий заслуженного деятеля науки Грузинской ССР и Абхазской АССР.

У Зураба Вианоровича были большие перспективные планы. Прежде всего, он мечтал о том дне, когда полностью будет завершено формирование Абхазского госуниверситета, с возведением соответствующего комплекса новых учебных корпусов. А в личном аспекте его ближайшие планы были связаны с изданием совместно с другими специалистами обобщающего труда – учебного пособия по истории Абхазии с древнейших времен до наших дней. Его волновали и многие другие проблемы исторической науки.

Прощай, наш дорогой друг и коллега! Многочисленные твои друзья и ученики заверяют тебя в том, что все планы, о которых ты мечтал, но не успел осуществить в жизни, будут непременно выполнены ими.

Сухум, 2.02.1984 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМУ 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. И. ГУЛИА

Дорогие товарищи! Сегодня мы отмечаем 110-летие со дня рождения Д. И. Гулиа. Имя Гулиа не нуждается в особом рекламировании. Оно глубоко уважаемо и высоко чтимо не только в нашей республике, но и во всесоюзном масштабе, хорошо известно и за пределами нашей страны.

Выходец из гуши народной, Д. И. Гулиа всю свою жизнь неразрывно был связан со своим народом, служил ему преданно и самоотверженно.

Д. И. Гулиа – самая яркая и самая крупная величина на небосклоне абхазской национальной культуры. С именем Гулиа так или иначе связаны зарождение и формирование всех основных элементов современной культуры абхазского народа. Он был первым писателем, заложившим основы абхазской художественной литературы, и первым наиболее крупным национальным ученым-историком, этнографом, филологом, народным учителем, просветителем. Таким образом, Д. И. Гулиа – энциклопедист в самом непосредственном и глубоком смысле этого слова.

Мне, как историку, хотелось бы сказать несколько слов о заслугах Д. И. Гулиа в области изучения многовековой истории абхазского народа. Академик Н. Я. Марр, имея в виду известное уникальное сочинение Гулиа «История Абхазии», писал: «...Бесспорный факт, что до сегодняшнего дня никто в таком масштабе, как Гулиа, не интересовался одновременно прошлыми судьбами и настоящим бытом Абхазии, ни один ученый, ни в Европе, ни на Кавказе... не удосуживался и не скоро удосужится для составления работы, по глубине искреннего интереса, подобно той, которая уже готова у Д. И. Гулиа».

И сам Д.И.Гулиа пророчески выражал уверенность в том, что этот главный его труд по истории Абхазии будет «первым камнем, брошенным в спокойную *гладь научного равнодушия* и возбудит приток сил к разработке задач по истории культур» и народов Кавказа.

Д. И. Гулиа постоянно поддерживал творческие связи с академиками Н. Я. Марром, И. А. Джавахишвили и другими выдающимися учеными страны.

Д. И. Гулиа проявлял большую активность и в деле распространения исторических знаний, причем большей частью на родном языке. Уже на заре Советской власти в Абхазии, в 1921 году, он читает лекцию «История абхазского народа» в Государственном театре, переполненном представителями учительства республики, творческой интеллигенцией столицы, партийными и советскими работниками.

Я уже не говорю о том, что Д. И. Гулиа много лет преподавал историю Абхазии в разных учебных заведениях края. В 1937 году постановлением Президиума Академии наук СССР Д. И. Гулиа была присвоена ученая степень.

Научная деятельность Д. И. Гулиа в области исследования и пропаганды проблем истории Абхазии очень ярко подчеркивает его

историческую роль выразителя чаяния родного народа, роль, которая делает имя Гулиа бессмертным.

Имя Д. И. Гулиа наш коллектив – Абхазский институт языка, литературы и истории АН Грузинской ССР, носит не случайно. С первых же дней основания института, вернее с момента создания по инициативе академика Н. Я. Марра Академии абхазского языка и литературы, послужившей впоследствии базой для нашего института, и до последнего дня своей жизни Дмитрий Иосифович был бессменным сотрудником этого института. Многие его научные, художественные и публицистические произведения созданы именно в стенах Абхазского института.

Нашим коллективом проводится значительная работа по изучению творческого наследия Д. И. Гулиа. В трудах ученых разных специальностей – литературоведов, языковедов, историков, этнографов широко освещается деятельность Д. И. Гулиа в соответствующих отраслях науки. В частности, докторами наук Х. С. Бгажба и Ш. Д. Инал-ипа изданы монографии о жизни и творчестве Д. И. Гулиа. Достойное место отводится Д. И. Гулиа также в коллективных трудах института «Очерки истории абхазской литературы» и «История Абхазской АССР» (советский период). И в моей монографии «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции», естественно, Д. И. Гулиа – одна из главных фигур.

Коллективом института в связи со 100-летием народного поэта было подготовлено к изданию его Собрание сочинений в 6 томах, куда вошли как оригинальные и переводные художественные произведения, так и научные труды в области абхазского языка, литературы и фольклора, истории и этнографии Абхазии. Из этого Собрания сочинений уже изданы 4 тома. В ближайшее время выйдут и оставшиеся тома.

К сказанному следует добавить, что языковедами нашего института составлен «Словарь языка Д. И. Гулиа», который также уже сдан в производство. Изучение творческого наследия Д. И. Гулиа нашим коллективом в разных аспектах будет и впредь продолжаться.

Для этого Абхазский институт располагает всеми необходимыми возможностями. Став признанным центром абхазоведения, он за 50 с лишним лет своей плодотворной деятельности добился значительных успехов в области исследования основных проблем истории и культуры Абхазии.

Нынешний юбилей Д. И. Гулиа особенно знаменателен тем, что он совпадает с Днями советской литературы в Абхазии. Это большой

праздник всей многонациональной советской литературы и одновременно смотр достижений абхазской национальной литературы и культуры, которые так заботливо лелеял и взращивал Д. И. Гулиа.

Преддверием этих больших торжеств можно назвать и состоявшуюся 1 ноября с. г. в Абхазском институте юбилейную научную сессию, посвященную 110-летию со дня рождения Д. И. Гулиа. Эта сессия, на которой был заслушан целый ряд очень интересных докладов, явилась своеобразным итогом работы наших ученых в изучении творческого наследия патриарха абхазской литературы.

Сухум, 14.11.1984 г.

ТЕСНЫЕ СВЯЗИ АКАДЕМИКА И. Н. ВЕКУА С АБХАЗИЕЙ

Имя академика Ильи Несторовича Векуа, прославленного ученого, выдающегося математика современности, широко известно в нашей стране и далеко за ее пределами. Оно навечно вписано в историю науки.

Жизненный путь И. Н. Векуа это путь творческого горения и беззаветного служения передовой советской науке.

Говорить о достоинствах и заслугах академика Векуа перед наукой мне, представителю гуманитарных дисциплин, разумеется, очень трудно. Это не под силу даже иному незаурядному специалисту в области математики. Во всяком случае, хотел бы повторить хорошо известную истину о том, что академику Векуа принадлежат основополагающие исследования в важнейших направлениях современной математической физики и механики, фундаментальные труды, в которых нашли отражение сделанные им крупнейшие открытия. Был он также виднейшим организатором науки и высшего образования.

Будучи ректором Новосибирского, а затем Тбилисского государственных университетов, И.Н. Векуа воспитал целую плеяду талантливых ученых, которыми по праву гордится наша страна.

Академия наук Грузинской ССР, которую с 1972 по 1977 год возглавлял И. Н. Векуа, стала одним из крупнейших научных центров Советского Союза. Ее многочисленные институты вносят весомый вклад в развитие отечественной и мировой науки.

Трудящиеся Абхазской республики, ее интеллигенция относятся к И. Н. Векуа с особым уважением и особой любовью. И, конечно, не только потому, что этот выдающийся деятель науки их земляк - он родился, рос и начал учиться в Абхазии.

И. Н. Векуа всегда был внимателен к Абхазии, к ее жизненным проблемам. Многих работников нашей республики он хорошо знал, а с некоторыми из них находился в дружеских отношениях. Это относится прежде всего к Н.А. Лакоба. Кстати, в пору учебы в Тбилисском государственном университете, в 20-х годах, И. Н. Векуа являлся стипендиатом Совнаркома Абхазии, возглавляемого Лакоба.

Высоко ценил и глубоко уважал И. Н. Векуа патриарха абхазской литературы Д. И. Гулиа. То же самое можно сказать и о другом нашем народном поэте – Б. В. Шинкуба. И. Н. Векуа интересовался также судьбой великого абхазского художника и искусствоведа А. К. Чачба-Шервашидзе,

В особо близких отношениях находился И. Н. Векуа с А. М. Чочуа – известным абхазским просветителем и общественным деятелем. Об этом свидетельствует, в частности, их переписка и совместная фотография, опубликованные в собрании сочинений А. М. Чочуа.

Лично я с И. Н. Векуа общался на протяжении многих лет. Особенно часто мы встречались и подолгу беседовали в Москве, будучи депутатами, в период сессий Верховного Совета СССР. По предложению И. Н. Векуа я в 1971 году на историческом факультете Тбилисского государственного университета, где он тогда был ректором, провел курс лекций по истории Абхазии XIX столетия. После же окончания лекций был награжден медалью имени основателя университета академика И.А. Джавахишвили. В тот период в университете читался и курс лекций по абхазской литературе, который провел сотрудник нашего института Ш. Х. Салакая.

Особо следует подчеркнуть, что И.Н. Векуа много сделал для развития научной мысли в нашей республике, формирования ее научных кадров. Он был весьма внимателен к плодотворной деятельности Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР, ставшего признанным центром абхазоведения. И. Н. Векуа интересовался ростом его ученых, совершенствованием тематики научно-исследовательских работ, состоянием материально-технической базы. Илья Несторович, в частности, обращал особое внимание на проблему изучения традиционной культуры абхазского

народа, подчеркивая, что она интересна своей оригинальностью и во многих отношениях поучительна.

Бывший директор Абхазского института А. М. Чочуа в письме на имя И. Н. Векуа писал: «Навсегда останется у меня в памяти то большое внимание, которое Вы и все работники Академии уделяли мне и Абхазскому институту, что способствовало превращению Института в большое научно-исследовательское учреждение».

Хотелось бы также привести здесь относящиеся к 1976 году авторитетные слова самого И. Н. Векуа в ответ на вопрос корреспондента одной из наших областных газет о развитии культуры и науки в Абхазской республике. «Наша Академия, - сказал он тогда, - внимательно относится к трудам абхазских ученых. Меня лично, как человека этой земли, высоко радует расцвет культуры и науки в Абхазии. Многогранная научная работа ведется в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР... Абхазские ученые всегда могут рассчитывать на поддержку и помощь Академии».

Здесь не приходится много говорить об отношении академика Векуа к деятельности, носящего ныне его имя, Сухумского физико-технического института, который выполняет важные теоретические и практические работы.

Хочется вспомнить и о том, как широко отмечались в нашей республике 60-ти и 70-летия И. Н. Векуа. В 1967 году, например, в Сухумском государственном драматическом театре имени С. Я. Чанба состоялся юбилейный торжественный вечер. Переполненный зал встретил появление в президиуме юбиляра горячими аплодисментами. Выступая с ответной речью, академик Векуа поделился своими воспоминаниями. Он, в частности, вспомнил отеческую заботу Н. А. Лакоба о нем, студенте Тбилисского университета.

На второй день после вечера И. Н. Векуа, в сопровождении своих многочисленных коллег и учеников, ездил в Гудаутский район и остановился в традиционном абхазском селе Аацы, где встречался с тружениками региона. Встреча была необыкновенно теплой, сердечной, незабываемой.

Илье Несторовичу тогда было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Абхазской АССР. Этим званием прославленный академик очень гордился.

Присутствуя, как представитель Абхазии, на торжественных юбилейных вечерах в Тбилиси, посвященных академику И. Н. Векуа, я, наблюдая за тем, что происходило в президиуме, ложах и зале, был

тронут до глубины души тем, что люди так радостно и высоко ценили многогранную деятельность Ильи Несторовича и в его лице – науку.

Такое признание далось маститому ученому не легко, а в результате огромного труда и полного раскрытия своего яркого таланта. Его деятельность - это подвижничество в буквальном смысле слова. Только таким путем, возможно, было создать те фундаментальные исследования, которые поставили имя И.Н. Векуа в ряд имен выдающихся мыслителей-математиков мира, труды, удостоенные Ленинской и Государственной премий.

Будучи ученым широкого творческого диапазона, И. Н. Векуа вел также большую общественную и государственную работу. Трудящиеся неоднократно единодушно избирали его своим депутатом в высший орган государственной власти страны, коммунисты избирали его членом ЦК Компартии Грузии.

В заключение хотелось бы с большим удовлетворением подчеркнуть, что открытие мемориального музея И. Н. Векуа в селе Шешелети мероприятие важное и своевременное по увековечению памяти всемирно прославленного ученого. Илья Несторович горячо любил свое родное село. Это чувство можно выразить словами великого Грибоедова: «И дым Отечества нам сладок и приятен!». Он не мог говорить без волнения о Шешелети, о земле, где впервые ступила его нога. Он с чувством трепетного волнения и благоговения вспоминал своих незабвенных родителей, которые покоятся и недрах этой благодатной земли.

Этими же чувствами, как уже отмечалось, характеризуется его отношение и ко всему родному краю, к его истории и культуре, к его людям. Встречаясь с земляками в Тбилиси он обычно спрашивал: «Как дела у нас в Абхазии?»

Создание Дома-музея в родном селе выдающегося ученого и Человека, несомненно, будет иметь и большое воспитательное значение для подрастающего поколения. Жизнь и деятельность И. Н. Векуа – эталон для каждого вступающего на активное жизненное поприще.

Сухум, 18.05.1985 г.

О НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ПЕРЕСТРОЙКЕ РАБОТЫ СУХУМСКОГО ГОСПЕДИНИТУТА ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО

Принятые ноябрьским Пленумом ЦК КПСС тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» являются развернутой программой перестройки всей системы народного образования в стране и знаменуют собой новый этап в развитии советской школы.

Тезисы указывают, что «перестройку системы народного образования необходимо осуществлять планомерно и организовано с максимальным учетом местных особенностей».

Исходя из этого положения, нам хочется высказать некоторые практические соображения по вопросу перестройки работы Сухумского Государственного педагогического института им. А. М. Горького.

Прежде всего, краткая справка о Сухумском пединституте. Он был открыт в 1932 году. Создание в Абхазии высшего учебного заведения является одним из ярких показателей торжества великих принципов ленинской национальной политики в нашей стране.

Сухумский пединститут сыграл и играет важную роль в деле подготовки местных кадров. За период существования института его окончило около 4 тыс. человек, которые успешно работают ныне не только на поприще народного образования, но и во всех областях социалистического строительства в нашей республике и за ее пределами.

В настоящее время Сухумский пединститут является одним из крупных вузов с пятью факультетами (физмат, естественно-географический, филологический, историко-филологический и по подготовке преподавателей для начальной школы) и тремя секторами (абхазский, грузинский и русский). В нем обучается около 1300 студентов, а число профессорско-преподавательского состава превышает 120 человек, из которых ученые степени и звания имеют более 50 человек.

Та большая и сложная работа, которая проводилась за последние годы в Абхазии по исправлению ранее допущенных здесь нарушений национальной политики, нашла свое отражение и в деятельности Сухумского пединститута. С целью обеспечения подготовки абхазских национальных кадров, в 1953 году в институте был открыт филологический факультет (абхазский сектор), а в 1957 году – абхазский сектор факультета по подготовке преподавателей для начальной школы, где обучение происходит на родном языке. Только на этих двух факультетах в настоящее время обучается до 330, а всего в институте – около 460 абхазских юношей и девушек.

Среди профессорско-преподавательского состава также заметно вырос удельный вес абхазских специалистов, многие из которых успешно работают в направлении повышения своей научной и педагогической квалификации. В 1954 году была создана кафедра абхазского языка и литературы, которая объединяет до 10 работников.

Таким образом, Сухумский пединститут призван играть исключительно важную роль в области подготовки, в частности, кадров абхазской национальной интеллигенции, в деле успешного развития абхазского языка и литературы, – дальнейшего расцвета культуры абхазского народа, национальной по форме и социалистической по содержанию.

В свете новых требований работа института должна быть в корне перестроена, т. е. необходимо реорганизовать систему подготовки кадров в нашем институте.

В целях улучшения обеспечения школ кадрами, способными успешно решить задачи дальнейшей политехнизации школы, а также подготовки специалистов для нужд народного хозяйства, на наш взгляд, целесообразно преобразовать естественно-географический и физико-математический факультеты.

Естественно-географическому факультету придать агробиологический уклон. На этом агробиологическом факультете усилить преподавание таких дисциплин, как энтомология, основы сельского хозяйства, почвоведение, механизация сельского хозяйства, субтропические и технические культуры, плодоводства, общий курс животноводства и т. д. Особое внимание уделить преподаванию химии. Майский Пленум ЦК КПСС обязывает нас коренным образом улучшить подготовку специалистов-химиков. Хорошо наладить организацию полевой и производственной практики. Причем подготовка

учителей на этом факультете велась бы значительно лучше и эффективней в летние периоды, когда полным ходом идут сельскохозяйственные работы. Это дало бы возможность правильно организовать производственную практику студентов, вовлечь их в общественно полезный труд.

Таким образом, указанный факультет будет готовить квалифицированных специалистов в области биологии и агрономии, которые могут успешно работать как в школах, так и в сельском хозяйстве.

Общая тенденция развития народного хозяйства нашей республики и перестройка школы, предполагающая большую политехнизацию и расширение школьных мастерских, определяют необходимость в подготовке специалистов и технических профилей. В связи с этим можно было бы реорганизовать физико-математический факультет в физико-технический. Подготовленные на этом факультете специалисты могут быть использованы на работе не только как преподаватели, но и непосредственно на производстве, как в промышленности, так и в механизации и электрификации сельского хозяйства.

Учитывая, что в решении XX съезда КПСС, а также в тезисах доклада Н. С. Хрущева о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 гг., подчеркнута необходимость широкого внедрения электричества и электроники наряду с автоматикой и телемеханикой, включить в учебный план названного факультета ряд технических дисциплин (основа электроники, основные принципы автоматизации и телемеханики и др.)

Высказанная в тезисах мысль о необходимости проведения подготовки учителей для начальной школы на специальных факультетах педагогических институтов обязывает нас решительно улучшить работу факультета по подготовке преподавателей для начальной школы, открытого в Сухумском пединституте в 1957 году. Это тем более необходимо, если иметь в виду, что положение с педагогическими кадрами у нас в начальных школах, особенно в абхазских, очень незавидное, что, конечно, недопустимо.

Необходимо строго регулировать прием абитуриентов на другие факультеты в соответствии с потребностями в кадрах по той или иной специальности. С этим связан и вопрос о пересмотре кафедр в направлении объединения некоторых из них.

Следует подумать и о расширении работы наших мастерских по обработке металла и дерева. Механическая мастерская института в

настоящее время имеет все возможности разрешить задачи политехнического обучения. В мастерской можно изготовить ряд физических приборов, установок и наглядных пособий для школ нашей республики, а по заявкам предприятий г. Сухум – отдельные металлические детали и деревянные изделия и тем самым осуществить связь учебного процесса с производством. Для повышения квалификации преподавателей школ Абхазии, в смысле их политехнического образования, можно организовать курсы при мастерских нашего института.

Перестройка школ не только не ослабит гуманитарное образование, но, наоборот, еще более усилит его.

Нам следует больше и лучше заниматься вопросами научно-исследовательской работы. Жизнь требует всемерного развития научно-исследовательской работы в педагогических институтах. Долг каждого преподавателя высшей школы – постоянно повышать свою научную квалификацию, активно участвовать в научно-исследовательской работе и в оказании научной помощи производству. Наши ученые обязаны вести плодотворную работу над актуальными научными проблемами, связанными с потребностями народного хозяйства и культурного строительства.

Необходимо перестроить работу, в частности, кафедры абхазского языка и литературы и кафедры педагогики. Деятельность этих кафедр должна быть тесно связана с жизнью школ. Они должны развернуть самую активную работу в деле составления учебников, учебных и методических пособий и программ для наших школ, особенно абхазских.

Перестройка работы Сухумского Госпединститута в вышеуказанном направлении, несомненно, может лучше обеспечить подготовку высококвалифицированных кадров для многих отраслей народного хозяйства, науки и культуры.

Следовательно, такая деятельность института будет вполне соответствовать конкретным условиям, специфике нашей республики.

Мы считаем необходимым поставить вопрос о переводе Сухумского Госпединститута из третьей категории вузов во вторую. Эта мера дала бы возможность институту лучше перестроить свою работу и вполне справиться с теми новыми большими задачами, которые стоят перед ним. Кстати, некоторые аналогичные и даже значительно меньше по контингенту институты Грузии давно отнесены ко второй категории.

9.12.1958 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОВЕЩАНИИ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ГРУЗИИ

В марте 1961 г. абхазский народ, все трудящиеся Абхазской АССР торжественно отметили славное 40-летие своей республики. За этот короткий исторический период в Абхазии произошли глубочайшие изменения.

В деле осуществления культурной революции в Абхазии важную роль сыграл Сухумский Государственный педагогический институт им. А. М. Горького, внося свою посильную лепту в благородное дело воспитания высококвалифицированных кадров социалистической интеллигенции.

Сухумский пединститут был открыт в марте 1932 года. За 29 лет своего существования он вырос в одно из крупных высших учебных заведений. Если в 1932 г. институт располагал 17 преподавателями, из которых ни один человек не имел ученого звания и степени, и 85 студентами, то в настоящее время в нем обучается около 1500 студентов (с вечерним и заочным отделениями), а число профессорско-преподавательского состава на 15 кафедрах превышает 130 человек, из которых ученые степени и звания имеют около 60 человек.

Особо следует отметить, что с целью коренного улучшения подготовки абхазских национальных кадров, в институте открыт абхазский сектор на филологическом факультете и факультете начального образования. Филологический факультет дал уже два выпуска специалистов. В текущем учебном году дает первый выпуск и факультет начального образования. В 1954 г. была создана кафедра абхазского языка и литературы.

За 29 лет своего существования институт выпустил около 4,5 тыс. человек, которые успешно работают во всех областях социалистического строительства в нашей республике и за ее пределами.

Сухумский пединститут является и одним из важных научных центров республики. Профессорско-преподавательский состав ведет плодотворную научно-исследовательскую работу, разрабатывая важные теоретические и народно-хозяйственные проблемы.

Нами были приняты меры по установлению более тесной связи студентов со школами. Большое внимание уделялось правильной постановке и проведению педагогической практики. Прохождение

практики всеми студентами, начиная с первого курса, еще больше приблизило институт к жизни школы. В этом смысле положительные результаты дали итоги педагогической практики последних двух лет.

Студенты физико-математического факультета по учебному плану успешно проходят производственную практику в ведущих промышленных предприятиях Абхазской АССР, а также в учебных мастерских института. В этих последних в течение 1959-1960 учебного года студентами было изготовлено более 500 изделий (физические приборы, инструменты и др.). Мастерские оказывают помощь школам Абхазии, передают изготавливаемые студентами изделия и т. д. Они выполняют также ряд работ для нужд института.

Нужно, чтобы Госкомитет высшего и специального среднего образования Грузинской ССР лучше обеспечивал наши мастерские необходимыми материалами, в которых испытываем острую нужду, а также планировал как для нашего, так и для других вузов Грузии производство определенного вида продукции.

Если раньше полевая практика студентов естественно-географического факультета носила оторванный от жизни характер, то в настоящее время нами приняты меры, чтобы приблизить ее к жизни и дать студентам возможность провести практику в основном в пределах Абхазской АССР, глубоко изучая народное хозяйство и естественно-географические условия республики. В этом отношении больше значение придаем учебно-опытному участку института, где студенты овладевают навыками сельскохозяйственного труда.

В соответствии с Законом о расширении заочного и вечернего обучения, обеспечивающего получение высшего образования без отрыва от производства, при нашем институте открыто заочное отделение и увеличен прием студентов на вечернее отделение. Желających учиться на этих отделениях очень много. В прошлом году на всех факультетах был конкурс.

Однако, надо сказать, наши заочники находятся в весьма затруднительном положении в части программ и учебно-методической литературы, а также общего руководства. В этом отношении работники госкомитета Грузии пока мало что делают. Мы надеемся, что это положение будет выправлено в срочном порядке.

Согласно Закону, в 1960 году по рекомендации предприятий, колхозов и совхозов, а также демобилизованных из Советской Армии и Военно-Морского Флота в институт было принято 105 человек, около 60% от

общего числа всех студентов. Причем на естественно-географический факультет зачислены только лица со стажем практической работы.

Особо хочу сказать о приеме студентов по направлению предприятий, колхозов и т. д., каких мы в прошлом году приняли 8 человек. Эта мера, как известно, имеет большое государственное значение. Мы должны сделать все для своевременного отбора достойных кандидатов.

Однако некоторые работники на местах к этому делу подходят несерьезно, подчас проявляя недобросовестность. Так, из 8 студентов, принятых в институт указанным порядком, двум отказано в выплачивании стипендии командированными их организациями. Против руководителей этих организации нами возбуждено дело перед соответствующими органами на предмет их строгого наказания.

Для оказания помощи к поступлению в вузы лицам, имеющим стаж практической работы и демобилизованным из Советской Армии и Военно-Морского Флота в 1959/60 учебном году при институте были организованы подготовительные курсы, а в городах Гудаута, Очамчире и Ткварели – их филиалы с целью охвата молодежи сельских местностей. В прошлом году на этих курсах занималось свыше 600 человек, значительная часть которых поступила в разные вузы страны. В текущем учебном году на курсах обучается более 200 человек.

В соответствии с законом, дирекция института пригласила наиболее квалифицированных инженерно-технических работников, сотрудников научно-исследовательских учреждений, агрономов, учителей, врачей и др. практических работников, которые ведут успешно педагогическую деятельность.

Перестройка работы в институте отразилась и в научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава. Прежде всего, изменилась тематика научных работ, которая теперь более тесно связана с практикой коммунистического строительства и жизнью школ. В 1960 году, например, доцент В. И. Нарсия выполнил работу «Итоги перестройки работы школ Абхазии за 2 года», кандидат педагогических наук А. К. Карчава – «Работа школы с семьей на современном этапе развития советской школы», ст. преподаватель Е. В. Какабадзе работает над проблемой окоренения трудноокореняемых субтропических древесных растений, доценты Х. Ш. Аргун, В. К. Чания и ст. преподаватель А. К. Адлейба – над составлением очерков истории Абхазской организации Компартии

Грузии, доцент М. И. Коган заканчивает капитальный труд – «Экономика чайной промышленности Грузии», ст. преподаватель Ш. П. Хубутя – «К вопросу комплексного использования водоемных ресурсов Абхазии».

В 1960 году вышли монографии профессора Г. К. Соселия «Ревизионизм и марксистское учение о диктатуре пролетариата», доцента Х. Ш. Аргун «Борьба большевиков за союз рабочих и крестьян в годы первой русской революции», доцента Ш. В. Мисабишвили «В. И. Ленин об общих и специфических закономерностях общественного развития» и др.

Кафедрой марксизма-ленинизма в июне 1959 года была организована выездная научная конференция в Ачигварском чайном совхозе, посвященная вопросам комплексного использования озера Бебисыр. В мае 1960 года на Сухумском кожевенно-обувном комбинате им. С. Орджоникидзе была проведена теоретическая конференция по вопросу хозрасчета. В октябре того же года выездная научно-техническая конференция состоялась на Драндской чайной фабрике на тему «Резервы роста производительности труда». На конференции были приняты рекомендации, направленные на улучшение работы данной фабрики. Отчет об этой конференции широко был освещен в республиканской прессе.

В феврале текущего года кафедра диалектического и исторического материализма провела расширенное заседание, на котором был заслушан доклад «Коммунистическая бригада – высшая форма социалистического соревнования». На заседании присутствовали члены бригад коммунистического труда промышленных предприятий города Сухум, которые в своих выступлениях рассказывали о том, как они умело сочетают свою производственную работу с заочной учебной в вузах.

Многие кафедры постоянно помогают школам города Сухум и республики. Дирекцией института разработан комплекс мероприятий по оказанию помощи учителям школ в повышении их квалификации.

Коллектив Сухумского Госпединститута им. А. М. Горького приложит все свои усилия для успешного решения задач, поставленных перед ним.

Тбилиси, 26.04.1961 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ФОРУМАХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОБРАНИИ ПЕРВИЧНОЙ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ АБНИИ

В результате вражеской деятельности некоторых преступных элементов, ряд активных работников Компартии и Правительства был подвергнут репрессиям. Им злонамеренно были приписаны тяжчайшие виды преступлений. Презренные авантюристы обманули партию и советский народ. Таким образом, введенные в заблуждение, мы все, как могли, осуждали арестованных лиц.

Ныне со всей очевидностью вскрыта преступная деятельность подлых отщепенцев советского общества, жертвой которых стали наши активные партийные и советские работники. Мы все с глубокой радостью узнали о заслуженном строгом наказании авантюристов и о полной реабилитации товарищей.

Это является ярким показателем того, что Советское правительство зорко стоит на страже прав граждан нашей страны, строго карает тех, кто грубо нарушает советскую законность.

Пленум ЦК Компартии Грузии также строго осудил порочный метод работы бывшего руководства ЦК КП Грузии. Чарквиани и Мгеладзе и их приспешники нанесли большой вред Компартии Грузии. Эти горе-руководители на протяжении ряда лет грубо попирали ленинский принцип подбора и расстановки кадров. Мгеладзе, избывая честных и способных работников, ладил только с теми лицами, которые были достаточно напичканы гнилым содержанием - подхалимством и угодничеством.

Негодное руководство Мгеладзе и его ставленников испытал и наш Институт. Причину плохого состояния вопроса с кадрами младших научных работников на протяжении ряда лет надо искать именно в этом обстоятельстве. Младшие научные сотрудники подбирались без учета их способностей к научно-исследовательской работе. Отсюда и текучесть кадров младших научных сотрудников. Разве это не факт, что Мгеладзе устроил в нашем Институте т. В. Адамадзе, который по указке того же Мгеладзе получил целый особняк и был выдвинут депутатом в Сухумский Горсовет, как лучший научный сотрудник. Между тем т. Адамадзе, будучи сам честным человеком, вполне

осознал отсутствие в себе всякого призвания к научной работе и добровольно ушел из Института. Отсеялись и некоторые другие лица, не оставив никакой научной продукции. Показателем того, что в подборе научных кадров игнорировался интерес Института в деле обеспечения его работниками той или иной специальности, в соответствии с профилем Института, является тот факт, что отдел языка и литературы до сих пор еще не имеет специалиста по литературе и фольклору.

Надо сказать, что в этом вопросе наша первичная парторганизация проявила, по крайней мере, полное равнодушие.

Областной комитет партии плохо занимался вопросами, связанными с ростом научной квалификации кадров нашего института, а также созданием им необходимых бытовых условий. У нас имеются товарищи, которые благодаря не расположенности к ним Мгеладзе и некоторых других, не обеспечены до сих пор квартирными условиями (т. Циколия, Манджгаладзе, Дзидзария).

Более того, Мгеладзе и его сподручные в течение ряда лет под видом «критики» в сущности занимались шельмованием, третированием некоторых работников Института, проявляя грубое администрирование, произвол и запугивание. Ярким примером в этом отношении является случай с т. Ивардава и Мелиховым, которые были сняты с работы по существу за то, что они осмелились вступить в спор по некоторым научным вопросам, в которых Мгеладзе ничего не понимал. Я здесь не касаюсь вопроса о том, что правы ли были эти товарищи в теоретическом отношении. Но т. Ивардова и Мелихов – способные и честные работники–коммунисты. Вместе с названными товарищами, по той же причине, и я был «привлечен к ответственности» по поводу своего доклада «Из истории обороны Кавказа». Как мне удалось установить впоследствии, я не угодил Мгеладзе тем, что не назвал его честолюбивое имя в ряду руководителей обороны Кавказа, тогда как фигурировали т. Бакрадзе, Барамия, Гагуа и др.

Мгеладзе также создал большой шум вокруг личности Келешбея Шервашидзе, придав этой шумихе далеко идущее значение. Критика эта носила не только шумливый, но недопустимо односторонний характер. Мгеладзе и его подпевалы тенденциозно умалчивали, игнорировали факты, связанные с кардинальным вопросом истории Абхазии, как и Грузии, начала XIX века – присоединением края к великой России. Погоня за дешевой популярностью Мгеладзе дошла

до такого упрощенчества, что он односторонний спор по сугубо научной проблеме «развернул» не только в комсомольской организации, но и в пионерской. Инсценировались выступления за выступлением людей, которые не только никогда не видели документов по предмету своих выступлений, но и книг, против которых были организованы эти выступления.

Я вовсе не хочу сказать, что у меня нет ошибок в оценке личности Келеш-бея. Напротив, хочу еще раз заявить, что в своей первой работе, кстати, студенческой, и напечатанной в 1940 г., и я действительно допустил идеализацию личности названного владельца.

Но я решительно осуждаю, во-первых, односторонний, субъективный подход к историческим фактам и событиям, во-вторых, аракеевский режим в науке.

Зажимщик творческой инициативы Мгеладзе, а также Тускадзе не допускали малейшего проявления борьбы мнений со стороны кого бы то ни было, приклеивая авторам отдельных возражений или ошибочных положений самые хлесткие, компрометирующие и издевательские наименования: «космополит», «националист», «туркофил», «дурак» и пр.

Между тем за «последнее слово» в области идеологии, из подхалимских соображений, кощунственно выдавались многочисленные статьи и речи Мгеладзе. В прислужничестве перед Мгеладзе некоторые подхалимы с его именем связывали «большую работу на идеологическом фронте» и «новый этап» в историографии Грузии. В этом отношении следует назвать, прежде всего, подобострастное выступление бывшего первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии Гетия на XV съезде Компартии Грузии.

Нельзя пройти мимо и рецензии П. Ратишвили (Ратиани) по поводу второго издания книги И. Антелава «Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII вв.».

«Абхазская партийная организация, – пишет он, – в послевоенные годы провела серьезную, плодотворную работу на идеологическом фронте. В частности, были выявлены и беспощадно разоблачены некоторые ошибочные взгляды и «точки зрения» по вопросам истории Грузии». (Газ. «Заря Востока», 3 марта 1953 г.). Хотя книга т. Антелава и называется «Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII вв.», но Ратиани вопросу личности Келеш-бея отводит большую часть рецензии, которая буквально списана им из выступления Мгеладзе на X

Сухумской партконференции. Вместе с тем автор допускает еще один чуждый советской научной этике поступок, дав рецензию на книгу, редактором, которого он сам является. Таким образом, т. Рагиани пытается поднять не только Мгеладзе и Гетия, но и самого себя!

Подобную, ничего общего не имеющую с действительностью мысль проводил и т. Р. Цулукидзе. Кстати, т. Цулукидзе являлся как бы постоянным критиком работников нашего Института по вопросам истории Абхазии. Это было странно, так как познания Цулукидзе в этой области, по крайней мере, незавидные. Однако Цулукидзе являлся недосыгаемым для ответной критики, ибо он ревностно оберегался «авторитетом» Мгеладзе и Тускадзе.

Хочу также отметить, что если из горкома или обкома партии к нам в Институт иногда и заглядывали, то часто не с целью оказания необходимой помощи, в которой мы, конечно, нуждаемся, а ради «сбора фактов» для очередных «критических» выступлений Мгеладзе или Гетия. Здесь нельзя не привести один, весьма показательный для характеристики стиля руководства Мгеладзе и его друзей, факт. В конце 1951 г. у нас в Институте состоялась отчетная научная сессия, на которой присутствовал бывший секретарь Абхазского Обкома партии И. Тускадзе. После сессии он забрал все наши доклады, очевидно, для «критического обозрения». Мы, естественно, ожидали, что нам будут даны какие-то замечания, которые бы помогли для окончательного оформления наших работ. Однако, оказывается, Тускадзе и вовсе не думал об этом, причем настолько, что он умудрился потерять все наши работы. Не это ли вопиющее безобразие? Пользуясь случаем, хочу также подчеркнуть, что Тускадзе, будучи слабо подготовленным теоретически, подчас давал неверные установки и указания.

Далее следует сказать, что дело с изданием монографических исследований нашего Института очень сильно тормозилось. Например, в издательском плане Абгиза на 1953 год нет ни одной такой монографии. Насколько мне известно, при утверждении издательского плана Абгиза на бюро обкома партии были выключены из плана исследования нашего Института, мотивируя это тем, что существует издательство АН Грузинской ССР. Между тем с благословения Гетия издавались такие в идейном отношении порочные книги, как объемистый исторический роман Дгебуадзе-Пулария, не говоря уже о том, что без конца издавались и переиздавались речи и доклады Мгеладзе, начиная с 1934 г.!

Наша первичная парторганизация слабо занимается вопросами научно-исследовательской работы. Иногда обсуждаются отдельные законченные труды и т. д., но это носит формальный характер. Я не помню ни одного квалифицированного обсуждения тематического плана работы Института или трудов отдельных научных сотрудников. Помимо парторганизации проходит комплектование и публикация научных статей в очередных «Трудах» института. Надо сказать, что о существовании некоторых статей становится известным лишь после их появления в свет. Почему-то эти статьи печатаются, чуть ли не тайно. Я считаю, что это нетерпимое явление. Каждая статья, невзирая на научный авторитет его автора, должна быть предварительно обсуждена тщательным образом, и роль парторганизации в этом деле весьма ответственная.

У нас в первичной парторганизации все еще слабо налажена проверка исполнения принятых решений. Часто принимаются очень важные решения, но они, к сожалению, остаются лишь на бумаге.

В текущем году политучеба коммунистов протекает лучше, чем в прошлом году. Однако у нас плохо обстоит дело с проведением лекций и докладов, а также с заслушиванием рефератов.

В работе месткома также имеются существенные недостатки. Надо сказать, что парторганизации недостаточно помогла МК. Мы до сих пор еще не наладили как следует вопрос с культурно-бытовым обслуживанием сотрудников Института. Плохо работают наши первичные организации добровольных обществ.

Перед партийной организацией Абхазии стоят большие и ответственные задачи по выполнению решений XIX съезда партии в области дальнейшего роста экономики и культуры республики. Мы работники Института приложим все свои силы, чтобы внести свой вклад в выполнение этих исторических задач.

1953 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОБРАНИИ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ АБННИИ

Пленум Абхазского обкома КП Грузии, состоявшийся 27 июля 1953 г., обсудил вопрос о грубых нарушениях советской законности и антигосударственных действиях, допущенных бывшим руководством областного комитета. Выступившие в прениях гг. М. Делба и И. Тускадзе

признали свои ошибки в этом отношении. Однако они умолчали, не рассказали партийной организации о фактах, характеризующих нарушения в области ленинской национальной политики.

Ныне со всей очевидностью доказано, что трижды презренный авантюрист Берия разными коварными приемами всюду стремился подорвать дружбу между нашими народами.

Здесь, в Абхазии, была создана обстановка, которая не давала возможности свободно осуществить священные права и обязанности, предоставляемые членам партии Уставом КПСС. Всякий, кто в той или иной форме осмеливался выступить против подобных нарушений жестоко преследовался, злонамеренно приписывая ему буржуазный национализм и пр.

В связи с этим я считаю необходимым напомнить партийному собранию о своем заявлении, написанном совместно с тт. Б. Шинкуба и К. Шакрыл еще в 1947г., и направленном в ЦК ВКП(б)*. Это заявление, возможно, страдает неточностью в отдельных формулировках. Но дело не в этом. В нем сообщались факты, которые бесспорно свидетельствовали о серьезных неполадках в Абхазии. Следовательно, указанное заявление могло явиться сигналом принятия необходимых мер.

Однако, к сожалению, дело приняло совершенно другой оборот. Бывшее руководство Абхазского обкома и ЦК КП Грузии инсценировали, с позволения сказать, проверку приведенных в указанном заявлении неопровержимых фактов. На основании материалов этой «проверки» было организовано «обсуждение» нашего вопроса в таком духе, в каком это нужно было прежнему руководству для того, чтобы дискредитировать нас в глазах партийной общественности республики и ЦК ВКП(б). Поставленные в невыносимые условия мы принуждены были даже заявить об «ошибочности», в основном, нашего выступления.

Таким путем добытый «материал» по нашему делу и был представлен в ЦК ВКП(б). А нам был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку «за попытку дезинформации ЦК ВКП(б) и клевету на Абхазскую партийную организацию» (Решение бюро ЦК КП(б) Гр. от 8.VIII-1947 г. пр. №645). Я надеюсь, что новое партийное руководство займется нашим делом и вообще тем вопросом, который был поднят в рассматриваемом заявлении и примет все необходимые меры.

1953 г.

*См. Раздел IV «Письма».

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СУХУМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Товарищи! Решения июльского (1953) Пленума ЦК КПСС очень многому обязывает нашу партийную организацию. Но нашлись незадачливые лица из числа руководящих работников нашей республики, которые не только не обеспечили, но явно препятствовали претворению в жизнь этих исторических решений, за что, как известно, они и понесли заслуженное наказание.

Тем не менее, есть еще товарищи, которые не сделали из всего этого необходимых выводов. Достаточно сказать, что в отчетных докладах на Сухумской и Ткварчельской городских партконференциях совершенно ничего не было сказано, о работе, проводимой партийными организациями по ликвидации допущенных бывшим руководством грубых извращений ленинской национальной политики. В докладах не было также сказано о том, какую работу проводят названные горкомы по воспитанию трудящихся в духе интернационализма и братской дружбы народов, в духе высокой политической бдительности, по мобилизации их на энергичную борьбу за осуществление задач, выдвинутых июльским Пленумом ЦК КПСС. В этом повинны, разумеется, не только докладчики – гг. Одишария и Сихарулидзе.

Одной из первостепенных задач всей нашей партийной организации является активное ведение политической работы среди широких масс населения в направлении воспитания их в духе советского патриотизма и дружбы народов, в духе заботы об интересах государства.

Необходимо также вести огонь против малейшего проявления пережитков капитализма в сознании людей, в частности, буржуазного национализма. Как известно, пережитки капитализма особенно живучи и легче всего возрождаются именно в области национального вопроса.

Необходимо, чтобы на темы о советском патриотизме, дружбе народов, национальной политики КПСС выступали систематически не только лектора, но и секретари Обкома, горкомов и райкомов партии и другие ответственные работники.

Однако это недостаточно практикуется и в то же время отдельные ответственные работники в этом отношении не стоят на высоте требований партии.

В этой связи здесь нельзя не обратить внимание на одно место из выступления секретаря ткварчельского горкома партии Г. Сихарулидзе

на Ткварчельской городской партконференции. На совершенно справедливый вопрос одного из делегатов конференции о том, почему в г. Ткварчели слабо выращиваются и выдвигаются местные кадры из абхазской национальности, Сихарулидзе официально, нравоучительным тоном заявил, что такие вопросы решаются по деловым и политическим признакам, а не по национальным.

Вообще это, конечно, так. Но, тем не менее, в данной конкретной обстановке ответ секретаря горкома партии содержит, по крайней мере, два неверных положения. Во-первых, Сихарулидзе игнорирует наличие выросших за годы Советской власти соответствующие абхазские кадры. Во-вторых, он явно обнаруживает, в лучшем случае, непонимание указаний нашей партии о заботливом выращивании и выдвижении национальных кадров.

У нас недостаточно используются и некоторые другие формы идейного воспитания масс. Возьмем, например, театр. Насколько Сухумский государственный театр отвечает тем высоким требованиям, которые в настоящее время предъявляются к нему? Говоря без всяких обиняков – слабо. Достаточно просмотреть репертуар театра за 1953 г., чтобы к такому выводу прийти без каких-либо колебаний. Если к этому добавить, что среди ставящихся театром пьес, как отмечала и печать, имеются вещи с явными изъянами в идейно-художественном отношении, то картина становится еще более полной.

Надо сказать, что работа с творческими организациями у нас поставлена очень слабо. Я считаю, что областной комитет партии все еще не сумел по-настоящему возглавить это важное дело.

В этом отношении очень показательно недавно состоявшееся собрание писателей Абхазии совместно с работниками искусств, на котором обсуждался вопрос об итогах XIV пленума правления СП СССР.

Это весьма важное собрание было проведено формально, для очередного отчета. Прежде всего, организацию собрания надо признать совершенно неудовлетворительной. На нем отсутствовали очень многие, которым следовало принять живое участие. В выступлениях отдельных товарищей на собрании были допущены ошибочные положения. Некоторые руководители творческих организаций обнаружили убожество, неправильное понимание роли и форм критики. Здесь выдвигалась (Тускадзе) странная «теория» о том, что на критику

может отважиться лишь тот, кто стоит на целую голову выше критикуемого автора. Директор Сухумского театра т. Челидзе авторов критических статей по адресу постановок, идущих на сцене театра, пренебрежительно называл «критиканами», а позицию дирекции театра характеризовал, как проявление «инстинкта самосохранения». О пьесах «Праздник в Сакреула» и «Строгие девушки» были высказаны самые противоположные, взаимоисключающие мнения: одни считали эти пьесы просто вредными и предлагали немедленно снять с репертуара театра, а другие характеризовали их как вполне удовлетворительные произведения драматического искусства. Факт недопустимо сильного отставания драматургии и серьезный характер этого пробела в идейной жизни нашей республики, а также ход указанного собрания настоятельно требовали выступления присутствовавшего на этом собрании секретаря Абхазского обкома КП Грузии т. Адамия. Но Адамия, как ни странно, отделался полным молчанием, чем был и доведен до своего логичного конца формальный характер столь важного и нужного собрания.

Нельзя не сказать здесь и о состоянии дел в Абхазском Институте языка, литературы и истории АН Грузинской ССР.

Как известно, искажения ленинской национальной политики нашли свое отражение и в работе данного Института. Это выражалось, прежде всего, в упорном стремлении поставить Институт на антинаучные позиции в деле изучения края. Это выражалось, во-вторых, в стремлении искусственно задержать рост абхазских научных кадров.

В результате отдел языка и литературы доведен до тяжелого состояния. Почти не разрабатываются основные вопросы абхазского литературного языка; совершенно нет исполнителей, которые занимались бы изучением абхазского фольклора и литературы. В этом отделе всего лишь 5 научных сотрудников, из которых двое, в том числе и зав. отделом, работают по совместительству.

В отделе же истории и этнографии остается недостаточно обеспеченным изучение таких разделов истории Абхазии, как этнография, археология и все средневековье.

Вопрос об обеспечении Института кадрами и вообще об оказании ему всесторонней помощи, ставился неоднократно перед соответствующими органами. Однако положение по сей день остается неизменным.

Особо следует заметить, что АН Грузинской ССР, в систему которой входит наш Институт, слабо помогает последнему.

Недостаточны связи между Абхазским институтом и Институтами истории и языкознания АН Грузинской ССР.

Между тем Абхазский институт нуждается в помощи со стороны этих научных организаций. В прошедшем, 1953 году, в работе Института имелись существенные недостатки. Ученый Совет не являлся центром обсуждения научной продукции. Научные доклады на его заседаниях ставились редко и нерегулярно. Обсуждения законченных работ научных сотрудников в отделах шли от случая к случаю. Недостаточно еще развернута критика и самокритика. Совершенно недостаточно проводились обсуждения и дискуссии по общетеоретическим вопросам. Не было необходимого контроля за работой младших научных сотрудников. Очень плохо обстоит дела с издательской работой. Необходимо приложить все усилия, чтобы кардинально исправить отмеченные и другие недостатки в работе Абхазского института.

Считаю необходимым также указать на неблагоприятное положение в Абхазском государственном музее красведения им. Д. Гулиа с кадрами. Достаточно сказать, что в нем нет ни одного археолога, геолога, зоолога и ботаника. Даже отделом природы заведует историк.

Товарищи, я выше говорил о необходимости усиления нашей борьбы против проявлений пережитков капитализма в сознании людей в области национального вопроса. Я также считаю обязательным поставить вопрос о необходимости ведения решительной борьбы и против такой формы проявления этих пережитков, как частнособственническая психология.

Расхищение социалистической собственности, стремление к личной наживе, к личному благополучию в ущерб государственным интересам – все эти низкие чувства, унаследованные от старого строя, получили свое определенное оживление при бывшем порочном руководстве республики.

Как известно, за последнее время наблюдается необычайное увлечение индивидуальным строительством домов. Ажиотажем вокруг этого строительного дела заразились и многие члены партии, в том числе и некоторые ответственные работники. В ряде случаев это приняло даже спекулятивный характер. Не редки случаи судебной тяжбы, а иногда и произвола из-за земельных участков.

Подобное увлечение, при котором люди доходят до потери чувства всякой меры, не может не способствовать и «увлечению» расхищать

общественное добро. Очевидно, не случайно, что строительной «болезнью» особенно страдают работники торговых и хозяйственных организаций. Разве не напрашивается вопрос об источниках средств, для строительства, когда встречаешься с таким фактом. Человек занимает скромную должность и получает скромную зарплату, а смотришь, за баснословно короткий срок, воздвигает громадный дом, каких у нас раньше и князья не имели, и обставляет его соответствующим образом. Причем, на строительство данного дома бесперебойно поступают все нужные материалы: машины, нагруженные этими материалами, вереницей двигаются к строительному объекту.

А вот когда речь идет о самом даже простом ремонте какого-нибудь общественного здания, то часто бывают затруднения и с материалами и с транспортом.

Сухумский городской совет за последние 10 лет построил всего лишь один жилой дом. Зато все его внимание было поглощено индивидуальным строительством, доводя это, безусловно, нужное дело, до недопустимо отрицательного явления, до абсурда. Некоторые бывшие председатели горсовета, как известно, с максимальной пользой для своих личных прихотей использовали эту, ими же создававшуюся, так сказать, конъюнктуру.

Бросается в глаза неприятным образом также стремление отдельных ответработников, злоупотребляя служебным положением, расширять и округлять безмерно свои квартиры за счет государственного жилищного фонда и уплотнения или просто вытеснения отдельных граждан.

Особенно позорным является грязное дело с домами и имуществом граждан греческой национальности, выселенных из Сухума и других мест*. В этом деле некоторые лица, в том числе и ответработники, обнажили свое мелкое содержание: они завладели домами, дачами и имуществом переселенцев, подчас превращая их в предмет беззастенчивой спекуляции.

Спрашивается, какая цена агитации за политику и решений партии, за улучшение материального благосостояния трудящихся нашей Родины со стороны тех членов партии, о которых говорилось выше?

Невольно возникает вопрос: насколько пребывание подобных лиц в рядах партии совместимо с требованием Устава КПСС?

Нечего церемониться с лицами в моральном отношении нечистоплотными, дискредитирующими высокое звание члена партии.

*В 1949 решением Советского руководства греки были департированы в Среднюю Азию и Казахстан.

У нас есть замечательные кадры: честные, беззаветно преданные делу партии и народа, теоретически подготовленные, принципиальные и способные двигать дело вперед, за какие качества многие из них в прошлом, при бывшем руководстве республики, находились в опале, преследовались. Только надо находить таких товарищей и смелее выдвигать их.

Но у нас, к сожалению, не всегда это делается. Пора, давно пора покончить с таким стилем работы в вопросе о подборе и расстановке кадров. Пора же знать, кому это следует, что партия никому не позволит быть носителем подобного, порочного стиля работы.

Вместе с тем должна быть усилена работа в деле повышения знаний и закалки кадров в области марксистско-ленинской теории. Марксистско-ленинское воспитание кадров должно быть предметом повседневной заботы всей нашей партийной организации. Мы должны твердо помнить положение о том, что марксистско-ленинская подготовленность кадров влияет на все стороны практики коммунистического строительства.

Если бы у нас с делом идеологической работы обстояло все благополучно, то, разумеется, мы не имели бы тех отрицательных явлений, о которых говорилось выше. Жизнью доказано, что идеологическая работа играет важную роль в очищении сознания людей от пережитков капитализма.

Таким образом, в нашей работе все еще имеются существенные недостатки. Надо надеяться, что на данной конференции будет избрано руководство, которое решительно и с партийной принципиальностью исправит эти недостатки, и приложит все свои силы для правильного осуществления решений нашей партии.

Сухум, 22.01.1954 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЛЕНУМЕ АБХАЗСКОГО ОБКОМА КП ГРУЗИИ

Товарищи! Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР за последнее время в значительной степени перестроил свою работу.

В соответствии с решениями XIX съезда, сентябрьского и последующих Пленумов ЦК КПСС обращено особое внимание на еще большее приближение научно-исследовательской тематики института к

актуальным задачам советской науки. Главное внимание коллектива института нацелено на разработку проблем – научной грамматики и лексики абхазского языка и истории Абхазии.

По первой проблеме ведется изучение диалектов и структуры глагола абхазского языка; большое теоретическое и практическое значение имеет начатая в текущем году работа по составлению русско-абхазского словаря, которую мы предполагаем закончить в 1955г.

Что же касается работы в области истории и этнографии, то основное внимание уделяется изучению истории крестьянства.

Уже завершено исследование истории государственных крестьян в Грузии в первой половине XIX в. Заканчивается монография, посвященная изучению абхазского крестьянства предреформенного периода.

Значительная научная работа проводится по проблеме истории крестьянства Абхазии в советский период: разрабатываются вопросы, связанные с реконструкцией сельского хозяйства Абхазской АССР.

Несомненный интерес представляют работы и по этнографии, в области которой разрабатываются такие темы, как «Уничтожение противоположности между городом и деревней и ликвидация существенных различий между ними (по материалам Абхазской АССР)» и «Некоторые черты семейного быта ткварчельских рабочих».

Успешно ведутся институтом в течение нескольких лет в окрестностях г. Сухум археологические раскопки. Материалы этих изысканий позволяют уже теперь наметить очень важные научные выводы.

Определенный сдвиг намечается в издательском деле. Со второй половины прошлого года вышли в свет следующие работы: очередной, XXV выпуск «Трудов Абхазского института...», «Очерки семьи и брака у абхазов» (Ш. Инал-ипа), «Из истории великой дружбы. Очерк русско-грузинских взаимоотношений в первой половине XIX в.» (А. Олонецкий), очерк «Сухуми и его окрестности» (коллектив авторов).

Кроме того, ряд статей наших научных сотрудников был опубликован в московских и тбилисских изданиях. В журналах: «Вестник древней истории» – «Мраморный барельеф из Сухуми» (М. Трапш), «Краткие сообщения института истории материальной культуры АН СССР» – «Из истории борьбы за Советскую власть в Абхазии» (Г. Дзидзария) и т. д.

В нынешнем году должны также выйти книги «Восстание 1866 года в Абхазии» (Г. Дзидзария) и «Абхазо-грузинский словарь» (Б. Джанашиа); печатается XXVI выпуск «Трудов» института.

Значительную помощь оказывают научные сотрудники нашего института абхазским школам. Как известно, в Абхазии в минувшем учебном году было восстановлено обучение в младших классах на родном языке и значительно расширено обучение на русском языке. В связи с этим коллектив Абхазского института им. Д. И. Гулиа принял деятельное участие в работе по составлению и переводу на абхазский язык ряда учебников и учебных пособий для абхазских школ, например, грамматики и других учебников абхазского языка для 1-4 классов, учебника истории СССР для 4 класса, составленного под редакцией проф. Шестакова и др.

Наши научные работники приняли участие также в составлении учебных программ для абхазского сектора Сухумского госпединститута имени А. М. Горького, который будет готовить кадры педагогов для абхазских школ. Абхазский институт им. Д. И. Гулиа и впредь будет вести работу в направлении составления и перевода на абхазский язык учебников и учебных пособий для абхазских школ. Но я считаю, что это дело, по крайней мере, в будущем надо сосредоточить в основном в Сухумском госпединституте им. А. М. Горького. В этом отношении большую роль должна сыграть кафедра абхазского языка и литературы, создание которой в связи с открытием абхазского сектора в упомянутом институте надо признать вполне актуальным и необходимым.

Значительную помощь должны оказать и другие кафедры, в частности, кафедра педагогики.

Вообще Сухумскому пединституту следует серьезно заняться разработкой вопросов, связанных с учебниками, методической литературой, критическими пособиями и т. д. Это непосредственно вытекает из профиля данного педагогического учреждения.

Товарищи! Нельзя не признать, что в работе Абхазского института им. Д. И. Гулиа все еще имеются существенные недостатки. Так, до сих пор не изжита многотемность, деятельность и без того немногочисленного коллектива научных сотрудников раздроблена. Ученый совет института еще не стал направляющим центром научно-исследовательской работы; в отделах недостаточно развернута критика и самокритика.

Надо также сказать, что некоторые работы, опубликованные институтом и его научными сотрудниками страдают существенными недостатками и ошибками. Это относится прежде всего к очерку

«Сухуми и его окрестности», вышедшему в начале 1954г., и который, как известно, был подвергнут критике на страницах нашей печати.

Очерк был подготовлен еще в 1952-1953 гг. и определенным образом носит на себе отпечаток той неправильной политики, которая проводилась тогдашним порочным руководством республики. В очерке действительно слабо, или вовсе не освещаются некоторые очень важные факты из культурно-исторической жизни абхазского народа, характеризующие его самобытность. Очерк недостаточно показывает развитие города Сухум в советский период. Он содержит ряд фактических неточностей и ошибок и т. д.

Очерк должен быть переиздан в переработанном и дополненном виде. Институт уже приступил к исполнению этой работы.

Существенные недостатки имеются и в тематическом плане института, что в значительной степени является наследием, имевшим место в прошлой порочной практике в подборе и расстановке кадров, стремлении поставить институт на антинаучные позиции в деле изучения истории и культуры Абхазии.

Вследствие этого в настоящее время в институте почти не ведется работа по исследованию абхазского фольклора и абхазской литературы, не разрабатываются некоторые коренные вопросы научной грамматики абхазского языка; не обеспечено изучение средневековой истории Абхазии, нет описания надземных памятников материальной культуры, которыми так богата наша республика.

Особо следует отметить, что отдел языка и литературы до сих пор остается без заведующего. Вопрос о подборе руководителя для этого отдела, можно сказать, имеет уже свою историю, он затягивается, превращается в какую-то неразрешимую проблему.

Вообще вопрос о нуждах института в деле обеспечения его необходимыми кадрами, дирекцией и партийной организацией ставился неоднократно перед соответствующими органами. Однако, к сожалению, запросы института в специалистах остаются пока неудовлетворенными. Но надо надеяться на благоприятное решение этого кардинального вопроса в ближайшее время. В разрешении проблемы о научных работниках в институте весьма важным звеном является аспирантура. Надо восстановить былую практику подготовки абхазских научных кадров в системе научных учреждений АН Грузинской ССР, а также в Москве и в других городах нашей страны. В одно время наш институт в Тбилиси имел даже специальный жилой

дом для своих аспирантов, который затем почему-то исчез из его ведения.

Считаю необходимым указать на неблагоприятное положение с кадрами и в Абхазском государственном музее имени Д. И. Гулиа. Достаточно сказать, что здесь нет ни одного археолога, геолога, зоолога; отдел природы остается без заведующего.

В работе музея имеются существенные недостатки. Музей не сумел еще коренным образом перестроить всю свою работу; окончательно отрешиться от того ложного направления, на которые его толкали в прошлом незадачливые руководители республики, когда этот музей всячески превращался в место выставки портретов царей и князей.

Музей все еще слабо отражает жизнь непосредственных производителей материальных благ в прошлом. В этом отношении характерен следующий досадный факт. Когда для одного учебника понадобились рисунки некоторых орудий труда и предметов домашнего обихода, то этих вещей, как ни парадоксально, не оказалось в музее.

Отдел этнографии, который всесторонне должен отражать материальный быт населения нашего края, имеет весьма неприглядный вид: его экспонаты бедны и примитивны, он занимает мизерную площадь.

В стесненном положении находятся и некоторые другие отделы. Это в то время, когда музей располагает достаточной площадью. Но эта площадь распределена нерационально. Значительная ее часть отведена под индивидуальные кабинеты сотрудников и также расточительно создан большой актовый зал.

Вместе с тем ассигнования на музейную работу крайне малы. Так, например, из-за отсутствия средств в текущем году не была развернута выставка, посвященная 300-летию воссоединения Украины с Россией. Все это свидетельствует о том, что Абгосмузей не стал еще объектом пристального внимания и помощи со стороны руководящих органов.

О значении данного учреждения нечего, конечно, доказывать. Но, тем не менее, хочется подчеркнуть, что Абгосмузей является одним из самых посещаемых учреждений нашего города. Здесь ежегодно бывают многие тысячи трудящихся со всех концов Советского Союза, и не только Советского Союза...

Абгосмузей должен достойно отражать богатое прошлое и настоящее нашего края!

Плохо обстоит дело с кадрами также в Абхазском государственном издательстве. Здесь нет даже человека, который мог бы обеспечить квалифицированное техническое редактирование, нет художника, корректоры слабы. Надо усилить более подготовленными работниками редакционно-издательский аппарат. Абгиз находится в очень стесненных условиях. У него нет не только всех нужных работников, но и соответствующего помещения.

Все это не может не находить свое отрицательное отражение на качестве выпускаемой продукции. В работе Абгиза наблюдается известный примитивизм, отставание от современной издательской техники. Порой чувствуется отсутствие элементарных понятий, грамотности и вкуса. Возьмем хотя бы такой пример. В новом учебнике по абхазскому языку для 2 класса помещена картинка, которая, по замыслу художника, должна отобразить уборку сена. С легкой руки художника, сено косят и тут же это свежее непросушенное сено сгребают и складывают в стог. Что это, новый метод уборки сена, или невежество художника?

Подобные промахи имеются и в других учебниках, в частности, в новом абхазском букваре, оформление которого вообще нельзя признать, по крайней мере, удачным. В ряде случаев рисунки не соответствуют подписям под ними. И невольно вспоминается афоризм Козьмы Прутков: «Если на клетке слона прочтешь надпись: «буйвол», – не верь глазам своим».

Все это, разумеется, не может не отразиться на идейной стороне дела.

Когда наше издательство работает по старинке, как оно работало, скажем, лет 20-25 тому назад, в новых условиях, в условиях бурного роста наших изданий и запросов читательской массы, с таким явлением мириться ни в коем случае нельзя. Положение в АбГИзе должно быть выправлено решительно и в кратчайший срок.

Также следует заострить внимание на вопросе об улучшении полиграфической базы, которая явно не удовлетворяет возросшие требования издательства и других организаций. В типографии остродефицитными являются высококвалифицированные работники, которые могут обеспечить необходимое качество выпускаемой продукции. В этом отношении особенно страдают книги, издающиеся на абхазском языке. Среди рабочих-наборщиков только два человека владеют абхазским языком, да и те являются учениками.

Мы иногда терпим совершенно нетерпимое явление, слишком затягивается издание учебной литературы, когда нужда в этой литературе на местах крайняя. Абгиз и типография не делают всего того, что они в состоянии сделать, чтобы ускорить это неотложное дело.

Товарищи! Я хочу закончить свое выступление кратким изложением того, что мы считаем необходимым для улучшения и расширения работы Абхазского института и что является первоочередными задачами этого института на ближайшее время: Дальнейшее повышение уровня теоретических исследований в области абхазского языка и литературы, истории, этнографии и археологии Абхазии; обобщение достигнутых результатов научных исследований института и подготовка монографий; создание очерка по истории Абхазии с древнейших времен до наших дней; составление описательной грамматики абхазского языка и словарей: русско-абхазского и абхазско-русского; повышение требовательности к научным работам при помощи развертывания критики и самокритики; широкое внедрение достигнутых результатов института в практику культурного строительства в Абхазской АССР; дальнейшее улучшение издательской деятельности института, особенно в части публикации важнейших научных трудов сотрудников института; еще выше поднять идейно-воспитательную работу среди всех научных сотрудников института, обратив особое внимание на организацию систематического повышения идейно-теоретического уровня научных кадров путем глубокого изучения марксизма-ленинизма; расширение круга научных работников института, без чего не представляется возможным должным образом развернуть всю необходимую творческую работу данного научно-исследовательского учреждения; создание перелома в работе по подготовке научных сил через аспирантуру и докторантуру с учетом потребностей института в кадрах; поставить вопрос о строительстве жилого дома для обеспечения научных сотрудников института жилплощадью, тем более, что в настоящее время многие из них лишены даже минимальных квартирных условий.

Несомненно, поставленные перед нами задачи очень сложны. Но мы уверены, что, при постоянном руководстве и помощи со стороны партийной организации республики и АН Грузинской ССР, Абхазский институт им. Д. И. Гулиа успешно разрешит их и тем самым внесет свою лепту в развитие советской науки.

Сухум, 20.11. 1954 г.

О ГРУБЕЙШИХ НАРУШЕНИЯХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ*

Товарищи! Ныне со всей очевидностью доказано, что национальная политика нашей партии особенно извращалась в Абхазии и Юго-Осетии.

Установлено также, что эти извращения были допущены в результате осуществления коварных установок махрового буржуазного националиста Берия.

Именно благодаря этому обстоятельству здесь была создана обстановка, которая не давала возможности свободно осуществлять священные права и обязанности членов партии, представляемые Уставом КПСС. Всякий, кто в той или иной форме и степени осмеливался поднять свой голос против фактов нарушения политики партии, жестоко преследовался, злонамеренно приписывая ему «буржуазный национализм», даже «фашиствующий национализм» и прямо «фашизм». Так случилось, например, со мной и с тт. Шинкуба и Шакрыл.

В 1947 г. мы обратились в ЦК ВКП(б) с письмом, в котором сообщали некоторые факты, свидетельствовавшие о тех грубых нарушениях, которые допускались в области ленинской национальной политики в Абхазии. Мы считали это своим партийным долгом и обязанностью.

Тогдашнее руководство ЦК КП(б) Грузии инсценировало, с позволения сказать, проверку приведенных в нашем письме неопровержимых фактов.

В ЦК ВКП(б) был представлен антипартийным, насильственным путем добытый фальшивый «материал» по нашему делу. А нам был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку «За попытку дезинформации ЦК ВКП(б) и клевету на Абхазскую партийную организацию». (Решение Бюро ЦК КП(б) Грузии от 8.8.1947 г., пр. №645).

Затем начали нас жестоко преследовать. Люди, позволявшие себе такое позорное дело, стремились сделать нас пугалом для всякого, кто мог бы вообще осмелиться поднять свой голос против их бесчинств. И этот грубый произвол зарвавшихся сановников выдавался за «большую деятельность» на идеологическом фронте.

Наше заявление в ЦК ВКП(б), всячески намеренно изображавшееся как пример антипартийной вылазки, на самом деле было сигналом о наличии в Абхазии серьезных нарушений, абсолютно недопустимых с точки зрения политики нашей партии.

* Место и дата выступления не установлены (ред.)

Другое дело, конечно, что в отдельных формулировках и толкованиях фактов наше заявление, очевидно, невольно страдает недостатками, имеющими свое объяснение. Но дело, разумеется, не в этом.

Самая даже поверхностная, но беспристрастная проверка приводимых в нашем заявлении фактов не могла не привести к выводу, что эти факты полностью подтверждаются и, следовательно, свидетельствуют о грубом нарушении в Абхазии политики партии в национальном вопросе.

Следовательно, во-первых, дезинформаторами и клеветниками на самом деле являются незадачливые лица, которые нашему поступку придали совершенно превратный характер. Во-вторых, тем самым они грубым образом нарушили Устав нашей партии, ибо речь идет о допущении ими искажения и сокрытия правды перед партией, что является тягчайшим злом.

После разоблачения врага народа Берия и июльского Пленума ЦК КПСС намечились ясные пути решительного искоренения тех грубейших извращений, которые были допущены в области национальной политики в республике.

Однако, к сожалению, ликвидация этих извращений, в частности, у нас в Абхазии, идет все еще медленно со скрипом, с оглядкой.

Это особенно наблюдалось вначале. Более или менее подробно говорилось о хозяйственных нарушениях. Но, этого не делалось в отношении тех глубоко принципиальных нарушений, которые были допущены в области культурно-национального строительства. Об отдельных фактах этих нарушений или вовсе умалчивалось, или не давалось им соответствующей политической оценки.

Это нашло свое отражение в работе последней Областной партийной конференции.

В этом отношении весьма показательное поведение некоторых работников и на последнем объединенном Пленуме Сухумского городского и Абхазобкома КП Грузии. Эти товарищи и здесь не постарались вскрыть до конца искажения, допущенные в указанном вопросе и мобилизовать всю нашу партийную организацию на их немедленное исправление.

Это, прежде всего, относится к первому секретарю Абхазобкома КП Грузии т. Карчава, доклад которого на Пленуме, очевидно, всем памятен. В своем докладе Карчава даже ни единым словом не обмолвился о наличии в Абхазии серьезных нарушений в национальном вопросе. Я думаю, что это неслучайно.

Председатель Совета Министров Абхазской АССР тов. Делба, во всяком случае, лишь робко коснулся рассматриваемого вопроса.

Правда, за последнее время Делба предпринимает кое-какие шаги, чтобы исправить собственные и чужие ошибки. Это очень хорошо. Но сделанного им в этом направлении все еще недостаточно.

Секретарь Сухумского Горкома КП Грузии тов. Гвилава на Пленуме явно стал на путь замазывания своих старых грехов, ему не хватило смелости честно рассказать партийной организации о грубом извращении линии партии в подборе и выдвижении кадров, допущенном в Абхазии. Между тем т. Гвилава, будучи секретарем Абзахобкома партии по кадрам, в течение продолжительного времени ведал вопросами кадров в республике, и через него непосредственно осуществлялась та отвратительная работа, которая проводилась в этой области гореруководителями Чарквиани и Мгеладзе.

Есть о чем рассказывать, но также отмалчиваются, тт. Кандария, Сигуа, Тускадзе, Адамия, Гадлия и др.

Ясно, что подобные люди не могли обеспечить решительного исправления искажений партийной политики в Абхазии. Более того, отдельные лица даже препятствовали тому, чтобы дать соответствующую политическую оценку тем или иным в прошлом осуществленным антипартийным решениям и мероприятиям, с которыми была связана их личная деятельность.

Некоторые из руководящих работников достаточно наглядно продемонстрировали свою неспособность или, быть может, нежелание неуклонно претворять в жизнь решения июльского Пленума ЦК КПСС.

Такое положение, разумеется, совершенно нетерпимо. Речь идет о вещах, явившихся результатом коварных установок буржуазного перерожденца Берия и деятельности его приспешников на местах.

Было проявлено чудовищное стремление нанести ущерб делу воспитания трудящихся нашей республики в духе пролетарского интернационализма. В частности, была сделана попытка вызвать трещину во взаимоотношениях между грузинским и абхазским народами. Эта антинародная попытка находила свое проявление и в области идеологии и была доведена до абсурда, например, до отрицания существования абхазцев как народа, отрицания его языка, культуры.

Здесь нельзя не вспомнить, например, брошюру т. Делба «К вопросу изучения языка и истории абхазов», в которой автор, обвиняя Марра в крайнем субъективизме в деле изучения языка и истории абхазцев, сам в этом превзошел критикуемого им.

Я полагаю, что т. Делба этой своей брошюрой даст надлежащую партийную оценку. Надо отметить, что дело доходило до такого

упрощенства, что в ход были пущены и такие лица, как Р. Цулукидзе, Р. Гадлия, Х. Берулава и др., познания которых в области изучения истории Абхазии и абхазского языка являются, по крайней мере, весьма сомнительными, если не больше этого.

Вместе с тем, с другой стороны, должна быть объявлена самая беспощадная борьба против малейшего проявления местного национализма.

Берия и его приспешники, как известно, всемерно пытались оторвать Грузию от России. В частности, в Абхазии наблюдалось стремление не только отрицать, но и предпринять жалкую попытку ликвидировать то плодотворное влияние России, которое население Абхазии испытывало на протяжении значительного периода времени.

В этой связи показателен, например, поход, объявленный в свое время Мгеладзе против владетеля Абхазии Келеш-бея, так или иначе ставшего на прогрессивный путь присоединения Абхазии к России и в связи с этим убитый турецкими агентами в начале XIX в.

Не менее характерно следующее заявление тогдашнего секретаря Абхазского Обкома партии И. Тускадзе на одном из совещаний: «абхазцы до сих пор получали культуру с севера, а теперь ее они должны брать с юга». Комментарий излишни.

Национализм Мгеладзе и его сподручных дошел до такого безумства, что они начали ревностно уничтожать названия улиц и пр., связанные с именами великого русского писателя Гоголя, великого украинского поэта Шевченко, выдающегося русского терапевта Остроумова и др. Закрывались русские школы; были закрыты русские сектора в Сухумском пединституте, педучилищах и техникумах; был закрыт русский драматический театр в Сухуме и т. д. Закрывались также армянские школы и училища.

Особое внимание должно быть обращено на политико-воспитательную работу в школе. Мгеладзе и иже с ними в течение ряда лет старались отравить сознание нашей молодежи буржуазным национализмом.

Новое руководство мало что предприняло и в направлении решительного улучшения всей воспитательной работы в школе. Не будет преувеличением сказать, что Министерство просвещения Абхазской АССР проявляет безынициативность и неумение в этом важнейшем деле...*

* В оригинале текст документа обрывается.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА XXIII АБХАЗСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ

Товарищи! Настоящая партийная конференция проходит в исторический момент, когда вся наша страна готовится к XX съезду партии. Советские люди трудятся с особым энтузиазмом, подытоживают свои успехи и стремятся исправить недочеты.

Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР в прошлом, при бывшем порочном руководстве республики, как известно, в течение долгого времени находился в опале, что вытекало из антипартийной политики упомянутого руководства, и это, естественно, весьма отрицательно отражалось на деятельности института.

В данное время институт имеет благоприятные условия для развертывания всех творческих сил и возможностей. И надо сказать, что институт за последние два года проделал значительную работу. Достаточно отметить, что за 1954-1955 гг. институт издал до 15 научных трудов и учебных пособий, среди которых имеются и солидные монографические исследования. Это гораздо больше того, что было выпущено институтом за ряд предыдущих лет.

Вместе с тем в институте проделана известная работа и по повышению квалификации научных кадров. В настоящее время из 17 научных сотрудников 13 человек являются кандидатами и один доктором наук, а также 3 товарища работают над докторскими диссертациями.

Сейчас коллектив научных сотрудников Института работает в основном над двумя проблемами: над составлением очерков по истории Абхазии и русско-абхазского словаря, имеющими большое научное и практическое значение.

Институт составил перспективный план работы и подготовительно-издательский план на 1956-1960 гг., в котором особое внимание обращено на еще большее приближение научно-исследовательской тематики института к актуальным задачам советской науки.

Необходимо особо подчеркнуть, что научная продукция и вся идеологическая работа коллектива сотрудников института проникнуты духом советского патриотизма и дружбы народов. Именно поэтому многие наши работники при бывшем порочном руководстве республики, как известно, жестоко преследовались под видом борьбы с буржуазным национализмом.

Теперь несколько слов о недостатках в работе института и о том, что мешает ему для более плодотворной работы. Прежде всего, для разрешения поставленных перед институтом кардинальных задач наличный штат научных сотрудников явно недостаточен. Из-за ограниченности штата в тематическом плане института отсутствуют такие важные проблемы, как изучение богатого абхазского устного народного творчества, абхазской литературы, истории Абхазии в древние и средние века и др.

Вопрос о нуждах института в деле обеспечения его необходимыми кадрами дирекцией института ставился неоднократно перед соответствующими органами. Но, к сожалению, до сих пор этот вопрос не получил благоприятного разрешения. Однако в настоящее время, в связи с получением АН Грузинской ССР дополнительных штатных единиц, ЦК и АН Грузии обещают выделить нашему институту несколько штатных единиц. Мы уверены, что упомянутые органы, учитывая положение дел в Абхазском институте, не посядут на 6-7 штатных единиц, без чего, повторяю, институту невозможно в полной мере развернуть свою научно-исследовательскую деятельность.

В порядке критики также считаю необходимым констатировать, что АН Грузинской ССР, в систему которой входит наш институт, все еще слабо помогает Абхазскому институту; недостаточны связи между последним и некоторыми головными институтами, например, с институтом истории АН Грузинской ССР.

Нельзя также не отметить ненормальные бытовые условия, в которых живет ряд работников нашего института. Некоторые из них ютятся в маленьких комнатках почти без всяких удобств. В таких условиях думать о плодотворной творческой работе очень трудно.

В работе института имеются недостатки, зависящие непосредственно от его дирекции и коллектива научных сотрудников, о которых следует также сказать без всяких обиняков. Порой затягиваются обсуждения выполненных научно-исследовательских работ в отделах, а также нарушаются календарные сроки научных командировок и экспедиций.

Работа Ученого совета все еще не стоит на нужной высоте, а между тем Совет должен быть штабом научно-исследовательской работы в институте. Сравнительно мало практикуются обсуждения и дискуссии по общетеоретическим вопросам. Некоторые работы, опубликованные институтом и его научными сотрудниками, страдают отдельными:

недостатками и ошибками. Это относится, прежде всего, к коллективному очерку «Сухуми и его окрестности», вышедшему в начале 1954 г. и который, как известно, был подвергнут справедливой критике на одном из Пленумов обкома партии и на страницах нашей прессы. В настоящее время указанный очерк вышел в переработанном и дополненном виде. Не лишены некоторых недочетов «Очерки по истории брака и семьи у абхазов» Ш. Инал-ипа, монография И. Антелава «Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX в.», моя книга о восстании 1866 года в Абхазии и т. д.

Следует особо отметить тот факт, что Абхазский институт не выступил своевременно и остро критически против антинаучной книги П. Ингороква «Георгий Мерчуле», в которой искажается и фальсифицируется история кавказских народов, в том числе грузинского народа. Эта книга вместе с тем является аполитичной и бестактной с точки зрения современных межнациональных отношений. В частности, в деле извращения истории и культуры абхазского народа незадачливый автор дошел до логичного конца, исчерпав весь багаж своей больной фантазии. В полном противоречии с неопровержимыми данными науки, в том числе с исследованиями известных грузинских ученых (академиком И. Джавахишвили и С. Джанашиа, проф. А. Чикобава и др.), Ингороква развивает лженаучную концепцию о том, что абхазы якобы не являются аборигенами Абхазии, а появились здесь откуда-то всего лишь в XVII в.

Наши историки, как и вся советская историческая наука, руководствуясь марксистско-ленинской теорией, должны вести решительную борьбу как против любого проявления национализма, стремящегося разжечь вражду между народами, так и против национального нигилизма, игнорирующего лучшие национальные традиции народа.

Абхазский институт в настоящее время подготавливает критическую статью, которая, надо полагать, сыграет определенную роль в деле разоблачения содержания книги П. Ингороква. Книга П. Ингороква должна быть изъята как антинаучное, пропитанное буржуазно-националистическим духом, а в политическом отношении весьма вредное писание, также одним из основных задач нашей идеологической работы являются воспитание у советских людей коммунистического отношения к труду, к общественной социалистической собственности...

Я хочу обратить внимание конференции и на то, что у нас, в Абхазии, имеются немало недостатков в работе радиоузлов, в состоянии радиотрансляционной сети.

Но особенно ненормальным положением надо считать отсутствие радиопередачи на абхазском языке. Значение радиопередачи на родном языке настолько велико в деле дальнейшего подъема культурного и политического уровня населения, не говоря уже о роли радио в хозяйственном строительстве, что отмеченное положение надо выправить как можно быстрее, с какими бы трудностями это не было связано.

Таким образом, в нашей работе все еще имеются существенные недостатки. Надо надеяться, что новое руководство, которое будет избрано на данной конференции, приложит все усилия, чтобы решительно и с партийной принципиальностью исправить недостатки.

Сухум, 11.12.1955 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА АКТИВЕ СУХУМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ

Товарищи! Большое внимание в отчетном докладе ЦК КПСС, сделанном Н. С. Хрущевым, было уделено советской науке, ее возрастающей роли в решении практических задач коммунистического строительства. Ни один общественный строй так не заинтересован в развитии науки и не представляет такие условия для ее развития, как советский социалистический строй.

Нет никакого сомнения в том, что армия советских ученых с честью выполнит свой долг перед родиной.

Коллектив научных работников Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР преисполнен, горячим стремлением сделать все, чтобы внести свою посильную лепту в дело дальнейшего развития передовой советской науки.

Составлен перспективный план работы института в шестой пятилетке, который в настоящее время нами уточняется в направлении еще большего приближения деятельности института к актуальным задачам советской науки. В этом же направлении изучается издательский план института.

Сотрудники отдела языка и литературы будут работать над изучением вопросов абхазской нормативной грамматики, устного народного творчества и художественной литературы. Особое место будет занимать составление словарей (русско-абхазского, абхазско-русского, терминологического и орфографического). Как видите, решение этих задач будет иметь большое научное и практическое значение.

Одной из важнейших задач, стоящих сейчас перед советской исторической наукой, является изучение советского общества. Поэтому в центре внимания работников отдела истории и этнографии нашего института поставлена проблема разработки истории Абхазии советского периода. В 1957-1960 гг. наши историки будут работать в основном над второй частью очерков по истории Абхазии, охватывающей период с 1917 года до наших дней.

Мы должны неуклонно руководствоваться разъяснением ЦК КПСС и историческими решениями XX съезда партии о марксистско-ленинском понимании роли личности в истории; принимать активное участие в борьбе против пережитков культа личности. Нам необходимо критически пересмотреть ту нашу научную продукцию, которая проникнута идеалистическим духом культа личности.

Такой критический подход с позиции марксизма-ленинизма требуют и наши исторические материалы. Это тем более необходимо, что в нашей республике дело иногда доходило до того, что даже в районах появлялись доморощенные «вожди», которым приписывались достижения трудящихся и партийных организаций этих районов. В практике наблюдалось и такое уродливое явление, как наименование первого секретаря райкома партии «хозяйном». Разве у нас не создавался культ даже вокруг отдельных председателей колхозов, именем которых назывались улицы и т. д.? Я уже не говорю о безмерном властолюбивце и отъявленном карьеристе Мгеладзе, без упоминания имени которого вообще нельзя было ничего ни писать, ни говорить о достижениях Советской Абхазии за последние 10-15 лет. Всем известно, как этот мелкий человек вождил и шумел, а ему подражали другие, подобранные и расставленные им работники. Все это находит свое известное отражение в наших исторических материалах.

Товарищи, за последнее время Абхазскому институту оказана существования помощь, что уже ощутимо отразилось на его деятельности.

Вместе с тем, я хочу остановиться на некоторых фактах, которые так или иначе препятствуют нам в научной работе. Я уже говорил о планах абхазского института в области изучения истории Абхазии советского периода. Но можно ли писать историю советского общества лишь по одним газетным материалам, можно ли по ним показать всю сложность и многогранность экономических процессов в советскую эпоху, можно ли без статистических показателей проследить тот героический путь борьбы и побед, который прошли трудящиеся нашей страны? Конечно, нет, нельзя. Имеются ли у нас необходимые статистические материалы? Да, имеются. Но, если, как говорил тов. Микоян, они и в Москве трудно доступны, то у нас они почти недоступны.

Некоторые наши научные сотрудники чрезмерно перегружены внеинститутской работой. Им приходится выполнять самые разнообразные задания со стороны областного и городского комитетов партии, Министерства просвещения, Абхазского отделения ССП Грузии и т. д.

Работа по переводу на абхазский язык текстов для штампов, печатей, вывесок и пр. сосредоточена в нашем институте. Спрашивается, нельзя ли было это дело поручить, скажем, Абгизу? Между тем данная работа, помимо того, что является чисто технической, отнимает много времени.

Вот еще один пример, я бы сказал, неправильного понимания задач, стоящих перед нашим институтом. Председатель Госплана Абхазской АССР т. Акшба за последнее время активно, устно и письменно, выступает за создание при Абхазском институте отдела по изучению производительных сил республики. При этом он обвиняет руководство института в каком-то нигилистическом отношении к подобному отделу. Однако это не соответствует действительности.

Дело в том, что т. Акшба указанный вопрос ставит без его предварительного глубокого изучения. Более того, он, по-видимому, упрощенно представляет задачи научного учреждения. Кстати, о таких фактах говорил президент АН СССР Несмеянов в своей речи на XX съезде.

По мнению т. Акшба, упомянутый Отдел должен состоять из 2-3 чисто практических работников – инженеров и вести лишь полевую, разведочную работу, причем, очевидно, по заданию Госплана или других заинтересованных организаций, без выполнения ими каких-либо научно-исследовательских тем.

Всем и каждому должно быть ясно, что такая группа никак не может существовать при научно-исследовательском институте, а должна находиться, по крайней мере, при том же Госплане или Министерстве местной промышленности. Или же это дело нужно поручить геологоразведочному управлению. Иначе надо ставить вопрос о реорганизации Абхазского института, т. е. лишения его научно-исследовательского характера.

Но если речь идет, как мы считаем необходимым, о создании организации по научному изучению производительных сил края, результаты которой широко бы внедрялись в практику, то ее надо создать по-настоящему. Это значит, во-первых, получить штаты и подобрать квалифицированные научные кадры, не из 2-3 инженеров, конечно, а, по крайней мере, из 5-6 подготовленных к научно-исследовательской деятельности работников. Это связано, во-вторых, с созданием необходимой материально-технической базы, т. е. обеспечением лабораторией, оборудованием, приборами и пр. Как видите, речь идет о крупных средствах и значительном количестве штатных единиц.

Далее я хотел бы выразить свою полную солидарность с теми товарищами, которые давно ставят вопрос о реорганизации существующих в Абхазии многочисленных сельскохозяйственных, научно-исследовательских учреждений. Неоднократно совершенно недвусмысленно констатировалось, что одной из причин неудовлетворительного состояния сельского хозяйства нашей республики является неправильная организация деятельности указанных научных учреждений, подчиненных разным министерствам и ведомствам. Они работают разобщенно и несогласованно. Такая постановка, как указывает Н. С. Хрущев, мешает сосредоточить научные силы на решении наиболее важных проблем, приводит к расточительству средств и т. д.

И действительно, из поля зрения наших сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений выпадают такие важные вопросы, как вопросы изучения животноводства, кормопроизводства, плодоводства, виноградарства, возделывания зерновых культур, экономики сельского хозяйства и т. д.

Спрашивается, терпимо ли такое положение вещей в свете решений XX съезда партии? Ясно, что нет. В Абхазии, в этом благодатном крае, необходимо создать мощный комплексный сельскохозяйственный научно-исследовательский институт.

Товарищи! Одной из важнейших задач партийной организации нашей республики является планомерное и продуманное ведение работы в направлении повышения политической сознательности и революционной бдительности коммунистов и всех трудящихся.

В этом отношении особое внимание заслуживает наша молодежь. Мы никогда не должны забывать о том ущербе, который был нанесен коварной деятельностью врага народа и партии Берия и его сподручных делу политического воспитания, в частности, молодежи.

Некоторые провокаторы и националистические элементы, как известно, 5-9 марта с. г., пользуясь случаем, предприняли, по-видимому, давно вынашивавшую ими попытку втянуть нашу молодежь в авантюру, явно направленную против исторических решений XX съезда КПСС, против интересов советских людей, в том числе грузинского народа.* И этим мерзавцам, воспользовавшимся нашей все еще слабой политической работой среди молодежи, особенно студенчества, удалось известное количество молодых людей спровоцировать на такое выступление.

В частности, отдельные учебные заведения нашего города, так или иначе, оказались втянутыми в это позорное дело. Более того, как утверждают, некоторые педагоги и даже руководители указанных учебных заведений также приняли в нем активное участие.

Нам следует серьезно разобраться в этом деле, проанализировать его и принять все необходимые меры. Совершенно ясно, что нельзя дальше доверять благородную задачу воспитания нашего подрастающего поколения тем лицам, которые не заслуживают такого высокого доверия, лицам, над которыми все еще позорно довлеет груз пережитков прошлого.

Вместе с тем долг каждого советского патриота – давать сокрушительный отпор всем тем, кто до сих пор не понял великих принципов подлинного советского патриотизма, различным вредным «теориям» и толкованиям, которые оскорбляют национальные чувства людей, не способствуют укреплению сотрудничества советских народов, развитию международной солидарности трудящихся всех стран.

*С 5 по 9 марта 1956 г. были проведены митинги – выступление грузинских националистов, несогласных с разоблачением культа личности Сталина.

Разве таким политически вредным писанием не является, например, злополучная книга П. Ингорквва «Георгий Мерчуле»? Разве эта книга, проникнутая, ко всему прочему, духом национализма и пресловутой «теорией единого потока», не способствует развитию не интернационалистических, а националистических настроений у наиболее отсталых людей? Между тем эта фальсификаторская книга П. Ингорквва, как ни странно, находится в обращении и до сих пор распространяется. Более того, она, к сожалению, на XVII съезде Компартии Грузии получила, с моей точки зрения, весьма либеральную оценку, если не больше этого.

Разве учебник по истории Грузии, по которому наша молодежь в течение многих лет изучало богатое прошлое грузинского народа, кстати, не нуждающегося ни в каком приукрашивании, не страдает идеализацией этого прошлого? Как известно, указанный учебник в свое время был объявлен, находящимся вне пределов досягаемости критики. Вот пример того, как культ личности мешает разворачиванию критики и самокритики.

В настоящее время коллективом института истории им. Джавахишвили составляется новый учебник по истории Грузии. Надо надеяться, что он будет книгой, которая будет содействовать делу воспитания трудящихся республики в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Сухум, 21. 03.1956 г.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ДЕПУТАТА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА АБХАЗСКОЙ АССР ПЕРЕД ИЗБИРАТЕЛЯМИ

27 февраля 1955 г. у нас состоялись выборы в Советы. Среди выбранных депутатов: абхазцы, грузины, русские, украинцы, армяне, греки, представители других народов, населяющих Абхазию.

В Абхазской АССР высшим органом государственной власти является Верховный Совет Абхазской АССР; он избирает Президиум Верховного Совета Абхазской АССР, который во всей своей деятельности подотчетен Верховному Совету Абхазской АССР.

Президиум Верховного Совета Абхазской АССР созывает сессии Верховного Совета Абхазской АССР. За отчетный период было созвано 2 сессии. В настоящее время готовится созыв третьей сессии.

В промежутках между сессиями Президиум Верховного Совета Абхазской АССР издает Указы, дает толкование действующих законов Абхазской АССР. Президиум Верховного Совета Абхазской АССР руководит проведением на территории Абхазской АССР выборов в местные Советы депутатов трудящихся и выборов Народных судов. Так, в результате проведенных в 1955 г. выборов было избрано 2.843 депутата местных Советов депутатов трудящихся и 107 депутатов Верховного Совета Абхазской АССР.

Я как депутат в отчетный период старался работать таким образом, чтобы оправдать высокое доверие своих избирателей. Принимал участие в работах сессий Верховного Совета Абхазской АССР и выполнял отдельные поручения его Президиума. Кроме того, провожу пропагандистскую работу в качестве внештатного лектора Абхазского обкома партии, участвую в различных видах общественной работы в области культурного строительства в нашей республике.

Вместе с тем старался оказать помощь товарищам, которые обращались ко мне по тому или иному вопросу, как к депутату и работнику научного фронта.

В период предвыборной компании товарищи выражали уверенность, и я заверял избирателей в том, что буду принимать активное участие в борьбе за дальнейший расцвет науки и культуры в нашей республике. Коллектив научных работников Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. Гулиа АН Грузинской ССР, где я работаю с 1939 года, за последнее время проделал значительную работу. Институтом выпущен ряд научных исследований по абхазскому языку и литературе, по истории, этнографии и археологии нашего края. Лично мной за 1955-1956 гг. выпущены две книги и опубликовано несколько статей по вопросам истории Абхазии.

В настоящее время я и мои коллеги – историки заняты составлением очерков по истории Абхазии с древнейших времен, написание первого тома которых мы закончим в этом году. В этой книге будет показана история нашего народа, история трудящихся, история создателей материальных и духовных ценностей. Кроме того, в будущем году, в ознаменовании 40-летия Октябрьской революции, будет издана моя монография, посвященная истории борьбы за Советскую власть в Абхазии.

Я также принимаю участие в работе над составлением учебников и учебных пособий для абхазских школ. В настоящее время мною подготавливается к печати букварь на русском языке для абхазских школ.

Вместе с тем провожу работу по линии повышения своей научной квалификации. В данное время я нахожусь в 3-месячном творческом отпуску и за это время надеюсь завершить написание докторской диссертации на тему «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.).» Цель моя заключается не в получении очередной ученой степени, а в разрешении поставленной проблемы, имеющей важное научное значение в деле монографического исследования истории Абхазии XIX в.

В свете исторических решений XX съезда КПСС перед нашим институтом стоят большие задачи, над разрешением которых коллектив сотрудников работает успешно.

Лично я приложу все свои усилия в дело решения этих задач на высоком научном уровне.

Передо мной стоят и другие задачи, плодотворное решение которых я считаю своей целью.

Отчеты депутатов перед избирателями имеют решающее значение в деле укрепления связи Советов и депутатов с массами. Следовательно, эти отчеты должны проходить периодически. Вместе с тем считаю нужным установить специальный приемный день, когда могли бы состояться встречи с отдельными избирателями, по желанию последних. Таким днем я предлагаю 15-е число каждого месяца. Вообще же такие встречи могут состояться по мере надобности. Таким путем можно лучше прислушиваться к голосу масс, лучше выяснить нужды и требования трудящихся и принимать все меры для осуществления их наказов.

*Сухум, Шевченко избирательный округ №12.
13. 07.1956 г.*

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА АБХАЗИИ

Товарищи депутаты! Нет никакого сомнения в том, что работники культурного фронта нашей республики с честью выполняют свой долг перед Родиной. В частности, коллектив научных работников Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР преисполнен стремлением сделать все, чтобы внести свою лепту в дело дальнейшего развития передовой советской науки.

... Уже не раз ставился вопрос о реорганизации существующих в Абхазии довольно многочисленных сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений. Неоднократно совершенно недвусмысленно констатировалось, что одной из причин неудовлетворительного состояния сельского хозяйства нашей Республики является неправильная организация деятельности указанных научных учреждений, подчиненных разным министерствам и ведомствам. Такая организация дела мешает сосредоточить научные силы на решении наиболее важных проблем, приводит к расточительству средств и т. д. И действительно, из поля зрения наших сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений выпадают такие важные вопросы, как вопросы изучения животноводства, кормопроизводства, плодоводства, виноградарства, возделывания зерновых культур, экономики сельского хозяйства. Я уже не говорю об элементах параллелизма в работе отдельных указанных учреждений. Например, цитрусами занимаются ВНИИЧиСК и Селекционная станция. Разумеется, разные учреждения могут вести работу над одной и той же проблемой. Но очень плохо, если в деятельности этих учреждений нет координации и единого руководства.

Из сказанного вытекает лишь один вывод: в Абхазии, в этом богатом крае, необходимо создать мощный единый комплексный сельскохозяйственный научно-исследовательский институт.

Реорганизация управления промышленностью поставит по-новому вопрос о подготовке и более правильном использовании кадров квалифицированных специалистов, о более рациональном размещении высших и средних учебных заведений по республикам. «Каждый экономический административный район, – как подчеркивается в тезисах доклада Н. С. Хрущева, – будет заинтересован в подготовке инженерно-технических кадров из местных людей в соответствии с потребностями развития народного хозяйства республики, края, области». В связи с этим, не целесообразно ли Сухумский сельскохозяйственный и индустриальный техникумы сделать учебными заведениями местного подчинения? При этом, не следует ли Индустриальный техникум переместить из г. Сухум в г. Ткуарчал, т. е. приблизить его к производственной базе? Тем более, что студенты сухумского индустриального техникума производственную практику проходят, главным образом, в г. Ткуарчал, находящемся в 80 километрах от Сухума.

Несколько слов о ЦСУ Абхазии. Известно, что строжайший всенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов является одним из важнейших ленинских принципов правильного ведения народного хозяйства и развития культуры.

Между тем на работу органов ЦСУ обращается крайне недостаточное внимание. Например, в Абхазии ЦСУ гораздо лучше справлялось со своими задачами в первые годы Советской власти. Оно, например, в 1927 году издало статический справочник, в котором дается ряд сведений, характеризующих состояние народного хозяйства и культуры Абхазии того периода. Этот справочник содержит не только материалы, собранные государственной статистикой, но и ценные статистические сведения, полученные от ведомств (Наркомздрава, Наркомтруда, Наркомюста и др.). Несмотря на отдельные дефекты, указанный справочник в свое время представлял большую практическую ценность, а теперь служит важным источником для исследователей истории и экономики Советской Абхазии 20-х годов.

Необходимо в корне перестроить работу ЦСУ Абхазии, обеспечить его квалифицированными кадрами, наладить издание статистических сборников и справочников.

В минувшем году ЦСУ СССР издало статистические сборники «Народное хозяйство СССР» и «Культурное строительство СССР», получившие заслуженное одобрение советской общественности. В первом из них не имеются, а во втором крайне мало содержатся сведения по автономным республикам, поскольку ЦСУ СССР имело ввиду, что в подготавливаемых его местными органами сборниках будут опубликованы подробные данные по союзным и автономным республикам, краям и областям.

ЦСУ Абхазии необходимо к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции издать статистический сборник, который отражал бы те большие изменения, произошедшие в жизни нашей Республики, нашего народа за годы Советской власти.

Органы ЦСУ, как это указывается в опубликованных тезисах доклада тов. Н. С. Хрущева, должны собирать, разрабатывать и анализировать данные, показывающие не только итоги развития народного хозяйства, но и данные, характеризующие неиспользованные резервы, вскрывающие факты неудовлетворительного выполнения заданий народнохозяйственного плана.

Далее я хотел бы обратить ваше внимание на состояние книжной торговли у нас в Абхазии. Этим делом занимается ряд учреждений, из

коих главным, по-видимому, является Абхазкнигторг. Потому ли, что многие организации занимаются книжной торговлей, а не одна, которая бы занималась со всей ответственностью и с глубоким знанием и любовью, этот весьма важный участок находится в самом запущенном состоянии. Что бы там ни говорили в оправдание руководители указанных организаций, факт остается фактом, у нас книга плохо доходит до читателя, плохо ее популяризируют. Особенно неблагоприятно обстоит дело в сельских местностях.

Часто книги залеживаются в складах, стареют, так сказать, физически и по содержанию. Особенно недопустимым является тот факт, что иногда замораживаются учебники и учебные пособия при великом спросе на них со стороны школ. Нередко мы встречаемся с такими примерами, когда в Сухуме вышел тот или иной учебник, в школах его ждут, но туда он приходит с опозданием на 2-3 месяца или же вовсе не поступает.

Порой некоторые нерадивые работники торгующих организаций, прикрывая свою бездеятельность и нечестное отношение к порученному делу, рассказывают басню о том, как «книги не идут». Это просто клевета. Народ наш любит книгу и умеет ее ценить, а книги наши очень неплохие, хорошие. Вот пример. Недавно Союз Советских писателей Абхазии провел литературный вечер в с. Тамыш, и там наши писатели, между прочим, за один день распространили книг только на абхазском языке на сумму 1.700 руб. Отрадно было заметить и то, что у населения большой популярностью пользуется журнал «Алашара» и с нетерпением ждут появления детского журнала «Амцабз».

Следовательно, все дело в том, что книжная торговля у нас поставлена из рук вон плохо. Видимо требуются какие-то коренные изменения в организации этого дела. Во всяком случае, необходимо пересмотреть состав работников книготорговой сети с учетом знания дела книжной торговли и специфических особенностей того или иного района, местности.

Сухум, 1957 г.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПЛЕНУМЕ АБХАЗСКОГО ОБКОМА КП ГРУЗИИ

Товарищи! На любом участке работы успех дела решают кадры. Вот почему вопрос о кадрах всегда находится в центре всей деятельности нашей партии. Этот вопрос приобретает в настоящее время особо важное значение, ибо жизнь, наша эпоха выдвигает новые грандиозные задачи.

Огромное значение в улучшении всей работы высшей школы имеют исторические решения партии и правительства о перестройке среднего и высшего образования с целью укрепления связи школы с жизнью и дальнейшего развития системы народного образования в СССР.

Среди высших учебных заведений Грузии Сухумский Госпединститут им. А. М. Горького является одним из крупных вузов. В настоящее время коллектив института сплочен и действенен как никогда. Члены этого большого коллектива живут и трудятся дружно, внося свою лепту в благородное дело воспитания квалифицированных кадров советской интеллигенции.

Одним из условий улучшения всей работы института является правильный подбор преподавательских кадров. Мы предполагаем принять необходимые меры к тому, чтобы на основе конкурсного принципа укомплектовать институт квалифицированными специалистами, умеющими сочетать педагогическую работу с научно-исследовательской и политико-воспитательной.

В 1958-1959 учебном году из числа хорошо зарекомендовавших себя лаборантов, ассистентов и педагогов средних школ нами был выдвинут ряд товарищей на самостоятельную преподавательскую работу. К ним относятся Л. Габрия, С. Топурия, К. Килба, К. Квициния и многие другие, которые вполне справляются со своими обязанностями.

В институте ведется большая работа по повышению научно-педагогической квалификации профессорско-преподавательского состава. Только в 1958/59 учебном году 7 человек успешно защитили диссертации. Кроме того, свыше 10 человек успешно сдают кандидатский минимум и столь же плодотворно работают над своими научными, диссертационными темами. У нас имеется аспирант Б. Сагария, который также положительно зарекомендовал себя.

Опытные преподаватели и ученые должны оказывать всяческую помощь растущим молодым людям. Однако некоторые из них мало что делают в этом направлении и ведут замкнутый образ жизни.

Следует отметить, тот факт, что ВАК Министерства высшего образования СССР, вопреки всем существующим правилам и положениям, очень часто затягивает рассмотрение и утверждение успешно защищенных диссертаций.

Несколько слов о контингенте студентов. Планирование контингента должно быть увязано с общими планами республики, что, к сожалению, не всегда достигается. Если говорить конкретно о нашем институте, то его объем в отношении контингента студентов должен определяться,

прежде всего, потребностью школ Абхазии в педагогических кадрах по тем или иным специальностям. Но, к сожалению, планирующие органы и лица к этому вопросу подходят подчас, я бы сказал, механически, без должного изучения специфики, данного вуза. В результате этого, например, в этом году наш институт оказался перед определенными трудностями.

В связи с этим считаю необходимым заметить, что при изучении вопроса о контингенте студентов, распределении его между институтами республики нас, вузовских работников, можно сказать, совершенно обходят. А жаль ведь нам, на местах, кое-что виднее.

Пользуясь случаем хочу еще раз поставить вопрос о переводе Сухумского Госпединститута из третьей категории вузов во вторую. Некоторые аналогичные и даже значительно меньшие институты давно отнесены ко второй категории. Эта мера дала бы возможность институту еще шире развернуть свою деятельность и обеспечить высокий уровень учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы, добиться успешного выполнения задач по подготовке высококвалифицированных кадров.

Считаем также необходимым выдвинуть вопрос об открытии при нашем институте заочного отделения, на котором учителя со средним образованием имели бы возможность без отрыва от работы получить высшее педагогическое образование.

Товарищи! Как известно, в недавнем прошлом у нас в Абхазии грубо попирался партийный принцип подбора и расстановки кадров. В этих вопросах и сейчас имеются недостатки и ошибки, о чем подробно говорилось на июньском Пленуме ЦК и на настоящем Пленуме Абхазобкома КП Грузии. Мы все уверены, что партийные организации сделают все для того, чтобы поправить положение.

Сухум, 13. 07.1959 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА XXVI ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АБХАЗСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КП ГРУЗИИ

Товарищи! Вопрос о высшем образовании всегда находится в центре внимания нашей партии. Ярким свидетельством этого являются решения партии и правительства о перестройке среднего и высшего образования с целью укрепления связи школы с жизнью и дальнейшего развития системы народного образования в стране.

В дело воспитания квалифицированных кадров свою лепту вносит и наш Сухумский педагогический институт им. А. М. Горького.

В настоящее время в институте обучается около 1300 студентов, а за время своего существования он выпустил свыше 4000 человек. Имеется 14 кафедр, объединяющих 120 человек, из которых ученую степень и звание имеют более 50 человек.

Особо следует подчеркнуть, что с целью коренного улучшения подготовки абхазских национальных кадров в институте открыт абхазский сектор на филологическом факультете и факультете начального образования. Филологический факультет уже в 1958/59 учебном году дал первый выпуск специалистов в количестве около 50 человек, которые ныне успешно работают в абхазских школах.

В 1954 году была создана кафедра абхазского языка и литературы, объединяющая до 10 работников.

Нами за последнее время проведен ряд мероприятий по повышению идейно-теоретического уровня преподавания. Систематическая работа велась также в направлении улучшения политико-воспитательной работы среди студентов. В результате повышения уровня этой работы поднялась успеваемость и дисциплина студентов, стало более активным их участие в общественной жизни института.

Достигнуто заметное улучшение в постановке спортивной и культурно-массовой работы. Практикуется обмен студентов нашего института с другими вузами страны, а также совместное проведение научных конференций, культурно-массовых и других мероприятий.

Особо хотелось бы сказать о той работе, которая проделана коллективом нашего института в соответствии с Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в СССР».

Прежде всего, чтение лекций и проведение семинарских и практических занятий профессорско-преподавательский состав стремился приблизить к современной жизни советской школы. Приняты меры по установлению более тесной связи студентов со школой. Много внимания уделяется правильной постановке и проведению педагогической, производственной и полевой практики студентов.

В процессе производственной практики студенты овладели необходимыми навыками по слесарному и токарному делу. Для лучшего усвоения и закрепления практических занятий студенты часто бывают на фабриках, заводах, в колхозах, совхозах.

Начиная с 1959/1960 учебного года первые курсы переведены на новую систему обучения. В подавляющем большинстве случаев работа этих студентов получает положительную оценку.

Многие кафедры систематически помогают школам города Сухум и республики. Дирекцией института разработан комплекс мероприятий по оказанию помощи учителям школ в повышении их квалификации.

В соответствии с положением о принятии в высшие учебные заведения 80% абитуриентов, имеющих 2-х годичный стаж работы, а по некоторым специальностям – 100%, при институте организованы подготовительные курсы, на которые зачислено свыше 450 человек.

Несколько улучшилось научно-исследовательская работа. За отчетный период институтом издан ряд монографий и специальных исследований, а также выпущено три тома «Трудов» института.

В институте ведется определенная работа по повышению научно-педагогической квалификации преподавателей. Только в 1958/59 учебном году 8 человек защитили диссертации. Кроме того, свыше 10 человек успешно сдают кандидатский минимум и столь же плодотворно работают над своими диссертационными темами.

Все наши усилия направлены на воспитание студенческой молодежи и всего коллектива института в духе дружбы народов. Как известно, в прошлом в этом отношении в институте не все обстояло благополучно.

Весьма отрадно, что в настоящее время коллектив Сухумского пединститута в целом сплочен и действенен более чем когда-либо. Члены этого большого многонационального коллектива живут и трудятся дружно на благо нашей Родины.

Однако в деятельности института все еще имеются существенные недостатки и упущения, особенно в содержании и организации идейно-воспитательной и культурно-массовой работы. Некоторые деканы факультетов и заведующие кафедрами не чувствуют личной ответственности за состояние этой важнейшей области нашей работы.

У нас не перевелись еще преподаватели, деятельность которых в институте сводится лишь к чтению лекций. Такие товарищи порой не знают даже где студенческое общежитие.

Мы недостаточно решительно ведем борьбу за укрепление трудовой дисциплины и высокой академической успеваемости. В институте, к сожалению, немало студентов, которые недобросовестно относятся к учебе. Пропускают занятия, плохо успевают и т.д.

Имеются случаи нарушения общественного порядка, аморальных поступков, хулиганских действий со стороны некоторых студентов. Нередки факты пренебрежительного, варварского отношения к социалистической собственности.

В нашем распоряжении все возможности для искоренения этих уродливых явлений. Нам надо использовать все формы и средства общественного воздействия, широко применяя меры воспитательного характера. Вместе с тем необходимо усилить внимание к студентам, больше заботиться об их культурно-бытовых потребностях.

В организации работы студентов первых курсов, обучающихся по новой системе, имеются существенные промахи, которые могут отрицательно отразиться на качестве подготовки специалистов. Необходимо принять решительные меры, чтобы искоренить недостатки в организации практики и учебной работы студентов первых курсов; обеспечить глубокое изучение силами кафедр и факультетов опыта работы и обучения студентов первых курсов с тем, чтобы на основе полученных результатов совершенствовать подготовку специалистов.

Нужно больше и лучше заниматься вопросами научно-исследовательской работы. Наши ученые обязаны вести плодотворную работу над актуальными научными проблемами, связанными с потребностями народного хозяйства и культурного строительства.

Ученым советом института недавно были запланированы важнейшие научные проблемы, которые будут разрабатываться профессорско-преподавательским составом в течение 15 лет. Среди выдвинутых тем, заслуживает особого внимания – «История Абхазской партийной организации».

Необходимо перестроить работу, в частности, кафедры абхазского языка и литературы и кафедры педагогики и психологии. Научно-методическая работа этих кафедр должна быть тесно связана с жизнью школ. Они должны развернуть активную работу в деле составления учебников, учебных и методических пособий и программ, в чем так остро нуждаются наши школы.

Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» открывает широкие перспективы и вместе с тем ставит новые большие задачи перед нашим институтом. Перестройка среднего образования расширяет объем работы и, следовательно, усиливает необходимость активной

деятельности института, ибо эта перестройка требует коренного улучшения подготовки преподавательских кадров в педагогических институтах.

Между тем материальная база института явно не удовлетворяет его возрастающих потребностей. Речь идет, прежде всего, об учебном помещении. Институт находится в двух корпусах, которые расположены далеко друг от друга, причем главный корпус – это бывшее складское помещение. Имеется решение о строительстве нового учебного здания нашего института. Но, к сожалению, это жизненно важное для института дело затягивается.

Студенческий городок, созданный три года назад, также не удовлетворяет нужд института. Мы можем обеспечить общежитием лишь незначительную часть студентов.

Мы считаем необходимым, еще раз, поставить вопрос о переводе Сухумского пединститута из третьей категории вузов во вторую. Кстати, некоторые аналогичные и даже значительно меньшие институты уже давно отнесены ко второй категории. Эта мера дала бы возможность институту еще шире развернуть свою деятельность и обеспечить высокий уровень в учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе. Следует в институте с будущего года создать заочное отделение, необходимость которого вызывается, во-первых, тем, что значительное число учителей нашей республики не имеет высшего образования; во-вторых, многие лица со средним образованием, работающие в различных отраслях народного хозяйства и культуры, желают получить высшее образование без отрыва от производства. Целесообразно также увеличить прием на вечернем отделении.

Было бы хорошо создать при нашем институте отдельный филиал или консультационный пункт с целью обслуживания заочников, обучающихся в различных вузах страны и прикрепленных к нашему институту для прохождения практических и лабораторных занятий, а также сдачи экзаменов и зачетов. Например, в 1958/59 учебном году наш институт обслужил свыше 600 человек заочников. Это сильно перегружает институт и мешает его планомерной работе.

Я хочу остановить ваше внимание еще на одном вопросе. В настоящее время роль и значение культурно-просветительных учреждений значительно возросла. До установления Советской власти в Абхазии этих учреждений почти не было. Сейчас наша республика

покрылась густой сетью культурно-просветительских учреждений, число которых непрерывно растет. Они получают дальнейшее развитие в текущем семилетии. В связи с бурным ростом и перспективами дальнейшего развития культурно-просветительских учреждений, как мне кажется, настало время для серьезного улучшения системы подготовки кадров для этого важнейшего участка работы культурного фронта, тем более что среди работников клубных учреждений и библиотек Абхазии мало людей с высшим специальным образованием.

Два года тому назад при Министерстве Культуры Абхазской АССР был создан филиал Тбилисского культурно-просветительного училища. Но это учебное заведение не располагает необходимой материальной базой и нужным количеством квалифицированных преподавательских кадров. Он не имеет даже собственного помещения.

Я считаю целесообразным на базе указанного филиала создать при Сухумском Госпединституте специальный факультет для подготовки высококвалифицированных работников политико-просветительных учреждений.

Сухум, 16. 12.1959г.

РЕЧЬ НА КОНФЕРЕНЦИИ АБХАЗСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КП ГРУЗИИ

Товарищи! Я хотел бы начать выступление с краткого сообщения о тех изменениях, которые произошли в жизни Сухумского Госпединститута им. А. М. Горького за последнее время в свете Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР».

Прежде всего велась систематическая работа в направлении повышения идейно-теоретического уровня преподавания, приближения его к современной жизни советской школы с использованием при этом опыта работы лучших школ Абхазии.

Нами были приняты меры по установлению более тесной связи студентов со школами. Большое внимание уделялось правильной постановке и проведению педагогической и производственной практики. Прохождение практики всеми студентами, начиная с первого курса, еще более приблизило институт к жизни школы. Студенты глубоко изучают народное хозяйство и естественно-географические условия нашей республики.

В соответствии с Законом о расширении заочного и вечернего обучения, обеспечивающего получение высшего образования без отрыва от производства, при нашем институте в прошлом году было открыто заочное отделение и увеличен прием студентов на вечернее отделение.

Перестройка работы в институте отразилась и в научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава. В 1960 г. вышел ряд монографий и научных статей, написанных нашими сотрудниками на актуальные темы.

Усилилась связь кафедр со школами, промышленными предприятиями и колхозами Абхазии, где наши преподаватели проводят учебно-методические совещания, научно-теоретические конференции и другие полезные мероприятия.

В этом году наш институт дал стране 25-й выпуск педагогов в количестве более 250 человек, которые в настоящее время плодотворно работают в школах республики.

Недавно закончились приемные экзамены в институт на 1961/62 учебный год, которые прошли в полном соответствии с правилами приема в высшие учебные заведения. Всего в институт зачислено 470 человек, из коих на дневном отделении с практическим стажем работы составляют 66%.

Значительная часть молодежи принята из сельской местности. Вообще за последние 2-3 года заметно улучшился студенческий состав института.

Однако в деятельности пединститута все еще имеют место существенные недостатки и упущения, коренные исправления которых будет способствовать дальнейшему улучшению подготовки педагогических кадров для нашей республики.

Этим коллектив института внесет свою лепту в выполнение грандиозной задачи, поставленной в проекте Программы КПСС в области народного образования.

Товарищи, в отчетном докладе и в выступлениях делегатов достаточно было сказано о тех серьезных недостатках, которые имеют место в вопросе подбора и расстановки кадров. Хочу лишь присоединить свой голос. В этом деле необходимо навести должный порядок, изжив окончательно во всех звеньях порочные принципы, являющиеся отголосками прошлого, когда землячество, родственные и приятельские отношения и тому подобные признаки в отдельных случаях играют чуть ли не решающую роль. У нас еще встречаются такие горе-работники, которые в силу своей ограниченности доходят, я бы сказал, до районного или сельского, а порой даже поселкового и квартального «патриотизма».

Несколько слов и о другой стороне затронутого здесь вопроса – о подготовке кадров, в широком перспективном плане, для нашей республики, с учетом специфики ее потребностей. Думаю, что не будет преувеличением, если позволю себе сказать, что в этом очень важном деле у нас нет строгой продуманности.

В результате этого на ряде участков культурного и хозяйственного строительства мы все еще ощущаем недостаток в высококвалифицированных специалистах.

Далее хотелось бы сказать о необходимости дальнейшего повышения роли и ответственности членов партийных комитетов, в частности, обкома партии.

Эти товарищи, во всяком случае многие из них, недостаточно активно привлекаются к решению особенно тех вопросов, в которых они, по опыту своей работы, хорошо ориентированы.

Вместе с тем они должны быть широко информированы обо всех более или менее важных вопросах текущей работы комитетов. А это, к сожалению, не всегда делается.

Возьмем такой факт. Недавно на Пленуме обкома партии т. Джахуа Н. Я. была освобождена от обязанностей члена бюро обкома, причем единогласно. Однако вопрос был поставлен, так сказать, голо, без всякой мотивировки. И получалось очень нелогично, когда, по крайней мере, многие члены обкома, проголосовавшие дружно, следовательно, решившие судьбу вопроса, оказались не в состоянии объяснить на местах коммунистам конкретные причины вывода т. Джахуа из состава бюро. Я это говорю не в смысле оправдания т. Джахуа. Она, возможно, заслуживает даже более строгого наказания. Но только сегодня из отчетного доклада стали известны кое-какие подробности.

Надо заметить, что подобный подход к решению вопроса иногда вызывает нежелательные кривотолки и фантастические догадки, особенно со стороны любителей сплетен и сенсаций.

Надо быть очень внимательным к мнениям и предложениям коммунистов, тем более, когда они ставят вопросы большого общественного значения. Разве можно оправдать, например, следующие факты.

Ректор пединститута, по рекомендации вузовского партийного собрания, обратился с обоснованным письмом в ЦК КП Грузии о строительстве нового учебного здания, поскольку, как известно, институт находится в исключительно стесненном положении. В настоящее время мы

вынуждены перейти фактически на 3-х сменную работу. И это в то время, когда существует установка о переводе учебных заведений на 1-сменную работу, о коренном улучшении их материальной базы. Однако указанное заявление, в котором выражена просьба целого коллектива и поднят жизненно важный для института вопрос, было оставлено без ответа.

Должен сказать, что и местные партийные и советские органы совершенно равнодушно отнеслись к этому вопросу.

Нами также ставился вопрос перед Советом Министров Грузинской ССР о строительстве жилого дома, поскольку многие наши работники находятся в тяжелых жилищных условиях. На этот раз мы дождались ответа, но только какого? Госплан Грузии в форме разъяснения сообщил ректору института, что обеспечение профессорско-преподавательского состава жилплощадью должно производиться за счет фонда Сухумского горсовета. Но ведь это самая настоящая отписка.

На конференциях, пленумах, активах и других партийных собраниях коммунисты высказывают ценные мысли и дельные предложения. Однако, как мне кажется, затем мало, кто к ним обращается, анализирует их и делает соответствующие выводы и обобщения.

Таким образом, этот драгоценный материал становится архивным предметом, вместо того, чтобы придать ему жизненную силу.

Возьмем такой пример, правда, всем давно надоевший, набивший оскомину, но тем не менее остающийся пока остро злободневным. В течение вот уже многих лет отдельные товарищи с большой тревогой и настойчивостью говорят и пишут о необходимости ведения решительной борьбы против факторов преступного разбазаривания государственных земель и отвратительного ажиотажа вокруг индивидуального строительства.

Однако, говоря откровенно, действенного реагирования, в смысле своевременного решительного пресечения указанного чуждого для нашего общества явления, со стороны соответствующих органов, в первую очередь обкома и Совмина Абхазии, к сожалению, не было. Это относится и к ЦК Компартии и Совету Министров Грузии, которые не приняли своевременно меры.

Одно время Совет Министров Абхазской АССР создал специальную комиссию по данному вопросу, которая работала в течение нескольких месяцев. Однако результаты работы комиссии даже не были обсуждены. Таким образом, она оставила после себя лишь ворох бумаги в память своей безрезультатной деятельности.

Между тем бесчестные, алчные элементы продолжали свои темные дела.

Парадоксально, но случилось так, что некоторые ценнейшие земли, нередко живописные курортные места, в ряде случаев оказались в обладании не создателей, а расхитителей материальных благ и даже отдельных сектантских элементов.

И на этих чудесных землях, безжалостно изрезанных на клочки, беспорядочно взгромоздились одинокие дворцы, какие раньше у нас редко кто из богачей имел.

Таким образом, перед нами вопиющая несправедливость, с которой, разумеется, нельзя мириться, и сейчас как будто принимаются практические меры. Я считаю, что надо недобросовестных людей лишить законно того, что они заимели незаконно и передать его обществу для рационального использования в интересах членов этого общества – непосредственных создателей материальных и духовных ценностей. Но это надо сделать очень осторожно и исключительно разумно.

А те случайные коммунисты, которые оказались в плену мелкобуржуазных чувств, и выпали на повороте из нашего экипажа – им не место в этом экипаже.

Это не в меньшей мере относится и к другим лицам, которые запятнали себя жадной к наживе, не брезгая никакими грязными средствами – взяточничеством, воровством, стяжательством. Еще встречаются в моральном отношении нечистоплотные личности. Всем этим людишкам не место в наших рядах.

Сухум, 15. 09. 1961 г.

РЕЧЬ НА ОБЛАСТНОМ АКТИВЕ АБХАЗСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Оглядываясь на пройденный партией и советским народом путь от XX к XXII съезду, особенно очевидна необходимость осуждения культа личности Сталина и связанных с ним ошибок и извращений.

Как известно, Абхазская партийная организация понесла огромный урон от этих извращений, от произвола и беззакония. Сотни честных и преданных партии людей подвергались жестоким репрессиям в 1937-1938 гг.

Уже назывались имена некоторых видных деятелей, ставших жертвами периода беззакония и произвола. Возьмем, например, В. Лакоба, С. Кухалейшвили и В. Агрба. Василий Лакоба, прославленный герой гражданской войны, не раз смело смотревший в глаза смерти во имя свободы и счастья трудового народа. Северьян Кухалейшвили – отважный солдат революции, с именем которого была связана партийная работа и революционная борьба в Абхазии с 1901 г. Василий Агрба – известный революционный деятель, который в 1921 г. писал из меньшевистских застенков: «Революционное сознание возрастает и укрепляется в массах Абхазии, что радует меня, несмотря на предстоящий расстрел лично меня».

Из представителей следующего поколения, жизнь которых также оборвалась трагически, я хотел бы назвать А. Вардания, В. Гвалия, А. Цхомария, Б. Чочуа и З. Агрба, – талантливых и высокообразованных работников Абхазии, верных сынов Коммунистической партии.

Очень сильно пострадала наша творческая интеллигенция. Писатели С. Чанба и Л. Лабахуа, первые кандидаты наук из абхазцев А. Хашба и В. Кукба и многие другие были физически уничтожены по необоснованным политическим обвинениям.

Репрессии ни в чем не повинных людей продолжались и в последующие периоды. Обстановкой беззакония и произвола воспользовались многие бесчестные лица. Нередко кокой-то негодяй-ничтожество хладнокровно решал судьбу безукоризненно честного и заслуженного деятеля.

Как известно, матерый враг партии и народа, махровый буржуазный националист Берия и его подручные, воспользовавшись этой обстановкой, порожденной культом личности, насаждали в Абхазии грубые нарушения ленинской национальной политики. В этом плане репрессивные меры против активных работников республики приобретали и смысл методичного истребления национальных кадров, торможение процесса формирования местной интеллигенции. Проводились и другие коварные меры, шедшие в полный разрез с принципами национальной политики партии. Дело доходило до идеологического «обоснования» отрицания национального существования абхазского народа. И всякий справедливый голос протеста против этого парадоксального явления злонамеренно объявлялся проявлением буржуазного национализма и заглушался самым жестоким образом. Примеры такого рода глумления хорошо известны партийному активу.

Но это было временным явлением, обреченным на полный провал. Восторжествовал ленинский курс. Потерпела крах и антипартийная

группа, которая всячески препятствовала решительному курсу партии на исправление ошибок, порожденных культом личности.

Хотелось бы особо и с большим удовлетворением отметить, что в Абхазии за последние 6-7 лет проведена большая работа по выправлению тех грубых нарушений, которые были допущены здесь в области проведения ленинской национальной политики.

Общая благоприятная обстановка в республике, высокий дух дружбы и самоотверженная борьба грудящихся за построение коммунистического общества находят свое яркое отражение и в жизни большого коллектива Сухгоспединститута им. А. М. Горького. Он сплочен и действенен, работает плодотворно.

Но это не должно нас успокаивать и в какой то мере толкать на пассивность. Наоборот, наша работа должна носить остронаступательный характер. Мы должны со своей ясностью понимать и сознавать ответственность поставленных перед нами задач, которые вытекают из решений XXII съезда КПСС, являющихся этапными и для советской высшей школы. Речь идет о подготовке квалифицированных кадров интеллигенции на основе передовой науки, что органически связано у нас с их идейно-политическим воспитанием в духе высоких принципов коммунистической морали, любви к труду, Родине.

Коллектив института может с гордостью сказать, что он вносит свою лепту в выполнение грандиозной задачи советского народа, поставленной в Программе КПСС в области народного образования.

Вот почему мы работники пединститута часто перед вышестоящими органами ставим и будем ставить, так сказать, без стеснения вопрос о всесторонней помощи нашему учебному заведению, в частности, о расширении его материальной базы, в первую очередь – о строительстве нового учебного здания. И мы глубоко уверены, что рано или поздно эта наша настоятельная просьба будет уважена и, таким образом, процесс обучения высших педагогических кадров и в г. Сухум будет происходить в стенах учебного здания, соответствующего современным требованиям.

Разоблачение культа личности сказалось и на плодотворной деятельности научных работников нашей республики. За последнее время у нас издано ряд ценных трудов по истории, культуре и экономике Абхазии. Но в этой области предстоит еще большая работа. Мы не должны забывать, что культ личности нанес большой ущерб делу освещения актуальных проблем истории нашего народа.

В своей творческой деятельности мы нередко сталкиваемся с нечестными приемами, когда в прошлом исторические факты

искажались в угоду антинаучных построений, восхваления отдельных незадачливых личностей и т. д. В этом отношении небезынтересен следующий факт. Как было видно из обвинительного заключения прокурора СССР по делу Берия, последний пытался доказать, что в 1920 г. он был арестован якобы за какие-то революционные события. При этом была сделана ссылка на биографическую статью о нем, помещенную в БСЭ.

В действительности дело обстояло так. Полномочный представитель РСФСР в Грузии С. М. Киров 9 июля 1920 г. обратился к меньшевистскому правительству с нотой, в которой требовал освобождения солдат, приговоренных к каторжным работам по делу восстания в Сухумском полку 12 октября 1919 г. Среди этих солдат фигурирует и Л. Берия, ошибочно вместо реального Л. Берая*. Воспользовавшись этой опечаткой, Берия и пытался приписать себе указанный факт. Некоторые же историки, недопустимо поверхностно относясь к делу выявления и изучения фактов, поддались этой фальсификации и в свое время раздули вышеуказанную ложную версию.

Действительный герой упомянутого восстания Лаврентий Игнатьевич Берая, крестьянин из селения Хорга Хобского р-на, в 1935 г. внезапно был лишен партбилета, а затем арестован. Потом, видимо, о нем забыли. Я видел его несколько лет тому назад, вскоре после его возвращения из дальнего лагеря. Передо мной стоял пожилой человек, физически надломленный тяжестью пережитого, но морально бодрый и гордый за торжество правого дела.

В нашей республике в прошлом, как известно, дело доходило до того, что даже в районах появились доморощенные «вожди», которые приписывали себе достижения трудящихся и партийных организаций этих районов. Я уже не говорю и о безмерном властолюбце и отъявленном карьеристе Мгеладзе, без упоминания имени которого вообще нельзя было ничего ни писать, ни говорить о достижениях Советской Абхазии за последние 10-15 лет. Все это нашло известное отражение в наших исторических материалах. В них надо тщательно, критически, умело разобраться. Мы должны во всей своей работе исходить из того, что подлинными творцами новой истории были трудящиеся. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР должен завершить составление второй части «Очерков истории Абхазской АССР (советский период)» и совместно с работниками кафедр марксизма-ленинизма пединститута и института субтропического хозяйства развернуть работу по написанию истории Абхазской организации Компартии Грузии.

В настоящее время работники Сухумского госпединститута и Центрального госархива Абхазии готовят сборник «Борцы за Советскую власть в Абхазии». Эта работа будет весьма полезна особенно для нашей молодежи, которая ознакомится по ней с героическими делами людей, посвятивших свою жизнь великому делу освобождения трудящихся. Они вместе с тем будут иметь большое моральное значение для тех революционных деятелей, которые стали жертвами периода произвола и репрессии и ныне реабилитированных.

Сухум, 21. 09. 1961 г.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ОБЛАСТНОМ ПАРТИЙНО-ХОЗЯЙСТВЕННОМ АКТИВЕ

...Из признания убеждения как главного метода руководства массами вытекает курс на вовлечение общественности в борьбу с нарушениями советских законов.

Пример использования силы общественности в борьбе с нарушениями общественного порядка показывает коллектив Сухумского госпединститута. У нас немало замечательных студентов-комсомольцев, которые постоянно повсеместно следят за соблюдением норм поведения своих товарищей.

Результатом этого и всей политико-воспитательной работы является тот отрадный факт, что за последнее время резко снизились случаи нарушения норм поведения, принципов советской морали со стороны студентов нашего института.

Однако, к сожалению, комитет комсомола и профком института до сих пор еще не сумели по-настоящему возглавить эту благородную борьбу нашего студенческого актива.

Кстати сказать, работа комсомольской организации в институте за последнее время значительно ослабла. Горком и обком комсомола мало обращают внимания на деятельность вузовской комсомольской организации.

В мае сего года партийная организация нашего института обсудила вопрос о закрытом письме ЦК КПСС к партийным организациям об усилении борьбы с взяточничеством и разворовыванием народного добра. Должен сказать, что было отратно присутствовать на этом собрании. Коммунисты с возмущением приводили одиозные факты с точки зрения

нашей советской действительности и требовали принятия решительных мер по их искоренению.

Собрание постановило о принятии активного участия партийной организации института в выполнении задач, поставленных в указанном письме ЦК КПСС.

В наших действиях против носителей антиобщественных явлений особое место занимает разъяснительная, политико-воспитательная работа. Как уже подчеркивалось, необходимо обращать серьезное внимание на метод убеждения, памятуя, что в советской действительности каждый выбившийся из трудовой коллеи человек может вернуться к полезной деятельности.

Но там, где такой гуманный подход не дает положительных результатов, надо принимать строгие меры наказания. Признание убеждения главным методом руководства массами вовсе не исключает принуждения.

Наша общественность справедливо считает необходимым усилить борьбу, например, против тех паразитических элементов, которые нетрудовыми доходами строят огромные дома и роскошные дачи, покупают и спекулируют автомашинами и другим дорогостоящим имуществом, ведут разгульный образ жизни.

К сожалению, эта борьба у нас все еще не приняла характер острейшей формы действия. Видимо, кое-кто из работников суда, прокуратуры и других органов восприняли курс на усиление общественного воздействия как ослабление государственного принуждения.

Партия, государство, всегда исходили из того, что необходимо принуждение по отношению к тем, кто нарушает советские законы, из необходимости сочетания принуждения с убеждением и воспитанием.

В ряде же случаев отдельные работники судебно-прокурорских органов нечестно выполняют свои функции, тем самым сами становятся на путь преступления. На это обстоятельство вчера на Пленуме обкома партии указывал секретарь ЦК Компартии Грузии Г. А. Гегешидзе, а министр торговли Абхазской АССР В. О. Маргания приводил разительные факты.

Нередко дети, растущие в семьях подобных людей, в затхлой атмосфере, уродуются и оказывают вредное влияние на своих сверстников. К сожалению, некоторые наши школы не обращают должного внимания на такие явления. А кое-где сами педагоги не внушают доверия.

Педагог, как и любой другой представитель нашей славной интеллигенции, должен воздействовать на нарушителей методами убеждения и личным примером.

Служителям культа кое-где еще удается отвлечь некоторых верующих в сторону от трудовой и общественной жизни, а отдельные изуверские секты стали рассадниками преступной антинародной деятельности.

В последние годы партийные организации Абхазии, с учетом местных особенностей, усилили работу по преодолению религиозно-бытовых пережитков. Полное одобрение со стороны трудящихся нашей республики получили принятые областным комитетом партии постановления о мерах борьбы против некоторых вредных пережитков прошлого среди части населения Абхазии. Активизировалась научно-атеистическая пропаганда. Эти и другие меры дали свои положительные результаты.

Однако в отдельных местах работа в этом направлении все еще недооценивается, придется ей формальный, кампанейский характер, что приводит кое-где к известному оживлению некоторых вредных пережитков прошлого, в частности, дикого обычая кровной мести. На этой почве у нас в республике за последнее время погибло несколько человек, а кое-кому в настоящее время угрожает опасность.

Значит, нам следует бороться против скверных остатков прошлого придать более наступательный характер.

К этому делу надо привлечь широкую общественность. Здесь важную роль мог бы сыграть, например, Президиум Верховного Совета Абхазской АССР, действуя через местные советы депутатов, с помощью авторитетных лиц. Такой опыт работы имеется в некоторых автономных республиках РСФСР (Чечено-Ингушская АССР). Может быть, нам следует специально изучить этот опыт в смысле его использования.

Сухум, 14. 11.1962 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ РЕКТОРА СУХУМСКОГО ГОСПЕДИНСТИТУТА ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО НА XXIX ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АБХАЗСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КП ГРУЗИИ

Товарищи! Выступая от имени коллектива Сухумского государственного педагогического института имени А. М. Горького, я, естественно, буду говорить, прежде всего, и главным образом о положении дел в этом учебном заведении.

При этом, однако, я не буду распространяться о положительной его деятельности, получившей соответствующую оценку в отчетном докладе

обкома партии. Подчеркну лишь, что коллектив института живет полнокровной жизнью, внося свою лепту в выполнение тех больших задач советского народа, которые поставлены партией в области народного образования.

Наш институт, являющийся одним из центров научно-педагогической мысли и подготовки преподавательских кадров республики, за 34 года своего существования дал стране свыше 7000 квалифицированных специалистов, а в настоящее время в его стенах обучается около 4000 человек вместе со слушателями курсов.

За отчетный период нами был проведен ряд мероприятий по повышению идейно-теоретического уровня преподавания, приближению его к современной жизни советской школы. Систематическая работа велась также в направлении улучшения политико-воспитательной работы среди студентов, формирования у них диалектико-материалистического мировоззрения, высоких принципов коммунистической морали, любви к труду, навыков общественной деятельности. Все это и дало положительные результаты, хотя в нашей работе еще немало недостатков и упущений.

Такое положение института, важность его роли в культурном строительстве обязывает нас, его работников, ставить остро вопросы, решение которых определяет дальнейшее развитие нашего вуза. А без этого мы не будем в состоянии удовлетворять растущие потребности республики в высококвалифицированных педагогических кадрах. Надо сказать, что уже сейчас этот спрос опережает возможности института. Так что пусть никто не полагает, что и Сухумский пединститут – эта подлинная кузница педагогических кадров – уже исчерпал себя. Так может думать только несведущий или лишенный чувства реальности человек.

Итак, какие же эти насущные вопросы? Из них номер один – это расширение материальной базы института, в первую очередь учебных корпусов, из которых главный – бывший табачный склад. Это обстоятельство вызывает большие неудобства не только в смысле обеспечения нормального учебного процесса, когда мы лишены даже возможности расширить лаборатории и кабинеты, оснастить их новейшими приборами и оборудованием. Город Сухум – место активного посещения иностранных туристов и других представителей зарубежного мира, вид же упомянутого здания института производит самое неблагоприятное впечатление.

Давно планируется строительство нового учебного корпуса. На этот счет имеется специальное решение ЦК КП Грузии более десятилетней давности. В дальнейшем был выдвинут и другой вариант – решить вопрос за счет пристройки к новому корпусу по ул. Чочуа. Министерство высшего и среднего специального образования Грузинской ССР поддержало это наше предложение, в результате чего в 1965 году была составлена соответствующая проектно-сметная документация. Предполагалось, при этом твердо, строительство указанного объекта включить в титульный список на 1966 год. В настоящее время, как выясняется, эта возможность отходит на более отдаленные сроки.

Мы обратились в ЦК и Абхазобком КП Грузии за помощью о внесении строительства пристройки к новому учебному корпусу в титульный список на 1967 год. Надеемся, что товарищи, учитывая столь неблагоприятные условия работы Сухумского пединститута, удовлетворят нашу настоятельную просьбу.

Второй вопрос, который нас очень волнует, это вопрос об увеличении приема студентов на дневном отделении, где контингент доведен до минимума – 165 человек, вместо 250-300 в прошлые годы. Такое резкое сокращение количества учащихся на указанном отделении, как уже подчеркивалось, лишает институт возможности в полной мере удовлетворить потребности школ Абхазии в педагогических кадрах. В настоящее время в этих школах не хватает преподавателей по математике, физике, химии, биологии, иностранным языкам, а физкультуру преподает кому только не лень.

Дело доходит до того, что мы ежегодно по просьбе Министерства просвещения Абхазской АССР мобилизуем в районные школы студентов старших курсов физико-математического факультета. Но это же не выход из положения.

Министерство просвещения Абхазской АССР неоднократно обращалось в Министерство высшего образования Грузинской ССР и в другие органы республики с ходатайством об увеличении приема студентов в Сухумский пединститут, по крайней мере, по дефицитным специальностям. Но, к сожалению, это обоснованное предложение никем специально не изучается и, следовательно, не учитывается.

А между тем планирующие органы, как мы понимаем, обязаны предварительно изучать потребности в преподавательских кадрах на местах и соответственно определять прием контингента студентов

на тот или иной учебный год. Нельзя этот вопрос решать механически, а тем более по каким-то еще менее приемлемым принципам.

Если говорить конкретно, нужно в Сухумском пединституте прием студентов на физико-математическом факультете довести до 75 человек, а также значительно увеличить прием на факультет биологии, особенно по специальности «химия», открыть ранее существовавший физкультурный факультет, не уменьшая при этом контингент студентов на других факультетах.

Говоря о подготовке кадров, нельзя не констатировать, что вообще в этом важном вопросе у нас в Абхазии нет определенной системы, а о широко перспективном плане и подавно не может быть и речи. Иной работник знает превосходно план развития той или иной отрасли народного хозяйства, но при этом ничего толком не может сказать, когда речь заходит о подготовке кадров. Намечается, скажем, строительство какого-либо крупного предприятия, но не планируется соответственно подготовка необходимых специалистов для данного объекта. Такой подход к делу, естественно, всегда приводит к большим затруднениям.

Возьмем такой пример – практику направления по лимиту в разные вузы страны. Места для Абхазии по этому лимиту выделяются довольно механически, без подхода с точки зрения целесообразности. Что важно для народного хозяйства республики, подготовка, например, авиаконструкторов или специалистов, скажем, для Сухумского завода электроприборов и средства автоматизации, или будущего океанария в районе устья реки Кодора? Я думаю, что на этот вопрос мог бы хорошо ответить директор названного завода тов. Микадзе, который, как утверждают, трубит чуть ли не на всю страну, сзывая заветных специалистов.

Необходимо радикально изменить подобное положение. Областной комитет партии этот вопрос должен считать своим первостепенным делом и постоянно заниматься им через соответствующие органы. Иначе у нас всегда будет ненормальное положение, диспропорция – острая нужда в специалистах в одной области, перепроизводство в другой.

Далее я хотел бы остановиться на вопросе об издательском деле в Абхазии. Как известно, за последнее время Абхазское государственное издательство подверглось большим превратностям. Одно время оно фактически даже было ликвидировано. Теперь, говорят, его восстановили. Но это далеко не так. Издательство «Алашара» лишено права выпускать

в свет работы научного характера. Дело доходит до такого курьеза, что когда в издательство поступает какой-нибудь труд, его подвергают тщательной проверке, нет ли в нем «научности»! И если такой «грех» обнаружен, то работа не может быть издана, как не соответствующая профилю данного издательства.

Такое положение, вы сами понимаете, говоря мягко, не может способствовать развитию научной мысли в Абхазии.

А между тем в Абхазской АССР функционируют 14 научно-исследовательских учреждений, два крупных вуза и ряд других творческих организаций, в которых плодотворно трудится большой отряд ученых, в том числе уже много докторов наук, способных решать большие научные проблемы.

Обеспечить же публикацию исследований научных работников Абхазии через тбилисские или другие издательства, как показывает практика, просто невозможно.

Кстати, нам было обещано, так сказать на худой конец, в республиканском плане издания научной литературы установить какой-то лимит для Абхазии, но и этого, к сожалению, не случилось.

Таким образом, труды наших ученых – исследователей, среди которых, я уверен, немало имеющих актуальное теоретическое и практическое значение, замораживаются.

И это в условиях наличия в Сухуме хорошей полиграфической базы, которая теперь даже не загружена, и чтобы выполнить план приходится искать заказчиков чуть ли не по всем городам Советского Союза. Вместе с тем наши типографии имеют большой опыт и традицию по выпуску научной продукции.

Работники издательства «Алашара» имеют и свои претензии. Они жалуются, например, на то, что для этого издательства почему-то установлена самая минимальная ставка оплаты гонорара авторам. Нет слов, такая уравниловка находится в явном противоречии с известным требованием о строгом соблюдении принципа дифференцированной оплаты произведений.

Совершенно ясно, что Абхазское государственное издательство должно быть восстановлено в своих прежних правах, кстати, как это уже сделано в других автономных республиках. Такое решение вопроса, несомненно, будет способствовать осуществлению тех больших задач, которые поставлены партией перед научной интеллигенцией.

Надо сказать, что обком партии в данном вопросе не проявил должного понимания и настойчивости. Будем же надеяться на напористость нового состава обкома.

Вообще нашим партийным органам следует больше и лучше заниматься вопросами научной работы, усилить внимание к деятельности научных учреждений и вузов, активнее влиять на эту деятельность, постоянно заниматься идеологическим воспитанием научных кадров.

А между тем в работе наших творческих коллективов имеются немалые недостатки. Об этом свидетельствует хотя бы положение дел в Абхазском институте языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, которое получило принципиальную оценку в отчетном докладе обкома партии. Что же, на наш взгляд, следует сделать для ликвидации этих пробелов? Необходимо постоянно совершенствовать тематику работ в смысле приближения ее к насущным, актуальным вопросам; повышать научный уровень исследований в соответствии с новыми задачами и требованиями; создать в коллективе подлинную научную атмосферу, проводить широкое обсуждение и дискуссии по отдельным теоретическим вопросам и вышедшим трудам, всемерно поощряя при этом открытую и смелую благожелательную критику, памятуя, что в противном случае неизбежно возникновение тех нежелательных явлений, о которых говорилось в отчетном докладе; направлять усилия исследователей в первую очередь на разработку слабо или вовсе неизученных проблем, на разрешение спорных вопросов. Необходимо внести и в эту работу больше планомерности, устранять любое проявление параллелизма, элементов кустарничества и раздробленности в организации научной работы; усилить творческие связи и коллегиальность между учеными республики, пресекать всякие симптомы проявления косности, замкнутости и индивидуализма.

Надо систематически заниматься повышением теоретической подготовки научных кадров, непременным условием, которого является их постоянное обращение к методологическим проблемам. Было бы очень полезно практиковать проведение конференций по этим проблемам или же организовать семинары по проблемам марксистско-ленинской философии, помня, что в какой бы области ни являлся специалистом ученый, марксистский диалектический метод поможет ему правильно осмыслить и обобщить результаты научных исследований.

Хочу также обратить ваше внимание на необходимость нормализовать работу наших областных газет. Давно пора отказаться от их искусственного объединения и тем самым дать им простор для более плодотворной деятельности. Надо сказать, что от этого надуманного, с позволения сказать, новшества особенно страдает газета «Апсны капш» в силу специфики ее работы.

Спрашивается, зачем мириться с положением, которое мешает нашему развитию? Надо полагать, что областной комитет партии, так сказать, более эффективно займется и этим вопросом.

Еще один вопрос, правда, не совсем новый, ибо он как-то уже ставился на одной из предыдущих партконференций, но дело в том, что безрезультатно. Коммунисты на наших партийных конференциях, пленумах, активах и собраниях первичных организаций в своих выступлениях поднимают важные вопросы, высказывают ценные мысли и предложения. Однако затем, как правило, мало кто к ним обращается, анализирует их и делает соответствующие выводы и обобщения.

Таким образом, этот драгоценный материал становится мертвым капиталом, архивным предметом, вместо того, чтобы придать ему жизненную силу. Мне очень понравилось, когда однажды в обкоме узнал, что из аппарата ЦК КП Грузии специально приехал товарищ для изучения вопроса, поднятого одним нашим работником, кажется, на пленуме ЦК. Такой порядок должен быть введен и у нас. Это ведь очень важно.

Наконец, пользуясь случаем, я хотел бы ответить на один вопрос, который поднимался в областном комитете и на местах в связи с обсуждением сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Некоторые товарищи ставили и ставят вопрос о подготовке при Сухумском пединституте экономистов для нужд народного хозяйства республики. Другие говорят о подготовке и иных специалистов. Здесь как вы слышали, внесли такое предложение секретарь Ткварчельского горкома партии тов. Кварандзия Л. Ш. и зам. Председателя Совета Министров Абхазской АССР тов. Чанба Ю. С. и др.

Но педагогический институт не может готовить такие кадры, так как это не соответствует его профилю. Об этом можно было бы говорить в том случае, если бы институт был преобразован в университет. Кстати, это вопрос также ставится на наших партийных собраниях, да и здесь об этом говорил тов. Акаба Н. Р. Это большой вопрос и надо серьезно продумать, видимо, в смысле его положительного решения.

Сухум, 2. 02. 1966 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА XXXI КОНФЕРЕНЦИИ АБХАЗСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Абхазский институт, 40-летие которого исполняется в текущем году, в жизни нашей республики играет очень важную роль. Исследовательская работа, ведущаяся в стенах этого Института на уровне высоких требований передовой советской науки, отвечает актуальным запросам культурного строительства в Абхазской АССР.

Унаследовав лучшие традиции первых научных организаций республики, Абхазский институт стал подлинным центром абхазоведения. По своему характеру он является комплексным научно-исследовательским учреждением с довольно сложной структурой и определенным профилем. В нем разрабатываются вопросы структуры и лексики абхазского языка, абхазской литературы и фольклора, истории, этнографии, археологии, искусства и экономики Абхазии. Научные сотрудники института в течение многих лет ведут также большую работу по составлению учебников, хрестоматий, пособий и программ по некоторым дисциплинам для абхазских школ и Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Кроме того, они принимают активное участие в пропаганде научных и политических знаний, как путем чтения лекций, так и через периодическую печать, радио и телевидение.

Институт располагает высококвалифицированными научными кадрами. В его четырех отделах (языка, литературы и фольклора, истории и экономики, археологии, искусства и этнографии) работает 37 научных сотрудников, из них – 4 доктора и 29 кандидатов наук. В последние годы ряды научных сотрудников Института пополняются только кандидатами наук или специалистами, успешно окончившими аспирантуру.

За время существования Абхазского института его научным коллективом написано несколько сот монографических исследований, статей, пособий, учебников, научно-популярных брошюр, сборников, издано более 30 номеров «Трудов» Института.

В последние годы вышли в свет такие коллективные капитальные труды, как двухтомные «Очерки истории Абхазской АССР» (С древнейших времен до наших дней), «Русско-абхазский словарь», «Абхазско-грузинский словарь», «Грамматика абхазского языка», «Абхазская литература» (Краткий очерк). Исследовательские работы сотрудников Института публикуются не только в Сухуме, но и в Москве, Тбилиси и других научных центрах страны.

В тематическом плане Института важное значение занимает проблема истории социалистического и коммунистического строительства в Абхазской АССР. Изданы интересные монографии по узловым вопросам индустриализации, осуществления ленинского кооперативного плана, национально-государственного строительства в Абхазии. Эти труды наших исследователей раскрывают славный путь трудящихся Абхазии, пройденный под руководством Коммунистической партии за 50 лет.

Отрадно также отметить, что научно-теоретический уровень исследований сотрудников Института, их практическая значимость из года в год растет. Важным моментом является все большее утверждение принципа коллективизма в творческой деятельности Института. Почти во всех отделах создаются коллективные работы совместным усилием ученых старшего и младшего поколений. В Институте делается все для того, чтобы в научно-исследовательской работе в полной мере господствовало деловое и творческое начало.

Особого внимания заслуживает деятельность Института в Ленинском юбилейном году. Нами был издан ряд специальных работ: «По ленинскому пути» (коллектив авторов), «Некоторые вопросы теории и практики ленинизма» (М. Делба), «Трудящиеся Абхазии – В. И. Ленину» (сборник документов), «Ленин и Абхазия» (Г. Дзидзария) и др.

Вместе с тем наши ученые систематически выступали перед трудящимися со статьями, докладами и лекциями, активно участвовали в пропаганде ленинского теоретического наследия и опыта осуществления ленинских идей в республике. Была проведена также юбилейная научная сессия, которая прошла на высоком научном и идейном уровне.

За достигнутые успехи в ходе подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина коллектив Абхазского института удостоился Ленинской юбилейной Почетной грамоты Абхазского обкома КП Грузии, Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, Совета Министров Абхазской АССР и Президиума Абхазского областного совета профсоюза. Большая группа сотрудников Института была награждена юбилейной ленинской медалью «За доблестный труд».

Несмотря на значительные успехи, достигнутые коллективом Абхазского института, у нас еще имеются недостатки и трудности.

Нам надо еще больше улучшить идейно-политическую работу в коллективе, всемерно содействовать дальнейшему повышению научно-

теоретического уровня наших исследований, выдвигая на передний план изучение и обобщение наиболее важных проблем. Таким образом, особое значение приобретает дальнейшее совершенствование планомерности научных работ, еще большее приближение его к актуальным задачам времени, требованиям жизни.

Слабым звеном в работе нашего Института, как и других научных учреждений и вузов Абхазии, является недостаточная связь с этими организациями, в частности с общественными кафедрами.

За последнее время наш коллектив значительно пополнился способными молодыми научными кадрами. Это обязывает нас постоянно работать с этим контингентом, правильно ориентировать и определить место каждого молодого научного работника в решении тех задач, которые стоят перед Институтом.

Деятельность Абхазского института – это лишь один из многих примеров. Благодаря неуклонному проведению в жизнь ленинской национальной политики в Абхазской АССР наука получила широкое развитие. Здесь, где до Советской власти научные работники исчислялись единицами, работает свыше 15 научно-исследовательских учреждений и два крупных вуза. В этих организациях плодотворно трудятся над различными проблемами народного хозяйства и культуры почти 700 ученых, в том числе более 300 докторов и кандидатов наук.

Это значит, что работа с научными кадрами, как и с другими категориями интеллигенции республики, приобретает важное значение.

Прежде всего, необходимо, чтобы систематически проводились разнообразные мероприятия по повышению идейно-теоретической подготовки и политического воспитания этих кадров. Хорошим примером в этом отношении и в деле сплочения нашей научной интеллигенции может служить состоявшаяся вчера теоретическая конференция на тему «Расцвет науки в Советской Абхазии».

Столь же планомерную работу надо вести и в направлении координации творческих усилий ученых, расширения связей и контактов между научно-исследовательскими учреждениями и вузами Абхазии. Это, безусловно, помогло бы предупредить параллелизм, элементы кустарничества и раздробленности в организации научной работы, активизировать исследовательские усилия на решении крупных, актуальных проблем. Почему бы, например, нашим экономистам не взяться совместно за разрешение какой-либо темы

важного народно-хозяйственного значения? Это же относится и к историкам, философам, филологам и др.

Особого внимания требует внедрение результатов исследований в производство, т.е. надо находить сферы приложения достижений науки. Чрезвычайно важно в этой связи усиление контроля за практической реализацией завершённых работ.

Нельзя обойти и такой вопрос, как подготовка научных и научно-педагогических кадров. У нас, к сожалению, этим вопросом никто не занимается специально в масштабе Абхазии. Речь может идти лишь о работе ведомственного или, в другом случае, эпизодического характера, а не о планомерной подготовке указанных и других специалистов с учетом потребностей республики в этих кадрах. И нужно ли здесь доказывать исключительную важность этого вопроса?

Вызывает глубокое сожаление и тот факт, что мало изучаются нужды и запросы молодых ученых, недостаточное внимание уделяется улучшению жилищно-бытовых условий и более рационального использования некоторых из них.

Мне бы хотелось сказать еще об одном очень важном вопросе. Речь идет о работе по унификации норм современного абхазского литературного языка. Дело в том, что абхазский язык, как известно, не имеет древних письменных традиций. Современная абхазская письменность была создана в 60-х гг. XIX в., а абхазский литературный язык начал складываться лишь в советскую эпоху. В силу этого, естественно, далеко еще не завершен процесс становления абхазского литературного языка, который в наши дни интенсивно развивается. Говоря конкретно, все еще много нерешенных и спорных вопросов в области правописания (орфографии), морфологии, синтаксиса, лексики и терминологии, требующих научного разрешения. Между тем у нас по существу нет специальной организации или органа, который бы методично и квалифицированно направлял процесс становления абхазского литературного языка. Надо сказать, что фактическое отсутствие такого органа отрицательно сказывается на развитии абхазского литературного языка и в том смысле, что создается благоприятная почва его засорения.

За последнее время у нас даже появились сочинители всяких мудреных и заумных, но непонятных и, следовательно, неприемлемых слов. Кто-то очень упорно хочет навязать нам, например, слово «атѳанча», вместо «апенсионер», а «атѳанча» значит «дармоед» или

(буквально) «сидя кушающий». Уж очень обидно за того или иного уважаемого человека, когда о нем пишут в газете примерно так: «Товарищ К... – заслуженный работник, ныне дармоед (пенсионер)». Кстати, слово «пенсионер» интернациональное, принято почти всеми языками мира.

И все это потому, что работа, которая до сих пор проводилась по унификации норм современного абхазского литературного языка, оказалась нерезультативной, а это случилось по нашему убеждению, вследствие неудачного организационного решения вопроса.

В связи с этим Абхазским институтом еще в апреле 1970 г. была подана докладная записка в обком партии, в которой изложены обоснованные практические предложения. Мы считали и считаем, что в целях планомерного руководства процессом развития современного абхазского литературного языка, с тем, чтобы национальный язык абхазского народа стал языком максимально монолитным, должным образом обслуживал развитие его социалистической культуры, необходимо обновить и поднять на должный уровень деятельность Государственной комиссии по унификации норм современного абхазского литературного языка, а при Абхазском институте создать специальный отдел или группу работников при существующем отделе языка, которые будут изучать вопросы, подлежащие рассмотрению Комиссией и составлять проекты норм литературного языка. Но для этого в штат Института надо выделить необходимое количество ставок научных и научно-технических работников.

Абхазский институт считает, что назрели и другие вопросы развития абхазского языка, как об этом свидетельствует наша докладная записка, которая лежит в областном комитете партии с 1968г.

Я позволил себе задержать ваше внимание на этих вопросах в виду важного значения унификации норм современного абхазского литературного языка для дальнейшего развития всей национальной культуры абхазского народа.

Сухум, 14. 01. 1971 г.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПЛЕНУМЕ АБХАЗСКОГО ОБКОМА КП ГРУЗИИ

За 40 лет своего существования Абхазский институт стал подлинным научным центром, печатная продукция и общественная деятельность которого играет значительную роль в успешном решении многих важных задач коммунистического строительства в нашей республике.

Если прибегать к фактам, то следует, прежде всего, подчеркнуть, что в тематическом плане Абхазского института важное место занимает проблема социалистического и коммунистического строительства в Абхазской АССР. Изданы ценные исследования, раскрывающие славный путь борьбы и побед трудящихся нашей республики за 50 лет.

Весьма отрадно, что научно-теоретический уровень сотрудников Абхазского института, их практическая значимость из года в год растет. Причем труды наших ученых выходят не только в Сухуме, но и в Москве, Ленинграде, Тбилиси и других центрах. Кроме того, многие работники института – участники всесоюзных и международных научных форумов, а также координационно-проблемных советов по разным отраслям науки.

Обширна научно-популяризаторская программа Абхазского института. Наши ученые, выступая с лекциями и докладами, активно участвуют в пропаганде достижений народного хозяйства и культуры Абхазской АССР.

Одной из важных задач Абхазского института в текущем году является ознаменование 50-летия образования СССР. Планируется осуществление следующих мероприятий.

1. Проведение научной сессии.
2. Издание сборника «Советская Абхазия (к 50-летию образования СССР)».
3. Выступления в периодической печати (газетах и журналах).
4. Проведение лекций и докладов в Сухуме и районах Абхазии.

Далее хотелось бы высказать свои соображения по некоторым, на мой взгляд, назревшим общим научно-организационным вопросам.

Вообще же я считаю, что сейчас, когда наука сама превратилась в непосредственную производительную силу, очень важно поговорить о положении дел в этом отношении у нас в республике, где почти 800

ученых плодотворно работают над различными проблемами народного хозяйства и культуры.

Но этот вопрос специальный и большой, и ему должны быть отведены особое место и достаточное время. Тем не менее следует отметить хотя бы факт весомого вклада наших ученых в одержанную трудящимися Абхазии победу в минувшей пятилетке, а также в 1971 хозяйственном году, о чем, кстати, речь шла на недавно состоявшемся республиканском совещании передовиков народного хозяйства. Если говорить еще более обобщенно – развитие народного хозяйства Абхазии, как и всей страны, происходит на основе достижений науки.

Надо подчеркнуть, что это относится и гуманитарного направления научным учреждениям и кафедрам вузов, роль которых возрастает в текущей пятилетке, предполагающей более ускоренный темп культурного строительства.

Для достижения этой цели, на наш взгляд, должны быть решены некоторые вопросы научно-организационного характера.

Весьма важным делом является дальнейшее усовершенствование планов научно-исследовательских работ в смысле их приближения актуальным задачам, еще большего расширения научных исследований и повышения их эффективности.

Здесь уместно также поставить вопрос о подготовке кадров в широком плане. Прежде всего надо, чтобы это принципиально важная работа у нас носила планомерный характер. Самое кардинальное решение вопроса – это, конечно, добиться создания непосредственно на месте условий для подготовки высококвалифицированных специалистов в интересах более полного удовлетворения растущих потребностей, по крайней мере, основных отраслей народного хозяйства Абхазии.

Речь идет, о работниках, сочетающих высокую политическую сознательность с хорошей профессиональной подготовкой, способных со знанием дела решать вопросы развития экономики и культуры, владеющих современными методами управления. Разве не остро стоит у нас, скажем, вопрос об укреплении редакций газет, журналов, издательства и радио квалифицированными кадрами, имеющими профессиональное образование и навыки пропагандистской работы?

Пользуясь случаем, я хотел бы внести предложение на одном из пленумов обкома специально обсудить вопрос о подготовке и воспитании кадров. Там можно поговорить, скажем, об университете

и, если это нужно будет, аргументировать необходимость его создания, что вопрос этот вовсе не праздный и не исходит от желания какой-то группы людей, а настоятельно диктуется интересами развития народного хозяйства Абхазии. Надо поднять и такой вопрос, как расширение подготовки специалистов среднего звена, увязав его, в частности и с потребностями научно-исследовательских учреждений (физико-технический институт, ИЭПиТ, филиал Института акустики и др.). Разве это нормально, когда при наличии факта не занятости определенной части молодежи, например, города Сухум специалистов указанной категории (лаборантов и др.) разыскиваются где-то далеко?

Назрели, видимо, и некоторые другие вопросы. Давно уже высказывается мнение об укрупнении родственных научных организаций Абхазии, например сельскохозяйственного профиля (и даже о более крупном масштабе). Такое мероприятие позволило бы расширить исследовательскую базу, сосредоточить научные силы на решение наиболее важных проблем и избежать параллелизма, случаев дублирования в работе.

Но это, во всяком случае, дело будущего. Теперь же необходимо добиться усиления творческих связей и контактов решительно между всеми научно-исследовательскими учреждениями и вузами республики. Это, несомненно, помогло бы предупреждению отдельных существенных недостатков в организации научной работы и активизации исследовательских усилий на решение крупных, актуальных проблем.

Особого внимания требует внедрение результатов исследований в производство, т.е. надо находить сферы приложения достижениям науки. Чрезвычайно важно в этой связи усиление контроля за практической реализацией завершенных работ. Вместе с тем необходимо решительно бороться против такого явления, когда законченные работы иногда остаются вне практического применения из-за низкого уровня научных исследований, или в связи с получением малоэффективных результатов.

В свете всего сказанного выше, думается, вполне логична постановка вопроса о создании специального органа – для руководства и координации научно-исследовательской работы в республике. Само собой напрашивается и вопрос об учреждении в Сухуме Дома ученых. Это тем более правомерно, что наш город давно стал местом проведения всесоюзных и международных научных конференций и симпозиумом. Достаточно сказать, что только за последние 4-5 месяцев здесь состоялись такие форумы, как Международная летняя школа ученых-идеологов

социалистических стран, конференция по социолингвистическим проблемам развития литературных языков Кавказа, Всесоюзный симпозиум по физиологии лобных долей, конференция по вопросам развития туризма и курортов Кавказского региона, и другие.

И все это во имя решения задач большой важности – сосредоточения усилия ученых Абхазии на исследование наиболее актуальных проблем, укрепления связи науки с производством, ускорения внедрения ее достижений в практику хозяйственного и культурного строительства.

Сухум, 28. 02. 1972 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА XXXII ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АБХАЗСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОМПАРТИИ ГРУЗИИ

Товарищи! Позвольте мне вкратце охарактеризовать деятельность Абхазского института, а затем коснуться некоторых нерешенных вопросов и задач масштаба нашей республики.

Прежде всего, хочу подчеркнуть, что Абхазский институт, как центр абхазоведения, играет важную роль в жизни Абхазской АССР. Проблематика Института довольно широкая и разносторонняя, что придает ему комплексный характер, определяет его структуру.

В работе Абхазского института, разумеется, имеются и отдельные недостатки. Прежде всего, мы вполне сознаем, что необходимо еще больше активизировать организацию работы, чтобы в ней четче была выражена стратегическая линия исследований, определена общность задач и единство цели различных отделов, а также координация их работы с деятельностью других, родственных научных и творческих учреждений республики. Очень важно добиться, чтобы план научно-исследовательских работ института всегда характеризовался крупными, обобщающими темами. Следует повысить требовательность к научным кадрам, чтобы результаты их работы всегда были на должном научно-теоретическом уровне, отличались глубиной и остротой социального анализа.

В условиях быстрорастущих требований жизни дирекция и партийная организация института осуществляют комплекс мероприятий, направленных на повышение у каждого научного работника чувства ответственности за выполняемое дело, улучшение культуры исполнения, дисциплины.

Учитывая возросшую потребность, например, в словарях, Институт считает необходимым в своем перспективном плане предусмотреть усиление работы по лексикографии и лексикологии. Мы считаем также необходимым усилить работу по исследованию актуальных для народного хозяйства республики экономических проблем развития общественного производства на уровне современных требований.

Для успешного проведения научно-исследовательских работ по отмеченным проблемам, конечно, потребуются увеличение количества исполнителей. Будем надеяться, что постановка этого вопроса и в отчетном докладе Абхазского обкома явится началом его безусловного разрешения.

Всем вам, наверно, памятно, что на партийных конференциях, пленумах и на сессиях Советов не раз поднимался также вопрос о необходимости создания в г. Сухум своей телевизионной студии. Такие, местные, телевизионные вещания уже имеются во многих районах страны, в частности, почти во всех центрах автономных республик.

Я считаю, что давно пора решить и вопрос об озвучении на абхазский язык художественных и хроникально-документальных фильмов. Как известно, подобная практика в стране получила широкое распространение, да и у нас она когда-то неплохо зарекомендовала себя. И это естественно – велика воспитательная, пропагандистская сила советского кино.

Еще один вопрос в связи с данной большой проблемой, проблемой совершенствования средств распространения культуры. Речь идет о Республиканской библиотеке. Дело в том, что этот весьма важный культурный очаг находится в печальном состоянии. Даже проходы и оконные проемы здесь заставлены книгами, количество которых ежегодно прибавляется до 10 тыс. Строительство же типового здания библиотеки продвигается крайне медленно. За 4 года освоено всего лишь 198 тыс. рублей (из 507 тыс. рублей ассигнованных). Наш прекрасный город Сухум давно заслужил, чтобы иметь хорошую, современную библиотеку.

Надо иметь в виду, что с решением вопроса о Республиканской библиотеке решается и другое важное дело – старое ее помещение перейдет в ведение Абхазского института, который в настоящее время находится, пожалуй, в еще более затруднительном положении. В отдельных комнатах сидят по 10-12 научных работников. И надо ли доказывать, что условия довольно – таки неблагоприятные для ведения плодотворной творческой работы.

Еще раз об издательском деле в Абхазии. Еще раз потому, что вопрос этот ставился неоднократно. Но воз и ныне там. Издательство

«Алашара», по положению, определяющему его профиль, как это ни парадоксально, фактически лишено права издавать, так сказать, «чисто» научную литературу, в том числе даже и краеведческую. Такая постановка, разумеется, не может стимулировать развитие научной мысли в республике, где в 20-ти научно-исследовательских организациях и вузах плодотворно трудятся свыше 800 ученых, из которых многие способны решать серьезные научные проблемы. Кроме того, давно назрел вопрос об усилении названного издательства. В частности, требуется увеличение объема выпускаемой им литературы. Остро встал также вопрос о расширении полиграфической базы. Крайне необходимо увеличить штат работников журнала «Алашара».

Наконец, хочу подчеркнуть идею создания в Сухуме университета, необходимость которого продиктована самой жизнью – он окажет самое плодотворное влияние на все дальнейшее развитие экономики и культуры Абхазской АССР и не только ее.

Сухум, 2. 02.1974 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА XXXV ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АБХАЗСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КП ГРУЗИИ

Товарищи! Мне хотелось бы рассказать вкратце о той работе, которая была проведена коллективом Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР. Не будет преувеличением сказать, что работа эта была значительной. За рассматриваемый период сам Институт творчески вырос, организационно окреп и стал более действенной научной единицей.

Как Вам известно, наш Институт является комплексным, многопрофильным. В нем разрабатываются различные актуальные проблемы научного абхазоведения: язык, история, материальная и духовная культура народа, экономика республики.

В разнообразной тематике Абхазского института большое место занимают проблемы современности, связанные с социально-экономическим и культурным строительством в Абхазской АССР.

О научно-творческом потенциале Абхазского института красноречиво свидетельствует тот факт, что в нем в настоящее время

над различными проблемами науки трудятся около 60 сотрудников, из них один член-корреспондент АН Грузинской ССР, 7 докторов и до 40 кандидатов наук.

Основными темами, которые разрабатывались в Институте в текущем пятилетии, были: «Перспективы комплексного развития и размещения производительных сил Абхазской АССР», «История Абхазской АССР (советский период)», Словари абхазского языка, «История абхазской литературы», «Культура и быт абхазов в прошлом и настоящем», «Изучение археологических памятников Абхазии» и др.

За указанное время нашими учеными только в плановом порядке было опубликовано свыше 60 монографий, коллективных работ и сборников материалов.

Многие труды научных сотрудников Института получили широкое признание. Достаточно сказать, что одна монография удостоилась Государственной премии ГССР, а две – Премии имени Д. И. Гулиа.

В творческой жизни Абхазского института важное место занимало проведение ежегодных итоговых и юбилейных научных сессий и конференций. Кроме того, наш Институт выступал в качестве организатора ряда всесоюзных, региональных и республиканских научных форумов.

Абхазский институт имеет широкие контакты с родственными научными учреждениями и в первую очередь с головными институтами АН СССР и АН Грузинской ССР. Эти контакты осуществляются как по линии совместной разработки научных тем, так и по линии проведения совместных научных сессий и т.д. Так, например, наши этнографы участвуют в разработке совместной советско-американской научной темы по проблеме долгожительства. Историки, этнографы и археологи совместно со своими коллегами из Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР принимают участие в создании серии научных трудов по грузино-абхазским взаимоотношениям и абхазоведению. Кроме того, эти контакты осуществляются и по линии подготовки кадров. За пятилетку в различных научных центрах страны аспирантуру закончили 10 человек, а в настоящее время подготовку проходят 8 человек.

Институт разрабатывает научные рекомендации по различным проблемам экономики и культуры для директивных хозяйственных органов республики, а также рекомендации по борьбе с вредными

обычаями старины и введению новой социалистической обрядности и т.д. Особенно значительна роль нашего коллектива в составлении учебников, учебных программ и методических разработок для средних и высших учебных заведений Абхазии.

Абхазский институт стал подлинным центром научного абхазоведения, вносящим своей многогранной деятельностью весомый вклад в общие успехи развития народного хозяйства и культуры Абхазской АССР, в решении конкретных социально-экономических и научно-практических проблем. Это – яркий показатель непосредственной связи науки с практикой коммунистического строительства в наших конкретных условиях.

Заслуги Абхазского института отмечены награждением его в текущем году Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Грузинской ССР. Кроме того, нескольким научным работникам присвоено почетные звания Заслуженный деятель науки Грузинской ССР и Абхазской АССР.

Сейчас перед Абхазским институтом возникают большие задачи, нашедшие отражение в его текущем и перспективном планах, опирающихся на достижения прежних лет. Взят твердый курс на создание монографических исследований, которые должны стоять на уровне требований современной науки, хозяйственного и культурного строительства.

Планируется исследование истории Абхазии эпохи социализма, дореволюционной и современной материальной и духовной культуры абхазов в историко-сравнительном освещении. Большое внимание уделяется изучению этногенеза и этнической истории абхазского народа, антрополого-этнографическому исследованию проблемы долгожительства в Абхазии. Лингвисты будут заняты изучением фонологической и грамматической системы абхазского языка, составлением словарей. Научные изыскания отдела литературы и фольклора будут направлены на создание исследовательских работ по основным жанрам абхазской литературы и выявление идейно-художественной специфики абхазского народно - поэтического творчества. В области археологии будет вестись работа по выявлению и изучению археологических памятников древней и средневековой истории. Предусматривается изучение и других важных проблем абхазоведения.

Институт готовится к 60-летию установления Советской власти в Грузии и Абхазии. Этой знаменательной дате будут посвящены: научная сессия, очередной том «Известий», книги «Борцы за Октябрь в Абхазии» и «Киараз».

Я хотел бы особо сказать о предстоящей собирательской работе. Этот вид работы максимально усиливается в новой пятилетке, особенно в связи с постигшим недавно Институт досадным случаем. Речь идет о научных экспедициях и командировках с целью выявления и сбора полевого и архивного материалов. В части архивных материалов имеется в виду накопление в Институте точных копий (фото, ксеракс) важных документов по вопросам истории Абхазии, хранящихся в различных архивах страны. Кроме того, планируется систематическое издание материалов по абхазскому языку и фольклору, а также архивных материалов по истории и культуре Абхазии.

Предусматривается коренное улучшение и материально-технической базы Института. И самое главное в этом отношении – строительство нового здания. Это будет красивое и современное здание научного учреждения со специально оборудованными библиотекой, архивохранилищем, лабораторией и рабочими кабинетами.

И в этом прекрасном здании в конце весенней поры 1981 года торжественно будет отмечено 50-летие Абхазского института. На юбилейном вечере будут подведены итоги плодотворной деятельности этого единственного в своем роде академического учреждения нашей республики за полвека.

Работа Абхазского института, разумеется, не лишена и недостатков, которые мы глубоко анализировали как на партийных собраниях, так и на заседаниях Ученого совета. В частности, нам необходимо усилить работу с молодыми научными кадрами, поднять научный уровень их исследований. Следует вовлекать в активную общественную работу более широкий круг сотрудников института. Мы чувствуем необходимость усиления контроля за проведением научных экспедиций и командировок с тем, чтобы повысить их продуктивность и отдачу.

Сухум, 26. 12. 1980 г.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА БЮРО АБХАЗСКОГО ОБКОМА ПАРТИИ

В Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа делается немало в плане разработки проблем интернационального воспитания. Работа эта протекает в разных аспектах. Прежде всего, она находит свое отражение в планах научных исследований коллектива.

В трудах сотрудников института по истории и культуре Абхазии значительное место всегда отводится проблемам интернационализма.

Однако для того, чтобы она всегда была плодотворной и эффективной, необходимо решить и некоторые вопросы историографии. А роль исторической науки в интернациональном и патриотическом воспитании трудящихся общеизвестна.

Речь идет об отдельных нерешенных и спорных проблемах истории Абхазии (Абхазском царстве и др.), разные толкования таких проблем порой вызывают недоразумения, дезориентируют читателей, в том числе учащуюся молодежь, экскурсоводов.

Вопрос этот, конечно, очень серьезный и сложный, но его можно и необходимо решить. Надо чтобы компетентные специалисты, отличающиеся своей научной добросовестностью, партийной принципиальностью, пришли к каким-то общим выводам, к выработке правильных научных концепций. Этого можно достичь на основе глубокого и объективного изучения исторических источников. Затем результаты этих творческих достижений целесообразно опубликовать, придав им установочный характер и отразив их, прежде всего, в учебниках, различного рода справочных изданиях, в том числе энциклопедиях. Кстати, в настоящее время готовится к изданию учебник по истории Грузии для средних школ. Мы с З. В. Анчабадзе поставили вопрос перед соответствующими органами о необходимости должного освещения в нем истории Абхазии, начиная с древнейших времен.

Сухум, апрель 1983 г.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА XXXVII КОНФЕРЕНЦИИ АБХАЗСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КП ГРУЗИИ

Характерной особенностью советской науки является ее широкое развитие, в том числе, в национальных регионах. Прекрасным примером в этом отношении является и Абхазия. Здесь, где в дореволюционное время о научной жизни можно было говорить лишь условно, за годы Советской власти произошел подлинный расцвет науки и культуры. Достаточно сказать, что ныне здесь успешно функционируют около 20 научных организаций и два крупных вуза.

Наука и научно-технический прогресс играют большую роль в решении важнейших проблем экономического и социального развития республики. Таким образом, наука и здесь превратилась в одну из важных отраслей народного хозяйства.

Имея в виду развитие у нас науки гуманитарного направления, трудно переоценить роль в этом процессе Абхазского института и Абхазского госуниверситета. Успехи этих учреждений стали особенно весомыми за последний период.

За истекшую пятилетку небольшой Абхазский институт издал более 70 монографий и книг. За это время он подготовил почти 20 докторов и кандидатов наук при общем количестве их около 50. О росте научного авторитета нашего многопрофильного института свидетельствуют и другие факты. За успешную работу в 1984 году он был награжден переходящим Красным Знаменем и дипломом первой степени Президиума Академии Наук Грузинской ССР и Грузинского республиканского комитета профсоюзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

Президент АН Грузинской ССР академик Е. К. Харадзе на торжественном собрании, посвященном 50-летию Абхазского института, охарактеризовал наше научно-исследовательское учреждение как «признанный очаг и главу развития абхазского научного мышления», разрабатывающий фундаментальные проблемы.

Отдавая должное достигнутому, мы вместе с тем вполне осознаем недостатки и упущения, имеющиеся в нашей творческой работе, в частности, в ее планировании.

В свете требований апрельского Пленума ЦК КПСС и положений «Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года», мы уже провели определенную работу и прежде всего по совершенствованию плана научно-исследовательских работ, в смысле его приближения к актуальным народнохозяйственным задачам, повышения роли исследований в формировании и развитии планов экономического и социального развития. Так, все сотрудники отдела экономики в двенадцатой пятилетке будут работать над темой «Экономические причины частнособственнических тенденций и форм их проявления в социалистическом обществе (на примере Абхазской АССР)». В отделе этнографии и искусства вводится тема «Национальные традиции и задачи интернационального воспитания». Группа историков будет

продолжать работу над актуальной проблемной темой «Абхазия в эпоху социализма».

Непременным условием прогресса нашей научной деятельности является умелое использование творческих возможностей ученых, стимулирование их труда, притом в зависимости от реального вклада каждого исполнителя в разработку теоретических и практических проблем.

Нам необходимо еще сильнее объединить усилия АБНИИ и АГУ этих двух судьбой связанных учреждений, для решения кардинальных задач, стоящих перед нами в области абхазоведения.

В этом отношении у нас имеется определенный опыт. Достаточно сказать, что в результате именно такого подхода и понимания было создано пока единственное в своем роде учебное пособие по истории Абхазии, которое должно увидеть свет в ближайшее время.

Хотелось бы сказать еще об одном вопросе, хотя далеко не новом, но решение которого, несомненно, положительно повлияло бы на улучшение творческой деятельности наших научных учреждений и вузов, на дальнейшее развитие научной мысли. Я имею в виду создание Дома ученых. Сухум давно стал своеобразным научным центром. Здесь, как известно, проводятся международные, всесоюзные и региональные научные форумы. Здесь, как я уже говорил, работает около 20 научных организаций и два вуза. Но они, можно сказать, разобщены, нет между ними необходимых контактов и взаимодействия. Мы даже облюбовали одно помещение. Это – Дом пионеров и школьников по ул. Чочуа. Оно мало соответствует своему назначению (нужно специальное здание!), но было бы великолепным как Дом ученых. Кстати, привлекают внимание и архитектурные достоинства этого объекта и его парка.

Я полагаю, все что здесь было сказано о научном уровне и потенциале Абхазского института, о его роли и месте в жизни нашей республики дает основание еще раз поставить вопрос о его переводе из второй категории научно-исследовательских учреждений в первую.

Наконец, нас всех очень беспокоит и маломощность нашей полиграфической базы. Между тем своевременная публикация полученных научных результатов для представителей обществоведческих дисциплин является, можно сказать, основной формой внедрения науки в практику.

Сухум, 20. 12.1985 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта часть матросов была списана на берег с броненосца до восстания.

² *См. Дзидзария Г. А.* Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми. 1979.

³ *Лакоба Н.* Искры Октябрьской революции в Абхазии. – Сб. «К истории революционного движения в Абхазии». Сухум. 1922. с. 21.

⁴ ЦПА ИМЛ ЦК КПСС, ф. 64, оп. 2, д. 27, л. 86.

⁵ Борьба за Октябрь в Абхазии. Сборник документов и материалов. Сост. *Г. А. Дзидзария*. Сухуми, 1967 г.

⁶ *А. Э. Куправа.* История кооперации Абхазской АССР. Тбилиси, 1968. *Его же.* Абхазская деревня на пути социализма (канун коллективизации. 1926-1929 гг.). Тбилиси, 1977 и др.

⁷ *А. А. Абшилава.* История промышленности Абхазской АССР (1921-1941 гг.). Тбилиси, 1969; *Его же.* Промышленность Абхазской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Сухум, 1972; *Г. П. Лежвава.* Из истории рабочего класса Абхазии в послевоенные годы. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.); *Его же.* Из истории рабочего класса Абхазии (1921-1941 гг.). Тбилиси, 1978; *Л. М. Прицкер.* История освоения Ткварчельского каменноугольного месторождения (1881-1935), Сухум, 1966; *А. Э. Куправа.* Промышленность и транспорт Абхазии в первые годы Советской власти, Сухум, 1968; *Х. В. Ахалая.* Рабочий класс Абхазии в период коммунистического строительства (1959-1965 гг.). Сухум, 1971 (на груз. яз.).

⁸ *А. Э. Куправа.* Из истории культурного строительства в советской Абхазии (1921-1925 гг.), Сухум, 1961; *Его же.* Культурное строительство в абхазской деревне (1921-1929). Сухум, 1973; *Его же.* Ликвидация неграмотности населения в Абхазской АССР. Сухум, 1979; *Б. Е. Сагария.* Формирование культурной общности абхазского народа в период строительства социализма. Сухум, 1976 (на абх. яз.); *А. К. Адлейба.* К истории культурного строительства в Абхазии (1921-1937). Сухум, 1961.

⁹ *А. Э. Куправа.* Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода (1921-1925 гг.). Сухум, 1959 и др.

¹⁰ *Г. А. Дзидзария.* Герой Советского Союза Владимир Харазия. Сухум, 1960; *А. А. Абшилава.* Трудящиеся Очамчирского района Абхазской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945

гг.). Сухум, 1960; *Его же*. Сыны Абхазии – Герои Советского Союза. Сухум, 1961; *Г. Т. Черкезия*. Трудящиеся Абхазии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Сухум, 1962; *В. И. Карчава*. Абхазская АССР в послевоенный период (1945-1958 гг.). Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); *Х. А. Авидзба*. Абхазская организация Компартии Грузии в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1946-1966). Сухум, 1970.

¹¹ Съезды Советов Абхазии (1922-1923 гг.) Сухум, 1959; Революционные комитеты Абхазии в борьбе за установление и упрочение Советской власти (февраль 1921 г. – февраль 1922 г.). Сухум, 1961; Деятельность органов РКИ Абхазии (1921-1934), Сухум, 1973; Советы Абхазии (1922-1937 гг.). Сухум, 1976; Абхазия в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.; Сухум, 1978; Трудящиеся Абхазии – Владимиру Ильичу Ленину. Сухум, 1970.

¹² Е. Эшба имел в виду старинную сухумскую крепость, в которой была тюрьма.

РАЗДЕЛ III

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОЕЗДКИ

РАССКАЗЫВАЕТ ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР,
РЕКТОР СУХУМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. А. М. ГОРЬКОГО,
ПРОФЕССОР Г. А. ДЗИДЗАРЯ

ГРЕЦИЯ СЕГОДНЯ

С 15 по 22 декабря 1964 г. в Греции по приглашению греческого парламента с ответным визитом находилась делегация Верховного Совета СССР, возглавляемая депутатом Верховного Совета СССР, кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, председателем ВЦСПС В. В. Гришиным. В составе делегации был и депутат Верховного Совета СССР, ректор Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького профессор Г. А. Дзидзария. Мы обратились с просьбой к Георгию Алексеевичу Дзидзария поделиться своими впечатлениями о поездке в Грецию.

За крылом самолета остались Киев, Будапешт, Белград. Серебристый «ИЛ-18» пересекает границу Греции. Под нами скрытое дымкой облаков Эгейское море. И вот, наконец, — панорама Афин. Город очень красив. Опозтизированный веками истории, он с какой-то необычайной легкостью сочетает в себе древность и современность.

На аэродроме нам устроена очень теплая встреча. Ее символизирует простотаки летняя температура. Забегая вперед, хочу сказать, что с первой же минуты пребывания на греческой земле мы убедились, что народ этой страны питает чувства горячей симпатии к советским людям, к нашей великой стране. Весь период нашего пребывания здесь, до предела насыщенный встречами с руководящими государственными деятелями, депутатами парламента, представителями общественных организаций, рабочими и крестьянами, приемами, поездкой по стране, проходил на фоне укрепления традиционной дружбы между Советским Союзом и Грецией, укрепления дела мира и международного сотрудничества. Повсюду нам было оказано исключительное гостеприимство.

В первый же день наша делегация была принята исполняющим обязанности министра иностранных дел Греции Д. Паппасом и председателем греческого парламента Г. Афанасиадисом-Новасом, а также присутствовала на заседании парламента. Греческие депутаты радушно встретили членов советской парламентской делегации. Председатель парламента Греции под аплодисменты всего зала заявил: «Мы уверены, что визит в Грецию делегации Верховного Совета СССР будет способствовать дальнейшему укреплению отношений искренней дружбы и мирного сотрудничества наших двух стран».

После посещения парламента советская делегация была принята премьер-министром Греции Георгиосом Папандреу. Во время встречи, прошедшей в дружеской обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам, представляющим интерес для двух стран. В. В. Гришин вручил премьер-министру Греции послание Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, в котором выражалось неуклонное стремление Советского правительства к упрочению всеобщего мира на основе принципов мирного сосуществования, готовность Советского Союза к развитию всесторонних отношений с Грецией.

Глава греческого правительства выразил от имени народа Греции и от себя лично благодарность за послание и подчеркнул, что между Грецией и СССР нет спорных вопросов, которые препятствовали бы дальнейшему расширению отношений между двумя странами в интересах укрепления всеобщего мира.

Хочу еще раз отметить, что эти слова греческого премьер-министра в полной мере отражают настроения греческого народа. Ярким подтверждением этого явилось собрание Общества греко-советской дружбы (председатель - Г. Спилиопулос), которое состоялось в заключительный день нашего пребывания. Афинский театр «Акрополь», рассчитанный на 1.500 человек, был заполнен до отказа. Желавших повидать советских парламентариев было так много, что люди толпились и в коридорах театра, на прилегающих улицах. Трудящиеся Афин и Пирея приветствовали посланцев советского народа бурными аплодисментами и возгласами «Ирини!» — «Мир!». Как справедливо отмечала газета «Известия», таких аплодисментов, наверное, никогда еще не слышал афинский «Акрополь».

Многочисленные встречи — с парламентской группой Национального радикального союза (ЭРЭ, лидер — П. Канелло-

пулос), парламентской группой Единой демократической левой партии Греции (ЭДА, председатель — И. Пасалидис), членами муниципалитета Афин, различных прогрессивных организаций, пресс-конференция, на которой присутствовали многочисленные корреспонденты, а также беседы с простыми людьми во время поездки по стране помогли нам глубже обратиться в политической обстановке, увидеть лицо сегодняшней Греции.

Прежде всего, следует отметить, что правительство партии «Союз-центра», возглавляемое Г. Папандреу, пришедшее на смену правительству крайнее правой партии, стало значительно благоразумнее подходить к внешнеполитическим проблемам. Оно предпринимает шаги в защиту национальных интересов страны, развивает отношения мирного сотрудничества с другими странами, в том числе с социалистическими государствами. Прекратился террор, чинимый неонацистскими организациями. Выпущено на свободу несколько сот политических заключенных.

Но прошлое дает еще о себе знать. Правительство встречается с большими трудностями. Прежде всего, это подрывная деятельность правых сил, их ставленников в армии, полиции. Правая печать вновь трубит «об угрозе слева», о «коммунистической опасности». Им противостоят греческие демократы. Единая демократическая левая партия настойчиво борется за глубокие перемены во внутренней и внешней политике Греции.

Нынешний период политической и экономической жизни страны характеризуется попытками найти разумные решения для преодоления многочисленных трудностей. В частности, в Греции значительно упало доверие к так называемому «Общему рынку». Греки на деле убедились в том, что западноевропейские монополии, стремясь прибрать к своим рукам национальные богатства, меньше всего думают о судьбах греческого народа. Их капиталовложения направлены к одной цели — получить баснословные барыши.

Характерен такой эпизод. В одном из сел полуострова Пелопоннеса крестьяне, рассказывая нам о своем экономическом положении, просили расширить советские закупки сельскохозяйственной продукции в Греции.

Действительно, в Греции очень остро стоит вопрос сбыта продукции сельского хозяйства на внешних рынках. Греческая столица, а которой проживает почти четверть населения страны, потребляет лишь десятую ее долю. Западные же монополии не хотят предоставлять Греции активный баланс, закрывают доступ этим продуктам на мировой рынок. Вот почему греки с такой надеждой смотрят на перспективу развития торговли с

Советским Союзом. Их очень радуют приметы укрепления наших добрососедских отношений, развитие взаимовыгодной торговли.

При дальнейшем развитии торговли греческие крестьяне смогут сбывать табак, цитрусовые, маслины и другие сельскохозяйственные продукты, являющиеся традиционными предметами греческого экспорта.

Мы узнали, что греки дают высокую оценку, например тракторам, полученным из Советского Союза.

Как уже говорилось, новое пробивает себе дорогу в упорной борьбе. В стране все еще не ликвидированы последствия полицейского режима, на который опиралось правительство Караманлиса. Много сторонников бывшего премьера находятся еще в профсоюзном руководстве.

Несколько дней назад мне на глаза попала газетная заметка, в которой говорилось о том, что греческие политзаключенные, содержащиеся в тюрьме на острове Эгина, направили премьер-министру Г. Папандреу письмо, в котором требуют своего немедленного освобождения. Они напоминают, что нынешнее греческое правительство неоднократно заявляло, что закон «о шпионаже», на основании которого они были брошены в тюрьму, противоречит конституции и должен быть отменен. Об этом же недавно напомнила правительству газета «Авги» - орган Единой демократической левой партии Греции. «Долг правительства, - пишет «Авги», - выполнить наказ народа: ликвидировать неонацистские организации, очистить государственный аппарат и армию от ставленников реакции, ликвидировать все антиконституционные декреты, легализовать Коммунистическую партию Греции».

Правдивое слово о нашей стране с живейшим интересом воспринимается трудящимися Греции. Вспоминается такой эпизод. Как-то ко мне в гостиницу явился корреспондент крупной афинской вечерней либеральной газеты «Неа» и попросил выступить со статьей на ее страницах. Я согласился. На следующий же день статья появилась в газете под заголовками: «Исключительно для «Неа», «Кавказ всегда имел связь с Грецией».

Читателям «Неа» я сообщил о том, что народ Абхазии, являющийся одним из коренных народов Кавказа, издавна питает горячие чувства симпатии и уважения к греческому народу. Среди представителей разных национальностей, проживающих в Абхазии, много греков. Это наши братья в многонациональной семье народов Советского Союза. Греки имеют своих представителей в руководящих органах власти Абхазской АССР. Это - рабочие, колхозники, инженеры, ученые, учителя, врачи. Я рассказал также о греческом драматическом коллективе Дома народного

творчества Абхазии, о популярности пьес классиков и современных греческих драматургов, о студентах-греках, обучающихся в нашем институте. Статья заканчивалась такими строками: «Пусть крепнет и развивается дружба между нашими странами. Пусть эта дружба станет такой прочной, как гранит Акрополя и Дельфов, сохранится вечно, как гора Олимп в Греции и Казбек на Кавказе».

В день выхода этого номера «Неа» ко мне подошел переводчик и сказал, что какая-то женщина, не назвавшая себя, хочет видеть профессора из Сухума.

- Уважаемый профессор, - сказала небольшого роста худенькая и немолодая уже посетительница. - Мне очень хотелось повидать вас, особенно после того, как я узнала, что вы с Кавказа. Хочу преподнести вам маленький подарок — почтовые марки с изображением исторических памятников Греции. Я делаю это от всего сердца,

Я искренне поблагодарил посетительницу. В ее глазах было столько тепла и какой-то затаенной грусти! Конечно, мне очень хотелось оставить что-нибудь этой гречанке на память. Собеседница жестом руки остановила меня.

Если речь идет об ответном подарке, то прошу вас не беспокоиться. Вы его уже сделали. Это ваша статья в газете «Неа». Она доставила мне большое удовольствие.

Можно многое рассказать о своих богатых впечатлениях. О трогательных встречах с трудящимися Левадии, с рабочими бумажной фабрики в Патрах, нефтеперерабатывающего завода и судостроительной верфи в Афинах, с крестьянами Триполиса.

Мы ознакомились с достопримечательностями Афин, Дельфов и Олимпии. Как историк, я с благоговейным трепетом осматривал бессмертные памятники греческого искусства. Нельзя не склонить головы перед неповторимым творением гения древней Эллады — Парфеноном афинского Акрополя. Я лично посетил также Афинский университет.

Но все это уже тема для другого разговора.

В заключении же настоящей беседы хочу сказать, что поездка делегации Верховного Совета СССР в Грецию была весьма полезной и плодотворной. Она, несомненно, сыграет важную роль в укреплении дружбы и мирного сотрудничества наших двух стран.

«Советская Абхазия», 17 января 1965 г

О ПОЕЗДКЕ В ГРЕЦИЮ

Дневник

С 15 по 22 декабря 1964г. в Греции находилась первая делегация Верховного Совета СССР.

Греческий парламент пригласил советскую парламентскую делегацию посетить Грецию с ответным визитом. Верховный Совет СССР с благодарностью принял это приглашение и направил 15 декабря 1964 г. в Афины свою делегацию в составе 9 человек во главе с кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, председателем ВЦСПС В. Гришиным. В составе этой высокой делегации довелось быть и мне.

Поездка делегации Верховного Совета СССР имела целью возобновить и расширить контакты между парламентариями обеих стран, что в свою очередь содействует дальнейшему развитию традиционных отношений между СССР и Грецией в интересах советского и греческого народов и укрепления дела мира и международного сотрудничества.

В газете «Известия» от 18 декабря 1964 г. подчеркивалось, что «пребывание в Греции делегации Верховного Совета СССР, возглавляемой кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС В. В. Гришиным, рассматривается здесь как новый, важный шаг в укреплении традиционных уз дружбы между народами Советского Союза и Греции».

Перед выездом, 14 декабря, состоялось совещание в президиуме Верховного Совета СССР, у председателя Совета Национальностей т. Пейве. Информация представителей МВД (зам. министра т. Фирюбин), МВТ (зам. министра т. Кузьмин) и др.

Было подчеркнуто, что политическая жизнь в Греции очень сложная, обострено внутривнутриполитическое положение страны, особенно - после взрыва в Горгопотамосе: правые упрекают в этом левых, а также развернули кампанию против правительства. Они боятся, что приезд советской парламентской делегации, с одной стороны, будет способствовать укреплению связи между нашей страной и левыми силами Греции, а, с другой стороны - повлияют в деле укрепления связи с Западом (предстоят переговоры между Грецией и США и Францией).

Таким образом, правительство Греции опасалось нашего приезда, дабы это не вызвало активизации левых сил, а также правых

элементов. Оно даже было готово отложить эту поездку, но предложение им уже было сделано. Поэтому греческое правительство старалось придать советской парламентской поездке чисто экскурсионный и протокольный характер. Это нашло свое отражение в Программе пребывания депутатов Верховного Совета СССР.

Мы вылетели из Москвы 15 декабря в 10 часов утра (ИЛ-18).
Маршрут: Москва-Афины.

Прибытие в Афины –13⁵⁵. Город очень красивый с самолета. Встречали греческие парламентарии во главе с председателем парламента Афанасидисом – Новасом. Фоторепортеры. Тепло -18°. Остановка в гостинице «Британия» (Площадь Конституции). Завтрак у советского посла Н. И. Карюкина в его загородной резиденции.

В тот же день советская парламентская делегация посетила королевский дворец (запись в книгу посетителей дворца), нанесла визит и.о. министра иностранных дел Д. Паппасу (бывш. посол в Москве) и председателю парламента Афанасиадису – Новасу, также присутствовала на заседании парламента.

Греческие депутаты тепло встретили появление в зале членов советской парламентской делегации. Председатель парламента представил греческим парламентариям членов советской делегации. Приветствуя посланцев советского народа, он заявил под аплодисменты всего зала: «Мы уверены, что визит в Грецию делегации Верховного Совета СССР будет способствовать дальнейшему укреплению отношений искренней дружбы и мирного сотрудничества наших двух стран».

После посещения парламента советская делегация была принята премьер-министром Греции Георгиосом Папандреу. Во время встречи, прошедшей в дружеской обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам, представляющим интерес для двух стран.

Глава делегации Верховного Совета СССР вручил премьер-министру Греции послание Председателя Совета Министров СССР Н.А. Косыгина, в котором выражалось неуклонное стремление Советского правительства к упрочению всеобщего мира на основе принципов мирного сосуществования, готовность Советского Союза к развитию всесторонних отношений с Грецией.

Глава греческого правительства выразил от имени народа Греции и от себя лично благодарность за послание и подчеркнул, что между Грецией и СССР нет спорных вопросов, которые препятствовали бы

дальнейшему расширению отношений между двумя странами в интересах укрепления всеобщего мира.

Имело место также встреча с парламентской группой Национально-радикального союза - ЭРЭ (лидер - П. Канеллопулос).

В 21 час состоялся обед от имени зам. председателя парламента Эммануила Бакладжиса в гостинице «Хилтон» (огромное здание, построено американской компанией). Личная беседа с министром земледелия Греции А. Батладжисом (бывш. хозяин гостиницы «Сан-Ремо» в Сухуме).

В этот же день побывали в Пирее (более 200 тыс. жителей). Город Пирей находится в 8 км. от Афин. Важнейший порт Греции, морские ворота столицы. Он расположен на трех полуостровах. Пирей самый значительный в Греции центр судостроения.

16 декабря. Посещение ткацкой фабрики «Велка». Беседа с рабочими. Экскурсия на Акрополь. Возвышенная часть города. Афинский акрополь (образован в 5 в. до н.э.) - стройный ансамбль выдающихся произведений архитектуры и скульптуры. Главное сооружение - храм Парфенон. Этот храм - вершина греческого зодчества. Он был построен во времена Перикла под общим руководством знаменитого скульптора Фидия. В Парфеноне находилась созданная Фидием известная статуя Афины (одно из главных божеств в греческой мифологии). В средние века постройки акрополя подверглись разрушениям.

Ныне на Акрополе находится археологический заповедник, включающий здание музея, где хранятся материалы раскопок. Издали видели места, где в годы немецкой оккупации Глезос водрузил греческое национальное знамя.

Вечером делегация Верховного Совета СССР была принята (в здании парламента) парламентской группой Единой демократической левой партии Греции - ЭДА (председатель И. Пасалидис). Гришин и Пасалидис обменялись краткими речами.

17 декабря. День в поездке по сельским районам Греции. Маршрут: Афины - Фивы - Лавадия - Арахова - Дельфы.

Фивы (15 тыс. жителей) - столица Беотии. С Фивами связано много легенд, легших в основу трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида. В 371-362 гг. до н.э. Фивы были во главе греческих городов. Из-за неоднократных разрушений не осталось фактически никаких памятников.

Ливадия – (12 тыс. жителей). На центральной площади делегацию приветствовал мэр города Андриадис. С ответной речью выступил В.В. Гришин. Население приветствовало исключительно тепло. Запомнилось трогательное обращение Юры*, родившегося и выросшего в Гагре (хорошо помнит Колю Шамба).

Вкусное угощение (жаренная баранина, шашлык) под величественной горой Трофонио. Дорога прекрасная (асфальт), прямая, идет по осушенной плодородной долине. Поля обработаны тщательно (машины, мулы).

Далее - скалистые места. Земля скудная. Каждый клочок обработан с большим трудом и аккуратно.

Виноградники. Оливковые рощи. Тип поселения – скученный, городской. Между населенными пунктами большое пространство. Дома каменные, плоские. Живут бедно.

Остановка в горном селе Арахова (около 4 тыс. жителей). Население живет, в основном, туризмом. Развиты кустарные промыслы по изготовлению разных сувениров (оригинальные шерстяные сумочки).

Дельфы - город и религиозный центр древней Греции (святилище Аполлона). Знаменит своим оракулом «прорицания» бога Аполлона. Он был крупным торговым и финансовым центром. Сохранились до 6 тыс. надписей на камнях - важнейшие политические, экономические и торговые решения («Это первая газета»). Здесь скопились богатейшие сокровища и произведения искусства. Впоследствии Дельфы были разрушены, а еще позднее - засыпаны землей (землетрясение) и на этой местности возник новый населенный пункт. В конце XIX - начале XX вв. очистили его и обнаружили остатки замечательных сооружений и скульптурных памятников. Обнаруженные раскопками статуи хранятся в местном музее (богатый, очень интересный). Довольно хорошо сохранился открытый театр. Прекрасная акустика (и сейчас чувствуется звон моменты).

Посещение театра Коста Мусури (Афины). Сотая постановка пьесы А. П. Чехова «Три сестры». Великолепная игра артистов. Встреча с коллективом театра.

18 декабря. Экскурсия в археологический музей в Афинах. Здесь хранятся уникальнейшие памятники материальной культуры древней

* В оригинале фамилия отсутствует.

Греции. Особое место занимают предметы, найденные Генрихом Шлиманом (микенская культура). Надгробные плиты из мрамора (сравните с сухумской стелой).

В центре города - развалины храма Зевса Олимпийского. Поездка в Сунион (60 км.) – мыс Суния. Здесь грандиозный храм Посейдона - бога воды и морей. На одной из колонн имеется надпись: «Байрон» (сделана в 1810 г.). На пути - много островов (большие и маленькие), солеваренный завод (выпаривание морской воды).

Посещение муниципалитета Афин. Обмен речами между мэром города и В. В. Гришиным. Мэр пригласил председателя Московского Совета.

Встреча с руководителями греческих организаций, объединяющих в своих рядах сторонников мира и превращения Балкан и Средиземного моря в безъядерную зону.

Большое удовлетворение у участников беседы с советской делегацией вызвало заявление В. В. Гришина о том, что Советское правительство придает важное значение превращению Балкан и Средиземного моря в зону, свободную от ракетно-ядерного оружия, и готово гарантировать вместе с другими великими державами безопасность и независимость стран этой зоны.

Вторичная встреча с председателем партии ЭРЭ Канеллопулосом. Он заявил, что мнение главы советской парламентской делегации разделяют греки, независимо от их партийной принадлежности.

19 декабря. Поездка в Олимпию (по Пелопоннесу).

За городом пункт для сбора пошлин за пользование дорогой (дорога новая). Земля каменистая. Растут только оливковые деревья и низкорослые сосны.

Гид рассказывает об исторических местах. Здесь почти каждый пункт связан с каким-нибудь мифом. Проезжаем через очень глубокий Коринфский канал (6 км.), который соединяет Эгейское море с Ионическим. Он построен в 90-х гг. XIX в. В древности думали об этом канале, но боялись, что уровень одного моря ниже другого (можно затопить население).

Проезжаем через город Коринф - родину древнегреческого философа Диогена. Легенда: Диоген жил в бочке, т.к. презирал богатство; имел только кружку, из которой пил воду и молоко. Когда он однажды заметил, как дети пьют воду из ладони, он выбросил свою кружку. Когда Александр Македонский занял Коринф, он решил оказать помощь бедному Диогену

Но философ попросил только, чтобы великий завоеватель отошел от него, т.к. закрывает солнечные лучи.

В сел. **Эгионе** – оstanовка. Митинг. Народу было много. Руководитель местного кооператива жаловался на судьбу крестьян. Он сказал, что закупочные цены на сельскохозяйственные продукты очень низкие, вследствие чего крестьяне разоряются; не хватает хлеба. Выступила депутат Сорочан, которая охарактеризовала жизнь колхозного крестьянства.

Гор. Патры - наиболее крупный город Пелопоннеса и третий после Пирея и Салоник порт Греции (население - около 100 тыс. чел.). Посещение бумажной фабрики «Е.Ж. Ладопулоса». Беседа с рабочими. Они горячо приветствовали советскую парламентскую делегацию.

Олимпия. Ночевка в гостинице «Спап».

Утром **20 декабря** - осмотр местности. Олимпия - древнегреческий город в северо-западной части Пелопоннеса; прославилась происходившим на ее территории каждые 4 года олимпийскими играми. Сожжена в 426 г. н.э. римлянами.

Олимпия была крупным художественным центром Древней Греции. Храм Геры. Храм Зевса - главное сооружение, был украшен скульптурными группами. В храме стояла колоссальная статуя Зевса, исполненная Фидием. Было много и других сооружений, почти сохранился стадион, где состязались атлеты. В Олимпии находилось большое количество статуй атлетов-победителей, героев, богов.

Основные раскопки в Олимпии велись в 1881 г. немецким археологом Курцисом. Археологические раскопки ведутся и в настоящее время немецкими археологами. В Олимпии имеется очень интересный музей.

Возвращение в Афины - по другой дороге. Горное село Лангодя, его жители - каменщики, строители городов. Они говорят: «Кто построил мир? Обитатели Лангодя!».

Микены - древнегреческий город на Пелопоннесе. Занимает видное место в греческих мифах и гомеровском эпосе. На микенском холме сохранились остатки «циклопических» стен и башен, т.н. львиные ворота и другие сооружения. Немецкий археолог Генрих Шлиман в 1876-1877 гг. обнаружил на месте Микен остатки древней микенской культуры. Раскопки продолжаютя до настоящего времени.

21 декабря. Посещение (личное) Афинского университета (8¹⁵ - 8⁴⁵). Беседа с генеральным секретарем университета. Был в кабинете

ректора и Ученого совета. Беглое знакомство со структурой университета и системой высшего образования в Греции.

Посещение центра градостроительства - С. Доксиодиса. Беседа с директором. Организация занимается научным исследованием и проектированием. В составе работников - географы, юристы и др. специалисты («занимаются устройством населения»). Организация имеет конторы в 25 государствах (обслуживает), начиная от новой столицы Пакистана (Исламабада) до ирригационных работ в Судане – Сахаре. Проектирует строительство дорог в разных странах. Но большинство работ - по жилищному и городскому строительству.

В области научной работы организация занимается подготовкой научных кадров и исследований. Например, будущий город (через 100 лет). «Мы полагаем, что многие большие города сольются (напр. Афины и Солоники, Лондон и Ливерпуль). Не реально, чтобы города не расширились. По мере благоустройства городов их население будет расти. В нынешних городах человек теряется. Мы думаем, чтобы создать лучшие условия для человека, лучше обслужить микрорайоны, а в таких районах можно создать наилучшие бытовые условия. Итак, большие города, а внутри них - ячейки (самостоятельные). Как будет это на практике, мы хотим показать на примере гор. Афины».

Первая программа - усовершенствование знаний после университета. Сюда съезжаются со всех стран и получают диплом градостроителя.

Вторая программа - подготовка вспомогательного персонала из лиц, имеющих ниже университетского образования.

Ежегодно - международный съезд. Принимают участие и советские специалисты (Трапезников и Смирнова).

Нефтеперегонный завод (государственный, единственный в Греции). Построен в 1957 г. 90, 5 % прибыли идет государству, а 9, 5 % - компании и облагается налогом, т.е. 95 % - государству, 5 % - компании. Перерабатывает: два качества бензина, жидкий газ, керосин, мазут, битум. Часть нефти получают из СССР. Масла не производит. Из Советского Союза поступают также готовые продукты. Компания очень довольна своими связями и качеством нефтепродуктов из СССР.

Беседовали с техническим директором. Все оборудование завода западноевропейское. В вопросах научного исследования завод связан с США. Общее количество выработки - 1.800 тыс. тонн. Общий персонал

- 600 чел., рабочих - 300 чел. Встреча с большой группой рабочих в столовой. Обмен значками и другими памятными предметами. Горячее приветствие. Один из рабочих обратился к нам с просьбой об оказании его ребенку медицинской помощи. Кстати, таких случаев было много. Как объяснил посол СССР Н. И. Карюкин, греки глубоко верят в советскую медицину.

Судостроительный завод. Работает с 1959 г. Частная компания. Владелец - Ниофос. Вложено - около 24 млн. долларов, предполагается вложить еще 9 млн. долларов. Имеет три цеха – строительство новых судов, ремонтный, промышленный (механический). Плавающие доки - две построены на месте, один в Западной Германии. Строится новая судовой верфь (для ремонта) (сухой док). Машины и двигатели поступают от заказчиков. Металл из Западной Германии. Сотрудничает с голландской судостроительной верфью.

Пресс-конференция. Выступление главы советской делегации. Вопросы корреспондентов различных буржуазных государств и ответы В. В. Гришина. Фоторепортеры.

Прием в советском посольстве. Очень много гостей - представители различных партий (Каналлопулос), официальные лица (Афонасиадис-Новас), министры (Батладжис) работники посольств (социалистических и буржуазных государств).

В 21. 00. состоялось собрание **Греко-Советского общества** (по инициативе Общества, вне программы). Тысячи людей до отказа заполнили просторный афинский театр «Акрополь», где состоялась встреча членов Общества с делегацией Верховного Совета СССР.

«Таких аплодисментов, наверное, никогда не слышал афинский театр «Акрополь» («Известия». 23. XII. 1964.). Аплодисментами и возгласами «Ирини!» - «Мир!» трудящиеся Афин и Пирея приветствовали посланцев советского народа.

От имени Греко-Советского общества советских гостей сердечно приветствовали председатель Общества г. Спилиопулос и бывший мэр города Пирея Сапунакис.

С большим вниманием выслушали собравшиеся выступление главы советской делегации В. Гришина, который передал сердечный привет народу Греции от народов Советского Союза.

Перед этим В. В. Гришин имел встречу с премьер-министром Греции Г. Папандреу.

22 декабря - отъезд в Москву.

Из поездки советской парламентской делегации в Грецию можно сделать следующие выводы:

Греческий народ проявляет огромные симпатии к Советскому Союзу. В этом сказывается традиционная дружба (и религия) между нашими странами, особенно - в период второй мировой войны. Советская делегация была принята дружелюбно, исключительно гостеприимно. «Не видели ни одного косого глаза», потому что мы представители Советского Союза. Как премьер-министр, так и другие официальные лица Греции изъявили желание посетить Советский Союз. Хорошо воспринято в Греции послание Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. Глава греческого правительства Папандреу заявил, что он полностью согласен с положениями этого письма. Премьер сказал, что будет создана специальная правительственная комиссия для разработки мероприятий по расширению с Советским Союзом торговли и культурных связей, установлению регулярных транспортных сообщений, и т.д.

Советская парламентская делегация с честью выполнила поручение Верховного Совета СССР. Она пригласила парламентариев Греции посетить с ответным визитом нашу страну. Поездка делегации Верховного Совета СССР в Грецию в декабре 1964 г. была полезна и плодотворна. Она сыграет, несомненно, важную роль в укреплении дружбы и сотрудничества между обеими странами.

5. 01. 1965 г.

О ПОЕЗДКЕ В ТУРЦИЮ

Мы были в Турции 10 дней, с 17 по 27 августа 1968 г., но прежде чем рассказать об этой поездке, поделиться общими впечатлениями считаю необходимым дать небольшую справку о современной Турции.

Турция расположена на двух континентах: в Азии и Европе (историческая Фракия). Эти части разделяются Мраморным морем и проливами Босфор и Дарданеллы, которые имеют важное экономическое и военно-стратегическое значение.

Большая часть Турции занята горами и плоскогорьями, особенно Анатолия.

Турция находится в зоне субтропического климата. Произрастают хлопчатник, цитрусы. Для приморской зоны характерны вечнозеленые

растения (лавр, кипарис), заросли оливкового дерева и лещины (фундука).

Население Турции 31,4 млн. человек (1965 г.) Турок около 27 млн. чел., в стране живут также курды (2 млн. чел.), арабы (400 тыс.), армяне, греки, грузины, черкесы, абхазы и др.

Турция - экономически слабо развитая капиталистическая страна, в хозяйстве которой все еще сильны феодальные пережитки. Основная отрасль экономики - сельское хозяйство (3/4 населения).

Характерная черта аграрных отношений - преобладание крупного помещичьего и кулацкого землевладения и мелкого крестьянского землепользования. Помещики, составляют лишь 2,6% сельского населения, концентрируют в своих руках около 44% обрабатываемых земель, а кулаки (11,2% всех хозяйств) сосредоточили на правах собственности 28% земельных фондов страны.

Около 16,7% жителей деревни не имеют земли (арендаторы и батраки); 36% бедняцких хозяйств - рабочего скота.

Отсутствие питьевой воды, стародедовский способ ведения хозяйства и примитивная техника (соха, серп и самодельная молотилка - основные орудия труда), господство патриархальщины во всем - все это характерно для современной турецкой деревни.

Аграрная Турция ввозит из-за границы продукцию земледелия, в т.ч. пшеницу.

Промышленность в Турции развита слабо. Кустарные мастерские составляют преобладающую часть промышленных предприятий. В 1939 г. в стране было выработано всего 2.650 млн. квт-ч электроэнергии, т.е. в 100 раз меньше, чем в СССР.

Продукция сельского хозяйства составляет свыше 80% всей продукции народного хозяйства Турции. Страна страдает от бездорожья, хотя в Турции имеются хорошие магистральные дороги военно-стратегического значения.

Феодальные пережитки и засилье иностранного капитала тормозят экономическое развитие страны.

После Второй мировой войны американский капитал резко усилил экспансию в Турцию. Монополии США захватывают командные посты в турецкой экономике.

В послевоенные годы активизировали свою деятельность в Турции также западногерманские монополии, которые особенно большую роль играют во внешней торговле.

Иностранные банки (в т.ч. США) предоставляют Турции кредиты на кабальных условиях. Они взимают высокий процент за займы. Велик внешний государственный долг Турции, возникший в основном в результате «помощи» США и др. империалистических государств, а также от международных кредитных организаций. Официально сообщается, что долги Турции смогут быть выплачены лишь к 2000 году. Экономическая зависимость привела к уступкам в области политической самостоятельности. США обеспечили себе право держать в Турции войска и базы.

Вступление Турции в НАТО (1952 г.) обусловило милитаризацию ее хозяйства, что вызывает непроизводительный характер большей части расходов государственного бюджета.

О культурном уровне страны красноречиво говорит тот факт, что, по данным ЮНЕСКО, 68,1% населения в возрасте от 15 лет и старше составляют неграмотные. В Турции существует закон об обязательном начальном обучении, но проведение его в жизнь материально не обеспечено. В 1958 г. 36% детей школьного возраста не были охвачены учебой. Во многих населенных пунктах страны нет школ, больниц, почты. Здравоохранение в целом находится еще на низком уровне.

В Турции большое распространение имеют социальные болезни (трахома, туберкулез и др.)

69% населения Турции не пользуется электричеством. Страна испытывает жилищный кризис. Многие города и населенные пункты страдают от острого недостатка в водоснабжении.

В Турции пишут об «однородном составе населения», о «национальном единстве» страны. Однако в Турции проживает более 25 национальностей, и собственно турки составляют 80% населения страны.[...].

В Турции проводится политика насильственной ассимиляции национальных меньшинств, в частности, кавказцев. В результате этого идет процесс уничтожения этих меньшинств. Они не имеют автономии, лишены прав учиться на родном языке и т.д. Проводится политика жестоких репрессий и подавления национально-освободительного движения угнетенных народов.

Надо сказать, что официальная статистика не публикует достоверных материалов о национальном составе населения, приводя лишь данные о языковых группах. К туркам относят любого гражданина страны, признавшего родным языком турецкий. Другие же исходят из принципа вероисповедания. Так, например, Бесим Даркот,

автор «Географии Турции» (М.1959 г.), рассматривая национальный состав Турции, использует данные по вероисповеданию, и, поскольку в Турции 98% населения исповедует ислам, на основании этого он считает всех мусульман турками, объясняя таким образом «национальное единство Турции». Однако в числе исповедующих ислам имеются национальные группы, среди них, например, курды оставляют свыше 2 млн. человек.

В результате таких манипуляций, например, «исчезли» в своей массе черкесы. В конце XIX в. их было 450 тыс., а по данным переписи 1960 года всего 63 тыс., причем термином «черкесы» объединены горские Кавказские народы (адыгейцы, абхазцы, осетины, лезгины и др.), проживающие в районах Токата, Сиваса, Малатьи, Измира, Болу и пр.

Турция буржуазно-помещичье государство; по форме правления республика, образовавшаяся в 1923 г. в результате свержения султана (1922 г.)[...].

20 августа 1968 года в г. Измире открылась XXXVIII Международная ярмарка, в которой принимали участие 42 государства. СССР является традиционным участником этой ярмарки. Впервые Грузинская ССР представлена на ней самостоятельным разделом.

В связи с этим в Турцию была направлена большая группа советских туристов. Из Грузии поехало 86 человек, в числе них - Г. Дзидзария, Ш. Инал-ипа, В. Пачулиа и В. Авидзба. Мы были рекомендованы Грузинским обществом по культурным связям с соотечественниками за рубежом. Я, как председатель Абхазского отделения этого Общества, принимал участие в работе специально созванного правлением Общества совещания, где была дана соответствующая установка.

Эта была научно-туристическая поездка. Наша цель: посещение ярмарки; ознакомление с действительностью Турции и ее историческими памятниками; встреча с соотечественниками – потомками махаджиров, установление с ними возможных контактов и связей, передача им специально подобранной литературы – произведений наших писателей, нового сборника абхазских сказок, отдельных номеров журналов «Алашара» и «Амцабз», а также сувениров.

Вылет из тбилисского аэродрома - 17 августа в 12 ч. 30 м. на лайнере «Ил-18». В Тбилиси - ясный, солнечный день, но сильный ветер. Я, Ш. Инал-ипа, В. Пачулиа и В. Авидзба - в третьей группе (руководитель В. Качарава), Н. Кобахия - во второй. Получаем по 110 турецких лир (на наши деньги – 11 руб.)

Приземляемся в Стамбуле в 3 ч. 20 м. (расстояние - 1800 км.). Аэропорт «Ешилкёй». Нас встречают советский вице-консул в Стамбуле А. Джанелидзе, члены грузинской правительственной делегации Г. Чоговадзе (председатель), Ю. Чанба, Р. Елигулашвили и др. Едем в гостиницу «Ериш» (27 км).

Первое впечатление о Стамбуле. После небольшого отдыха экскурсия по городу. Стамбул (турецк. – Истамбул, греч. Константинополь) - крупнейший город (1720 тыс. жителей, 1960 г.), важнейший политический, экономический, торговый, научный и культурный центр Турции. До 1923 г. - столица страны. Расположен на обоих берегах пролива Босфор, у Мраморного моря. Основная его часть - в Европе, меньшая - в Азии. Обе части города соединяются двумя разводными мостами - Ататюрка и Галата - через бухту «Золотой Рог».

Нас интересуют, прежде всего, памятники культуры. От византийского времени - остатки оборонительных стен, комплекс императорских дворцов, ипподром, величественные купольные церковные постройки, большинство из которых было переделано турками в мечети, как, например, собор София (Ая-София, 532-537 гг.) - выдающееся произведение мировой архитектуры. Мы посещаем его. В 1933 году он был превращен (по указанию Ататюрка) в музей; восстановлены мозаичные картины и т.д. По словам гида, материалы (памятники) Софии хранятся в Топкапе.

Затем посещаем Голубую мечеть. Действующая. Снимаем туфли. Видим богомольцев. Настоятель (мулла) заведения – грузин (Болквалдзе). У выхода встречаемся еще с одним грузином (говорит сносно по-грузински) и черкесом, служителями мечети.

Голубая мечеть стоит напротив Ая-Софии; между ними площадь Султана Ахмеда. Недалеко от них - ипподром императоров по середине которого возвышается мраморный шпиль с надписью о победах египетского Фараона Тутмоса II. Привез его из Египта император Феодосий.

Вечером, после ужина, выходим на улицу (гулять). Спускаемся к пристани. Двигаются огромные паромы, которые «поглощают» массу автобусов и легковых машин. Очень любопытны высоченные минареты (каланчи), придающие своеобразный облик городу.

На редкость контрастный город Стамбул. И эта контрастность по-своему красочна, ярка, сохраняющая свою неповторимость. Немало современных красивых зданий и улиц. Но во многих районах от средневековья сохранились кривые узкие улицы с домами, верхние этажи которых нависают над улицей. Наряду с современными комфортабельными лимузинами с элегантно одетыми пассажирами, – фазтоны и оборванцы. Много нищих, попрошайек. Видели людей, которые ночевали на тротуарах и площадях (в Стамбуле и Анкаре).

Бойкая торговля с 5 ч. утра и до 12 ч. вечера. Неимоверный шум. Надоедливые зазывалы. Впечатление, что все торгуют и всё продается, а покупать некому. Покупательная способность вообще в Турции, как видно, весьма низкая. Торговля происходит прямо на улицах, мостовых. Глубокую жалость вызывают уличные дети (грязные и оборванные), которые занимаются мелочной торговлей, вместо того, чтобы учиться и развиваться. Армия чистильщиков обуви и продавцов воды («соуксу»). Разнообразные кричащие рекламы. Повсюду. Над городом витает торговашеский дух. Женщины совершенно отсутствуют в сфере торговли.

Вечерний отдых горожан возле магазинов (особенно чайных и кофейных) или прямо на тротуарах; сидят группами (на стульях) и шумно разговаривают, а иные - молчат, выражая полную беспечность.

На улицах – грязь и мусор. В. Пачулиа шутит: Теперь я начинаю ценить работу нашего горсовета. «Еицѐоу умбакѐа еиѓу уздыраум».

Даже малограмотный Рашид Софиш, работник, побывавший в Турции, говорит, что бросается в глаза бескультурье и техническая отсталость этой страны. Питьевая вода большая проблема в Турции. Все источники - в руках частных предпринимателей. Вода продается. «Соуксу»- это слово слышно повсюду.

18 августа. В 6 часов утра - телефонный звонок. Говорит Сабри Бейгуа. Чисто абхазская речь! «Зегьы уара ҳаузцшын. Ҳара уара уаадыроит. Иуцда? Иаха смыцѐазеит». Когда же я сообщил, что скоро мы выезжаем в Бурсу, а оттуда - в Измир, Сабри говорит: «Аибаҳѐара катцаны, уа ҳашѐпылоит». Затем с Сабри разговаривает Шалва. Прямо сияет. Шансы поднимаются. Абхазцы на носу.

Выезжаем из Стамбула в 8 часов. Пересекаем Босфор, а затем бороздим Мраморное море (на пароме). Фотографирование. Вианор все шелкает, но я ему не верю. Гид говорит не умолкая: банки, школы, паромы, предприятия - все это в частных руках. Перед нами неопиcуемая панорама.

Проезжаем мимо башни Юстиниана, которая стоит одиноким островком. Гид рассказывает о легенде, связанной с этой крепостью. Дочь императора должна была погибнуть от змеи. Чтобы этого не случилось, и возводят башню, где ее поселяют. Но однажды ей приносят букет цветов, откуда выползает змея. Красавица погибает.

Высаживаемся на сушу. Едем по побережью Мраморного моря. Еще долго любимся великолепием города. Ая-София и Голубая мечеть особенно величественны. Виднеются Принцезы острова, которые кажутся гигантами, поднимающимися со дна моря.

В городе Картале – остановка. Здесь должны пересечь глубокий залив Мраморного моря. Ждем парома. В центре города памятник Атаюрку. Жарко. Люди – под навесами. Прохлаждаются. Бродим по набережной в надежде встретиться с каким-нибудь абхазцем или вообще кавказцем. Но тщетно. Один турок (около 60 лет) говорит, что его невестка-абхазка. Сам знал несколько абхазских слов («Сара аҗсуа здыроит...»). Он также сообщает, что в Картал приходят два молодых абхазца пить кофе, встречаются и другие абхазцы, а много их в Адапазаре и Дюздже.

Надо сказать, что турецкое население абхазцев хорошо отличает от других кавказских выходцев, и знают места их расселения. Нам часто говорят: «Кого хотите, абхазов, черкесов или гурджи». Это опровергает официальное мнение, что все они – «черкесы».

Турецкое население, простые люди, к советским туристам относятся хорошо, проявляя готовность услужить. Нет ни одного неприятного случая.

На пароме В. Авидзба, наш «верный язык» (он хорошо говорит по-турецки), беседует с группой молодых турок. Они охотно отвечают на наши вопросы и проявляют большую любознательность, а порой и любопытство. Они тоже хорошо отличают абхазцев от прочих кавказских выходцев и лично знают многих из них.

Едем мимо полей и населенных пунктов (сельских). Деревни скученные (городской тип поселения), расстояние между ними огромное. Дома (небольшие, редко двухэтажные) из камня, кирпича и самана, крыши черепичные, часто плоские (здесь много камня, и хорошей глины, а леса почти нет). Над каждой приземистой деревней возвышается минарет, снабженный громкоговорителями (образец служения новой техники старому делу!).

Голая, кажется, выжженная земля. Хлеб убран. Кукурузные поля (кукуруза низкорослая, «кубанская» скороспелка). Оливковые рощи. Табачные плантации (самсун). Сады (яблоки, сливы, персики, грецкий

орех). Тутовые деревья. Виноградники (изюм). Тополя, инжир. Огороды и бахчи. Тыквы (белые) действительно большие. Фасоль. Бродит скот - коровы, быки, лошади и ослы, козы и бараны (все они небольшие, мелкие).

Вот и Бурса (Бруса) - центр вилайета Бурса. Около 212 тыс. жителей. Одно время (1326 г.) столица Османского государства. Шелкообрабатывающая и хлопчатобумажная, пищевая и кожевенно-обувная промышленность. По словам гида, в городе около 300 текстильных предприятий; на одном из них (государственном) занято около 4 тыс. рабочих. Государственные фабрики были построены по инициативе Ататюрка.

Мы поднимаемся на плато Топани. Отсюда прекрасно обзоре-вается город. Бурса – усыпальница первых турецких султанов: Османа Гази и др.; оформление («одеяние») гроба меняют через каждые 300 лет. Усыпальница Челеби Махмуда V - наиболее красивое сооружение (1420 г.), здание лазурного цвета. Напротив этого мавзолея расположена мечеть султана Махмуда V (1419 г.). В момент нашего посещения этой мечети (5 часов вечера) муэдзин призывает к молитве. Затем осматриваем Большую мечеть - усыпальницу шестого султана (1400г.). Рядом караван – сарай (это обычное явление). Сохранились и римские бани-термы (пользуются - и в настоящее время).

Посещаем кладбище Мурадия (по имени Мурада II, сына султана Сулеймана Великолепного). В Бурсе и другие памятники истории и турецкой архитектуры 14-15 вв.

В период национально-освободительного движения 1918-22 гг. Бурса - один из центров анатолийских буржуазно - националистических организаций. Бурса – как и другие турецкие города - сочетание прошлого и современного.

Здесь, например, прекрасная подвесная канатная дорога (берет 40 чел., 11 км., 20 мин.), идет до горы Улудаг (Олимп). В центре города памятник Ататюрку.

Ночуем в Гемлике (30 км. от Бурсы). Проезжаем через какую-то деревню. Сбор овощей. Остановка автобуса. Разговор с крестьянами. Среди них была одна женщина. Она набрасывает на себя черную шаль и убегает, прячется. Вообще в Бурсе (и в других местах) многие женщины - в старомодной (черной) одежде, а другие в пальто или плащах (светлых), несмотря на сильную жару.

Гемлик. Расположен в Гемликском (красивом) заливе. Комфортабельный мотель, на главной трассе. Замечательный (глубокий) бассейн на естественно теплой воде. Вианор мечтает о таком мотеле в Абхазии. В гостинице встречаемся с несколькими грузинами, трое из них – гарсоны. Выясняется, недалеко от этой местности грузинское село.

Утром 19 августа отправляемся в путь. Один из гарсонов – грузин (Тарас-оглы) с нами прощается трогательно. Он уединяется (чтобы другие его не видели), целует и прижимает к груди подаренный нами журнал «Гурджистан».

Едем через сельскохозяйственные районы. Та же картина. Скучная природа. Ни одного трактора и другой техники. Пашут плугами (быками). Хлопковые плантации. Сахарная свекла.

На первой остановке - в Чингечешме встречаем человека, назвавшегося «абзахом» (очевидно, абадзех). Черкесскую свою фамилию не знает, но говорит хорошо на родном языке. По его словам, небольшое количество «абадзахов» живет недалеко от этого пункта (час езды).

Около местечка Гюнгюрмез мы встречаем первый караван верблюдов; впереди шествует бойкий осел с хозяином на спине. Недалеко от этого местечка, в горном районе, мальчишки бегут за автобусом и кричат: «газеты, газеты». Гид объявляет, что сюда газеты не поступают, вот мальчишки и просят, чтобы бросили им ненужные газеты. Такая картина наблюдается и в других местах.

Остановка в г. Бергаме (древн. Пергам). Пергам - крупный торговый и промышленный центр древней Малой Азии, в плодородной долине р. Каика (соврем. Бакыр). Много выдающихся древних памятников. Два музея, в которых хранятся замечательные памятники искусства, но нам не удалось посетить их. Пергамент получил свое название от г. Пергам. Здесь была огромная библиотека (ок.200 тыс. книг). Археологические раскопки проводятся (турками) слабо; как объясняет гид, денег на это нет и земля стоит дорого.

Масса чистильщиков (обуви) - мальчишек. Назойливая просьба. Один из них жалуется, что мало заработал. Слезы на глазах. Огромная жалость.

Отношение горожан самое теплое. Вова со многими находит общий язык и кажется даже «друзей».

Далее начинается самая плодородная, по словам нашего гида, во всей Турции долина. Около 80 огородных культур. Ничего себе!

В 8 часов вечера прибываем в Измир (в древности Смирна). Это третий по величине турецкий город, расположен в глубине Измирского залива Эгейского моря. Население - 231 тыс. чел. (1955 г.).

Ночуем в гостинице «Кабада». На рассвете я слышу заунывный голос с вышины ближайшего минарета. А их здесь – уйма. Служители аллаха перекликаются как петухи, призывая мусульман к молитве.

20 августа собираемся на ярмарку. В фойе беседуем с молодым администратором гостиницы. Он явно не в духе. Сочень усталым видом. Жалуется на своего хозяина: «Он не приходит и не интересуется гостиницей». На реплику Авидзба, что, наверное, только за деньгами приходит, турок отвечает: «И за деньгами не приходит, присылает своего чиновника».

Посещение советского павильона. Ознакомление с экспонатами. На выставке - 15 абхазских книг, которые я посылал в Тбилиси еще в июне. Встреча с нашими работниками павильона, в частности, с И. Григолия (директор Гантиадского ферментационного завода). От него мы узнаем, что из Стамбула приехали Омар и Сабри Бегуа и Орхан Шамба, чтобы с нами повидаться. С этой же целью приходили в павильон Лакоба, Аршба и Трапш, но, к сожалению, мы с ними разошлись.

В 6 часов официальное открытие ярмарки. Митинг. Войска. Встреча с Г. Чоговадзе, Ю. Чанба и др. членами делегации. Беседа с корреспондентом «Правды» И. Угольковым. Сообщает интересные сведения о современной политической жизни Турции.

Во время митинга подбегает к нам один из наших грузинских туристов, который радостно сообщает о посещении павильона абхазцами. Особенно интересуются книгами – «брали их с витрины, перелистывали, а один даже читал».

Нас охватывает волнение. Митинг кажется очень долгим. Наконец «освобождаемся». Направляемся, нет - бежим в советский выставочный павильон. Наши абхазские гости на втором этаже. Все возьтятся с книгами. Я иду впереди. Сердце бьется учащенно. Трогательная и волнующая встреча...

Их было трое. Омар Бегуа (Бюика) - высокий, худощавый, интеллигентное лицо, 68 лет. Похож на профессора А. Л. Григолия. Весьма внимателен к своей речи. Говорит по-абхазски безукоризненно. В прошлом инженер лесного хозяйства. Разносторонне образованный. О. Бегуа - одна из выдающихся фигур и один из лидеров кавказской эмиграции.

Сабри Бегуа (Ондер) – коренастый, молчаливый, но острый на язык, 55 лет. Чем-то похож на А. М. Лабахуа. Говорит по-абхазски хорошо. Владелец трех небольших заведений (кинотеатр, казино, гостиница),

Орхан Шамба - высокий, сильный, бывший чемпион Турции по борьбе, 42 года. Веселый и общительный. Говорит по-абхазски прекрасно. Из крестьян, предки - из с. Эшера.

Омар и Орхан - из Адапазары, а Сабри живет в Стамбуле. Вскоре к нам подходит сестра Сабри с маленьким племянником. Она тоже приехала из Стамбула. Говорит по-абхазски. Одна из сестер Сабри живет в Измире.

На наш вопрос, сколько дней они будут в Измире, Сабри отвечает: «Столько, сколько будете вы». Беседуем долго сперва в помещении павильона, а затем в парке. У выхода гости знакомятся с Ю. Чанба. Кстати, мать О. Шамба из фамилии Чанба. Юра мобилизует все свои знания абхазского языка. Ничего!

Подходит к нам т. Качарава. Представляю его. Омар отвечает: «Абхазцы и грузины живем здесь, в Турции, очень дружно, как братья. Хорошо сознаем, что без этого мы все пострадаем». Эти слова я перевожу Качарава. Он явно растроган... Всех нас особенно радует факт «сохранения абхазского языка». Мы это сразу почувствовали. Это очень важный факт! Но идет процесс ассимиляции. Это тоже чувствуется. Это печальный факт

Я лично долго беседую с Омаром, Инал-ипа - с Сабри, а Авидзба - с Шамба. Омар пишет историю абхазцев («Аҗсуаа рҗоурых»). В частности, его интересует вопрос о махаджирстве. Этой темой занимаюсь и я. Намекая на методологическую сторону вопроса, говорю между нами могут быть споры и противоречия. А Сабри добавляет – «и драка, но научная».

Я прошу, чтобы Омар обратил особое внимание на выявление архивных и иных материалов по истории абхазцев. В этом отношении нам следует бить в одну точку - «Хык ҳаицҗахыслароуп». Это выражение ему очень нравится.

Омар охотно отзывается на мой призыв. Он заявляет: «Адакументқәа пшаалатәуп уаагы араагы, урт еицшьтәуп».

С творчеством Д. Гулиа Омар знакомится еще в студенческие годы. С произведением С.Чанба «Махаджир»- по его выходу. «Аха уи ожәы акыр ипсахыуп, иацызгы ыкоуп» - замечает он. «Ахашба иоымҗа шыаҗанкыла ицхтәыуп. – Срыҗхәхәеит убас

Ашынқәба, Абғажәба, Аинал-ипа ромтақәа. Уаргы иудыроит. Сгу иаахуеит Аузба амхаҕырразы ииҳәаз».

Сабри: «Сара ара изласылшуа ала сашьтоуп аҕсуаа хус».

Ш. Инал-ипа : «Нас, умшәазои?».

Сабри: «Сара убри сақәзозар – сақәзааит. Аха сара ус сшәом, акгы сдырхагам. Исылшогы рацәоуп сара ара, уигы удырозааит».

Беседа подходит к концу. Я, в шутильной форме, говорю: «Ее, абаақәа, ҳ-Аҕсны җшза, ҳ-Аҕсны барақат кажьны шәышпаауаз араҳь – азыцқәа заны иахыржәуа».

Омар: «Ааи гушья, икауцарызеи, уи зыхкьаз агәакра мыжда ауми, еиҗ итамгылеи ҳажәлар».

В конце, как бы подытоживая нашу беседу, Омар заявляет: «Теперь я убежден, что мы были далеки от истины. Я спокоен. Я вижу, что у нас - один язык. Положение дел в Апсны вовсе не такое, какое здесь внушалось». («Ишҳарҳәоз еиҗ икамзаап»). Мы расстаемся в поздний час. Я не сплю в эту ночь. Не спится и Шалве.

Нашу группу переводят в мотель Чешме (80 км. от Измира), на сказочном берегу Эгейского моря. Вода чистая-чистая и очень соленая. Неглубокое дно.купаемся.

21 августа. В Измире в гостинице, где живет часть наших туристов, снова встречаемся с нашими абхазцами. Прежде всего раздаем им сувениры (виды Абхазии и пр.), чай в пачках, папиросы “Аҕсны”, аджику в баночках, вино («Лыхны» и «Псоу»), Вова преподносит Омару «гумскую землю» в спичечной коробке. Старик явно расчувствовался. Но главное, мы передаем им литературу: некоторые произведения наших писателей (Д. Гулиа, И. Когония, Б.Шинкуба, И. Тарба и др.), журналы «Алашара» и «Амцабз», до 20 экземпляров абхазского алфавита и т.д. Отдаем также пластинки с абхазскими песнями. Сабри обещает размножить их и распространить среди абхазского населения. Затем мы переходим к беседе. Накануне я и Шалва разработали вопросник.

Прежде всего, я рассказываю о положении дел в Абхазии - расцвете ее экономики и культуры, о государственном строе. На них большое впечатление производит тот факт, что многие абхазцы являются депутатами («сенаторами») Грузинской ССР и СССР. Тут В. Пачулиа не выдерживает и, указывая пальцем на меня, восклицает: «Он сам сенатор в Москве», хотя такое откровение нами не предусматривалось.

Я вынужден был признаться и, пользуясь случаем, объясняю, что в решении любого важного государственного вопроса имею такой же голос и такое же право, какими наделены «сенаторы»-москвичи.

На вопрос Омара, является ли абхазский язык языком семьи я, прежде чем ответить на этот вопрос, рассказываю о нашей системе обучения: в начальных классах - на абхазском, а с 5 класса - на русском, но до окончания школы абхазский язык и литература преподаются как один из основных предметов; затем высшая школа (пединститут) с его филологическим факультетом (абхазский язык и литература) и специальным факультетом для абхазских начальных классов, на котором, естественно, все дисциплины (в т.ч. математика, ботаника, история) преподаются на родном языке. Таким образом, заключаю, можно сказать, у нас есть и высшая школа на абхазском языке. Теперь, как вы думаете, на каком языке говорят абхазцы в семейном кругу?

Тогда Омар ставит мне в упор такой вопрос: «Сколько лично у Вас детей и как их зовут?». Но он, так сказать, не на того «нарвался». Отвечаю, что у меня четверо детей - Астамыр, Гудиса, Адгур и Анна. Все они окончили абхазскую школу в Сухуме, которую я сам когда-то заканчивал. Омар улыбается и говорит, что и у него четверо детей - Шансоу, Крач, Эшсоу и Бырфын.

Затем я развиваю тезис о том, что только путем развития культуры и просвещения можно сохранить национальное лицо абхазского населения в Турции. Омару и еще кое-кому я прямо говорю, что этого можно добиться не с помощью Корана и муллы, а книги и учителя.

Дело в том, что мусульманская религия среди турецких абхазцев имеет большую силу; дело даже доходит до фанатизма. Мы утверждаем, что вопрос о религии у нас, в Абхазии не является проблемой, хотя и существует свобода совести. Наш народ занят решением иных вопросов, связанных с развитием экономики и культуры. Особо говорим о формировании абхазской интеллигенции, о писателях и ученых. Об абхазской литературе, которая давно получила мировое признание. О деятельности Абхазского института - академии. Я и Шалва кладем на стол свои визитные карточки, в которых отмечены, что мы профессора, а о профессоре Зурабе Анчабадзе они уже знают.

На упорный вопрос, почему в Апсны абхазцы все-таки «оставили» (ишьтарцеит) религию (мусульманство), мы отвечаем, что они именно «оставили» потому, что люди получили такое внутреннее развитие, расширился их кругозор, изменились понятия, представления. Словом,

население Абхазии в своей основной массе освободилось от религиозных предрассудков.

По подсчетам О. Бегуа, в Турции проживает свыше 100 тыс. абхазцев. По официальной же турецкой статистике - 10 тыс. чел. (1960 г.). Омар вопрос этот изучает давно, с целью чего лично побывал почти во всех абхазских селах. Количество сел, в которых проживают абхазцы - 200. Только в 30 из них проживают представители других национальностей (грузин, турак, черкес). В среднем в каждом селе - 420 человек.

Живут абхазцы, главным образом, между Стамбулом и г. Болу, преимущественно - в сельских условиях. Причем значительная их часть - в вилайетах Адапазары и Дюздже. Адапазары (55 тыс. жит, 1950 г.) - центр абхазского населения в Турции. В вилайете Адапазары - 25 абхазских сел. В Дюздже население - 12, 8 тыс. чел. (1959 г.), а во всем вилайете - 20 абхазских сел. Другие абхазские села разбросаны в вилайетах: Бурса, Ескишехир, Самсун, Билечик и т.д. Абхазцы живут также в городах Стамбуле, Измите, Анкаре, Бурсе и др. (Как рассказывали абхазские старики-махаджеры в 1965 г. И. Григолия, их предки вначале были поселены по побережью Черного моря - в районах Трапезунда, Самсуна, Синопа, Орду и частично Измитского залива).

Указанные села имеют официальные (турецкие) названия, но абхазцы именуют их по своему. Вот некоторые из них: Калдахуара, Псырдзха, Хуап, Абжаква, Мцара, Анхуа, Гума, Ачадара, Джгерда, Пшьап, Члоу, Арасадзыхь, Хургьаул, Цкинаара, Апсара, Бзагуакыт, Тапсык, Тагуаракь, Шьашьалкыт, Есмаханымлкыт, Даутикыт.

Во всех абхазских селах абхазцы говорят на родном языке. Есть абхазцы, которые не владеют турецким. Из 1000 чел. может, один «выродился» (выражение Омара). В смешанных же селах из 100 человек только около 5 не знает родного языка. «Зан дапсыуоу узмелаҭда ха уиазцаар, сапсыуоуп ҳәа уеиҳәоит» (Омар).

Фамилии. По словам Сабри, в Турции встречаются почти все бытующие в Абхазии абхазские фамилии и, кроме того, немало отсутствующих там. Вот некоторые из них: Маан, Амаршьан, Чаабал, Ачба, Чачба (мало), Куджба, Папба, Ашуба, Ашсеиба, Бигуаа, Ажиба, Акуадзба (мало), Куарчия, Капба, Ардзинба, Ашхаруа, Авидзба, Акусба, Тания, Шамба, Юардан, (Адапазары, с. Абжаква), Ладариа, Аргун, Чатанаа, Ешба, Цыхьчы, Тванба, Чанба, Джергения, Габниа, Тарба, Кобахиа, Трапш, Лакоба.

Но в Турции абхазцы имеют официальные (турецкие) фамилии. Например, Омар Бегуа - Бюйка (Великий), Сабри Бегуа - С. Ондер

(вождь). Однако, некоторые, особенно крестьяне, сохранили свои природные фамилии (Габния и др.). Иные же выбрали себе фамилии похожие на их собственные (иахыршлоу). В этом большую роль сыграл Омар, разъезжая по селам.

У турецких абхазцев хорошо сохранились национальные традиции и обычаи. Строго соблюдают свадебные, похоронные и др. обряды. Соблюдают также старинные религиозные праздники (амшапы, нанхәа, хьечхәама и т.д.).

Тяготеют ли турецкие абхазцы к своей исторической родине, Абхазии? Омар (а его слушают Сабри и Орхан) отвечает: «Да, конечно. Около половины их хоть сегодня готовы отправиться туда, а половина другой половины - после известного нажима на них» («уаарықөгәғәар»).

Кавказские выходцы имеют культурное общество, которое выпускает (на общественных началах) журнал «Кавкасиа». Абхазцы, кроме того, имеют как бы отделения этого Общества («Аизга» - слово Омара) в Стамбуле, Адапазаре и Бурсе. В Стамбуле, например, сбор происходит почти каждую субботу (иногда на два дня) в кинотеатре Сабри Беуга, который играет большую роль во всех культурных мероприятиях, а идейный руководитель - Омар Беуга. На этих вечерах - абхазские песни (напр. «Азар») и танцы (создан хоровой коллектив с танцевальной группой), прослушивание пластинок, сообщение о новостях и письмах из Абхазии, читка стихов и рассказов (Омара и др.), изучение алфавита и т.д.

Сабри в шутку жалуется: »Ағар ахысра иаҳзақәмхеит, абра Стампыл аоныцақацәкьагы. Аисрагы бзиа ирбоит».

Еще несколько вопросов задаем:

1. Знают ли апхьарца?

Да. Она имеется в с. Шьыла.

2. Есть ли сказители?

Да. Омар Беуга записал около 6 тыс. текстов. Многие старики знают нартские сказания, но нет песен.

3. Где чаще всего встречаются?

На похоронах, свадьбах, праздниках.

4. Кто такой Рауфбей?

Абхазец, фамилия его Ашьхаруа. «Ашьхаруаа ара ирацәоуп».

5. Кто такой Хайраддин-паша?

Тоже абхазец. По мнению Омара, из фамилии Нанба.

6. Абхазская молодежь учится в университетах?

Да, несколько человек - в Стамбульском и Анкарском университетах. Например, в последнем учится Сухан Акәыс-пҭа, которая при окончании университета будет специально изучать абхазский язык и литературу.

Омар с отвращением говорит о тех абхазах с университетским образованием, которые даже не признаются в своем абхазском происхождении.

7. Спрашиваем о профессоре Бутба.

Омар Бегуа утверждает, что он кроме алфавита ничего не создал.

В 6 часов вечера - официальный прием в советском павильоне. Приглашены также Омар, Сабри и Орхан Шамба. Но перед выходом из гостиницы узнаем о событиях в Чехословакии и о той реакции, которая разразилась в Турции. Рекомендуют ходить группами.

У входа в павильон встречаемся с советским послом в Турции А. Смирновым, Г. Чоговадзе, Ю. Чанба и др. официальными лицами. Люди стоят группами, беседуют, пьют напитки. Приходят Омар, Сабри, Шамба, сестра Сабри с племянником.

Фотографируемся, осматриваем экспонаты, но главное - беседуем. Вскоре становится ясно, что за нами слежка. Мы окружены. Пришлось расстаться. Команду дает Сабри. Его люди уходят послушно, хотя и не очень охотно. У всех глаза влажные.

Однако, несмотря на все эти провокации, общественность Измира, посетители ярмарки проявляют огромный интерес к Советскому Союзу, к его достижениям.

Еще одно неприятное дело. Нам рекомендуют отменить свою поездку в одну из абхазских сел по приезде в Стамбул. А вопрос об этой поездке накануне был согласован с нашим послом. Какой возможности мы лишаемся!

После приема в Советском посольстве едем в мотель Чешме. Туда перевозят и остальных товарищей, т.к. оставаться в Измире было небезопасно. **21-22 августа** проводим в этом курортном местечке, расположенном в глубоком заливе Эгейского моря. Купаемся, загораем под жгучим турецким солнцем.

Кстати, в 1770 г., во время русско-турецкой войны, в бухте Чесма (Чяшли) произошел морской бой (Чесменский бой) между русской эскадрой и турецким флотом. Русский флот одержал выдающуюся победу.

Новая неприятность. Отменяется экскурсия в Эфес. Лишаемся возможности ознакомиться с выдающимися памятниками культуры, посетить родину великих людей древности. Мы, по существу, под домашним арестом.

Турецкие газеты пишут дикие вещи. Оголтелый антисоветизм. Девочка лет 8-9, которая бегает по площадке мотеля, заявляет Вове: «Что, сегодня Чехословакию захватили, а завтра - нас?». Так воспитывают детей.

Но вот маленькое утешение. К нам приезжает Аден Катыб-оглы, грузин, живет в с. Мезите, в районе Бурсы. Мы с ним встречались в Измире. Он приехал с женой, ребенком и приятелем (тоже грузин). Наши грузинские товарищи с ними беседуют долго. Те говорят охотно. Речь Адена архаична. В ней много древнегрузинских слов. Все это записывается.

Вдруг выясняется, что он говорит неплохо и по-абхазски. Даже спел абхазскую свадебную песню, неизвестную нам. Еще лучше говорит по-абхазски его жена. Оказывается, они живут рядом с абхазцами. Рассказывают, что грузины и абхазцы очень дружны. Бывают взаимно на свадьбах, похоронах и т.д. Старики разрешают молодым жениться только на грузинках и абхазках, и наоборот.

Но вскоре из Измира за нашими гостями приезжают «друзья». Беседа прерывается. Соотечественники прощаются. Кое-что передаем им (сувениры, журналы и пр.).

23 августа. Рано утром выезд в Анкару. Длинный и утомительный путь. Едем целый день. Юго-западная Анатолия - горный район, пересеченный рядом параллельных долин. Суровая, «мертвая» природа. Следовательно, бедная крестьянская жизнь. Самое же замечательное - оливковые и фиговые рощи, местами темные, как воды Черного моря.

В двух случаях мы имели возможность наблюдать за молотьбой хлеба. Ток. Зеркало отсталости страны. Ни одного железного орудия труда, не говоря уже о тракторе или какой-либо другой технике. Полное средневековье. Деревянные вилы и грабли. Допотопная арба. Примитивные молотильные орудия. Тягловый скот - быки, буйволы и лошади. Трудятся в основном женщины, изнеможенные и оборванные дети смотрят на нас как на диковинку. Кругом неосвоенные, необработанные земли. наших «операторов» и «фотографов» и хлебом не корми. Шалва хочет запечатлеть мир отсталости. Но, видно, и фотоаппарат способен знать, с кем имеет дело!

Остановка в г. Афионе. Обед. Здесь много пастухов и карачаевцев. Вианор «поймал одного шапсуга». («Уара, Вова, уабакоу, ара шапсыгк дыскит»). По словам шапсугов, сюда приходят абхазцы из Дюздже. Везде «проглядывает» бедность. Очень много уличных мальчишек – «торговцев». Над городом крик и шум. Тяжелое впечатление. Вместо того, чтобы учиться и развиваться, дети пытаются заработать на жизнь.

Анкара. Подъезжаем ночью. Остановка в гостинице «Модерн Палас». На площади Кзлаи (Красный полумесяц). Напротив - здание правящей партии («Партия справедливости»). Здесь мы находимся 23-25 августа.

Анкара (800 тыс. жителей) - столица Турции. Современный город, в основном сложился после перенесения в него столицы Турции в 1923 г. Однако значительная часть города ютится в жалких лачугах.

24 августа. Экскурсия по городу. Ждем автобуса. К нам подходят два дагестанца - аварца; один из них (пожилой) говорит по-русски. С их помощью мы связываемся с абазином (абаза) Бедре (Бадра) Мыдипа (Мыд-оглы), но встречаемся позже.

Храм Августа (II в. н.э.). К нему примыкает т.н. Главная мечеть - Хаджи Байрам. Я подошел с опозданием. Снимаю туфли. В одной маленькой комнате какой-то молодой служитель мечети заунывным голосом учит мальчишек читать Коран.

На площади Улус - памятник Ататюрку (на коне). Посещение мавзолея Ататюрка. Стоит на срезе горы по середине города. Грандиозный памятник (комплекс сооружений из туфа и мрамора). Строился с 1944 по 1953 г., по проекту победителя международного конкурса Эмина Оната.

В одном зале - музее выставлены личные вещи Ататюрка. На стене висят портреты К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного. Надписи: «Его Превосходительству Господину Президенту Турецкой Республики Гази Мустафа Кемалю. К. Ворошилов. Анкара. 29.X.1933г.», «Вождю турецкого народа Мустафе Кемалю. С. Буденный». В мраморном зале стоит монумент (40 т.), под которым похоронен Ататюрк.

Едем по городу. Гид говорит, что стоимость 3-х комнатной квартиры с центральным отоплением - 500-600 лир, а без -300-400 лир: это зарплата рабочего.

Посещаем Дом Ататюрка. Двухэтажный особняк. Рядом - резиденция президента республики. В одной из комнат портрет Ататюрка с надписью: «Первый турок. Один турок достаточен миру!».

Снова поездка по Анкаре. Он делится на новый и старый город. Новый город - более современный. В старом городе масса хибарок, «азиатщина». Мы проезжаем по ущелью, пересекающую гору. «Золотая гора» - с обеих сторон прилеплены лачуги. Нищета.

В тот же день посещение Хеттского музея. Организован в 1960 г. Уникальные памятники. Богатейший музей по хеттской культуре. Палеолит (шель и ашель). Жилище древнего человека (VII тыс. лет до н.э.). Образцы стенной росписи. Бронзовый век, относящийся ко времени хеттов (IV тыс. лет. до н.э.). Образцы хеттского письма (глиняные таблички) - II тыс. лет до н.э. Предметы урартского периода. Изображение хеттского двуглавого орла на камне (на него похожа эмблема русских царей). Изображение (на камне, бораль) древнейшего почтальона. Письма и конверты с адресами (глиняные). Изображение бога солнца и луны на огромной каменной плите: бог стоит на длинной спине льва (XVI в. до н.э.)...

25 августа. День отъезда в Стамбул. Утром к нам приходит Мыд-ипа. Друг друга понимаем хорошо. В семье говорят на родном языке. Вова говорит по телефону с сестрой Бедре, и она понимает абхазскую речь. Бедре не знает деления абазин на тапанта и ашхаруа. Он также абазин в целом не отличает от абхазцев. Для него те и другие - абазы. По его словам, в Анкаре около 100 абазин, есть и абхазцы, но их меньше. Он дорожный инженер. Окончил Стамбульский университет. Имеет отца (65 л.), мать, брата и двух сестер. Ему 33 года, еще не женат. Брат семейный.

Бедре слушает радиопередачи на абхазском языке. Просит расширить программу, и чтобы диктор говорил медленно. Кстати, такое пожелание выражают и другие абхазцы.

По словам Бедре, анкарские абазины и абхазцы общаются (свадьба, похороны и т.д.).

В Анкаре живет инженер Акуадзба. Но он в городе не оказался – «поехал на похороны».

Хозяин гостиницы «Модерн Палас»- черкес по происхождению. Почеркесски уже не говорит, но мечтает чтобы дети его знали этот язык.

Бедре Мыд-ипа прощается с нами трогательно. Он долго стоит, смотрит печально и мечтательно. Бедре высокий и стройный человек. Он нам очень понравился.

Г. Болу. Подъезжаем в час дня. Обед. Встречаемся с молодым черкесом. Слабо владеет родным языком. Знает несколько абхазских

слов «абааґсы, ара уааи», т.к. живет рядом с абхазцами. Недалеко от Болу - с. Караманлы, где 7 абхазских дворов (переселились из Дюздже). По его словам, абхазцы живут также в 45 км. от этого города, в сторону Стамбула, т.е. на нашем пути.

Мы находимся в северней части северо-западной Турции. Вообще северо-западная часть Турции - наиболее населенный, развитый в экономическом и культурном отношении район страны. Здесь разводятся культуры умеренного пояса.

На нашем пути и недалеко от него - Адапазары, Дюздже, Измит и др., места наибольшего поселения абхазцев.

На значительном расстоянии до г. Болу и от этого города почти вплоть до Стамбула совершенно иная природа, очень похожая на нашу. Плодородные зеленые долины. Много рек, речушек, озер и болот, деревни тонут в зелени. Крестьянские поселения - колхидского типа. Дремучие леса. Луга и поля. Много водяных мельниц. Плетенные заборы. Кирпичные дома, похожие на наши (акѳаскѳа). Голубые горы - прямо Абхазия. Зеленые ущелья и долины. Ахьацара, адьра. Зеленая трава. Кукурузные поля - огорожены. Табачные плантации (самсун). Грецкий орех. Алыча. Инжир. Гранат. Абхазские яблони. Персики. Амбары (аца). Арасатрақѳа. Скота очень много, особенно буйволов.

Как раз в этих местах проживают абхазцы. Так и чувствуем. Потом нам говорили, что мы пересекли село, в котором живут ахчипсаа.

В 2-х км. от магистральной дороги, по которой мы едем, с левой стороны Дюздже. Он покоится под «абхазскими горами». Родная природа! Дорога отличная. Здесь много сельхозтехники (тракторы и др.).

Вот асфальтированная дорога, ведущая в Адапазары. Она справа от нас. Большое движение машин. Здесь, у развилины, наш автобус останавливается на 2 мин. В машину вбегают мальчишки с жареными кукурузами. Среди них - абхазец по фамилии Ажиба, говорит по-абхазски. Передаем открытки. Автобус трогается. Следим, как он бежит к толпе, стоявшей около какого-то здания.

Приближаемся к Измиту. Нам известно, что там много абхазцев и грузин. Но не предусмотрена остановка. Мне удастся уговорить нашего руководителя, а он - еще кого-то. В Измите получасовая остановка. Идем по городу. Спрашиваем каждого встречного об абхазцах. Владелец кофейной, черкес по происхождению, говорит, что

его часто посещают абхазцы, но сегодня у них какое-то дело. Рядом находится небольшая парикмахерская. Её владелец - Саами Уазба, лет 45. Он был ошарашен. Очень просит зайти к нему домой. По-абхазски говорит свободно. От него узнаем, что в городе абхазцев свыше 1000. Владелец бумажной фабрики - Азиз Бутба, все его работники тоже абхазцы. Есть абхазцы - владельцы и других предприятий.

В. Авидзба нашел 4 абхазцев - Сорвата Абухба (владелец автобуса), Сармета Тейба (студент), Атилли Цыхчи (тоже студент), Екьту Ебжьноу (в его руках автомобильный транспорт города).

Наши грузинские товарищи более удачливее. Они встретили гораздо больше соотечественников. Один местный грузин рассказывает, что в Измите более 2 тыс. абхазцев и грузин; «мы заправляем здесь» - заключает он не без гордости.

Мы снова в Стамбуле. Гостиница «Хаииам». Бродим по городу. Кривые, переплетенные, узенькие улочки... Огромные толпы движутся, волнуются, кричат, меняются, создают свой особый неповторимый ритм огромного турецкого города. А торговцы, хоть бы что! Сидят себе лениво и при появлении покупателя в магазине даже не поднимаются со своего моста. Мальчики отгоняют веером назойливых мух...

26 августа. Экскурсия на Большой остров - один из Принцевых островов. Турецкое его название - Бюикада. Во времена византийских императоров он был местом для ссылки принцев, многочисленность которых всегда тревожила правителей империи.

Проезжаем мимо заливчиков, островков и полуостровков. На Большом острове совершаем путешествие на фаэтоне. Можно было еще прокатиться на ослах или велосипедах. Но предпочитаем этот вид транспорта. А автомашин на острове вообще нет. Повсюду роскошные виллы. Кому они принадлежат? Наш флегматичный кучер отвечает: «У кого много денег». Обедаем в приморском ресторане «Милано».

Вечером мы совершаем экскурсию в Топкапы - там, где протекала жизнь турецких султанов. Сейчас это - музей. В нем собраны богатейшие коллекции турецкого оружия, тканей, вышивок, изразцов, стекла, фарфора, монет, серебра, драгоценностей, картин - миниатюр, султанских экипажей, иллюстрированных рукописей...

Музей расположен в дворцовых помещениях, представляющих собой памятники архитектуры Османской империи разных времен. Вот здание библиотеки султанов. А дальше во многих залах, столько золота, бриллиантов, фарфора и хрусталя, - что думаешь, сколько

драгоценностей успели награбить неугомонные падишахи! Даже люлька, в которой росли султанские дети, - из массивного золота и бриллиантов. Вот золотой подсвечник - 40 кг. золота и 6 тыс. бриллиантов! Здесь же - самый крупный бриллиант в мире. Основатель дворца - Мухаммед II Завоеватель. Здесь жили султаны до конца XIX в. Две секции гаремов. Но они закрыты на ремонт.

Вечером 26 августа мы побывали в знаменитом Восточном базаре. Огромное здание. Торговые ряды. Чего только нет. Но кто покупает? Много предметов кустарного производства. Бойкая классическая восточная торговля. Возвращаемся в гостиницу. Звонят и ждут наши турецкие абхазцы. Приходят их представители - Хасан Авидзба и Джемал Бегуа (брат Сабри).

Едем в казино (ресторан) Сабри. Оно расположено в другой, азиатской части города. Говорят, собралось там много абхазцев из деревень. Проходим мост Галата, на теплоходе переправляемся на другой берег Босфора, а затем на такси - в Кадиою.

Авидзба - прекрасный собеседник. Хорошо осведомлен о жизни турецких абхазцев. Всю дорогу говорили с ним. Задаем много вопросов.

Все представители абхазских племен сознают, что они абхазцы, но и различаются (далаа, цабалаа, ахчипсаа и т.д.) Особенно среди представителей старшего поколения еще сильны родопатриархальные пережитки. Абхазцы общаются хорошо (свадьбы, похороны, праздники). До недавнего времени абхазские крестьяне не очень стремились вести хозяйство рационально, а также дать образование своим детям (как грузины и черкесы). Сейчас положение меняется.

Подъезжаем к ресторану С. Бегуа. Расположен он на живописном берегу Мраморного моря, в Кадикой (азиатская часть города). Собралось, примерно, человек 70. Среди них - Бакыр, Нишьат, Ниази, Кьалан и Илфан Атан (четырёхкратный чемпион мира по французской борьбе), Габниа Мыстафа (около 60 лет), Ажиба Исмаил, Ахба Кьамил, Ачанба Сарват, Авидзба Аиса и Иахья, Шамба Ертан и Орхан, Джергения (Джердания) Елфан, Абганба Шхангери и Екуп, Атарба Содажддин (Хафих) и др. Все они в основном крестьяне из разных абхазских сел. Само собой присутствуют Омар и Сабри Бегуа, а также Бырфын (Нуари) - дочь Омара, Гёнуль - дочь Сабри, Зурах Аикус-пха - студентка.

Мы ставим на стол «Лыхны» и «Псоу», а также кладем папиросы «Апсны», литературу (журналы «Алашара», «Амцабз» и т.д.) и кое-

из Абжаква», другой – «а мы из Эшера». Рассказывают возбужденно. Сразу же перебивают человека, если тот начинает употреблять турецкие слова. Сабри сидит сзади нас, дружески обняв меня и Шалву. Он тронут происходящим.

На вечере присутствовали, главным образом представители крестьян разных деревень, а из князей и дворян - никого. Потом Орхан Шамба говорил, что последних они не пригласили намеренно, да и сами не пришли. «Эти люди, - продолжает он, - погубили наш народ там, в Апсны, и здесь, в Турции. Не они ли торговали нашими несчастными девушками в турецких невольничьих рынках в трагическое для нашего народа время?».

Это очень важное сообщение с точки зрения характеристики социальных отношений среди абхазского населения Турции, хотя они и очень «осложнены» феодальными и родопатриархальными пережитками. Абхазской деревне здесь также присуще господство крупного помещичьего и кулацкого землевладения и мелкого крестьянского землепользования. Молодой крестьянин Хасан Авидзба говорит о широком применении наемного труда в зажиточных крестьянских хозяйствах и о распространении арендной системы.

Нам рассказывают также об абхазских богачах, миллионерах, проживающих в городах. Так, например, Аритаа Екмат - в Стамбуле домостроитель (для продажи); Акусба Фиклет - владелец трех тракторных магазинов, живет в Адапазари; Аджинджал Ферми - продавец автомашин; Аргун Едрыс - геолог, имеет геологическую партию; другой Аргун – «миллионер», Зухба Еип – «богач»; инженер Бутба Азиз - владелец крупной бумажной фабрики в Измите, в которой работают почти одни абхазцы.

В Турции немало крупных гражданских и военных (генерал Аргун, Хайтипаша) чиновников абхазского происхождения. Есть и члены парламента.

Наступает час расставания. Окружают плотным кольцом. Поцелуи и слезы. Приходит жена Омара. Рыдает и сквозь слезы говорит: «Я не могу не плакать» - «Шәанацъалымбеит, избуа закузеи».

Мы едем на машине. С нами – Орхан Шамба и Илфан Тванба (за рулем). Шамба - незаурядная личность. Кстати, правнук знаменитого оратора Османа Шамба (эшерский крестьянин), участника Абхазского восстания 1866 года. Член Рабочей партии. Мыслит и рассуждает трезво, живет в Адапазаре (с. Нормандеде). Из зажиточных крестьян.

Шамба, как реалист, за просвещение молодежи; понимает вред религиозного фанатизма, считая его большим злом. Такие мысли высказывает иногда открыто, за что достается ему от стариков. Кое-кто даже готов причислить его к коммунистам. Но он действует смело. Оптимист.

Его очень беспокоят советско-турецкие отношения. Считает, что нормальный характер этих отношений дает возможность общаться, обеспечить связи между абхазцами и вообще кавказцами СССР и Турции. Шамба, мечтает, чтобы дети его получили высшее образование в советских вузах. Он верит «в исправление исторической несправедливости по отношению к кавказским выходцам», проживающим в Турции и других местах Среднего и Ближнего Востока.

Орхан с любовью говорит о своей бабушке, которая попала в Турцию, когда ей было около 20 лет. До последних дней своих тосковала по родине. Например, она говорила: «Эти горы, как наши абхазские», «Эта речка, как наша пшاپская», «Этот парень будто из Абжаква» (стройный). Абхазский алфавит Шамба изучил за два дня, а на третий день он уже писал письмо в Абхазию.

Долго колесим по Стамбулу, любуясь ночным видом огромного города. Шалва затягивает «Азар». Дружно поддерживаем. По какому-то стамбульскому проспекту льется абхазская песня, хотя и не очень-то складно...

27 августа. День отъезда. Мы с Шалвой бродим по какой-то улице, расталкивая назойливых уличных торговцев. Нас догоняет студент Атилла Цыхчи, с которым мы познакомились в Измите. Он шел к нам в гостиницу со своим дядей Факиром Цыхчи, Атилла студент химического факультета Стамбульского университета, живет в Измите. Представители его фамилии проживают также в Синопе и Ескишехире. Атилла отца лишился рано, а мать работает кассиршей. У него брат (младший) - Дженгиз, две сестры - Нурдал и Юмран (одна из них окончила лицей, а другая учится). Накануне он приходил с ними. По словам Атиллы в турецких университетах - несколько абхазцев. Например, в стамбульском университете учатся Сармет Тейба (юридический факультет) и Орхан Аикба - (химический факультет). Я говорю о пользе учебы, а не религии. Старшему Цыхчи такой разговор не очень нравится. По словам Цыхчи, абхазцы живут и в Америке. Они выехали туда из Турции. В Стамбуле количество абхазцев 1000 чел. В 12⁰⁰ едем в аэропорт, а через 3 часа вылетаем (на «ИЛ-18») в Тбилиси.

Таким образом, наша поездка в Турцию, несмотря на весьма неблагоприятную обстановку, была плодотворной.

1. Окончательно развеяли ложное представление наших соотечественников об Абхазии, о Советском Союзе, о наших народах.

2. Мы сами получили более или менее ясное представление о Турции. О положении турецких абхазцев. Из этого наблюдения можно заключить, что турецкие абхазцы:

а) достаточно хорошо сохранили свой национальный облик хотя и идет процесс ассимиляции;

б) национальное самосознание не только живет, но наблюдается даже некоторое его пробуждение;

в) наблюдается также развитие классового самосознания.

3. Несколько расширили контакты и связи с нашими соотечественниками, проживающими в Турции.

Практические предложения

1. Ускорить издание специального абхазского букваря и сборника абхазских сказок.

2. В номерах журналов «Алашара» и «Амцабз» время от времени давать соответствующий материал.

3. Улучшить радиопередачу (на абхазском языке) на Турцию.

4. Подготовить специальный киноочерк.

5. Выпустить номер газеты «Самшобло»*, посвященный Абхазии.

6. Всемерно способствовать установлению контактов с нашими соотечественниками в Турции, а также переписке между родственниками, проживающими и в Абхазии.

Спортсмены

1. Атан (Тванба) Илфан - четырехкратный чемпион мира по борьбе (тяж. вес).

2. Его брат Адиль - тоже чемпион мира по борьбе,

3. Зафер (Ациба) Нуредин – чемпион Европы по борьбе.

4. Абаж-ипа Рза - спортсмен по конному спорту,

5. Азак (Азачу-ипа) Зиа - в 1948 г. на олимпиаде в Люксембурге занял первое место по конному спорту.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ О ПОЕЗДКЕ В ИНДИЮ И ПАКИСТАН

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНДИИ

Индия – республика на юге Азии. Граничит с Пакистаном, Китаем, Бирмой и др. С юга омывается Индийским океаном и его частями – Аравийским морем и Бенгальским заливом.

Территория Индии составляет 3267 тыс. км.² и почти равна территории всех капиталистических стран Европы. Население – 532,7 млн. чел. (1969г.).

В 1947г. Индия, в течение последних 200 лет являвшаяся колонией Англии, получила право доминиона Британской империи. При этом территория бывшей колонии была разделена по религиозно-общинному принципу на 2 государства: Индию (с преобладающим индусским населением) и Пакистан (с преобладающим мусульманским населением). В 1950г. Индия была провозглашена республикой, оставаясь при этом членом Британского содружества (официальное название Британской Империи).

Глава Республики Индии – президент. Он же главнокомандующий вооруженными силами, назначает премьер-министра, губернаторов штатов. Имеет право распустить нижнюю палату парламента. Парламент состоит из двух палат – верхней (Совет штатов) и нижней (Народная палата). Исполнительная власть сосредоточена в руках совета министров, возглавляемый премьер-министром.

Природа Индии богата и разнообразна, она поражает своими контрастами. Путешественника, приезжающего в Индию летом, поражает богатство ее тропической растительности и сила проливных дождей. В то же время зима чрезвычайно сухая и довольно жаркая. На большей части территории страны зимой не выпадает почти ни капли дождя.

Индия – многонациональное государство. Нередко мы говорим, что в Индии живут индийцы или индусы. Однако оба эти термина не отражают национальной принадлежности населения. Индийцы общее

*Двуязычная газета (грузино-турецкая) – выпускалась в Тбилиси для распространения в Турции.

название для всех жителей Индии. Индусы – люди, исповедующие индуизм.

Английская колониальная политика задерживала консолидацию национальностей в Индии. Считают, что в Индии имеются как вполне сложившиеся нации (бенгальцы, кашмирцы, гуджератцы и др.), так и народности, формирующиеся в нации (хиндустанцы, пенджабцы и др.). На северо–востоке и в Гималаях сохранились отдельные племена и небольшие народности, ведущие первобытный образ жизни (собираательство, охота и пр.) при родоплеменной организации общества.

Национальная структура населения Индии сочетается с его антропологическим разнообразием. Там встречаются представители трех рас: негро-австралоидной (на юге), (на севере) и манголоидной (в пригималайских районах).

Население Индии говорит более чем на 150 языках и диалектах.

Индия стремится отказаться от английского языка как государственного. На этом языке говорит лишь 6 % населения (интеллигенция, торговцы, коммерсанты).

На разговорном хиндустанском (в литературной форме хинди) говорят около 40% населения и понимают его так или иначе почти во всей Индии: поэтому наряду с английским языком хинди принят в качестве государственного языка.

Однако попытка ввести хинди на юге страны в качестве обязательного в школах и делопроизводстве встретила серьезное сопротивление.

Но и на севере Индии тоже нет полного единодушия в этом отношении. Тот хинди, на котором говорит народ, в значительной степени отличается от того, на котором пишут книги. «Борцы за чистоту хинди» – шовинисты решили заменить заимствованные слова (от арабского, персидского и тюркских языков) санскритскими образованиями. Но эти заимствованные слова, полученные в результате длительного влияния иноземных языков, люди усвоили и перестали восприниматься как чужеродные (закономерный языковой процесс!).

Между прочим, индийские кинофильмы, предназначенные для мировой публики, пользуются народным языком – иначе мало кто пойдет смотреть фильм. А кино в Индии – значительная статья дохода.

Язык хиндустани имеет две литературные формы – хинди и урду. Хинди пользуется санскритским алфавитом (древнеиндийское слоговое письмо), а урду – арабским письмом. На языке хинди имеется богатая литература .

Древнейшие центры культуры хиндустанцев и бихарцев – Дели, Бенарес, Аллахабад и др.

Индуизм насчитывает свыше 350 млн. последователей (1950г), локализован почти исключительно Индией (ок.95%), продолжает оказывать глубокое влияние на широкие народные массы (особенно на крестьянство). Кроме того, около 10% населения Индии – мусульмане, а остальные буддисты, христиане, анимисты и др.

Характерной чертой индийского общества, особенно в деревнях, является деление на касты – на замкнутые группы людей, которые имеют наследственную профессию и свои обычаи и взаимоотношения которых с другими кастами (брак и т.д.) ограничены.

К моменту установления английского господства в Индии было 4 основные касты и 300 других каст и подкаст.

Самое низшее положение среди каст занимают т.н. «неприкасаемые»: кожевники, стиральщики белья, мусорщики и др. – до 40 млн. чел. Представители этой касты не имели права пользоваться общими колодцами, жить они могли в специально отведенных кварталах, браки между ними и членами других каст запрещались.

По Конституции Индии кастовое неравенство отменено, но кастовые обычаи еще сильны, особенно в деревне. Касты являются существенным препятствием на пути к прогрессу. Прогрессивная интеллигенция ведет большую разъяснительную работу с целью изжития кастовых обычаев.

В 1950 г. только 13% населения Индии (а среди женщин – 2%) умели читать и писать.

В силу специфических природных условий и слабого санитарного надзора среди индийского населения нередки эпидемии тропической малярии, чумы, оспы, холеры, в результате которых ежегодно умирает около 2 млн. человек.

Среди населения много прокаженных, слепых, кишечно-желудочных и легочных больных.

Весьма значительные различия народностей Индии в одежде, нравах, бытовых особенностях и обычаях.

Например, на юге страны мужчины в сельской местности носят только набедренную повязку, а женщины лишь одну юбку. В покрое одежды городского населения сочетаются европейский и национальный стиль.

Питание индийцев имеет некоторые особенности. Приверженцы индуизма, т.е. большинство населения страны, как правило, вегетарианцы. Индийцы любят сдабривать блюда перцем и другими пряностями.

Города, выросшие в процессе колонизации Индии, состоят обычно из двух главных частей: «туземного города» и европейской (деловой) части. «Туземный город» всегда густо заселен. Характерна чрезвычайная скученность жилища, лишенных коммунальных удобств. Улицы большей частью извилисты, узкие (полтора – два метра). Европейская часть города отличается строгой планировкой, улицы застроены комфортабельными зданиями европейской архитектуры, коттеджами, обрамлены скверами, садами и парками.

Основные сельскохозяйственные культуры: рис, чай, пшеница, хлопок, джут, сахарный тростник, масличные. Распространено разведение крупного рогатого скота, овец, коз, меньше – лошадей, мулов, верблюдов.

В Индии большое количество обезьян, обитающих как в лесах, так и в деревнях и городах. В некоторых местах водятся тигры, носороги, слоны, крокодилы, змеи, особенно кобровые – настоящий бич страны. По данным статистики, от укуса змеи в Индии ежегодно погибают 10-15 тыс. чел.

Надо сказать, что многообразный животный мир Индии в силу религиозных воззрений индусов, считающих всякую жизнь священной, сохранился лучше, чем во многих других странах. Но эти предрассудки наносят вред. Например, не ведется почти никакой эффективной борьбы с грызунами, птицами и кабанами, которые наносят большой урон урожаю.

Промышленность Индии носит однобокий характер; преобладают отрасли легкой промышленности: хлопчатобумажная, флутовая, шерстяная, кожанная, бумажная, стекольная, табачная и пищевая (сахарная, чайная и др.)[...]...

16 сентября (в 22 ч. 35 м.) вылетели в Дели из Шереметьевского аэродрома на советском лайнере "ИЛ-62". Москва – Пенза – Кабул – Дели. В 3 часа увидели изумительную картину: Рассвет. Между спящей темной землей и безбрежным светло-голубым небом яркое зарево. В 3 ч. 45 м. показался огромный диск горячего солнца. Восток!

Под нами населенные пункты, затопленные поля – бесконечные «лужи» (после муссонов).

Дели. Самолет приземлился в 4 ч. 25 м. Воздух нестерпимо теплый и влажный («тепличней»). Останавливаемся в гостинице «Президент».

Дели – столица Индии (с 1912 г.) расположен на берегу р. Джамны. Население – 2.644.058 чел. (1961 г.). Основной разговорный язык – хинди.

Крупный торговый, промышленный, транспортный, научный и культурный центр Индии. Национальный университет (1922 г.), Национальная академия искусств, Национальная библиотека, Национальный музей.

Дели состоит из двух основных частей. Главная улица Старой Дели Чанди-чек (улица лунного света). От нее отходят множество извилистых улиц и переулков (по некоторым из них не может пройти автомашина).

Здесь расположено много мелких магазинов и лавок, торгующих продуктами, различными товарами легкой промышленности и прекрасными изделиями ручного мастерства: резной слоновой костью и деревом, медной чеканкой. Основная торговля происходит на улицах, целый день многолюдных и шумных.

В Новом Дели – комплекс правительственных зданий: резиденция президента, зданий министерств и парламента, очень красивые и сделанные из розового песчаника, построены в европейском стиле. Недалеко от них возвышаются ворота Индии. В отличие от Старого Дели в Новом Дели улицы менее многолюдны. Город широко разбросан. По улицам мчатся автомашины. Огромное количество велосипедов.

После короткого отдыха группами ходили по городу. Необыкновенно людно, страшная картина, особенно на торговых улицах. «Скопление бедняков».

Торгуют чем только можно. Двигаются на чем только можно (машины, брички, арбы, велосипеды, рикши, лошади, быки, буйволы). Движение беспорядочное. Толпы нищих (особенно дети и женщины) прохождению не дают – умоляюще просят (до слез жалко их). Это первое (тяжелое) впечатление о стране.

После обеда – экскурсия по Дели. Гид – Назир. Симпатичный молодой человек. Много интересных памятников.

Надо сказать, что в древней архитектуре Индии ярче всего представлены религиозные памятники трех архитектурных стилей: буддийского, индусского и мусульманского.

В Дели от периода мусульманских правителей XIII-XVII вв. (Делийский султанат, империя Великих Моголов) сохранились: минарет Кутб-Минар, крепость «Красный форт» (основанный Шах-Джаханом в 1658г.) и др. Мы посещаем их.

Кутб Минар огромен и величествен (72 м.). С некоторого времени доступ на башню стал ограничен, т.к. отчаявшиеся избрали его местом для самоубийства (гид).

Едем по Новому Дели. На одной улице – сплошь «частные дома» (слова гида), т.е. богатых. И невольно вспоминаю чьи-то слова: «Индия самая контрастная страна в мире».

Нам показывают – дом Индиры Ганди, мемориал Дж. Неру, дворец президента, здания парламента и министерств. Да, Дели город контрастов!

Проезжаем мимо медицинского института (государственный), напротив – госпиталь. Посещаем храм Билям Андир (1936г.) – из белого мрамора, построил один богатый человек для всех представителей каст (а им «положены» разные храмы). На стенах и колоннах – свастика, но «ничего общего не имеет с гитлеровской» (гид).

В 7 часов вечера – встреча в Доме советской культуры с представителями общественности города, организованная обществом «Индийско-советской дружбы». Открыл ее 2-й секретарь посольства Ю. М. Катон. Несколько человек в президиуме, в том числе и я.

Лекция проф. К.Ю. Юсупова о Ленине. Предполагалось и мое выступление о ленинской национальной политике, но не состоялось в виду истечения регламента собрания. Было задано много вопросов по острым политическим и теоретическим вопросам.

18 сентября. Экскурсия по городу. Едем по Старому Дели. Стена вокруг города. Центр восстания 1857г. Толпами идут люди, ищущие работу.

Посещаем мечеть Джами. Тягчайшая картина у входа. Страшная антисанитария. Окружают нас почти голые, истощенные, полуживые люди. Тут же бродит скот (козы, коровы). На запачканной лестнице

лежит умирающая женщина с ребенком, похожим на скелет. Вокруг мечети – лачуги этих несчастных людей. Трудно их описать.

Заходим в ювелирную мастерскую с магазином. Великолепные изделия – тонкий художественный вкус и отличная работа. Поразительное упорство и терпеливость рабочих. Ужасающие условия работы. Прямо средневековая цеховая организация труда.

Проезжаем торговый центр Чанди-чок. Все здесь смешалось – люди (самого жалкого вида), скот, средства передвижения. Муравейник!

«Красный форт» («Лал–Кила») выдающийся архитектурный памятник. Бывшая резиденция делийских императоров хорошо сохранилась. Много великолепных залов. Мраморное помещение, где состязались поэты. Англичане выковырнули немало драгоценных камней из замечательных украшений на мраморных колоннах и стенах королевского дворца (гид).

Выходим на улицу. Снова среди страждущих людей. Изнеможенная девочка тащит полуживого ребенка и знаками дает знать, что они умирают с голоду.

Подъезжаем к памятнику М. Ганди: Прекрасный предмет искусства. Стоит на большой плоскости. Открытый вид. Гид рассказывает о Ганди с чувством глубокого уважения. И мы слушаем с таким же чувством. Ганди – великий деятель. Недалеко от этого места – храм с огромным каменным столбом, похожим на фабричную трубу.

Проезжаем мимо строящегося здания института «Русских исследований» (основано в 1965 г.), который готовит преподавателей русского языка и переводчиков. Гид с благодарностью сообщает, что первый камень положил в 1968 г. А.Н. Косыгин.

Еще в одном месте наблюдаем строительство дома. Самый примитивный способ (конвейерная система, корзины). Вообще нигде не видно строительного крана – «журавля».

По словам гида, среди инженеров – строителей много безработных; они вынуждены эмигрировать или выполнять черную работу.

Повсюду вывески (иногда очень больших размеров) – «Каждая семья должна иметь 1 или 2 ребенка, но не более, а дальше обращаться к врачу за советом, чтобы их не было». Эта попытка планировать семью не имеет эффекта (массовость, высокая плата, религия).

Проезжаем по улице, на которой расположены посольства. Фотографируемся на фоне здания советского посольства. На здании

китайского посольства – огромное полотно с надписью «Пусть живет долгие годы Мао-Цзе-Дун!».

19 сентября. Посещение школы. Беседа с директором. Частная, «независимая» школа. Обучение на английском языке. 3040 учащиеся и 250 преподавателей. Срок обучения – 11 лет. Смешанная школа. Плата за обучение – от 30 до 40 рупий (в месяц), а за подвоз учащихся – еще 20 рупий, кроме того, учащихся 9-10 классов обязаны «учебной платой» – 10 рупий. Здание школы построено в 1949 г. за счет взноса учащихся. Отбор учащихся очень строгий. Основной язык – хинди. Окончившие эту школу успешно поступают в Кембреджский университет. Религия не преподается, т.к. учатся представители разных религий. Учатся преимущественно дети средних слоев населения. Здесь преподается больше предметов и зарплата учителей выше, чем в государственных школах.

По словам директора, в государственные школы идут наиболее слабые учащиеся. Преподавание – на национальных языках. Бесплатное обучение. Есть школы, в которых обучаются только дети богатых людей.

Посетили химический кабинет, библиотеку (20 тыс. книг), комнату (магазин) для продажи книг – учебников и учебных пособий, урок пения (малыши пели превосходно). Благоприятное впечатление.

Вечером – «поход» на Конноут-Плейс: огромная круглая площадь, обрамленная массивными зданиями. Первые этажи домов заняты большими магазинами. Здесь можно купить все или почти все. В толпе снуют мальчишки, продающие с лотков сладости, игрушки, галстуки, авторучки... В магазинах даже принято торговаться. Только в самых богатых магазинах установлены твердые цены.

Рынок четко распланирован, торговые предприятия разных фирм сгруппированы по предметному признаку. Хозяева ревниво оглядывают всякого, кто зашел не к ним. Самая жестокая конкуренция. Некоторые держат специальных зазывал, которые расхаживают по коридором и проходам с целью привлечь покупателя в лавку его хозяина. А иной прямо физически тащит покупателя в эту лавку. Многие по заданию своих хозяев выучивают несколько фраз на различных иностранных языках («Позалуста», «Давай, давай» и т.д.) Настоящая борьба за покупателя. Повсюду снуют искалеченные нищие люди, протягивают прокаженные, обезображенные болезнью руки за подаванием. На руках у прокаженных матерей прокаженные младенцы.

Вообще улицы переполнены «бродячим людом». Боже, сколько их! А эти дети – сердце обливается кровью. Они толпами, толкая друг

друга, идут за нами. Назойливо просят. Трудно двигаться. А тут – эти велосипедисты. Они занимают всю проезжую часть и двигаются в одну сторону. Кстати, в Дели велосипед – единственное надежное средство передвижения. Такси дорог, трамвая вовсе нет, а автобусов мало. Правила уличного движения не соблюдается со строгостью.

Проходим мимо строящегося небольшого дома. Работает человек 30 – мужчин и женщин. А их дети (очень маленькие и крайнее изнеможенные) тут же на грязном тротуаре «копошатся». Один из них лежит ничком и беспомощно корчится.

Возле одного магазина стоял богатый человек с двумя щегольски одетыми мальчиками, которые ели вкусные вещи и бесцеремонно баловались. К ним подошла нищая девочка просить подаяния. «Буржуйчики» толкнули ее и начали подтрунивать над ней.

Часы пик. Невероятное движение. Море людей. Чувствуешь себя песчинкой. Что это? Коровы. Самые «священные» животные. Пересекают улицу, – гигантский поток людей, машин, велосипедов. Шествуют с достоинством. Главное – не возмущает никого. Напротив, даже самые лихие велосипедисты и шофера явно «пасуют». «Нельзя сигналить», – успокаивает нас водитель, заметив наше негодование по поводу нахального поведения горбатой коровы, которая упорно не пускает автобус. Жует себе жвачку и все.

Проезжаем мимо какого-то парка. Под тенью деревьев, там-сям лежат, нет – валяются люди, растянувшись во весь рост. Больные или отдыхающие? Вероятно, те и другие. Словом, как в картине Верещагина «После боя».

Возвращаемся поздно в гостиницу. Идем пешком. Очень слабое освещение. Уличные торговцы зажигают свечи и еще что-то, вроде лучины. Трудно сказать, когда здесь начинается торговля и когда кончается. Идти по тротуарам уже невозможно. Люди расположились спать, а рядом улеглись коровы, которым здесь все – позволительно. Легли люди спать, где и как попало, прямо на цементе, а иные «счастливики» – на широких деревянных кроватях, плетенных шпагатом (днем их складывает где-нибудь в углу, образуя таким образом целые горы).

Вот так и живут люди на улице. Сколько их! Многие здесь, на тротуарах, рождаются (один из наших товарищей видел три случая), здесь растут и здесь умирают. Как же после всего этого можно спать спокойно? Особенно «преследуют» меня дети. Ах, эти глаза – черные и умоляющие! Явно страдаю бессонницей. Кошмар какой-то...

В массе своей люди красивые. Высокие, худощавые, смуглые. Встречаются очень красивые индианки. Они особенно чудесны в ажурных сари. «Платье» это демонстрирует прекрасно все женские прелести.

Но мы не видели ни одного факта аморального порядка. Ни одной драки или громкого спора. Люди ходят озабочено, говорят мало и тихо. Правда, и смеха человеческого почти не слышишь. Один из наших товарищей на улице уронил деньги. Нас нагнали какие-то оборванцы и передали их. Трогательно. Поступок большого значения.

20 сентября. В 7 ч. 30 мин. вылетели в г. Джайпур (центр штата Раджастан). Население – свыше 52 тыс. чел. (1951 г.). Основан в середине XIV в. В прошлом – центр мусульманского искусства, науки, богословия. Осматриваем Дворец ветров. Только фасадная сторона. Множество окон. Женщины отсюда наблюдали за процессиями; кроме того, люди «проветривались» – прохлаждались.

Недалеко от Джайпура – г. Амбер. На высокой возвышенности (горе) – дворец мухараджи. Взабираемся туда на слонах, которые мерно шагают под музыкой (род скрипки). Дворец – интереснейший архитектурный памятник. Мухараджи жил в свое удовольствие. По словам гида, у него было 12 законных жен и 800 наложниц. Спускаемся с горы тоже на слонах. На базарной площади – огромное дерево, «усыпанное» обезьянами и попугаями.

После обеда – осмотр г. Джайпур. Городской дворец находится в собственности бывшего (до 1968 г.) мухараджи. Строили его различные мухараджи. До прошлого года последний мухараджи был послом в Испании. Сейчас он живет в другом дворце.

Лунный дворец, в котором мухараджи принимал официальных лиц – собственность мухараджи. Осматриваем обсерваторию, входившую в дворцовый комплекс. Интересный объект. Мухараджи «научно» следил за «движением» своей судьбы.

Остановились в гостинице (кемпинге) «Джал–Махал». Бывший дворец махараджи, где проводил он свой отдых. Тихо. Кругом лес. Попугаи неистовствуют, кричат немилосердно.

В 6 ч. встреча в клубе Джайпурского отделения Общества Индийско-советской дружбы. Президент Лакшми Кумари. Очень умная и прогрессивная женщина. Врач. На встрече из нашей группы выступило несколько человек. Я говорил о развитии экономики и культуры нашей республики. Очень тепло выступила и Кумари. На стенах висят портреты В.И. Ленина и цитаты из его произведений.

21 сентября. Вылетаем в г. Агра (штат Уттар-Прадеш). Останавливаемся в гостинице «Лауренсия». Население Агры – 376 тыс. человек (1951 г.) Возник в XV в. В 1526 г. был захвачен Бабуром. В 1526-1707 гг. наряду с Дели - столица Могольского государства. В Агре созданы замечательные памятники могольской архитектуры, наиболее значительные: Тадж – Махал (1630-1652 гг.) – мавзолей жены Шах-Джахана; сооружен из белого мрамора, инкрустированного самоцветами; дворцово-крепостной ансамбль «Агра-форт» (1564-1570 гг.), внутри него – дворцы Джahanгира – Махал (1570г.), Дивани-Ами, Дивани-Кхас, «Жемчужная мечеть», остатки дворца Акбара.

В 40 км. от Агры – остатки столицы Акбара Фатихпур-Сикри (1569 г., строился 14 лет). По рассказу гида, город оставили вскоре после его постройки из-за отсутствия воды. Город состоит из дворцов и мечети. Из красного песчаника. Сочетание индийской и мусульманской архитектур. Город окружен стеной и искусственным озером. Акбар стремился объединить мусульман и индусов. Подчеркнута идея единого бога. Религиозный эклектизм.

В Агре на нас особенное впечатление произвел Тадж-Махал. Кстати, в городе все напоминает об этом прекрасном сооружении. Таджами завалены все улицы. Они громоздятся на полках магазинов и сплошными рядами стоят на улицах.

Тадж–Махал – выражение восточного великолепия, непостижимой красоты. Стоит на берегу Джамны. Строился 22 года. Руками 20 тыс. рабочих. Когда смотришь на мавзолей издали, то кажется, что он парит в воздухе, а его купол растворяется в небесной голубизне.

Мы проезжали через деревни. Крестьяне живут скученно. Поселения городского типа. Дома прилеплены друг другу. Крыши плоские. Бойкая торговля. Поля обработаны плохо. Местами земля пустует. Нет и признака техники. Повсюду буйволы – упитанные красавцы. Много также ослов. Не видно садов, а деревья растут буйно. В чем же дело?

После обеда пошли на базар. Шли по какой-то улице, если только ее можно так назвать. Я еще такого не видел. Кошмар. Народ кишмя кишит. Нищета «выпирает» ото всюду. Антисанитария. Люди и животные вместе ютятся. Опять дети – беднее бедных. Проходу не дают. Просят – целуют ноги. Ужас! Не могу идти дальше. Просто страшно. Возвращаюсь в гостиницу.

22 сентября - в 8 ч. вылетаем в г. Бенарес (Варанаси). В самолете разговор с советским специалистом – инженером, работающим в Индии. Наши специалисты бескорыстно помогают дружественной стране; получают в 8 раз меньше американских специалистов. Они обучают местных людей, а американцы – нет. Наши работают, если дело требует, круглые сутки, а американцы за каждый сверхурочный час требуют дополнительную оплату, в противном случае уходят домой. Индийцы трудно воспринимают современную технику, предпочитают свои древние приемы в хозяйстве и быту. Наше оборудование весьма добротное, а американцы сбывают в Индии ненужную технику. В Индии коровы, количество которых доходит до 300 млн. – настоящий бич.

Бенарес или Варанаси – один из древнейших городов Индии. Население – 355,8 тыс. человек (1951 г.). Религиозный центр и место паломничество индусов. Город ежегодно посещает несколько миллионов пилигримов. Будучи с незапамятных времен важнейшим центром паломничества к священной р. Ганг, Бенарес стал средоточием множества храмов. Здесь до полутора тысяч храмов, посвященных божествам индусского пантеона и животным.

Знакомство с достопримечательностями города. Посещаем музей, посвященный главным образом Будде. В центре зала – памятник, ставший эмблемой Индии (из единого куска мрамора). Белая галерея фигур Будды и богини Лакшми, а также индусского бога Шивы.

Были в храме Мулган Кути Бихара (построен в 1932 г.). Изображение (красочное) жизни Будды. В ноябре буддисты приходят сюда на моление.

Посещаем также храм Матери Индии. Здесь замечательная карта – макет Индии (из мрамора).

Далее осматриваем (внешнее) университет. 10 тыс. студентов (есть и из Советского Союза). Вокруг центрального здания факультеты (медицинский, агрономический и др.). В центре храм из белого мрамора (1957 г.); построил его крупный промышленник Бил. Отсюда – Биладем. Высота – 100 м. Много богомольцев. Священники «работают» в поте лица.

23 сентября. В 5 часов 30 минут утра на шикарных лимузинах из гостиницы «Париж» направляемся к р. Ганг. Она считается «священной». В водах этой реки ежедневно совершают омовение тысячи паломников, на берегах реки сжигаются покойники, и пепел их сбрасывается в воду. Тысячи больных в предчувствии близкого

конца за многие сотни километров с большими трудностями добираются до Ганга, чтобы умереть на его берегах – индусская религия считает, что нет более высокого блаженства, чем отдать богу душу здесь и, превратившись в пепел, исчезнуть навсегда. А каждый уважающий себя индус считает обязанным, хотя бы раз в жизни, посетить священный город. Кстати, некоторые «святые» совершают паломничество вдоль всего течения Ганга, от верховьев до устья и обратно. А оно продолжается в общей сложности 6 лет. Для паломников построены постоянные дворы, в которых господствуют аскетический дух.

Варанаси считается городом бога Шивы. Поэтому кругом его изображения. Совсем близко к реке улицы сузились до предела, по обеим ее сторонам расположились торговцы. Бродят, лениво мотая головы коровы и козы.

Солнце еще не взошло, и люди шли молча, спеша окунуться в воды Ганга до восхода светила. По обеим сторонам спуска к реке выстроились нищие и больные. Слепые, безногие, покрытые язвами, они робко протягивают свои руки. Особенно отвратительное впечатление производят факиры и аскеты. Здесь нередко можно наблюдать такую картину. Стоит фанатик с поднятой вверх рукой (когда-то он держал ее в таком положении до тех пор, пока не высохла.) Другой сидит со сжатым кулаком, а сквозь тыльную сторону его ладони проглядывают концы проросших ног (понадобились годы мучений!) Некоторые страшно изувечили себя (фанатики – самоистязатели). Эти многочисленные факиры и аскеты – язвы на здоровом теле Индии. Многие индусы верят в их святость и, боясь быть проклятыми, подкармливают их своими подаяниями.

Мы проходим через «колонны» этих страшил. Нет сил смотреть на них. Наконец мы у священной реки, притом «на самом священном месте» (гид). Тысячи людей расположились на широких каменных лестницах. Ступени ведут в воду. Люди стояли, лежали, сидели, но лица всех были обращены в сторону готового выйти из-за горизонта солнца. Некоторые уже погрузились в воду. И когда показались первые лучи солнца, все приходит в движение. Причитания паломников. Таинственный шепот жрецов. Тут же у самого берега, расталкивая паломников, бродят коровы. У многих нет хозяев – о священных животных, в сущности, никто не заботится.

Вода мутная, грязная. Что только здесь не плавает. Несется дохлая собака, а на ней – вороны, которые остервенело клюют падаль. Берег

крутой. Наверху в гигантский ряд выстроились великолепные дома всяких там мухараджи и раджи. От них спускаются канализационные трубы, которые несут в реку отнюдь не священные предметы. И они тоже плавают здесь. Многие заняты стиркой грязного белья. Но все это нисколько не смущает фанатиков – священная вода Ганга все очищает.

Мы плаваем вдоль берега на длинных лодках (по 14 чел.). Проезжаем мимо лодок-домиков, в которых живут американские хиппи. Эти современные отшельники вызывали не чувство жалости, а желание поколотить их. Нам показывают стариков, которые пришли сюда принять смерть, а затем кремацию. Нас подвозят к месту кремации, вернее – сжигания покойников самым диким способом. Несколько трупов обложены дровами – готовы к «операции». Скоро вспыхнет костер. Вдов заворачивают в белый саван, а умерших до смерти своих мужей – в красный. Рядом – здание для престарелых, ближайших и будущих объектов действия этого «крематория». За кремацию – 50 рупий, а если человек не имеет их, устраивается складчина.

После осмотра этой «достопримечательности» едем в гостиницу – через весь город. Торговля и торговля. Рядом с лавочками – скотники. Бродячий скот. Собаки. Уличные парикмахеры и врачи – работают ловко, разложив свои инструменты прямо на тротуаре. Масса бедняков. Многие прикрыты лишь «фиговым листом».

В Варанаси, как и по всей стране, часто видишь фокусников, искусство которых на уровне ярмарочного цирка.

В Варанаси у реки Ганг всегда вьется дымок – идет очередная кремация. Сколько сотен кубометров дров, в том числе ценнейшего сандалового дерева, исчезла здесь бесследно.

Варанаси – город шелков. Предание гласит, как один из Великих Моголов в конце XVII в. преподнес в дар персидскому шаху позолоченную ореховую скорлупу, в которой находился тюрбан 10-метровый длины тончайшего шелка. Город славится производством сари. Множество людей во всем мире ежегодно ломают голову над созданием новой моды.

А в Индии никого это не волнует. Мудрые модельеры древности создали универсальную одежду, которая и поныне служит индийской женщине. Это сари. Кажется, простой кусок материи 6-7 – метровой длины, а как удивительно тонко подчеркивает он женственность и изящество фигуры. Но надеть сари, чтобы подчеркнуть достоинства

и скрыть недостатки женской фигуры, – дело тонкое и хитрое. Здесь также широко развито изготовление медной и латунной посуды.

24 сентября. Прибыли на самолете в Калькутту. Остановились в гостинице «Гранд-Отель». Калькутта – самый крупный город и порт в Индии. Численность населения с предместьями – 6-7 млн. чел.

Температура 42-43 ° в тени при влажности 95% – обычное для Калькутты явление. Температура воздуха все дни пребывания в Индии – около 30°.

Центр штата Западная Бенгалия. Сюда стекается большое количество постоянных и сезонных рабочих, главным образом мужчин. Поэтому количество мужского населения в Калькутте вдвое больше женского.

Калькутта – крупный финансовый, торговый и культурный центр. Здесь сосредоточено почти 90% всей джутовой промышленности страны. Имеются университет (1857г.), ряд колледжей и один из богатейших в мире ботанических садов.

Калькутта дает представление обо всей стране. Калькутта выделяется наиболее резкими социальными контрастами и плохим санитарным состоянием, усугубляемым наличием в городе большого количества коров.

Здесь рядом с роскошными особняками на центральных улицах на тротуарах спят люди, не имеющие крова. Центральные кварталы окружены кольцом жилищ бедноты, в которых ютятся треть населения города.

Наш новый гид так сформулировал проблемы города: жилищное строительство и ликвидация трущоб и безработицы, вывоз отходов из города. Одна из красивых улиц города носит имя В.И. Ленина (мы ее пересекали).

Посещаем дом Р. Тагора. В нем собрано многое из того, что связано с жизнью и деятельностью великого писателя. Трехэтажный особняк стоит в глубине двора. Здесь мы сфотографировались. Где-то недалеко от этого места мы видели демонстрантов, шедших колоннами, – требовали улучшения своего экономического положения. Такую картину мы видели и в других городах (напр., в Дели – перед гостиницей, в течение двух дней скандировали).

25 сентября. Снова экскурсия по Калькутте. Много памятников героям национально-освободительной борьбы. Повсюду снимают памятники английским генералам и другим деятелям-колонизаторам, на их место ставят памятники национальных героев и общественных деятелей.

Проезжаем через самый большой мост в Индии (на р. Ганг) – 500 метров. Это стальной, арочный мост перекинут над водами Хугли и соединяет Калькутту и Хоура. Город Хоура (42 тыс. чел.) примыкает к Калькутте, и мы проезжаем через него.

Только в Калькутте еще остались «бегающие рикши», во всех остальных городах их сменили велорикши. В Калькутте около 15 тыс. зарегистрированных рикш. На каждой коляске номер. Есть и специальные грузовые рикши. Существует профсоюз рикш, отстаивающий их права перед владельцами колясок и полицией. За жалкие гроши босоногие истощенные индийцы, обливаясь потом, носятся целый день по раскаленным камням. На встречу рикшам несутся двухэтажные автобусы.

Индийский ботанический сад. Крупнейший в Азии. Растянулся на 5-6 км. вдоль правого берега Хугли. Одно дерево мне очень понравилось. Это знаменитое баниановое дерево. Ветви его дают многочисленные отростки, которые опускаются вниз к земле, укореняются и образуют ветви, у которых тоже появляются такие же отростки... Баниан - символ нескончаемой жизни, постоянного умирания, и постоянного возрождения. Одно дерево заняло 450 м. Манго-царь индийских плодов. В саду свыше 15 тыс. видов растения. Вот еще. Сумасшедшее дерево – каждый его листок другой формы и другого цвета.

По обоим берегам р. Ганг – фабрики и заводы, так удобно в транспортном отношении (плавают суда).

Килограмм мяса – 4 рупий, масла – 10 рупий. Промтовары еще дешевле (туфли – 24 рупий.). Но покупательная способность населения очень низкая.

Жгутовая фабрика. Здесь рабочие, как и повсюду, требуют повышения зарплаты. Условия работы тяжелые. Частное предприятие. Беседуем с управляющим. 3800 рабочих (из них 250 женщин). Фабрика дает продукцию на 50 млн. рупий. Вывозят в СССР (20-25%) и в страны Южной Африки.

Зарплата: минимум – 7 рупий, максимум – 15 рупий (зависит от квалификации). Два профсоюза – один поддерживает Компартию, а другой – ИНК. Рабочий день – 8 ч.; один выходной день. Зарплата инженера – 1500 рупий.

В 7 часов вечера – встреча по линии общества индийско-советской дружбы. Председатель Калькуттского отделения заявил, что вся

Бенгалия (в городах и селах) будет отмечать 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Он говорит о тех трудностях, которые переживает сейчас Индия. Борьба с нищетой - проблема номер один. Он передает свою беседу с мэром г. Харькова. Тот «жаловался», что ему так много отпустили средств, что не знает, как их освоить. «Действительно, – говорит оратор, – в Харькове все так прекрасно, что трудно еще что-нибудь выдумать. У нас же действительные трудности».

После встречи едем в гостиницу. Время после дождя. Улицы затоплены водой. Рикши шныряют повсюду. Люди по колена в воде. Бедняки толпами сидят под навесами и балконами – на тротуарах. Горят костры. Готовят пищу. Раскладывают кровати. Многие же уже легли спать на тротуарах. Лежат штабелями.

26 сентября. Вечер. Покидаем Калькутту. Покидаем через большую часть города – района бедняков. Знакомая картина. Но здесь, пожалуй, более «яркая».

ПАКИСТАН

Пакистан – государство (республика) в Южной Азии. Образован в 1947г. в результате раздела бывшей британской колонии Индии. С 1956г. – республика (а до этого доминион Великобритании). Образование Пакистан было проведено по религиозно-общинному принципу, т.е. без учета национального состава населения и экономических связей (напр. были расчленены Бенгалия и Пенджабе). Это привело к переселению миллионов мусульман из Индии в Пакистан, а индусов из Пакистана в Индию, что вызвало волну индусско-мусульманских погромов, принявших особенно острую форму в Пенджабе, где погибло более 500 тыс. чел.; были сильно разрушены Лахор и другие города; около 12 млн. чел. остались без крова и имущества.

Пакистан состоит из двух частей – Западного и Восточного Пакистана, отдаленных друг от друга на 1,6 тыс. км территорией Индии. Западный Пакистан граничит на севере и северо-западе с Афганистаном, на западе – с Ираном, на востоке и северо-востоке – Индией, на юге – омывает Аравийским морем. Восточный Пакистан*

* Восточный Пакистан отделился и образовал самостоятельное государство – Республика Бангладеш (1970 г.).

граничит с Индией и Бирмой, на юге омывается Бенгальским заливом и Индийским океаном.

Площадь – 947, 7 тыс. км.² (806,5 тыс. км.² – Западный Пакистан, 141,2 тыс. км.² – Восточный Пакистан).

Население (1961г.) – 93,7 млн. чел. (42,9 млн. ч. – в Западном Пакистане, 50,8 млн. – в Восточном Пакистане).

В Восточном Пакистане 98% населения – бенгальцы, в Западном Пакистане основная часть населения – пенджабцы (26,2 млн. чел.), пуштуцы (6,5 млн.), синдхи (5 млн.), белуджи (1 млн.) и выходцы из Сев. Индии, родным языком которых является урду (3 млн.). 88,1 % жителей Пакистане (1961г.) мусульмане (97, 1% в Западном, и 80,4% в Восточном Пакистане).

Государственные языки – урду и бенгальский; официальный – английский. Пакистан входит в Содружество. Столица – до 1959г. Карачи, затем Равальпинди, с 1960г. строится новая столица Исламабад.

Глава государства и правительства – президент.

Политические партии – (основные) – Мусульманская лига (1906г.), представляет интересы крупной буржуазии и помещиков; Национально-народная партия (1957г.) – представляет интересы мелкой и средней буржуазии; Коммунистическая партия Пакистана (1948г.), запрещена в 1954г. Существуют профсоюзные организации.

Сейчас в Пакистане военный режим, предстоящие выборы покажут какая партия будет правящей.

От эпохи английского владычества Пакистан унаследовал экономику колониального типа. Сильные позиции в основных отраслях экономики сохранили английские монополии. Серезнейшей проблемой было расселение беженцев – мусульман из Индии (в 1951г. – 7,2 млн. чел.).

За годы независимости произошли определенные сдвиги в культурном и экономическом развитии Пакистана.

После 1947г. было открыто свыше 20 высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. Увеличилось число школ. Создана джутовая, хлопчатобумажная, целлюлозно-бумажная, судостроительная и другие отрасли промышленности. В 1964г. крупная промышленность дала 7,4% валового продукта.

Природа Пакистана весьма разнообразна. В Западном Пакистане на половину горный климат преимущественно субтропический, очень

сухой; речная сеть редкая, во многих местах рек совсем нет; преобладающая растительность – полупустынная и пустынная.

Средняя температура июля на побережье около + 29°; средняя температура января в Карачи + 16,7°.

Восточный Пакистан почти весь равнинный; климат тропический; речная сеть густая; вечнозеленый тропический лес; большая часть поверхности занята полями и плантациями.

Тяжелые социально–экономические условия жизни трудящихся, неграмотность большей части населения (в 1961-84%), отсутствие удовлетворительной организации медицинской помощи населения являются причинами распространения инфекционных болезней. В Восточной Бенгалии в 1951г. от холеры и оспы умерло в 28.641 чел. От малярии ежегодно в Пакистане умирает до 200 тыс. чел. Туберкулезом болеет около 20 % населения.

Правящие круги проводят политику репрессий по отношению к рабочему и крестьянскому движению, политику угнетения национальных меньшинств. Частичные земельные реформы не уничтожили феодальных пережитков. Ведется панисламская пропаганда.

Несмотря на репрессии, в Пакистане разворачивается крестьянское и рабочее движение. С самого начала не прекращается национально-освободительное движение народов Пакистана, особенно бенгальцев.

США и Англии удалось втянуть Пакистан в систему агрессивных военных блоков.

В г. Карачи прилетели в час ночи, на немецком реактивном лайнере (180-местный). Остановились в гостинице «Метрополь».

Г. Карачи – крупный экономический центр, порт и узел международных авиалиний. После образования Пакистана в Карачи прибыло из Индии большое число беженцев – мусульман (население Карачи в 1941 г. – 353 тыс. чел., в 1961 г. – 1916 тыс. чел., в настоящее время – около 3,5 млн. чел.).

Карачи менее перенаселен чем Дели или Калькутта. Вполне европейский город (особенно в центральной части). Много красивы

современных зданий. Прекрасные виллы богатых . Идет большое строительство. Много машин, встречаются фэтоны, мототакси (с кузовами), повозки (тачанки), запряженные ишаками или верблюдами.

Беседуем с советскими дипломатическими и торговыми работниками. В деревнях Пакистана нет электричества, радио, кино. 80% населения страны неграмотное. Билеты в кино стоит 3 - 4 рупий (есть и за 1,5); мясо – 4-4,5 рупий. Грузчики получают около 70 рупий. За публичный поцелуй – до 3 месяцев тюремного заключения. В Пакистане «планируется семья» (не более 3 * детей), об этом свидетельствуют многочисленные вывески и надписи.

Основные богатства (ресурсы) страны сосредоточены в Восточном Пакистане, а Западный Пакистан, где находится правительство, пользуется ими. Вообще, правящие элементы из Западного Пакистана. Такое колониальное положение Восточного Пакистана вызывает недовольство населения, составляющего большинство.

Посещаем знаменитый аквариум. Разнообразные рыбы, крабы и др. Производит самое прекрасное впечатление. В Пакистане строится с 1961 г. самая крупная мечеть в мусульманском мире.

Посещаем частную клинику д-ра Муновар Али. Он является председателем Общества пакистано-советской дружбы (объединяет 143 чел.). Он говорит тепло о дружбе между нашими странами. Выражает благодарность Советскому Союзу за его бескорыстную помощь Пакистану. Президент верит, что Пакистан в скором будущем экономически не будет зависеть от других стран.

В тот же день побывали в строящемся мавзолее Мухаммеда Али Джинну (грандиозное здание из белого мрамора, высота – 35 м.). Джинну (1876-1948 гг.) в Пакистане считают создателем этого государства и называют «Великим вождем» и «отцом нации». Джинна – наиболее яркий представитель теории «двух наций» в Индии – индусов и мусульман, которая основой определения нации считает религиозный признак. Был лидером мусульманской лиги, которая в 1946 г. выдвинула требование выделения из Индии областей с мусульманским населением и создания из них государства Пакистан. Руководил движением за образование Пакистана. После раздела Индии в 1947 г. был генерал – губернатором Пакистана.

Государственный банк. Огромное и великолепное здание. Построено в 1961 г., стоимость его – 35 млн. рупий. На каком-то этаже – зеленая поляна для отдыха. О работе государственного банка

рассказал его руководитель. В работе биржи принимают участие 240 компаний. Много вкладчиков биржи. Ежедневно разыгрывается 20 млн. рупий. Биржа отражает финансовое положение страны. В банке около 1 млн. рупий. Наблюдали биржевую игру (настоящий сумасшедший дом). Богатейшая специализированная библиотека.

Вечером встреча (вечер вопросов и ответов) в доме советского консульства для проведения культурных мероприятий. Был организован Обществом дружбы. С нашей стороны выступило 5 человек. Я в своей речи говорил о наших впечатлениях и о необходимости дальнейшего развития дружбы между СССР и Пакистаном.

С ответными речами выступили жена президента Общества и один писатель. Тем временем в другом месте с лекцией о В.И. Ленине выступил проф. Юсупов. Как рассказывали товарищи, лекция и другие выступления слушателями были восприняты очень хорошо. Было задано много вопросов.

28 сентября, утром, вылетели в Лахор – крупнейший город после Карачи. Население – 1296 тыс. чел. (1961 г.), преимущественно пенджабцы. В XVI-XVII вв. – расцвет Лахора, который часто служил временной резиденцией Великих Моголов. Лахор – административный центр одноименной области и провинции Западного Пакистана.

В Лахоре много замечательных памятников архитектуры, главным образом XVII в. – мечети Бадшахи-Масджид и Везир-хан, мавзолей Джахангира, старинная крепость и могольские дворцы. Здесь находятся крупнейший в Пакистане университет (1882 г.), институт исламоведения и др.

Экскурсия по городу. Старый и Новый Лахор. Старый город напоминает Старый Дели – нищета и антисанитария.

Посещаем овеянный легендами Лахорский форт, служивший некогда цитаделью правителей династии Великих Моголов. Побывали и в садах Шалимара (18 га). Изумляет необычайное мастерство безвестных зодчих, создавших мраморные павильоны.

Побывали и в мечети «Бадшахи-Масджид» (1674 г.), отделанный цветным камнем с белоснежными куполами. На площади может разместиться 126 тыс. чел. Охотно сообщают, что это самая большая мечеть в мире.

Гид знакомит нас и с другими памятниками и реликвиями, напоминающими о тех временах, когда народ боролся против английских завоевателей и колонизаторов. Это – грандиозный, устремившийся ввысь обелиск национальной независимости и старинная пушка повстанцев, оборонявших Лахор.

Возвращаемся в гостиницу «Амбассадор». Расположен рядом с огромным парком, неподалеку от деловых кварталов. Великолепный отель с бассейном. Здесь мы встретили преподавателя Московского университета Бориса Юндина с женой и дочерью. Он обучает русскому языку группу сотрудников из государственной корпорации по развитию водных и энергетических ресурсов. Он очень доволен своими слушателями, которые проявляют необычайное упорство в изучении предмета и очень хорошо расположены к Советскому Союзу.

В гостинице мы также беседовали с советскими специалистами, которые изучают трассу от Лахора до Мультана, по которой пройдет линия передач высокого напряжения, сооружаемая при содействии Советского Союза. В Пакистане очень много буйволов (в хорошем состоянии).

29 сентября снова экскурсия по городу. Жили в гостинице «Амбассадор». В центре города стоял памятник королеве Виктории; «его выкинули» (слова гида), а на его место воздвигли другой.

В этот день побывали на упаковочном заводе (шведско-пакистанская корпорация). Рядом бумажная фабрика. Современное производство. Производительность труда высокая. Чистота. Кондиционированный воздух. В год дает 75 млн. рупий. Работает 2700 чел. (700 – административно – инженерный персонал). Зарплата рабочих – 150-4000 рупий. Бесплатное медицинское обслуживание. Рабочие получают питание со скидкой (75%). Самая большая фабрика в Пакистане. Оборудование – японское и шведское. Рабочий день – 8 часов, один выходной день. 15 дней оплачиваемого отпуска. На фабрике нет женщин. Имеются союз рабочих, профсоюзная организация и комитет, в которые входят и представители администрации.

В ночь с 29 на 30 сентября вылетели в г. Карачи. Гостиница «Метрополь». Утром – экскурсия по городу. Поездка на Аравийское море. Вода теплая и очень соленая.купаемся. Берег песчаный. Сухо. Проходят караваны верблюдов. Фотографируемся. Катались на верблюдах. В г. Карачи уличное движение регулируется строго. Большой порядок и чистота (в центральной части города). На окраинах города – масса лачуг бедных, бродит скот (буйволы, коровы, быки).

В ночь с 30 сентября на 1 октября вылетели в Москву. В г. Ташкенте стояли один час, пообедали и познакомились с друзьями наших узбекских товарищей. Летели около 9 часов.

1969.

РАЗДЕЛ IV

ПИСЬМА

ПИСЬМА Г. А. ДЗИДЗАРΙΑ

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ),
СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(Б) Т. А. А. КУЗНЕЦОВУ

Советская власть, партия Ленина-Сталина спасла абхазский народ от полного физического вымирания, на что он был фактически обречен в условиях проклятого старого строя. Благодаря мудрой ленинско-сталинской национальной политике, трудящиеся Абхазии твердо стали на путь быстрого и всестороннего развития, и за 26 советских лет достигли блестящих успехов.

Однако за последнее время в Абхазии, к величайшему сожалению, сложилась такая обстановка, которая принципиально противоречит, искажает национальную политику нашей большевистской партии и Советской власти.

Мы, как члены партии, считаем своей прямой обязанностью сообщить Центральному Комитету об этом явлении, изложив некоторые факты.

1. В 1945/1946 учебном году абхазские школы были «реорганизованы», т.е. обучение в абхазских школах было переведено на грузинский язык. До этого времени в абхазских школах обучение происходило до 5 класса на родном (абхазском) языке, а с 5 класса - на русском. Данное мероприятие было проведено сугубо секретно, если не считать нескольких человек из абхазской интеллигенции, которые были привлечены к его подготовке.

Лишь через год с лишним появилась официального характера статья председателя Президиума Верховного Совета Абхазской АССР М. Делба под названием «К переводу обучения в абхазских школах на грузинский язык» (Газ. «Апсны Капш» от 26 ноября 1946 г.), в которой сообщались мотивы «реорганизации» абхазских школ. Автор статьи, подчеркнув, что «в деле развития культуры в Абхазской АССР у нас имеются величайшие успехи», созданы «абхазские национальные кадры» и т. д. пишет: «Мы должны прямо по большевистски сказать,

что та система преподавания, которая до сих пор существовала в абхазских школах, мешала, задерживала дальнейший рост культуры абхазского народа», «тянула нас назад», «противоречила постановлениям партии и правительства, направленных к улучшению преподавания и воспитания в школах». А сущность «вредной системы», по утверждению Делба, заключалась в том, что «программа в абхазских школах была составлена неудовлетворительно»; «вследствие обучения на трех языках, учащиеся очень затруднялись в успеваемости, сильно отставали, поскольку они не владели тем языком, на котором обучали их с 5-го класса» (т.е. рус. яз.). Поэтому, заключает Делба, «преподавание в абхазских школах надо перевести на грузинский язык».

В другом месте: «Преподавание на родном языке в абхазских школах во всех десяти классах невозможно практически осуществить, и для перспективы развития культуры абхазцев, число которых доходит лишь до 50 тыс. душ (цифра значительно преуменьшена) не целесообразно...».

Характерно, что указанная статья тов. Делба не была напечатана на русском языке.

Преподавательские кадры для «реорганизованных» абхазских школ, которые теперь называются грузинскими (реорганизованными) школами, были мобилизованы в основном из разных районов Грузии. Что же касается местных абхазских преподавателей, то многие из них оказались за стенами школ.

Вместе с тем в результате «реорганизации» количество абхазских школ, особенно средних, резко сократилось. Например, в Очамчирском районе, - в этом крупнейшем абхазском районе, - в данное время функционируют только две абхазские средние школы. А в городах Абхазии и вовсе закрыты абхазские школы, в том числе и Сухумская средняя школа - одна из лучших и старейших школ, история которой восходит еще к 1863 г. На базе этой школы создана 1-я грузинская мужская средняя школа.

Таким образом, городские абхазские дети лишены возможности проходить родной язык даже как предмет.

Причем имел место такой факт, по крайней мере, в начале первого года реорганизации абхазских школ, когда абхазским детям запрещалось поступать в русские школы. В этой связи характерен следующий случай. В начале 1946 г. демобилизованный абхазский

преподаватель Приморской средней школы (Гудаутский район) Анквабия обратился к М. И. Калинину с просьбой разъяснить, насколько правильно запрещение абхазским детям поступать в русские школы. Вскоре после этого названный товарищ был арестован и осужден на три года «за ложную информацию правительству», хотя в самом суде заведующая Приморской школы показала, что она действительно имела указание от соответствующих вышестоящих органов не принимать в школу абхазских детей. Впоследствии приговор Верховного суда Абхазской АССР об осуждении преподавателя Анквабия был отменен Верховным судом Грузинской ССР, как неправильный.

Преподавание абхазского языка и литературы в «реорганизованных» абхазских школах проходит не на должной высоте.

а) прежде всего количество часов, отведенных для изучения этого предмета, недостаточно.

Вот данные из учебного плана на 1946/47 учебный год
Количество недельных часов

Наименование предметов	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	Всего
Абхазский язык	4	4	4	3	3	3	2	2	-	-	-	25
Абхазская литература	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2	2	6

б) абхазские школы плохо обеспечиваются учебниками по абхазскому языку и литературе. Например, для старших классов учебники не издавались за последние 5-6 лет.

в) не готовятся кадры преподавателей абхазского языка и литературы. Сухумское абхазское педучилище (открыто в 1915 г.), которое в основном давало преподавателей для начальных и неполных средних абхазских школ, в связи с общей «реорганизацией» абхазских школ, было слито с грузинским педучилищем, при котором в начале оно было оставлено как абхазский сектор. Но и этот последний постепенно ликвидируется.

В нынешнем учебном году абхазский язык и литература во 2 классе проходят только как предмет, а в 1 классе они уже и как предмет не преподаются.

г) при Сухумском госпединституте не только нет абхазского сектора, но с 1941 г. прекращено преподавание абхазского языка и литературы, как дисциплины, абхазским студентам.

д) министерство просвещения Абхазской АССР не занимается переподготовкой преподавателей абхазского языка и литературы, да и в самом аппарате Министерства нет соответствующих специалистов. В результате такой постановки дела в ряде случаев абхазский язык и литература преподаются абсолютно некомпетентными лицами.

2. В г. Сухуми выходят три областные газеты, из которых одна абхазская («Апсны Капш»). Эта, по существу, единственная абхазская газета, неполная четырехполосная, между тем как две другие областные грузинская и русская газеты являются полными четырехполосными.

В Гудаутском и Очамчирском районах выходят газеты, в которых 50% материала печаталось на абхазском языке. Однако, за последнее время Очамчирская районная газета почти перестала печатать материалы на абхазском языке.

3. Примерно с 1941 г. прекращена местная радиопередача на абхазском языке; передача проводится только на грузинском и русском языках.

4. Игнорирование абхазского языка, как одного из государственных языков на территории Абхазии, наблюдается и в следующих фактах:

а) в июле 1946 г. Совет Министров Абхазской АССР вынес постановление (не опубликовано) о том, что вывески государственных учреждений, организаций, промышленных и торгующих предприятий писать только на грузинском и русском языках. Вслед за этим по всей Абхазии были сняты вывески с абхазскими надписями. А между тем в печати было сделано сообщение (16/VII.1946 г.), что замена вывесок производится якобы ввиду их неудовлетворительного внешнего оформления.

б) за последнее время и в круглой печати перестали делать надписи на абхазском языке.

5. Странно выглядит Союз советских писателей Абхазии, что видно хотя бы из следующих фактов:

а) с августа 1942 г. Союз советских писателей не имеет своего помещения.

б) Союз писателей не имеет и печатного органа. В начале войны, по вполне понятным причинам, временно был приостановлен выход

абхазского литературно-художественного журнала. После войны абхазские писатели перед соответствующими организациями много раз ставили вопрос о возобновлении выхода журнала. Но, наконец, на собрании писателей Абхазии в октябре 1946 г., посвященном обсуждению известного постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», секретарь Абхазского Обкома КП(б) Грузии по пропаганде т. Тускадзе, в связи с единодушным требованием абхазских писателей о возобновлении выхода абхазского литературно-художественного журнала, между прочим, в присутствии бывшего редактора журнала «Дружба народов» т. Деева, прямо заявил: «В Абхазии пока, за исключением 2-3-х лиц, нет настоящих писателей, когда они будут, тогда и подумаем насчет возобновления выхода журнала».

в) за последнее время Союз писателей, при наличии подготовленных к печати произведений лучших писателей Абхазии ничего не издает.

г) Союз писателей почти не проводит творческие вечера абхазских писателей.

6. Фактически на бумаге существует и Дом абхазского народного творчества. А между тем это учреждение, при правильной постановке дела, могло проделать очень полезную работу, если учесть объект его изучения - исключительно богатую и почти неисследованную ду-ховную культуру абхазов. Показательно, что среди работников Дома абхазского народного творчества нет ни одного человека, знающего абхазский язык.

7. Ровным счетом ничего не делается в отношении дальнейшего развития абхазской национальной музыкальной культуры, в деле выращивания соответствующих кадров.

8. Абхазо-грузинский хор, который в свое время прекрасно демонстрировал лучшие образцы абхазской народной песни и пляски, за последнее время изменил направление своей работы в полном соответствии с теперешним его названием «Государственный ансамбль грузинской народной песни и пляски».

9. Абхазские географические наименования систематически переводятся на грузинскую форму, а иногда и вовсе стираются. Вот некоторые примеры:

а) р. Хыпста (абх.) изменено на Тетри-Цкаро (груз.), р. Адзапш – Техури, м. Псырцха (или Новый Афон) – Ахали Атони и т. д.

б) с. Михельрипш – Салхино, с. Эшеры (абх.) - Земо-Эшери (груз.), с. Атара - Земо-Атара,

гор. Гагра - Ахали Гагра и Дзвели Гагра, с. Анухва - Земо -Анухва и Квемо-Анухва ущелье Бзыбта -Бзыпис-Хеви и т.д.

в) почти ко всем абхазским наименованиям прибавляется характерное грузинское окончание (суффикс) – «и»: р. Бзыбь (абх.) - Бзиби (груз.), с. Лыхны - Лихни, с. Бармыш - Бармиши, с. Бамбора - Бамбори, с. Тамыш - Тамиши, с. Калдахвара - Калдахвари, с. Мцара - Мцари, с. Аацы - Аацы и т.д.

Мы уже не говорим о том, что абхазские географические названия, уничтоженные российским царизмом, в связи с опустошением им целых районов, не восстанавливаются, даже когда это возможно, введенные русские наименования заменяются исключительно грузинскими (Сухумский, Гагринский и Гульрипшский районы).

г) меняются и абхазские названия улиц, кинотеатров и т.д. Так, Сухумские кинотеатры «Апсны» (по абх. «Абхазия») и «Алашара» (по абх. «Свет») переименованы. Порой ущелья и улицы переименовываются в «грузинские». Причем все эти изменения производятся, за редким исключением, без опубликования соответствующих официальных указов и постановлений. Вследствие этого в печати наблюдается большая путаница с географическими названиями.

10. В руководящие партийные и советские органы Абхазской АССР очень слабо привлекаются местные работники из абхазцев. Например, в аппарате Абхазского обкома партии в настоящее время работает всего лишь пять человек, а в аппарате Абхазского обкома комсомола нет ни одного ответственного работника.

Среди первых и вторых секретарей и секретаря по кадрам Абхазского обкома партии, председателя Совета Министров Абхазской АССР, первых секретарей и секретарей по кадрам райкомов партии, Министерства просвещения, секретарей Абхазского обкома и первых секретарей райкомов комсомола и т. д. нет ни одного абхазца.

Вместе с этим практикуется, особенно с 1944 г. систематическая т.н. мобилизация кадров из Грузии. За последнее время, таким образом, в Абхазию было направлено несколько тысяч человек. В связи с этим в городах Абхазии производилось чрезвычайное уплотнение населения, а также частичное отстранение местных работников с занимаемых должностей.

Причем эти мероприятия проводились в то время, когда многие демобилизованные местные работники не могли устроиться, а

некоторые, в том числе и заслуженные артисты абхазской драмы, вынуждены были оставить работу из-за неимения квартир.

11. За последнее время в Абхазии для переселенцев из районов Грузии выстроено 10 поселков. Строительство переселенческих поселков продолжается.

Эти поселки строятся, главным образом, в абхазских районах Очамчирском и Гудаутском, а также в Гагринском районе. Надо сказать, что плотность населения в этих районах не меньше и наличие свободных земель не больше, чем в других районах Абхазии и в некоторых районах Западной Грузии, например, в Мегрелии.

Очень часто такие переселенческие поселки вклиниваются в села с компактным абхазским населением.

Естественно, в этих случаях будет быстро нарушаться этническая целостность абхазского населения.

12. Примерно с 1940 г. и само слово абхазский народ «вышел» из официального употребления: абхазцев нельзя называть народом.

Стало почти невозможно печатать что-либо по истории и языку абхазцев. Например, Абхазский научно-исследовательский институт им. акад. Н. Я. Марра Академии Наук Грузинской ССР с 1940 г. ничего не издает, хотя имеются значительные научные исследования по истории и языку абхазцев и вопрос об их издании институтом неоднократно ставился. Сухумский госпединститут за это время выпустил три сборника. Однако статьи по истории Абхазии, согласно указанию обкома партии, были выключены из первого и последнего выпусков.

13. Для трудящихся Абхазии 4-е марта - день установления Советской власти в крае - был большим традиционным праздником. Но за последнее время эта знаменательная дата в жизни трудящихся Абхазии не отмечается. Не была отмечена она даже в 1946 году - на 25 году существования Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики! В этот день, в день 25 годовщины Советской Абхазии, в Сухуми-столице республики - даже газеты не вышли.

1. Г. ДЗИДЗАРΙΑ

Дзидзария Георгий Алексеевич - член ВКП(б) (п/б № 4332941), кандидат исторических наук.

2. Б. ШИНКУБА

Шинкуба Баграт Васильевич - член ВКП(б) (п/б №9016732),
кандидат филологических наук, поэт.

З. К. ШАКРЫЛ

Шакрыл Константин Семенович, член ВКП(б) (п/б № 4721101),
кандидат филологических наук.

25. 02.1947г.

Адрес: Абхазская АССР, гор. Сухуми, Руставели 2, Абхазский
научно-исследовательский институт им. акад. Н.Я. Марра
Академии Наук Грузинской ССР.

СЕКРЕТАРЮ АБХАЗСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА КП ГРУЗИИ Тов. МГЕЛАДЗЕ А. И*

Старшего научного сотрудника АбНИИ, кандидата исторических
наук, доцента ДЗИДЗАРΙΑ Г.А.

Настоящим хочу довести до Вашего сведения некоторые факты
проявления неправильной критики со стороны тов. Цулукидзе по
отношению ко мне.

На недавно состоявшейся XVIII Абхазской областной
партконференции тов. Цулукидзе подверг критике мой доклад «Из
истории обороны Кавказа», читанный на научной сессии АбНИИ 4
января с.г. Тов. Цулукидзе создал впечатление, что речь идет о некоем
законченном специальном и опубликованном труде, так как он без
всяких оговорок характеризовал доклад, как мою «последнюю
работу». А между тем это – «последняя работа» всего лишь
рукописный доклад, извлеченный, в основном, из моей монографии
«Абхазия в годы Великой Отечественной войны», которая находится
еще в процессе работы, что тов. Цулукидзе было хорошо известно.

Мне кажется, что уже сам предмет критики - рукописный доклад в
виде предварительного сообщения, с целью наметить направление или
основную схему событий на областной партконференции, не совсем

* *Мгеладзе Акакий Иванович* – в 1943-1951 гг. – первый секретарь Абхазского
обкома партии, в 1952-1953 гг. – первый секретарь ЦК КПГ.

подходящий объект. Но главное не в этом. По моему глубокому убеждению, мой названный доклад не страдает серьезными принципиальными ошибочными положениями.

Еще на научной сессии АБНИИ тов. Цулукидзе по поводу моего доклада выступил несколько тенденциозно, заявив, например, что в докладе не говорится о политических целях гитлеровской Германии в ее борьбе против Советского Союза, а экономическое значение Кавказа для врага преувеличивается, что, будто оно не в такой степени было важно.

В заключительном слове я имел возможность показать, на основании непосредственного текста доклада, несправедливость этих замечаний. Характерно, что тов. Цулукидзе не делал эти свои замечания в выступлении на конференции, но зато здесь он выдвинул ряд новых положений.

Одним из них является его утверждение о том, что в докладе совершенно недостаточно показана роль партийных организаций в деле организации обороны Кавказа. Однако, это не соответствует действительному положению вещей. И неслучайно, что тов. Цулукидзе об этом ничего не сказал в своем выступлении на научной сессии АБНИИ. В докладе приводится соответствующий материал.

Огульный характер критики тов. Цулукидзе особенно проявляется в его замечании о том, что значительная часть доклада - это просто перечисление фактов об освобождении того или иного города частями Советской Армии, при этом он делает странное заключение, что это не представляет никакой научной ценности, так как о взятии городов сообщалось в сводках Совинформбюро. В докладе всего лишь в одном (соответствующем) месте, а не в значительной части, говорится об освобождении городов (в докладе речь идет только о Краснодаре, Ростове и Новороссийске). Что касается второй части заявления т. Цулукидзе, будто сообщения Совинформбюро не представляют никакой научной ценности, то это совершенно ошибочно: материалы Совинформбюро, как известно, весьма важный вид источника!

Не могу также согласиться с мнением т. Цулукидзе, что оборона Кавказа в докладе освещена в полном отрыве от тыла и что сама оборона сведена лишь к показу действий отдельных частей Советской Армии.

В докладе материал, освещающий работу тыла, может быть приведен недостаточно, но нет основания говорить о том, что роль тыла абсолютно умалется. Нельзя также не учитывать того

обстоятельства, что я, как докладчик, был ограничен строгим регламентом. Во всяком случае, в докладе достаточно остро подчеркнуто, что, в условиях затруднений связи Закавказья с центрами страны, трудящиеся края в основном обеспечивали части Советской Армии всем необходимым, что они, под руководством партийных организаций, провели колоссальную работу по строительству оборонных сооружений и т.д. Что же касается того, что я с не одинаковой полнотой показываю действия частей Советской Армии, оборонявших Кавказ, то такое требование было бы совершенно справедливо, если бы речь шла опять-таки о более или менее пространной работе, а не о получасовом докладе, и я располагал бы соответствующим материалом. Я сознательно решил акцентировать внимание больше на событиях, имевших место на участке Кавказского хребта.

Повторяю, доклад не претендует, конечно, на полное исчерпание темы. Он потому и называется «Из истории обороны Кавказа».

Я отнюдь не хочу сказать, что мой доклад без каких-либо недостатков. В нем, конечно, имеются недочеты и отдельные упущения. Тема разрабатывается впервые, поэтому не приходится говорить об абсолютном совершенстве. Но все же думаю, что доклад выглядит уж не так примитивно, как его изобразил т. Цулукидзе.

Я очень просил бы Вас просмотреть мой доклад. Я надеюсь, что Вы увидите в нем, во всяком случае, следы определенной кропотливой работы и полной решимости известным образом познакомить слушателей с той исключительной опасностью, которую создал враг Советскому Кавказу, и с той великой силой, которая ликвидировала эту опасность.

Для доклада я старался собирать по возможности полнее разнообразный фактический материал, обобщить его и самостоятельно дать некоторую схему событий. Причем, он был написан именно как публичный доклад для широкой аудитории. Я считал возможным с таким докладом выступить и на научной сессии, на которую была приглашена широкая общественность города. В дальнейшем полагал читать его как лекцию.

Пользуясь случаем, должен заявить, что т. Цулукидзе по отношению ко мне не первый раз выступает с несправедливой критикой. На VIII Сухумской городской партийной конференции он выступил с «критическим разбором» моей работы «Келеш-бей Шервашидзе», где им были выдвинуты также весьма серьезные обвинения.

Тов.Цулукидзе и тогда создал впечатление, что речь идет о совершенно оформленной монографии. А между тем, последняя представляет собой лишь рукопись, находящуюся еще в черновом состоянии и составленную сверх тематического плана, в основном в первые годы войны. В ней собран богатый материал, но требуется еще большая работа, чтобы оформить. Я полагаю, что нельзя выступать на таком ответственном собрании с критикой подобной работы, которую, что еще хуже, он вообще никогда не читал и даже не держал в руках.

Такая критика, разумеется, не может способствовать творческому росту автора, ибо она мало что имеет общего с критикой воспитательной, педагогической. Переносить заушательскую критику очень тяжело, а здоровую критику, которая учит, только можно приветствовать*.

СЕКРЕТАРЮ АБХАЗСКОГО ОБКОМА КП ГРУЗИИ ТОВ. МГЕЛАДЗЕ А.И.

Старшего научного сотрудника АБНИИ,
кандидата исторических наук, ДЗИДЗАРИЯ Г. А.

Заявление

Будучи лектором Сухумского Госпединститута имени Л. П. Берия, я с 1939 года живу в ведомственном доме Института – общежитии лекторов (ул. Казбеги, 13). Но с начала нынешнего учебного года моя лекторская работа прекратилась**. В связи с этим обстоятельством дирекция названного института, нуждаясь в жилплощади для лекторов, приехавших в гор. Сухум на постоянную работу, предложила мне до 20 октября с. г. освободить занимаемую жилплощадь в общежитии лекторов (отношение дирекции Института прилагается)***. Еще в июне

* На первой странице письма имеется надпись: (передать) г. Тускадзе. А. Мгеладзе (подпись) 22.01.1949 г. *Тускадзе Иван Николаевич* работал тогда третьим секретарем Абхазского обкома партии по пропаганде.

** Был отстранен, выражено политическое недоверие (автор).

*** Приложение №№ 2, 3.

текущего года я подал заявление на Ваше имя о помощи в обеспечении меня квартирой. Не имею никакой возможности устроить себя в квартирном отношении. Семья моя состоит из пяти душ, из коих трое – малолетние дети.

Прошу еще раз Вашей помощи в обеспечении меня квартирными условиями.

18.10.1949 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КП ГРУЗИИ ТОВ. МЖАВАНАДЗЕ В. П.*

Членов КПСС Б.В. ШИНКУБА и
Г.А. ДЗИДЗАРΙΑ

В 1947 г. мы обратились, совместно с т. Шакрыл К.С., в ЦК ВКП (б) с заявлением, в котором сообщали некоторые факты, свидетельствовавшие о тех грубых нарушениях, которые допускались в области национальной политики в Абхазии. Факты, изложенные в письме, мы считаем правильными, а наш поступок – обращение в ЦК ВКП (б), лишь выражением уставной обязанности членов партии, т.е. сигнализацией о неблагоприятном положении дел в Абхазской АССР.

Вместе с тем мы считаем необходимым указать на то обстоятельство, что в отдельных формулировках и трактованиях фактов, указанное наше письмо в ЦК ВКП (б) страдает отдельными недостатками, имеющими свое объяснение. Таковой мы признаем формулировку относительно переселенческого дела в Абхазии. Однако бывшее руководство и в этом вопросе допускало нарушения. Мы хотели указать именно на это обстоятельство, что, к сожалению, не сумели четко отразить в письме.

Далее мы писали: примерно, с 1940 г. и само слово абхазский народ «вышел» из официального употребления: абхазцев нельзя называть народом. Нам следовало быть более точным, т.е. речь идет о том, что в Абхазии, при бывшем руководстве нельзя было употреблять

* *Мжаванадзе Василий Павлович* – Первый секретарь ЦК КПГ в 1953-1972 гг.

выражение «абхазский народ», что вытекало из общей антипартийной политики названного руководства.

Мы еще раз просим:

а) отмены решения бюро ЦК КП Грузии от 8 августа 1947г. по нашему вопросу, как неправильного.

б) реабилитации нас перед партийной организацией, поскольку мы в течение ряда лет являлись объектом организованной травли и злостной клеветы.

15.10.1953 г.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР ТОВ. РУДЕНКО Р. А*.

Зам. директора Абхазского Института языка,
литературы и истории АН Грузинской ССР
Г. А. ДЗИДЗАРΙΑ

г. Сухум, ул. Руставели, 2

Ознакомившись с обвинительным заключением Прокуратуры СССР по делу изменника Родины Берия, считаю своим долгом сделать следующее заявление:

Я, вместе со всем советским народом, выражаю свое глубочайшее возмущение по поводу неслыханных злодеяний изверга рода человеческого Берия.

Я, вместе со всем советским народом, испытываю чувство глубочайшего удовлетворения по поводу разоблачения подлого Берия и его изменнической группы заговорщиков.

Я, вместе со всем советским народом, требую стереть с лица нашей прекрасной земли Берия и К⁰ – эту мерзкую нечисть!

Из обвинительного заключения видно, как подлый Берия, под натиском неопровержимых фактов о его злодеяниях, трусливо отступает, огрызаясь, как издыхающая бешеная гадина.

В частности, этот агент международного империализма ложно пытался изобразить дело таким образом, что в 1920 г. он был арестован

* *Руденко Роман Андреевич* (1907-1981) – Генеральный прокурор СССР с 1953 г., Герой Социалистического труда (1972).

якобы за какие-то революционные дела. При этом Берия лицемерно сослался на биографическую статью о нем, помещенную в БСЭ.

Я хочу лишний раз подчеркнуть неопровержимый характер доказательств обвинительного заключения и сказать, что и эти слова Берия – суцая ложь. В подтверждение могу привести соответствующие документы того времени, известные мне из наших архивных фондов.

Полномочный представитель РСФСР в Грузии товарищ С.М. Киров, энергично разоблачавший перед мировой общественностью меньшевистский лжедемократизм, 9 июля 1920 г. обратился к министру иностранных дел меньшевистской Грузии с нотой, в которой требовал освобождения солдат, приговоренных к каторжным работам по делу о восстании в Сухумском полку 12 октября 1919 г. Среди этих солдат фигурирует и Лаврентий Берия. Некоторые грузинские историки (Жачапуридзе и др.), недопустимо поверхностно относясь к делу выявления и изучения фактов, этого Лаврентия Берия, упомянутого в указанной ноте, неправильно отождествили с ныне разоблаченным врагом народа Л. П. Берия. Фальсифицируя факт, они дошли до такого заявления, что будто Л.П. Берия был приговорен меньшевистским судом к тюремному заключению за проведение, по заданию Кавбюро ЦК РКП(б), подпольной работы в меньшевистской Грузии, и будто бы, только благодаря вмешательству С.М. Кирова, он был вырван из меньшевистского застенка.

Воспользовавшись этим, сподручный биограф Берия, Меркулов в БСЭ постарался использовать указанную ошибку наших историков в целях восхваления деятельности своего шефа.

В действительности, повторяю, в ноте С.М. Кирова от 9.VI.1920г. речь идет о другом Берия, а именно о Лаврентии Игнатьевиче Берия (по некоторым данным – Берая). Л.И. Берия (Берая) в качестве солдата служил в бомбометной команде 2-го пехотного полка, стоявшего в г. Сухуме. Он вместе с несколькими другими солдатами, перечисленными в указанной ноте Кирова (Н. Тодуа, Г. Чубинидзе, Б.Цомая, Н. Нозадзе), был арестован и предан чрезвычайному военному суду в связи с восстанием солдатской массы в названном полку в октябре 1919г.

Документы прилагаются*

18. 12. 1953г.
г. Сухум.

* Приложение № 8.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КП ГРУЗИИ ТОВ. В.П. МЖАВАНАДЗЕ

Г.А. ДЗИДЗАРИЯ - член КПСС, кандидат исторических наук, заместитель директора Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа

Заявление

15-го октября 1953 г. бюро ЦК КП Грузии отменило, как неправильное, решение бюро ЦК КП(б) Грузии от 8 августа 1947г. по поводу нашего совместно с тт. Б. В. Шинкуба и К.С. Шакрыл письма в ЦК ВКП(б) о неблагоприятном положении дел в Абхазии – о недопустимо грубом нарушении здесь великих принципов ленинско-сталинской национальной политики, допущенном в результате осуществления коварных установок трижды презренного врага партии и народа, махрового буржуазного националиста Берия.

В своем заявлении на имя первого секретаря ЦК КПСС товарища Н.С. Хрущева от 5 сентября 1953 г. я и Шинкуба просили об отмене указанного решения бюро ЦК КП Грузии. На основании этого заявления 15 октября 1953 года и было отменено решение бюро ЦК КП Грузии от 8 августа 1947г.

Однако постановление бюро ЦК КП Грузии от 15 октября 1953 г. по нашему делу не нашло своего необходимого отражения, в частности, в моих личных партийных документах. Ни в Сухумском городском, ни в Абхазском областном комитетах КП Грузии нет выписки указанного решения бюро ЦК КП Грузии, с которым таким образом после его принятия нас никто не ознакомил, а в моем личном партийном деле все еще остается в силе антипартийное решение бюро ЦК КП Грузии от 8 августа 1947 г. Вследствие этого я до сих пор не могу произвести обмен своих партийных документов, срок которых, установленный для нашей первичной парторганизации, давно истек. Сухумский горком (Мелия) обращался к соответствующим работникам ЦК КП Грузии, но пока нет никакого результата, хотя с тех пор и прошло достаточно времени.

Такое отношение нельзя, конечно, считать нормальным.

Вместе с тем, считаю необходимым заявить и о следующем. В упомянутом выше письме от 5 сентября 1953 г. мы также просили о реабилитации нас «перед партийной организацией, поскольку мы в течение

ряда лет являлись объектом организованной травли и злостной клеветы». Мы были уверены, что, и эта законная просьба будет удовлетворена полностью. Полагали же мы это необходимым поскольку, повторяю, в течение 5-6 лет нас всячески третировали, методично «прорабатывали» на партийных конференциях, пленумах, на собраниях партактива, первичных парторганизаций и т.д., словом, повсюду по каждому поводу, где и как это было возможно. И этот грубый произвол зарвавшихся сановников (Чарквиани, Мгеладзе и др.) выдавался за «большую деятельность» на идеологическом фронте.

На самом деле, как известно, вся эта шумиха была рассчитана на то, чтобы предупредить всякий возможный протест со стороны кого бы то ни было против неблагоприятного положения дел в Абхазии, против антипартийных действий бывшего партийного руководства республики.

Однако, к сожалению, данная наша справедливая просьба осталась без должного внимания, хотя после этого и прошли партийные конференции, не говоря уже о пленумах, собраниях партактива и т.д.

Я обращаю Ваше внимание на вышеизложенное обстоятельство в уверенности, что последуют соответствующие указания.

2.07.1954 г.

В ЦК КП ГРУЗИИ

Г.А. ДЗИДЗАРЯ – член КПСС, зам. директора Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН Грузинской ССР

Как мне стало известно, А. Мгеладзе обратился в ЦК КП Грузии с заявлением, в котором он пытается снять с себя ответственность, в частности, за те известные грубые нарушения национальной политики, которые были допущены в Абхазской АССР.

В связи с этим считаю своим партийным долгом сделать нижеследующее заявление об антипартийной, националистической деятельности А. Мгеладзе в Абхазии.

Будучи одним из подставных людей и ревностных проводников коварных установок махрового буржуазного националиста, врага народа и партии Берия, А. Мгеладзе в период своей работы в качестве первого

секретаря Абхазского обкома КП Грузии, а затем первого секретаря ЦК КП Грузии, нанес большой ущерб делу коммунистического строительства в нашей республике.

Была сделана чудовищная попытка исказить принципы национальной политики, вызвать недоверие и рознь между отдельными национальностями, в частности, создать трещину во взаимоотношениях между братским грузинским и абхазским народами, дружба которых скреплена многовековой историей.

Эта жалкая попытка разжечь в советском обществе глубоко чуждые социалистической идеологии идеи национальной вражды, как и следовало ожидать разоблачена и развеяна в прах.

Партийные организации республики провели и проводят большую работу по искоренению последствий преступных деяний Берия и его приспешников – Мгеладзе и других, носителей пережитков давно разгромленной в нашей стране буржуазно-националистической идеологии.

Извращения и искривления основных принципов политики Коммунистической партии по национальному вопросу нашли в Абхазии свое выражение, в частности, в вопросе выдвижения и расстановки кадров, в области народного образования и культурного строительства, а также в деле националистической фальсификации истории Абхазии и абхазского языка и т.д.

Местные работники из абхазской, русской и армянской национальностей, как правило, не выдвигались на руководящие должности в партийные и советские органы республики, например, на должности секретарей и зав. отделами обкома, горкомов и райкомов партии и комсомола; такое же положение наблюдалось в министерствах (сельского хозяйства, местной промышленности, финансов, здравоохранения, торговли и др.), горсоветах, а также в системе прокуратуры, Верховного суда, военкомата и т.д. В этом отношении исключение составляли, в большинстве случаев, беспринципные и ограниченные, ярые подхалимы и прислужники самого Мгеладзе, вроде Тускадзе и ему подобных.

Грубо попирая ленинский принцип подбора и расстановки кадров, буржуазный националист Мгеладзе выработал целую систему действий.

Мгеладзе всячески провоцировал и компрометировал честных партийных и советских работников, не брезгуя при этом никакими

грязными средствами. Коварство Мгеладзе доходило до того, что, применяя бериевские методы избивания и запугивания, он добивался ложных показаний против отдельных честных работников и потом с ними жестоко расправлялся (Г. Алшунба, Г. Папаскуа, А. Мелихов и др.).

Мгеладзе давал задание отдельным руководителям учреждений и организаций под разными предлогами выживать абхазцев, русских, армян. Причем, тот или иной руководитель, который оказывался "неспособным" осуществлять это позорное требование, нередко сам становился жертвой неугомонного Мгеладзе. Вообще, Мгеладзе решительно никого не терпел, кто ему хоть в чем-либо возражал.

Мгеладзе особенно враждебно относился к абхазским работникам, происходившим из Гудаутского района, что вытекало из того подозрительного недоверия, которое, как известно, питали Берия и его приспешники к населению данного района. В августе 1947 г. в личной беседе со мной Мгеладзе, со свойственным ему цинизмом, заявил, примерно следующее: «Среди ответработников, как видите, мы не держим абхазцев из Гудаутского района. Этому району мы не доверяем, он у нас на особом счету. Но гудаутским абхазским работникам не запрещаем жить, гулять под солнцем Сталинской Конституции».

В то же время проводилась, особенно с 1944 г., в широких размерах т.н. «мобилизация кадров» в Абхазию. Причем в большинстве случаев, это делалось без учета деловых и политических качеств направляемых на работу сюда лиц.

В связи с этим в городах республики в порядке чрезвычайных мер проводилось уплотнение населения. По прямому указанию Мгеладзе порой людей выбрасывали из квартир, чинились и другие нарушения законных прав советских граждан.

В результате всех этих бесчинств многие лица вынуждены были покинуть Абхазию и устраиваться на работу в других республиках.

Следует также отметить неблагоприятное положение дел в таких важных культурных очагах республики, как Сухумский пединститут и Управление по делам искусств, в которых не было абхазских кадров и ничего не делалось в направлении развития национальной культуры и подготовки соответствующих работников. Причем, чтобы лишить абхазцев, русских, армян и др. возможности поступать в указанный ВУЗ, были закрыты русские сектора почти на всех факультетах. Русские сектора были закрыты также в училищах и техникумах.

Грубейшие нарушения национальной политики в Абхазии были допущены и в области народного образования. Без ведома и вопреки желанию абхазского народа в 1945-1946 учебном году была проведена т. н. «реорганизация» абхазских школ, выразившаяся в прекращении обучения в начальной школе на родном абхазском языке, а во всех остальных классах – на русском языке. При этом абхазский язык, формально оставленный лишь как предмет, был сильно урезан в количестве часов, что было рассчитано на ликвидацию его преподавания, как это уже было сделано в 9, 10, 11 классах.

В результате этой «реорганизации» почти все абхазские учительские кадры оказались буквально выброшенными из школ, а их места были замещены специально мобилизованными учителями, главным образом, из отдельных районов Западной Грузии (кстати, многие из этих мобилизованных преподавателей имели слабую подготовку, что привело к плачевным результатам). Вместе с тем была прекращена подготовка преподавателей абхазского языка и литературы, выразившаяся в закрытии абхазского педагогического училища и упразднении преподавания абхазского языка и литературы на филологическом факультете Сухумского госпединститута.

Обращает на себя внимание и такой факт. Абхазским детям запрещалось поступать в русские школы. В этой связи характерен такой случай, имевший место в начале 1946 г. Преподаватель Приморской средней школы (Гудаутский район) т. Анквабия обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой разъяснить ему, насколько правильно запрещение детям абхазцев учиться в русских школах. Вскоре после этого названный учитель, по прямому указанию и нажиму Мгеладзе, был арестован и осужден на три года будто бы за ложную информацию, хотя в самом суде директор упомянутой школы подтвердила, что она имела указание не принимать абхазских детей в данную русскую школу. Кроме того, к материалам по делу т. Анквабия приобщено письменное распоряжение зав. Гудаутским РОНО о запрещении принимать абхазских детей в русские школы. Впоследствии приговор Верховного суда Абхазской АССР об осуждении преподавателя т. Анквабия был отменен Верховным судом Грузинской ССР, как неправильный. Известно также, что директор Гудаутской русской средней школы т. А. Лакербая был снят с работы из-за того, что он принял в указанную школу 5 абхазских детей.

Закрывались русские и армянские школы и училища.

Мгеладзе и иже с ним в течение ряда лет старались отравить сознание нашей молодежи буржуазным национализмом.

Росту и развитию абхазской художественной литературы чинились всяческие препятствия. Абхазский литературно-художественный журнал, закрытый во время войны, намеренно не возобновлялся, несмотря на неоднократные требования писателей. Издание же художественной литературы на абхазском языке было доведено до крайнего минимума, а в некоторых случаях уже начинали печатать произведения абхазских авторов не в оригинале, а только в переводе на грузинский язык (например, сб. стихов А. Ласурия), что имело целью ликвидировать абхазскую литературу. Дело уже доходило до того, что само выражение «абхазская литература» изгонялось из употребления, как был уже «изгнан» термин «абхазский народ». Жалкое существование влачила абхазская драма Сухумского государственного театра. Дело шло к ее ликвидации.

В Сухуме был закрыт русский драматический театр.

Ровным счетом ничего не делалось в отношении развития абхазской национальной музыкальной культуры, в деле выращивания соответствующих кадров. Не только не велась записи новых песен и музыкального фольклора, но были преданы забвению и даже уничтожены пластинки с записями абхазских песен. Из репертуара государственного хора были изъяты почти все абхазские национальные песни, а из ансамбля были изгнаны лучшие исполнители абхазских песен и танцев. Причем, и название ансамбля было соответственно изменено: «Абхазо-грузинский хор», который в свое время успешно демонстрировал лучшие образцы абхазской народной песни и пляски, был превращен в «Государственный ансамбль грузинской народной песни и пляски». Было прекращено радиовещание на абхазском языке.

Извращения и искривления национальной политики в Абхазии проводились под видом усиления работы на идеологическом фронте, борьбы с проявлением буржуазного национализма и даже пытались подвести под ним «научное» обоснование, которое сводилось к отрицанию этнической самобытности и национальной самостоятельности абхазского народа. Для доказательства своего основного тезиса: абхазы – грузины, абхазский язык – диалект грузинского языка, приспешники Мгеладзе, по его указанию, в мобилизованном порядке сфабриковали ряд статей и брошюр, а также были организованы устные и печатные выступления.

Немаловажную роль, по замыслам Мгеладзе и всего бывшего порочного руководства, должен был сыграть в этом отношении Абхазский институт языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа АН Грузинской ССР. Они стремились полностью исказить профиль института, поставить его на антинаучные позиции в деле изучения истории и языка абхазского народа.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что сигнальный экземпляр 24 тома «Трудов» Абхазского института, который был пронизан националистическим духом отрицания всякой самобытности языка, истории и культуры абхазского народа, был поспешно послан врагу народа Берия. Вместе с тем, в тот период имело место подозрительное посещение Института женой Берия, которая «интересовалась» деятельностью Института; ей были преподнесены упомянутый том «Трудов» и другие работы Института.

Антипартийная практика в подборе и расстановке кадров явно сказывалась и в деятельности Абхазского института. При этом искусственно задерживался рост абхазских научных кадров, и проводилось их избиение. Отстраняя негодных сотрудников от работы, Мгеладзе направлял в институт своих людей, без всякого учета их способностей к научно-исследовательской деятельности. Так, например, он устроил в Абхазском институте т. В. Адамадзе, который по указке того же Мгеладзе, получил целый особняк и был выдвинут депутатом в Сухумский горсовет как «передовой» научный работник. Между тем т. Адамадзе, вполне осознав свою полную неспособность к научной деятельности, сам ушел из института, не оставив, конечно, никакой научной продукции.

Мгеладзе стремился придать ложное направление и работе Абхазского госмузея им. Д. И. Гулиа. В частности, он и здесь пытался фальсифицировать или вовсе уничтожить все то, что было связано с культурой и историей абхазского народа. Дело доходило до того, что портрет основоположника абхазской литературы, народного поэта республики Д.И. Гулиа, имя которого носит музей, был снят со стенда.

Оголтелый национализм Мгеладзе доходил до таких размеров, что право на приобретение недвижимого имущества, а также получение фондовой жилплощади гражданами в городах было связано с их национальной принадлежностью. Более того, как уже отмечалось, этим антипартийным принципом Мгеладзе и К^о руководствовались при подборе и расстановке кадров, а также часто при приеме в партию.

Тупоумием и безумством была попытка насильственным образом заставить людей менять свою национальность и фамилию, так нередко практиковавшаяся во время бесчинств Мгеладзе в Абхазии.

Всем хорошо известен также факт варварского повсеместного уничтожения исконных абхазских топонимических и пр. наименований, а также некоторых памятников материальной культуры.

Авантюрист Мгеладзе и его сподручные не пощадили даже имя великого Ленина, имена великих писателей Гоголя и Шевченко, выдающегося русского терапевта Остроумова, известных пролетарских революционеров и деятелей Советского государства и др., беспощадно уничтожая связанные с их именами названия улиц, колхозов и т.д.

Я уже частично касался вопроса о методах действия Мгеладзе, для которых были характерны – обман, шантаж, вероломство. В этом отношении показательны и следующие факты.

Так называемая «реорганизация» абхазских школ, в действительности проведенная без ведома и вопреки желанию абхазского народа, всемерно изображалась как настоятельное требование и исполнение давнишней мечты этого народа. Участие же в данном деле одиночек из абхазской интеллигенции, в сущности, было результатом терроризирования этих последних.

В 1947 г. я совместно с тт. Шинкуба и Шакрыл обратился в ЦК ВКП(б) с сообщением о неблагоприятном положении дел в Абхазии. Бывшее руководство ЦК КП(б) Грузии инсценировало, с позволения сказать, проверку приводимых в нашем письме в ЦК ВКП(б) неопровержимых фактов. С этой целью в Абхазию приезжал тогдашний секретарь ЦК КП (б) Грузии П. Шария. Мгеладзе из кожи вон лез, чтобы состряпать ложное «опровержение» нашего письма. Он пустил в ход все средства: обман, запугивание, очковитирательство.

Таким насильственным антипартийным путем добытый дезинформационный «материал» по нашему делу и был представлен в ЦК ВКП(б), а нам был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку: «За попытку дезинформации ЦК ВКП(б) и клевету на Абхазскую партийную организацию» (Решение Бюро ЦК КП (б) Грузии от 8 августа 1947 г.).

Грубое попираание уставных прав членов партии по отношению к нам не ограничилось сказанным. Сам факт нашего обращения в ЦК ВКП(б) был расценен как тяжкое преступление. В дальнейшем же

нас начали третировать, методично «прорабатывать» повсюду по каждому поводу, где и как это было возможно.

Особенно неистовствовал Мгеладзе, который, возомнив, что все ему позволительно, в своих «обвинительных» речах (на партконференциях, пленумах, активах) наше письмо в ЦК ВКП(б) трактовал как проявление «буржуазного национализма», даже «фашиствующего национализма» и прямо «фашизма».

Причем после того как невинно был репрессирован секретарь ЦК ВКП(б) т. Кузнецов, которому мы непосредственно адресовали свое письмо в ЦК ВКП(б), Мгеладзе, почему-то окрыленный этим случаем, в своих истерических официальных выступлениях неоднократно заявлял: «Вы обратились именно к Кузнецову. Это не случайно, конечно. Кузнецов-враг народа. Попробуйте теперь написать ему. Пишите».

Как известно, т. Кузнецов полностью реабилитирован. Интересно знать, в какой связи с этим обстоятельством находится факт ополчения в свое время Мгеладзе на т. Кузнецова?

Мгеладзе и его приспешники старались сделать нас, авторов письма, пугалом для всякого, кто мог бы вообще осмелиться поднять свой голос против их бесчинств. И этот грубый произвол зарвавшихся сановников выдавался за «большую деятельность» на идеологическом фронте.

Издевательства непомерно распоясавшегося Мгеладзе дошли до того, что один из нас, т. Шакрыл, был и вовсе выжит из Абхазии.

Вот еще один характерный факт обмана ЦК партии со стороны авантюриста Мгеладзе. В мае 1951г. Мгеладзе вызвал меня и Шинкуба в свой кабинет и заявил, что т. Шакрыл, который в это время находился в Москве, совершил тягчайшее преступление перед партией и советским государством, на что имеется специальное сообщение из ЦК ВКП(б). Далее он сказал, что секретарь ЦК КП (б) Грузии Чарквиани требует установить наше отношение к этой «антипартийной вылазке» т. Шакрыл.

Не предполагая, что Мгеладзе идет на явную провокацию, что он ложно ссылается на высокий авторитет ЦК ВКП(б), мы не имея никаких сведений (вплоть до адреса) о т. Шакрыл, были вынуждены сделать заявление на имя Чарквиани о том, что с указанным действием т. Шакрыл ничего общего не имеем и если это так – порицаем.

Впоследствии нам стало известно, что «преступление» т. Шакрыл заключалось всего лишь в том, что он обратился в ЦК ВКП(б) с новым

заявлением, в котором повторял некоторые положения нашего совместного письма 1947 г. и просил о снятии с него партийного взыскания. Затем нам также стало известно, что Мгеладзе состряпал тогда пасквильную клеветническую характеристику на т. Шакрыл. Пытаясь ввести в заблуждение ЦК ВКП(б), Мгеладзе постарался приписать т. Шакрыл самые чудовищные обвинения. Наши же объяснения на имя Чарквиани Мгеладзе постарался использовать в указанной фальшивке как «соответствующий материал».

В январе 1947 г. в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН Грузинской ССР состоялась очередная научная сессия. Мгеладзе решил использовать эту сессию в целях обвинения некоторых неугодных ему работников данного института в идеологических ошибках. Для этого на сессию были направлены подхалимы и помощники Мгеладзе по грязным делам Гетия, Тускадзе и Цулукидзе.

Затем бывшему директору Сухумского госпединститута Р. Цуликидзе была представлена трибуна на XVIII Абхазской областной партконференции, где он меня и другого старшего научного сотрудника института т. Мелихова А.Н. постарался облить грязью. В ответ на наше возражение против обвинений Цулукидзе, кстати, никогда не отличавшегося политической и моральной чистоплотностью, вопрос обо мне и т. Мелихове стал предметом специального обсуждения на бюро Абхазского обкома КП Грузии.

Старый член партии и способный научный работник, кандидат исторических наук т. Мелихов А.Н. был изгнан из института и вообще из Абхазии по совершенно надуманному обвинению его в антимарксизме, космополитизме. В действительности же все содержание, весь смысл доклада т. Мелихова «Новое серебряное блюдо из Красной Поляны и вопрос о «Сасанидском» искусстве на Кавказе» заключается в стремлении доказать, что грузинское искусство было, не только самобытно, но и оказывало влияние на формирование искусств других стран Востока. В мае 1949 г. доклад т. Мелихова слушался в Тбилиси на расширенном заседании Отдела археологии Института истории им. акад. И.А. Джавахишвили АН Грузинской ССР, с участием научных сотрудников Института истории грузинского искусства и музея искусств «Метехи», где он получил, в основном, положительную оценку. В 1952 г. доклад был опубликован в 43 выпуске «Кратких сообщений Института истории материальной

культуры» и получил благоприятный отзыв со стороны члена-корреспондента АН СССР К.В. Тревер («Советская археология». т. XVI).

Мой доклад, посвященный истории обороны Кавказа в 1942 – 1943 гг., не понравился тщеславному Мгеладзе потому, что, как он в личной беседе говорил бывшему директору Абхазского института т. Ивардава, я не показал его, Мгеладзе, «роль» в этой обороне, каковую кстати, можно было бы разве только выдумать (по примеру некоторых подхалимов и личных «биографов» Мгеладзе). На заседании бюро Обкома Мгеладзе истерически кричал, что я игнорирую роль Берия в истории обороны Кавказа. Он упрекал меня и в том, что в лице т. Мелихова я не распознал «врага» грузинской культуры. Ополчившись на меня, Мгеладзе громогласно заявил: «Не во мне надо было искать врага, а в нем; между тем ты рядом с Мелиховым много лет сидел, но прошляпил» (имел в виду заявление 1947 г.).

На указанном же заседании бюро Обкома был снят с работы и директор института т. Ивардава, причем формально за то, что он считал несправедливыми вышеуказанные обвинения против т. Мелихова и меня, но в действительности в виду его «неблагонадежности» с точки зрения осуществления националистического плана Мгеладзе по «разгрому» Абхазского института.

Мгеладзе совершил и другие преступления. Приведенные в настоящем заявлении факты, известные мне, – это лишь незначительная часть тех антипартийных, националистических мероприятий, которые проводились в Абхазии Мгеладзе и другими приспешниками презренного предателя Берия.

Как видно из всего вышеизложенного, Мгеладзе был не просто слепым исполнителем воли своего шефа. Он проявлял инициативу и энергию в осуществлении черных замыслов этого негодяя, нередко предугадывая его далеко идущие коварные планы и намерения.

Причем бешеная активность Мгеладзе в этом направлении становилась тем безудержнее, чем сильнее разжигалось его безграничное чувство карьеризма, непомерная жажда получить «высокий пост». Ибо в этом стремлении рьяное осуществление националистической программы Берия в Абхазии им рассматривалось как верное средство достижения указанной честолюбивой мечты.

А что враг народа Берия направлял и внимательно следил за ходом дел в Абхазии, сам Мгеладзе еще в ту пору ни раз выбалтывал. В

этом отношении показательно, например, неоднократные заявления Мгеладзе о том, что Берия в курсе дела не только больших вопросов (кадров, школьного и пр.), но даже о каждом метре асфальтируемой улицы в г. Сухум.

Когда в 1947 г. я совместно с гг. Шинкуба и Шакрыл обратились в ЦК ВКП(б) с сообщением о неблагоприятном положении дел в Абхазии и когда, очевидно благодаря вмешательству Берия, это письмо приняло неблагоприятный для нас оборот, Мгеладзе издевательски цедил: «Почему же вы не обратились к Берия? Это и понятно... Но видите, что получилось. Поняли?».

Я глубоко убежден, что в соответствующих партийных архивохранилищах отложились материалы, которые могут раскрыть в более полном виде преступную связь между Берия и Мгеладзе.

Упомянутое выше заявление Мгеладзе в ЦК КП Грузии, в котором этот обанкротившийся горе-руководитель не признает своего тягчайшего преступления перед партией и народом, является лишним доказательством справедливости требований партийных организаций и отдельных коммунистов республики о безотлагательном исключении Мгеладзе из рядов партии и привлечения его к уголовной ответственности.

Я считаю своим партийным долгом еще раз требовать решения вопроса об авантюристе Мгеладзе в соответствии с указанным выше законным требованием партийной советской общественности республики.

19. 03.1955 г.

СЕКРЕТАРЮ АБХАЗСКОГО ОБКОМА КПГ
ТОВАРИЩУ БГАЖБА М.Т.

Членов КПСС Г.А. ДЗИДЗАРИЯ, Г. Д. ПИЛИЯ

Мы считаем своим партийным долгом довести до Вашего сведения о нижеследующем:

К нам часто обращаются колхозники с. Лыхны, где мы постоянно бываем, с просьбой поставить вопрос перед соответствующими органами и лицами о фактах разбазаривания колхозной земли.

Как известно, территория некоторых колхозов с. Лыхны непосредственно примыкает к г. Гудаута. Эти колхозные земли расположены вблизи железнодорожной станции, на живописном и курортном месте, вследствие чего, главным образом, они за последнее время стали объектом массовой незаконной раздачи индивидуальным застройщикам. Причем данная территория заселяется лицами, подчас случайными, не имеющими никакого отношения к Лыхненским колхозам, не участвующими в колхозном производстве, что является грубым нарушением Устава сельскохозяйственной артели.

Между тем названные колхозы считаются малоземельными и, следовательно, отмеченное явление серьезно ущемляет их интересы.

Создается впечатление, что пригородные земли с. Лыхны намеренно держатся почти в запущенном состоянии, тогда как на них можно и нужно создать сады и огороды, как места непосредственно примыкающие к курортному городу и через которые проходят дороги к центру села, являющемуся замечательной достопримечательностью и излюбленным местом отдыха трудящихся и народных празднеств.

Обращаем Ваше внимание и на то обстоятельство, что у въезда в с. Лыхны, на видном и красивом месте, начато строительство ветеринарной лечебницы, а также проектируется создание здесь мясокомбината. Кроме того, эта полоса превращена в свалочное место, где сбрасывается всякая нечисть из города. Все это совершенно недопустимо.

Мы считаем необходимым выделить специальную комиссию для детального изучения поставленных нами вопросов на предмет принятия соответствующих мер.

11. 03.1959 г.

ДОРОГОЙ ЭМИЛЬ АЛЕКСЕЕВИЧ!*

В отдельной справке, как мы условились, я высказал некоторые свои соображения по поводу учебника В. Гучуа и Ш. Месхиа «История Грузии», в частности, отражения на ее страницах вопросов истории Абхазии.

* *Сехниашвили Эмиль Алексеевич* – тогда заведующий отделом науки ЦК КП Грузии, чл.-корр. АН ГССР.

Кроме того, решил написать Вам и письмо личного характера. Начну с того, что довольно долго находился под впечатлением нашей последней беседы. Может быть, я тогда выглядел и не очень-то уверенным, по-видимому, от неожиданности... Теперь мое мнение по предмету главной темы нашего разговора, после долгого размышления, легло на бумагу. Думаю, что мнение это совершенно объективное и высказано ради общего и важного дела.

Вместе с тем хотелось бы затронуть и тот разговор, который возник на нашем партийном собрании по поводу того же учебника. Скажу прямо, о нем передали Вам без опасения быть, мягко говоря, плохим передатчиком. У нас, к сожалению, так порой бывает. Во-первых, разговор состоялся не где-нибудь, а на закрытом партсобрании, кстати, в присутствии президента, председателя Президиума Верховного Совета автономной республики, первого секретаря Сухумского горкома партии и зав. отделом обкома партии.

Во-вторых, он все-таки возник на этом собрании, возник и на местах, а в обкоме нам поручили изложить свое мнение. И я, как директор института и председатель собрания, не мог, конечно, уйти от вопроса. Учитывал при этом и присутствие президента. Ответ же мой носил скорее характер лаконичной информации, в рамках объективного подхода. Кстати, собрание, по официальному мнению, прошло на должном уровне, о чем сообщалось и в партийной прессе.

В результате работы над справкой я пришел к тому убеждению, что, хотя, конечно, учебник по сравнению с предыдущими изданиями и выглядит лучше, но все же нуждается в новом пересмотре и, следовательно, переиздании. Причем это следует сделать на другом уровне. К большому прискорбию, его ведущего автора проф. Ш. Месхиа, нашего друга и крупного ученого, давно уже нет среди нас. Но у нас, слава богу, немало других замечательных историков, с большим опытом научно-педагогической работы...

С наилучшими пожеланиями

· Р. С. Я хотел бы, чтобы с моим отзывом ознакомились и старшие товарищи. Но это на Ваше усмотрение.

26. 11. 1979.

ДОРОГОЙ РОИН ВИКТОРОВИЧ!*

Прочел текст о Грузинской ССР.

В целом он, на мой взгляд, добротный. Сделал кое-какие, мелкие поправки. Только вот... об Абхазском царстве. Это место я показал нашим специалистам. Такой «вариант» вызывает возражение. Следовательно, надо подумать «капитально». Нужна «сумма» умов ведущих специалистов (Г.А. Меликишвили и др.). Прилагаю мнение и наших специалистов (З.В. Анчабадзе, М.М. Гунба и Г.А. Амичба). А то «оригинальничание» автора в самом деле может обернуться худо.

Я считаю, что в работах такого характера должно быть только то, что уже «отстоялось», апробировано. Хотя автор, видимо для «убедительности» ссылается на «историческую традицию», но сам тут же нарушает ее (например, в названии царства).

Словом, очень и очень прошу Вас, ради общего и важного дела, быть здесь особенно осторожным. К слову сказать, до сих пор у нас в этом отношении все шло неплохо. На страницах вышедших томов ГСЭ вопросы истории и культуры абхазского народа нашли свое отражение.

Надеюсь, причины моего беспокойства и его благонамеренный смысл Вам совершенно понятны.

С наилучшими пожеланиями

17. 02. 1981.

ДОРОГОЙ ИРАКЛИЙ ВИССАРИОНОВИЧ!**

Может быть, настоящее мое письмо Вас и огорчит, но я считал своим долгом написать его. Речь идет о специальном томе ГСЭ, посвященном 60-летию Грузинской ССР.

* *Метервели Роин Викторович* – в то время заместитель главного редактора Грузинской Советской Энциклопедии.

** *Абашидзе Ираклий Виссарионович* – грузинский поэт и писатель, академик АН ГССР (1960), главный редактор Грузинской Советской Энциклопедии (ГСЭ).

Не касаясь достоинств этого издания, хотелось бы поставить Вас в известность о тех довольно многочисленных ошибках и неточностях, в частности по Абхазии, которые вызвали у нас здесь определенную реакцию.

Это тем более досадно, что ГСЭ на своих страницах всегда стремилась вопросы истории и культуры Абхазии освещать объективно и хорошо.

И очень жаль, что я и мои местные коллеги не получили возможности иметь под рукой работу в гранках, как это делалось до сих пор в отношении «обычных» томов ГСЭ. Нам дали только машинописную копию работы и лишь по Абхазской АССР.

Получили же мы материалы из отдела обкома партии, куда они были адресованы редакцией. К этой работе были подключены специалисты из разных учреждений, в том числе и из Абхазского института.

Наши ученые добросовестно потрудились над текстом, который изобиловал всевозможными ошибками и неточностями. Более того, такую «операцию» они произвели дважды, поскольку исправления и замечания, сделанные ими во время первого чтения, редакцией почти не были учтены. Как выясняется теперь, это, к сожалению, в значительной степени повторилось и после второй нашей правки.

Я оказался в неловком положении и как член гл. редколлегии, хотя в данном случае в этой роли, можно сказать, не получал никаких поручений (даже гранок), да и невозможно, конечно отвечать за каждую статью ГСЭ.

Между прочим, как рассказывал мне т. Техов Б.В., в аналогичном положении оказались и работники Юго – Осетинского НИИ.

Даже в названии раздела об Абхазской АССР допущена ошибка – пропущено слово «советская», а абхазский текст звучит просто смешотворно. Обратите внимание и на карту Абхазской АССР (с. 256) (кстати, ни этой и ни других карт никто из нас вообще не видел). Создается впечатление, что Абх. АССР – за хребтом. А фамилии? Вместо Кукба – Кунба (с. 333), Судаков – Суданов, Евреинов – Евреманов, Ченгелия – Чергелия и Черелия (с. 336) и т.д. Или же вот что говорится на стр. 335: «В 20-х гг. в Сухуми поселились (?) и работали художники: А. Бухов... художники – абхазцы И. Кортуа, Н. Лакоба (?). Г. Гулиа, Л. Шервашидзе и др.».

Теперь из других разделов книги, по которым, повторяю, мы ничего не имели. На стр. 174 фигурирует Дом-музей Т. (?) Чавчавадзе, открытие которого датируется 7915 годом (конечно, явная опечатка).

Между стр. 288 и 289 помещена карта – «Памятники грузинской архитектуры». На ней с. Отап, которое лежит около с. Члоу, очутилось за с. Бедия, а с. Саберио – в с. Царче. Непонятно, как название Мзымта появилось на С. Кавказе, около Зеленчука. Тли (Южная Осетия) тоже оказался за пределами ГССР. Вместе с тем название карты и определение отмеченных на ней объектов (в частности, расположенных на территории Абхазской АССР), по мнению специалистов, по крайней мере далеко не точно отражают действительное положение вещей. Были же здесь и иные памятники. Не приходится уже говорить о фактических (напр., купольные церкви Северного Кавказа названы базиликами) и языковых (базелики, Лыхне и др.) погрешностях. В тексте статьи «Архитектура и изобразительное искусство Грузии с древнейших времен до начала XIX в.» (с.285) ни один памятник монументальной архитектуры Абхазии до X в. даже не упомянут (с. 286). Между тем на карте «Памятники грузинской архитектуры» они обозначены.

Еще об одной карте, помещенной на стр. 51. На ней абхазы, вообще, не значатся. Но зато, так сказать, привольно, например, джикам на Северном Кавказе и сванам в пределах исторической Абхазии, составляющей, по той же карте, значительную часть одной из территорий грузинских царств – Колхидского царства. Кстати, джики, локализованные за хребтом, – предки садзов (джигетов), относящихся к абхазской этнической группе, и живших до сравнительно недавнего времени, т.е. до середины 60-х гг. XIX в. между Гагрой и Хостой.

Товарищи обращают внимание и на то, что при освещении раннесредневековой истории совершенно не упоминаются абхазские племена (абазги, апсилы), а также на характеристику Абхазского царства (с.62. 286 и др.) (вопрос, правда, не новый), которое, кстати, в ряде случаев взято в кавычки, хотя этого никто не делает в отношении, скажем, Колхидского царства, Лазского царства, Сабедиано или других терминов исторических источников. В книге оно, с самого начала его создания, интерпретируется только как западногрузинское государство. Вообще, в освещении этого вопроса здесь нет полной ясности. Между прочим, в БСЭ (т. 1. с. 45) об Абхазском царстве говорится: «В 80-х гг. VIII в. абхаз. князь Леон II возглавил борьбу Зап. Грузии против Византии, от крой она зависела, и добился полной независимости. В А. Ц. в это время входили вся Зап. и часть Вост. Грузии. Осн. население составляли абхазы, мегрелы и сваны». Я лично в одной из своих работ пишу так: «Абхазское царство (Абхазия и Эгриси)». Мне всегда казалось, что при характеристике

общности исторических судеб наших двух братских народов история Абхазского царства – как раз один из самых убедительных примеров.

На стр. 285 утверждается, что среди авторов, писавших «о существовании в Колхиде и Иберии на рубеже старой и новой эры... городов, дворцов...», назван и Ксенофонт – автор V–IV вв. до н. э.

Я отметил лишь некоторые моменты, на которые здесь обращают внимание. Если же книгу в целом подвергнуть тщательному анализу со стороны компетентных специалистов, то могут найтись и другие факты.

Все это еще раз подтверждает, насколько справедливо требование ЦК Компартии Грузии, выраженное в его известном постановлении по Абхазской АССР о максимальной внимательности к публикациям, связанных с историей Грузии и Абхазии.

Как же теперь быть? Конечно, самое идеальное решение вопроса – переиздать книгу в надлежащем виде. Но это, по-видимому, очень трудно, если даже не невозможно. Во всяком случае, надо что-то предпринять серьезное. Это повелительно необходимо.

Пишу я с большим беспокойством в связи с указанным выше обстоятельством, а также имея в виду исключительное значение и особую роль подобной книги (энциклопедия!), которая, как Вы сами понимаете, во всех отношениях должна быть безукоризненной, образцовой.

Наконец, очень просил бы, чтобы в дальнейшем не ставили меня в такое положение, в каком я оказался сейчас. Иначе у меня создается впечатление, что в моем пребывании в составе гл. редколлегии энциклопедии, очевидно, нет надобности.

С глубоким уважением и наилучшими пожеланиями.

11.02. 1983 г.

В АБХАЗСКИЙ ОБКОМ КОМПАРТИИ ГРУЗИИ

В 1981 году вышел специальный том Грузинской Советской Энциклопедии, посвященный 60-летию Грузинской ССР. К нам обращаются представители интеллигенции Абхазии, которые указывают на содержащиеся в ней ошибки и неточности, особенно в части, касающейся Абхазии.

И действительно, после внимательного знакомства с текстом книги, выясняется, что в ней имеются серьезные недостатки.

Ниже приводятся некоторые из них:

Уже в названии раздела об Абхазской АССР допущена ошибка – пропущено слово «советская», а абхазский текст звучит просто смехотворно.

На стр. 256 дана карта Абхазской АССР. Судя по надписи, может создаться впечатление, что Абхазия расположена на Северном Кавказе.

Искажены многие фамилии различных деятелей Абхазии. Например, Кунба вместо Кукба (с.333), Суданов вместо Судакова, Евременов вместо Евреинова, Чергелия или Черелия вместо Ченгелия (с.336) и т.д. Или же даются совершенно неверные сведения. Так, на стр. 335 говорится: «В 20-х гг. в Сухуми поселились (!) и работали художники: А. Бухов ... художники-абхазцы И. Кортуа, Н. Лакоба (!), Г. Гулиа, Л. Шервашидзе и др.».

Теперь о других разделах книги.

И текст (с.53) и карта «Грузия во 2-й половине I-го тыс. до н. э.» (с.51) не дают представления о том, что среди племен, населявших в эту эпоху территорию современной Абхазии, проживали предки и абхазского народа.

Следует отметить и такую частность, как размещение апшилов (исторических апсиллов) только на побережье (карта «Грузия I-IV вв. н. э.» (с. 54), в то время как они занимали значительную территорию и в предгорье (на карте же в этом месте показаны только сваны).

Абхазские племена (абазги и апсилы) не фигурируют также при освещении раннесредневековой истории Грузии («Грузия в IV-X вв.») (с. 58-61), если не считать того, что «абх. князья» были «в подчинении царя Эгриси». Таким образом, абазги и апсилы фактически исключены из исторических процессов, которые привели к образованию Абхазского царства. Ничего не говорится также и о распространении христианства среди абхазских племен.

Между стр. 288 и 289 приводится карта – «Памятники грузинской архитектуры». На ней с. Отап, которое лежит около с. Члоу, очутилось за с. Бедиа, а с. Саберио – в с. Царче. Непонятно, как название Мзымта появилось на Северном Кавказе, около Зеленчука. Тли (Ю.- Осетия) тоже оказалось за пределами ГССР. Вместе с тем название карты и определение отмеченных на ней объектов (в частности, расположенных на территории Абхазской АССР), по мнению специалистов, по крайней мере, далеко не точно отражают действительное положение вещей. Были же здесь и иные памятники. Не приходится уже говорить о фактических (напр., купольные церкви Северного Кавказа названы базиликами) и языковых (базилики, Лыхне и др.) погрешностях.

В тексте статьи «Архитектура и изобразительное искусство Грузии с древнейших времен до начала XIX в.» (с. 285 и сл.) ни один памятник

монументальной архитектуры Абхазии до X в. даже не упомянут. Между тем на карте “Памятники грузинской архитектуры” (между стр. 288-289) они обозначены.

Между стр. 192-193 имеется карта Грузии второй половины XVIII в., на которой в части Абхазии (Абхазети) отмечены: Цхуми, Зупу и Капаэтисцкали. Речь идет о г. Сухуме, с. Лыхны и р. Бзыбь. Надо было эти последние названия дать хотя бы в скобках. Между прочим, на указанных страницах помещены и другие карты Грузии, но без соблюдения хронологической последовательности (XVIII в., XVI в., XIII в., XIX в.).

Обращает на себя внимание и характеристика Абхазского царства (с.62, 286 и др.), которое, кстати, в ряде случаев взято в кавычки, хотя этого никто не делает в отношении, скажем, Колхидского царства, Лазского царства, Сабедиано или других терминов из исторических источников. В книге это царство с самого начала его создания, интерпретируется только как западано-грузинское государство. Вообще, в освещении этого вопроса здесь нет полной ясности.

Следует подчеркнуть, что при характеристике общности исторических судеб двух братских народов – грузин и абхазов – история Абхазского царства – как раз один из самых убедительных примеров.

На стр. 285 утверждается, что среди авторов, писавших «о существовании в Колхиде и Иберии на рубеже старой и новой эры... городов, дворцов...» назван и Ксенофонт – автор V в. до н.э.

На стр. 174 фигурирует Дом-музей Т. (?) Чавчавадзе, открытие которого датируется... 7915 годом.

Здесь отмечены лишь некоторые моменты, на которые, повторяем, обращают внимание товарищи. Если же книгу в целом подвергнуть более тщательному анализу, то видно, найдутся и другие факты.

Достойно сожаления, что именно в книге, которая по своему характеру (энциклопедия) должна быть безукоризненной, образцовой, содержатся столь досадные недостатки.

Все это еще раз подтверждает, насколько справедливо требование ЦК Компартии Грузии, выраженное в его известном постановлении по Абхазской АССР, о максимально внимательном отношении к публикациям, связанным с историей Грузии и Абхазии.

Член-корр. АН ГССР З. АНЧАБАДЗЕ

Член-корр. АН ГССР Г. ДЗИДЗАРΙΑ

17.02.83 г.

АКАДЕМИКУ Е. К. ХАРАДЗЕ*

Считаем необходимым внести следующие дополнения в энциклопедический справочник «Груз. ССР».

1. Стр. 62, столб. 1, абзац 2.

Добавить (перед словами «столицей царства стал г. Кутаиси»): – «данное название явилось отражением той важной роли, которую сыграли абхазы в образовании этого царства (подробнее см. Абхазская АССР, исторический очерк)».

2. С названия Абхазское царство снять кавычки.

3. На стр. 51 малую карту (в углу снизу справа) изъять.

4. Название карты Абхазии на стр. 256 взять в рамку.

5. Дать небольшую справку об абхазах и абхазском языке.

3. АНЧАБАДЗЕ

Г. ДЗИДЗАРИЯ

16.03.1983.

ДОРОГОЙ ЕВГЕНИЙ КИРИЛЛОВИЧ!

Прежде всего, глубокое Вам спасибо за Ваше доброе отношение к нашим делам и за теплый прием.

Мы с Зурабом тогда, возможно, и слишком побеспокоили Вас своими предложениями, но дело, как Вы сами понимаете, чрезвычайно серьезное.

Мы очень надеемся, что Вы на соответствующем уровне активно поддержите мнение, которое было высказано на заседании у Вас о целесообразности второго издания книги в ближайшей перспективе. Это очень важная идея. Об этом я написал и И.В. Абашидзе.

С глубоким уважением и наилучшими пожеланиями.

18.03.1983 г.

* *Харадзе Евгений Кириллович* – грузинский советский ученый – астроном и физик, академик АН СССР (1984) и ГССР (1955), Президент АН ГССР.

ДОРОГОЙ ИРАКЛИЙ ВИССАРИОНОВИЧ!

В тот раз я очень хотел поговорить с вами, но как-то не удалось. Хотелось сказать, что когда недавно я писал вам письмо (личное), абсолютно был уверен (кстати, и некоторые наши товарищи - соавторы) в том, что и второй раз мы получим материал об Абхазии в виде машинописной рукописи, а не гранок. За это недоразумение я приношу свои извинения.

Вместе с тем хочу заметить, что над этим материалом мы все потрудились немало, хотя и не избежали каких-то упущений. Вы, вероятно, помните, что было сделано много разных исправлений, часть из которых, как отмечалось в том же письме, к сожалению, оказалась неучтенной.

Кстати, на прошлом заседании у Е. К. Харадзе я на одной из гранок у т. Метревели заметил (я, конечно, ничего специально не сверял) одно из таких неучтенных исправлений - относительно того, что «абхазы живут преимущественно в Очамчирском и Гудаутском р-нах» (с. 323). Мы же считали правильным так: «Абхазы живут преимущественно в Очамчирском и Гудаутском р-нах, а также в городах Сухуми, Ткварчели, и Гагра» (лучше без «а также»), На заседании Зураб и я просили и просим, чтобы это место было исправлено в предложенном варианте или же вовсе не акцентировать на этом. Зураб интересовался также гранкой с исправлением в тексте об Абхазском царстве, но ее не оказалось у Р. В*. среди наличных «лент». Как помнят товарищи, тогда были исправлены и некоторые фамилии. Но теперь это уже ни к чему. Тем более, как я понял в прошлый раз, страницы с некоторыми этими ошибками будут перепечатаны (вкладыш) и тогда можно будет, как говорится, поставить все точки над і. Очень хотелось бы, чтобы мы имели возможность предварительно просмотреть этот текст.

И еще, на прошлой встрече для списка опечаток (важных) было названо несколько фактов (Р. В. их записывал). Будут ли в этот список включены и другие факты такого рода?

Пользуясь случаем, я также просил бы, чтобы впредь мне из редакции присылали:

1. Карты, схемы и другой иллюстративный материал, имеющие отношение к Абхазии.
2. Гранки с нашими исправлениями (для сверки).

* Р. В. Метревели – зам главного редактора ГСЭ.

Прошу меня извинить за беспокойство.

С глубоким уважением

Р. С. Дорогой Ираклий Виссарионович !

Мы очень надеемся, что и Вы поддержите мнение, которое было высказано на совещании у Е. К. Харадзе, о целесообразности второго издания книги в ближайшей перспективе. Это очень важно. Я не получил из редакции карт, схем и других иллюстративных материалов.

18.03.1983.

В АБХАЗСКИЙ ОБКОМ КП ГРУЗИИ

В настоящее время Министерство просвещения Грузинской ССР подготовило к печати учебное пособие по истории Грузии с древнейших времен до наших дней. История Абхазии представлена в нем в отдельных параграфах, наряду с историей других автономий ГССР, лишь с начала XIX в. (автор З. Анчабадзе).

Однако история Абхазии в предшествующий период, т. е. с древнейшего времени до конца XVIII в., освещается только в общих разделах по истории Грузии. Поскольку учебник содержит сведения не только по истории грузинского народа, но и всей Грузии, мы считаем более целесообразным представить в нем в виде самостоятельных сюжетов (параграфов, подпараграфов) и историю Абхазии с древнего времени до XIX в.

Напомним, что в постановлении ЦК КП Грузии «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Абхазской АССР, усилению организаторской и идейно-воспитательной работы среди трудящихся автономной республики» от 25 апреля 1978 г. предлагается организовать специальную компетентную комиссию по созданию учебника по истории Грузии, в котором, опираясь на строго научные данные, отразить историю всех автономных образований республики. Окончательный макет учебника обсудить на бюро ЦК КП Грузии с привлечением широкого круга ученых.

Просим поставить данный вопрос перед соответствующими органами Грузинской ССР.

Член-корр. АН ГССР

Член-корр. АН ГССР

Г. А. Дзидзария

З.В. Анчабадзе

17.11. 1983 г.

В РЕДАКЦИЮ ГСЭ О МИСИМИАНАХ (с. 154)

По мнению наших специалистов, неправильно категорическое причисление мисимиан к грузинскому этническому миру. По сообщению Агафия Миринейского - единственного достоверного источника по мисимианам и согласно новейшим археологическим данным, мисимиане, по всей вероятности, принадлежали к абхазскому этносу, будучи особенно близкими к древнеабхазскому племени апсилов. Во всяком случае, несомненным является то, что в раннесредневековое время они полностью слились с другими племенами (абазги, апсилы и др.), образовавшими раннефеодальную абхазскую народность, область их расселения вплоть до второй половины XIX века была занята абхазской племенной группой дал-цебельдинцев. Жили мисимиане, согласно источникам, не вблизи моря, а в горной местности.

Об этнической принадлежности мисимиан и их расселении см. работы З.В.Анчабадзе, Ш.Д.Инал-ипа, Ю.Н.Воронова, Г.А.Амичба и др.

Прошу все эти моменты учесть при редактировании данного текста и прислать нам для ознакомления окончательный вариант этого материала до сдачи в производство*.

ДОРОГОЙ РОИН ВИКТОРОВИЧ!

Статья о Сухуме просмотрена нашими специалистами, которые сделали ряд замечаний. Они сводятся в основном к следующему:

Статью о Сухуме следует начать с констатации того главного факта, что он является столицей Абхазской АССР.

Сухуме не только один из древнейших городов Абхазии и Грузии, но всего Восточного Причерноморья Кавказа.

Начало «Исторической справки» целесообразно изложить следующим образом: «Древнегреческие источники называли город Диаскуриадой, с первых веков н. э. римляне переименовали его в Севастополис; средневековые грузинские источники его именуют Цхумом. Исконное же абхазское название – Акуа».

* В оригинале дата не указана.

Генуэзцы создали торговую факторию в Севостополисе не в XII веке, а в начале XIV века, и не «с разрешения грузинского царского двора», а в результате политического распада и ослабления Грузии.

Османы в Сухуми построили крепость не в 1724 году, а восстановили крепость в 1578 году и превратили ее в свою основную опору на побережье Абхазии.

Восстание 1866 года в Абхазии было не только антиколониальное (против царизма), но и антифеодальное. Следовательно, его следует назвать народным восстанием.

В списке литературы о Сухуме как основные должны быть указаны работы М.М. Трапша «Древний Сухуми» и «Очерки истории Абхазской АССР» (в двух частях).

Статья страдает и некоторыми стилистическими погрешностями.

Наконец, желательно участие в авторском коллективе по вопросам истории и культуры Абхазии наших специалистов.

С глубоким уважением

16.04.1985 г

УВАЖАЕМЫЙ РОИН ВИКТОРОВИЧ

Разрешите, прежде всего, поздравить Вас и Вашу семью с наступающим Новым годом и пожелать всего, всего наилучшего.

В связи с приближением срока переиздания энциклопедического справочника «Грузинская ССР» хотелось бы напомнить наш разговор о привлечении в большей мере местных специалистов в составлении отдельных статей об Абхазии (в качестве авторов и соавторов). Это очень желательно и целесообразно.

С товарищеским приветом.

23.12. 1985 г.

В АКАДЕМИЮ НАУК СССР В ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК СССР

Я, Дзидзария Георгий Алексеевич, член-корреспондент Академии наук Грузинской ССР, профессор, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки Грузии и Абхазии, поддерживаю выдвижение Ученым Советом Высшей профсоюзной школы культуры ВЦСПС Лейберова Игоря Павловича, профессора, доктора исторических наук кандидатом для баллотировки на избрание в члены-корреспонденты Академии Наук СССР.

Тов. Лейберов И.П., 1928 г. рождения, русский, член КПСС, видный ученый-историк, специалист в области истории рабочего класса России и Петрограда, истории российских революций, партии большевиков и профсоюзов СССР. Он – автор более 160 научных и научно- популярных трудов; из них – шесть его монографий (их объем около 80 печ. листов) и одиннадцать коллективных трудов (главы, разделы глав, их общий объем около 50 печ. листов). В 1975 году Лейберов И.П. стал лауреатом Государственной премии СССР за участие в создании двухтомного коллективного труда «История рабочих Ленинграда» (М. – Л., 1972, ему принадлежат 9 и 10 главы). Общие результаты его исследований вошли в такие многотомные издания, как «История КПСС» (том 2-й), «История СССР» (том 6-й), «История рабочего класса СССР» (том 3-й).

Вторым важным и принципиальным направлением научных исследований И.П. Лейберова является проблемы кавказоведения, история русско-грузино-абхазских революционных и культурных связей. За последние годы им опубликовано по проблемам кавказоведения 25 научных работ объемом около 50 печ. листов.

Тов. Лейберов И. П. – автор двух изданий известной монографии «Цебельдинская находка. Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом» (М., Политиздат, 1976 и 1980 гг. тираж 200 тыс. экз.). Эта монография явилась результатом открытия и изучения автором уникального семейного архива трех поколений одной революционной семьи Вороновых – дворян-декабристов, революционеро-демократов и пролетарских революционеро-демократов.

На основе исследования вороновского архива, многочисленных документов архивов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Кутаиси и Сухума автор воспроизвел широкое и интересное историческое полотно общественно-политической и культурной жизни русского,

грузинского и абхазского обществ в 1861-1921 гг. Показаны связи революционеров Вороновых и их друзей с руководителями российской и закавказской революционной демократии и пролетарского движения. И.П. Лейберов убедительно доказал, что Вороновская «Ясочка» в 1901-1921 гг. являлась одним из крупных центров большевистского подполья в Закавказье, почтовым ящиком революции. Книга наполнена революционной романтикой, пролетарским интернационализмом, стойкостью и мужеством русских, абхазских и грузинских революционеров. Вскрывается процесс морально-нравственного становления революционеров, передача революционных традиции и освободительных идей от отцов к детям, от дедов к внукам.

Книга И. П. Лейберова «Цебельдинская находка» вызвала повышенный интерес научной и читательской общественности, и, в частности Закавказья. Положительные рецензии на этот труд появились на страницах журналов «Коммунист Грузии», «Вопросы истории», «Наука и жизнь», «Наука и религия», «Литературная Грузия»; в газетах «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Советская Абхазия» и др. В 1984 году И.П. Лейберов был удостоен звания «Заслуженный деятель науки Абхазской АССР». В настоящее время результатом многолетних исследований проф. И. П. Лейберова явилось создание историко-революционного мемориала «Ясочка» в селе Цебельда.

Весь комплекс кавказоведческих трудов И. П. Лейберова раскрывает практическое осуществление партий ленинских идей пролетарского интернационализма. И. П. Лейберов трудолюбив, настойчив в научных изысканиях, целенаправлен, скромен*.

Директор
Абхазского института языка
литературы и истории им. Д.И. Гулиа,
член-корреспондент АН ГССР,
профессор

Г.А. ДЗИДЗАРИЯ

*В оригинале дата не указана.

ДОРОГОЙ БАГРАТ!*

Сердечно, от всей души приветствую и поздравляю тебя со славным 70-летием и присвоением звания Героя Социалистического Труда. Это – высшая оценка твоего титанического творческого труда, на редкость плодотворной и многогранной деятельности. Вместе с тем эта высокая оценка относится и ко всему нашему народу, которому ты служишь верой и правдой как его истинный и испытанный сын. Ты его богатство и гордость!

Абхазского тебе долголетия!

Крайне сожалею, что по состоянию здоровья я не мог участвовать во всех превосходно проведенных мероприятиях, связанных с твоим примечательным юбилеем.

Но впереди еще 80-летие, 90-летие, 100-летие...

Твой друг и товарищ

12. 05.1987 г.

ПИСЬМА К Г. А. ДЗИДЗАРИЯ

Уважаемый тов. Г. ДЗИДЗАРИЯ!

Из вашего письма видно, что современные газеты и документы, в том числе и некий Филиппов писали и пишут о другом факте, который возможно имел место в Сухуме в 1918 году, когда приходил крейсер «Король Карл», если он приходил в Сухум? Но, я, как моряк, Черноморского флота, хорошо знаю этот бывший Румынский пассажирский пароход «Король Карл», который был в нашем флоте вооружен двумя пушками и служил вспомогательным крейсером, я его не могу смешивать с эскадренным миноносцем «Дерзкий», на котором во время прихода его в Сухум, я был председателем судового комитета и принимал участие во главе команды совместно с тов. Атарбековым и Эшба в установлении Советской власти в Сухуме в

* Шинкуба Баграт Васильевич (1917-2004) Народный поэт Абхазии. Народный писатель Кабардино-Балкарии, академик Академии наук Абхазии (1997).

феврале месяце 1918 года, а не в марте месяце, когда возможно в Сухум приходил крейсер «Король Карл». По-моему этот факт можно легко установить и уточнить теперь. Я вполне уверен, что в Сухуме есть оставшиеся в живых участники событий того времени, которые могут подтвердить, что военный корабль, который приходил в Сухум на помощь Красной Гвардии, пристал кормой к деревянной небольшой пристани, что мог сделать только миноносец или другой небольшой корабль, а не крейсер, который по своей глубокой осадке, не мог тогда пристать к пристани, а только мог остановиться на рейде, как делали все крупные пароходы и даже небольшие пассажирские пароходы как «Пестель» и другие.

При том, когда мы с Атарбековым и Эшба и многими сухумскими красногвардейцами абхазцами и моряками вели князя Эмухвари и Бадия от ревокома по Набережной на миноносец, то на Набережной было очень много народа и видели все это и я уверен, в Сухуме есть много людей, которые помнят этот факт и могут Вам подтвердить, что военный корабль был не крейсер, т.е. крупный корабль, а миноносец, который мог подойти к пристани. Неужели нужно верить некоему Филиппову и др. сомнительным источникам.

Если бы я сомневался в правдивости описываемых событий, я бы не настаивал, чтобы проверили через участников этих событий, живущих сейчас в Абхазии или в Сухуме. Если будете собирать участников революции и бывших красногвардейцев, для уточнения событий, прошу, пригласить меня.

В первом письме я рекомендовал Вам собрать в музее участников Красной Гвардии того времени и они Вам подтвердят и уточнят события.

Еще очень существенный факт, Вы пишете, что 17 марта 1918 г. меньшевистской гвардией в Батуме был захвачен крейсер «Король Карл», такого факта я не знаю. Если и был такой факт, то он мог быть только лишь потому, что на крейсере было меньшевистское большинство, которое позволило себя захватить, не иначе. Такой корабль, с такой командой, которая позволила себя захватить меньшевикам, конечно, не мог, приходить на помощь Красной Гвардии.

Тов. Дзидзария. Я Вам писал, что к газетам того времени нужно подходить критически, тогда писали в газетах, кому не лень, а тем более на Кавказе, где было засилье меньшевиков, возможно и теперь эти газеты являются историческими источниками революционных событий того времени.

История Черноморского флота, в документах находится в музее Черноморского флота в Севастополе, куда прошу обратиться за справкой, был ли крейсер «Король Карл» в 1918г. захвачен меньшевистской гвардией в Батуме.

Я неплохо знаю историю Черноморского флота, и не допускаю такого случая. События в Сухуме, в которых я принимал участие, очень ясно помню, потому, что они у меня в заметках записаны уже давно, вот почему я помню фамилии, факты, время.

Еще раз заявляю, что эсминец «Дерзкий» действительно помогал Красной Гвардии в установлении Советской власти в Сухуме в феврале 1918 г. и ушел из Сухума в Севастополь хоронить убитого на миноносце князем Эмухвари старшего унтер-офицера Коновальчука, а не в Батум, куда нам незачем было идти. . . .

Тов. Дзизария. О получении моего письма и о согласии или не согласии с описанием мною событий, прошу срочно поставить меня в известность.

С уважением к Вам:
26. 09. 1957 г.

П.ГРУДАЧЕВ*

ДОРОГОЙ ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ!

Недавно, и то совершенно случайно, я узнал о Вашем юбилее. Оказалось, что на торжество специально (индивидуально) приглашены были люди и моего круга, но в числе них меня почему-то не было. Не скрою от Вас, что это мне было крайне неприятно, так как я не считаю себя для Вас и Вас для меня случайным человеком, которого можно то помнить, то забыть по обстоятельствам.

Несмотря на это, горячо приветствую и сердечно поздравляю Вас с Вашим славным юбилеем - 50-летием рождения и 25-летием научной деятельности. Желаю Вам долгой жизни, крепкого здоровья и дальнейших успехов в Вашей весьма плодотворной и полезной работе на научном, педагогическом и общественном поприще.

*П. Грудачев - участник событий в Сухуме в феврале 1918 г.

Крепко жму Вам руку и пью за Ваше здоровье из рога, наполненного «Абхазским букетом».

Вечно Ваш

Шалва Чхетия*

10. 05.1964 г.

ДОРОГОЙ ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ!

В древности говорили: имеют книги свою судьбу... Это так подходит к данному случаю, когда я раскрыл, любезно присланную Вами, книгу: «Советская власть в Абхазии в 1918 году». Я был очень занят - поездки, юбилейные доклады, завершение III тома своей «Истории Великого Октября», занятия в Академии Общественных наук, и конечно, заседания, заседания... Но, как только открывается возможность заняться моей новой работой «1918 год», я немедленно принимаюсь просматривать материалы к ней и в том числе посмотрел Вашу книгу, о которой я помнил и которую отложил в папку материалов к «1918 г.».

Должен сказать, что работа Вам удалась. Во-первых, Вы пошли в ней дальше и глубже, чем сами об этом писали в своих прежних работах. Во-вторых, Вы чрезвычайно убедительно подтвердили, что Октябрьская революция это - не сумма отдельных, национальных революций, а единый процесс, охвативший всю страну, которая в целом была подготовлена к революции. Задача историков сводится к тому, чтобы не топтаться на особенностях, хотя это и нужно, а показать, как единая партия проводила общую для всех революцию в отдельных районах, областях, республиках, отличающихся местными особенностями. В-третьих, своей работой Вы исправили крен, односторонность, с которой изображали Грузию, впрочем как и все Закавказье (за исключением Баку), как республика, целиком оставшиеся в стороне от Октябрьского шквала.

Очень рад за Вас. Разумеется, в моем «1918 годе» работа Ваша найдет достойное отражение, а, если буду жив и найду время, то

* *Чхетия Шалва Караманович* – профессор, тогда зав. кафедрой истории СССР Тбилисского госпединститута им. А. С. Пушкина.

постараюсь написать обзор и о Вашей работе и о работе М. Эмирова о Дагестане и т.п.

До сих пор помню солнечный Сухум, теплый (дружеский) прием и даже (вот это странно!) свой собственный доклад в великолепном зале Обкома. Надеюсь, что Вы, при случае, передайте мою благодарность руководителям.

Большой привет Шалве Денисовичу. Может быть, мы встретимся у Вас в октябре, о чем своевременно сообщу.

Низкий поклон семье.

Всего доброго.

22. 5. 1973 г.

И. Минц*.

ДОРОГОЙ ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ!

Я так и не знаю получили ли Вы мое письмо с отзывом о Вашей работе. Мне «Советская власть в Абхазии в 1918 году» понравилась вдвойне: Во-первых, в ней больше данных, чем в Ваших прошлых работах, а во-вторых, Вы, наконец, разрушили легенду будто (кроме Баку) Закавказье осталась в стороне от Великой революции. Теперь придется исправлять и наши учебники. Я, в своей новой работе («1918 год: у истоков строительства социализма»), разумеется, широко использую Ваш труд, и кое-что добавлю из иностранных источников. Письмо я посылая в адрес Вашего института.

Но сейчас я взялся за перо по другому поводу. Как я писал Вам, мне очень хотелось в сентябре заехать к Вам на два-три дня. На этот раз я бы выполнил свое обещание Сухумского пединститута прочитать одну-две лекции по историографии Октября и гражданской войны.

Но человек предполагает, а судьба располагает: мне 30 сентября надо лететь в Бухарест, а затем в Варшаву. Вряд ли я вырвусь, - сегодня ведь уже 20 сентября. На всякий случай, если Вас не затруднит, спросите,

* *Минц Исаак Израильевич* – академик АН СССР (1946), Герой Соц. труда (1976), лауреат Гос. пр. СССР (1943, 1946), Ленинской пр. (1974). В то время Пред. Научного Совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская Социалистическая революция».

пожалуйста, у тов. Ахалая (из пединститута) не переменяли ли они своего намерения. Может быть, все-таки положение мое улучшится. Так вот пишу я Вам по поводу И. П. Лейберова. Вы знакомы с его Цебельдинской «находкой» писем членов семьи Вороновых? Я очень заинтересовался. Ведь по этим материалам (без преувеличения!) можно создать целую эпопею о «трех поколениях русской революции». Во всяком случае, следовало бы добиться создания музея или филиала Тбилисского музея. Я буду очень благодарен, если Вы поделитесь со мной Вашими соображениями.

Большой привет семье
и Шалве Денисовичу И. Минц.

P. S.: Вас не затруднит если я Вам сообщу о своем приезде и попрошу достать комнату в вашей чудесной гостинице? Впрочем, боюсь, боюсь, что из этого ничего не выйдет.

20. 09. 1973 г.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВ. ДЗИДЗАРИЯ Г.А.!

Дата документа - 1(12) августа 1785, указанная Вами, относится к реляции № 61 Булгакова Я.И. Екатерине II (л.7-9об.). К реляции имеется приложение (л. II-24об.), которое озаглавлено так: «Записка Константинопольских происшествий и новостей, 1785, июль».

На л.14об.-15 этой записки помещены сведения за 18 июля 1785 года.

На л.20 - сведения за 24 июля 1785 года.

Заместитель Начальника Историко-дипломатического
управления МИД СССР

Н. С. Агафонов

ОТ РЕДАКЦИИ ГРУЗИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Уважаемый Георгий Алексеевич!

Получили правленные Вами и Зурабом Вианоровичем верстки. Правки уже внесены в текст корректуры. Получили также Ваше письмо, в котором Вы просите не забыть исправить «Кунба» на «Кукба», «Суданова» на «Судакова», «Еременова» на «Евреинова», «Чергелия» на «Ченгелия». Эти исправления нами уже были сделаны в тех верстках, с которыми Вы ознакомились, за исключением «Кунба-Кукба», который упоминается в не подлежащем замене разделе «Наука и научные учреждения». Исправление «Кунба» на «Кукба» будет дано в списке опечаток.

Зам. главного редактора,
профессор Р. Метревели

20. 05.1983 г.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЗИДЗАРЯ!

С большим удовлетворением я вспоминаю встречу нас, группы люблянских студентов этнографии, с научными работниками Абхазского института языка, литературы и истории, во главе которого стоите Вы, Георгий Алексеевич. Мы узнали много интересного о Вашей полезной и нужной работе, искренне радовались за Ваши немалые достижения. Вернувшись в Любляну, мы рассказывали о том радушном приеме, который устроили Вы нам, неожиданным гостям. О своем «открытии» Абхазии написал в двухнедельной газете «Наши разгляди» член её редакции, участник нашей экскурсии Милан Вогел. Второй репортаж должен выйти в журнале «Пионер». Шлю Вам вырезку с его статьей и фотографию, сделанную одним из членов экскурсии.

Разрешите в конце письма пожелать Вам крепкого здоровья, дальнейших успехов в Вашей многогранной творческой работе!

С глубоким уважением
Сильво Торкар*

Любляна, 17 февраля 1984 г.

* *Сильво Торкар* – руководитель группы люблянских студентов – этнографов, приехавших в Абхазию на экскурсию.

АСАЛАМ ШӘКӘЫ

Уа мшабзиа, аңсуа жапар хҕәығырта ду, хашья, хапрофессор ду ЗИЗАРИА ГЪАРГЬ!

Раҕхьаза, ухацкы сцаат хәа асалам узынасышьтуеит, насгьы агәабзиара уманы, анцыра дугь узацны, анцәа сихәоит уатәеишьарц.

Саҕамзааит, сашьяду, ооымта ишахәтоу сеысзақәмыршәар, агәыбҕан сымхәцърра иамазаат.

Сашьяду, хапрофессор, хәтыр зқәу Зизариа Гь. Хара 1975 рзы Аңсны ханнеи шәаабейт, шака шәыбзиаз, хара аоашьяқәа ртәы акәын иаадыруаз. Иара аоашьяқәа аңсуаа цьукы-цьюкы шалоу шәанааба, даара идуззаны хәигәыргъейт.

Хара уау цсыуак хәқәитрак иманы, ибызшәала, илеишәала, ихаарала шәанахба – уи хара хзы жәангәашәгъарахейт.

Сара, сыхәтаала, ас шәыбзианы шәанызба, акы сацәшәан уигь, абасоуп: шәабацәа, шәабдуцәа аамтала амца халажьны ицеит, уажә ханбзиаха хәжәбаразы шәанаа, шәара цсадгьыл цсахцәоуп шәхәар хәа сшәон, шәхаткы сцаат, шәарт, амхәцъыр ахцәара изыхкьаз атоурых еиха ибзианы ижадыроит. Хҕәы кашәцаразы, хәбдуцәагь, рыбдуцәагь, амхәцъыр хцәарахь-хцара шәыргъшеит.

Аха сара сызхааныз, Аңсны иқәцыз хәбдуцәа рыцсадгьыл азы ишгәакуаз ицсит, рыцхарак ишақәшәаз анырдыр, шьардаоы ртаацәа кажьны рыцсадгьыл ахь амәа иқәлеит. Инеигь кәлеит, амәа иқәцсыз кәлеит, ара инханы ицсқәаз рыблақәа шыхтыз ицсит, рыцсадгьыл ишазыгызуаз....

Амхәцъыр рышьтахь ианхынхәуоз аамта бааңс ыкан, хазы ацәгәахәацәа – иеицыу еицрырхон мазала, уи уа ацынцәарах ашәкәы бзиа иаюуит. Хәбдуцәа изышьтибахуазцъшьагь шьарда иаизеицшқәейт, убас ишеизыцшоз рыцсынцры азынхейт, уажәеицшгь аамта ыкамызт. Ушьта еизыцшра хәа зыкалом, доусы ихы дазхаратәы ахы-ахшыю имооуп, иамуазар днеины, ицсадгьыл набаны иитахыу ихы иазихәыцаат.

Саҕамзааит жәытә Аңсны алацәажәара – лакәын, уажәтәи аамта лабәабахейт, шәбаны иааиз храцәоуп, ахәара хәәуп... Згәы хәхәаз, арахә реицш крыфарада ззымдыруа ушьта изууази.

Сашьяду, Зизариа Гьаргь, хәацкы сцаша, абра ағар ухәа, иаңсыуахәтоу аңсуаақәа ухәа, шәхәзхәыц шәымхәцъыр хазы, хәацсадгьыл азы хәабыргуп ушьта ихәзхәыцша, ихәхцәажәаша

шөхамоуп, амжа хзалшөх, ицагь ибзианы еитениааира, афар еилысуа, ахөынтқарқөа реибабара, нырцө ацара иақөйтны, ицагь аамтқөа тбаахо, афар еилысо, Ацсны амхацьырцөа дырго, Ацснытө мхацьырма атаца даахго.

Нас ацсуа чкөын иабхөараахь, уаха иамур, Ацсны шыапыла дцап, даөа өынеижөа шықөса рышьтахь хара хөхыкьоугь ацсшөа уацөшөаратөы икалоит. Зегь хэюуам, инаццаны шөазхөыц, ишөылшо хөынтқаррахь ала шөазхөыцлароуп.

Сара Инал-ица Шьалуа, Зураб Ачба, Аюзба Заур кыр цуеит ирзызоын, ашьтыбжь мгеит, аха ахөыцра иалагазаап, саргыы хашөхөыцразы дыргоуп, атак шыкамлогь здыруеит. Иахьа иеилкааны ихөмоуп матаматыкьла, Тьрқөтөыла мхацьырма Ацсны ахыгьхазара акара хшыкоу. Аха бызшөала ацөыз рацөоуп. Ахахаи ххөар ихашьтанеиуа анеизыразы инеишақөа мацхашт. Сажөа угөы амырзаат, хара Ацсны 1975 рзы аахыс иархазоуп, ииасыгьхазара иацлуеит. Абас ак схөар стахуп – харгыы хабдуцөа реигш, нас хөа еизыгьшра хзыкацтом, избан халазуоит. Анбанқөа ихөуз шьарда ихөхөеит, мамзар хабзшөа уадаөхон.

Шөхөыцырта халхымзаат, уи агөыгьарагь даараза рахө дук иаөызоуп. Хөтыр экөу Зизариа Гьаргь, ухацкы сцаат хөа сасалам дыржагь узынасышьтуеит.

Мшын нырцө шөымхацьыр ируаку
Тьрқөтөы Бганба Тенгьыз.

Сатамзаат сөыра шөзамыгьхар, цьабаа жөбар сшөоит. Сөыра иашьцьылақөоу ыкоуп – Аюз-гьха Фениа, Аслан Гөажөба, Нели Лакоба, Коғониа Етери ухөа.

Садрес өыцтөын. Ажөытө сгьсахт.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

Выписка

Из протокола №9 заседания комиссии ЦИК Абхазской АССР о назначении персональных пенсий от 20.08.1936 г¹.

Слушали:

Пункт 8. О назначении персональной пенсии семье покойного ДЗИДЗАРИЯ Алексея.

Постановили: За революционные заслуги покойного ДЗИДЗАРИЯ Алексея назначить его вдове ДЗИДЗАРИЯ Зизе Давидовне и детям персональную пенсию с 01.07.36 г. в размере 100 руб. в месяц за счет собеса².

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Проживающему в доме лекторов Сухгоспединститута им. Л.П. Берия по ул. Казбеги, №13. Тов. ДЗИДЗАРИЯ

Дирекция Сухгоспединститута просит Вас до 20/X-1949 г. освободить занимаемую Вами жилплощадь общежития лекторов. Она крайне нужна нам для лекторов, которые приехали в институт на постоянную работу.

Директор Сухпединститута
(Цулукидзе)

12.10. 1949г.

ПРИЛОЖЕНИЕ №3

Тов. ДЗИДЗАРИЯ

Дирекция института еще раз просит Вас освободить занимаемую Вами квартиру в доме преподавательского состава.

В случае не освобождения будем вынуждены дело передать прокурору.

Директор
Сухгоспединститута

Р. Цулукидзе

9.03.1950 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

ИЗ ОТЧЕТА

кандидатов исторических наук П. К. РАТИАНИ, И. Г. АНТЕЛАВА
и Г. А. ДЗИДЗАРΙΑ о научной командировке в Москву и Ленинград

Группа работников Абхазского Института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР в составе кандидатов исторических наук П.К. РАТИАНИ, И.Г. АНТЕЛАВА, Г.А. ДЗИДЗАРΙΑ в июне и июле с.г. совершила научную командировку в Москву и Ленинград с целью выявления архивно-документальных материалов в архивах названных городов по темам: «Государственные крестьяне в Грузии», «Жизнь и деятельность И. Чавчавадзе» и «Восстание 1866 г. в Абхазии», а также по некоторым другим вопросам истории.

И.Г. Антелава и Г.А. Дзидзария выехали в Москву 20 июня, а П. К. Ратиани 3 июля. В Москве были обследованы следующие Центральные Государственные архивы: Военно-исторический (ЦГВИА), Исторический (ЦГИА) и Древних актов (ЦГАДА), а так же отдел рукописи Всесоюзной ордена Ленина библиотеки им. Ленина.

Из Москвы в Ленинград выехали П.К. РАТИАНИ и Г.А. ДЗИДЗАРΙΑ 20 июля, а И. Г. АНТЕЛАВА, по состоянию здоровья, выехал в Сухум 19 июля. В Ленинграде работа продолжалась до 30 июля, и объектами обследования являлись Центральный Государственный исторический архив (ЦГИАЛ) и Областной архив.

В результате изысканий в перечисленных архивах были найдены в целом ценные материалы по названным выше темам и вопросам [...].

Г. А. ДЗИДЗАРΙΑ, в ЦГВИА в Фондах ВУА и Главного штаба (№ 400.Аз. ч.) был найден богатый материал по истории Абхазии XIX в. В частности, в объемистом деле № 54 фонда Главного Штаба

имеется обширный и интересный материал по вопросу восстания 1866 г. В этом деле содержатся также документы об имущественном положении и вознаграждении членов владетельского дома Абхазии. Из других материалов, хранящихся в данном архиве, были зафиксированы: рукописи бар. Аш (1831 г.) и бар. Ф. Торнау (1835 г.) об Абхазии, «Краткое военно-статистическое описание Абхазии» анонимного автора (1843г.); разнообразные документы, говорящие о крестьянах и крестьянских выступлениях в Абхазии в XIX в.; дело о военных событиях в Западной Грузии в период Крымской войны и позиции Михаила Шервашидзе во время этой войны; вообще большое количество материалов о Михаиле и других князьях Шервашидзе, в которых содержатся ценные сведения по ряду вопросов истории Абхазии XIX в.; карты Абхазии и план отдельных крепостей и пунктов, расположенных в ней (первая половина XIX в.). Кроме того, был учтен фонд Н. Н. Раевского, в котором имеется материал о жизни и деятельности Раевского на Кавказе вообще, в Абхазии в частности, и т.д.

В ЦГИА в Москве внимание было уделено главным образом, фондам Зимнего дворца, Михаила Николаевича Романова - наместника Кавказа и императора Александра II. В указанных фондах содержится обширная переписка между императором и наместником, с одной стороны, между последним и Кутаисским генерал-губернатором, с другой, о восстании 1866 года в Абхазии. Эти официальные документы дают значительный фактический материал, характеризуют размах восстания и его место в общей цепи массовых народных движений в XIX в. Надо также заметить что рассматриваемые документы являются почти исключительно подлинными (оригиналами) и они до сих пор совершенно не были известны. Кроме того, был просмотрен фонд Г.Д. Шервашидзе (№ 1110), из которого можно почерпнуть данные социально-экономической характеристике Абхазии перед восстанием 1866 г.

В отделе рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. Ленина было просмотрено несколько фондов. В фонде Милютинна найдено: одно письмо наместника Кавказа к военному министру, которое в значительной своей части посвящено событиям в Абхазии в 1866г.; рукопись (дневник) Н. Дубровского о том же (1869 г.); рукопись ген. Филипсона об Абхазии (1854 г.) и др. Вместе с тем, в публичной библиотеке были просмотрены газеты «Кубанские

войсковые ведомости» за 1866 г., «Московские ведомости» за 1867 г. и «Сухумский вестник» за 1915г., в которых имеются некоторые сведения о восстании 1866г., и последовавших затем событиях в Абхазии и о положении края в начале Первой мировой войны.

В Ленинградском ЦГИА также было просмотрено несколько фондов. В фонде Кавказского комитета (№1268) имеются два больших дела (№№ 76 и 85), которые содержат исключительные материалы об Абхазии. Основное содержание этих материалов - введение русского управления в Абхазии, описание имущества князей Шервашидзе и вознаграждение этих князей.

Указанные выше материалы были тщательно просмотрены, сделаны обширные выписки и частично перепечатаны на машинке.

7.03.1951г.

ПРИЛОЖЕНИЕ №5.

ОТЧЕТ

старшего научного сотрудника Г.А. ДЗИДЗАРΙΑ о научной командировке в г. Краснодар с 10-го по 20-е мая 1952 года.

Согласно рабочему плану, мною была совершена научная командировка в г. Краснодар. Целью командировки являлось обследование Центрального государственного архива Краснодарского края и изыскание архивно-документальных материалов по моей тематической работе этого года и вообще по истории Абхазии.

В результате десятидневного тщательного изучения фондов указанного архива, мной был найден ценный материал по интересующим меня проблемам и вопросам истории Абхазии. В фонде помощника начальника Кубанской области по управлению горцами (№ 452) содержатся документы, которое освещают очень важные стороны восстания 1866 г.: его антифеодальное содержание и связи с теми крестьянскими выступлениями, которые имели место в разных областях Северного Кавказа на почве же подготовки к проведению грабительской крестьянской реформы, а также значение события в Абхазии в усилении этой общей борьбы крестьянства края. Кроме того, рассматриваемые документы дают возможность проследить те

меры, которые были приняты властями для изоляции восстания в Абхазии, от волновавшегося крестьянства Кабарды и других областей Северного Кавказа, а также нанесения удара повстанцам с этой стороны.

В фонде Черноморской береговой линии (№ 260) содержится разнообразный материал, интересный для освещения: работ по строительству гор. Сухума и дорог в Абхазии в 40-50 гг.; эксплуатации крестьянства местными феодалами и царскими чиновниками; состояния земледелия и землепользования в Абхазии; положение Цебельды в 40-гг. (социально-экономические сведения и пр.), биографии этнографа С. Званба (новые данные) и т. д.

В фонде воспоминаний участников гражданской войны на Кубани и Черноморье (№ Р-411) обнаружены новые факты по истории борьбы за Советскую власть в Абхазии в 1918г., в частности, характеризующие связи этой борьбы с событиями на Кубани и Черноморье.

Кроме того, была просмотрена периодика за 1917-1921 гг.: журнал «Прикубанские степи» и газеты «Прикубанская правда», «Известия Кубанск. обл. ЦИК...», «Красное знамя», «Красное Черноморье» и др. Найдены очень ценные сведения по истории борьбы за советскую власть в Абхазии в 1917-1921 гг. Особо должен быть отмечен материал, содержащийся в газ. «Известия Кубан. Обл.ЦИК»... от 9 мая 1918 г., который характеризует события в Абхазии весной 1918г., как часть той общей борьбы, которую вел советский народ на юге России в этот период.

Указанные и другие архивные и печатные материалы были внимательно просмотрены, сделаны соответствующие выписки (в объеме около 1 печ. листа) и будут частично перепечатаны на машинке (в объеме около 2 печ. листов).

22. 05. 1952 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ №6.

ОТЧЕТ

старшего научного сотрудника Г.А. ДЗИДЗАРИЯ о научной командировке в г. Тбилиси с 19 июня по 1 июля 1952 г.

Согласно рабочему плану, мною была совершена научная командировка в гор. Тбилиси с 19 июня - 1 июля с. г. Целью командировки было выявление архивных документов в ЦГИА Груз.

ССР и в Государственном музее им. акад. С.Н. Джанашиа по проблеме «Крестьяне Абхазии в XIX в.».

В ЦГИА Груз. ССР мной изучались материалы следующих фондов: Кавказской археографической комиссии (416), департамента главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Часть судебная (7), департамента общих дел главного управления наместника Кавказского (8), Кавказского военнопольного управления (545), Канцелярия Кутаисского генерал-губернатора (1115), канцелярии наместника Кавказского (4), Главного штаба Кавказской армии (548), Канцелярии Кутаисского губернатора (19), Кириона (1458) и др. Объем всего изысканного документального материала в архиве равняется, примерно, 20 п.л.

Изысканные документальные материалы из указанных фондов ЦГИА Грузинской ССР отражают: юридическое и экономическое положение крестьянских категорий (анхаю, ахую, ахашвала), признаки разложения крестьянства в обстановке развития товарно-денежных отношений; поземельные отношения; дифференциацию класса феодалов (тавады и аамста и их подразделения); развитие торговли города Сухум, путей сообщения и некоторых других сторон экономической жизни края перед крестьянской реформой; рост классовой борьбы крестьянства, в частности историю восстания 1866 г.; махаджирство, провокационную роль султанских агентов и предательство местных феодалов; деятельность Сухумской сословно-поземельной комиссии, подготовка и проведение крестьянской реформы в Абхазии и пр.

В Государственном Музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа изучал, главным образом, дела фондов Е. Вейденбаума (№3) и М. Туманова, здесь также были выявлены любопытные материалы, относящиеся к разным вопросам истории Абхазии XIX в., в частности подлинные письма Тамары Шервашидзе (1821 г.) и Димитрия Шервашидзе, подлинные рукописи Лисовского о Цебельде (1838 г.), Е. Вейденбаума «История Абхазии» (106 листов), копии рукописей Ф. Торнау, С. Званба и др.

Кроме того, изучал литературные источники в публичной библиотеке имени К. Маркса. Сделаны соответствующие выписки из: «Обозрения абхазских и самурзаканских церквей в 1870 году» епископа Имеретии Гавриила (Газ. «Кавказ» за 1870г.), «Очерков Абхазии в сельскохозяйственном отношении» А. Пахомова (ЗКОСХ,

№№ 1-2, 1867 г.), книги П. П. Стефанова «Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе» (Багум, 1906 г.), статьи К. Мачавариани «Очерки Абхазии» (газ. «Черноморский вестник», № 254, 1899 г.) и др.

Объем выписок из архивных и литературных источников достигает около 2 п.л.

Объем архивного материала, который будет перепечатан на машинке и поступит в распоряжение Абхазского Института, равняется, приблизительно, 16 п. л.

3.07. 1952 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ №7.

ОТЧЕТ

старшего научного сотрудника Г.А.ДЗИДЗАРЯ о проделанной работе в 1952 году

В 1952 году, согласно рабочему плану, я работал над темой «Социальный строй предреформенной Абхазии».

Работа протекала по линии сбора архивно-документальных материалов и изучения, как этих материалов, так и соответствующей литературы, а также написания части темы, в которой выясняется положение крестьянской категории анхаю.

В части сбора и изучения материалов сделано следующее: в первом квартале изучал ранее собранные архивные материалы, хранящиеся в библиотеке Института и литературу вопроса. Во втором квартале приступил к выявлению новых архивных материалов в ЦГА Абхазской АССР; с этой же целью были совершены научные командировки в Краснодар и Тбилиси. В результате этих изысканий был найден интересный материал по истории крестьянства Абхазии в XIX в. в объеме около 20 печ. листов. Кроме того, сделаны соответствующие выписки в объеме около 3-х печ. лист. (Подробные отчеты о результатах научной командировки своевременно представлены в отдел).

Среди документов, найденных в ЦГА Абхазской АССР исключительное значение имеют материалы Сухумской сословно-поземельной комиссии (Ф. 57). В делах этой комиссии были обнаружены записки, протоколы и

др. документы, в которых содержится обильный фактический материал для характеристики социального строя и социальных отношений в Абхазии в XIX в.

Особенно интересны подлинные грамоты и «расписки», данные отдельными феодалами или крестьянами тому или иному крестьянину или помещику.

Изысканные в Тбилисском и Краснодарском госархивах материалы, относящиеся, в частности, к истории восстания 1866 года в Абхазии и положению крестьянской категории анхаю углубляют наше представление об этих вопросах, дают возможность осветить по новому некоторые их стороны. На основании этих материалов можно считать ясным, например: наличие непосредственной связи восстания 1866 г. в Абхазии с другими крестьянскими выступлениями, имевшими место в это время в других областях Кавказа, антифеодальное содержание этого восстания; процесс, с одной стороны, закрепощения крестьян анхаю, дифференциация внутри этой категории, с другой. Следует также указать на документы, которые дают нам новый фактический материал для выяснения: форм и роста эксплуатации крестьянства, развития товарно-денежных отношений и пр.

В отчетном периоде по теме «Категория крестьян анхаю (пиоши)» было написано около 6 печ. лист.

Главнейшие итоги наблюдений над историей анхаю (пиоши) в предреформенный период следующие:

1. Анхаю (пиоши) составляли основную массу населения и главную производительную силу феодальной Абхазии.

2. Категория анхаю подвергалась нараставшей феодальной эксплуатации в связи с развитием крепостнических отношений, с одной стороны, и ростом товарно-денежных, - с другой.

3. Основой этой эксплуатации крестьянства помещиками, как и всего феодального строя, являлась феодальная собственность на землю. Другой момент взаимоотношений между помещиками и крестьянами заключался в личной зависимости, во внеэкономическом принуждении последних первыми.

4. Рассматриваемая категория крестьян не составляла однородной по своему хозяйственному и правовому положению массы; она распадалась на отдельные прослойки; ее однородность давно исчезла, что нашло свое отражение и в специальных названиях для обозначения отдельных групп.

5. Происходило постепенное прикрепление к земле еще не полностью закрепощенных анхаю; непрерывно росли отбывавшиеся

ими повинности, принимавшие наиболее тяжелые формы феодальной эксплуатации. В силу этого в порядки, на которых основывались права и обязанности крестьян, вносились изменения, в отдельных случаях эти изменения закреплялись письменными документами, ограничение крестьян фиксировалось как законное ограничение. Следует, однако, заметить, что вследствие различия условий разных районов, объем и характер повинностей анхаю были неодинаковыми как для отдельных их прослоек, так и в территориальном отношении.

6. Между крестьянами анхаю, отстаивавшими свои преимущества, и помещиками, стремившимися максимально закрепить этих последних, происходила постоянная борьба. Классовая борьба крестьянства, проявлявшаяся в ярких фактах, имела разнообразные формы. Однако живучесть дофеодальных пережитков, своеобразно переплетавшихся с феодальными отношениями и оказывавших влияние на сферу экономического развития и классовых отношений, тормозила, с одной стороны, тенденцию помещиков к закреплению крестьянства и борьбу между этими антагонистическими силами, - с другой.

Вместе с тем в 1952 году была подготовлена к печати (для очередного номера «Трудов Института»), работа «Абхазия в 1917 г.» (4 печ. листа). Кроме того, несколько была расширена тематическая работа прошлого года «Восстание 1866 г. в Абхазии» в связи с изысканием новых материалов, в результате научных командировок. Написана и послана в редакцию журнала «Исторические записки» статья «Из истории установления советской власти в Абхазии» (2 печ. листа).

В Институте прочитаны доклады: «Карл Маркс (жизнь и деятельность)» и «Роль IX Красной Армии в установлении советской власти в Абхазии», а на выездной научной сессии Отделения общественных наук АН Грузинской ССР – «Антифеодальные крестьянские выступления в предреформенной Абхазии».

23.12.1952 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ №8.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Г. Сухум Октября 21 дня и. об. Судебного Следователя А.Н. Секавин, рассмотрев дело о восстании солдат 2-го полка 12 октября с.г. в г. Сухуме и принимая во внимание, что допрошенные сего числа в качестве обвиняемых солдаты 2-го полка: Т. Липартия, М. Торинава, Г. Чубинидзе, Н. Тодуа, Б. Бигвава, Л. Берая и задержанные М. Жвания, А. Мгеладзе и Е. Домения – данными, изложенными в постановлении о привлечении их в качестве обвиняемых и свидетельскими показаниями достаточно изобличаются в совершении преступления усмотренного ст.ст. 110 и 112 Военского Устава «О наказаниях», а также принимая во внимание силу улики, имеющихся против них, и тяжесть угрожающего им наказания, на основании 416-421 ст.ст. Уст. Уг. Суд., ПОСТАНОВИЛ: для обвиняемых по сему делу солдат 2-го полка 1) Трофима Васильевича Липартия, 2) Михаила Гутуева Торинава, 3) Георгия Алмаршанова Чубинидзе, 4) Ноя Каюсовича Тодуа, 5) Бахва Филлиповича Бигвава, 6) Лаврентия Игнатьевича Берая и задержанных: 7) Исаака Евтимовича Жвания, 8) Александра Семеновича Мгеладзе и 9) Ермолая Константиновича Домения – мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражею при Сухумской тюрьме. Настоящее постановление и порядок его обжалования обвиняемым объявлен. Подписал и. об. Суд. Следователя при Сухумском Окружном Суде А. Секавин. Д. № 39 1919 г. Верно. И. об. Суд. следователя А. Секавин. Копия настоящего постановления препровождается Прокурору Сухумского Окружного Суда. Октября 21 дня. 1919 г. № 299

И. об. Суд: следователя А. Секавин.

Верно: Секретарь – подпись

ЦГАОР Груз. ССР, ф. 142, д. 421. л.19.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9.

Кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС,
Первому секретарю ЦК Компартии Грузии
Тов. В.П. МЖАВАНАДЗЕ

Коммунистическая партия никому не позволяет посягать на великие и священные завоевания Октябрьской революции.

Так, после июльского (1953г.) Пленума ЦК КПСС, благодаря принятым ЦК КПСС и ЦК КП Грузии мерам, в Абхазской АССР была проведена и проводится большая работа по ликвидации грубых нарушений советской национальной политики.

Однако дальнейшему укреплению и развитию такой благоприятной атмосферы мешают рецидивы националистической идеологии, проявляющиеся, в частности, в области освещения истории Абхазии.

За последнее время, вопреки осуществляемой политики и исторической правде, стали появляться в грузинской историографии разного рода сочинения, в которых, говоря словами передовой газеты «Комунисти» от 2 июня 1957 года, «неверно трактуются коренные вопросы исторического прошлого абхазского народа».

Здесь нельзя не вспомнить Ваших справедливых слов, сказанных в речи на собрании избирателей Заводского избирательного округа № 2 г. Тбилиси от 18 марта 1967 года, о том, что «находятся у нас еще люди, которые бесцеремонно обращаются с историей, произвольно, по своему хотению выворачивая ее наизнанку и вкладывая в известные исторические факты и события угодное им содержание, подобно тому, как выворачивают козлиную шкуру: то шерстью внутрь – тогда это бурдюк для вина, то шерстью наружу – тогда это сума, в которой можно перетаскивать лобию или что-либо другое. А есть и такие, что пытаются уместить и то и другое. Но, думается, что с историей не следует обращаться столь вольно».

В этом отношении особое возмущение в свое время вызвало появление лженаучной и тенденциозной книги П. Ингорквва «Гиорги Мерчуле», которая была подвергнута справедливой резкой критике как специалистами, так ЦК КП Грузии и его органом газ. «Комунисти» в передовой статье «За марксистско-ленинскую разработку истории». В последней говорится, что книга П. Ингорквва страдает серьезными

ошибками, автор «придерживается ошибочной концепции о происхождении абхазского народа», «имеющего свою многовековую историю... В жестокой борьбе против иноземных захватчиков абхазский народ бок о бок с грузинским народом отстоял свой язык, свою самобытную культуру. После установления Советской власти, в результате осуществления ленинской национальной политики, абхазский народ обрел свободу, свою государственность, а его многовековая культура на качественно новой основе расцвела как культура национальная по форме, социалистическая по содержанию. Это неопровержимый факт».

Газета «Коммунисти» подчеркивала, что публикация и пропаганда подобных материалов «наносит большой вред делу коммунистического воспитания трудящихся, укреплению братской дружбы между народами и способствует различного рода националистическим проявлениям».

Казалось бы после всего этого все ясно. Однако, как это ни странно, осужденные «националистические проявления» все еще продолжаются.

В работах некоторых грузинских историков и филологов, вопреки исторической действительности, по существу отрицается этническая и культурно-историческая самобытность абхазского народа, его история полностью растворяется в истории Грузии, почти всем памятникам на территории Абхазии, в том числе топонимическим названиям, приписывается грузинское происхождение, а абхазские деятели, которые когда-либо стремились к самостоятельности Абхазии, квалифицируются как реакционеры и предатели.

Сошлемся на некоторые свежие факты.

1. Прежде всего, о статье («заметке») акад. Н. Бердзенишвили с претенциозным названием «Маленькое замечание по большому вопросу», которая была написана еще 1950 году по предложению тогдашних гореруководителей Абхазии, осуществлявших, как известно, бериевскую ассимиляторскую политику. Она была подготовлена для издания в «Трудах» Абхазского института выпуска 1953 года, чему помешало разоблачение Берия и его приспешников. Но то, что оказалось невозможным в 1953 году, как это ни парадоксально, удалось осуществить в настоящее время. Она появилось в третьем томе трудов покойного академика, вышедшем под редакцией Б. Ломинадзе в 1966 году.

Многое удивляет и возмущает в этой статье. Прежде всего, почему так было необходимо издание сейчас этой вредной статьи?

Сущность статьи сводится, говоря словами самого автора, к тому, что «сегодня даже приходится доказывать, что абхазы, месхи (шавш-

клардж-гаойцы), лазы, аджарцы, кобулетцы, ингилойцы – это грузины» (их «грузинство»).

А в связи с «оценкой» деятельности абхазского владельца Келешбея Бердзенишвили высказывает совершенно непонятную в устах советского ученого мысль о том, что, как сказано выше, всякое стремление к самостоятельности со стороны деятелей абхазской истории следует квалифицировать как явление реакционное и предательство по отношению к Грузии.

Мы уже не говорим о других методологических пороках статьи, в частности, по вопросам присоединения к России, роли отдельных грузинских царей и т.д.

В свете изложенного становится ясным значение слов Н. Бердзенишвили, которые содержатся в другой его статье – «В Абхазии (Из дневника руководителя экспедиции 1951 года)» (т. I, Тбилиси, 1964), где он писал, что возглавляемая им научная экспедиция «должна решить задачу особой важности – задачу политического значения. Этого ждут от нас» (стр. 289).

Следует также сказать, что Н. Бердзенишвили, невзирая на предостережения газеты «Комунисти», не только не подвергает критике антинаучную концепцию П. Ингоркова, а напротив, берет ее под свою защиту, объявив книгу автора «достойным внимания исследованием» истории Абхазии.

2. Во втором томе свода исторических источников, изданных проф. С. Каухчишвили под названием «Георгика» (Тбилиси, 1965 г.) исконные древние города Абхазии Себастополь (Сухум) и Питиунт называются «населенными пунктами лазов» (стр. 97), а в шестом томе того же издания (1966г) известное древнеабхазское племя абазгов, по примеру П. Ингоркова, безапелляционно объявляется одним «из грузинских племен, населявших Западную Грузию (колхи, лазы, абазги, гениохи, саниги...)). Следовательно, под названием «абазгов» надо подразумевать «картвелеби» (стр. 29). Кстати, проф. Каухчишвили относится к числу тех ученых, которые в свое время рьяно взяли под защиту неверную концепцию П. Ингоркова, а ныне, как видно из приведенных выше фактов, продолжают развивать ее.

3. Некоторые археологи, в работах которых Абхазия именуется не иначе как Западная Грузия или Грузинское черноморское побережье, а древние города Сухум, Пицунда, Гюэнос и другие – грузинскими городами и населенными пунктами, даже известный абхазский виноградный сорт

«Качич» («акачич») относят к «древнейшему сорту грузинского винограда». (См. А.М. Апакидзе, О. Д. Лорткипанидзе. «Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1959 г.», Тбилиси, 1960, стр. 41).

4. Н. Кечакмадзе в работе «Флавий Арриан» (Тбилиси, 1961 г.) пишет, что «прибрежная часть Западной Грузии была населена полностью грузинскими племенами» (стр. 12).

5. З. Чумбуридзе в брошюре «Как тебя зовут?» (Тбилиси, 1966 г.) почти всем топонимическим названиям Абхазии, о которых там идет речь, приписывает грузинское происхождение. Например: Ачандара (стр. 47-48), Пицунда (стр. 53-54), Гали (стр. 55), Сухуми (стр. 95), Ткварчели (стр. 99), Цебельда (стр.11), Очамчира (стр.85) и др.: Сухум – грузинский город (стр.43).

Подобные тенденциозные ненаучные концепции и фальсификации истории и культуры абхазского народа содержатся и в некоторых других работах. Вместе с тем обращает внимание и то обстоятельство, что в учебных пособиях по истории и географии Грузии истории абхазского народа почти не уделяется места, или допускается необъективное, произвольное освещение.

Как известно, в настоящее время издается многотомник сочинений П. Ингорква. И будет очень досадно, если в это собрание войдет, наделавшая в свое время много шума, ошибочная работа автора о происхождении абхазов.

В заключение считаем нужным поставить Вас в известность, что указанные выше вопиющие факты, которые не способствуют укреплению дружбы между нашими народами, создали у нас нежелательную обстановку.

Вместе с тем у нас возникают и другие назревшие, на наш взгляд, вопросы, связанные с развитием экономики, культуры Абхазской республики, о которых нами будет доложено при личной встрече с Вами.

Без подписи и даты.

Редакционные правки
внесены Г.А. Дзидзария.
Из его личного архива.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10.

ПРОЦЕССЫ...

По неполным данным, с июля 1937 г. по ноябрь 1938 г. в маленькой Абхазии были репрессированы 2186 человек: расстреляно 748, бесследно исчезли в тюрьмах - 377, многие нашли свой конец в лагерях.

Характерной особенностью, проводимых в Абхазии репрессий, был отъявленный шовинизм Берия, выразившийся в самых уродливых формах. Наиболее показателен в этом смысле сухумский процесс 30 октября - 3 ноября 1937 г. - единственное публичное судилище в Абхазии, организованное по примеру московских процессов. В эти дни 13 человек - М. Чалмаз, М. Лакоба, К. Инал-Ипа, Д. Джергения, В. Лакоба, В. Ладария, А. Энгелов, С. Туркия, П. Сейсян, М. Кишмария, С. Эбжноу, Х. Чанба, К. Ахуба - предстали перед бериевским судебным спектаклем в гостеатре Абхазии. Это были бывшие наркомы, партийные, советские работники. Десять из них представляли абхазов и трое - грек, армянин, грузин. Они обвинялись в том, что якобы входили «в диверсионно-террористическую группу обер-бандита Лакоба, готовившего, покушение на вождя народов Сталина». В ночь на 4-е ноября, накануне 20-летнего юбилея Октября, десять из тринадцати человек были расстреляны.

Слой за слоем снимался и цвет абхазского крестьянства - опора народа. Только в селе Блабурхва погибли 19 мужчин из рода Барцыц у которых не раз гостил Сталин... А в наиболее пострадавшем соседнем селе Калдахвара уничтожили 11 мужчин по фамилии Ампар.

Беспощадный удар был нанесен и по представителям абхазской интеллигенции. После кровавой вакханалии 1937-го года в живых оставалась лишь небольшая ее группа. Однако в августе-сентябре 1941 г. по Абхазии прокатилась новая волна репрессий. В этот период были арестованы 20 человек (18 абхазов, 1 грузин и 1 немец). Вот их имена - Зосим Иосифович Кобахия, Владимир Мурзаканович Маргания, Зосим Васильевич Агрба, Симон Петрович Басария, Михаил Иванович Тарнава, Николай Соломонович Патеипа, Ражден Иванович Какуба, Виктор Дмитриевич Патеипа, Семен Гедлачевич Дбар, Петр Григорьевич Хварцкия, Тарас Владимирович Маргания, Владимир Дмитриевич Патеипа, Калистрат Павлович Тарнава, Герасим

Алексеевич Киласония, Карл Георгиевич Вебер, Антип Михайлович Марганадзе, Иван Семенович Мушба, Константин Алексеевич Габлия, Платон Широнович Кутарба, Александр Мурзаканович Чачибая. Они обвинялись НКВД Абхазской АССР в том, что якобы в 1941 г. «являлись активными членами контрреволюционной национал- социалистической организации, ставившей своей конечной целью захват власти на территории Абхазии в свои руки, при непосредственной помощи германских вооруженных сил».

Среди этой группы абхазской интеллигенции были видные юристы, инженеры, деятели науки, культуры, искусства. В результате грубейшей фальсификации 16 из них были приговорены к смертной казни. Так, уже 22 декабря 1941 г. были расстреляны З. И. Кобахия, З. В. Агрба, В. М. Маргания, В. Д. Патеипа, М. И. Тарнава, Н. С. Патеипа, Т. В. Маргания, К. А. Габлия, С. Г. Дбар, а 27 июня 1942 г. - С. П. Басария, К. П. Тарнава, К. Г. Вебер, Г. А. Киласония, П. Ш. Кутарба, П. Г. Хварцкия. Кроме того, Р.И. Какуба, А. М. Марганадзе, И. С. Мушба были осуждены к различным срокам заключения, а А. М. Чачибая скончался от побоев в драндской тюремной больнице.

После специального расследования, проведенного по этому делу в конце 50-х годов, выяснилось, что все осужденные стали жертвами произвола. Один из свидетелей М.И. Сабашвили в связи с этим показывал в 1959 году: «С 1933 года я работал на советской и партийной работе в Гудаутском и Сухумском районах Абхазии. В 1940 году и во время Отечественной войны я работал заведующим отделом Гудаутского райкома КП Грузии. Мне известно, что летом 1941 года органами НКВД Абхазской АССР была арестована большая группа ответственных работников, по национальности абхазцев, которые якобы создали антисоветскую организацию и готовились встретить немецкие войска на территории Абхазии. Из числа арестованных этой группы я хорошо знал по совместной работе, и как выходцев из Гудаутского района, где родился и длительное время проживал, Кобахия Зосима, Маргания Владимира, Тарнава Михаила, Патеипа Николая, Маргания Тараса, Агрба Зосима, Киласония Герасима, Тарнава Калистрата, Мушба Ивана, Басария Симона, Чачибая Александра, Марганадзе Антипа и Патеипа Владимира. Всех перечисленных лиц я знаю как представителей абхазской интеллигенции, преданных советской власти, честно относившихся к работе.

За весь период я никогда не слышал от них каких-либо антисоветских высказываний. Считаю, что дело по обвинению

Кобахия, Патейпа, Тарнава и других лиц было сфальсифицировано ставленником Берия в Абхазии, бывшим наркомом госбезопасности Гагуа с целью скомпрометировать абхазскую нацию и выселить абхазцев из своей республики.

Однажды в 1942 году Гагуа в моем присутствии, в кабинете первого секретаря Гудаутского райкома партии Кокая заявил, что чем больше он уничтожит абхазских кадров, будет лучше и за это в награду получит ордена.

В этом же году Гагуа, находясь в Гудаутском районе для организации поимки экипажа немецкого самолета, совершившего вынужденную посадку в селе Звандрипш, упрекал секретаря райкома Кокая, что немецкие летчики укрываются при помощи абхазцев. Он говорил, что Гудаутский район неблагонадежный, т.к. в нем проживают в основном абхазцы, и что бывшие руководители Абхазской АССР Нестор Лакоба и другие являлись выходцами из Гудаутского района».

Без подписи и даты.

Из личного архива Г.А. Дзидзария.

ПРИЛОЖЕНИЕ №11

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ 25 ЛЕТ

Разве это так просто - выделить в памяти только одного достойного человека из сотен тех замечательных советских рабочих, учителей, выдающихся руководителей и ученых, которых я повстречал на своем жизненном пути? Но одного из них по имени Шота Дзидзария с кем я вместе учился в Московском институте Истории, Философии и Литературы и с кем долгое время жил в одной комнате, я никогда не забуду.

Мы провели вместе 5 лет в одной комнате студенческого общежития, получая государственную стипендию.

Хотя русские, как правило, по росту высокие люди, но Шота был намного выше нас. Родился он в одной из горных деревень на Кавказе /Абхазская АССР/.

Если Шота не был в нашей комнате, то его обязательно можно была найти в двух местах. Во-первых, в институтской библиотеке и, во-вторых, в парке «Сокольники», и в обоих местах он был всегда за книгой.

Прошло 25 лет. Образ Шоты уже начинал стираться в моей памяти. В то время я только что вернулся из Канады. Один из моих московских друзей пригласил меня пообедать в ресторане «Прага». Когда я выходил из машины, мое внимание привлекла фигура высокого человека. Его лицо было мне знакомо. Неожиданно, подойдя ко мне вплотную, и широко расставив руки, этот человек заключил меня в свои объятия. Я чуть не задохнулся от его крепких объятий.

«Каверин, не узнаешь меня», - услышал я знакомый голос и очень обрадовался. Да, это был Шота. Мы отметили нашу новую встречу как-то особенно весело и оживлено. Внимательно слушая своих собеседников, сам он много не говорил. Я почувствовал, что характер Шоты несколько не изменился.

Кем же стал Шота, которого я встретил так много лет спустя? Он стал доктором исторических наук и Директором Научно-исследовательского института. Он был избран депутатом Верховного Совета СССР. Большие успехи и высокое положение портят некоторых людей. Но Шота остался по характеру таким же добрым и человечным.

Когда закончился обед, он пригласил меня к себе в номер гостиницы. И мы пошли пешком по ночным улицам, вспоминая свои далекие студенческие годы. Образ этого человека навсегда останется в моей памяти.

интервью записано со слов автора
Г.И. КАВЕРИН,
Генеральный консул СССР в Мадрасе.

28. 11. 1970 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 12

О НЕОБХОДИМОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СУХУМСКОЙ БУХТЫ

Подводная археология – неисчерпаемый кладезь для всякого, кто, чувствуя кровное родство с историей своей родины, хочет внести в ее

хроники несколько новых строк, восстановить утраченные страницы. Порою, молодые энтузиасты подводных исследований бывают огорчены тем, что море надежно хранит свои тайны, что не так-то легко обнаружить занесенный илом или песком старинный корабль. Но разве затонувшие триеры, галеры, фрегаты, клипера – единственные сокровища «подводных кладовых»?

Существует гипотеза, по которой в глубокой древности многих морских заливов и проливов вообще не было (например, Гибралтара, Па-де-Кале, Адриатического и Эгейского морей). Можно не сомневаться, что эти обширные пространства некогда были заселены. Следовательно, морское дно и поныне скрывает следы материальной культуры наших пращуров. Находят же, к примеру, в заливах Балтийского моря неолитические янтарные украшения – своеобразные «послания» из седой древности в наши времена.

А затопленные морем поселения и городища! Каждый раз, когда я прохожу по набережной Сухума, я невольно вспоминаю о судьбе Диоскурии. Подумать только: где-то здесь, рядом, буквально в нескольких десятках метров волны медленно катятся над безмолвным городом, над башнями его и бассейнами, жилищами и могилами, погруженными в толстый слой ила. Вот где раздолье для аквалангистов, историков, археологов!

Начиная с 1962 года Абхазский Совет Грузинского Общества Охраны памятников культуры организует разведывательные экспедиции в нескольких районах Сухумской бухты и побережья, привлекая спортсменов-аквалангистов. Думается, что это важное начинание следует всемерно поддерживать. Наш Институт всегда готов оказать необходимую помощь квалифицированными консультациями.

И последнее. Техника подводного плавания непрерывно совершенствуется. Почему бы не сделать Сухумскую бухту своеобразным «полигоном» для испытания новых видов подводного снаряжения, для тренировки спортсменов-аквалангистов? Разве не заманчиво, отрабатывать те или иные приемы и «попутно» найти амфору или осколок плиты с таинственными письменами, обогатить наши музеи новыми экспонатами?

...Море неумолимо наступает на берег. Еще живы в моем городе старики, которые помнят, как в конце прошлого века солдаты проводили учебные стрельбы на берегу, целясь в развалины старинной Сухумской

крепости. Теперь у стен крепости вздымаются пенные буруны. Но если море наступает, если над античной Диоскурией медленно растет давящий столб воды, человек не должен медлить, отвоевывая у стихии то, что ему когда-то принадлежало по праву.

Г.А. Дзидзария, доктор исторических наук,
профессор, заслуженный деятель
науки Грузинской ССР,
директор Абхазского НИИ
имени Д.И. Гулиа, АН Грузинской ССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 13

№ 491

26 октября 1979 г.

384901, Сухуми-1, ул. Чочуа, д. 4, кв. 1. Г. А. Дзидзария

Глубокоуважаемый Георгий Алексеевич!

Нам очень хотелось напечатать Ваш материал «Человек удивительной судьбы». К сожалению, редколлегия не санкционировала его публикацию, учитывая характер факта, о котором идет речь, а также то, что Вы уже известили о нем читателей в местной печати. Надеемся, что Вы поймете нас правильно, и Ваше благожелательное отношение к журналу останется неизменным

С наилучшими пожеланиями,

Заместитель главного редактора журнала "Вопросы истории"
И. В. Созин

ПРИЛОЖЕНИЕ № 14

№ 573

12 декабря 1979 г.

384901, Сухуми -1, ул. Чочуа,

д.4, кв.1, чл.-корр. АН Груз ССР

Г. А. Дзидзария.

Глубокоуважаемый Георгий Алексеевич!

При обсуждении редакционной коллегией Вашей заметки «Человек удивительной судьбы» были высказаны следующие замечания:

1. Как соотносить тот общеизвестный факт, что в Турции, которая душила, угнетала поработенные ею народы, один из трех братьев, о которых идет речь, сделал столь феерическую карьеру.

2. Создается впечатление, что фигура Хайрадина привлекла внимание только потому, что упомянутые три брата происходили «из племени абхазов». Прямых же доказательств, что Хайрадин был по рождению абхазцем, в рукописи нет.

3. Рукопись вызывает также сомнения в смысле точности изложения фактов (например, стр. 4. Представительное собрание (парламент) Туниса по конституции 1861 г. именовался Верховным (а не Высшим) советом; стр. 6. - основной труд Хайрадина назывался не «Внешний путь познания», а «Самый верный», или точнее «Самый лучший путь знания о положении стран»; стр. 6-7 - содержание этого труда сильно упрощено; стр. 7 - Хайрадин выезжал во Францию не «посланником» (дипломатический ранг), а уполномоченным бея, путано и неясно изложены здесь отношения Турции и Туниса; стр. 11 – неточно о расхождении Хайрадина и Абдул-Хамида II; и т.п.).

С наилучшими пожеланиями,

Заместитель главного редактора И. В. Созин

P.S. Ваше письмо главный редактор прочитал, как и данный ответ, и просил заверить Вас в готовности редакции к дальнейшему сотрудничеству с Вами.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 15

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ К СПРАВОЧНОМУ ЮБИЛЕЙНОМУ ТОМУ ГСЭ ГРУЗИНСКАЯ ССР

1. В рукопись член-корр. АН ГССР М.Д. Лордкипанидзе «Грузия в IV-X веках» считаем нужным внести следующие поправки:

а) На стр. 17 читаем: «В VII в. в Зап. Грузии усиливается Абх. эриставство...». Нам кажется, что к данному периоду еще рано распространять понятие «Зап. Грузия» на территории, заселенную абхазами.

б) будет также не совсем правильным писать по-русски слово «Абхазское эриставство», а правильное «Абхазское княжество», оно лучше и точнее передает сущность этой политической единицы.

в) на этой же странице - фразу «Абхазские эриставы хорошо используют арабо-византийские противоречия...» лучше изложить так: «Абхазские князья хорошо использовали арабо-византийские противоречия. Абхазский князь Леон II с помощью хазар освобождается от византийской зависимости и осуществляет объединение всей Зап. Грузии...». Вообще везде в тексте «Абхазское эриставство» следует заменить на «Абхазское княжество».

По тексту самой энциклопедии:

2. На стр. 5 от редакции сказано: «Книга знакомит читателя с выдающимися успехами грузинского народа». На наш взгляд, следует добавить «и всех трудящихся Грузинской ССР».

3. Было бы желательно, рисунки, касающиеся Абхазской АССР, расположенные между страницами 272 и 273, перенести к разделу «Абхазская АССР».

4. Карта «Абхазская АССР», «Экономическая карта» и т.д., помещенные между страницами 256, 257, должны быть перенесены в раздел, касающийся Абхазской АССР.

5. Между страницами 8 и 10 помещены фотографии герба, флага и орденов, которыми награждена Грузинская ССР. Было бы хорошо и в главе «Абхазская АССР» дать такие иллюстрации.

6. На карте «Грузия в I-IV вв. н.э.» (стр. 54) написано «Абасги Лазское», правильно ли?

7. На стр. 73-74 имеются гербы царств и княжеств Грузии, а абхазского нет.

8. В разделе «Абхазская АССР» желательно дать групповой снимок абхазских писателей (Гулиа, Чанба и др.), как это сделано в других частях книги.

9. На стр. 321 надпись на рисунке «Вистария китайская», надо писать «Вистерия китайская».

10. На картах (стр. 51, 54, 64 и др. местах) названия «Диоскурия – Себастополис, Цхуми – Сухуми». А древнее и настоящее абхазское название «Акуа» нигде не упоминается, а следовало бы дать это древнейшее самоназвание города Сухум.

11. На карте «Археологические памятники» село Анухва и Афон оказались после Эшеры. Анухва и Афон должны быть после Куланурхва, а затем Чабанлук, Афон, Анухва, Эшера и т.д.

12. На стр. 97. На политико-административной карте Грузинской ССР не указаны границы Абхазской АССР.

13. Там же. Буквенные обозначения Абхазской АССР по своим координатам охватывают лишь три района (Гульрипшский, Сухумский и Гудаутский).

14. На стр. 47. При характеристике памятников первобытной культуры опущены: стоянка Парчанда, Куабчара (Куачара), Холодный грот и др.

15. стр. 48. По тексту не видна этническая принадлежность Западно-Закавказской археологической культуры. Между тем, в трудах Г.А. Меликишвили, И.М. Дьяконова, О.М. Джапаридзе, А.А. Формозова, Р.М. Мунчаева, З.В. Анчабадзе, Ш.Д. Инал-ипа, В.В. Бжания, И.И. Цвинария, Г.К. Шамба и др. проводится мысль о том, что создателями этой культуры являлись хатто-абхазо-адыгские племена. Сюда же не вошли такие первоклассные памятники, как дольмены Азанта, Эшера, Отхара, кромлехи из с. Эшера, поселения Мачара, Гумиста, Гуандра, Гуадику и др.

16. На стр. 49-50. Согласно тексту получается, что создателями позднебронзовой колхидской культуры являлись только грузинские племена. При этом не учитываются положения таких ученых, как М.М. Трапш, З.В. Анчабадзе, Ш.Д. Инал-ипа, а также данные целого ряда письменных источников (Псевдо-Скилак Карианский, Помпоний Мела, Арриан), в которых засвидетельствован факт проживания на этой территории абхазо-адыгского этнического массива. О чем свидетельствуют и данные топонимики (Афипс, Супса, Апсар, Акампис и др.).

17. На стр. 52. По тексту получается, что в V-IV вв. до н.э. в Колхиде проживали только чано-лазские и сванские племена. А где же проживали древнеабхазские племена?

18. На стр. 53. Пишется, что племя соанов Страбона являлось сванским и проживало над Диоскуриадой (Сухумом). Если действительно это так, то чем объяснить, что буквально через 50-100 лет древние авторы (Плиний, Арриан и др.) на этой территории локализуют такие крупные племена, как апсилы, абазги, саниги, которых считают аборигенным населением?

19. На стр. 56. Считаю необоснованным предположение о сванском происхождении миссимиан. Этому противоречит указание Агафия о том, что миссимиане не только соседствуют с апсилами, но они по языку и культуре близки к ним. Об этом же говорит общность археологической культуры всего Кодорского ущелья в эпоху поздней античности и раннего средневековья.

20. Не все замеченные ошибки и опечатки, сделанные Вами во вкладыше, внесены в данный справочный том.

21. Следует вообще тщательно продумать, как давать топонимические названия на исторических картах. По-видимому, следует наряду с названием упоминаемым источником, давать хотя бы в скобках и самоназвание того или иного пункта. Например, на карте «Грузинское государство к началу XIII в.». И даже на карте «Грузия во второй половине XVIII в.» река Бзыбь названа «Капоетисцкали». Это относится также и к названию Зупи (Лыхны) и т.д.

Без подписи и даты.

Из личного архива Г.А. Дзидзария.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 16

В РЕДАКЦИЮ ГСЭ

Статья о джиках в ГСЭ, на наш взгляд, нуждается в следующих уточнениях:

1. Локализация джиков в Сарматии не соответствует действительности. По античным источникам они всегда жили на побережье Черного моря.

2. Нужно указать их название и в античных источниках (зихи, зиги).
3. Переселение керкетов под натиском джиков во внутреннюю Колхиду маловероятно.
4. Сведения Страбона, приводимые автором, меньше всего касаются джиков.
5. Положение о том, что в I в. соседями джиков стали абазги не подтверждается.
6. Утверждение о покорении Вахтангом Горгасали Джикетии и присоединении ее к Грузии, основанное на сообщении Джуаншера, вряд ли имеет реальную почву. (Леван Даддани жил не в XVIII в., а в XVII в. Это, видимо, опечатка).
7. Поскольку в XVIII в. Абхазия находилась в зависимости от Турции, последней, естественно, незачем было отрывать Джикетию от нее.
8. Следует отметить, что этнонимы «садзы» и «джики» в XIX в. выступают как синонимы: садзы (потомки санигов античных источников), как известно, являются одним из абхазских племен. Необходимо также указать их поголовное выселение в Турцию в 60-х годах XIX в.
9. Наконец, джиков-садзов следует представлять не как племя адыго-абхазского происхождения, как это сказано в начале статьи, а именно как абхазское.

Без подписи и даты.

Из личного архива Г.А. Дзидзария.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 17

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Дзидзария Георгий Алексеевич, родился 23 апреля (6 мая) 1914 года в селе Лыхны Гудаутского района Абхазской АССР, в абхазской крестьянской семье. В 1924-1929 годах учился в Гудаутском детском доме-интернате, а в 1929-1934 годах - в Сухумской абхазской образцовой средней школе им. Н.А. Лакоба. После окончания школы поступил в Московский институт истории, философии и литературы

(МИФЛИ), который окончил в 1939 году. Здесь мне довелось учиться у таких виднейших русских историков, как Ю. В. Готье, Е. А. Косминский, М. Н. Тихомиров, С.В. Бахрушин, И. И. Минц и др., которые сыграли большую роль в моем формировании как историка.

Трудовую деятельность начал еще в студенческие годы: в 1936-1938 годах преподавал историю в 376 школе г. Москвы. С сентября 1939 года по сентябрь 1953 года работал в Абхазском научно-исследовательском институте им. акад. Н. Я. Марра Грузфилиала АН СССР (с 1950 года - Абхазский институт языка, литературы и истории АН Грузинской ССР) сперва младшим, затем старшим научным сотрудником. С сентября 1953 года по ноябрь 1957 года был зам. директора Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР.

Одновременно с сентября 1939 года по сентябрь 1949 года читал курс лекций по истории СССР в Сухумском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького. С ноября 1957 года по июль 1966 года был ректором этого института. С 1955 года по настоящее время читаю курс лекций по истории Абхазии XIX - нач. XX в. и руковожу дипломантами. В 1971 году курс лекций по истории Абхазии читал и в Тбилисском государственном университете. С 1958 года руковожу аспирантами и соискателями.

В 1946 году защитил диссертацию на ученую степень кандидата исторических наук; в мае 1947 года утвержден в ученном звании доцента по кафедре истории СССР, а в июне 1950 года - в ученном звании старшего научного сотрудника по специальности «История СССР XIX-XXвв». В 1958 году защитил диссертацию на ученую степень доктора исторических наук. В 1960 году утвержден в ученном звании профессора по кафедре истории СССР. 4 марта 1961 года присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Грузинской ССР, а 26 апреля 1964 года - Абхазской АССР, Лауреат Государственной премии Грузинской ССР в области науки и техники 1979 года и Государственной премии Абхазской АССР им. Д. И. Гулиа 1980 года.

Автор более 400 печатных работ, из них около 150 научных трудов (книг, статей, публикаций и др.), в том числе около 50 монографий, сборников и брошюр. Под моим научным руководством, при моей консультации и непосредственном участии в качестве официального оппонента подготовлено и защищено свыше 20 докторских и кандидатских диссертаций.

Моему научному росту способствовал и С. Н. Джанашиа, Г. В. Хачапуридзе и Ш.К.Чхетия и другие видные ученые-историки.

В пионерской организации состоял с 1924 года, в комсомольской - с 1930 по 1939 год. Член КПСС с сентября 1940 года. Депутат Верховного Совета СССР VI, VII, VIII созывов. Делегат XXVI съезда КПСС и XVIII-XXVI съездов Компартии Грузии. Член Абхазского обкома КП Грузии с 1958 года. Депутат Верховного Совета Абхазской АССР IV, V, IX, X созывов. С апреля 1957 года по март 1959 года - заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Абхазской АССР. Председатель Верховного Совета Абхазской АССР V, IX, X созывов. Член Правления Всесоюзного общества «Знание». Председатель Правления Абхазской организации Грузинского научного общества историков. Зам. председателя Государственной комиссии по унификации норм абхазского литературного языка при Совете Министров Абхазской АССР. Зам. председателя Комиссии Совета Министров Абхазской АССР по Государственным премиям Абхазской АССР имени Д. И. Гулиа. Кроме того, состою членом Совета по координации работы по дальнейшему развитию межнациональных взаимосвязей и интернациональному воспитанию трудящихся при ЦК КП Грузии, Главной редакции Грузинской советской энциклопедии, ученых Советов ряда организаций (АГУ и др.), редколлегии журнала «Алашара» и т.д.

Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени (2.IV.1966 г., 18.III.1976 г.), орденом Дружбы народов (20.IV.1984г.), медалями «За оборону Кавказа» (17.V.1945г.), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (14.VIII.1946г.), «За трудовую доблесть» (31.V. 1954г.), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И Ленина» (6.IV.1970г.), «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (7.V.1975г.), «Ветеран труда» (31.I.1984г.), «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1985г.). Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Грузинской ССР (14.VI.1982г.), Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Абхазской АССР (7.I.1966г.).

В Советской Армии не служил, снят с учета по гр. первой ст. За (приказ МВ СССР № 130, 1951 г.).

Мои родители: Отец - Алексей Аджигериевич, из крестьян, революционер - красный партизан (киаразовец) (ум. в 1918 г.);

Мать - Зиза Давидовна - колхозница (ум. в 1980 г.).

Ханшьа Гьаргь Зизариа инырцэыка итыц бымба тыцхааит, илашахаат инарцэымса.

Инижьыз ихшаара рыла итыц ихааза ишылашоу инхаат, итаацэара, итынхацэа, жэлари анцэагь иазхент рхэаанза, еицш хьаа шэумтан.

Тырқэтэы Амхацьыр Тенгьыз Бганба

Р. С. Сахшьа, сызкэахшоу Мзиа. Абри адышшылара шэкэы ицьабаамхозар итаацэа ркынза бцаны бысапхьар ибцьысьшоит.

Саргы ашэкэы зшит, аха хашэкэқэа зны-зынла ибжьазоит. Икалозар, ипхашьамзар изоуа сышэкэы рыкэымшэар азоуп хэа ибыдысцоит.

1988 ш.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 19

Протокол № 4 Заседания Абхазского обкома
от 11 апреля 1989 г.

Об увековечении памяти члена-корреспондента Академии наук
Грузинской ССР, профессора Г.А. ДЗИДЗАРИЯ

В целях увековечения памяти выдающегося советского ученого член-корреспондента Академии наук Грузинской ССР, лауреата Государственных премий Грузинской ССР и Абхазской АССР, заслуженного деятеля науки Грузинской ССР и Абхазской АССР, бывшего директора Абхазского института языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа АН ГССР, профессора Георгия Алексеевича Дзидзария, Абхазский обком КП Грузии постановляет:

1. Образовать комиссию по научному наследию Г.А. Дзидзария в следующем составе: Ардзинба В.Г. (председатель), Сагария Б.Е. (зам. председателя), Инал-ипа Ш. Д., Амичба Г.А., Лакоба С.З., Куправа А.Э., Жордания О.Н., Ломия К.Ш., Тария А.М.

2. Поручить комиссии по научному наследию Г.А. Дзидзария подготовить материалы для издания собрания сочинений Г.А. Дзидзария.

3. Абхазскому институту языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа АН ГССР издать сборник материалов и документов по истории Абхазии (XVIII-XIX вв.), подготовленный Г.А. Дзидзария .

4. Совету Министров Абхазской АССР решить вопрос сооружения в г. Сухум памятника профессору Г.А. Дзидзария

Секретарь Абхазского обкома
Компартии Грузии

Б. Адлеиба

ПРИЛОЖЕНИЕ № 20

СОВЕТ МИНИСТРОВ АБХАЗСКОЙ АССР ПОСТАНОВЛЕНИЕ

От 28 августа 1989 года № 233

Об увековечении памяти ДЗИДЗАРΙΑ Г.А.

Во исполнение постановления бюро Абхазского обкома КП Грузии от 30 марта 1989 года, Протокола № Б-4 «Об увековечении памяти член-корреспондента АН Грузинской ССР профессора Дзидзария Г.А.» Совет Министров Абхазской АССР постановляет:

1. Исполкому Сухумского горсовета народных депутатов:

– соорудить памятник в гор. Сухум видному абхазскому ученому Г.А. Дзидзария;

– присвоить одной из улиц гор. Сухум имя Георгия Дзидзария;

– установить мемориальную доску в Абхазском институте языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа, где в течение 30 лет проработал Дзидзария Г.А.;

2. Ректору Абхазского государственного университета имени А.М. Горького учредить (одну) ежегодную стипендию имени Г.А. Дзидзария на историческом факультете.

3. Исполкому Сухумского городского Совета народных депутатов, Союзу художников Абхазской АССР, Союзу писателей Абхазской АССР, Госстрою Абхазской АССР, Абхазской организации Союза архитекторов Грузии рассмотреть и решить в соответствии с существующим положением, вопросы связанные с подбором места, разработкой и установкой памятника и обеспечить высокий идейно-художественный уровень его исполнения.

4. Указанный памятник соорудить за счет средств превышения доходов над расходами по республиканскому бюджету Абхазской АССР.

5. Принять к сведению, что вышеуказанным постановлением Абхазского обкома КП Грузии образована комиссия по научному наследию Дзидзария Г.А. и поручено ей подготовить материалы для издания сборника его сочинений, а Абхазскому институту языка, литературы и истории им. Д. Гулиа АН Грузинской ССР – издать сборник материалов и документов по истории (XVIII-XIX) Абхазии, подготовленный Дзидзария Г. А.

Председатель Совета Министров Абхазской АССР	Г. Анчабадзе
Управляющий Делами Совета Министров Абхазской АССР	Х. Джикия

ПРИЛОЖЕНИЕ № 21

Решение
исполкома Гудаутского райсовета народных депутатов

от 14 марта 1990г.

Об увековечении памяти ДЗИДЗАРΙΑ Г.А.

В целях увековечения памяти Дзидзария Г.А. – Советского ученого, члена-корреспондента Академии наук Грузинской ССР, лауреата Государственной премии Грузинской ССР и Абхазской АССР, заслуженного деятеля науки Грузинской ССР и Абхазской АССР, бывшего директора Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа АН ГССР, профессора Георгия Алексеевича Дзидзария исполком Гудаутского райсовета народных депутатов

РЕШИЛ:

1. Соорудить памятник на центральной усадьбе в с. Лыхны, на месте его захоронения, видному абхазскому ученому Г.А. Дзидзария.

2. Осуществить строительство дома-музея в с. Лыхны на участке, где родился и провел детские годы Г.А. Дзидзария и установить мемориальную доску.

3. Присвоить одной из улиц г. Гудаута имя Георгия Дзидзария.
4. Исполкому Гудаутского райсовета народных депутатов изыскать средства на сооружение памятника и строительства Дома-музея.
5. Тресту «Культбытремстрой» МНСМ СССР соорудить памятник, согласно проектно-сметной документации к 1 мая 1990г.
6. Гудаутскому МНО осуществить строительство дома-музея, согласно проектно-сметной документации до конца текущего года.
7. Контроль за исполнением данного решения возложить на зам. председателя исполкома тт. Барциц М.Х., Малия З.В. и главного архитектора т. Кокоскерия В.А.

Председатель исполкома
Гудаутского райсовета народных
депутатов

К.К. Озган

Секретарь исполкома
Гудаутского райсовета народных
депутатов

В.З. Хинтба

ПРИЛОЖЕНИЕ № 22

Указ Президента РА

Об учреждении Государственной премии Республики Абхазия имени Г. А. Дзидзария в области науки

В целях развития научного потенциала республики, стимулирования научно-исследовательской деятельности в области науки постановляю:

1. Учредить Государственную премию Республики Абхазия имени Г. А. Дзидзария в области науки.

2. Установить, что две Государственные премии Республики Абхазия имени Г. А. Дзидзария в области науки присуждаются один раз в три года в размере 500 долларов США каждая.

3. Кабинету Министров Республики Абхазия:

– разработать и утвердить Положение о Государственной премии Республики Абхазия имени Г. А. Дзидзария в области науки;

– создать Комиссию по Государственной премии Республики Абхазия имени Г. А. Дзидзария в области науки;

– предусмотреть в бюджете Республики Абхазия средства на выплату Государственной премии Республики Абхазия имени Г. А. Дзидзария в области науки.

В. Ардзинба
Президент Республики Абхазия

Г. Сухум.
27.04. 2004 г.

«Республика Абхазия», №48, 1-2 мая 2004 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выявлено Ш. Начкебия. Из домашнего архива проф. А. Э. Куправа.

² ЦГА Абхазской АССР, ф. 1, оп. 1, д. 2355, л.11.

Дзидзария Алексей Аджгериевич

Дзидзария Георгий Алексеевич – ученик 6 класса Сухумской абхазской средней школы.

Сухум. 1931 г.

*Георгий Дзидзария (стоит сзади) с членами семьи.
Гудаута. 1934 г.*

*Дзидзария Г. А. (в центре), Чичба Н. М.(слева),
Отырба А. Т. (справа).
Москва. 1936 г.*

*Студенты пятого курса МИФЛИ. Дзидзария Г.А. (стоит третий справа).
Москва. 1939 г.*

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК СССР Е. А. ЧУДЯКОВ
В ГРУППЕ НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ АБХАЗСКОГО НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА. 11 НОЯБРЯ 1940 Г.

Дзидзария Г. А. (стоит третий слева) Сухум. 1940 г.

Дзидзария Г. А. (стоит в центре) среди долгожителей – сказителей и сотрудников АбНИИ. Сухум. 1954 г.

Ректор Сухумского госпединститута Г. А. Дзидзария среди студентов. Сухум. 1961 г.

Дзидзария Г. А. с супругой Ольгой Герия и детьми Аннеттой, Астамуром, Гудисой и Адгуром. Сухум. 1954 г.

Дзидзария Г. А. с супругой. Ленинград. 1973 г.

Георгий Дзидзария (в центре), Бгажба Х.С. (слева) и Трапи М.М. (справа) после защиты докторской диссертации. Сухум. 1958 г.

*Дзидзария Г. А. (сидит пятый слева) среди сотрудников Абхазского института.
Сухум. 1974 г.*

*Дзидзария Г. А. ведет заседание Ученого совета Абхазского института.
Сухум. 1982 г.*

*Дзидзария Г. А. (в центре), Анчабадзе З. В. (справа),
Куправа А. Э. (слева) – авторы первого учебного пособия
«История Абхазии» за работой. Сухум. 1983 г.*

*Дзидзария Г. А. с киргизским писателем Т. Абдумануновым.
Греция. 1964 г.*

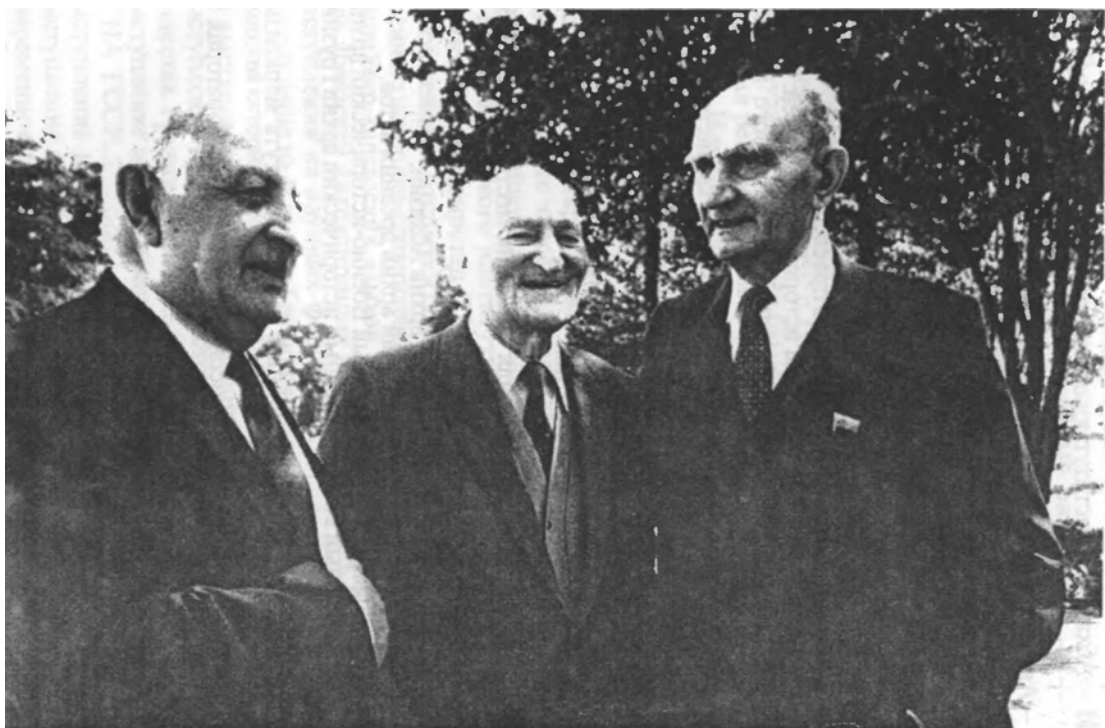
Дзидзария Г. А. (в центре), В.О. Кобахия (слева), Ю.Т. Квициния (справа) на седьмой сессии Верховного Совета СССР седьмого созыва. Москва. 1969 г.

Меликишвили Г. А. – директор института истории, археологии и этнографии АН ГССР, А. Л. Нарочницкий – директор Института истории СССР АН СССР, Дзидзария Г. А. – директор Абхазского института языка, литературы и истории им Д. И. Гулиа. Сухум. 1976 г.

Дзидзария Г.А. со своим дипломником Бжания В.В., Куправа А.Э. (слева) – зав. кафедрой АГУ. Сухум. 1985 г.

*Слева направо: Шинкуба Б. В., Шакрыл К. С., Дзидзария Г. А.
Сухум. 1988 г.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР – Архив внешней политики России.
АИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории им Д. И. Гулиа.
АКАК – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею.
БСЭ – Большая Советская энциклопедия.
ВДНХ – Выставка достижения народного хозяйства (Москва).
ВНИИЧиСК – Всесоюзный научно-исследовательский институт чаеводства и субтропических культур.
ВУА – Военно-ученый архив.
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗКОИРГО – Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества.
ЗКОСХ – Записки Кавказского общества сельского хозяйства.
ИКОРГО – Известия кавказского отдела Русского географического общества.
КС – Кавказский Сборник.
ПСЗРИ – Полный свод законов Российской Империи.
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция.
СИЭ – Советская историческая энциклопедия.
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
ССГК – Сборник сведений о кавказских горцах.
ЦГАА – Центральный Государственный архив Абхазии.
ЦГАДА – Центральный Государственный архив древних актов.
ЦГВИА – Центральный государственный Военно-исторический архив
ЦГИАГ – Центральный Государственный исторический архив Грузии
ЦГАГТ –
ЦПА ИМЛ – Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма.
ЦНИЛТЭ – Центральная научно-исследовательская лаборатория по туризму и экскурсиям.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о Г.А. Дзидзария	3
Раздел I. Неопубликованные научные работы.....	29
Завоевание Абхазии царской Россией.....	29
Абхазо-убыкский союз в освободительной борьбе на Западном Кавказе в первой половине XIX века	105
Об Илорском святилище.....	142
К истории работоторговли в Абхазии.....	149
Из прошлого Сухумского ботанического сада.....	174
Церковные крестьяне в предреформенной Абхазии.....	179
Против искажения исторической правды.....	181
Кавказ всегда имел связь с Грецией.....	186
Человек удивительной судьбы.....	189
Из истории революционных связей Абхазии и Аджарии.....	198
Раздел II. Научные доклады и выступления.....	200
Научные доклады.....	200
Выступление на объединенной научной сессии АН Азербайджанской ССР, АН Армянской ССР и АН Грузинской ССР, посвященной революции 1905-1907 гг.	200
Выступление на открытии Всесоюзной научной конфере- нции по проблеме эпоса народов Кавказа «Нарты»	205
Доклад на юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию Абхазского института.....	210
Абхазское махаджирство XIX столетия.....	220
Выступление на открытии седьмой региональной сессии по историко-сравнительному изучению ибирийско-кавказских языков	233
Роль абхазской интеллигенции в борьбе за власть Советов....	236
Выступления на научных форумах.....	246
Выступление на II съезде Грузинского научного общества истории, археологии, этнографии и фольклора.....	246
Из выступления на общем собрании АН ГССР.....	248
Выступление на IV съезде Исторического общества Грузии.....	251
Выступление на расширенном заседании Ученого Совета ЦГИА ГССР.....	257
Выступление на годичном собрании АН ГССР.....	261
Выступление на Боржомской встрече историков	264
Современное состояние и задачи изучения истории борьбы за Советскую власть и строительства социализма в Абхазии.....	268
Выступление на Боржомской встрече историков	273
Выступление на V съезде Исторического общества Грузии....	276

Выступление на годичном собрании АН ГССР.....	281
Выступление на научной сессии Института истории партии при ЦК КПГ	283
Выступления на траурных и торжественных мероприятиях.....	285
Речь на митинге, посвященном открытию памятника Н. А. Лакоба.....	285
Выступление на торжественном вечере, посвященном столетию Сухумской 10-й СШ им Н. А. Лакоба	286
Выступление на вечере-встрече с академиком М. Н. Тихомировым	290
Речь на траурном митинге на похоронах М. М. Трапш.....	291
Выступление на торжественном вечере, посвященном 80-летию со дня рождения Е. А. Эшба.....	294
Выступление, посвященное 100-летию со дня рождения Н. С. Джанашия.....	298
Выступление на вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Д. И. Гулиа.	299
Выступление на итоговой научной сессии АБНИИ, посвященной 100-летию со дня рождения И. А. Джавахишвили...	302
Выступление на открытии торжественного вечера в АБНИИ, посвященном 80-летию К. С. Шакрыл.....	303
Выступление на открытии научно-творческой конференции, посвященной 80-летию со дня рождения М. А. Лакербая (Лакрба).....	305
Речь на торжественном вечере, посвященном 80-летию со дня рождения А. А. Хашба.....	306
Речь на митинге, посвященном 90-летию со дня рождения Н. А. Лакоба	307
Выступление на траурном митинге на похоронах З. В. Анчабадзе....	309
Выступление на торжественном заседании, посвященном 110-летию со дня рождения Д. И. Гулиа.....	310
Тесные связи академика И. Н. Векуа с Абхазией.....	313
О народном образовании.....	317
Некоторые соображения о перестройке работы Сухумского госпединститута им. А. М. Горького.....	317
Выступление на совещании работников высшей школы Грузии.....	321
Выступления на форумах партийных организаций и советских органов	325
Выступление на собрании п/парторганизации АБНИИ	325
Выступление на собрании парторганизации АБНИИ	329
Выступление на Сухумской городской партийной конференции	331
Выступление на Пленуме Абхазского обкома КП Грузии.....	336

О грубейших нарушениях прав человека и народов.....	343
Выступление на XXIII Абхазской областной партконференции.....	347
Выступление на активе Сухумской городской партконференции.....	350
Из выступления депутата Верховного Совета Абхазии перед избирателями	355
Выступление на сессии Верховного Совета Абхазской АССР.....	357
Из выступления на Пленуме Абхазского обкома КП Грузии.....	360
Выступление на XXVI областной конференции Абхазской организации КПГ.....	362
Речь на конференции Абхазской организации КПГ.....	367
Речь на областном активе Абхазской парторганизации.....	371
Из выступления на областном партхозактиве.....	375
Выступление на XXIX областной конференции Абхазской организации КП Грузии.....	377
Выступление на XXXI конференции Абхазской организации КПГ....	384
Из выступления на Пленуме Абхазского обкома КП Грузии.....	389
Выступление на XXXII областной конференции Абхазской организации КП Грузии.....	392
Выступление на XXXV областной конференции Абхазской КП Грузии.....	394
Из выступления на Бюро Абхазского обкома.....	397
Из выступления на XXXVII областной конференции Абхазской организации КПГ.....	398
Раздел III. Загранпоездки.....	403
Греция сегодня.....	403
О поездке в Грецию	408
О поездке в Турцию.....	416
Впечатление о поездке в Индию и Пакистан.....	442
Раздел IV. Письма.....	464
Письма Г. А. Дзидзария.....	464
Дзидзария, Шинкуба Б. В., Шакрыл К. С. - Кузнецову А. А.....	464
Дзидзария - Мгеладзе А. И.....	471
Дзидзария - Мгеладзе А. И.....	474
Дзидзария, Шинкуба Б. В. - Мжаванадзе В. П.....	475
Дзидзария - Руденко Р. А.....	476
Дзидзария - Мжаванадзе В. П.....	478
Дзидзария - В ЦК КП Грузии	479
Дзидзария, Пилия Г. - Бгажба М. Т.	489
Дзидзария – Сехниашвили Э. А.....	490
Дзидзария – Метревели Р. В.....	492
Дзидзария – Абашидзе И. В.....	492

Дзидзария, Анчабадзе З. В. - В Абхазский обком компартии Грузии	495
Дзидзария, Анчабадзе З. В. - Харадзе Е. К.....	498
Дзидзария - Харадзе Е. К.....	498
Дзидзария – Абашидзе И. В.....	499
Дзидзария, Анчабадзе З. В. - В Абхазский обком компартии..	500
Дзидзария - В редакцию ГСЭ. О Мисимянах.....	501
Дзидзария – Метервели Р. В.....	501
Дзидзария – Метервели Р. В.....	502
Дзидзария - В Академию Наук СССР. В отделение исторических наук СССР.....	503
Дзидзария – Шинкуба Б. В.....	505
Письма к Г. А. Дзидзария.....	505
П. Грудачев. - Дзидзария.....	505
Ш. Чхетия – Дзидзария.....	507
И. Минц –Дзидзария	508
И. Минц – Дзидзария.....	509
Агафонов Н. С. - Дзидзария	510
Р. Метервели – Дзидзария.....	511
С. Торкар - Дзидзария	511
Т. Бганба - Дзидзария.....	512
Приложения.....	514
Приложение № 1. Выписка из протокола № 9.....	514
Приложение № 2. Требование освободить квартиру	514
Приложение № 3. Требование освободить квартиру	514
Приложение № 4. Из отчета кандидатов исторических наук Г. А. Дзидзария, П. К. Ратиани и И. Г. Антелава о научной конференции в Москву и Ленинград	515
Приложение № 5. Отчет о научной командировке в Краснодар.....	517
Приложение № 6. Отчет о командировке в Тбилиси	518
Приложение № 7. Отчет о проделанной научной работе.....	520
Приложение № 8. Постановление судебного следователя А. Н. Секавина.....	523
Приложение № 9. Письмо Первому секретарю ЦК КПГ Мжаванадзе В. П.	524
Приложение № 10. Процессы... ..	528
Приложение № 11. Встреча через 25 лет	530
Приложение № 12. О необходимости археологического исследования Сухумской бухты.....	531
Приложение № 13. Письмо заместителя главного редактора журнала «Вопросы истории».....	533
Приложение № 14. Письмо заместителя главного редактора журнала «Вопросы истории».....	534

Приложение № 15. Некоторые замечания и пожелания к справочному юбилейному тому ГСЭ «Грузинская ССР».....	535
Приложение № 16. В редакцию ГСЭ	537
Приложение № 17. Автобиография	538
Приложение № 18. Соболезнование от потомка махаджиров ..	541
Приложение № 19. Об увековечении памяти члена-корреспондента АН Грузинской ССР, профессора Г. А. Дзидзария. Постановление Абхазского обкома партии....	542
Приложение № 20. Об увековечении памяти Дзидзария Г. А. Постановление Совмина Абхазии.....	543
Приложение № 21. Об увековечении памяти Дзидзария Г.А. Постановление Гудаутского райсполкома.....	544
Приложение № 22. Указ Президента РА об учреждении Государственной премии РА им Г. А. Дзидзария в области науки.....	545
Фотоиллюстрации.....	547
Список сокращений	562

Гьаргь Алыкъса-ипа Зизариа

Аусумтақәа

Ахқатәи атом

Георгий Алексеевич Дзидзариа

Труды

Том третий

Корректор Клычева Л. З.

Технический редактор Куправа Т. А.

**Формат 60x 90/16. Тираж 1000
Физич. печ. лист. 35,5 Заказ № 201.**

**Отпечатано в ГПП «Дом печати»
Сухум, ул. Эшба, 168.**